

История антисемитизма. Эпоха знаний

Лев Поляков.

Фундаментальный труд знаменитого французско-го историка российского происхождения профессора Льва Полякова, автора многочисленных трудов по истории Холокоста и антисемитизма. Двухтомная монография посвящена истории антисемитизма от древнейших времен до середины XX столетия и подробно рассматривает историю взаимоотношений евреев с окружающими народами, анализируя корни ксенофобии и вызванных ею катастроф. Объект исследования автора—столкновения и взаимовлияние культур на протяжении двух тысячелетий.

Оглавление

Первая часть

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ 4

I. АНГЛИЙСКИЕ ДЕИСТЫ 7

II. ФРАНЦИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Протестантская

чувствительность	25
Монтескье. Физиократы	39
Вольтер	53
Руссо	79
От «Энциклопедии» Дидро к синагоге Гольбаха	95
Создатели систем	116
Восстановители	136
ГЕРМАНИЯ	

Старая добрая Германия	157
Добрый еврей	169
Немецкая философия и евреи	186
Еврейские салоны Берлина	205

Вторая часть

ЭМАНСИПАЦИЯ

I. ЭМАНСИПАЦИЯ	233
Эмансипация во Франции	237
Эмансипация в Германии	271
II. ПОСЛЕДСТВИЯ ЭМАНСИПАЦИИ	
Положение евреев	295
Проблема неевреев	323
* * * *	351
Третья часть	
РАСИСТСКАЯ РЕАКЦИЯ	

I. РАСИСТСКАЯ РЕАКЦИЯ 378

II. АНГЛИЯ

Евреи Вальтера Скотта и евреи
Дизраэли 399

Ш. ФРАНЦИЯ 429

Фантомы прошлого: вечные жи-
ды 450

Угрозы будущего: социалисти-
ческие движения 471

IV. ГЕРМАНИЯ

Ардт, Ян и германоманы	497
Обходные пути экономического антисемитизма	509
Берне и Гейне. Молодая Германия или молодая Палестина?	524
Крестовый поход атеистов	538
Рихард Вагнер	562
* * *	585
"Европа на пути к самоубийству"	
Первая часть	

«Бель-эпок». 1870-1914

I. ГЕРМАНСКИЕ СТРАНЫ 615

Антисемитские и неоязыческие
кампании 639

II. ФРАНЦИЯ

Перед делом Дрейфуса 667

Дело Дрейфуса 704

Вторая часть

ВЗРЫВ. 1914-1933

I. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Германские страны	738
Образцовое безумство Эриха Людендорфа	770
II. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ	788
III. АНГЛОСАКСОНСКИЙ МИР	
Великобритания	834
Соединенные Штаты	882
* * *	931
IV. ФРАНЦИЯ	933
УСИЛЕНИЕ ОПАСНОСТИ	

Советский Союз

1013

Германия

1032

II. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕ-

НИЕ	1059
Охота на евреев в Польше	1067
Особое положение во Франции	1071
Механизм депортаций	1083
Франция	1086
Нидерланды и Бельгия	1095
Италия	1098
Балканский полуостров	1101
Венгрия	1105

**ОБ ОБЩЕМ ЧИСЛЕ ЖЕРТВ
СРЕДИ ЕВРЕЕВ 1153**

This file was created	1188
with BookDesigner program	1188
bookdesigner@the-ebook.org	1188
10.01.2009	1188

Первая часть

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

Со времен средневековья находились умы, подвергавшие сомнению традиционные верования и втайне задававшие себе вопросы об истинности Откровения и даже о существовании Бога. На границах Западного мира, там, где христианство соприкасалось с исламом, эти богохульные сомнения иногда выходили наружу, как, например, в памфлете, автор которого называл Моисея, Иисуса и Мухаммеда «тремя обманщиками». В других местах подобные взгляды не подлежали открытому выражению. Даже разнообразие мнений, порожденное Реформацией, вначале привело лишь к замене многочисленных инквизиций единой Инквизицией. Мигель Сервет погиб на костре подобно Джордано Бруно (Сервет—испанский ученый и врач был сожжен в Женеве в 1553 г. кальвинистской инквизицией.—Прим. ред.). Понадобится еще два столетия для того, чтобы вслед за новыми научными идеями оказалось возможным свободно и публично обсуждать вечные вопросы. Всеобщий дух сомнения, характерный для века Просвещения, не замедлил распространиться на проблему истории и истинной роли

евреев. Различные ответы на эти вопросы, данные Вольтером и энциклопедистами, распространятся по всему миру под влиянием французской революции и сохранят свое значение в некоторых странах вплоть до настоящего времени. В интересующем нас аспекте эти проблемы получили особое развитие в Англии в первой половине XVIII века в ходе полемики, которая послужит источником вдохновения и подражания для будущих поколений и которая не завершена и в настоящее время. Эта полемика ясно показывает, каким образом складывающееся отношение к евреям, т. е. антисемитизм или филосемитизм, в концептуальном плане оказывается связанным с высшими вопросами о Первопричине мира и о главном предназначении человека. Поэтому представляется уместным начать эту книгу главой, посвященной английским деистам.

I. АНГЛИЙСКИЕ ДЕИСТЫ

Революции в Англии и подъем торговой буржуазии привели к замечательному экономическому и культурному расцвету Британских островов. Смелость и мощь английской мысли поражали современников. Как писал Лафонтен:

«Англичане—глубокие мыслители, Их ум и темперамент весьма схожи. Проникая в суть вещей и опираясь на опыт Они повсюду распространяют власть наук... » («Les Anglais pensent profondment, Leur esprit, en cela, smt leur tempfirament. Creusant clans les sujets, et forts d'expiriences, Us itendent paitoul l'empire des sciences... » «Le Renaid et les Raisins» (Fables, liv. XII, 169).

Развитие этических и религиозных идей происходило гораздо менее заметно, вначале практически не ощутимо. Самые великие умы Англии отказывались подвергать сомнению традиционную религию. Ньютон полагал, что основной смысл его открытий состоял в том, чтобы представить рациональное доказательство бытия Бога. Разве непостижимая «сила тяготения» не предполагала существования «великого Часов-

щика»? Роберт Бойль завещал свое состояние фонду, который должен был награждать лучшие труды «новой апологетической школы на базе астрономии». Джон Локк, первый великий апостол терпимости, которую он распространял на мусульман и евреев, проповедовал полную совместимость христианства и разума и выступал против того, чтобы подвергать сомнению библейские чудеса. Большую смелость проявили мыслители, которых считали младшими. Так, Герберт из Чербери и Чарльз Блаунт заходили гораздо дальше, ведь разум является очень требовательным божеством. Тем не менее они не осмеливались исповедовать атеизм или скептицизм, которые так же мало совпадали с интеллектуальными традициями эпохи, как и с действующими законами.

С 1693 года закон о свободе прессы позволял распространять их подрывные идеи; в это же время в Англии был переведен «Словарь» Бейля, а также стала известной библейская критика Спинозы. Концепция религии, связанной с евангельским посланием, была вполне совместимой с

новым научным духом, с рациональной и «естественной» религией, составляющей часть величественного здания «законов природы». Эта концепция оказалась привлекательной для английского интеллекта и породила великую «действующую дискуссию». Предстояло выяснить, каким образом на протяжении тысячелетий род человеческий оставался пленником клерикальных суеверий и обскурантизма традиционных церквей, прежде всего Римской церкви. Кому было выгодно попирать разум и развращать внутреннюю доброту, присущую людям, систематически искажая «естественную религию»?

Не кто иной, как сам Ньютон начал отвечать на эти вопросы, обвинив Иеронима в искажениях библейского текста, но не сделав никаких определенных выводов («Исторический анализ двух значительных искажений текста Писания»). Эта работа Ньютона была опубликована лишь в 1737 г. (Латинский перевод Св. Писания, выполненный Иеронимом, т. н. Вулыага, был канонизирован Тридентским собором в 1545 г. как единственно церковный.—Прим. ред.)). Напротив, Джон То-

ланд, «первый свободный мыслитель в истории Запада», выдвинул против отцов церкви обвинение в искажении подлинного христианского учения, сформулированное по всей форме. Толанд прожил жизнь, полную приключений, но даже существуя на скромные пребенды (доход с церковного имущества.—Прим. ред.), он продолжал проповедовать «разумное» христианство, освобожденное от покровов таинственности (См., например, «Christianity not mysterious. . . » (1696) и «Nazaicus, a Jewish, Gentile and Mahometan Christianity» (1718).) и соответствующее учению Иисуса Христа, как оно изложено в евангелиях. Для него это христианство совпадало с учением эбио-нитов (иудействующие христиане II—V вв., соблюдавшие закон Моисея и отвергавшие учение апостола Павла.—Прим. ред.), которых он называл назареями или просто евреями. В самом деле, в своем труде «Назареус» он пишет:

«... истинное христианство евреев было подавлено в результате действий гораздо более многочисленных язычников, которые не терпели простоту и полное согласие с разумом этого ев-

рейского христианства, а поэтому постепенно погребли его под грузом языческих традиций и мистерий, бессмысленных учений и классификаций философов, исказили его своими архиерейскими служебниками, алтарями, пожертвованиями, обрядами и церемониями своего духовенства, но при этом отказываясь мириться с еврейскими традициями и обрядами, хотя и признавали их боговдохновенность. (. . .) Благодаря той же самой языческой традиции было введено почитание святых, молитвы за умерших, культ образов и другие проявления греческих и римских суеверий, ни малейшего следа которых нельзя найти нигде в Библии. . . »

В результате он призывал своих современников вернуться к подлинному учению обоих Заветов, предписавших евреям оставаться добрыми иудеями, а язычникам стать добрыми христианами:

«Из этого следует, что евреи, независимо от того, обращаются они в христианство или нет, по-прежнему всегда должны соблюдать закон Мои-

сея в том виде, в каком он существует и в наши дни; а те, кто думает, что Иисус Христос освободил их от обязанности соблюдать Закон и что настаивать на соблюдении Закона—это грех, совсем не понимают Священное Писание. . .)»

Видно, как Джон Толанд незаметно переходит от апологии евреев прошлого к апологии современных евреев. К тому же любые размышления над текстом Писаний имеют свойство превращать «еврейский вопрос» в совершенно вне-временную проблему. Возникает проблема, в какой степени филосемитизм Толанда определялся его положением социального изгоя, бродяги и изгнанника, испытывавшего симпатию к изгнанному народу? Могла ли способствовать этому в какие-то периоды его жизни пребенда—его обычный источник существования? Об этом ничего не известно, но можно констатировать, что в 1714 году он публикует «Доводы в пользу натурализации евреев в Великобритании и Ирландии». В этом труде он выступает в роли защитника идеи коллективной иммиграции евреев с континента на Британские острова.

Толанд посвятил свой трактат епископам Соединенного королевства. Автор начинает свою книгу с того, что напоминает им исторические заслуги «учителей рода человеческого», которые смогли привить монотеизм Римской империи, чьи собственные имена современные англичане с гордостью носят, хотя испытывают к ним самим ненависть и презрение, «бесчеловечность которых сопоставима лишь с их же беспочвенностью». Основную ответственность за это он возлагает на духовенство; но отмечает также и роль массовой ксенофобии, причины которой он резюмирует в следующих трех пунктах: «Я признаю, что во всех странах чернь редко соглашается с притоком чужестранцев: это происходит, во-первых, потому что они не ведают, что когда-то сами были пришельцами на этой земле, во-вторых, они не хотят соглашаться с тем, что чужаки станут работать в тех же областях, что и они сами, или, по их словам, «вынимать у них изо рта их кусок хлеба», в-третьих, эта неприязнь поддерживается уловками тех, кто стремится захватить власть. . . »

Затем автор уверял своих читателей в том, что значительная их часть имеет в своих жилах еврейскую кровь, особенно это касается шотландцев, «что и является причиной, по которой многочислен ные жители этой части острова испытывают показательное отвращение к свинине и пудингу с кровью, не говоря о некоторых других легко заметных совпадениях».

Толанд прославляет достоинства иудаизма, предписывающего евреям «возвеличивать перед всем миром Божественную доброту, мудрость и всемогущество, а также другие атрибуты Бога и обязанности человека, составляющие «естественную религию». Наконец, он перечисляет различные преимущества, которые получит Великобритания вследствие увеличения числа евреев; даже если у них есть некоторые недостатки, то они «вызваны обстоятельствами их жизни, а не их природой»; к тому же «они легко перенимают нравы тех народов, среди которых живут».

Нельзя сказать, что это любопытное произведение имело успех. В наши дни большинство биографов Толанда о нем даже не упоминают.

При жизни Толанда было опубликовано анонимное опровержение, в котором англичане получили специальное предостережение по поводу опасности иудейского прозелитизма. «Пока наши священники смогут обратить одного еврея в христианство, евреи обратят десять христиан в иудаизм...» «Лучше отгородимся от них, чем позволим им смешаться с нами, а то Господь отринет нас так же, как он отринул их...» Эта опасность становилась еще более серьезной, поскольку евреи претендовали на то, что они были единственными хранителями неискаженных текстов Писания; при этом «сотни евреев, родившихся в Испании, Португалии, Голландии, Англии, не знают ни одного слова на иврите...» («A confutation of the reasons for maturizing the Jews, containing the Crimes. Frauds and Insolencies, for which they were convicted and punished in former Reigns», London, 1715.)

Более или менее сходную позицию занимал основной отряд деистов, разоблачавших противоречия доктрины откровения. Для них в ошибках, которыми на протяжении веков оказалась за-

пятнана христианская традиция, виноваты прежде всего евреи, или даже только они. Более того, если для Римской церкви порабощение избранного народа являлось доказательством истинности христианства, то деисты сам факт этого порабощения рассматривали как аргумент против традиционной веры. Способы доказательства могли быть различными; необходимо последовательно рассмотреть эти доказательства, поскольку они не только свидетельствуют о всеобщей юдофобии (в том числе и о распространенном убеждении, что «еврей» значит «обманщик»), но и являются первыми вехами на историческом пути современного антисемитизма: пройдя через различные этапы, о которых мы еще поговорим в дальнейшем, философия деизма превратится через несколько поколений в активный движущий фактор истории.

Прежде всего назовем имя математика Уильяма Уистона, унаследовавшего кафедру Ньютона в Кембридже. Подобно своему великому сопернику он предавался бесконечным расчетам, чтобы включить библейскую хронологию в аст-

рономическое время. В той степени, в какой эти расчеты не давали результата, он приписывал получившиеся отклонения воздействию кометы, которая якобы повредила тонкий механизм мироздания во время потопа. Таким образом, математические несоответствия оказывались результатом человеческих пороков. Другие ошибки Уистон приписывал коварству еврейских писцов. Он даже предпринял попытку восстановить подлинные тексты в своем сочинении «Попытка реконструкции подлинного текста Ветхого Завета. . . » (1722). Последняя фраза этого труда гласила: «К началу второго века христианской эры евреи внесли серьезные искажения в свои копии Библии на еврейском и греческом языках; они сделали это сознательно во многих местах из-за своего враждебного отношения к христианству».

Иначе проявил свою злобность Мэтью Тинцал в своем трактате «Христианство возникло при сотворении мира, или Евангелие как отражение естественной религии» (1730). Эта книга спровоцировала появление более ста пятидесяти опровержений как в Англии, так и на континенте,

одно из которых принадлежало перу знаменитого Беркли. Как указывает заголовок книги, христианство в ней отождествляется с «естественной религией», которая якобы была искажена Моисеем. Чтобы доказать зловредность иудаизма, Тиндал привлекал примеры из современной истории. Разве все эти кровавые бани и преступления не могут быть оправданы библейскими прецедентами?

«Я задаю себе вопрос: «Убили бы испанцы столько миллионов индейцев, если бы они не думали, что могут поступать с ними так же, как с хананеями? Сколько прецедентов могли найти папские священники в Ветхом Завете, чтобы оправдать убийство обоих Генрихов, королей Франции! Если бы в нашей стране удался пороховой заговор, заговорщики бы воспользовались тем же аргументом. . . » Кроме этого Тиндал напоминает как гностики, «одна из самых крупных сект древности», противопоставляли жестокого Иегову истинному Богу Просвещения; «такова разница в представлении Бога в книгах еврейской и христианской религии».

Последователь Тиндала Томас Морган сделал еще два шага в этом направлении, перейдя к открытой апологии гностицизма, совпадавшего по его мнению с истинным учением Иисуса и распространив свои нападки на Бога Израиля и на его народ:

«Предположение, что толпа нищих и презренных египетских рабов, которые едва только смогли освободиться от одного ига, как немедленно попали под другое, что народ, почти не известный остальному роду человеческому, сосланный в глухой угол земли под запрет смешиваться с другими народами, что такой народ в подобных обстоятельствах окажется предназначенным Божественной мудростью и провидением для того, чтобы нести свет язычникам, чтобы стать в этом мире хранителем истинного познания и любви к Богу, проводником подлинной религии и путем к спасению,—подобное предположение равносильно допущению того, что мы не можем выразить без отвращения, а именно того, что Бог хотел достичь столь ничтожной цели при участии такого порочного помощника как Моисей. . . »

Короче говоря, для автора этого сочинения Бог Ветхого Завета являлся «Богом Израиля, Богом воинств или Богом войны, местным божеством-покровителем, обитающим на земле своего народа... »

Другой предшественник высокой библейской критики, Антони Коллинз, придерживался сходных взглядов в своей «Речи об основаниях христианской религии» (1724). На Коллинза будет ссылаться барон Гольбах в преисполненном жестокости трактате «Дух иудаизма... », который он выдавал за перевод книги Коллинза.

Таким образом, интеллектуальная революция деизма быстро радикализировалась подобно любой настоящей революции, а «естественная религия» трансформировалась в пантеизм, по сути являвшийся лишь слегка завуалированным атеизмом. Некоторые аргументы этих дискуссий по нашему разумению должны вызывать смех, однако они выдвигались всерьез. Так, епископ Уильям Уор-бертон в сочинении «Божественная миссия Моисея... » (1738) утверждал, что избрание Богом самого грубого и подлого народа

среди всех народов мира является наилучшим доказательством истинности Откровения.

Еще более ядовитыми были сочинения знаменитого пастора Вулстона, который был осужден за богохульство и, как говорят, умер в тюрьме. Его шутовские памфлеты, вдохновлявшие Вольтера, расходились в десятках тысяч экземпляров. В них он высмеивал традиционные методы толкования Библии под видом их защиты. Что касается евреев, «суматошных и зловонных», то они были излюбленной жертвой его насмешек и издевательств. Вот один пример:

«В соответствии с пословицей и общим мнением всего рода человеческого мир заражен евреями. Именно поэтому здесь весьма уместно упомянуть Аммиана Марцеллина (римский историк IV в. до н. э.—Прим. ред.), который, говоря о евреях, называл их «суматошными и зловонными». Каким образом на них была наложена эта печать позора? Случилось ли это по причине распространяемого ими дурного запаха или как-то иначе? Для нас это не имеет особого значения. Даже если их тела не имеют и никогда не имели

дурного запаха, их богохульства, направленные против Христа, проклятия, которые они посылают христианской церкви, их искажения Священного Писания достаточны для того, чтобы сделать их имя отвратительным и ужасным. В конце концов, я обратил внимание на то, что святой Иоанн, видимо, хотел сказать, что лягушки являются символом людей, одержимых лживым и дьявольским духом. Он говорит о трех духах, отличающихся особой нечистотой и подобных лягушкам. Я уверен, что он говорит о трех евреях, чьи имена и чья ложь мне хорошо известны. Я знаю также, как они вышли из пасти дракона. Однако в мою задачу не входит объяснение и истолкование этого пророчества» («Древняя апология истинности христианской религии», 1732).

Из всего этого видно, каким образом евреи самим фактом своего существования могли «свидетельствовать» как в пользу ложности христианства, так и его истинности: игра воображения в умах, возбуждаемых примитивными темными страстями, под воздействием которых первоначальный антисемитизм мог служить опорой

б равной мере как для слепой веры, так и для призыва «Раздавите гадину» (знаменитый антицерковный лозунг Вольтера.—Прим. ред.).

В 1750 году деистская активность в Англии прекратилась столь же внезапно, как и началась половину столетия тому назад. Возможно, в том, что касается предмета нашего исследования, она представляет собой лишь исторический курьез, тем более что истоки многих аргументов наших полемистов можно найти уже у Спинозы. Но нельзя забывать, что аргументация деистов служила богатым источником идей и даже псевдонимов для Вольтера, великого пророка современного антиклерикального антисемитизма.

II. ФРАНЦИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Протестантская
чувствительность

Мацам де Севинье (французская аристократка и писательница XVII века, прославившаяся своими письмами, опубликованными посмертно в 1726 г.—Прим. ред.) в письме от 26 июня 1689 года выражала свое недоумение следующим образом;

«Поразительна та ненависть, которую они [евреи] вызывают. Что является источником этого зловония, заглушающего все остальные запахи? Без сомнения, причина в том, что неверие и неблагодарность дурно пахнут, тогда как добродетель имеет хороший запах. . . Они вызывают во мне жалость и ужас, я молюсь, чтобы Господь и церковь смогли убрать ту пелену, которая мешает им увидеть, что Иисус Христос пришел в этот мир. »

Таким было настроение французского общества в целом в век Боссюэ, Разумеется, жесткая цензура препятствовала выражению противоположных взглядов. Мы уже упоминали в первом томе этого труда о мытарствах ученого Ришара Симона. Вплоть до кончины «короля-солнце» (Людовик XIV скончался в 1715 г.—Прим. ред.

) во Франции существовала одна-единственная официальная истина относительно евреев. Ее каноны хорошо видны на примере злоключений, постигших пастора Жака Банажа в 1710 году. Этот кальвинистский историк опубликовал в Голландии «Историю евреев», в которой впервые на Западе попытался использовать методы исторической критики применительно к этой сложнейшей проблеме. Его труд стал сенсацией в ученом мире Европы, и известный богослов аббат Луи Дюпен посчитал целесообразным воспроизвести его во Франции после переработки в духе требований католических представлений об истине. Бедному Банажу не оставалось ничего, кроме бессильных протестов: «У меня похитили мою «Историю евреев», стерли мое имя, вставили в текст чувства, которые я не разделяю» («История евреев, которую подтверждается и на которую заявляет свои права ее ис-гишти автор, г-н Банэж, вопреки анонимному и искаженному изданию, осуществленному в Париже в издательстве Руслан в 1710 г. », Роттердам, 1711, предисловие, с 36).

В самом деле, фальсификация Дюпена насчитывала более сотни существенных искажений в области как фактов, так и авторских оценок, которые не годились для распространения во Франции. Так, Банаж выразил сомнение, что император Константин отрезал уши евреям. Дюпен преподносил этот факт как подлинный, ссылаясь на авторитет Иоанна Златоуста. Банаж называл короля Дагоберта, изгнавшего евреев, развратником; Дюпен имел смелость заявить о добродетельности этого монарха. Таким образом был переработан весь текст, век за веком. Хронологически самое последнее искажение оказалось и самым существенным. Говоря об изгнании евреев из Испании, а эта тема изобилует параллелями и намеками на отмену Нантского эдикта (1685), Банаж критиковал Фердинанда и Изабеллу за то, что «они опустошили великое и обширное королевство». Само собой разумеется, что Дюпен поспешил переделать этот пассаж и дал высокую оценку этого шага, столь же законного, сколь и мудрого.

Отсюда видно, каким образом трагическая

история евреев, история, которая на заре XVIII века отвела французским протестантам роль космополитических инициаторов общего движения мысли, побуждала их задуматься о значении мук евреев и пересмотреть общепринятые идеи по этому поводу, В «убежищах» Голландии и Женевы разрабатывались новые взгляды под эгидой Пьера Бейля, великого апостола терпимости. В дальнейшем, на протяжении всего века Просвещения, когда зазвучат все более многочисленные голоса, требующие эмансипации евреев во имя идеалов абстрактного гуманизма, протестантские мыслители окажутся практически единственными, кто проявит интерес к тому, что, как сказал Жан Жак Руссо, «иудаизм может сообщить миру». Мы уже отмечали то сравнительно благоприятное положение, в котором оказались сыновья Израиля в странах кальвинистской ориентации. В случае французских реформаторов эта симпатия удесят�ерялась в контексте трагической истории, которая умножала сходства и совпадения в самых различных отношениях. Речь здесь идет о симпатии б самом

глубоком смысле этого слова со стороны группы людей, которые, коротко говоря, прошли через аналогичные испытания. Подводя итоги, можно сказать, что Дрюмон (французский публицист-антисемит XIX в., один из плавных вождей анти-дрейфусистского движения.—Прим. ред.) не был совершенно не прав, когда он называл французских протестантов «полуевреями».

У автора знаменитого «Исторического словаря», оттачивавшего критический дух многих поколений европейцев и заслуживающего тщательного изучения и в наше время, Пьера Бейля, биография имела некоторые оттенки марранизма, поскольку в возрасте двадцати лет по неясным причинам он счел необходимым обратиться в католичество (Пьер Бейль родился в семье протестантского пастора.—Прим. ред.). Однако вскоре он покинул лоно Римской церкви. После нескольких лет кочевой жизни он обосновался в Роттердаме и посвятил себя разоблачению фанатизма и обскурантизма любой ориентации со страстью, которую усиливала его личная трагедия: из-за одного из его сочинений его родной

брат, живший во Франции, был брошен в тюрьму, где и умер. Этот яростный антиклерикал в глубине своей души оставался безупречным христианином и предостерегал против «разъедающего воздействия философии»,

Этот замечательный диалектик сумел лучше, чем любой другой философ до Дэвида Юма, показать бесплодность намерений утвердить веру с помощью рациональных аргументов. Его «Словарь» по-прежнему «остается самым тяжелым обвинением, которое когда-либо выдвигалось к стыду и смущению человечества». В нем он наносит удары с абсолютной беспристрастностью, и если евреям досталась солидная порция этих ударов, то причина не в личной позиции автора, но в том особом месте, которое им отвела христианская традиция. Если он нападал на «предубеждения этого несчастного народа», то с гораздо большей силой он обрушивался на прошлые и нынешние предрассудки христиан. Бейль упрекал испанскую католическую церковь за то, что она «относилась к христианству как к старинному дворцу, нуждающемуся в подпорках, а к иуда-

изму как к крепости, которую необходимо постоянно бомбардировать и куда нужно вводить войска».

Он требовал для евреев права на свободу мысли и вероисповедания, подобно всем остальным конфессиям, сектам и школам: «для евреев, язычников, магометан, римских католиков, лютеран, кальвинистов, арминиян, социниан...» (трактат об универсальной терпимости», 1686.). (Арминияне, или ремонстранты,— религиозное движение под руководством Якова Арминия, отделившееся от кальвинизма; социнианство—радикальное рационалистическое направление в протестантском богословии, основанное Фаустом Сопином.—Прим, ред.)

В весьма обширном, но фрагментарном творческом наследии Бейля трудно выделить систематическую концепцию по поводу сыновей Израиля. Можно с уверенностью предполагать, что он разделял линию своего друга и душеприказчика Жака Банажа, представленную в его «Истории», хотя пастор Банаж был гораздо более консервативным кальвинистом, чем он сам. Эта концеп-

ция, без сомнения, отражала несколько туманные взгляды по этому вопросу, преобладавшие среди французских протестантов той эпохи.

Целью Банажа было написание истории евреев с того времени, где «остановился Иосиф» (имеется в виду Иосиф Флавий.—Прим. ред.), т. е. начиная со второго разрушения Храма. В предисловии автор отмечает, что «мы не одержимы какой бы то ни было страстью, мы сообщаем все, что нам удалось раскопать относительно евреев, с абсолютной точностью. Христиане не должны удивляться тому, что мы часто снимаем с евреев обвинения в различных преступлениях, в которых они отнюдь не виновны, ибо именно этого требует справедливость; обвинение в несправедливости и жестокости тех, кто это совершил, вовсе не означает, что автор встает на чью-то сторону. . . »

Итак, Банаж решился развеять кровавые легенды, накопившиеся в течение столетий вокруг первоначальной темы богоубийства. К тому же он считал чрезмерной Божественную кару, наложенную на сыновей Израиля, в некоторых местах

можно даже ощутить скрытое осуждение:

«Не было бы ничего удивительного, если бы Господь ограничился наказанием вождей народа, книжников и фарисеев, кричавших: «Распни Его, распни Его!», и кара пала бы лишь на головы виновных. Но кара переходила из поколения в поколение, из столетия в столетие. Уже прошло семнадцать столетий плена и несчастий, и не видно ни малейших признаков облегчения. Это поистине беспрецедентное событие, ибо этот несчастный народ не может найти почти ни одного места на земле, где бы он мог преклонить голову. . . »

Столь же характерным для кальвинистской чувствительности является и вывод Банажа: «Один Бог знает, когда Он вновь призовет этот избранный народ». Но критический порыв нашего автора оказывается буквально парализованным, когда речь заходит о необходимости объяснить совпадения между евангельскими и талмудическими притчами. Он предпочитает скорее допустить возможность того, что Иисус «переписывал греческие тексты», чем признать их иудейское происхождение.

Новая чувствительность проявляется также и в богословских трудах Марии Губер из Женевы, получившей заслуженную известность. В своем труде «Безумный мир предпочтительней разумного мира...» (1731) она выводит на сцену двух честных и прямых евреев, которых привлекает завет Иисуса, но христианское общество отвергает их, поскольку «все христиане, к какой бы секте они ни принадлежали, полностью единодушны в одном пункте. Речь идет о любви к богатству, неутолимой жажде стяжательства; в этом отношении они оказываются евреями в большей степени, чем сами евреи...» Еврей, констатировавший это, удивляется тому, что «люди, признавшие своим царем некоего Иисуса из Назарета, сына плотника, бедного и убогого, изо всех сил стараются возвыситься и разбогатеть; иными словами, стать его полной противоположностью в этом мире...»

Один из персонажей Марии Губер по имени Филон замечает: «Я хочу узнать их; несмотря на все их еврейство, я не буду стесняться учиться у них тому, что составляет сущность христи-

анства». Основной выразитель мнения автора, Эраст, представляющий обоих евреев, является негоциантом, что само по себе характерно. Наряду с преследованиями, общность между протестантами и евреями обнаруживается и в области их основного занятия. . .

В богословском плане изучение Писания подталкивало некоторые умы в сторону иудаизма в самых разных формах, вплоть до самой крайней меры, т. е. обращения в иудаизм. Что касается германского мира, то историк Г. Й. Шепс в своем труде «Филосемитизм в эпоху барокко» представил целый ряд подобных проявлений отчаянной смелости. Что касается французских протестантов, то можно упомянуть пастора Никола Антуана, сожженного в Женеве в 1632 году, и знаменитого критика и филолога Клода Сомэза, объявившего на смертном одре, что иудейская религия является единственно верной. Как один, так и другой были перебежчиками из католического стана, так что их духовные поиски получили таким образом высшее завершение.

Показательно, что строгий защитник орто-

доксального кальвинизма пастор Жюрье, крупнейший противник Боссюэ, оказался тем, кто пообещал евреям (в своем трактате «Исполнение пророчеств. . . »), что «Иерусалим должен быть восстановлен для них, и они вновь соберутся на своей земле». По мнению католического богослова Ришара Симона, Жюрье «открыто поддерживал религию евреев и одновременно разрушал христианскую религию». Все это указывает на многообразие прямых и косвенных способов, с помощью которых Реформация приводила западное общество к пересмотру взглядов на евреев и иудаизм так же, как и на религию в целом. Тем самым мы возвращаемся к решающей роли Реформации в пересмотре устоявшихся верований, поскольку она позволяла скептикам из любого лагеря прислушаться к пропаганде противника. Как утверждал Дэвид Юм, «все религиозные системы испытывают серьезные трудности. Каждый полемист одерживает победу в свою очередь, по мере того как он ведет наступательную кампанию и обличает абсурдность, варварство и пагубность учения своих противников. Но

все вместе они готовят полное торжество скептицизма. . . »

Монтескье. Физиократы

Среди систем правления, которые описывает автор «Духа законов», теократии нет места. Вообще, в этом главном труде Монтескье практически невозможно обнаружить ссылки на Ветхий Завет. Он воздерживается от того, чтобы критиковать или высмеивать закон Моисея, который тем не менее не мог не шокировать этого глашатая естественного права. Образ мышления Монтескье ясно проявляется в том, как он относится к евреям в своих сочинениях в целом: он не уделяет им чрезмерного внимания, привлекая их лишь в отдельных случаях для доказательства или какой-то истины, или ошибочности устоявшихся верований и обычаев. Он также проводит четкое различие между евреями прошлого и современности и не поддается столь распространенному искушению проявить свое остроумие за счет тех или других. Однако, начиная с «Персидских писем», парадоксальное положение иудаизма привлекает внимание Монтескье:

«(Узбек, обращаясь к Иббену): Ты спрашиваешь меня, есть ли евреи во Франции? Знай же, что везде, где есть деньги, есть и евреи, Ты спра-

шиваешь меня, чем они занимаются? Точно тем же самым, что и в Персии. Никто сильнее не напоминает еврея из Азии, чем европейский еврей. Они возбуждают среди христиан, как и среди нас, непреодолимую враждебность к своей религии, которая превращается в навязчивую идею.

Еврейская религия—это древний ствол, породивший две ветви, которые покрыли всю землю. Я имею в виду мусульманство и христианство. Или, скорее, это мать, родившая двух дочерей, которые навлекли на нее множество бедствий. Ведь в том, что касается религии, самые близкие оказываются самыми опасными врагами. Но какие бы страдания они ей ни причиняли, она не перестает гордиться тем, что произвела их на этот свет; она пользуется и той, и другой, чтобы охватить весь мир, тогда как в другом плане ее почтенная старость охватывает все времена.

Итак, евреи рассматривают себя как источник всеобщей святости и начато всех религий. Напротив, они относятся к нам как к еретикам, искажившим Закон, или даже как к евреям-отступникам. . . » («Персидские письма», LX.)

В «Духе законов» Монтескье развивает эти идеи и в конце концов отдает евреям должное. Еврейской тематике посвящены две главы, в которых последовательно рассматриваются вопросы торговли и религии. Он считает, что источником несчастий евреев является: нетерпимость христиан, в конечном итоге именно этой нетерпимости он приписывает специфические особенности еврейских нравов и обычаев. «Мы показали, как коммерция вышла из лона унижения и отчаяния». Протестуя против схоластических предрассудков по поводу торговцев, Монтескье развивает эту мысль следующим образом:

«Коммерция стала занятием народа, который был покрыт позором, и вскоре само понятие «коммерция» уже смешивалось с самым ужасным ростовщичеством, с монопольными ценами, со сбором недоимок и со всеми бесчестными способами зарабатывания денег. Евреи, обогащавшиеся таким образом, затем подвергались грабежу со стороны властей, столь же бесчестному. Это служило утешению масс, хотя и никак не облегчаю их положения,

То, что случилось в Англии, может служить примером происходившего в других странах. Король Иоанн приказал бросить евреев в тюрьму, чтобы завладеть их богатствами. Почти никому не удалось избежать мучений. Так, одному из них каждый день в течение недели вырывали по одному зубу. Когда стали вырывать восьмой зуб, он откупился за десять тысяч марок серебром (...)

Попутно я хочу отметить, как на протяжении веков этот народ использовали в собственных корыстных целях. Конфисковывали их имущество, когда они хотели обратиться в христианство, а потом сжигали их на кострах, если они отказывались становиться христианами. . . » («Дух законов», XXI, 20.)

Монтескье вспоминает пламя этих костров, когда он выступает против религиозной нетерпимости в знаменитом «Обращении к инквизиторам», которое он вкладывает в уста некоего еврея:

«Мы заклинаем вас не всемогущим Богом, которому служим и мы, и вы, но Христом, кото-

рый, как вы нам говорите, принял человеческий образ, чтобы дать вам образец, которому бы вы могли следовать; мы заклинаем вас поступать с нами так, как поступал бы он сам, если бы он был еще среди нас. Вы хотите, чтобы мы стали христианами, а сами не желаете ими быть (. . .)

Вы уничтожаете нас, тех, кто верит только в то же самое, во что верите и вы, потому что мы верим не во все то, во что верите вы. Мы исповедуем религию, которая, как вам самим прекрасно известно, была когда-то дорога Богу. Мы думаем, что и сейчас Бог любит ее, а вы считаете, что Бог больше ее не любит. И только по этой причине вы предаете огню и мечу тех, кто вследствие столь простительного заблуждения верит в то, что Бог продолжает любить то, что Он любил раньше. . . » («Дух законов», XXV, 13.)

Мысль Монтескье о «простительном заблуждении» евреев можно встретить и в его интимных «Мыслях», где под столь показательным заголовком «Сомнения» он размышляет о тайнах христианской религии и, комментируя апостола Павла, приходит к заключению, что евреи не мо-

гут быть лишены спасения. К этому же разделу можно отнести и другое рассуждение, в котором его требовательный ум не находит иного выхода, чем знаменитое «credo quia absurdum» («верую, потому что нелепо») Тертуллиана:

«... какая оскорбительная вещь—казнь Бога! Это гораздо возмутительней, чем все ужасные воззрения язычников (...), Но эта концепция Креста, ставшего объектом нашего почитания, далеко не так тягостна для нас, как она была для римлян. Более того, в понимании римлян не было более презренного народа, чем евреи. Все сочинения того времени полны презрения к евреям. Тем не менее именно представителя этого народа было им предложено почитать; евреи возвестили это и выступили свидетелями...»

Что же касается современных евреев, то Монтескье выступает как реалистический реформатор:

«Чтобы сделать королевство [Францию] процветающим и восстановить финансы (...), следует отменить все частные подати, наложенные на евреев, а также продать им более обширные

привилегии, выраженные в королевских ценных бумагах сроком на три года, составляющих в целом один миллион дохода. . . »

«Следует создать еврейский город на границе с Испанией, в подходящем для коммерции месте, например, в Сен-Жан-де-Люз или в Сибуре. Они соберутся там во множестве и возьмут с собой все сокровища, которыми они владеют в этом королевстве. Следует лишь предоставить им такие же привилегии, как в Ливорно, или даже сверх того, если возникнет такая необходимость. . . »

Монтескье выступает в качестве просвещенного сторонника терпимости, когда он восклицает; «Теперь евреи спасены: суеверия более не восторжествуют, их более не станут уничтожать из-за убеждений».

Мы находим подобные взгляды и у малоизвестного писателя Эспьяра де ла Кура, принадлежавшего, как и Монтескье, к известной старинной судейской фамилии. В своей книге под названием «Мысли» этот оригинальный философ рассуждал следующим образом:

«Если евреи испытывают отвращение к хри-

стианам, то исключительно из-за гонений и репрессий. Им столько пришлось страдать в христианских государствах, что это оставило у них самые мрачные и горькие воспоминания.

Многочисленные изгнания и возвращения евреев, происходившие по очереди во Франции и Испании, едва ли могли бы быть оправданы, даже если бы они происходили только по религиозным мотивам. Но богатства этих несчастных, которыми хотели завладеть короли, а также подстрекательства фанатичных монахов всегда служили основными причинами этих событий.

Иисус Христос приговорил их к скитаниям по миру и лишил их родины, поэтому все страны мира должны быть открыты для них. Они не являются ни чужестранцами, ни местными гражданами... »

В этом любопытном рассуждении автор-христианин приходил к смелому заключению, что человеку надлежит смягчать тайные решения Провидения, в чем нашли отражение реформаторские тенденции его времени.

Другие авторы выступали за возвраще-

ние евреев ради общего процветания Франции. Так, Анж Гудар, физиократ (Физиократы—сторонники одною из ведущих направлений европейской по-лишческой экономики, возникшею во Франции в середине XVIII века (прим. ред.)), занимавшийся проблемами народонаселения, выступил со следующей защитительной речью:

«Необходимость призвать евреев во Францию для увеличения численности населения».

«Трудно объяснить, почему наше правительство само закрыло дверь целой группе населения, для которой многие другие страны Европы держат дверь открытой.

Причины, которые когда-то в прошлом привели к изгнанию евреев из Франции, более не существуют (. . .)

Аргументы, выдвигавшиеся когда-то против протестантов, не имеют смысла по отношению к евреям.

Эта религиозная группа, поселившись среди нас, не сможет породить движение в пользу чьих-то интересов. Интриги и козни совершенно чужды им по природе вещей. С этим совпадают и со-

ображения безопасности. Если бы евреи хоть на мгновение перестали соблюдать верность своим принципам, они бы погибли безвозвратно. Бродяги, без вождей, без родины и, следовательно, не имеющие возможностей сопротивляться даже самой малой стране, которая захотела бы их уничтожить, главной политической истиной для них стало не иметь государства вообще. . . »

Этому рассуждению нельзя отказать в логике. Далее автор указывает на традиционную причину, по которой столь хорошо управляемое государство как Венеция покровительствовало евреям. Затем он по достоинству оценивает услуги, которые они оказывали властям во время войн, после чего переходит к своей коронной теме, т. е. проблеме роста населения:

«Главная причина, по которой наше правительство должно оказывать покровительство евреям, состоит в их большой численности. На земле нет другого народа, который бы размножался быстрее, чем они. У этого роста численности есть естественные причины (. . .). Среди самых главных—умеренность в желаниях, сдержанность

как своеобразная национальная черта и природное отвращение к разврату. На Земле нет других таких людей, которые в столь тяжелых условиях имели бы столь немного пороков. . . »

В защиту прав евреев в весьма забавной манере выступил также аббат Куайе, близкий физиократам автор разнообразных книг, в том числе памфлета против системы цеховых организаций, написанного, вероятно, по заказу Тюрго (видный французский государственный деятель XVIII века, философ-просветитель и экономист.—Прим. ред.).

В своей книге «Шимки, кохинхинская история. . . » он описывает тяжелое положение «банья», чему, как это будет видно ниже, не следует удивляться: «. . . что же можно поставить в вину банья? (Банья—собирательное название группы индуистских торгово-ро-стовщических каст.—Прим. ред.) Рассеянные по всей Азии, без вождя и законов, мы лишь стараемся добыть средства к существованию работой и ремеслом. Мы повсюду соблюдаем законы, обычаи и указы властителей. Ваши монархи разрешили нам обосновать-

ся в своих странах благодаря нашим заслугам в области маклерства, банковского и биржевого дела. Но существует тайный способ, который полностью обесценивает то покровительство, которое они нам оказывают. Нам недоступны ответственные должности и посты, но кроме этого нам запрещено заниматься всевозможными ремеслами и профессиями. Нам не дают преуспевать в коммерции. Всем хорошо известно, что ваши торговые корпорации выдвинули против нас несправедливые обвинения. Нас обвиняют в ростовщичестве: но это было неизбежно, поскольку нам не оставили других возможностей для выживания. «Мошенничество?!» — мы требуем, чтобы мошенников отправляли на виселицу. И постоянно говорят о «первородном грехе нашей религии»: довольно странно, что торговцы и ремесленники хотят быть правовернее правителей, которые должны защищать религию, правовернее даже, чем верховный Бонза, который разрешил поселиться пятнадцати тысячам наших соплеменников в священном городе Файфо (важный торговый центр и порт в Индокитае.—Прим,

ред.) и позволил исповедовать нашу веру и заниматься любыми ремеслами. . . »

Однако другие мыслители, также выступавшие на стороне банья, по поводу евреев придерживались совершенно иных позиций.

Вольтер

Во времена господства Гитлера в Европе некий доктор истории по имени Анри Лабру не поленился составить сборник в двести пятьдесят страниц, включавший антиеврейские тексты Вольтера (Henri Labroue. Voltaire antijukf, Pans. 1942), Монотонность подобранных таким способом текстов ничего не добавляет к славе великого человека—поражает прежде всего их разнужданность. В качестве примера можно привести его свободное переложение двадцать третьей главы книги Иезекииля:

«Самые важные разделы книги Иезекииля, наиболее соответствующие принципам морали и общественной справедливости, лучше всего способные воспитать целомудрие в юношах и девушках, это те места, где Господь говорит об Оголе и ее сестре Оголиве. Нельзя устать от перечитывания этих замечательных слов:

«Господь говорит Оголе: "Ты стала взрослой, твои сосцы набухли, на теле выросли волосы. . . ; пришло время любовников; я простер свои заботы на тебя. . . ; но ты упивалась своей красотой, ты блудила с первыми встречными, ты устроила

бордель, ты блудодействовала повсюду. . . Обычно дают деньги блудницам, а ты сама платила своим любовникам. . . " Ее сестра Оголива поступала еще хуже: "Она отдавалась со страстью тем, у кого плоть—плоть ослиная, и семя как у жеребцов. . . " Само слово "семя" на еврейском языке гораздо выразительнее. . . » (В этом пассаже Вольтер не цитирует точно библейский текст, но приводит отдельные фрагменты, вставленные в собственный пересказ.—Прим. ред.)

В своем деистском «Символе веры» Вольтер также выступает в качестве поборника добронравия;

«Нравы деистов обязательно должны быть чисты, ибо они всегда находятся перед лицом Бога справедливости и чистоты, Бога, который не спускается на землю, чтобы приказать обокрасть египтян, чтобы повелеть Осии взять за деньги наложницу, спать с блудницей. Мы не продаем своих женщин как Авраам. Мы не напиваемся как Ной, и наши сыновья не поносят почтенную плоть, которая их породила. . . »

Итак, мы видим, что воображение Вольтера больше всего возбуждает в этой связи мужской половой орган. Только с тридцать второй по тридцать пятую страницу сборника Лабру слова «крайняя плоть», «обрезанный», «член», «мужской орган» повторяются более двадцати раз. Но пытаюсь таким образом выхолостить евреев, разве этот гениальный ученик английских деистов не выполнял высший долг, долг борьбы с церковным обскурантизмом, долг «раздавить гадину»?

Ничто не является более показательным, чем подробный разбор главного труда Вольтера, каковым является его «Философский словарь». Из ста восемнадцати статей, содержащихся в этом словаре, около тридцати содержат обвинения против евреев, «наших господ и наших врагов, в которых мы верим и которых мы ненавидим (статья «Авраам»), самого отвратительного народа на земле (статья «Антропофагия»), чьи законы не содержат ни слова о духовности и бессмертии души» (статья «Душа»), и так далее, вплоть до статьи «Пытка» и до последней буквы

алфавита. «Иов», к которому Вольтер относится с милостью, вовсе не еврей, он араб. Статья «Еврей» — самая длинная в словаре, она насчитывает тридцать страниц. Первая часть этой статьи, написанная в 1745 году, заканчивается следующим образом: «... вы обнаружите в них [евреях] лишь невежественный и варварский народ, который издавна сочетает самую отвратительную жадность с самыми презренными суевериями и с самой неодолимой ненавистью ко всем народам, которые их терпят и при этом их же обогащают». За этим следует знаменитая рекомендация, в данном контексте производящая впечатление стилической формальности: «Тем не менее не следует их сжигать». Еще более значительной является последняя часть этой статьи («Седьмое письмо»), датированная 1770 годом. Фернейский патриарх обращается к воображаемым евреям от имени христианского мира: «На протяжении столетий мы вас угнетали и убивали, мы подвергали вас мучениям, чтобы заставить вас отдать нам ваши деньги, много раз мы изгоняли вас из жадности, а затем призывали вас обратно

из жадности и глупости. . . », и т. д. Но в конечном итоге евреи оказываются виновными в той же мере, что и их христианские палачи или даже еще больше: «Вся разница состоит в том, что наши священники сжигали вас руками мирян, в то время как ваши священники совершали человеческие жертвоприношения своими собственными руками. . . » (Мы еще вернемся к этой навязчивой идее Вольтера о ритуальных убийствах.)

За этим рассуждением следует такая рекомендация: «Вы хотите жить в мире? Берите пример с банья и гебров (зороастрийцев). Они намного древнее вас и рассеяны по миру как вы. Особенно гебры. т. е. потомки древних иранцев, которые сейчас как и вы находятся на положении рабов, а когда-то в течение долгого времени были вашими господами. Они хранили молчание, и вам следует брать с них пример». Наконец, в заключение, он пишет: «Вы—животные, которые умеют считать, постарайтесь стать животными, умеющими думать». Это сопоставление думающего христианина и считающего еврея предвосхищает априорный расистский антисеми-

тизм, утверждающий превосходство творческого интеллекта христиан, превратившихся в ариев, над бесплодным интеллектом евреев. Эта современность Вольтера проявляется и в его утверждении, что евреи во всем являются подражателями, и тогда, когда в сочинении «Опыт о нравах» он писал: «На евреев смотрели так же, как мы смотрим на негров, т. е. как на низший вид человека».

Антиеврейская фобия Вольтера была хорошо известна его современникам, а также их ближайшим потомкам. Она крайне поражала как его друзей, так и врагов. Луи де Бональд писал: «Когда я говорю, что философы доброжелательно относятся к евреям, из их числа нужно исключить главу философской школы XVIII века Вольтера, который всю свою жизнь демонстрировал решительную неприязнь к этому несчастному народу...» Что касается мнения по этому поводу из философского лагеря, то вот что писал принц де Линь, который за восемь дней, проведенных в гостях у Вольтера в Ферне, должен был услышать много разных вещей по этому поводу

от неутомимого патриарха: «Господин де Вольтер обрушился на Иисуса Христа только по причине его принадлежности к ненавистному народу. Он как бы играл роль антиеврейского Фрерона. (Э. К. Фрерон—французский литературный критик и издатель журналов, на страницах которых он вел полемику против просветителей.—Прим. ред.) Это единственное, в чем он [Вольтер] был неправ». Эта шутка заставляет задуматься, и из нее можно сделать серьезные выводы. Был ли Вольтер настроен против евреев по причине его антиклерикальной позиции, или же в своей войне с «гадиной» он воодушевлялся ненавистью к библейскому народу? В своем последнем значительном труде «*La Bible enfin expliquée. . .*» («Наконец-то истолкованная Библия. . .», 1776) он снова выступает в качестве христианина, чтобы победить шесть евреев; он использовал этот же иронический прием в 1762 году в ответе Исааку Пинто, который упрекал его в стремлении раздавить народ, который и так уже был слишком несчастным. При этом его ирония удваивалась благодаря полемической непорядочности. Воль-

тер обещал своему еврейскому оппоненту исправить те места в своих сочинениях, на которые тот жаловался, но не сдержал своего слова. Этот ответ был продиктован Вольтером в самый разгар дела Каласа (Жан Калас—французский протестант, подвергнутый жестоким пыткам и казни колесованием и сожжением в 1762 г в Тулузе. Вольтер организовал кампанию протеста, всколыхнувшую всю Европу В результате Калас был посмертно оправдан (Прим. ред.)), которое послужило отправной точкой для широкой кампании против нетерпимости, и подписан «Вольтер, христианин, придворный христианнейшего короля». Пять дней спустя он объявил своему верному Дамилавиллю: «... я заканчиваю все свои письма словами «Раздавите гадину» подобно Катону, который всегда повторял [в конце своих выступлений]: «Таково мое мнение, а Карфаген должен быть разрушен». Здесь мы вновь видим молодого Вольтера, восклицавшего в 1715 году в оде «Истинный Бог»; «Человек счастлив быть изменником и богоубийцей, ты превращаешь нас в Богов!» Похоже, что антисемиты зна-

комы с божественными радостями такого рода.

Вольтер—антисемит? Необходимо договориться о постоянном значении этого понятия. Для апостолов универсального разума критическое отношение к иудаизму подразумевалось само собой, и для них было совершенно логичным рассматривать его как суеверие. Но мы увидим, что в действительности они расценивали борьбу на этом фронте весьма по-разному. В той мере, в какой, выступая против откровения Моисея, они одновременно покушались на авторитет церкви и государства, этот «интериоризированный» авторитет отца, сам характер их полемики именно по этому поводу оказывается достаточно показательным для глубинной структуры их индивидуальности. Такой гениальный бунтарь как маркиз де Сад вообще не затрагивает еврейскую тему (за исключением одного сочувственного упоминания евреев в «Алине и Валькуре») («Евреи—несчастные овцы вашей религии, сгорали на кострах в Испании, повторяя те же самые молитвы, что и их мучители...» («Алина и Валькур»)) Крупный специалист по творчеству

де Сада и издатель его произведения г-н Жильбер Лели подтвердил нам, что у де Сада больше нет ни одного упоминания евреев.). Похоже, что его чрезвычайная агрессивность, направленная прежде всего против самого себя, совершенно не нуждалась в проекции на эти символы *par excellence* Бога Отца, мстительного и жестокого.

Уже в течение длительного времени биографы Вольтера убедительно показывали, каждый на своем языке, что полученные в детстве травмы повлияли на всю жизнь этого рано созревшего гения. Это была жизнь человека, не создавшего собственного семейного очага, и о котором не известно, пережил ли он хоть раз в жизни настоящую мужскую любовную страсть. Это был человек, подверженный странным, неизвестным болезням и лихорадкам, угнетенный страхом смерти, мучимый тоской и навязчивой заботой о собственном здоровье. Его могучая жизненная сила могла одержать верх, лишь превращая всю эту психическую энергию в иступленную агрессивность. И если образ, возможно, не вполне отчетливый, «гадины» был основным объектом этой

агрессивности, то ему случалось высмеивать с энергией, от которой не отказался бы и Селин. весь род людской; человек становился для него «жалким существом, которого с трудом можно признать образом Высшего Существа, зародышем, рождавшимся среди мочи и испражнений, который и сам состоял из экскрементов и рождался для того, чтобы вернуться в грязь, из которой он вышел».

Литературные критики со своей стороны не упустили возможности указать на постоянное обращение в трагедиях Вольтера к теме отцеубийства, что позволяет предположить латентный гомосексуализм, откуда боязнь кастрации: эта гипотеза, наряду с его творчеством, подкрепляется и тем, что известно о его раннем детстве. Без видимой причины он считал себя незаконнорожденным. Без сомнения, он не был любимым ребенком; он рано лишился матери и страдал от жесткости и янсенистского фанатизма сурового отца, а также жестокого нрава старшего брата, злобу на которого он сохранил на всю жизнь. (Янсенизм—религиозное и общественное движе-

ние, основанное голландским богословом Янсением и имевшее большое влияние во Франции во второй половине XVII в.—Прим. ред.)

Показательно, что в зрелом возрасте Вольтер, неизменно желчный по отношению к библейским патриархам, делает исключение лишь для Иосифа, проданного своими братьями,—здесь он позволяет себе быть сентиментальным и выражает свою грусть, даже со слезами, по поводу его участи. Еще позже, на склоне лет, разве не проявляется все тот же обиженный ребенок в вольтеровских словах в «Первом письме евреям»: «Я знаю, что член, с крайней плотью или обрезанный, вызывал роковые конфликты. . . »

Остаются социальные ограничения, которые могли побудить этого обиженного ребенка свести счеты именно с этим заместителем отцовского образа, а не с каким-то иным, сконцентрировать здесь свою иррациональную ненависть, поскольку специфичность антисемитизма, состоящая именно в том, что люди говорят о Боге, который к тому же был обрезан, представляет собой в понимании стихийного христианина наибо-

лее естественную цель.

Обобщим все эти определения применительно к Вольтеру: отцовская сторона—буржуазная и набожная, но с материнской стороны действовали совсем иные влияния: так, друг матери аббат Шатонеф с раннего детства декламировал ему стихи «Моисиады»:

«Тонкая ложь, выдаваемая за истину, Создала авторитет этого законодателя [Моисея] И породила массовые верования, Заразившие мир».

Помнил ли он эти вольнодумные стихи, когда через два десятка лет сочинял свою «Генриаду»? Отметим некоторое сходство:

«Священник в этом храме—один из тех евреев, Изгнанников, лишенных родины, которые Влачат по морям свои беспредельные несчастья, И древним скопищем суеверий Издавна заполнили все народы».

Этим священником является еврейский чародей, действующий среди членов Лиги, которые хотят заочно убить Генриха Ш, поразив его изображение. Заговор проваливается, и «шестнадцать заговорщиков и иудей в панике пыта-

ются скрыть во мраке ночи свое преступление и свой ужас». (В примечании Вольтер утверждает, что Екатерина Медичи призвала во Францию евреев—хранителей «тайн Каббалы», хотя исторические свидетельства об этом полностью отсутствуют.)

Воображаемые ритуальные преступления возникали в уме Вольтера и по другим поводам. Так, когда он диктует свои мемуары, он через сорок лет цитирует слова «этой прелестной песенки», которую когда-то слышал в Брюсселе:

«Добрые христиане, повеселимся по
случаю казни

Подлого еврея по имени Ионатан,

Который по большой злобе

На алтаре осквернил пресвятое при-
частие».

Годы, проведенные Вольтером в отрочестве среди иезуитов Людовика Великого, конечно, не могли избавить его от кошмаров (Ср воспоминания Вольтера о «комнате идя мысленных молитв». «Порой из комнаты для мысленных мо-

литв у иезуитов выхолили именно в таком состоянии, эти темы распалют воображение, душа становится жестокой и безжалостной» («Публичное заключение по делу Каласа и Сирвена "»).), ни смягчить его враждебность к сыновьям Израиля.

Затем пришло время проказ и безумств юности, которые завершатся унижением от ударов палкой шевалье де Роана и ссылкой в Англию. Как он пишет, он прибыл в Лондон с переводным векселем на сумму двадцать тысяч франков, вписанным на имя банкира-еврея, который как раз обанкротился. Известна ирония Вольтера по этому поводу;

«Когда ваш соплеменник, г-н Медина сорок лет тому назад разорил меня на двадцать тысяч франков, он сказал мне, что это не его вина, и он в отчаянии, что он никогда не был слугой дьявола, что он всегда старался жить по закону Божьему, т. е. как честный человек и добрый иудей. Он растрогал мое сердце, я обнял его, мы вместе вознесли хвалы Господу, и я потерял восемьдесят процентов».

Интересно, что как раз в то время, когда Вольтер «обнимал Медину», т. е. в английский период своей жизни, он действительно проявлял некоторую благосклонность к сыновьям Израиля. Он посещал дом другого банкира-еврея по имени Д'Акоста, который в конце концов помог Вольтеру выпутаться из этого дела. (В дальнейшем он превратился у Вольтера в безымянного «английского джентльмена», которого небо послало ему для спасения.) Для антисемитски настроенных людей деньги сохраняют свой запах, причем приятнее всего пахнут еврейские деньги; в этом проявляется двойственность этих характеров, тайное влечение к объектам их ненависти. Чтобы доставить удовольствие своему банкиру Вольтер вставил в английское издание «Генриады» строки об антиеврейском фанатизме:

«Он приближается: его ужасное имя—
Фанатизм

.. когда Рим наконец подчинился Сыну Бога,
он [фанатизм] из обращенного в прах Капитолия
перешел в Церковь:

В Мадриде и Лиссабоне он зажигает

огонь,
Эти торжественные костры, куда
несчастных евреев
Священники торжественно посылают
каждый год
За то, что они не захотели оставить
веру своих предков».

Показательно также и другое—в дневниках Вольтера имеются следующие записи:

«Госпожа д'Акоста сказала в моем присутствии одному аббату, который хотел обратиться к ней в христианскую веру: «Ваш Бог родился иудеем?» «Да»—«Он прожил свою жизнь иудеем?»—«Да»—«Тогда и Вам следует стать иудеем».

«Англия—это место встречи всех религий, подобно тому как на Лондонской бирже собираются все иностранцы. Когда я вижу, как христиане обвиняют евреев, я думаю о детях, нападающих на своих отцов. Еврейская религия—это мать христианства и бабушка ислама».

Почерпнул ли он эти размышления от каких-то своих друзей? Во всяком случае после свое-

го возвращения из Англии он решает пренебречь французскими предрассудками по поводу биржи и финансов, и начинает делать деньги, как это хорошо известно. В результате, через несколько месяцев после возвращения во Францию он, балансируя на грани закона, осуществляет самую прибыльную и самую хитроумную операцию своей жизни: лотерея Пелетье-Дефор приносит ему, по его собственным словам, около миллиона ливров. Сделав это, он повел себя, по выражению того времени, как еврей, что не могло не навлечь на него насмешки и даже более серьезные оскорбления. Сходная история произошла с ним и двадцать лет спустя, во время знаменитого дела Гиршеля, которое Фридрих II назвал «грязной историей». Она послужила темой для ядовитой эпитафии Лессинга. Поэт задает вопрос: каким образом блестящий драматург сумел избежать ловушки, которую устроил для него самый хитроумный еврей Берлина? Вот его ответ:

«Если вкратце объяснить, каким образом это дело плохо кончилось для еврея, то ответ может быть примерно таким: господин де В, оказался

большим мошенником, чем он".

Зачем вообще нужно было Вольтеру, уже сумевшему склотить состояние в 1730-1731 годах, вновь пускаться в сомнительные аферы, к тому же незначительные по размаху, как, в частности, афера Гиршеля? По мнению одного биографа Вольтера-финансиста «заяввшись биржевыми операциями с целью разбогатеть, он увлекся этим, финансовые дела превратились для него в самоцель (...), таланты делового человека, видимо, похитили у гения литературы больше времени, чем об этом принято думать». В дальнейшем Вольтер не побоялся принять участие в нантской компании по торговле чернокожими рабами. Это было сверхдоходное предприятие, и он стал «одним из двух десятков человек, имеющих самые высокие доходы в королевстве».

Эта деятельность, не подобающая философу, хотя и способствовала упрочению его самостоятельности как писателя и мыслителя, тем не менее не уменьшила внутренней зависимости этого сына нотариуса от королей и принцев, на что указывают многочисленные факты его биогра-

фии. Поэтому вполне естественным представляется предположение, что он пытался избавиться от «еврея» в себе самом путем нападков на хорошо известных В обществе евреев, используя их как козлов отпущения, на которых он переносил ненависть к себе самому.

Как видно из сочинений Вольтера, пик его антисемитского рвения приходится на последний период жизни, т. е. на пятнадцать лет старости, когда благодаря участию в делах Каласа и Ла Барра он достиг величия пророка, занялся переделыванием современного ему общества и стал непререкаемым мессией века Просвещения. После эпохи разрушений наступает время для созидания. Он владеет умами всей Европы и одновременно управляет своим имением в Ферне как добрый отец семейства. Наконец, артист, прятавшийся в его душе, нашел главную роль своей жизни.

«В мое время я сделал больше, чем Лютер и Кальвин». Здесь перед нами во весь свой рост встает Вольтер—глава новой действующей церкви, преисполненный эсхатологических ожиданий, на-

деющийся на скорый приход мессианской эры, которая воцарится благодаря его слову, благодаря усилиям небольшой группы его апостолов. Это Вольтер, который мечтает вовлечь в свой крестовый поход просвещенных монархов, восклицающий в своих письмах и книгах: «В XVI веке совершили небольшую реформу, и теперь раздаются громкие требования новых реформ. Приближается замечательное время... Начинается новая революция... За два или три года возможно создать новую вечность». Д'Аламбер, его любимый ученик, этотот, «кого больше всех ждет Израиль». Вынужденный испить свою еврейскую чашу до дна, фернейский патриарх остается тем же Вольтером, который выпускал множество опаснейших стрел против своего постоянного соперника и одновременно образца для подражания, т. е. древнего и вечного Израиля. Если подумать об изгибах судьбы других великих основателей религий, таких как Мухаммад и Лютер, то возникает вопрос, не идет ли речь о появлении на подобных высотах неизбежной психологической потребности.

Вольтер—еврей? Если бы по иронии судьбы он бы им был (в конце концов, при жизни Вольтера самого популярного философа Германии звали Мозес Мендельсон), потомки безусловно обнаружили бы в этом великом разрушителе, даже скорее, чем в Гейне или Карле Марксе, беспокойный еврейский темперамент или вечно преисполненную духом отрицания еврейскую душу. Без сомнения, в новое время не было другого человека, который мог бы с подобным искусством возбуждать антисемитские струны, дремлющие в таком количестве сердец, в том числе и еврейских.

Церковь, пытавшаяся сплотить свои ряды перед лицом угроз со стороны этого человека, приступила к первым попыткам переоценки своих союзников. Свидетельством этому могут служить апологетические «Письма нескольких евреев», принадлежащие перу аббата Гене, или рассуждения, приложенные к «Иудейским нравам» аббата Флери:

«Этот народ, несмотря на все превратности судьбы, все беды и несчастья, всегда хранил непоколебимую надежду, что однажды наступит

день исполнения данных ему обещаний. Он ждет Мессию и сохраняет твердую уверенность в том, что будет восстановлено его былое величие. Он всегда обращен к Иерусалиму, обители его грядущей славы. Над этим обязательно следует поразмыслить тем, кто обрушивает хулу на еврейский народ, кто не видит в нем орудие провидения и рассматривает его лишь как низкий и подлый народ, погрязший в самых абсурдных суевериях и ненасытном корыстолюбии».

Что же касается немногих французских «просвещенных» евреев того времени, то они, похоже, отнюдь не высказывали критики в адрес Вольтера. В наши дни по-прежнему подавляющее большинство их потомков сохраняют к этому «патрону демократов» (Жюльен Бенда) то отношение, которое точно определил мудрый Залкинд Гурвиц, сам осуждавший этого патрона будущих антисемитов:

«Вполне возможно, что у Вольтера было меньше претензий к современным евреям, чем к евреям древности, т. е. основе христианства, являющегося его постоянным противником. Как

бы там ни было, евреи прощают ему все зло, которое он им причинил, ради добра, которое он им сделал, сам того не желая, а возможно, и не подозревая об этом. Ведь уже в течение нескольких лет для них наступило некоторое облегчение, которым они обязаны прогрессу эпохи Просвещения. Без сомнения, Вольтер способствовал этому своими многочисленными сочинениями, направленными против фанатизма, больше, чем кто-либо другой»

В самом деле, на протяжении поколений эмансипированные евреи верили, что они узнавали самих себя в кривой усмешке поборника терпимости, в загадочном пацифисте, ненавидевшем костры, в гениальном опровергателе христианских таинств. «Я искренне ничего в этом не понимаю; никто никогда ничего не понимал, и из-за этого происходили все беды». Будучи вечными жертвами, евреи видели в Вольтере только знаменосца буржуазной демократии, мирной и светской, не подозревая, что уничтожение «гадины» должно предшествовать массовым жертвоприношениям, хотя и может быть отделено от

них сколь угодно длительной паузой для размышлений.

Pycco

Если попытаться применить к Жан Жаку Руссо ту же экзистенциальную матрицу, которую мы использовали в случае Вольтера, то мы сразу же увидим, что многие составные части совпали таким образом, чтобы благоприятно настроить его к сыновьям Израиля. Кальвинистская семья и окружение, беспокойная совесть, болезненная чувствительность, жажда справедливости, неприятие успеха, ненависть к «удобной философии счастливых и богатых». Мы уже знакомы с тем, как человек превращает свою жизнь в наркотик, избегая себе подобных и подчас балансируя на грани мании преследования. Мы не станем глубже вникать в старую проблему взаимосвязи гениальности и безумства. Для наших целей достаточно констатировать, что в противоположность обвинителю Вольтеру, предпочитавшему считать себя невиновным, Жан Жак Руссо всю свою жизнь признавал себя виновным до такой степени, что даже путал раскаяние со свободой воли в ходе своих усилий доказать реальность Высшего Существа: «Я раб из-за своих пороков, я свободен благодаря своим угрызениям».

Он требовал всего лишь доброжелательно выслушать доводы евреев.

В интересном отрывке из «Исповеди савойского викария», где под видом сравнения трех великих монотеистических религий на самом деле он ограничивается противопоставлением триумфа церкви и скорби синагоги, выступая в защиту этой последней, поскольку ее откровение кажется ему «самым достоверным», но настоящая причина, возможно, заключается в ее угнетенном положении. Обратите внимание на следующие строки:

«В Европе существуют три главные религии Первая допускает одно откровение, вторая—два, а третья—три. Каждая презирает и прокликает остальных, обвиняет их в ослеплении, ожесточении, упрямстве, лжи Разве беспристрастный человек осмелится выбирать между ними без того, чтобы предварительно не взвесить со всем тщанием их доказательства и внимательно выслушать их доводы? Та из них, которая допускает лишь одно откровение, самая древняя и выглядит наиболее надежной; та, что допускает три

откровения, самая молодая и выглядит наиболее последовательной; та, что допускает два откровения и отбрасывает третье, возможно, является наилучшей, но, конечно, именно против нее направлены все предрассудки нашего времени. . . Наши католики поднимают громкий шум по поводу авторитета церкви. Но что же они выигрывают на этом, если требуется такой же огромный комплекс доказательств для подтверждения этого авторитета, как другим сектам для непосредственного утверждения своих учений. Церковь постановила, что имеет право принимать решения. Разве это не убедительное доказательство? Основываясь на этом, вы сможете понять все наши споры.

Много ли вы знаете христиан, давших себе труд внимательно познакомиться с иудейскими аргументами против христианства? Если кто-либо и читал что-нибудь по этому поводу, то в христианских книгах. Конечно, это не самый лучший способ понять доводы своих противников. Но что можно здесь сделать? Если бы кто-то отважился опубликовать у нас книги, открыто за-

щищающие иудаизм, то мы бы покарали автора, издателя и книготорговца. Такая политика достаточно удобна и надежна, чтобы всегда преобладать. Приятно опровергать оппонентов, не осмеливающихся подать свой голос.

Те из нас, кто готов вступить в диалог с евреями, ушли вперед не слишком далеко. Эти несчастные ощущают себя в полной зависимости от нас. Гнет тирании, направленной против них, делает их пугливыми. Они знают, как легко христианское милосердие превращается в несправедливость и жестокость: что они могут осмелиться сказать, не навлекая на себя опасность обвинения в богохульстве. Жадность усиливает наш порыв, а они слишком богаты, чтобы не быть неправыми. Самые образованные, самые просвещенные всегда оказываются самыми подозрительными. Вы можете обратить в свою веру каких-нибудь несчастных, которым платят за клевету на своих бывших единоверцев; вы можете заставить говорить презренных старьевщиков, которые пойдут на это, чтобы угодить вам; вы будете торжествовать по поводу их невеже-

ства или подлости, в то время как их мудрецы молча улыбаются на вашу глупость. Но разве вы верите, что там, где они почувствуют себя в безопасности, над ними так же легко будет взять верх? В Сорбонне ясно как день, что предсказания о приходе Мессии относятся к Иисусу. Среди раввинов Амстердама столь же ясно, что они не имеют к нему ни малейшего отношения. Я никогда не поверю, что хорошо познакомился с доводами евреев, пока у них не будет свободного общественного положения, собственных школ и университетов, где они смогут говорить и вести дискуссии в полной безопасности. Только тогда мы узнаем, что они могут сказать».

Следует обратить внимание на последний аргумент. К тому же можно задать себе вопрос, не являлся ли Руссо тем, «кто готов вступить в диалог с евреями», как он сам это формулировал. Его биографы ничего не сообщают по этому поводу, но это вполне возможно. Во время своих странствий Руссо мог встречать на дорогах старьевщиков, о которых он говорит. Возможно, он сталкивался с ними в приютах для новообращен-

ных, и этот скромник мог видеть во время своего пребывания в Венеции тех таинственных мудрецов, которые «молча улыбаются на вашу глупость». Когда он скрывался в Монмо-ранси, то говорил, что не хочет больше ничего читать, соглашаясь сделать единственное исключение для «Федона» Мендельсона, «потому что это было сочинение еврея».

Однако в той же «Исповеди савойского викария» Руссо проявляет себя настоящим сыном своего времени, выражая свой ужас по отношению к жестокому еврейскому Богу воинств:

«Итак, если [Божество] учит нас только абсурдным и бессмысленным вещам, если внушает нам только чувство отвращения к себе подобным и страх к самим себе, если создает образ Бога сердитого, ревнивого, мстительного, пристрастного, ненавидящего людей, Бога войны и битв, всегда готового разрушать и испепелять, всегда говорящего о мучениях и карах, похваляющегося тем, что обрушивает кары даже на невинных, то такой жестокий Бог совершенно не привлекает мое сердце, и я воздержусь оттого, чтобы оста-

вить естественную религию и обратиться в эту. Вы хорошо видите, что необходимо обязательно сделать выбор. Ваш Бог не для нас, сказал бы я его последователям. Тот, кто начинает с того, что выбирает себе один народ и отворачивается от всего остального рода человеческого, не есть общий отец человечества... »

Помимо этого Жан Жак многократно высказывается о евреях древности в традиционной манере: «самый подлый из народов», «низость этого народа, чуждого всех добродетелей», «самый подлый из народов, которые когда-либо существовали». Наконец, теологическое посредничество смущало этого апостола религии сердца как и многих его современников. Отсюда это знаменитое восклицание: «Сколько людей между Богом и мной!»

Но Руссо испытывает бесконечное восхищение законодателем Моисеем. В малоизвестном сочинении он приписывает Моисею заслугу учреждения цельной системы управления, выдержавшей испытание временем. Если абстрагироваться от устаревших обобщений, то нельзя не признать,

что его оценка сохраняет свое значение:

«[Моисей] подготовил и осуществил удивительное предприятие—сплочение в единый народ неорганизованной массы несчастных беглецов, лишенных мастерства, вооружения, таланта, добродетели, мужества, которые не владели ни единственным клочком земли и составляли на ее лице группу чужаков, Моисей осмелился превратить эту толпу бродяг и рабов в политическую общность, в свободный народ. Пока эта толпа скиталась по пустыне, не имея даже камня, чтобы преклонить голову, он [Моисей] дал им эту стабильную организацию, выдержавшую испытание временем, судьбой и завоеваниями, которую не удалось разрушить и даже изменить за пять тысяч лет и которая жива и сегодня во всей своей мощи, даже хотя единства народа более не существует.

Чтобы не допустить того, чтобы его народ не растворился среди других народов, он дал ему нравы и обычаи, несовместимые с нравами и обычаями других народов; он перегрузил его обрядами и специальными церемониями; он стес-

нил его тысячами разных способов, чтобы постоянно держать его в напряжении и чтобы он постоянно оставался чужим среди других народов; все те узы, которыми он скрепил членов своего сообщества, одновременно служили преградами, отгораживавшими их от соседей и не дававших смешиваться с ними. Именно таким образом этот странный народ, подолгу находившийся в рабстве и в рассеянии, казалось, почти уничтоженный, но всегда обожествлявший свои законы, тем не менее сумел уцелеть вплоть до нашего времени, разбросанный среди других народов, но не смешавшийся с ними, так что его обычаи, законы, обряды не исчезли и сохранятся до конца света вопреки ненависти и преследованиям со стороны остального человечества... » («Размышления об управлении Польшей»).

На другой странице, до сих пор не опубликованной, в результате своеобразного самоотжествления он пишет, что несмотря на разрушение их родины и ужасающие условия их жизни евреи остаются в своих гетто по-своему свободными гражданами:

«... удивительное и поистине уникальное зрелище представляет собой этот изгнанный народ, не имевший своей земли почти две тысячи лет, народ, смешавшийся с чужестранцами, не сохранивший, возможно, ни одного прямого потомка первоначальных поколений, народ, рассеянный по земле, порабощенный, преследуемый, презираемый всеми народами, но сумевший сохранить свои особенности, законы, обычаи, а также патриотическую любовь к своему первому обществу, хотя казалось, что порвались все скреплявшие его связи. Евреи показывают нам поразительный пример: законы Нумы, Ликурга, Салона давно мертвы; гораздо более древние законы Моисея живы до сих пор. Афины, Спарта, Рим погибли, не оставив потомков в этом мире, разрушенный Сион не утратил своих потомков.

Они разбросаны среди всех народов, но никогда не смешиваются с ними; у них нет больше лидеров, но они по-прежнему составляют народ; у них нет больше родины, но они по-прежнему ее граждане... » (Мы приносим благодарность уважаемому хранителю архива библиотеки Нев-

шателя М. Ж. Бьяди, который любезно предоставил нам копию этой страницы.)

Не менее оригинальным выглядит и мнение Руссо о «еврейском мудреце», т. е. об Иисусе. Совершенно естественно, что в этом контексте он отвергает свидетельства евреев: «из лона самого яростного фанатизма возникла самая возвышенная мудрость, и простота самых достойных добродетелей увенчала самый презренный народ на земле». Однако историческая миссия Иисуса, как Руссо ее себе представляет, странным образом похожа на ту, которую в следующем столетии сумеют осуществить апостолы сионизма; «Иисус, которого не признавал этот век, потому что он не достоин познать его, Иисус, который умер, потому что хотел создать знаменитый и добродетельный народ из своих презренных соотечественников. . . » (По ироническому замечанию Гримма «Руссо был христианином подобно тому, как Иисус Христос был иудеем».) Руссо развивал эту мысль следующим образом:

«Его благородная цель заключалась в том, чтобы возвысить свой народ, снова сделать его

свободным, народом, который был бы достоин этой свободы. Именно с этого следовало начинать. Глубокое изучение законов Моисея, усилия, направленные на то, чтобы пробудить в сердцах воодушевление и любовь к этим законам, показали поставленные цели в той мере, в какой это было возможно, чтобы не встревожить римлян. Но его подлые и трусливые соотечественники вместо того, чтобы слушать его, возненавидели его именно за его гений и добродетель, которые служили упреком их недостойности. . . »

В целом нет ничего удивительного в подобных взглядах этого вечного нонконформиста, презиравшего модных философов, которых он называл «яростными проповедниками атеизма и крайними догматиками», заклятый враг Вольтера, которому он бросил: «Месье, я вас ненавижу». Помимо естественной симпатии преследуемого мыслителя к преследуемому народу, эти взгляды отражают сейсмографическую чувствительность человека, который, возможно, был первым, кто предчувствовал опасность «философской инквизиции, более тонкой, но не менее

кровавой, чем прежняя». Следует заметить, что у Руссо не было преимуществ атакующего и что на фоне неустанной пропаганды Вольтера его защитительные речи не всегда были достаточно весомы, тем более что борьба была неравной. Арсенал занимательных и разнообразных псевдоаргументов гораздо легче увлекает воображение, чем доводы разума и добродетели.

Одна из самых забавных реликвий века Просвещения—это экземпляр «Эмиля» с пометками Вольтера. Тридцать одно замечание, по большей части презрительные, относятся к «Исповеди са-войского викария», составляющей третий том «Эмиля», но они сгруппированы по разным местам таким образом, что можно предположить, что наш герой [Вольтер], заявлявший, что «невозможно читать этот абсурдный роман», пропустил то место, где Руссо выступает в защиту иудаизма. Удивительно, что возникает сожаление по поводу этой небрежности, которая, вероятно, лишила потомков литературного фейерверка. Полтора века спустя Шарль Морра попытался выступить в качестве «Вольтера, про-

священного антисемитским гением Запада», чтобы высказать всю правду «авантюристу, вскормленному библейскими истинами», как он называл несчастного Руссо:

«Он вступил [в цивилизацию французов] как один из этих бесноватых, исторгнутых из чрева пустыни, одетых в рубище, которые бродили по улицам Сиона с меланхолическими завываниями; вырывая на себе волосы, разрывая свои лохмотья, смешивая свою еду с отбросами, они марали своей ненавистью и презрением каждого встречного. . . Его ничто не могло и не должно было сдерживать. Он прибыл из одного из тех уголков мира, где уже на протяжении двух столетий бурлили всевозможные смеси иудео-христианской анархии. . . »

В этой связи можно спросить себя, какое воздействие производили во Франции и по всему миру из поколения в поколение диатрибы Вольтера и защитительные речи Руссо. По самой природе вещей эти речи, похоже, обладали силой убеждения, не меньшей, чем обвинения Вольтера. Следует также иметь в виду, что мы воспро-

извели здесь все тексты одинокого странника, в которых он прославлял имя Израиля, но лишь маленькую часть тех, где господин из Ферне подвергает это имя уничижению.

Можно думать, что влияние речей Вольтера, или, точнее, их слушателей, было тем больше по той причине, что Вольтер вошел в историю не как антисемитский подстрекатель, а как поборник терпимости, глашатай демократии, и именно здесь источник его авторитета. Комментаторы, издатели и преподаватели обычно избегают упоминаний об антиеврейских остротах и произведениях защитника Каласа. Тем не менее эти тексты продолжают существовать и, конечно, в подходящий момент находят себе применение, поддерживая огонь «антисемитского духа Запада», духа, который, возможно, является лишь специфическим выражением отношений человека Запада с Богом.

От «Энциклопедии» Дидро к
синагоге Гольбаха

Хрупкий Дидро, который всю свою жизнь вел борьбу против религии откровения, лишь мимоходом касался еврейского вопроса, например, чтобы показать, что постоянство этого народа никак не связано со сверхъестественными причинами («разум говорит, что, напротив, вступая в брак и рожая детей, еврейский народ должен продолжать существовать» и т. д.). Что же касается нападок на евреев, то наш герой был выше этого. Обратимся к основному труду его жизни— «Энциклопедии». Этот грандиозный манифест поднимающейся буржуазии явился плодом усилий более двухсот сотрудников с самыми разнообразными взглядами. В интересующем нас аспекте можно легко заметить, что, когда речь заходит о евреях, а это происходит по многим поводам или без специальных поводов, то чаще всего это бывает для подтверждения каких-то положений, при этом логика доказательства в большинстве случаев требует негативного к ним отношения.

Любопытно, что исключением из этого правила, т. е. примером наиболее благоприятного от-

ношения к евреям, является статья, в которой меньше всего можно было ожидать подобного подхода, а именно большая статья «Ростовщичество». Целью автора статьи, экономиста Феге (Faiguet), было доказательство абсурдности запрета ссуды под проценты. Вместо того чтобы открыто критиковать антиростовщические заповеди Библии, автор предпочел искать аргументы в разнице во времени и обычаях, что привело его к описанию евреев древности в идиллических тонах:

«Эта простота нравов противоречит нашей роскоши (...) Из этой разницы следует, что практика беспроцентных ссуд была более строгой обязанностью для иудеев [древности], чем для нас. К этому можно добавить, что, учитывая влияние законодательства на повседневные обычаи, подобная практика была для них более естественной и легко осуществимой, тем более что их законы и порядки поддерживали в народе особый дух единства и братства, который невозможно обнаружить у других народов. В самом деле, эти законы больше отражали дух доброты

и равенства, который должен царить в большой семье, чем ситуацию господства и превосходства, которые кажутся необходимыми в крупном государстве. . . »

Перейдем теперь к статьям «Иудаизм» и «Евреи», т. е. к таким статьям; где евреи больше не выступают как свидетели, но находятся в центре внимания. Эти статьи представляют собой краткие обзоры, которые можно оценить как объективные. Авторство первой статьи часто приписывается самому Дидро. Ниже приводится заключение этой статьи;

«Евреям сегодня разрешено поселиться во Франции, Германии, Польше, Голландии, Англии, Риме, Венеции при условии уплаты налогов государям. Они также многочисленны на Востоке. Но инквизиция не разрешает их присутствие в Испании и Португалии».

Вторая статья подписана шевалье де Жокурром, который был правой рукой Дидро. Очевидно, что эта статья написана под влиянием Монтескье. Автор заключает ее следующим образом:

«... С этого времени государи осознали свои

собственные интересы и стали проявлять больше умеренности в отношении к евреям. В отдельных местах как на севере, так и на юге почувствовали, что без их помощи невозможно обойтись, Не говоря о великом герцоге тосканском, Голландия и Англия, вдохновляемые самыми благородными принципами, всеми способами смягчили их положение при неизменном покровительстве правительств этих стран. Таким образом, распространившись в наши дни во всех странах Европы, где правит коммерция, находясь в безопасности, которой они никогда не знали раньше, они стали средством, с помощью которого самые отдаленные друг от Друга народы могут вступить в контакт. Изгнавшая их Испания оказалась в очень тяжелом положении, серьезные последствия вызвало преследование во Франции подданных, чья вера хоть чем-то отличалась от веры государя. Любовь к христианской религии состоит в вере: эта вера дышит лишь мягкостью, человечностью, благотворительностью».

Но в статье «Медицина» тот же самый Жокур обрушивается на евреев во имя рождающей-

ся соматической медицины, отвергающей духовные исцеления:

«Древние евреи, невежественные, суеверные, отделенные от других народов, незнакомые с исследованиями в области физики, неспособные понять естественные причины, объясняли все свои болезни воздействием злых духов (. . .), короче говоря, их невежество в области медицины заставляло их обращаться к прорицателям, колдунам, чародеям или в конечном итоге к пророкам. Даже когда наш Господь пришел в Палестину, похоже, что евреи не стали более просвещенными, чем раньше. . . »

Все тот же Жокур в статье «Менструация» с удовольствием сравнивает еврейских женщин с их навязчивым страхом нечистоты и абсурдными ритуалами с негритянками Берега Слоновой Кости и королевства Конго. В статье «Отцы церкви» этот же автор не забывает напомнить об аморальности патриарха Авраама, что позволяет ему с большим успехом критиковать Иоанна Златоуста и Августина. Другие авторы в статьях на совершенно иные темы (например, «География»

или «Астрономия») отрицают все заслуги Моисея, по их мнению лишь последователя учения египтян. Общей тенденцией энциклопедистов было возвеличивание истории Египта в целях более успешного принижения священной истории евреев. Никола Буланже, автор статьи «Политическая экономия», в более традиционной (если можно так сказать) манере критиковал «иудейские суеверия»:

«Ожесточившиеся евреи и все остальные народы рассматривали Господа (le monarque) не столько как отца и Бога мира, сколько как ангела-губителя. Движущей силой теократии, таким образом, становится страх: то же самое происходит и при деспотии: бог скифов представляется в виде меча. Истинный Богу евреев также обязан постоянно угрожать им по причине их характера (...). Еврейское суеверие, в соответствии с которым запрещалось произносить страшное имя Иегова, великое имя их повелителя, тем самым передало нам один из обычаев этой примитивной теократии... »

Но эти критические стрелы и разоблачения,

в которых уничтожение евреев чаще всего служило ширмой для совсем других выпадов, бледнеют на фоне большой статьи «Мессия», принадлежащей перу последователя Вольтера пастора Полье из Боттана. Эта статья была заказана самим мэтром, подготовившим план статьи, а затем собственноручно ее отредактировавшим, так что совершенно очевидны характерные особенности его манеры письма—долго пастись на поле еврейского бесчестия, что дает возможность между делом высмеять официальную церковь под видом ее защиты:

«Если евреи выступали против признания того, что Иисус является мессией и обладает божественной природой, то они ничего не упустили, чтобы обесчестить его, запятнать его рождение, жизнь и смерть всеми возможными насмешками и оскорблениями, которые могло вообразить их ожесточение против этого божественного Спасителя и его небесной доктрины; но среди всех книг, порожденных ослеплением евреев, разумеется, нет более отвратительной и более нелепой, чем «Сефер Толдот Иешу», извлеченная из за-

бвения М. Вагензейлем во втором томе его труда «Tela Ignea», и т. д. »

(За этим следует подробное изложение «Толдот Иешу», богохульного сочинения, распространившегося в гетто. Оно датируется первыми веками нашей эры. Иисус там представлен как сын женщины дурного поведения и римского легионера; его биография разукрашена многочисленными неприличными подробностями. Естественно, эта статья, посвященная евреям и наполненная обвинениями в их адрес, должна была получить одобрение цензуры и привести в восторг врагов церкви. Похоже, что в этом деле пастор Полье оказался орудием в руках Вольтера. Похожий прием был использован в 1770 году «гольбаховской синагогой», опубликовавшей антихристианский трактат «Отмщенный Израиль» маррана Ороббио де Кастро.)

«... итак, под прикрытием этой отвратительной клеветы евреи упивались лютой ненавистью к христианам и Евангелию; они ничем не пренебрегли ради того, чтобы исказить хронологию Ветхого Завета и распространить сомнения

и проблемы в связи со временем прихода нашего Спасителя; все говорит об их упрямстве и злонамеренности... » Как известно, «Энциклопедия» подверглась массированным атакам со стороны как завистников-книготорговцев, так и придирчивых теологов и стала объектом целой серии разоблачений и интриг. В эту эпоху авторы подрывных сочинений обычно поступали иначе, подпольно распространяя рукописи или печатая их под вымышленными именами за границей. В определенном отношении их антирелигиозная пропаганда продолжала и развивала тезисы английских деистов: особенно отличались в этой области эрудиты Никола Буланже, Никола Фрере и Жан Батист Мирабо.

Главный центр этой деятельности размещался в Париже, в частном особняке, который в ту эпоху прозвали «синагогой улицы Руаяль». По этому адресу богатый и просвещенный немецкий барон Пьер-Тири (Дитрих) де Гольбах устраивал приемы и два раза в неделю давал «философские обеды».

Этот радушный хозяин должен был обладать исключительно сильным характером. Дидро, один из его сотрапезников, оставил любопытный портрет этого человека: «У него оригинальные идеи и особенный стиль. Представьте веселого сатира, остроумного, непристойного, энергичного, окруженного толпой целомудренных, вялых и хрупких персонажей. Таким он выглядел среди нас...» Однако за роскошным хозяином «синагоги» скрывался сдержанный и методичный апостол атеистической пропаганды, которую он сумел перевести с ремесленной стадии на индустриальную, организовав печатание в Лондоне и Амстердаме тайно распространявшихся рукописей и добавив к ним свои собственные сочинения.

Барон Гольбах опубликовал таким образом между 1760 и 1775 годами более пятидесяти произведений под вымышленными именами или анонимно, и установление авторства часто оказывается сложной задачей. Один из этих памфлетов под претенциозным названием «Система природы» безусловно принадлежит перу само-

го Гольбаха—глашатай поднимающейся буржуазии провозглашает в нем свои великие принципы под лозунгом «свобода, собственность, безопасность» и открыто утверждает радикальный материализм, т. е. материализм, доказываемый опытным путем на примере грандиозных успехов науки, которая в состоянии постичь лишь осязаемую и измеримую материю, но также и материализм, объявивший войну спиритуализму церкви, диалектически пытавшийся выступить в его роли и заменить его другой абсолютной и вечной истиной.

Весьма непростой (и для некоторых крайне дискуссионной) является попытка установить, в какой степени новая философия в своем империалистическом порыве подражала теологии, в то же время выступая в качестве ее противоположности. Проблема становится менее сложной, когда эта философия приходит к тем же ценностным выводам, что и ее противник, ограничиваясь обновлением аргументов. Нелегко освободиться от мира старого мышления, и эта преемственность обнаруживается во многих областях, осо-

бенно в сфере морали; евреи пострадали от этого в первую очередь. Ничто не может служить лучшим примером, чем сочинения, распространяемые Гольбахом, поскольку, используя все имеющиеся возможности, этот неутомимый пропагандист проявил себя весьма эклектичным в своем выборе. В самом деле, перечень этих сочинений простирается от книги талмудиста Оробио де Кастро «Отмщенный Израиль, или Естественное изложение предсказаний, которые христиане относят к Иисусу, их так называемому мессии» (Способ нападков на церковь с помощью Аргументов евреев не был чем-то новым, в XVIII веке пример был подан Джоном Толандом (см. выше) Трактат Анахарсиса Клоотса «Достоверность основания ислама», опубликованный в Лондоне в 1780 го ду, использовал тот же прием под видом апологии ислама. В обширном примечании к страницам 76-85 можно прочитать буквально следующее:

«Народ Господа имеет на своей стороне все возможные предрассудки, чистый и святой Закон, исходящий по признанию их противников от

Всевышнего, чья воля неизменна; книги, вдохновленные Высшим существом, которые не содержат никаких упоминаний о грядущем уничтожении самой древней на земле религии; напротив, эти книги изобилуют одобрительными высказываниями, обещающими ему вечное существование. Короче говоря, только на иудеев распространяются все преимущества Традиции, возражения христиан и мусульман рассыпаются в прах, когда раввин пускает в ход все возможности испепеляющей Традиции. Все толкования Библии христианскими и мусульманскими богословами, все чудеса, приписываемые ими Иисусу и Мухаммаду, пророчества, которые относятся к ним, оказываются всего лишь химерами, бредом, бессмысленными сказками, когда начинает звучать Традиция иудаистской церкви, это нерушимая цепь, ткань, которую ничем нельзя порвать. Нетрудно представить, что для назареев (т. е. христиан.—Прим. ред.) она еще опасней, чем для мусульман, из-за того места, где разыгрался фарс так называемого евангелия. Вступая в спор с этими двумя религиями, даже облада-

ющий самыми посредственными способностями иудей легко одерживает победу. Он говорит: я обращаюсь к нашей Традиции, я пользуюсь теми же аргументами и тем же оружием, что они используют против своих противников в рамках своих собственных религий. Они не могут отказать мне в том, из чего сами они извлекают столько преимуществ, и чему они приписывают такое большое значение. Итак, я пользуюсь нашей традицией как неприступной крепостью, я противопоставляю авторитет раввинов авторитету прелатов и муфтиев, а Талмуд книгам их первых теологов.. ») до «Духа иудаизма или рационального рассмотрения закона Моисея... », который сам Гольбах приписывал перу английского деиста Энтони Коллинза и подлинный автор которого остался неизвестным. В этом последнем труде можно обнаружить аргумент Никола Фреге:

«Очевидно, что христианство представляет собой всего лишь реформированный иудаизм. Откровение Моисею служит основанием для более позднего откровения Иисуса Христа, который

постоянно утверждал, что пришел отнюдь не для разрушения, а для исполнения закона этого наставника иудеев. Таким образом, весь Новый завет основывается на Ветхом завете. Короче говоря, совершенно очевидно, что иудейская религия является истинным основанием христианской религии. . . »

О еврейском народе:

«Этот единственный дорогой Господу народ стал очень слабым и несчастным. Во все времена, оказываясь жертвой своего фанатизма, своей замкнутой религии, своего странного закона, этот народ теперь пребывает в рассеянии среди всех народов, для которых он служит постоянным памятником ужасным последствиям ослепления суевериями. . . »

Мы признаем великую идею деизма о народе-свидетеле ошибки христианского откровения. В заключение наш автор призывает своих современников отвести свои глаза от этих злосчастных «обломков прошлого», от этих «трусливых и опустившихся азиатов». . .

«О Европа, осмелюсь, наконец, свергнуть невыносимое иго поразивших тебя предрассудков! Оставь нелепым евреям, неистовым глупцам, трусливым и опустившимся азиатам эти суеверия, столь же бессмысленные, сколь и унижительные; они совершенно не годятся для живущих в твоём климате... навсегда закрой свои глаза на эти бесплодные химеры, которые на протяжении стольких веков служили лишь препятствием на пути продвижения вперед к подлинному знанию и выталкиванию тебя с дороги к счастью!»

Другие акценты еще больше напоминают антисемитскую пропаганду XX века, а особенно нацистскую пропаганду высшего уровня:

«Поистине, необходимо признать, что евреи, даже погибая, хорошо отомстили победившим их римлянам. На развалинах их страны возникла секта фанатиков, которая постепенно заразила всю империю... »

Таков был «Дух иудаизма». Само собой разумеется, что этот непрерывный огонь не всегда был столь интенсивным. Его энергия менялась в

различных трудах, издаваемых Гольбахом. Так, «Священная инфекция...», приписываемая англичанину Тренчарду, ограничивается классическими проклятиями по адресу «ужасного Бога евреев (...), Бога крови, которого можно умиловить только кровью, чей гнев можно обуздать только потоками крови, кому можно доказать свое рвение лишь жестокостью...» и т. д. В «Разоблаченном христианстве...», принадлежащем перу энциклопедиста Никола Буланже, предъявляются обвинения народу этого Бога, «самому невежественному, самому глупому, самому отвратительному, чье свидетельство не имеет для меня никакого значения (...). Евреи остаются рассеянными, потому что они необщительны, нетерпимы, слепо привязаны к своим предрассудкам...» Потоками брани этого рода изобилуют почти все издания Гольбаха, кем бы ни были их возможные авторы. Показательным в этом плане является знаменитый трактат «Таблица святых...», автором которого, возможно, является сам Гольбах, где приводятся обширные выдержки из важнейших христианских полеми-

ческих трудов, направленных против Талмуда:

«Что касается истинной морали, то современные евреи полностью ее игнорируют подобно евреям древности. Они не честнее и не справедливее по отношению к чужестранцам, чем их предки. Они по-прежнему считают, что им все позволено по отношению к неверным и еретикам. . . Иудейские богословы без колебаний утверждали, что если еврей видит, что неверный находится на грани гибели или тонет, он не должен его спасать или вытаскивать из воды, хотя запрещается его убивать, если он не нападает на израильтян. . . Не разрешается лечить неверного, если он заболел, даже за плату, если только нет опасений, что он может принести вред израильтянам из-за отказа в лечении. . . В целом, поведение современных евреев, так же как и их предков, позволяет сделать вывод, что они считают себя не имеющими никаких обязательств по отношению к тем, кто не принадлежит к их священному народу. Они хорошо известны своими мошенничествами и недобросовестностью в коммерции, и есть основания полагать, что если бы они были более могуще-

ственными, то во многих случаях они бы возобновили те трагедии, которые в древности постоянно происходили в их стране. . . »

Однако с присущим ему оптимизмом барон не сомневался в существовании добрых евреев, т. е. поправших закон Моисея:

«Если среди них имеются честные и добродетельные лица, в чем не следует сомневаться, то это объясняется их отступлением от принципов веры, очевидно рассчитанных на то, чтобы сделать людей неуживчивыми и зловредными—именно такое воздействие должна была оказать Библия и святые, которых она предлагает в качестве образцов. Рассматривая подобную книгу одновременно как боговдохновенную и содержащую правила поведения, невозможно не превратиться в личность, лишенную справедливости, веры, чести, жалости, иными словами, в совершенно безнравственного человека».

Таким образом, если для атеистов школы Гольбаха понятие «еврей» оказалось навсегда дискредитированным, то для носителей этого имени оставалась единственная возможность из-

бежать унижений с их стороны, заключающаяся в отказе от своей веры. Обращающиеся в христианство поступали точно таким же образом, так что в этом смысле крестоносцы неверия не изобрели ничего нового.

Очевидно, что барон не был «расистом» в современном смысле этого слова. Первые основы будущих расистских теорий были заложены в эту эпоху для совсем других людей поборниками науки и миссионерами прогресса, действовавших в совершенно иной области.

Создатели систем

Расизм—это прежде всего история одного слова, а именно слова раса. Это слово появляется в Европе в XV веке, а именно во французском языке в значении «поколение», «потомство», «происхождение». С самого начала в нем была заложена оценка качества: «благородство происхождения» («noblesse de race») противопоставляется «простонародности» («roture de race»), хорошее происхождение («la bonne race») дурному («la mauvaise race») ([Прим, ред.] В настоящем разделе книги рассматриваются значения и история употребления слова «раса» (la race). При этом следует иметь в виду, что во французском языке слово «раса» имеет значительно более широкий спектр значений, чем в русском, и используется в целом ряде идиоматических выражений. Ниже приводится статья «Race» в «Новом французско-русском словаре" В. Г. Гака и К. А. Ганшиной (Москва, 1994, с. «race f 1) раса 2) род, племя; de race noble благородного происхождения; la race humaine род людской; fin de race вырождающийся; la race en est Eteinte таких уже больше нет 3) уст. династия. . .

4} потомки; поколения; les races futures, les races a venir поэт, грядущие поколения 5) порода, племя; avoir de la race быть породистым; de race породистый; ficrivain de race настоящий писатель; butail de race племенной скот; quelle sale race! проклятое отродье 6) (неточное употребление) народность, этнос». Идя удобства читателя в случаях, когда для перевода французского слова «race» вместо слова «раса» используются иные слова, они заключаются в фигурные скобки: {... }.

«{Племя} богов Франции, честь мира,
Мой государь, мой господин, опора моих стихов».

(Ф. Депорт, «Анжелика»)

«Он был из евреев. Он был дерзкого {племени}. Распространившись по земле, они покрыли его лицо». (Расин, «Эсфирь». II.)

«Хорошая, {породистая} собака». В своем родовом, ученом значении термин «раса» применялся к животным раньше, чем к людям. В 1765 году во Франции «Энциклопедия» ограничивает его использование в этом значении «осо-

быми породами некоторых животных, особенно лошадей». В дальнейшем, по отношению к людям слово «расе» обычно содержало уничижительный оттенок, как если бы речь шла о зверях или животных. Этот оттенок в какой-то мере сохраняется и в наши дни, как это фиксируется в словарях (См. словарь «Литтре», *Race* (. . .) 5: «Иногда употребляется по отношению к общности людей, объединяемых профессией, привычками или склонностями; в этом случае имеется оттенок иронии или даже оскорбления. . . ». См. также «Словарь Французской академии»: «*Race* говорят также о группе людей, имеющих одинаковую профессию или общие склонности и привычки; в этом случае слово *race* всегда имеет негативный смысл. . . »).

Однако с начала XVIII века своеобразный предшественник трансформизма Бенуа де Майе говорит о человеческих расах., вышедших по его мнению из моря.

Другой ранний сторонник «полигенизма», Вольтер, особо подчеркивает расовое превосходство европейцев, «людей, которые мне кажутся

высшими существами по сравнению с неграми, подобно тому, как негры относятся к обезьянам, а обезьяны к улиткам. . . " .

Затем более методичные мыслители закладывают основы будущей антропологии, но отказ от библейской космогонии оставляет им свободное пространство для рассуждений, которые чаще всего оказываются не слишком лестными для «дикарей». Оценки такого рода несут отпечаток амбиций молодой буржуазии, характерных для просвещенного общества того времени; без сомнения они составляют часть материалистических идей Просвещения, направленных на то, чтобы вырвать у тела секреты души. Таково было общее направление антропологических исследований: на протяжении поколений ученые прилагали все усилия, чтобы обнаружить имеющиеся в теле человека материалистические и осязаемые доказательства интеллектуального и морального превосходства белого человека, не смиряясь с тем, что его биологическое строение, как и строение негра, похоже на строение обезьяны. Стремительное распространение слова и поня-

тия «раса» оказывается весьма показательным в этом отношении. Вначале большую роль в увеличении популярности этого термина сыграл Бюффон, чей всеобъемлющий авторитет в век Просвещения уступал лишь авторитету Вольтера. Известно, что для автора «Естественной истории» мир представлял собой пирамиду, на вершине которой находился человек. Бюффон писал:

«Все в человеке, даже облик, указывают на его превосходство над всеми живыми существами. Он держится прямо и гордо, его осанка свидетельствует о властности, его голова обращена к небу, а величественные черты лица отражают благородство его характера. Образ души запечатлен на его внешности, превосходство природы проявляется сквозь телесные органы и одухотворяет божественным огнем черты его лица. Величие облика, решительность и смелость манер свидетельствуют о его благородстве и достоинстве... »

Но Бюффон находит, что в полной мере это достоинство и эти качества присущи лишь белому европейцу. Лишь он один воплощает подлин-

ную человеческую природу, которая оказалась выродившейся у всех остальных рас. Эта теория, которую, видимо, впервые сформулировал математик Мопертюи в трактате «Физическая Венера», была развита Бюффоном в труде «О вырождении животных». Будучи сторонником идеи единства человеческого рода, в этой книге Бюффон высказывает предположение, что, распространяясь по земному шару, человек претерпел «изменения» дегенеративного характера:

«... они [эти изменения] были незначительны в умеренных районах, которые, как мы полагаем, соседствовали с местом его происхождения; но они увеличивались по мере его удаления от этих мест, так что когда... он захотел заселить пески Юга и льды Севера, изменения стали столь ощутимыми, что можно было бы прийти к выводу, что негр, лапландец и белый образуют разные виды, если бы не было лишь единственного сотворенного человека... »

Бюффон даже предлагал провести естественный эксперимент, чтобы установить, сколько поколений потребуется для того, чтобы переселен-

ные в Европу негры восстановили человеческую природу в полном объеме:

«Потребуется изолировать этих негров с их женщинами и тщательно следить за сохранением чистоты их расы, не допуская никаких смещений, это единственное средство, с помощью которого можно установить, сколько времени потребуется для того, чтобы восстановить в этом плане естество человека и тем самым определить, сколько времени ушло на превращение белого человека в негра. . . »

Вырождение негров превратило их в низших существ, но пальму первенства среди неполноценных людей Бюффон отдает лапландцам. Его книга «Естественная история человека» открывается описанием этих «выродков»:

«Эти народы не только похожи друг на друга своим безобразием и малым ростом, цветом волос и глаз, но у них еще и очень сходные наклонности и обычаи, в равной мере все они отличаются грубостью, суеверием, глупостью (. . .), у них отсутствует смелость, самоуважение и стыд: нравы этих отвратительных людей заслуживают

лишь презрения».

Для подтверждения этой мысли Бюффон сообщает своим читателям, что у лапландцев бесстыдство доходит до того, что они моются голыми все вместе, мальчики и девочки, матери и сыновья, братья и сестры. Затем Бюффон дает понять, что единственным человеческим признаком у лапландцев можно считать то, что они сами осознают свою низость. В самом деле, у них существует странный обычай предлагать чужеземцам своих жен, «что можно объяснить тем, что они осознают свое уродство и безобразие своих женщин, и поэтому находят менее уродливыми тех из них, кем не пренебрегли чужеземцы». У Дидро также можно обнаружить эту логическую связь между сексуальными обычаями «дикарей» и осознанием ими своей неполноценности—предлагая свою жену и дочерей европейцам, житель Таити объясняет: «Вы более сильные и более здоровые, чем мы; мы также заметили, что вы умнее нас, поэтому мы прямо сейчас приняли решение выбрать для вас самых красивых среди наших жен и дочерей, что-

бы они могли принять семья расы, превосходящей нашу».

Подобные взгляды объясняются прежде всего объемом знаний того времени; суждения Бюффона о лапландцах совпадают с тем, что говорили на эту тему Реньяр и Мопертюи в своих заметках по поводу негров. Другие путешественники рассказывали и гораздо более ужасные вещи (Известно, какой популярностью пользовался в XVIII веке миф о «добром дикаре», добродетели которого рассматривались как пример для подражания европейцами. Но здесь речь скорее шла о приеме социальной критики, так что аполгии такого рода не находили поддержки среди первооткрывателей и основателей антропологии. Можно предполагать, что естественное убеждение в истинности их науки приводило к позитивным, предрассудкам в отношении того общества, в рамках которого эта наука развивалась. Как бы там ни было, все научные труды и притязания того времени характеризуются идеей превосходства европейцев в самом широком смысле.). Но сами принципы этих рассуждений отражают также

фундаментальную ошибку методологии антропологических исследований на начальной стадии, состоявшую в произвольном

отождествлении физического описания и эстетических оценок, а также морализирования, основанного на убеждении в существовании «законов» морали, столь же универсальных, как и «законы» Разума. В самом деле, новая эсхатология прогресса формировалась по церковным образцам. Рождающаяся наука не была свободна от господства ее предшественницы—теологии и существовала за счет запаса привычных идей, вскормленных христианской моралью. Отсюда происходит вера в естественный закон, который управляет всеми сферами бытия, а также смешение фактов и права, описательной науки и нормативных дисциплин.

Ложное сопоставление реальных «физических характеристик» и неуловимых «психических» и даже моральных характеристик присуще в равной мере и классификации Линнея, великого соперника Бюффона, хотя этот набож-

ный христианин был бесконечно менее склонным доходить до крайностей, чем французский естествоиспытатель с неясными религиозными взглядами. В своей знаменитой «Системе природы» Линней постулировал существование в рамках класса приматов, куда относились и обезьяны, четырех вариаций вида Homo Sapiens— «Americanus», «Europaeus», «Asiaticus», «Afer», различавшихся между собой как цветом кожи и волос, так и обычаями и темпераментом. Но хотя он противопоставляет «изобретательному и искусному» европейцу «жадного и склонного к роскоши» азиата и, в еще большей степени, «хитрого, ленивого и неаккуратного» африканца, сервильного Homo afer, но на вершину классификации Линней помещает «упорного, самодовольного и свободолюбивого» американца, так что возникает соблазн видеть в этом некоторое проявление христианского смирения.

По поводу своего класса приматов Линней писал: «Я не могу обнаружить разницы между человеком и троглодитом [т. е. человекообразной обезьяной], хотя приложил к этому все усилия,

если только не обращаться к ненадежным характеристикам. . . » Но сам факт, что ему не удалось «открыть душу с помощью своего скальпеля», служил для Линнея доказательством его веры. Он писал: «Когда мы отдаем человеческое тело во власть анатомического скальпеля, чтобы найти в структуре органов что-нибудь, что отсутствует у других животных, мы вынуждены признать тщетность наших усилий. Тем самым оказывается неизбежным отнесение наших исключительных способностей на счет чего-то абсолютно нематериального, что Создатель даровал только человеку и что является душой. . . »

Французские соперники Линнея, не располагавшие подобными теологическими ресурсами, бурно выражали свое негодование. Для них само достоинство человеческой природы было поставлено под сомнение. Критикуя систему Линнея, согласно которой лошадь и осел относятся к одному классу (или «семейству»), Бюффон восклицал: «. . . равным образом можно заявить, что обезьяна относится к семейству человека, что это выродившийся человек, что человек

и обезьяна имеют общее происхождение... Не похоже, чтобы естествоиспытатели, с легкостью устанавливающие семейства в мире животных и растений, почувствовали весь размах последствий подобных утверждений». Сотрудник Бюффона Добантон также упрекал Линнея в унижении человеческой природы: «Меня всегда поражало, что место человека в рамках первого рода [классификации] оказывается сразу же под общим наименованием четвероногих, каковые составляют общее название этого класса: весьма странное место для человека! Какое несправедливое распределение, какой ложный метод помещает человека на уровень четвероногих животных!»

Легко видеть метафизический подход и с одной, и с другой стороны; Линнея отнюдь не смущает то обстоятельство, что ему не удастся обнаружить структурные различия там, где, как ему известно, Бог заложил различия иного порядка. Для контраста приведем подход крупного мыслителя той же эпохи, но совершенно иных взглядов на примере полемики между анатомом Иоганном

Меккелем лем-старшим, хирургом Фридриха II, и его знаменитым голландским коллегой Питером Кампером. Проведя в 1757 году анатомические исследования негров, Меккель установил, что их мозг оказался темнее, чем у европейцев, а кровь черной, «такой черной, что вместо того, чтобы пачкать простыни в красный цвет, как это обычно бывает с кровью, она оставляла черные пятна». Из этого он сделал вывод, что негры относятся к «почти отдельному человеческому виду в том, что касается их внутреннего устройства». Кампер прокомментировал это следующим образом: «Отсутствие привычки видеть негров, без сомнения, внушило ему [Меккелю] своеобразную неприязнь и отвращение к их цвету (. . .). Поэтому я решил обратиться к этой интересной проблеме, чтобы насколько возможно прояснить то положение христианской религии, согласно которому при сотворении мира Бог создал лишь одного человека—Адама, которому мы обязаны своим происхождением, сколь бы ни были различны черты наших лиц и цвет кожи. . . »

Итак, по мере того как новый человек, Про-

метей века Просвещения, творец науки и прогресса, стал занимать на вершине творения место Бога, начала расширяться пропасть, отделяющая его от других созданий, от четвероногих, от обезьян и дикарей. Освобождение науки от церковных пут, отказ от библейской космогонии и христианских ценностей расчистили дорогу для расистских теорий. У некоторых почтенных ученых того времени они даже принимали манихейский характер (т. е. бинарное восприятие мира как арены борьбы полярных сил Добра и Зла.— Прим. ред.). Так, согласно немецкому философу Христофору Мейнерсу, верившему в то, что он открыл существование двух человеческих рас—расы «светлой и прекрасной») и расы «темной и уродливой», они противостояли друг другу как добродетель и порок. Как утверждал Мейнерс, эта теория позволяет открыть тайну «высших людей», которые появляются только у благородных народов:

«Только белым народам, особенно кельтам, присуще настоящее мужество, любовь к свободе, другие страсти и добродетели возвышенных

душ. . . черные и безобразные народы отличаются от них достойным сожаления отсутствием добродетелей, а также разнообразными ужасными пороками. . . »

Очевидно, что в рамках морализаторского эстетизма доканти-анской немецкой философии белая раса противопоставляется Мейнерсом другим расам как свет тьме или добро злу. Жан Жозеф Ви-рей, французский ученый, пользовавшийся авторитетом в начале XIX века, вновь вернулся в 1800 году к этой классификации в своей «Естественной истории рода человеческого»:

«Мы представим здесь описание общих характеристик всех человеческих рас, которые в принципе можно разделить на прекрасные и белые и уродливые, коричневые или черные (. . .). Для кельтских наследственных линий, а также сарматских или славянских, характерны овальные лица, приятные, симметричные. . . Наконец, величественные и гордые формы, благородная душа, энергичный и открытый характер, красота, мужество, ум, совершенство и социальные

добродетели возвышают эту человеческую расу над рабским стадом других смертных, которые пресмыкаются, привязанные к скудной земле в своем омерзительном однообразии. Чем стал бы наш мир без европейцев?»

Кроме этого европеец призван управлять миром: «Европеец, призванный своей высокой судьбой к мировому господству, которое он сумеет осветить своим умом и обуздать своей доблестью, это настоящий человек, глава рода человеческого; остальные, ничтожная толпа варваров, являются, так сказать, лишь зародышем. . . »

Все это не мешает тому, чтобы в качестве истинного сына Революции Вирей высказывал сожаление по поводу печальной участи чернокожих рабов (при этом подразумевая, что они сами виноваты в своей судьбе); еще более показательным является его убеждение, что негр стоит ближе к орангутангу, чем к белому человеку, так что он склонялся к гипотезе полигенизма. В ту эпоху ученые имели по вопросу о происхождении человека сведения, которыми мы больше не располагаем. Сомаресу, другому сыну революционного

поколения, в 1798 году пришла мысль измерять интеллектуальность путем сравнения объема черепа у белых и черных: тем самым он внес свой вклад в то, что антропология погрязла в рутине измерений, из которой она не могла выбраться более столетия.

Нельзя не заметить, что все наши ученые, считавшие, что белый человек выше цветного, как правило, не делали никаких различий между отдельными группами европейского населения. В этом смысле они оставались добрыми космополитами XVIII века (что в конечном итоге оборачивалось в пользу евреев; даже системы Мейнерса и Вирея имплицитно помещали их в «светлую расу»). Лишь под покровом наполеоновских войн и взрыва шовинистических настроений появляются новые различия; тогда к краниологическим и физиологическим пристрастиям, унаследованным от французской материалистической философии, прибавились филологические пристрастия, вдохновленные идеалистической немецкой философией, породившей в свою очередь великий миф об «арийской расе». Об этом пойдет

речь дальше. Остается добавить, что в обще-европейском масштабе главным гарантом новой научной антропологии был, вероятно, Иммануил Кант. В своих великих философских трудах он был универсалистом, однако не колебался отказаться от этого принципа при изучении истории рода человеческого в своих лекциях по антропологии и всевозможных заметках. В самом деле, он делил всех людей на расы или подразделения неравного качества, так что по его мнению смешение рас могло угрожать духовному прогрессу человечества. В заметке, посвященной именно этой теме, он писал, что «скрещивание между американцами и европейцами, или европейцами и чернокожими, ведет к упадку лучшей расы, но без пропорционального улучшения худшей». Мы обнаружим эти идиосинкразии великого философа, отмеченные, если речь шла о евреях, своеобразной яростью, когда в следующей главе перенесемся в Германию (Более подробно антропология эпохи Просвещения рассматривается в нашей книге "Арийский миф», Париж 1971 (русский перевод—Санкт-Петербург, 1996)).

Восстановители

В 1775-1780 годах французские просвещенные круги начали интересоваться униженным положением евреев. Этот интерес совпал с распространением гуманистической чувствительности, переживаниями по поводу участи всех обездоленных, в том числе заключенных и сумасшедших. Это не означает, что новое буржуазное общественное мнение существенно переменяло свое отношение к иудаизму или даже к евреям. Это отношение в целом осталось неблагоприятным; речь здесь скорее идет о принятии на себя ответственности, об изменении отношения общества эпохи Просвещения к себе самому: если преследуемый народ обладает многочисленными пороками, то не ложится ли вина за них прежде всего на нас, преследовавших его?

В 1775 году эта точка зрения была настойчиво выражена адвокатом Пьером Луи Лакретеллем-младшим в защитительной речи, которая затем была опубликована за счет его клиентов. Она не была лестной для «этого народа, который, казалось, был рожден для унижения, несчастья и интриг (...) Если угодно, это

особый народ, выродившийся, которому чужды слава, честь и все, что приятно человеческим сердцам. . . Но разве в этом вина человека? Разве дело заключается не в его положении?»

Лакретелль просил суд пересмотреть «безумные законы в пользу своих клиентов и запретить их использование в будущем. Пусть их сердца покинет эта низменная жадность к наживе, эта подлая бесчувственность, эта жестокая недоверчивость, эта черная склонность к обману и ростовщичеству!» Он не сомневался, что эти пожелания могут исполниться, если общество станет относиться к евреям по справедливости.

Новые кампании в пользу евреев не были целиком спонтанными. Богатые евреи способствовали этому самыми разными способами, обеспечивая своих защитников необходимыми аргументами, организуя издание и перевод их сочинений, обращаясь к влиятельным и могущественным лицам, прежде всего в придворных кругах. С другой стороны, речь здесь идет о преимущественно международной кампании, основной центр которой находился в германских странах, где этот

вопрос уже давно был поставлен в повестку дня и где в Берлине Мозес Мендельсон являл изумленному миру образ еврея-философа, т. е. воплощенного возрождения. О важности той роли, которую сыграли немецкие евреи в деле своей эмансипации, речь пойдет в следующей главе. Что же касается Франции, интересно отметить, что основные работы по этой тематике, предложенные широкому читателю, были переведены с немецкого, в том числе «Евреи» Лессинга (1781 г.) или «О политической реформе евреев» Дома (1782 г.), а также «Трактат о законе Моисея» И. Д. Михаэлиса и «Образование для спасения...» Гартвига Вессели.

В 1787 году Мирабо, посещавший еврейские салоны Берлина, опубликовал свою книгу «О Мозесе Мендельсоне, или О политической реформе евреев». Его труд начинался в весьма типичной для той эпохи манере: «Человек, ввергнутый природой в гущу толпы униженных...» Накануне Революции он готовил еще один труд на «эту тему, бесконечно заслуживающую внимания».

Подобная активность не могла не вызвать беспокойства, отражение которого можно обнаружить в некоторых популярных изданиях («Современное евангелие», «Защита моего дяди», «Философия истории»), которые откровенно черпали свои доводы в арсенале Вольтера. Пользовавшийся достаточной известностью Луи Себастьян Мерсье опубликовал в 1770 году роман-предвидение «2440 год, мечта о его несбыточности». В 1786 году он добавил к тексту еще одну главу, в которой его мечта обогатилась видением, предвосхищавшем одновременно «Протоколы сионских мудрецов» и гитлеровский геноцид:

«Евреи,—констатировал рассказчик из 2440 года,—размножились почти сверхъестественным образом при попустительстве других народов, проявивших исключительную терпимость. В результате они решили, что пришло время возродить закон Моисея и возвестить его миру всеми способами, которые давало им огромное богатство... Они считали себя народом-предшественником христиан, созданным для

подчинения остальных, и для этого объединились вокруг своего вождя (...). Титул короля евреев, возложенный на некоего честолюбца, вызвал политическую бурю; возникшие потрясения не могли нас не обеспокоить. Мы не хотели проливать много крови, а этот народ, со своей стороны, был готов к возобновлению всех ужасов, которыми изобилует его история, и где он был действующим лицом или жертвой. Вы оставили в покое эту закваску, которая незаметно распространилась по всем странам Европы (...). Их ярость испугала нас, можно было подумать, что дело идет к тому, что в мире не останется никого, кроме верующих, преданных закону Моисея (...). Пришлось прибегнуть к решительным мерам, чтобы подавить это кровожадное суеверие...»

Автора «Парижских таблиц» Мерсье можно рассматривать как выразителя интересов цеховых организаций.

С политической точки зрения радикальная реформа положения французских евреев отныне перешла в практическую плоскость. Просвещенный австрийский монарх Иосиф II подал при-

мер, последовательно издав «эдикты о терпимости» для протестантов (1781 г.) и евреев (1783 г.). Его зять Людовик XVI приказал Малербу в 1787 году урегулировать протестантский вопрос, а затем поручил ему заняться еврейской проблемой. Этот крупный государственный деятель монархии пришел к выводу, что реформа положения евреев была столь же необходимой, сколь тяжелой. По его мнению, евреи составляли не государство в государстве, а государство в государствах (*imperium in imperiis*). В этом плане он сравнивал их с иезуитами: как и у них «руководители этого народа приходят на помощь отдельным лицам в той мере, в какой необходимо, чтобы отчаяние не вынудило их отказаться от своей религии, но никогда не выходят за рамки того, что необходимо для этой цели». Он относил к пророку Иеремии и вавилонскому плену политику, заключавшуюся в том, чтобы «склоняться перед бурей в ожидании осуществления великой мечты о возвращении на Землю обетованную и жить среди господствующих народов, не смешиваясь с ними и всегда оставаясь чужим

народом». Но для Малерба не возникал вопрос о том, чтобы заставить еврейские массы искупать ошибки своих вождей: «Эти несчастные тем не менее являются людьми, которые не смогут нигде найти себе пристанища; их изгнание—это варварство, почти равносильное тому, что привело к изгнанию морисков из Испании в 1610 году. Но Малерб удалился от дел в 1788 году до того, как он успел представить свой проект реформы.

Итак, эмансипация оказалась включенной в повестку дня. Академия Меда в 1785 году объявила конкурс на тему: «Есть ли средства сделать евреев во Франции более счастливыми и полезными?», так что подразумевалось, что они не являются ни счастливыми, ни полезными. Из десяти поступивших на этот конкурс сочинений почти все отражали дух Просвещения, т. е. уверенность в возможности разрешить все проблемы путем издания хороших законов, и предвосхищали централизующие и нивелирующие принципы Революции. Так, аббат Грегуар сначала выражал надежду, что «однажды окажется возможным выкорчевать эту разновидность арго,

этот германско-еврейско-раввинистический жаргон, которым пользуются немецкие евреи и который служит лишь для увеличения невежества и сокрытия обмана»; после этого он сформулировал общее пожелание об «упразднении жаргонов [патуа] во имя политического спокойствия и распространения просвещения». Чтобы лучше понять эту атмосферу, следует уделить немного внимания конкурсу, объявленному академией Меда.

Академия не нашла ни одну из десяти представленных работ полностью удовлетворительной. Авторов упрекали в том, что они не учитывали всех препятствий на пути возрождения евреев; среди прочего отмечался «страх перед евреями, численность которых возрастает с большой скоростью, опасения создать в лоне королевства отдельный и по-прежнему чуждый народ, который, воспользовавшись свободой заниматься ремеслами и профессиями, чтобы увеличить свои капиталы, и свободой приобретения имущества для вложения капиталов, придет к захвату почти всех земельных угодий. . . ». Тем не менее с удо-

влетворением констатировалось:

«В целом, все полученные нами работы за одним или двумя исключениями указывают на наши предубеждения против евреев как на основную причину их пороков, и особенно того из них, который больше всего нас возмущает. Мы сами низводим их до состояния невозможности быть честными: как же мы можем требовать от них честности? Мы должны относиться к ним по справедливости, чтобы и они стали справедливыми по отношению к нам, таково желание человечества и всех разумных людей. Есть все основания верить, что правительство услышало это пожелание и не замедлит его осуществить».

В результате академия разделила свой приз между тремя работами, которые были опубликованы; их авторами были Залкинд-Гурвиц, аббат Грегуар и адвокат из Нанси Тьерри.

Гурвиц, польский талмудист, занимавшийся в Париже ремеслом старьевщика, в дальнейшем стал хранителем восточного департамента Королевской библиотеки. Самостоятельно добившись эмансипации, этот еврей отошел от своей общи-

ны. Он писал: «Все, кто со мной знакомы, знают, что во Франции я совершенно одинок и не в состоянии пользоваться преимуществами, которые могли бы ввести для моего народа». Однако ему хватило смелости заняться самозащитой, он даже оказался единственным, кто выступил в защиту своих братьев, утверждая, что такие, как они есть, они не уступают в добродетели христианам. Он писал: «Евреи—это самые мирные, самые трезвые, самые предприимчивые среди всех народов; тяжелые преступления почти не встречаются среди них, и единственные пороки, которые они разделяют с другими народами,—это ростовщичество и обман, да и то в значительной степени они являются результатом нужды, мести и предрассудков. . . Я утверждаю, что ни один стоик во всем мире не сможет на месте евреев быть более терпеливым и честным, чем они».

Иронически цитируя строку Вольтера: «Мои преступления—это ваши преступления, и вы меня за них наказываете», Гурвиц относил их к антиеврейским полемистам: «Они преувеличивают малейшие проступки евреев и обвиняют в них

весь народ; к тому же они выдают следствия за причины; они говорят, что евреи заслуживают быть угнетенными, потому что они ростовщики и мошенники, вместо того чтобы сказать, что они ростовщики и мошенники, потому что их угнетают и им запрещено заниматься всеми законными профессиями». От евреев он переходил к иудейскому учению, проводя различие между «филантропией» и не слишком щепетильными выводами на основе «мести и отчаяния», которые извлекали из учения не слишком образованные раввины. Будучи и сам сыном раввина, он обсуждал эти вопросы со знанием дела. Попутно он обратился к королевскому правительству с заявлением, в котором констатировалось:

«Ложь, распространяемая по поводу евреев, дает мощное оружие в руки пирронистов и атеистов. (Пиррон—древнегреческий философ, основатель школы скептицизма.—Прим. ред.) В самом деле, какой веры может заслуживать история в целом и, особенно, библейская история, т. е. история евреев древности, если правительство поощряет столько клеветы против Библии

и столько бессмысленных выдумок по адресу современных евреев, одобряет цинизм, с которым их выдают за народ пигмеев с косыми глазами и ограниченным умом. . . »

Автор этой апологии доказывал также, что за стенами гетто культивировались свои представления о чести, совсем как в парижских салонах:

«Мне остается ответить на третий упрек, адресованный евреям, а именно отсутствие у них честолюбия и полное безразличие к вопросам чести и к оскорблениям. Этот упрек совершенно лишен смысла—достойные люди пользуются уважением, бесчестных и невежественных презирают среди евреев точно так же, как и среди других народов. У них также проводятся диспуты в синагогах; их мудрецы не становятся хуже оттого, что не носят квадратных шляп; среди них также есть такие, кто не согласен занимать второе место в общине, подобно Цезарю в Риме. Если это честолюбие не приводит их к настоящей славе, то только потому, что угнетенное положение закрывает им этот путь. . . »

Очевидно, что наш автор постоянно сравнивает между собой те два общества, которые ему известны, еврейский, откуда он вышел, и тот, что он посещал в Париже. Возможно, эта двойная культура обостряет его зрение и делает из него предшественника еврейских социологов будущих поколений. Академия Меца проявила себя далеко не худшим образом, присудив ему первый приз, тем более что, принося извинения за свой «сарматско-французский стиль», этот искусный диалектик в то же время проявил себя сформировавшимся стилистом («Апология евреев в ответ на вопрос, имеются ли средства сделать евреев более счастливыми и более полезными во Франции», сочинение М. Залкинд-Гурвица, польского еврея Париж, 1789).

Две другие работы, награжденные академией, имели много общих черт («Очерк физического, моральной и политического возрождения евреев», сочинение г-на Грегуара, кюре диоцеза Меца. Мец, 1789, «Диссертация по проблеме, есть ли средства сделать евреев более счастливыми и полезными во Франции»⁹), сочинение г-

на Гьери, адвоката в парламенте Нанси Париж, 1788.). Адвокат и священник проявили себя более жесткими по отношению к евреям, чем бывший старьевщик, описывая их испорченность в одинаково мрачных тонах. «Нелепая боязливость... они встречаются нам с печатью позора на лице и душой, часто увядшей от пороков; посмотрим, можно ли надеяться развить у них ростки социальных добродетелей...» (Тьери). «Это растения-паразиты, подтачивающие дерево, к которому они прицепились... Если бы евреи были дикарями, было бы намного легче их возродить...» (Грегуар). В главе, посвященной физическому телосложению евреев, аббат задавал себе вопрос о причинах их вырождения, которое, следуя за авторитетом Бюффона, он объяснял среди прочего их питанием, а именно употреблением мяса ритуально убитых животных.

Единственными достоинствами, которые оба наши автора признавали за сыновьями Израиля, были семейные добродетели, «почти повсеместно присущие им: действенная доброта к неимущим братьям, глубокое уважение к современным

им ученым и писателям; они будут в отчаянии, если умрут, не получив благословения своих отцов и не передав его своим детям» (Грегуар); «у этого народа супруги еще хранят верность, отцы добры и чувствительны, а сыновья неизменно почитательны» (Тьери).

Никто из них не осмеливается отвергнуть, как ложное, теологическое обвинение в богоубийстве. «Верно, что эта религия учит нас, что евреи, виновные в самом тяжком злодеянии, заслужили Божественный гнев...» (Тьери); «кровь Иисуса Христа пала на евреев, как они этого хотели...» (Грегуар). Но оба автора спрашивают, по какому праву люди заменили собой Бога, чтобы карать евреев? «Разве нам доверено исполнение наказания, и зайдем ли мы так далеко, чтобы считать себя орудием Его мести?» (Тьери). Грегуар приходил к весьма смелым заключениям, чтобы показать неуместность подобных рассуждений: «Не следует пытаться делать религию соучастницей жестокости, которую она осуждает; предсказывая несчастья еврейского народа, Всевышний не имел в виду

оправдание варварства других; а если мы претендуем на невиновность, рассматривая себя как орудие Его мести, необходимое, чтобы обеспечить исполнение пророчеств, то это быстро приведет к оправданию предательства Иуды... » Устранив таким образом проблему сакрального преступления, а также несмотря на возможную тяжесть мирских преступлений евреев, наши реформаторы смело берут на себя ответственность за их падение; можно даже задать себе вопрос, не предпочли ли они для своей картины черный цвет по соображениям риторики. «Это нас следует обвинять в этих преступлениях, в которых столь справедливо упрекают евреев; мы их к этому принуждаем... мы должны объяснять это жестоким отношением к ним наших отцов, а также нашей собственной несправедливостью... » (Тьери). «Если вы снова рассматриваете прошлые преступления евреев, а также их нынешнюю испорченность, то вам следует сожалеть о ваших собственных усилиях; вы породили их пороки, сделайте то же самое и для их добродетелей; заплатите по вашим долгам и по долгам

ваших предков. . . » (Грегуар).

Но восстановители уже знали, что они должны сражаться на двух фронтах: согласно тому же духу времени, который позволил им оспаривать традиционное учение церкви, распространилось подозрение, что евреи плохи «в принципе», т. е. таков приговор природы без права на обжалование. Против этого категорически возражает аббат Грегуар: «Как нам говорят, евреи неспособны к возрождению, потому что они совершенно испорчены; можно ли поверить, что эта испорченность им внутренне присуща? Некоторые печальные философы утверждали, что человек рождается злым. . . Улучшим их образование, чтобы очистить их сердца; уже давно повторяют, что они такие же люди, как мы; они сначала люди, а потом евреи (. . .). Еврей появляется на свет с такими же способностями, что и мы. . . » Кроме того, Тьерри клеймит «безумцев, обвиняющих саму Природу: они говорят, что Природа совершила ошибку, создавая евреев, она вылепила их из отвратительной грязи. . . ». Он восклицает, что говорить о такой ошибке озна-

чает «кощунствовать против Природы». К тому же возможность возрождения евреев может быть доказана с помощью позитивных аргументов, эту возможность можно считать свершившимся фактом, «поскольку в Берлине... мы видим Мозеса Мендельсона, справедливо почитаемого как одного из величайших философов и лучших писателей этого столетия». Аббат Грегуар извлекает из славы автора «Федона» еще более впечатляющий эффект: «Народ наконец обрел гения, чье место не всегда пустовало, но после историка Иосифа [Флавия] потребовалось семнадцать столетий, чтобы произвести на свет Мендельсона». Таков был самый главный аргумент, частое повторение которого позволяет лучше понять то рвение, с которым в XIX веке евреи станут доказывать свое возрождение, добиваясь успеха во всех областях жизни.

Если священник и адвокат ставят одинаковый диагноз, то предлагаемые ими лекарства отличаются в одном пункте. Тьерри думает, что достаточно гражданской эмансипации евреев, и не следует заниматься их религией; он даже предпо-

читает, чтобы они продолжали следовать закону Моисея, чем превращались в людей без закона и веры, «ни иудеев, ни христиан». Напротив, аббат Грегуар характеризует Талмуд как «обширный резервуар, я почти называю это клоакой, где собраны мании и психозы человеческого духа». Он хочет с помощью доброты привести их к христианству и даже предлагает восстановить практику обязательных проповедей, когда-то введенных папой Григорием XШ. Но при всем этом различия между ними следует признать несущественными, и, учитывая общность предпосылок, нашему апостолу оставалось лишь сделать заключительные выводы—те же самые, к которым придут через поколения европейские евреи, принявшие церемонию крещения как «плату за вход в мир европейской культуры» (Гейне). Показательно в самом деле, что эта культура использовала для выражения своей веры в исправление евреев термин «возрождение» (*la regeneration*), заимствованный наукой Декарта и Бюффона у языка церкви, причем его первоначальный смысл относился к последствиям крещения («возрождение

в Иисусе Христе»).

ГЕРМАНИЯ

Старая добрая Германия

Говоря о Германии, прежде всего следует обратить внимание на распространенную среди европейцев прошлых веков тенденцию переоценивать германскую кровь по причине неясных воспоминаний, относящихся ко времени вторжений варваров. Сколько французских, испанских и даже русских авторов признавали превосходство племен франков или визиготов [вестготов]. Это позволяет лучше понять значение этого феномена, а также объясняет периодические вспышки немецкой мании величия. Само собой разумеется, что к востоку от Рейна подобных подпевал было гораздо больше, их стремления и мечты в эпоху средневековья составляли часть разнообразного мира манихейских ересей, надежд на крестовые походы и мировое господство, подстрекательств к убийствам и погромам. (См. об этом труд Нормана Кона «Фанатики апокалипсиса» (Norman Cohn, «Les Fanatiques de l'Apocalypse», Paris, 1963), а также мою книгу «Арийский миф» (русский перевод— Санкт-Петербург, 1996).) Эти грезы никогда не перестанут волновать немецкую жизнь. Самый популяр-

ный писатель XVII века Гриммельсгаузен посвятил им целую главу в своем «Симплициссимусе».

Но если они продолжали жить в «глубинах народной души», т. е. в ключевых областях мира эмоций, так что взгляд историка наталкивается на бесконечные трудности при попытках проникнуть туда (как если бы речь шла о коллективном бессознательном), и они остаются неразличимыми для нас в начале эпохи Aufklärung [немецкого Просвещения], в мирной Германии Баха. Бесплезно искать проявления этих настроений в литературе или в политической жизни какого-либо из трех сотен немецких княжеских дворов того времени, рабски копировавших французские вкусы. Эта страна с ее маниакально-депрессивной историей, казалось, после Тридцатилетней войны находилась в депрессивной стадии.

В эту эпоху Германия пребывала в хаосе и отсталости, «без столицы и капиталов» («sans capitale et sans capitaux», R. Minder). Принято считать, что причина расслабления национального чувства заключалась как в раздробленно-

сти страны, так и в ее социальной и экономической отсталости. Но по сравнению с Англией, Нидерландами и Францией все остальные страны Европы были отсталыми, а Италия оказалась раздробленной в не меньшей степени, но просвещенные итальянские правители прилагали все усилия для преодоления этой отсталости, иногда даже вступая в противоречие со сторонниками традиционных порядков. Германия не знала подобных конфликтов, зато немецкая цивилизация, оказавшись в XIX веке во главе европейского прогресса, потрясет мир в XX веке. Если немецкая трагедия подлежит логическому объяснению, то прежде всего следует обратиться к сущности лютеранства. Для философов Просвещения лютеранство было синонимом прогресса. Нет ничего более показательного в этом отношении, чем реакция Мирабо, когда распространился слух, что король Пруссии решил обратиться в католичество. Мирабо воскликнул: «Да сохранит Господь человечество от этого ужасного несчастья! Единственный глава протестантов, т. е. партии просвещения и свободы в Германии окажется-

ся, в результате, добычей противоположного лагеря!" Этот противоположный лагерь, разумеется, был представлен Римской церковью, окостеневшей в своих традициях. Напротив, лютеранская церковь была широко открыта веяниям времени, поскольку она была свободна и постоянно охвачена духом перемен, развития, философии и прогресса, а также добровольно приняла на себя функции послушной служанки Государства, а именно Пруссии. Немецкие пасторы были первыми глашатаями новых идей науки и прогресса, внушали их своей пастве, одновременно они занимались ревизией богословия и приступили к серьезной библейской критике. То, что во Франции и Англии добывалось натиском буржуазии в яростных битвах, в Германии проповедовалось с высоких кафедр по приказу государя.

Но как раз по этой причине революция идей протекает в Германии с мудрой осторожностью, радикальные тенденции там практически отсутствуют, только князья осмеливаются становиться атеистами, а страна в целом остается преимущественно христианской. От правителей к пасторам

и от пасторов к пастве существует неразрывная связь—со времен Лютера послушание стало национальной добродетелью. Мы располагаем потрясающими свидетельствами по этому поводу. Так, Кант писал:

«Среди всех цивилизованных народов немцы легче и проще всех поддаются управлению; они противники новшеств и сопротивления установленному порядку вещей» («Антропология»)

А вот мнение мадам де Сталь, которая, несмотря на свои пронемецкие настроения, тем не менее хорошо видела обратную сторону медали:

«Следует признать, что современные немцы лишены того, что можно назвать силой характера. Как частные лица, отцы семейств, администраторы, они обладают добродетелью и цельностью натуры, но их непринужденная и искренняя готовность служить власти ранит сердце, особенно когда относишься к ним с любовью. . . [они] энергично льстят и смело подчиняются. Они твердо произносят свои речи, чтобы скрыть

мягкость чувств и используют философские рассуждения для объяснения самых далеких от философии вещей на этом свете—почтения к власти и умиления страхом, превращающим это почтение в восхищение» («О Германии»).

«Умиление страхом, превращающее это почтение в восхищение»—это замечательная формула, показывающая всю остроту ума мадам де Сталь. Но лицемерие, объясняемое таким образом, в свою очередь скрывало напряжение и конфликты, вызываемые удушающими требованиями долга (Pflicht) и нравственности (Sittlichkeit); эти специфически немецкие понятия не поддаются переводу ни на один язык со сколько-нибудь удовлетворительной точностью.

В рассматриваемом аспекте нам не удастся углубиться в историю Германии дальше эпохи Реформации. К тому же в бесконечно разнообразных переплетениях истории может случиться, что один человек оставит на века свою печать на каком-либо народе, особенно если этот человек обеспечит народ общим языком, что и имело место в случае Лютера. В обмен на заповеди бла-

женства и царства Господа внутри человека великий реформатор внушал немцам безусловную покорность государю и учение о «самоконтроле», благодаря которому развивались принципы абсолютного совершенства, столь дорогие сердцам Лейбница и Канта. Именно здесь берет свое начало концепция трех стадий морали: той, согласно которой добродетель ожидает вознаграждения в этом мире («иудейская мораль»), той, пришедшей вместе с христианством к идее о бессмертии души, согласно которой награду следует ждать на том свете, и, наконец, той, где награда заключается в самой добродетели, т.е. в добросовестно исполненном долге (Pflicht). Это героическая, нечеловеческая мораль, пример которой Лютер приводил в своей притче о христианине, попавшем в плен к туркам. Его долгом стало слепое повиновение своим новым хозяевам, даже если они приказывали ему идти на войну с христианами. Подобная мораль под покровом героизма позволяет оправдывать самую низкую подлость. Мораль Канта имеет тот же самый смысл, когда в своей «Метафизике нравов» он возводит в

абсолютный долг подчинение тирании, долг, связавший руки значительной части немецкой элиты в 1933-1945 годах.

Таковы, по всей вероятности, идеологические основы национальной политической безответственности как при Втором, так и при Третьем рейхе, когда культ германской мощи был возведен в ранг высшей добродетели. Но эпоха зарождавшегося немецкого Просвещения отличалась цельным и едва ли не жертвенным космополитизмом. Для Лессинга, как и для молодого Гете, патриотизм был ловушкой, умственной абберрацией. Для других авторов патриотизм должен был раздвинуть свои рамки до всемирных масштабов, как это специально провозгласила газета под названием «Патриот», Проявляя поистине бесконечную добрую волю во время этой депрессивной фазы национальной истории, просвещенные немцы стремятся любить одинаковой любовью всех людей, населяющих землю. Однако являются ли евреи людьми? Как мы увидим ниже, для Лессинга это было по определению именно так, в то время как более ограничен-

ный космополитизм Гете распространялся лишь на христианскую Европу; в дальнейшем в «Вильгельме Мейстере» он недвусмысленно исключит евреев из своего идеального города, открытого для людей всех стран: «Мы не потерпим среди нас ни одного еврея, ибо разве можем мы уделить им часть высшей культуры, основы и обычаи которой они отвергают?» Напротив, Шиллер, которому суждено было стать любимым поэтом польско-русских гетто, не разделял эту односторонность своего великого друга.

Что касается конца XVIII века, то можно еще процитировать Гердера, также являвшегося гуманистом, но при этом обратившегося к миру со следующим предостережением:

«Историк человечества должен остерегаться проявлять предпочтение к одному особому народу (race), чтобы не приносить ему в жертву те [народы], положение которых лишило их такого же счастья и славы. . . Мы вправе радоваться тому, что римская цивилизация была возрождена таким [народом] как германцы, сильным, прекрасным, гордым своей культурой, целомудрен-

ного нрава, преисполненным чести, благородства и верности. Разве за все это мы должны считать его избранным народом Европы, и не будет ли это спесью варваров?»

Гердер был великим певцом германской верности (Treue), этой страстной концентрации на личности вождя, а также на той личной зависимости (Hurigkeit), узы которой укрепляются открытой или латентной гомосексуальностью. Принадлежащее его перу описание евреев (в отличие от Гете он выступал за их ассимиляцию) также предвосхищает утверждения расистов будущих поколений:

«На протяжении тысячелетии, от самых своих начал народ Господа, считавший, что его отечество находится на небесах, ведет растительное существование, подобно паразитическому растению на живом стволе других народов. Коварный и корыстный [народ], которому едва хватает всего мира, он никогда не был воодушевлен страстным стремлением поддержать или восстановить свою честь, и самое жестокое угнетение не могло подвигнуть его на то, чтобы уйти и

обеспечить себе свою собственную независимую страну» («Идеи к философии истории человечества»).

Итак, в Германии эпохи Просвещения изгнание сыновей Израиля было неразрывно связано с пробуждением национальных страстей. Но в первой половине XVIII века Германия, в которой еще ощущались последствия религиозных войн и Тридцатилетней войны, уставшая, смиренная и благодушная, через своих писателей и драматургов выражает желание любить одинаковой любовью всех людей, в том числе и евреев.

Добрый еврей

Если в целом мыслители немецкого Просвещения следовали за своими западными соседями, то, напротив, именно в том, что касается еврейской проблемы, немецкие авторы оказались первыми, кто начал систематически выступать в защиту евреев. Этот исторический приоритет соответствует специфическим оттенкам немецкого космополитизма, но, безусловно, ему в большой степени способствовал длительный живой контакт с сыновьями Израиля. В самом деле, отпрыски придворных евреев прилагали похвальные усилия, чтобы этому способствовать. Так, в 1745 году молодой Арон Соломон Гумпертц из известной берлинской фамилии Гумпертцев просил у писателя Готшета разрешения «прийти и жить под вашей сенью, чтобы питаться сладким молоком науки», «потому что благодаря вам мы, немцы, имеем столько глубоких духовных сочинений». Этот еврей, объявляющий себя немцем и стремящийся овладеть современной культурой, может служить характерной приметой эпохи. Со своей стороны, немецкие писатели, выступая против древних обычаев и тради-

ций средневекового мышления, искали человека под обликом еврея.

Среди литературных документов подобного типа в бесконечной «робинзонаде» Шнабеля (автор и издатель популярных в ту эпоху вариаций на темы «Робинзона Крузо» Дефо.— Прим. ред.) начиная с 1731 года можно обнаружить первых добродетельных евреев, спасающих христианских героев из безжалостных мавританских когтей; но каково бы ни было их мужество, они требуют плату за свои труды. В 1747 году поэт Христиан Геллерт, которого современники называли «наставником немцев» (*praeseptor Germaniae*) в своей «Шведской графине» выводит на сцену группу богатых евреев, отличающихся полным бескорыстием. Один из них, чьи обширные дела распространялись от Сибири до Голландии, выступает в роли посланника Провидения для мужа графини, попавшего в плен к русским. Он доказывает ему, что «существуют благородные сердца также и в этом народе, о котором думают, что он лишен благородства». После чего следует вывод: «Возможно, что многие

люди, принадлежащие к этому народу, имели бы больше благородства, если бы мы не вынуждали их своим поведением ненавидеть нашу религию». Таким образом, первые немецкие просветители взяли на себя ответственность за унижение евреев. Писатели, чьи имена не забыты и в наши дни, Фридрих Клопшток и Христофор Виланд, разделяли этот подход. Но следует обратить особое внимание на фигуру Лессинга. Когда ему едва исполнилось двадцать лет, он вступил в полемику своей пьесой под названием «Еврей».

Фабула «Евреев» была весьма проста. Барон и его дочь, Фрейлейн, оказываются жертвами нападения бандитов; благородный Путешественник спасает их с риском для собственной жизни. Не зная, как выразить свою благодарность, Барон предлагает ему руку дочери, но Путешественник, до этого момента скрывавший свое происхождение, колеблется, а затем наступает развязка:

Путешественник.—(. . .) я . . . Я еврей.

Барон.—Он еврей! Роковое препятствие!

Лизетта.—Он еврей!

Фрейлейн.—Да? А в чем дело?

Лизетта.—Тихо, барышня, тихо! Вам сейчас объяснят, что это означает.

Барон.—Значит, бывают такие случаи, когда само Небо мешает нам выразить свою признательность!

Путешественник.—Вы уже прекрасно проявили ее даже тем, что боитесь оказаться недостаточно благодарным.

Барон.—По крайней мере, я хочу сделать столько, сколько позволяет мне судьба. Возьмите мое состояние. Я предпочитаю быть бедным и благодарным, чем богатым и неблагодарным.

Путешественник.—Это предложение излишне, ибо Бог моих предков дал мне больше, чем необходимо. В качестве вознаграждения я не желал бы от вас, господин барон, ничего другого, кроме того, чтобы отныне вы говорили о моем народе в более умеренных выражениях. Я не скрыл от вас мою религию, но, отмечая, что вы проявляете ко мне лично столько расположения, сколько отвращения вы испытываете к моим ближним, я счел достойным вас и меня, чтобы воспользоваться дружбой, каковую я имел счастье внушить

вам, для разрушения в сознании такого человека, как вы, столь несправедливых предубеждений против моего народа.

Барон.—Я краснею за свое поведение. Все, что я вижу в вас, наполняет меня восхищением. Мы примем меры, чтобы виновные были наказаны. О, каким уважением пользовались бы евреи, если бы все они были похожи на вас!

Путешественник.—И каким уважением пользовались бы христиане, если бы все они были такими справедливыми и благородными, как вы!

(Занавес)

Все персонажи обладают необыкновенно возвышенными и тонкими чувствами. Можно, однако, удивиться столь упорной скрытности Путешественника, хотя она, вероятно, соответствует правилам поведения того времени. (В одной немецкой газете можно найти описание нравов курортного городка, где некий «еврей выдавал себя за христианина; он взял себе другое имя, но все знали, что он еврей. Тем не менее никто не подавал вида, что он это знает, с ним обращались очень вежливо, даже дружески, поскольку еврей

был обаятельным человеком, умевшим жить... »). Во всяком случае эта деталь позволяет нам понять, что для Лессинга речь шла не столько о том, чтобы выступить в защиту социальной группы, отличительным признаком которой является иудаизм, сколько о борьбе против предрассудка, согласно которому все евреи непременно дурные люди. Не случайно его Путешественник богат, как богаты его предшественники у Шнабеля и Геллерта: деньги обеспечивали сыновьям Израиля уважение не только государей и чиновников, но также и моралистов. Тридцать лет спустя Лессинг снова вернулся к еврейской теме в знаменитой драме «Натан Мудрый», в образе которого часто хотели видеть портрет его друга Мозеса Мендельсона. Выступая в защиту терпимости, эта классическая пьеса отражает также духовную эволюцию благородного нонконформиста, который в конце жизни становится последователем Спинозы, тайным атеистом. Более того, на смертном одре он выражает надежду, что отправится в страну, где «не будет ни христиан, ни евреев».

Во второй половине XVIII века большинство популярных немецких драматургов—Иффланд, Коцебу, оба Стефани—выводят на сцену добрых евреев, тогда как переводчики многих иностранных пьес вводят эти образы, чтобы приспособить оригинальный текст к требованиям момента (В качестве примеров можно упомянуть пьесу «Галантный Меркурий» (или «Комедия без названия») Бурсо, превратившуюся в немецком переводе в «Брак через объявление в газете» (1788 г.), или «Игрока» Реньяра, ставшею «Удачей игрока» (1790 г). Сходным образом немецкий вариант «Еврея» Камберленда (перевод с английского, 1798) обогатился отсутствующей в оригинале тирадой против чрезвычайных законов, угнетающих евреев.). В германских странах еврей становится великим символом борьбы с предрассудками.

Следует отметить, что «Еврей» Лессинга не получили единодушного одобрения. Так, Иоганн Давид Михаэлис, богослов и большой эрудит, утверждал в «Геттингенской газете», что еврей, похожий на Путешественника, не мог существо-

вать в реальной жизни. Даже заурядная добродетель, по его мнению, была чем-то исключительным среди народа, принципы и образ жизни которого были осознано аморальными. Лессинг возразил, что подобные евреи действительно существовали, и что он в состоянии представить доказательства: разве не получил он письмо от молодого еврея, преисполненное самыми возвышенными чувствами? И он опубликовал это письмо; таким образом произошло появление на немецкой литературной сцене Мозеса Мендельсона, восклицавшего в своем письме:

«Оправдан ли жестокий приговор г-на Михаэлиса? Какой стыд для рода человеческого! Не так ли? А тогда—какой стыд для автора! Не достаточно ли нам страдать от вспышек жестокой ненависти, которую испытывают к нам христиане, и разве эта несправедливость должна получать свое оправдание в клевете?»

Пусть нас будут и дальше угнетать, пусть мы по-прежнему будем жить в состоянии зависимости среди свободных и счастливых граждан,

пусть нас выставляют на посмешище и презрение всего мира, но пусть не пытаются отнимать у нас нашу добродетель, единственное утешение несчастных душ, единственное убежище покинутых всеми. . . »

Мендельсон не устал демонстрировать эту добродетель миру на протяжении всей своей жизни. Этот хрупкий и горбатый самоучка был исключительным явлением во всех отношениях: он сумел стать главой немецкой «философской партии», продолжая работать в берлинской лавке изделий из шелка, которую посещали находившиеся в Берлине проездом иностранцы, чтобы черпать мудрость из уст набожного иудея. Говорили, и это, может быть, справедливо, что симпатии просвещенной Европы распространялись не только на его сочинения, но и на его парадоксальное состояние. Этим состоянием, по словам Генриха Гейне, Провидение по-своему наградило его, дав ему горб, чтобы он легче переносил свое положение еврея. Его физическое состояние было таким, что, как вспоминал один из его посетителей, самое грубое сердце не могло не испытать

к нему жалости. Но в моральном плане ему был дан мощный философский темперамент; здесь вполне можно доверять его автопортрету:

«В целом, мое сердце мало подвержено чувству гнева, досады, угрызения и другим неприятным эмоциям. Меня вдохновляют только симпатия и дружба, притом в довольно умеренной степени, так что мои друзья часто упрекают меня в равнодушии. Но я не могу изображать чувства, которых не испытываю, и я не способен лгать и притворяться, даже если этого требуют капризы моды. . . »

Добавим, что вопреки большинству философов, чьи имена сохранились для истории, Мендельсон был женат, имел детей и сумел создать счастливый семейный очаг.

После того как в письме к Лессингу наш герой заступился за своих единоверцев, он, как кажется, утратил интерес к иудаизму. Его первое сочинение, «Философские беседы», также опубликованное Лессингом, содержало диалог в защиту немецкой культуры, над которой потешались Фридрих II и его окружение. Он даже имел сме-

лость, он, Schutzjude («покровительствуемый еврей»), рискующий быть изгнанным в любую минуту, упрекать короля за его отвращение к немецкому языку. Так, этот еврей проявлял себя большим немцем, чем многие немцы.

В дальнейшем он с большим мастерством развивал дорогие для эпохи Просвещения темы, выступая за религиозную терпимость, бессмертие души, существование Бога и естественной религии, которая позволяет каждому достичь своего спасения. Выдержавший семнадцать немецких изданий и переведенный на дюжину иностранных языков «Федон» принес ему славу. Но в 1769 году его философский покой был нарушен швейцарским пастором Лаватером, который, вбив себе в голову, что должен обратить его в христианство, напомнил ему публично, что даже в области умственных занятий он оставался евреем.

Таким образом, этот хрупкий боец, вынужденный отвечать на критику, был вовлечен в шумную полемику. В конце концов, это привело к тому, что он написал свой главный труд «Иерусалим, или Иудаизм и религиозная власть», в ко-

тором философ-еврей становился еврейским философом, или возвращался к иудейской философии. Этот трактат сохраняет свое место в истории как выступление за отделение церкви от государства; кроме того, в нем наш автор имел возможность изложить свою религиозную доктрину.

Само собой разумеется, что его основной целью было предоставление гражданских прав своим единоверцам. Ради этого он мужественно выступал за светское государство и, следовательно, за отмену политических и юридических прав церквей. Естественно, что он чувствовал себя обязанным распространять этот принцип на еврейскую «церковь», т. е. требовать во имя Разума отмены юридической автономии еврейских общин и их грозного оружия—раввинистического отлучения.

Он сделал этот шаг не без болезненного усилия, поскольку в этом отношении он вступил в противоречие с талмудической традицией и, возможно, даже нарушил закон Моисея. Более того, он давал возможность своим христианским про-

тивникам утверждать, что за этим первым шагом последуют и другие и что следует направиться прямо к купели для крещения. Он отвечал на эти выпады следующим образом:

«... должен ли я сделать этот шаг, не подумав предварительно, сможет ли он помочь мне в том затруднительном положении, в котором я, по вашему мнению, нахожусь? Если признать, что фундамент моего дома может разрушиться и существует опасность, что дом рухнет, будет ли разумно с моей стороны спастись со всем моим добром, перебравшись с нижнего этажа на верхний? Окажусь ли я там в большей безопасности? Но ведь христианство построено на иудейском фундаменте, как вам хорошо известно, Если этот фундамент разрушится, то оно непременно рухнет вместе с ним. Вы говорите, что мои заключения подрывают основы иудаизма, и при этом вы предлагаете мне убежище на вашем верхнем этаже; разве не должен я думать, что вы насмехаетесь надо мной?» Более того, в ходе этой борьбы Мендельсон вслед за свободным мыслителем Толандом полагал, что даже христианское кре-

щение ни в какой мере не освобождает еврея от иудаизма; «Я не понимаю, каким образом даже те из нас, кто принял христианскую веру, могут освободить свою совесть от требований Закона? Иисус из Назарета никогда не давал понять, что он пришел, чтобы освободить от Закона дом Иакова. Он вполне ясно утверждал обратное, более того, он и поступал таким же образом. Иисус из Назарета соблюдал не только закон Моисея, но и постановления раввинов... Все его поведение, как и поведение его первых апостолов, соответствует раввини-стическому принципу: Кто не родился в Законе, тот не связан Законом; но кто родился в Законе, должен жить по Закону и умереть по Закону... »

Исходной примирительной позиции Мендельсона соответствует его оценка современных ему евреев. Если у него уже проявляется тенденция оценивать их по шкале христианских ценностей, то его взгляд по-прежнему остается снисходительным и понимающим:

«Гнет, под которым мы живем уже столько столетий, лишил наши души мужества. В этом

нет нашей вины, но мы не можем отрицать, что естественное стремление к свободе не находит среди нас своего проявления. Оно превратилось в монашескую добродетель и выражается лишь в молитвах и страданиях, но не в активных действиях. . . »

В другом сочинении он призывал своих единоверцев:

«О, братья мои! Вы до сих пор слишком много страдали под гнетом нетерпимости и, возможно, вы подумали, что испытаете своеобразное удовлетворение, заставляя терпеть тот же самый гнет тех из вас, кто оказался у вас в зависимости. Мечь ищет для себя объект, и если она не может обратиться вовне, она начинает грызть собственную плоть. . . О, братья мои, следуйте примеру любви, подобно тому, как до сих пор вы следовали примеру ненависти! Подражайте добродетелям других народов, как вы считали себя обязанными подражать их порокам! Если вы хотите, чтобы вас щадили, терпели и поддерживали, вы сами должны щадить, быть терпимыми и оказывать поддержку; любите и вас полюбят!»

Следует ли добавлять, что эти пожелания, или эти заблуждения века Просвещения, не нашли своего воплощения? «Гнет нетерпимости» был преодолен, но за это евреев не стали больше любить, и не возникло взаимной любви. Непосредственные потомки Мендельсона, его дети, обратились в христианство, разумеется, не задумываясь ни на мгновение о том, чтобы продолжать соблюдение древних правил; напротив, они всеми способами постарались уничтожить даже память о них. Отсюда возникает то непримиримое отношение, которое проявляют эти евреи, эти бывшие иудеи, богатые и просвещенные, к своим обездоленным собратьям. Но об этом речь пойдет ниже.

Немецкая философия и евреи

Мозес Мендельсон завершает эру докантианской немецкой философии. С его смертью в 1786 году, казалось, изменилась эпоха. Германия освободилась от иностранных влияний, в стране кипела необыкновенно активная интеллектуальная деятельность, проявлявшая свою самобытность во всех сферах. Германия вновь обрела уверенность в себе и отныне гордилась тем, что это «страна поэтов и мыслителей» («das Land der Dichter und Denker») — знаменитая аллитерационная формула из «Поэзии и правды» Гете, которую тот в свою очередь заимствовал у близкого ему веймарского писателя Музеуса.—Прим. ред.). Но это уже была совсем иная эпоха, чем та, когда Лессинг выступал в защиту евреев. Все происходит таким образом, как если бы новый этап самосознания одновременно с оживлением национального чувства возбуждал по их адресу растущую враждебность. В еще большей степени, чем поэты, чем Гердер и Гете, против «избранного народа» выступили великие философы, используя для своих нападок любые средства, даже сочинения Мендельсона.

Нетрудно понять, почему это произошло. Во многих отношениях немецкая классическая философия вышла из теологии Лютера, представляя собой ее своеобразный прогрессивный светский вариант. Мы видели, как подобные процессы подготавливают почву для антиеврейской пропаганды. К этому добавилось непосредственное влияние на немецкую религиозную мысль теологии с другого берега Ла-Манша. Необходимо учесть и влияние специфической антисемитской традиции, культивировавшейся в немецких университетах (в первом томе нашего труда мы назвали эту традицию «форсированным антисемитизмом»), сочетавшейся с тем, что мы рискуем обозначить как выводы, логически вытекающие из учения Лютера. В результате становится ясно, почему концептуальные конструкции Канта и Гегеля местами оказались запятнаны чрезмерной антиеврейской озлобленностью.

Согласно «Религии в границах разума» Канта иудаизм даже не является религией, поскольку закон Моисея представляет собой лишь принудительное «общественное законоположение», «ис-

ключившее весь род людской из своего сообщества» и не знающее веры в загробную жизнь. Кант убежден, что без такой веры «невозможно представить никакой религии; однако иудаизм как таковой, взятый в чистом виде, не содержит совершенно никакой религиозной веры».

Целые поколения кантианцев-евреев критиковали и комментировали это положение; чтобы как-то оправдать своего кумира, они пытались объяснить это местной лютеранской традицией (Лютер и рационалистическое богословие немецкого Просвещения), или внешними влияниями (английским деизмом, последователем которого был Кант), или даже воздействием «Иерусалима» Мендельсона. Но различные внешние влияния, каково бы ни было их значение, возможно, оказались менее существенными, чем глубокая внутренняя враждебность мыслителя, выступавшего во многих своих сочинениях за эвтаназию иудаизма, что могло быть лишь метафизическим способом воскликнуть: «Смерть евреям!» Называя евреев «палестинцами», Кант поносил их в «Антропологии» с крайним озлоблением;

«Палестинцы, живущие среди нас, имеют заслуженную репутацию мошенников по причине духа ростовщичества, царящего у большей их части. Конечно, странно представлять себе целый народ мошенников; но не менее странно представлять себе народ коммерсантов, связанных древним суеверием, признаваемым государством, в котором они живут, коммерсантов, не стремящихся к чести гражданина, но предпочитающих компенсировать этот недостаток возможностью обманывать народ, предоставляющий им свое покровительство, и даже друг друга. Но народ, состоящий только из торговцев, т. е. членов общества, не занятых в производстве (например, польские евреи), не может быть ничем иным. Однако их древние законы, признаваемые нами (поскольку мы имеем некоторые общие с ними священные книги), не могут быть запрещены без того, чтобы впасть в непоследовательность, хотя главный принцип их морали в отношениях с нами: «покупатель, будь настороже!»

Венский философ Отто Вейнингер, скончавшийся в 1903 году (автор одной из самых по-

пулярных в Европе начала XX века книг—«Пол и характер».—Прим. ред.), который и сам был большим специалистом на поприще метафизического антисемитизма, полагал, что этот отрывок является самым антисемитским текстом мировой литературы. Если с этим утверждением и можно спорить, то лишь потому, что мировая литература изобилует текстами такого рода, но совершенно очевидно, что Кант, подобно многим другим антисемитам, имел евреев среди своих ближайших друзей. Так, его преданный ученик и корреспондент Маркус Герц популяризировал его философию в Берлине; Лазарус Бендавид прилагал аналогичные усилия в Вене; Соломон Маймон, по мнению самого Канта, был человеком, лучше всех постигшим его философию. Мендельсон был для Канта «самой важной личностью», так что он даже высказывал пожелание «поддерживать постоянную тесную связь с подобным человеком, имеющим столь мягкий и живой характер и столь светлую голову. . . »

Уместно добавить, что в качестве истинного сына заканчивающейся эпохи Просвещения

Кант оставался оптимистом и полагал, что после освобождения от пагубного «духа иудаизма» евреи смогут исправиться. Таким образом, его подход был скорее «христианским», чем «расистским»; в этой связи он даже выступал, поддерживая предложение своего ученика Бендавида, за учреждение иудео-христианской секты, основанной одновременно на Торе и Евангелиях, по-прежнему исходя из идеи эвтаназии иудаизма, что, по его мнению, провозгласит «завершение великой драмы религиозной эволюции» и наступление эры счастья для всего человечества. . . Не удивительно ли, что у великого реформатора новой философии можно найти подобные эсхатологические видения, со всей очевидностью вдохновленные апостолом Павлом и Августином?

Напротив, по мнению его последователя Фихте, еврейская проблема могла быть решена только путем изгнания евреев из Германии. «Чтобы защититься от них, я вижу только одно средство: завоевать для них их землю обетованную и выслать туда их всех»,—писал Фихте в своем первом значительном труде (J. G.

Fichte, Beiträge zur Berichtigung der Urtheile über die französische Revolution (1783) Cf. Ch. Andler, Le pangermanisme philosophique, Paris, 1917, pp. 8—11. Фихте основывался главным образом на идее общественного договора и защищал право французов на изменение конституции. Это приводило его к защите права граждан отдельной страны на отделение, что давало ему повод выступить против «государства в государстве, каковое, по его мнению, образовывали евреи). Он с особой энергией утверждал, что их дело безнадежно: «... предоставить им гражданские права возможно лишь при одном условии: в одну ночь отрубить им всем голову и приставить другую, в которой не будет ни одной иудейской идеи». Следует подчеркнуть, что эти строки написаны в 1793 году, т. е. в эпоху, когда Фихте объявлял себя революционером и даже якобинцем; итак, он нарисовал образ коллективного обезглавливания евреев даже раньше, чем выступил за антифранцузский крестовый поход и начал проповедовать мистическое возведение немцев в ранг единственного подлинного народа (Urvolk), при-

званного возродить человечество.

В более позднем трактате (« Основные черты современной эпохи», 1804) Фихте делал самые крайние выводы из воззрений наиболее активных английских деистов, таких, как Тиндал и Морган. Отождествляя подлинное христианство с «естественной религией», Фихте находил его в чистом виде лишь у апостола Иоанна, который, как ему казалось, подвергал сомнению еврейское происхождение Иисуса. Таким образом, впервые в истории европейской мысли возникло представление об «арийском Иисусе». Кроме того, не удовлетворившись поношением вслед за своими предшественниками Ветхого Завета, он также подверг жесткой критике значительную часть Нового Завета, особенно послания апостола Павла. Фихте писал: «Став христианином, Павел, однако, не хотел признать тщеты того, что он был евреем, поэтому обе системы должны были составить одно целое, приспособившись друг к другу». Иными словами, для Фихте первоначальное христианство оказывалось искаженным собственным апостолом-евреем.

Вскоре, в своих знаменитых «Речах к немецкой нации» (1808), ставших хартией зарождающегося пангерманизма, Фихте воскликнул: «Возникшее в Азии и ставшее полностью азиатским в результате искажений христианство, проповедовавшее бессловесное подчинение и слепую веру, уже для римлян было чем-то странным и чуждым. . . » Согласно Фихте, лишь немцы оказались способными собрать «зерна истины и жизни первоначального христианства». Нацистским последователям Фихте не понадобилось существенно редактировать его тексты, чтобы показать, что он был первым пророком нацистской веры (Gottglaubigkeit) и «арийской религии», этих столпов мутной гитлеровской метафизики. . . Некоторые сочинения и взгляды Фихте позволяют предположить, что он считал себя предназначенным для выполнения мессианистической задачи, т. е. не христианином, а Христом. С психологической точки зрения этого визионера можно рассматривать в одном ряду с теми реформаторами, стремящимися играть роль мессии, ярость которых обрушивается на сынов Из-

раиля, узурпировавших эту высшую миссию. Со своей стороны, Фихте проникал до самых основ, так что апостол Павел превращался в великого прототипа, искажающего истину еврея. В некоторых сочинениях молодого Гегеля можно найти ту же ярость, В зрелые годы он стал более умеренным и воздерживался от прямых обвинений по адресу сыновей Израиля, не отказываясь при этом от своей концепции «еврейского сознания», специфического, несчастного и рабского («Уроки по философии религии»). Пресловутая темнота его стиля также скрывала неистовство, с которым он отнимал у евреев их избранничество, чтобы одарить им немцев:

«Чтобы освободиться от этой утраты самого себя, своего мира и проистекающего отсюда бесконечного страдания, для поддержки которого еврейский народ был всегда наготове. Разум, замкнувшийся в самом себе в крайней степени абсолютного отрицания, обнаруживает в обращении к себе самому и для себя самого бесконечную позитивность своей внутренней жизни, принцип единства божественной и человеческой при-

роды, примирения в объективной истине и свободе, проявляющейся в самосознании и субъективности. Это есть принцип германских народов, чья миссия состоит в его осуществлении». («Принципы философии права», 1821, § 354.)

Однако, каковы бы ни были эмоции, речь всегда шла о внерелигиозных вариациях на тему вины и вечного рабства евреев. Это ясно видно в его ранних работах;

«Все состояния, в которых пребывал еврейский народ, включая его несчастное, убогое и позорное современное состояние, являются лишь следствием и развитием изначальной судьбы—бесконечной мощи, которую он отчаянно пытался преодолеть—судьбы, которая подавляла его и будет это делать и впредь, до тех пор, пока этот народ не примирится с ней посредством духа красоты и не преодолеет ее благодаря этому примирению».

Но это примирение не будет возможным до тех пор, пока еврейский народ цепляется за закон Моисея (таким образом, мы вновь возвраща-

емся к ведущему положению отцов церкви); по адресу этого закона наш философ высказывает множество критических замечаний, среди которых упрек в установлении субботнего безделья достаточно характерен для этого великого трудолюбца:

«Три главных ежегодных праздника, отмечаемых, в основном, пиршествами и танцами, это самая человеческая часть закона Моисея, но показательным является празднование каждого седьмого дня. Этот отдых был благом для рабов после шести дней тяжелых работ, но отводить целый день для безделья в случае свободных активных людей, вынуждать их пребывать в этот день в духовной пассивности, превратить день, посвященный Богу, в пустое время, сделать эту пустоту столь часто повторяющейся,—все это могло прийти в голову лишь законодателю народа, для которого печальное и мрачное единство является высшим благом. . . »

Итак, евреи—это рабы, а их закон—это закон рабов. Они не заслуживают ни малейшей жалости: «Великая трагедия еврейского народа не по-

хожа на греческую трагедию, она не может возбудить ни страха, ни жалости, поскольку их вызывает судьба прекрасного существа, совершившего фатальную ошибку. Трагедия евреев вызывает лишь отвращение. Судьба еврейского народа— это судьба Макбета. . . »

Говоря в другом месте о «вере в божественное», молодой Гегель прибегает к еще более жестким формулам: «Разум признает только разум: они [евреи] видели в Иисусе лишь человека, назарянина, сына плотника, чьи братья и родители жили среди них; он не был никем иным, он не мог быть ничем сверх этого, он был лишь таким же, как они, но сами они чувствовали, что были ничем. Попытка Иисуса дать еврейской толпе понимание божественного не могла не провалиться, ибо вера в божественное не может существовать в грязи. Лев не может поместиться в ореховой скорлупе; бесконечный дух не найдет себе места в тайниках еврейской души. . . »

Среди славных имен идеалистической философии лишь один Шеллинг испытывал благоприятные чувства к евреям и иудаизму, хотя и ему

случалось критиковать недостатки Ветхого Завета (о чем см. ниже, часть III, раздел «Расистские реакции»). Новая школа «рационалистического богословия» по-своему примыкала к этому философскому хору. Остановимся на Иоганне Землере и его знаменитом ученике Фридрихе Шлейермахере (Иоганн Соломон Землер (1725-1791), выдающийся немецкий протестантский богослов и историк церкви. Его учение было практически забыто после его смерти, но вновь привлекло к себе внимание в XX веке. Фридрих Шлейермахер (1768-1834), знаменитый немецкий проповедник, теолог, философ и общественный деятель, оказавший огромное влияние на современников и последующее поколение (Прим. ред.))

Землер, которого считают основателем исторической библейской критики, выступал против догматической веры, которую традиционное богословие присоединило к священным книгам евреев; «... правильно ли думать, что раз евреи считают эти книги божественными и священными, то и все остальные народы также должны относиться к ним как к божественным, обладаю-

щим большей божественностью, чем их собственные истории и предания?" Тем более что эти книги содержат ужасные истории, полные угроз и проклятий по адресу других народов, таких, что Бог, любящий всех людей, никогда не мог бы быть их источником. Землера также шокировала претензия на то, что среди всех был избран этот необразованный народ, и в характерной для прогрессивного богословия немецкого Просвещения манере задавал вопрос: «... что же будут вечно необходимы эти основы, которые хорошо известные нам своей неспособностью и необразованностью евреи, не идущие ни в какое сравнение с честными греками и римлянами, приняли под именем Священного Писания в качестве почитаемых хроник своего народа?»

Ученик Землера Шлейермакер, романтичный и светский проповедник, усердный посетитель еврейских салонов Берлина, сделал следующие выводы из трудов своего учителя:

«Уже давно иудаизм является мертвой религией, и те, кто еще собираются под этими знаменами, причитают у нетленной мумии, оплаки-

вая ее кончину и печальную заброшенность. Я не говорю об иудаизме как о предшественнике христианства; в религиозном аспекте я отвергаю исторические сближения такого рода (...). Какая концепция мироздания передается посредством иудаизма? Только одна, а именно система прямых и всеобщих репрессий, непосредственной реакции бесконечности на индивидуальность и конечность, порожденные ее произволом (...). Последним плодом иудаизма, порожденным с большим трудом, была вера в Мессию... Эта вера сохранялась очень долго, как иногда случается с одиноким плодом, который остается на ветке в совершенно неподходящий сезон с побуревшим черешком, и засыхает там, в то время как жизненная сила полностью оставила ствол. По причине своей ограниченности у этой религии была короткая жизнь. Она умерла, когда закрылись священные книги. Тогда диалог между Иеговой и его народом завершился».

Единственный голос, характерным образом выделявшийся из этого теологического хора, принадлежал принципиально антирационалисти-

ческому мыслителю Иоганну Георгу Гаману (Иоганн Георг Гаман (1730-1788), немецкий философ. Его творческое наследие состоит из небольших статей и полемических заметок. Один из предшественников «языкового поворота» («linguistic turn») в философии. (Прим. ред.)), другу и философскому противнику Канта. По мнению специалистов его сочинения содержат странные прозрения в области символизма мысли и языка, предвосхищающие современную семантику. Он восклицал: «Все рассуждения о разуме—это только ветер: язык является его органом и его основанием». Подобные мысли могли лишь шокировать современников, так что его труды вскоре погрузились в забвение. Этот одинокий мыслитель, для которого вера была единственным источником истины, видел в евреях «подлинных врожденных аристократов всего рода человеческого, чьи претензии на знатность и титулы более обоснованы, чем все геральдические звания в нелепом стиле нашей канцелярии». Это не означает, что он приписывал сыновьям Израиля моральное или интеллектуальное пре-

восходство над другими народами; он восклицал по поводу иудео-христианского откровения:

«Почему Бог выбрал этот народ? Не по причине его совершенства. Лучшие умы могут доказывать, сколько им будет угодно, его глупость и злобность по сравнению с другими народами: разве Бог не решил проповедовать Евангелие через жалких и невежественных посредников? Кто возьмется оценивать его решение?»

Гаман также писал: «Каждый еврей для меня это чудо из чудес Провидения и Божественной воли, в большей степени, чем Ноев ковчег, жена Лота или горящий куст Моисея. Нужно пропалывать и расчищать обширное поле оскорблений, высказанных нашими невежественными Гефестами по адресу иудаизма».

Почти целое столетие этот голос философа оставался в одиночестве.

Еврейские салоны Берлина

Еврейская колония Берлина насчитывала тысячу восемьсот пятьдесят человек в 1743 году и четыре тысячи двести сорок пять человек, т. е. около пяти процентов населения города, в 1777 году. Наряду с численным ростом еврейской общины, ее лидеры, пользуясь возможностями, предоставляемыми военной активностью Фридриха II и прусским экономическим ростом, богатели и активно занимались всевозможными торговыми и промышленными предприятиями. Они превосходили христианских предпринимателей как духом инициативы, так и богатством: по словам Мирабо все берлинские миллионеры были евреями. В то время как большинство евреев, для которых цеховые корпорации и серьезные профессии оставались недоступными, занимались мелкой торговлей и ростовщичеством и прозябали в нищете, эти миллионеры (назовем фамилии Леви, Маркус, Эфраим, Итциг) возводили роскошные особняки и завязывали контакты в самых высших сферах: высокопоставленные чиновники и представители прусской знати теснились на их приемах. Правительство предоста-

вило им «общую привилегию», включавшую все преимущества, которыми пользовались христианские коммерсанты.

Таким образом оказалось юридически закрепленным то положение вещей, которое оставалось неизменным во все времена: презируемая каста компенсирует свою отверженность благодаря всевластию денег. Мы уже говорили в предыдущем томе об этом феномене, когда затрагивали тему придворных евреев, а также при обсуждении вопроса об «освобожденных от податей» евреях средневековой Испании. Как тогда, так и теперь регулярное проникновение в высшие сферы влекло за собой все возрастающее уклонение от закона Моисея, а некоторые полностью с ним порывали. Но даже в этом случае с социальной точки зрения они продолжали оставаться евреями чистой воды, поскольку не существовало никакой особой группы, к которой они могли бы примкнуть, если только они не обращались в христианство. Великим новшеством века Просвещения было то, что появились отдельные христиане, которые в свою очередь не только отошли

от своей религии, но и принялись открыто подвергать ее сомнению. В результате начал формироваться новый социальный слой, вначале представлявший собой лишь незначительную группу, к которой и могли относить себя отошедшие от иудаизма евреи, не принявшие христианство, не пошедшие на полный разрыв с верой своих предков и не ставшие исповедовать веру в Бога, во имя которого их унижали и преследовали. К тому же в этом обществе деньги и таланты, которыми они так гордились, позволяли им играть роли первого плана. Это особенно справедливо для Берлина, нового полукOLONиального города, с весьма незначительными ресурсами социальной и культурной жизни.

Это просвещенное общество, этот тонкий слой критически настроенных космополитов оставил традиционную веру ради нового культа—культа Разума; культа, который чаще всего предполагает, как мы это уже видели, очень жесткое отношение к сыновьям Израиля. Мы также показали, что отношение к евреям лютеранского Просвещения в лице его теологов и великих

философов было особенно непримиримым. Разумеется, они еще проводят различие между евреями, которых еще можно возродить, и иудаизмом, который, по Канту, подлежал эвтаназии. Но это различие, столь очевидное в теории, легко исчезает на практике, чему способствует сама двусмысленность термина «иудаизм», обозначающего одновременно религиозную традицию и человеческую общность в социальном смысле.

Евреи, обратившиеся к западной культуре, вращающиеся в самых просвещенных кругах Берлина, стремились воспринять соответствующие взгляды и идеалы, поэтому они начинали смотреть на иудаизм сквозь очки немецкого Просвещения. В результате неизбежного отчуждения они стали видеть самих себя чужими глазами. Так, они занимали враждебную позицию по отношению к иудейским ортодоксам, т. е. к основной массе евреев, которых они хотели перевоспитать и приобщить к ценностям Просвещения. Это их стремление усиливалось тем обстоятельством, что еврейская солидарность все еще сохраняла свои сдерживающие институциональные

рамки: община, а через ее посредство и каждый еврей, несли не только моральную, но и юридическую ответственность за проступки и действия всех ее членов.

Для адептов веры предков просвещенные евреи были отступниками, и раввины обрушивали на их головы обвинения и отлучения от общины. Еврейское Просвещение, или Таскала, которую еврейские ортодоксы (особенно в Польше) называли «берлинизмом», стало для них худшей из ересей. Попытки Мозеса Мендельсона найти точку равновесия или компромисс между Просвещением и традицией Синая были легко преодолены. Логика жизни быстро привела его последователей и учеников к повороту против иудаизма, т.е. против самих себя.

Они сделали это разными способами. При этом все, что они говорят и пишут, может быть обращено против них самих. Рассмотрим сначала подход мыслителей и идеологов.

Одной из самых замечательных фигур на немецкой философской сцене конца XVIII века был польский еврей Соломон Маймон. Этот от-

прыск гетто, постигший в юном возрасте тайны талмудической мысли, предпринял попытку овладеть «греческой наукой», горизонты которой приоткрыло ему чтение Маймонида (отсюда и его прозвище). Он оставил жену и детей и отправился в Германию изучать философию. До конца своих дней он вел там бродячий и не слишком примерный образ жизни. Его философские сочинения, каково бы ни было их значение, а также его критика Канта нас здесь не интересуют. Мы хотим обратить внимание на самую известную его книгу—«Автобиографию». Эта книга часто заставляет вспоминать «Исповедь» Руссо, но если целью гражданина Женевы было описание самого себя со всей возможной искренностью, то та же цель у циничного еврейского философа привела к характеристике иудаизма в целом, тем более что, рассказывая о своей юности, Маймон приводил бесчисленные живописные подробности суеверий и мерзостей, в которые были погружены польские гетто. В этой связи он оплакивал свою погибшую молодость:

«Моя жизнь в Польше после женитьбы и

до эмиграции, иными словами ее расцвет, была лишь цепью бесконечных бедствий, Из-за отсутствия возможностей продолжать свое развитие я тратил силы своего ума направо и налево, так что когда я пишу об этом, перо выпадает из моих рук, и я стараюсь заглушить в себе эти тягостные воспоминания. Устройство этой страны, положение в ней нашего народа, который, как ишак, был раздавлен двойным грузом: собственным невежеством и вытекающими из него религиозными предрассудками, а также невежеством и предрассудками господствующего народа, наконец, несчастья моей семьи, все это препятствовало моему развитию и не давало выхода моим природным способностям. . . »

Автобиография Маймона произвела в Германии сенсацию. Шиллер и Гете прочли ее с одинаковым восторгом; говорили, что Гете даже хотел познакомиться с автором.

Что касается философских взглядов Маймона, то, как ни странно, он выступал в защиту равнинистической морали, которую он сравнивал с

истинным стоицизмом. Его рассуждения о великих немецких мыслителях имели то преимущество, что он хорошо знал предмет своих рассуждений, и его мысли по этому поводу заслуживают более пристального внимания:

«Что касается раввинистической морали, то, по правде говоря, я не знаю, в чем можно ее упрекнуть, разве только в некоторых преувеличениях. Это настоящий стоицизм, но при этом не исключающий некоторые другие полезные принципы (совершенствование, общая доброжелательность и т. п.). Этот здоровый подход распространяется даже на мышление. В характерной для талмудизма манере это объясняется стихом из псалма: «Ты не должен иметь внутри «чужого Бога», говоря: «Что за чужой Бог может жить в сердце человека, кроме Бога дурных намерений?» [N.V. M. Л.! Какой это псалом?] Раввины запрещают обманывать язычников действиями или словами, они даже предписывают употребление таких, например, вежливых формул, как «Я рад вас видеть», даже если это не соответствует вашим настоящим чувствам (. . .). Я должен был

бы написать целую книгу, если бы поставил себе цель перечислить все замечательные предписания раввинистической морали. Влияние подобного учения на повседневную жизнь не подлежит сомнению. Польские евреи, которым всегда разрешалось заниматься любыми ремеслами и которые не были вынуждены, подобно евреям других стран, ограничиваться мелкой торговлей и ростовщичеством, редко подвергаются обвинениям в мошенничестве. Они хранят верность странам, в которых живут и честно зарабатывают себе на пропитание... »

Подобные высказывания о Талмуде и его последователях в устах просвещенного еврея XVIII века являются крайне редкими. Более характерны суждения другого философа, кантианца Бендавида, который осуждал еврейские нравы и обычаи в целом. Этот реформатор задавал вопрос: «Сколько еще времени будут жить бессмысленные и позорные законы ритуала, как долго будут еще верить евреи, что небесный Отец вознаградит их за выполнение этих законов специальной наградой?» Он видел спасение лишь

в перевоспитании евреев в духе Разума; будучи должным образом просвещены, они поймут абсурдность их суеверий и сами откажутся от них. Что касается его самого и Других уже просветившихся евреев, то они должны играть роль проводников и наставников в этом трудном и неблагодарном деле. Кроме того, эти апостолы Разума должны также отказаться от преимуществ обращения в христианство, чтобы показывать еврейским массам более убедительный пример, даже если это превратится для них в настоящее мученичество.

Подавая пример подобного поведения, сам Бендавид всю свою жизнь до последних дней руководил школой для евреев, в которой не только обучение, но и богослужение осуществлялись по-немецки. Реформаторские усилия такого рода, более или менее радикальные, множились с каждым годом.

Программа Бендавида может служить знаком своего времени. Ее чрезмерный радикализм как нельзя лучше отражает двойственное положение просвещенных евреев, которые стараются заста-

вить своих ортодоксальных собратьев отказаться от иудаизма в широком смысле, чтобы самим избавиться от него как можно больше. Но если для них иудаизм стал неприемлем, то массы продолжали выполнять и славить его законы, тем самым компрометируя и удерживая просвещенных евреев, оказавшихся в положении заложников. Эта тяжелая в психологическом отношении и чреватая многими конфликтами ситуация (в этом смысле Бендавид был прав, говоря о мученичестве) отныне стала характерной для жизни западных евреев, отражая все сложности процесса ассимиляции. К тому же, прилагая всевозможные усилия для того, чтобы сорвать с себя этот хитон Несса (Здесь имеется в виду древнегреческий миф о кентавре Нессе, которого Геракл убил стрелой, отравленной желчью Лернейской гидры, за попытку похитить его жену Деяниру Умирая, Несс успел сказать Деянире, что его кровь поможет ей вернуть любовь Геракла. Когда в этом возникла необходимость, Деянира пропитала отравленной кровью Несса хитон Геракла. В результате Геракл не смог сорвать с се-

бя приросшую к телу ткань и умер в страшных муках. (Прим. ред.)), просвещенные евреи проявят беспрецедентную активность и эффективность во всех сферах жизни, что вновь выделит их из окружающей среды как «евреев» и послужит новым стимулом для антисемитизма.

По правде говоря, с этого времени, если судить по прессе той эпохи, мнения образованных христиан разделились. Некоторые авторы высоко оценивали вклад евреев в немецкое Просвещение, в то время, как другие уже жаловались на засилье «этого семени Авраама, бесчисленного как песок на морском берегу».

В Берлине это засилье евреев, отказавшихся от иудаизма, особенно сильно проявлялось в светских кругах. Чтобы сделать себе там репутацию, лучше всего было заручиться поддержкой в каком-либо еврейском салоне. Даже непримиримый Фихте стремился получить подобную поддержку: его первое берлинское выступление о своем «Наукоучении» («Wissenschaftslehre») состоялось в 1800 году в салоне г-жи Самуэль-Соломон Леви. Он был введен в еврейское об-

щество Доротеей Мендельсон, старшей дочерью философа, о которой он писал жене: «Хвала еврейке может прозвучать странно в моих устах, но эта женщина разрушила мою уверенность в том, что этот народ не способен породить ничего хорошего».

Семья Мендельсона может служить для нас первым примером трагической судьбы просвещенных евреев, отказавшихся от иудаизма, и стоящих перед ними проблем, самой главной из которых был вопрос о крещении. Шестеро детей этого мудреца, видимо, унаследовали его характер: они пронесли свое единство через все сомнения и отречения, так что ни один из них не прикнул к растущему лагерю евреев-антисемитов. Все соображения за и против обращения в христианство с потрясающей искренностью изложены в письме невестки Мендельсона, посланном в 1799 году знакомому христианину:

«Своим дурным и непоследовательным поведением большинство обращенных в христианство евреев запятнали этот акт позором, клеймом которого отмечены даже лучшие из них. Если бы

хоть один из них показал достойный подражания пример безупречного поведения, верности принципам и рассудительного поведения (к несчастью, большинство оценок базируются только на этом критерии), то это более чем обоснованное предубеждение могло бы рассеяться в значительной степени. Было бы хорошо суметь рассеять эту фальшь, но тщетные надежды на более возвышенный образ действий, чем это свойственно торговцам, а также бесчисленные деликатные ситуации, которыми светская жизнь заполняет юные умы, по сути не оставляют на это никаких надежд. Мне не известно ваше мнение по этому поводу, и я хотела бы его узнать. . . »

Что касается непосредственных потомков философа, то его младший сын Натан стал протестантом и поступил на государственную службу, тогда как два старших сына, Иосиф и Авраам, остались иудеями и основали банкирский дом. Но второй из этих сыновей, отец композитора Мендельсона-Бартольди, крестил своих детей, «поскольку христианство—это религия большинства цивилизованных людей», как отмечал

он в письме к своей дочери. Его крещеный свояк Бартольди приводил следующие аргументы для успокоения совести:

«... станешь ли ты думать, что совершил плохой поступок, дав своим детям ту религию, которую ты считаешь самой лучшей? И ты, и все мы относимся с самым большим почтением к тому, что сделал твой отец для торжества Просвещения [в Германии], и он бы поступил так же, как ты... Можно хранить верность своей угнетаемой и преследуемой вере, можно навязывать ее своим детям в качестве мученического венца, который пребудет с ними всю их жизнь, поскольку считаешь ее единственно верной, Но если больше нет этой веры, подобное поведение становится совершенным варварством... »

Что касается дочерей Мендельсона, то одна из них, Реха, о которой мало известно, видимо, осталась верной иудаизму, в то время как две Другие решительно приняли католичество. Младшая дочь Генриетта открыла пансионат для молодых девушек в Париже, где у нее был салон, который посещали мадам де Сталь, Бенжа-

мен Конетан и композитор Спонтини. Она отличалась исключительной набожностью, а позднее стала воспитательницей Фанни Себастиани, будущей герцогини де Прален. Гораздо более авантюрной была жизнь ее старшей сестры Доротеи. Она вышла замуж за банкира Симона Фейта, которому родила двоих детей, в 1795 году ушла от него, чтобы броситься в объятия страстного романтика Фридриха Шлегеля. В течение нескольких лет эта пара шокировала Берлин, выставляя напоказ свой свободный союз, из которого оба партнера извлекли материал для двух сверхсовременных романов: «Люсинды» Шлегеля (1799) и «Флорентина» Доротеи (1801). После чего она погрузилась в чтение Библии «в качестве противоядия», как она писала Шлейермахеру в ноябре 1802 года. «Я читаю оба Завета, и по моему мнению протестанство гораздо ближе к истине, чем католицизм, и ему должно быть оказано предпочтение. Для меня католицизм имеет слишком много общего с древним иудаизмом, к которому я испытываю большое отвращение, тогда как протестантизм кажется мне

подлинной религией Иисуса и верой образованных людей. . . »

В 1804 году Доротея стала протестанткой, что позволило ей официально оформить свой союз со Шлегелем, после чего супруги обосновались в Вене. За этим последовало обращение в католицизм, что способствовало дипломатической карьере мужа на службе у австрийского правительства.

Доротея и Фридрих познакомились друг с другом в самом популярном среди еврейских салонов Берлина, салоне Генриетты Герц, жены доктора Герца, Друга и ученика Канта. Знаменитая своей скульптурной красотой, она вскружила немало голов. Так, Шлейермахер называл ее сестрой своей души, уверяя, что «ее сущность была самой близкой к его собственной». Были их отношения платоническими или нет, они служили излюбленной темой для берлинских карикатуристов из-за разницы в росте между пышной еврейской Юноной и тщедушным протестантским проповедником. На склоне лет она также приняла христианство и оставила мемуары, в которых с

несомненной тонкостью объясняет причины привлекательности еврейских салонов для немецкой молодежи того времени:

«Эти круга были лишены традиции, которая, передаваясь из поколения в поколение, могла бы способствовать их постепенному приспособлению к изменяющимся идеям и нравам. Отсюда возникает полное отсутствие предрассудков, а также оригинальность воображения, питающегося из первичных источников, независимый и парадоксальный склад ума; все вместе ставило их выше условностей, придавало острую привлекательность новизны, отнюдь не исключавшей глубину мысли... Как по волшебству все сколько-нибудь интересные молодые люди, жившие в Берлине или посещавшие его, оказывались вовлеченными в эту среду... »

Салон Генриетты Герц стал главным центром "Лиги добродетели» (Tugendbund), как иносказательно называлось движение молодых берлинских романтиков. Для этих молодых людей свобода нравов естественно сочеталась с борьбой против суровой морали, олицетворяемой

древним Богом Израиля, борьбой, в которой молодое поколение просвещенных евреев участвовало со все возрастающей энергией. Мы располагаем интересным свидетельством о глубинных движущих силах этой борьбы, о том гипнозе ужасов их исторического прошлого, под воздействием которого находились эти беглецы из гетто. Этой свидетельницей является женщина совершенно другого калибра, чем Доротея Мендельсон или Генриетта Герц.

Рахель Левин, дочь ювелира, некрасивая и лишенная грации, но по уверениям всех знавших ее людей обладавшая странным очарованием и гениальным умом, также имела салон, располагавшийся на верхнем этаже флигеля, который занимала ее семья. Ее комната в мансарде стала очагом литературной жизни Германии; ее посещали князья, поэты и видные иностранцы, находившиеся проездом в Берлине. Именно здесь зародился культ Гете, а молодые романтики вынесли окончательный смертный приговор культу Разума. Принц Людвиг-Фридрих Прусский, дипломат Генц, братья Гумбольдты, Генрих фон

Клейст, Адальберт Шамиссо, Клеменс Brentано, братья Тик относились к числу завсегдатаев салона и поклонников Рахель. Если Генриетта Герц стала мадам Дю Дефан философского и литературного Берлина, то Рахель Левин была его мадемуазель де Леспи-насс. Это сравнение тем более оправдано, что салоны, созданные по образцу парижских, посещавшиеся остроумными и светскими людьми, в Пруссии последних лет XVIII века были по преимуществу еврейским учреждением.

Как писала Ханна Arendt, автор последней биографии этой великой акушерки немецкого духа, «главным стремлением ее жизни было освобождение от иудаизма». Ее обширная корреспонденция часто свидетельствует об этом наваждении, а некоторые ее формулировки производят захватывающее впечатление. Своему другу детства Давиду Фейту она писала:

«У меня была странная фантазия: я представляю себе, что когда меня забросили в этот мир, неземное существо при входе вырезало в моем сердце ножом следующие слова: «У тебя будет необыкновенная чувствительность, ты смо-

жешь видеть вещи, недоступные для глаз других людей, ты будешь благородной и великодушной, я не могу лишить тебя мыслей о вечности. Но я чуть не забыл одну вещь: ты будешь еврейкой!» Из-за этого вся моя жизнь превратилась в медленную агонию. Я могу влачить существование, сохраняя неподвижность, но все усилия жить причиняют мне смертельную боль, а неподвижность возможна лишь в смерти... именно отсюда проистекает все зло, все разочарования и все бедствия... »

Тот же порыв можно найти и в письме к брату: «... никогда, ни на одну секунду я не забываю этот позор. Я пью его с водой, я пью его с вином, я пью его с воздухом, с каждым вздохом. Еврейство внутри нас должно быть уничтожено даже ценой нашей жизни, это святая истина».

После многих любовных разочарований (граф фон Финкенштейн, маркиз д'Уркихо, Александр фон дер Марвиц) Рахель Левин приняла в 1814 году христианство и вышла замуж за прусского дипломата и литератора Августа Варнгагена фон Ензе, который был

на четырнадцать лет моложе ее. Брак оказался счастливым и немного облегчил ее врожденную муку.

Если подобные страдания были участью чувствительных и восприимчивых душ, то более крепкие натуры старались избежать страдания быть евреем, упразднив иудаизм только для самих себя: вполне выполнимая задача при наличии толстой кожи и, что важнее, достаточных материальных возможностей. Религиозные обращения, получение дворянства, аристократические браки, переезды в Вену, Париж или Лондон, где было легче затеряться: потомки богатых евреев той эпохи полностью растворились среди христиан и особенно среди христианской аристократии (за редкими исключениями, самым известным среди которых являются Ротшильды). С точки зрения историка из этого следует вывод, что вопреки распространенному мнению в современную эпоху иудаизм крайне далек от того, чтобы быть религией богатых! Что можно было сделать, чтобы избавиться от положения еврея? Рассмотрим это на примере бан-

кира Соломона-Моисея Леви, племянника г-жи Самуэль-Соломон Леви, которая пыталась сделать Фихте популярным в Берлине. В 1805 году он обратился в христианство и принял имя Делмар с намеком на семейное имя (Моисей = извлеченный из воды). При французской оккупации он попытался получить дворянство, ссылаясь на услуги, оказанные им государству. Прусские чиновники, которым было поручено провести расследование, составили его портрет, который едва ли был лестным, хотя, видимо, обладал достаточным сходством:

«Господин Делмар проявил дерзкую бестактность, свойственную людям этого типа, в общении с лицами, которые казались ему относящимися к высшим слоям общества. Он получил поверхностное образование и имеет внутреннее предрасположение к профессии банкира, также как необходимые знания и способности. Но достоинства, на которые он претендует, полностью исчезают при более внимательном рассмотрении».

Тогда Делмар добился вмешательства ок-

купационных властей. Французский посланник Сен-Марсан вручил ему диплом достойного пруссака:

«Я хорошо знаю его, поскольку он вел дела с французской администрацией, и именно по этой причине я должен признать, что он всегда действовал, с одной стороны, с полной порядочностью, а с другой—как честный пруссак, преданный слуга Его Величества, поэтому я хочу взять на себя смелость рекомендовать его. . . »

Французская поддержка оказалась эффективной. В сентябре 1810 года наш герой получил диплом барона (Freiherr) Фридриха фон Делмара. В знак признательности или из политических соображений он взял для своего герба французскую баронскую корону. В дальнейшем его младший брат Карл-Август принял участие в кампании 1813- 1814 года в рядах прусской армии и получил чин лейтенанта. Когда наступил мир, Фридрих фон Делмар отошел от дел, чтобы заняться политикой. В 1818 году он присутствовал на конгрессе в Аахене, где оказывал гостеприимство дипломатам. Но без сомнения, ему не удалось

удовлетворить свои амбиции в Пруссии. Вскоре он переселяется в Париж, где женится на молодой англичанке мисс Рамболд и устремляется на штурм Сен-Жерменского предместья. Генрих Гейне писал, что пышность его приемов и размах его щедрости (не распространявшейся только на евреев) были таковы, что «даже самые гордые старые светские дамы и самые легкомысленные девушки перестали открыто насмехаться над ним». Он не оставил потомства; язвительное замечание Гейне напоминает об этом забытом человеке, который мог бы послужить Бальзаку в качестве типажа.

Именно такие парвеню вызывали ярость у пруссаков старого закала в то время, когда Европа вступила в эру лозунга «обогащайтесь!». И если христианские буржуа, имевшие необходимые способности, не производили впечатления, что они совершали для своего успеха столько, сколько евреи, их карьеры не казались столь стремительными и не так шокировали публику, то, без сомнения, по той простой причине, что им приходилось преодолевать меньше препятствий.

Предвосхищая последующие главы, процитируем здесь письмо, которое в июле 1818 года маршал Гнейзенау послал маршалу Блюхеру:

«Я полностью согласен с тем, что ваше превосходительство написали мне в письме, датированном 10 июля, по поводу евреев и новых проектов. Это болезнь, это настоящее безумие нашего века, заключающееся в отмене старых обычаев и в принятии новых законов. Из-за этого через какое-то время аристократия разорится, евреи и поставщики займут их место, а затем станут пэрами нашего королевства. Этот еврейский скандал волнует мне сердце, также как и дурные нравы нашего столетия, которое уважает только тех, кто бросает пыль в глаза и в состоянии давать грандиозные пиры, на которые приходят, даже если хозяин развращен до самых костей. . . »

Нет ничего более показательного, чем то различие, которое старый вояка проводит между «евреями», называемыми по имени, и анонимными христианскими «поставщиками», притом, что и те, и другие являются виновниками «еврейского скандала» начинающейся промышлен-

ной революции.

Вторая часть

ЭМАНСИПАЦИЯ

I. ЭМАНСИПАЦИЯ

По мере того, как буржуазное, промышленное и светское общество со всеобщими юридическими правами приходило в Европе на смену иерархическому обществу средних веков, эмансипация евреев становилась неизбежной: было немыслимо, чтобы целая группа людей, играющая первостепенную роль в области товарообмена и производства, оставалась в зависимости от особого режима и специальных законов. Накануне Французской революции эта эмансипация подготавливалась во всех странах Западной Европы в процессе взаимообмена гуманистических идей эпохи, которые распространятся вплоть до царской империи, где Александр I предпримет попытки улучшить положение рассеянного народа, предлагая даже взять на себя роль его всеобщего покровителя. Но именно революционной Франции принадлежит честь предложить миру картину полной эмансипации, соответствующей Декларации прав человека, и этому примеру последовало большинство других стран в то время, когда они оказывались под властью наполеоновской Франции. Это дало основания французской рево-

люционной идеологии приписать себе все заслуги в деле еврейской эмансипации. Подобное стечение обстоятельств, без сомнения, способствовало привлечению евреев по мере их эмансипации в так называемый левый лагерь. Это приводило к восстановлению против них национально-го немецкого чувства из поколения в поколение и от одной войны до другой, увеличивая тем самым специфически германскую нетерпимость.

С другой стороны, во всех европейских странах процесс освобождения и подъема евреев вызывает глубокое смущение во многих душах и пробуждает чувство новой неясной угрозы, напоминающей о средневековых легендах, сотканных вокруг «народа-богоубийцы»: приспособленные к вкусам эпохи, т. е. утратив религиозный аспект и политизировавшись, в своем окончательном виде они получают название «Протоколы сионских мудрецов». Таков был, по всей видимости, специфический источник современного антисемитизма на фоне факторов более общего порядка, таких, как экономическая конкуренция и профессиональное соперничество. Об этом речь

еще пойдет в этой книге ниже; сначала необходимо посмотреть, как осуществлялась эмансипация евреев в сердце европейского континента и какие реакции она породила.

Эмансипация во Франции

Мы уже говорили о работе комиссии Малерба, которой Людовик XVI поручил улучшить положение евреев после того, как будет урегулирован статус протестантов. По легенде король якобы сказал Малербу: «Господин де Малерб, вы уже превратились в протестанта, а теперь я сделаю из вас еврея!» Предварительно, еще в 1782 году, был уничтожен последний оплот средневековых уложений о евреях: отменили специальную подушную подать, которая еще существовала в Эльзасе. В эдикте Людовика XVI указывалось: «... сохранение по отношению к некоторым нашим подданным повинностей, унижающих человеческое достоинство, противны чувствам, которые мы распространяем на всех наших подданных».

Этот гуманный акт вызвал только одно существенное возражение: Парижский парламент отказался его регистрировать, полагая, что «он повлечет крайне опасные последствия, поскольку тем самым будет означать общественное признание права евреев проживать на территории королевства». Безусловно, здесь проявилась спе-

цифически буржуазная иудеофобия, особенно характерная для парижской буржуазии.

Затем состоялся созыв Генеральных штатов, в результате деятельности которых осталась колоссальная документация о состоянии общественного мнения во Франции накануне революции в «наказах третьего сословия депутатам Генеральных штатов» (т. н. «*Cahiers des Doleances*», т. е. тетради жалоб). В провинциях, где имелось еврейское население, эти указы изобиловали жалобами против евреев, особенно в Эльзасе и Лотарингии, где все три сословия, видимо, были едины по этому поводу: «Только интонации меняются: духовенство поучает, дворянство обличает, законники аргументируют. Но по сути дела все единодушны. Евреев стало слишком много, и их ростовщичество разоряет население деревень. . . » (Морис Либер). Но речь шла не только о ростовщичестве—если судить, например, по тетради духовенства Кольмара, зло было гораздо более глубоким:

«Евреи ежедневно демонстрируют столь пагубные примеры причиняемых ими притеснений,

грабежей, алчного двуличия, они являются основной, первостепенной причиной нищеты народа, потери им чувства активности, так что этот класс, в прошлом славный своим германским характером, ныне пребывает в моральном упадке и деградации. . . [по всем этим причинам] следует разрешить вступать в брак только старшим сыновьям каждой еврейской семьи».

В тетрадах дворянства, чаще чем у духовенства или третьего сословия предлагались более революционные и просвещенные способы. Так, в тетрадах Туля и Меца констатировалось, что «евреям запрещены все честные способы обеспечивать свое существование» и предлагалось «разрешить им заниматься свободными и техническими профессиями наравне со всеми остальными подданными Его Величества», а парижская знать, видимо, имела в виду то же самое, предлагая в своей тетради «внимательно отнестись к судьбе евреев».

Что касается точки зрения всех трех сословий в целом, то, в основном, она была враждебной евреям; к этому можно добавить и невыска-

занное мнение «молчащих классов», «четвертого сословия», т. е. масс сельского пролетариата. В Эльзасе они выразили свое мнение на фоне Великого Страху июля 1789 года через волну грабежей и погромов, в результате которых тысячи евреев были вынуждены искать убежище в соседней Швейцарии.

К тому же евреи не были абсолютно пассивными и составили свои собственные «жалобы». Здесь следует иметь в виду, что к этому времени во Франции сложилось много различных типов евреев, которые в социальном и культурном плане имели только одну общую черту, а именно—всех их называли евреями. Мы уже говорили о пропасти, которая разделяла «ашкеназов» с востока (это была самая многочисленная группа) от «сефардов» с юго-запада, к которым были близки авиньонские евреи, называемые «папскими евреями». (Имеются в виду евреи, проживающие на территории, принадлежавшей римским папам в 1274-1791 гг. [Comtat-Venais-sin], т. е. с эпохи «авиньонского пленения пап».—Прим. ред.] Кроме этого в Пари-

же в то время жило несколько сот «полускрытых» евреев, часть которых поддерживала новые идеи. С востока немецкие евреи посылали в Париж свои делегации в стремлении разрешить проблему «козы и капусты», т. е. добиться отмены ограничений в правах, одновременно сохраняя свою общинную автономию, внутренние законы и ортодоксальные традиции; португальские евреи стремились держаться поодаль от своих компрометирующих единоверцев, публично выражая несогласие с их демаршами; в конце концов, по мере углубления Революции небольшой группе парижских евреев удалось преодолеть колебания Учредительного собрания и вынудить его принять главное принципиальное решение.

Эти двусмысленности и противоречия соответствовали масштабам французского макромра. Так, буржуазия, изо всех сил стремившаяся уничтожить привилегии знати, говорила и действовала от имени народа, французские протестанты, угнетаемые церковью, в качестве оружия нападения использовали проблему эмансипации евреев. Во время обсуждения Декларации о пра-

вах человека официальный представитель протестантов Рабо де Сент-Эть-ен, выступая в защиту своих единоверцев, одновременно высказался и в пользу «народа, изгнанного из Азии»:

«Итак, господа, я требую для французских протестантов, для всех некатоликов королевства того же, чего вы требуете для себя—свободы и равенства прав; я требую этого для народа, изгнанного из Азии, не имеющего постоянной территории, всегда угнетаемого и преследуемого уже более восемнадцати веков. Этот народ примет наши нравы и обычаи, если наши законы позволят ему слиться с нами; мы ни в коей мере не должны осуждать его мораль, потому что она является результатом нашего варварства и унижения, которому мы их несправедливо подвергаем!»

В этом тексте нельзя не увидеть идеи аббата Грегуара и других «возродителей» евреев.

21-23 декабря 1789 года Учредительное собрание занялось принятием конкретных решений. Полное освобождение протестантов было одобрено без особых трудностей, и заодно граж-

данские права были предоставлены комедиантам и даже палачу. Только евреям было в них отказано из-за возражений представителей духовенства и восточных провинций. К тому же сторонники еврейской эмансипации, такие, как аббат Грегуар или Мирабо, признавали, что евреи представляют собой народ в состоянии упадка, подчиняющийся варварским законам, но в соответствии с великой традицией Просвещения они хотели его возродить и реформировать, в то время как их противники надеялись удержать его в прежнем состоянии. «Философская» концепция была прекрасно сформулирована на этом заседании в замечании Робеспьера: «Пороки евреев рождаются из того унижения, в которое вы их погрузили; они станут добродетельными, когда смогут увидеть, какие преимущества это приносит!»; еще более удачная формулировка была предложена Клермон-Тоннером: «Все—евреям как гражданам, ничего как народу!»

Проблема достижения согласия между талмудической традицией рассеяния и эмансипаторскими концепциями Просвещения была крайне

тяжелой, если вообще разрешимой: мы уже видели, какие страдания она причинила «доброму еврею» Мозесу Мендельсону.

В противоположном лагере епископ Нанси Ла Фар, великий защитник Людовика XVI аббат Мори и особенно будущий монтаньяр и член Директории депутат от Эльзаса Ревбелл приводили аргументы для доказательства несправимости евреев, так что из-за серьезных угроз (опасности еврейского господства или риска вызвать народный взрыв) сохранялась необходимость ничего не менять в их положении. Короче говоря, одни хотели развивать евреев, но ликвидировать традиционный иудаизм, а другие, напротив, не трогать иудаизм, но сохранить угнетение евреев. Эти две основные возможности еще будут нам встречаться достаточно часто в других странах и в другие эпохи. В конце концов, четырьмястами восемью голосами против четырехсот трех Учредительное собрание приняло следующее постановление: «Национальное собрание признает не католиков, способными выполнять все гражданские и военные виды деятельности, за исклю-

чением евреев, о которых оно оставляет за собой право высказаться в дальнейшем».

Однако нельзя не настаивать на том, что евреи и иудаизм были лишь словами, за которыми скрывались совершенно различные реалии, так что их положение как нехристиан в лоне западной цивилизации было единственным, что их объединяло. «Португальские евреи», составлявшие неотъемлемую часть буржуазии Бордо, предприняли самостоятельные действия и добились равенства в правах месяцем позже, 28 января 1790 года. Это прошло не без трудностей, заседание продолжалось одиннадцать часов без перерыва и было самым бурным в истории Учредительного собрания. В своей характерной манере газета Мирабо писала по поводу яростной обструкции, устроенной представителями духовенства: «Антииудейская партия сама воссоздала образ синагоги». В результате, решающую роль сыграла поддержка дела эмансипации сефардов жирондистом де Сезом от имени города Бордо, тогда как муниципалитеты Эльзаса, особенно городов Страсбурга и Кольмара, изо всех сил вы-

ступали против эмансипации ашкеназов. Со своей стороны Ревбелл провозгласил во время бурной перепалки во всю силу своих легких: «Господа, вам предлагают объявить, что евреи Бордо не имеют ничего еврейского!»

Замечательный хроникер Леон Кан, чей труд «Евреи Парижа во время Революции» является источником первостепенной важности, полагал, что можно сделать следующее обобщение— всеобщая эмансипация оказалась возможной только после попытки бегства короля за границу. Это замечание позволяет сделать серьезные выводы. В самом деле, вопреки весьма весомой поддержке Коммуны города Парижа (речь здесь идет о Коммуне 1789-1794 гг.—Прим. ред.) и несмотря на то, что парижские евреи постоянно проявляли свойственный им дух Просвещения, на протяжении целых десяти месяцев Учредительное собрание отказывалась вернуться к рассмотрению этого вопроса. Все изменилось после знаменитого вареннского дела (22 июня 1791г. в Варенне был арестован бежавший Людовик XVI.—Прим. ред.). Это историческое событие

разрушило священную ауру, окружавшую христианейшего короля французов, без чего невозможно представить суд над королем и его казнь, т. е. главное событие Французской революции.

27 сентября 1791 года Конституционное собрание прежде чем закрыть заседание почти единогласно приняло постановление о полной эмансипации евреев; немногие противники этого решения не выдвинули серьезных возражений. Председательствовавший на заседании Рено де Сен-Жан д'Анжели выступил с предостережением: «Я требую, чтобы призвали к порядку всех тех, кто намеревается возражать против этого предложения, поскольку тем самым они поднимут руку на Конституцию». Угроза была достаточно прозрачной. Времена изменились, новый дух царил в Париже, дух, который будет воодушевлять процесс над Людовиком XVI и кампанию против христианства. Все происходило таким образом, как если бы процесс, который должен был привести к цареубийству, заранее способствовал делу оправдания народа-богоубийцы.

«Добронамеренные» граждане тем сильнее

горевали по поводу еврейской эмансипации. Вспоминая 1789 год, аббат Жозеф Леман, еврей, принявший христианство, писал через столетие после этих событий: «День 23 декабря 1789 года стал глубоким унижением для нашего народа, но это был день высшей справедливости! Да, палач заслуживал общей с нами реабилитации, ибо палач убивает только людей, притом виновных, а мы, мы погубили Сына Господа, невинного!» Кроме того, можно сопоставить дело евреев с вопросом о цветных, которым в том же сентябре было отказано в гражданских правах. И если на следующий день после решения об эмансипации евреев, 28 сентября, Учредительное собрание проголосовало за запрещение рабства, то под давлением крупных плантаторов оно было сохранено в колониях. В этом случае предрасудки или «физическое отвращение» сочетались с воздействием могущественных заинтересованных сил. Что же касается евреев, то в дело не были вовлечены никакие организованные крупномасштабные интересы ввиду их малочисленности, гетерогенности и разбросанности. В этих

условиях эмансипация могла быть провозглашена во имя чисто идеологических соображений, во имя торжества принципов, и в каком-то смысле это придает всему происшедшему особое величие.

Евреи, и прежде всего евреи Парижа, прилагали все возможные усилия, чтобы добиться решения этого жизненно важного для них вопроса. Но в остальном они не сыграли практически никакой роли во Французской революции. Похоже, что на востоке страны они оставались в своем большинстве не только пассивными, но даже безразличными, или по крайней мере сдержанными наблюдателями за ходом дебатов об их будущей судьбе. Интересно отметить в этой связи, что никогда, ни в одном случае не было попыток со стороны современников приписать крах монархии и гонения на христианскую церковь заговору евреев. Только в дальнейшем, как мы это увидим, появятся подобные интерпретации. Верно, что ищущие простых и манихейских (т. е. черно-белых, разделяющих мир на абсолютное добро и зло.—Прим, ред.) объяснений через влияние

окультурных сил, действующих во мраке, скорее могли иметь в виду протестантов, более многочисленных и могущественных: подобные голоса начали раздаваться с 1790 года, и в дальнейшем их количество возрастало.

Таким образом, за редкими исключениями евреи не фигурируют ни среди активных, ни среди пассивных участников Террора. Но кампании по дехристианизации естественно сопровождались и кампаниями против иудаизма, что можно видеть на примере той критики, с которой «Бюллетень Общественного спасения» обрушился на обряд обрезания:

«Прежде чем этот кошмар будет остановлен, сколько детей могут пасть жертвами этого иудейского обряда? Сей предмет, весьма интересующий общество, еще не привлек внимания наших законодателей. Необходим конкретный закон, запрещающий потомкам Авраама делать обрезание детям мужского пола...»

Встречались также раввины, которые по примеру кюре и пасторов выставляли напоказ свою гражданственность. Так, некий Соломон Гессе,

«еврейский священник в Париже, 20 брюмера II года объявил, что у него «нет иного Бога, чем бог свободы, иной веры, чем вера в равенство», и предложил родине «тканые серебром нашивки со своих иудейских украшений». Если как в Париже, так и в провинции еврейская религия подвергалась таким же преследованиям, как и все другие религии, то можно думать, что многовековая привычка к полуподпольному существованию помогала сторонникам иудаизма более успешно избегать якобинских молний. Однако возникает очень четкое впечатление, что в отношении иудаизма фанатизм культа Разума удваивал свою ярость, особенно в восточных департаментах, опираясь на традиционные антиеврейские чувства.

Весьма показательной в этом отношении является популярная брошюра, прославляющая Марата, где он сравнивается с Иисусом, «который также пал под ударами фанатиков в разгар своих усилий по спасению рода человеческого», В восточных департаментах велась открытая антиеврейская пропаганда. Член Конвента

Бодо, комиссар Рейнской и Мозельской армий, даже предлагал новый вид возрождения евреев— «возрождение посредством гильотины»:

«... у них всегда алчность вместо любви к родине и жалкие суеверия вместо разума. Я знаю, что некоторые из них служат в наших армиях, но, исключая их из дискуссии по поводу их поведения, не следует ли применить к ним возрождение посредством гильотины?» В то же время (брюмер, II год) все муниципалитеты департамента Нижнего Рейна получили приказ «немедленно собрать все иудейские книги, и особенно Талмуд, а также любые знаки их религии, чтобы в десятый день второй декады устроить аутодафе во имя Истины из всех этих книг и знаков религии Моисея». Похоже, что этот приказ не был выполнен, поскольку, когда наступил месяц плюваз, т. е. через три месяца, в другом циркуляре объявлялся запрет «гражданам порочить прекрасное имя гражданина и смешивать его с именем еврея, собираться в их так называемых синагогах и кривляться там в честь древних праздников, используя непонятный язык, с помощью

которого можно легко нарушить общественную безопасность». Второго термидора речь уже идет не об их суевериях, но о финансовой деятельности, которая ставится в вину эльзасским евреям, и муниципалитеты округа получают приказ «не сводить глаз с этих опасных существ, прожорливых пиявок на теле граждан»¹¹.

На противоположном краю Франции португальские евреи не навлекали на себя подобных обвинений, тем не менее их революционный энтузиазм также был не слишком горячим. На многих крупных коммерсантов и банкиров Бордо были наложены штрафы и обязательства обеспечивать нужды санкюлотов; самую большую сумму в двенадцать тысяч ливров должен был выплатить банкир Шарль Пейксотто, обвиненный в «нападах на аристократию даже при прежнем режиме, вплоть до претензий на происхождение из рода левитов, что делает его самым знатным человеком королевства...» Генеалогические притязания иберийских евреев хорошо известны: по другую сторону Пиренеев семья Га-Леви, или Санта-Мария, заявляла о еще более царственном про-

исхождении (Семья Санта-Мария, происходящая от принявшего христианство раввина Га-Леви, в XVI веке получила почетный статут христианской «чистой крови», поскольку она претендовала на происхождение из семьи Святой Девы (см. мою книгу «История антисемитизма. Эпоха веры», М. 1997, с. 125).).

Как писал хроникер из Бордо Детшеверри, «штраф был бы еще больше, если бы Комиссия вовремя не отметила, что Пейксотто проявил самое большое рвение при покупке национального имущества. Что же касается эльзасских евреев, то они воздерживались от покупки национального имущества прежде всего по традиции, а затем, по всей вероятности, из-за скептицизма по поводу будущего Революции. Похоже, что видные португальские евреи разделяли этот скептицизм, если судить по контактам, которые они поддерживали в 1791-1793 гг. с партией короля в Париже и Лондоне по вопросам конституции, а также в Ланде, своеобразной еврейской вотчине под сюзеренитетом французской короны. Это дело, известное нам только благодаря рапорту Жозе-

фа Фуше, могло иметь отношение к очень старому проекту, поскольку в заметке Монтескье по поводу создания «еврейского города» недалеко от Байонны уже обсуждался этот вопрос (мы уже говорили об этом выше). Эта идея пробуждает особое отношение и политические надежды у евреев-сефардов, совершенно чуждых ашкеназскому иудаизму того времени.

Итак, французские евреи, имевшие во время Французской революции некоторые особые причины для беспокойства, в своем большинстве не проявляли по ее поводу чрезмерного энтузиазма. Эмансипация, перевернувшая с наполеоновских времен жизнь всех евреев к западу от Вислы, вначале привела к большим изменениям только тех из них, кто начал эмансипироваться самостоятельно. Вероятно, то же самое происходило в соседних странах по мере того, как армии Республики приносили туда революционные идеи. В ноябре 1792 года генерал Кюстин обещал евреям рейнских государств положить конец их подлому рабству: «... вскоре повсюду, где будут развеяться священные знамена свободы, никто не бу-

дет страдать, не будет ни рабов, ни тиранов!» В 1795 году новая «Батавская республика» предоставила политические права всем своим гражданам, включая евреев.

В ходе своих кампаний Бонапарт освободил основную часть итальянских евреев, включая и относящихся к Папскому государству. Но нельзя утверждать, что все сыновья Израиля единодушно радовались этому. Так, гордые сефарды Амстердама, полностью удовлетворенные своим особым статусом, совершенно не стремились получить политические права, как об этом свидетельствуют начавшиеся вскоре внутренние конфликты и расколы в общине. Униженные рейнские евреи, а также евреи Италии легче поддались убеждению, о чем отныне свидетельствует их франкофилия. В других германских странах полная или частичная эмансипация евреев, также происходившая под французским влиянием, была введена местными правительствами, о чем мы еще поговорим ниже. Новое французское евангелие распространило свое влияние вплоть до отдаленной Португалии, где многие тысячи

марранов или псевдомарранов еще находились под властью старых статуты «чистоты крови». В 1809 году во время французской оккупации они стали основными вдохновителями профранцузской партии, намеревавшейся предложить корону страны маршалу Жюно.

Именно таким образом Франция превратилась в защитника и поборника эмансипации евреев на значительной части Европы. Но с 1800 года Франция—это Наполеон, в котором она себя мистически познает и который «хочет того же самого, что и последний из его гренадеров, только в тысячу раз сильнее», что вносит в наше исследование проблему индивидуальной психологии.

На первый взгляд кажется, что применительно к еврейской проблеме больше, чем в какой-либо иной области, Наполеон был верным сыном Революции, а именно «Горы» («la Montagne»—радикальная часть Законодательного собрания.—Прим. ред.). Он хотел возродить евреев, т. е. деиудаизировать их, и частично ему это удалось. Его суждения о сыновьях Израиля, преимущественно базировавшиеся на действительных

взглядах того времени, были достаточно жесткими. Этот противник «идеологов» не особенно интересовался проблемой ответственности, которую создавало их порабощенное положение, так что собранные по частям эти суждения могли бы составить основу для небольшого антисемитского катехизиса. Они сочетали старый теологический предрассудок с зарождающимся научным суеверием: «Евреи—это подлый, трусливый и жестокий народ». «Это гусеницы, саранча, опустошающая деревни». «Зло происходит прежде всего от этой неудобоваримой компиляции, известной как Талмуд, где рядом с подлинными библейскими традициями можно найти самую испорченную мораль, как только речь заходит об их взаимоотношениях с христианами». Тем не менее евреи, по его мнению, составляют особый народ (*une race*), и этот народ проклят: «Я не претендую на то, чтобы избавить от поразившего его проклятия этот народ, который, видимо, является единственным, на кого не распространяется искупление, но я хотел бы сделать для него невозможным распространение зла...»

В глазах Наполеона средство состоит в подавлении еврейского наследия, которое должно раствориться в христианских народах. Это тяжелая задача: «... добро совершается медленно, и большое количество порочной крови может улучшиться только со временем». «Если из трех браков один окажется смешанным еврейско-французским браком, кровь евреев перестанет быть какой-то особенной».

На деле Наполеон управлял евреями крепкой и умелой рукой; однако его политические и административные замыслы играли определенную роль в визионерских мечтах, а возможно, и в суеверном страхе.

После экспедиции в Египет он обратился к евреям с прокламацией, предлагая им вступить под его знамена, чтобы отвоевать Землю обетованную. Но они остались глухими к его призыву, и проект может быть отнесен к числу «восточных чудес». Через три или четыре года, став Первым Консулом, Бонапарт занялся урегулированием религиозных вопросов. Однако закон 18 жерминаля X года об организации католическо-

го и протестантского богослужения не затрагивал иудаизм: «... что касается евреев, то это отдельный народ, так что его вера не смешивается ни с какой другой; поэтому у нас еще будет время заняться ими отдельно позже». Это время наступило после провозглашения Французской империи весной 1806 года, и имеется достаточно оснований для предположения, что его первоначальное намерение состояло в лишении их гражданских прав. Но Государственный Совет, в котором заседали старые юристы революционной эпохи (Рено де Сен-Жан д'Анжели, Бено, Берлье), сумел оказать на него сдерживающее влияние. В конце концов Наполеон решил, что сначала необходимо проникнуть в луцку к евреям. Он собрал в Париже их представителей на «Генеральную ассамблею».

Хотели ли они оставаться французами? Были ли они готовы в случае необходимости выбросить за борт закон Моисея? На двенадцать заданных им затруднительных вопросов делегаты дали самые удовлетворительные ответы.

«Считают ли евреи Францию своей родиной

и

чувствуют ли себя обязанными ее защищать?» — «Да, до самой смерти!» — единодушно воскликнула Ассамблея. Но новые патриоты вновь сделали «жестоковыйным народом» (библейское выражение, см. Исход, 34, 9; Второзаконие. 10, 16; 31, 27; и др.—Прим. ред.), когда возник вопрос о смешанных браках—император желал, чтобы раввины открыто поощряли такие браки. Избежав прямого столкновения с самодержцем, Ассамблея сумела дать уклончивый ответ. В целом экзамен был выдержан успешно, и у комиссаров (Пакье, Портали) осталось благоприятное впечатление. Еще было необходимо найти средство, чтобы связать пестрое еврейское население империи от Нидерландов до Италии решениями, утвержденными на Ассамблее: комиссары были крайне удивлены, когда услышали, что не существует никакой организованной власти, никакого центрального правительства, которому бы подчинялись все, кто хранит верность закону Моисея. (Это удивление иногда испытывают и в наши дни.) В этих условиях возникла идея

собрать в Париже Великий синагон, который через промежуток в восемнадцать столетий возобновит связь с традицией собственного правительства Израиля.

Эта идея сразу же зажгла воображение Наполеона. Помимо того, что это послужило бы средством возрождения евреев и контроля над ними, гениальный оппортунист решил, что сможет использовать подобный орган в своей большой политике. Проект был им окончательно разработан в течение последних месяцев 1806 года одновременно с планом континентальной блокады. Без сомнения он рассчитывал на набожную верность еврейских деловых людей, которые помогут ему морить Англию голодом. Новое правительство Израиля должно было в точности воспроизводить древний образец и насчитывать то же число членов (семьдесят один), носящих те же титулы. Приглашения были разосланы далеко за пределы империи во все еврейские общины Европы. Необыкновенно торжественное открытие состоялось 9 февраля 1807 года в бывшей капелле Сен-Жан на улице Пилье, которая была пере-

именована в улицу Великого Синедриона.

Но подобный способ возрождения евреев вызывал множество неприятных и даже провокационных ассоциаций для христианских чувств. Разве не Синедрион был тем еврейским судом, который принял условия Иуды и отсчитал ему тридцать сребреников? Разве не там произошла ужасная сцена, когда Сына Божия били по лицу, плевали на него и всячески оскорбляли? Иными словами, разве не был Синедрион орудием богоубийства? Это открывало двери полету воображения. Зарубежная антинаполеоновская пропаганда долго и энергично разрабатывала эту тему, которая дополнила сюжет о Наполеоне-антихристе, как мы это увидим в дальнейшем. Во Франции даже лояльные католики высказывались по этому поводу, «Для христианства несчастное положение евреев есть доказательство, которое преждевременно хотят уничтожить...» — писал Бональд, сравнивая еврейский Синедрион с Конвентом философов. В анонимном памфлете, конфискованном полицией, Наполеон представлялся как «помазанник Господа, который спасет Из-

раиль». А разве этот новый еврейский мессия сам нееврейского происхождения? Сие утверждение опубликовал орган французских эмигрантов в Лондоне «Л'Амбигю», и это обвинение оставило свой след в людской памяти.

Быстрый роспуск Синедриона позволяет думать, что все эти кампании подействовали на Наполеона до такой степени, что также пробудили в нем какой-то суеверный страх. В самом деле, это собрание с тысячелетним именем провело лишь несколько заседаний, на которых были ратифицированы решения, до того принятые «Генеральной ассамблеей»; 9 марта 1807 года, через месяц после своего торжественного открытия Синедрион был распущен, и больше никогда не поднимался вопрос о возобновлении его работы,

К тому же не только евреи из других стран, но даже и евреи империи не высказывали чрезмерного энтузиазма по поводу учреждения, призванного управлять ими под имперским контролем. В результате, каковы бы ни были его мотивы, Наполеон отказался от своего великого политикомессианского плана. В конечном итоге он огра-

ничился тем, что своим указом от 17 марта 1808 года, прозванным «позорным», наложил на евреев частичные ограничения, варьировавшиеся в разных департаментах: евреи департаментов Сены и Юго-Запада (к которым в дальнейшем были добавлены и многие другие) сохранили весь объем своих прав; в других департаментах вводились дискриминационные меры, ограничивающие права евреев на поселение и занятия коммерцией. Указ 17 марта, разоривший много еврейских семей, был вызван логикой борьбы с ростовщичеством, но кропотливые расследования «еврейских злоупотреблений», которые предписывались префектам в этой связи, еще один раз демонстрируют нам, в какой мере их дурная репутация прежде всего определяется самим фактом их еврейской принадлежности.

Так, префект департамента Воклюз, констатируя, что ни один из шестисот тридцати одного еврея его департамента не заслуживает того, чтобы называться ростовщиком, писал: «Я полагаю, что тот вид злоупотреблений, о котором вы мне говорите...—это преступление, о кото-

ром заставляет думать само имя этого народа, которое во все времена делало их изгоями, т. е. ростовщичество». В более краткой форме префект департамента Мон-Тоннер утверждал: «... что в Майнце самыми худшими евреями являются некоторые христиане». Приведем также пространный доклад Фошо, префекта департамента Сены, в котором проводилось различие между природными евреями и новыми евреями, единственными кто занимается еврейскими махинациями;

«... среди множества отдельных лиц, организовавших эти скандальные ростовщические лавки, уничтоженные благодаря мудрости правительства, в деятельности которых были обнаружены самые характерные еврейские махинации, не оказалось ни одного настоящего еврея. Таким образом, нет ни одного природного еврея во всей этой корпорации, известной в Париже под названием «черная банда», которая в департаменте Сены заполняла залы судебных распродаж, оттесняя честных покупателей и захватывая все, что выставлялось на продажу, чтобы затем пе-

репродавать по более высокой цене, обманывая тем самым государство и подкупая отдельных лиц. Многие евреи, подобно другим гражданам, приобретали государственное имущество, чтобы пользоваться им, но среди них не было тех, кто покупал бы его для перепродажи. И абсолютно очевидно, что при совершении этих покупок они были вынуждены, подобно другим честным покупателям, платить дань новым евреям из черной банды».

Таким образом, под пером высокопоставленного чиновника империи можно обнаружить различие, столь характерное для средних веков, между «евреями», «христианами, впавшими в иудаизм» и «евреями, принявшими христианство».

Там, где было достаточно много евреев, которые могли бы заниматься «еврейскими профессиями», как, например, в рейнских департаментах, они служили прикрытием для тех христиан, которые не осмеливались открыто делать «еврейские дела». В докладах префектов и мэров многократно отмечается это положение вещей,

которое мэр Меца описывал следующим образом;

«Покупатели государственного имущества как для собственных целей, так и по подряду, обращались к евреям за кредитами и получали у них деньги за очень высокий процент, потому что у самих евреев денег было мало, и они действовали как посредники для неевреев. Эти люди хотели получать высокую прибыль, но при этом сохранять видимость порядочных людей, какими они были известны в обществе. Таким образом, позор падал на голову евреев, а доход доставался другим. Свобода денежного обращения также способствовала расцвету ростовщичества; в Меце ростовщиков можно встретить во всех классах общества. . . . »

Однако комиссары императора всю вину возлагали на одних евреев:

«Можно утверждать, что [евреи] приучали тех, кого они обирали, праздности и продажности, и они лишали моральных устоев тех, кого не обирали. Государственные нотариусы, развращенные ими, использовали их услуги, чтобы в

тайне совершать свои постыдные дела, слуги и поденщики приносили им полученное за работу, чтобы они пустили это в дело вместе с собственными деньгами. Таким образом, определенное количество французов забросило полезные занятия, поскольку они привыкли жить не работая, а извлекая доходы из ростовщичества... "

В некоторых из этих «полезных профессий», о которых говорят комиссары императора, в науках и искусствах, но особенно в военном деле, новое поколение евреев успешно проявляло себя во все возрастающих масштабах, как мы это увидим в дальнейшем. Тем не менее режим ограничений для евреев сохранялся до самого конца империи. Завершить дело эмансипации французских евреев выпало на долю правительства Людовика XVIII, воздержавшегося в 1818 году от продления действия «позорного» указа от 17 марта 1808 года.

Эмансипация в Германии

В различных германских странах частичная эмансипация евреев происходила в эпоху наполеоновских завоеваний. Там, где это не было прямо предписано французскими оккупационными властями, как, например, в Рейнской области, эмансипация происходила под французским влиянием или по французскому примеру, что шокировало многих патриотично настроенных немцев как той эпохи, так и последующих поколений, для которых она останется мерой, навязанной «иностранный тиранией». Вплоть до наступления нацистской эры этот аргумент останется основным для немецкого антисемитизма.

Другой отличительной чертой этой эмансипации была важная, иногда определяющая роль, принадлежавшая в данном процессе некоторым «придворным евреям», чье богатство и влияние возросли в это смутное время, поскольку деньги являются нервом войны, но которые тем не менее могли надеяться на освобождение от бесчестия, связанного с их статусом евреев, только при условии избавления от позора всех еврейских общин в их совокупности. Таким образом, самые вли-

ятельные евреи оставались заложниками самых несчастных своих собратьев, но усилия, предпринимавшиеся для их освобождения, зависели также от характера отношений между плутократическими лидерами общин и еврейскими массами, т. е. отношений властителей со своими подданными, причем властителей, чье чувство ответственности было развито в такой же высокой степени, в какой они были презираемы в глазах христианского мира. Тщеславие выскочек и традиционная солидарность сыновей Израиля—таковы были две главные, хотя и столь различные побудительные причины поборников еврейской эмансипации.

Наиболее активным среди них был Израэль Якобсон, которого Гете, бывший противником эмансипации, называл «еврейским мессией из Брауншвейга», а также, используя двойную игру слов, якобинским Израильсоном (*Jacobinischer Israelsohn*, т. е. якобинским сыном Израиля). Родом из Хальберштадта в Пруссии, Якобсон обосновался в герцогстве Брауншвейгском в конце XVIII века и стал там главным финансовым аген-

том и банкиром, одним словом, «придворным евреем» герцога Карла-Вильгельма. Его дела шли успешно, вскоре он играл ту же роль и при дворах нескольких соседних княжеств. В качестве доброго сына поколения Мендельсона он стремился распространять европейское Просвещение среди жителей гетто, как только у него появились для этого средства. В 1801 году он основал образцовую школу в Зезене, в которой бедные молодые евреи и христиане обучались бок о бок; этой школе он пожертвовал капитал в сто тысяч талеров, и она просуществовала до гитлеровской эпохи. Эта попытка межконфессионального сближения, ненавистная ортодоксальным иудеям, в равной мере возмущала многочисленное христианское духовенство. Некий аббат видел в этом знак того, что «прошли времена, когда с ревностью любили свою религию; вера стала в наши дни похожа на старую брошенную жену, которая больше не возбуждает никакой ревности».

Но сторонники терпимости из высшего общества поддержали инициативу Якобсона, а его школа имела честь принимать много высоко-

поставленных гостей. В 1807 году университет Хельмштедта присвоил ему звание доктора *honoris causa*, и, что было символично для того времени, сестра герцога сделала ему сюрприз, увенчав его лавровым венком, который она сплела собственными руками.

В 1803 году Якобсон добился отмены специального подушного налога на евреев в герцогстве Брауншвейгском, а в следующем году он добился этого от маркграфа Бадена. Но он смог полностью проявить себя на финансовом поприще и в деле эмансипации только с 1806 года, при французской оккупации. Тогда Наполеон наложил на герцогство Брауншвейгское контрибуцию, превышавшую пять миллионов франков, которую не смогли собрать христианские банкиры. Пришлось прибегнуть к помощи еврея. Президент коллегии пасторов Хеннеберг, считавший эти условия непомерными, писал своим коллегам: «Поскольку дело принимает такой оборот, что мы, как и вся страна, окажемся в руках Израиля, и любое возражение будет голосом вопиющего в пустыне, нам остается лишь принять его».

условия прямо и просто... » Разумеется, Якобсон рассматривал эти проблемы совершенно иначе. После обсуждения вопроса с французским управляющим Дарю, в ходе которого ему удалось убедить его отказаться от выпуска принудительного займа, Якобсон писал тому же Хеннебергу:

"... я счастлив, что мне удалось разрешить проблему, доставлявшую мне самое серьезное беспокойство и бессонные ночи; я не знаю, выиграл ли я или проиграл, но в любом случае ко мне будут относиться как к ростовщику, стремящемуся извлечь огромную выгоду из тех временных трудностей, которые переживает страна. Следует возблагодарить Провидение, если дело обернется иначе... »

Это заявление еврея заслуживает подробного рассмотрения, поскольку в нем дается краткая формула порочного круга эмансипации, достигнутой с помощью финансового превосходства, которое возмущало большинство христиан и тем самым постоянно угрожало самой эмансипации в Германии. После создания в 1807 году королевства Вестфалия (Вестфальское коро-

левство (1807-1813) со столицей в Касселе было образовано по решению Наполеона. (Прим ред.) Якобсон стал банкиром и близким другом короля Жерома, как это было с герцогом Карлом-Вильгельмом, и его возможности возросли. Новое королевство было организовано по французской модели, и не возникло трудностей для введения там режима для евреев по образцу, недавно установленному в Париже: с одной стороны, эмансипация (но без ограничений, установленных Наполеоном), с другой—система консисторий, т.е. организация еврейской религиозной жизни по христианской модели. Став председателем консистории, Якобсон управлял своими единоверцами в весьма авторитарной манере, обновляя по своему усмотрению их религиозные обряды и обычаи. В то же время он поощрял инициативы, направленные на ускорение эмансипации евреев в других государствах (его демарши во Франкфурте послужили объектом для эпиграммы Гете), вплоть до обращения к императору Александру I. Возможно, он был одним из вдохновителей идеи учреждения Великого Си-

недриона.

Он писал Наполеону: «Я приближаюсь к трону Вашего Величества с тем доверием, которое внушают великие деяния, которыми вы потрясаете удивленный мир. . . . соизвольте, сир, распространить ваше благоволение на евреев, которые живут в соседних с вашей империей странах. . . » Совершенно естественно, что он стремился полностью разыграть французскую карту; нетрудно догадаться, что вспышка немецких националистических чувств в 1810-1812 годах вызовет озлобление патриотов-германофилов против этого «якобинского сына Израиля». Немежде эмансипации немецких евреев было также угодно, что, желая угодить королю Жерому, осыпавшему его своими милостями, Якобсон оказался вынужденным приобретать государственное имущество, которое король приказал выставить на аукцион, в том числе шесть монастырей, которые были закрыты, а их бывшие обитатели обрушили проклятия на голову сына народа-богоубийцы. . . Якобсон мирно скончался в Берлине, увенчанный почестями и среди огромных

богатств. Но все его потомки приняли христианство.

То же самое произошло с Вольфом Брейденбахом, другим активным деятелем эмансипации, сфера активности которого охватывала мелкие княжества юго-западной Германии. В противоположность Якобсону Брейденбах оставался ортодоксальным иудеем, поэтому он хотел лишь улучшить официальный статус евреев, не касаясь их обычаев и обрядов.

Добавим к этому, что если такие поборники эмансипации, как Якобсон или Брейденбах были прежде всего духовными лидерами, то другие еврейские плутократы проявляли весьма незначительный интерес к проблеме эмансипации своих собратьев. Так, Мейер-Амшель Ротшильд в то время, когда он закладывал во Франкфурте основы своего легендарного семейного состояния, не принимал сколько-нибудь значительного участия в борьбе, которую вела еврейская община города и которая привела к упразднению гетто в конце 1811 года.

Мы не станем специально останавливаться на

изменениях в положении евреев в других германских государствах, к тому же некоторые из них, как, например, Саксония, воздерживались от каких-либо перемен. Нашей задачей будет подробное рассмотрение ситуации в Пруссии, где с особой четкостью можно проследить диалектику эмансипации в контексте христианской политики: а именно, попытку искоренения иудаизма, подвергнувшегося всеобщему осуждению, поскольку утверждалось, что невозможно никаким другим способом избавиться от евреев (в обоих смыслах слова, т. е. финансовом и «этнорелигиозном»).

С другой стороны, само собой разумеется, что эта эмансипация была в природе вещей, поскольку пришло время краха старых феодальных порядков. В 1807 году после крупного поражения Пруссии король и его правительство, бежавшие в Кенигсберг, начали широкую программу реформ, связанную с именами министров фон Штейна и фон Гарденберга. Отмена крепостного права, упразднение прежнего деления на сословия (дворянство, городские жители, крестьянство), равные права и обязанности всех жителей

страны, граждан королевства—в конечном итоге все это делало невозможным сохранение особого режима для евреев и их статуса как особой касты неприкасаемых: они должны были или исчезнуть, или стать «гражданами государства» (Staatsbürger) как и все остальные. В ту эпоху, впрочем как и во все остальные, идея тотального уничтожения имела достаточно сторонников, к числу которых, видимо, принадлежал и сам барон фон Штейн, который якобы предложил использовать эти «паразитические растения» для колонизации Африки. Очевидно, подобный проект был совершенно утопическим, особенно в эпоху, когда контрибуции в результате наполеоновских войн, достигавшие для Пруссии ста сорока миллионов франков, составляли для казначейства тяжелую проблему, которую, разумеется, нельзя было решить без участия евреев, многие из которых к тому же выступали в роли основных поставщиков французской армии во время войны. Итак, не только общий дух времени и французский пример, но и давление, оказываемое послом Франции в Берлине Сен-Марсаном, которо-

го, без сомнения, побуждали к этому остававшиеся за кулисами евреи, не желавшие соглашаться ни с чем ломимо эмансипации и всячески стремившиеся приблизить ее.

К тому же три крупнейшие еврейские общины—Берлина, Кенигсберга и Бреслау—постоянно подталкивали этот процесс с помощью бесчисленных обращений, бомбардируя прошениями министров и самого короля. Летом 1808 года Фридрих-Вильгельм III поручил министру фон Шреттеру, правой руке фон Штейна, представить ему проект реформы. Фон Шреттер, разделявший взгляды своего шефа относительно евреев, в свою очередь поручил эту задачу криминальному советнику Бранду. Большой интерес представляет описание их беседы в мемуарах этого прусского чиновника. Незначительный инцидент—предоставление некоему еврею права проживания в Кенигсберге вопреки регламенту, вызвал недовольство короля; «Фон Шреттер получил выговор, а также приказ пересмотреть прежнее законодательство о евреях и подготовить новую конституцию. Он вызвал меня и об-

винил в том, что я был настоящим виновником, затем приказал мне прочитать приказ короля и спросил, не могу ли я, основываясь на моем хорошем знании евреев, предложить способ уничтожить их всех одновременно без пролития крови. Я ответил, что знаю эффективный способ уничтожить не евреев, а иудаизм, и позволил себе в тот же день предложить проект закона, о котором высказывалось пожелание наверху. Он получил этот проект 29 ноября [1808 года]. . . »

Разработанный Брандом проект имел целью постепенную эмансипацию и предусматривал по основным пунктам (запрет на государственную службу, строгое ограничение числа коммерсантов-евреев и т. п.) режим исключений. Но даже в этом виде проект был подвергнут критике за излишнюю либеральность большинством министров, которым он был представлен на рассмотрение. Только старые просветители, сконцентрировавшиеся в Министерстве народного образования, выступили за немедленную и полную эмансипацию. Они обращали особое внимание на массовые предрассудки против ев-

реев, которые, по их мнению, были вызваны режимом исключений, а также высмеивали недостойный христиан страх перед еврейским господством. Великий филолог Вильгельм фон Гумбольдт, который был к тому же министром, посчитал полезным выступить с утверждением, что в судьбе евреев нет никакой тайны:

«... национальный еврейский характер, отличающийся такими чертами, как верность первоначальной традиции и замечательная способность к пассивному сопротивлению, связан с христианскими идеями, согласно которым, с одной стороны, иудаизм и христианство относятся к одному классу, но, с другой—они должны рассматриваться как разделившиеся на два противоположных класса, что привело к приписыванию непропорционально большого значения малочисленному еврейскому народу. Именно эти идеи сделали евреев такими, какими они являются сегодня. Их положение определяется религиозным аспектом всемирной истории, аспектом столь странным, что многие замечательные умы задавали себе вопрос, возможно ли объяснить

его с помощью естественных причин. . . »

Мы процитировали здесь эти слова исключительно для того, чтобы напомнить об этом блестящем человеке, поскольку в реальной жизни первый проект реформы из-за враждебности остальных министров и канцелярской пассивности растворился в административных песках. Подлинным творцом еврейской эмансипации по справедливости стал принц Карл Август фон Гарденберг.

Этот аристократ много путешествовал, и, вероятно, причиной его благожелательного отношения к сыновьям Израиля стало космополитическое воспитание. Кроме того случилось так, что однажды в тяжелый период его жизни некий еврей выручил его из финансовых затруднений. Этим бескорыстным заимодавцем был не кто иной, как Исраэль Якобсон, которому в то время и в голову не могло прийти, что в 1810 году его должник станет всемогущим прусским министром, который сможет незаметно напомнить ему, «что они знакомы уже двадцать пять лет. . . ». Придя к власти, Гарденберг постоянно доби-

вался осуществления полной эмансипации евреев в соответствии с принципом «равных прав, равных свобод, равных обязанностей», а также реализации принципов, заимствованных у Адама Смита, в области реорганизации в Пруссии коммерции и финансов. Он смог преодолеть бесчисленные возражения администрации и даже самого короля. В конце концов, эдикт об эмансипации, изданный 11 марта 1812 года, содержал лишь одно ограничение—в § 19 говорилось об ограничениях для евреев при поступлении на государственную службу.

Среди возражений, последовательно опровергавшихся Гарденбергом, некоторые заслуживают более подробного рассмотрения. Чтобы быстрее освободить евреев от иудаизма, некоторые министры предлагали запретить им ношение бороды; другие требовали запрета на все их обычаи и религиозные обряды, несовместимые с христианскими порядками, т. е. практически законодательного запрещения иудаизма. С другой стороны, предлагалось сохранить в силе некоторые положения прежнего устава евреев, а именно осо-

бо суровые наказания за укрывательство краде-ного, контрабанду и банкротство, а также прин-цип непризнания их клятвы в суде. Давид Фрид-ландер, официальный представитель еврейской общины Берлина, смог удачно показать неспра-ведливость этого последнего предложения; «... в гражданских и уголовных делах клятва еврея должна иметь то же значение, что и клятва лю-бого другого человека. Еврей такой же человек и гражданин как и все остальные, и ничто в его религии не делает его менее достойным дове-рия, чем христианин. Сколько было уголовных дел, в ходе которых христиане заявляли на суде, что они не считали, что совершают грех, убивая еврея! Как это характеризует христианскую мо-раль? Существует лишь один способ уничтожить эти предрассудки, столь же опасные, сколь и по-стыдные, в умах всех людей: равенство перед за-коном, одинаковое доверие ко всем, одинаковые наказания за клятвопреступление... » Наконец, министр полиции Зак придавал большое значе-ние запрещению самого названия еврей, «став-шего слишком презируемым... так что оно по-

мешает внушить им чувство чести, которое приравняло бы их к другим гражданам и повысило бы их самоуважение. . . » В поддержку этой идеи он ссылаясь на пример Франции и Вестфалии, где подобные языковые изменения способствовали сближению евреев с христианами, особенно в армии. Но его мнение не было принято во внимание.

Сохранялось ограничение параграфа 9, которое было сформулировано следующим образом; «В том, что касается вопроса, насколько евреи могут быть допущены к исполнению официальных обязанностей и приняты на государственную службу, мы оставляем за собой право разрешить эту проблему в будущем законодательным путем». Когда наступило время реакции после 1815 года, эта статья позволила принять всевозможные дискриминационные меры против евреев, так что они всегда оставались в Германии гражданами второго сорта, даже в чисто юридическом отношении.

Прежде всего возник вопрос о еврейских добровольцах и ветеранах, которые хотели посту-

пить на государственную службу. Прусские министры единогласно отказали им в этом праве. Однако один из них, министр финансов Бюлов, предложил сделать исключение для кавалеров железного креста, заявив, что «добровольцы, относящиеся к иудейской религии, которые награждены этим знаком отличия, в моральном плане могут оцениваться более высоко, чем обычно». Но Совет министров в целом остался при убеждении, что храбрость, проявленная на поле боя, не является доказательством высокой морали применительно к евреям. К тому же в 1815-1816 годах возник вопрос о пересмотре эдикта 11 марта 1812 года; некоторые министры предлагали разделить евреев на три класса в зависимости от степени полезности их занятий: в результате в полном объеме все права, предоставляемые по этому эдикту, должны были распространяться лишь на представителей первого класса.

Но это предложение не было поддержано—в самом деле, было совершенно достаточно § 9 для серьезного ограничения прав, которые совсем недавно были предоставлены евреям. Было да-

но исключительно широкое толкование понятий «официальные обязанности» и «государственная служба»; они распространялись на почетные обязанности, коммунальные услуги, на различные виды деятельности в области образования, а в конце концов в список включили и такие занятия, как коммунальный землемер и даже палач. Господствовавшие в это время настроения получили еще более полное отражение в прусском законе, принятом в 1836 году, согласно которому необращенным в христианство евреям запрещалось давать своим детям распространенные христианские имена. Идеология эмансипации была направлена на то, чтобы за исключением религиозных вопросов евреи стали во всем подобными христианам. Напротив, согласно концепции «христианского государства» они должны были максимально отличаться от остальных граждан, так что в правление Фридриха-Вильгельма IV возник вопрос о восстановлении гетто. Критикуя новые тенденции, Штегеман, один из членов прежней команды Гарденберга, писал своему знакомому в 1819 году;

«Мои евангелические христианские чувства не позволяют мне причинять страдания евреям, к тому же я глубоко убежден, что только полное равенство прав может обратить их в христианство. Чем сильнее будут угнетение и презрение, тем больше они станут замыкаться в себе, одновременно присваивая наши деньги».

В другом письме он выражал ту же мысль в несколько иных словах: «Если бы не пресловутая четверка свободных городов, то за пятьдесят лет у нас в Германии не осталось бы больше евреев (не считая польских)».

Четыре свободных города (Франкфурт, Гамбург, Бремен и Любек), в которых правила буржуазия, на самом деле были основными очагами антиэмансипаторской активности. Христианская ностальгия по временам гетто процветала в этих городах. Под давлением цеховых корпораций прежний режим исключений был в них полностью или частично восстановлен. Страны, присоединенные Наполеоном к эфемерному королевству Вестфалии (Ганновер, Брауншвейг) также были расположены к восстановлению прежнего

порядка вещей. К 1815 году казалось, что дело эмансипации проиграно в германских странах в целом. Стремясь к спасению завоеванных позиций, крупные еврейские финансисты осадили дипломатов, собравшихся на Венском конгрессе. Со своей стороны, представители свободных городов также проявляли активность, так что «звонкие» аргументы, бывшие нормой в ту эпоху, широко использовались обеими сторонами (один из дипломатов даже заключил договор, по которому оговаривалась сумма вознаграждения за конкретные услуги). В конце концов баланс склонился в пользу евреев, в поддержку которых выступили великие державы: в результате Европа вступила в эру Ротшильдов, т. е. в эпоху сотрудничества «договорившихся держав» и крупных банков.

Таким образом, проект конфедерации германских государств был дополнен статьей, согласно которой права, предоставленные евреям в отдельных германских странах, вошедших в конфедерацию, сохраняют свое действие. Но в последний момент партия противников эманси-

пации сумела заменить в тексте статьи слова «предоставленные в германских странах» на «предоставленные германскими странами», что впоследствии дало юридические основания свободным городам и другим германским государствам отменить или ограничить права, предоставленные не прежними правительствами, вернувшимися к власти, а французским правительством. Тем самым мы вновь возвращаемся к весьма специфическим обстоятельствам эмансипации германских евреев, совпавшей с антифранцузской патриотической экзальтацией «освободительных войн» и движением германомании (Teutschthumelei).

В эту эпоху уже появились мыслители, которые сумели предвидеть, что может значить подобное сочетание. Так, философ Фридрих Шлегель, находившийся в то время на службе у австрийского правительства, заметил в 1815 году, что полная эмансипация евреев во всех германских странах была срочно необходимой именно потому, что она началась во время французской оккупации. Он рассуждал следующим образом:

если [германские] страны и города отменят эмансипацию под тем предлогом, что она была введена иностранным тираном, это может повлечь серьезные последствия, поскольку «приведет к образованию партии, настроенной в пользу врага, которого, к счастью, удалось победить». Он добавлял, что значение этой партии не следует недооценивать, поскольку ее составляют пятьсот тысяч активных и целеустремленных людей. В заключение он задавал вопрос: «Утверждая всеобщий принцип отмены, не следует ли взорвать дорогу через перевал Симплон (горная дорога в Швейцарии с туннелем длиной в 20 км.—Прим. ред.) только потому, что ее построили при Наполеоне?»

II. ПОСЛЕДСТВИЯ ЭМАНСИПАЦИИ

Положение евреев

В наши дни подавляющее большинство евреев испытывают ужас при мысли о затворничестве в гетто; лишь некоторые группы ортодоксов, самой известной из которых является Меа Шеарим в Иерусалиме (Меа Шеарим—иерусалимский квартал, где живут наиболее ортодоксальные иудеи.—Прим. ред.), сохраняют ностальгию по этому затворничеству, соответствующему, по их мнению, миссии Израиля. Этот ужас легко переносится и на прошлое, так что обычно принято полагать, что евреи с энтузиазмом приветствовали свою эмансипацию. К тому же имеется множество документов, которые, казалось бы, подтверждают этот взгляд. В самом деле, при ретроспективном подходе можно решить, что евреи—сторонники эмансипации, которые вели кампании в прессе и выступали с многочисленными петициями, заглушили голоса своих противников.

Истина была гораздо более сложной, варьировавшейся в разных странах и еврейских общинах, как мы уже могли это видеть. Во Франции португальские евреи, фактически уже до-

статочно сильно ассимилированные, почти единодушно приветствовали эмансипацию; авиньонские, или папские, евреи (см. выше) оказались более сдержанными: среди них нашлись и такие, кто не хотел отказываться от своего древнего позорного знака «желтой шляпы». Мы уже говорили, что парижские евреи были более свободными от предрассудков, тем не менее среди них также имелись те, кто сожалел о старинном порядке вещей, особенно среди представителей «низших классов», как это позволяет предположить доклад префектуры полиции от 1809 года: «... самым странным может показаться то, что является самой настоящей истиной, состоящей в том, что как раз именно эти несчастные бедняки наиболее глубоко привязаны к обрядам и ритуалам своей религии... ». Итак, это были самые бедные, и аналогичное утверждение содержится в докладе о настроениях эльзасских евреев, который префект Нижнего Рейна Ломон направил в Париж в 1800 году. Констатируя, что Революция пронеслась над народными массами, не изменив их ментальности, и предрассудки предков оста-

вались столь же живыми как среди евреев, так и среди христиан, он писал: «Однако я исключая из их числа представителей богатых классов, которые практически во всех странах отрываются от предрассудков черни». Ломон говорит далее: «Что касается иудейской толпы, то она продолжает коснеть в прежнем невежестве и низости, что и раньше. Их религиозные принципы, в известной мере отделяющие их от всех остальных народов, которые вплоть до настоящего времени ничто не могло поколебать, являются почти непреодолимым препятствием к сближению, необходимому для общественного блага».

Любопытно, что по его мнению вину за это положение вещей не следовало возлагать на евреев, так как они, «как правило, были достаточно просвещенными людьми с добрыми намерениями, о которых я могу отозваться лишь с похвалой». Виновата в этом их «фанатичная паства», полная решимости не прощать талмудистам «ни малейших отклонений». Короче говоря, евреи Эльзаса «сохраняют веру в то, что они повсюду являются чужаками, и этот древ-

ний предрассудок еще долго будет мешать им задуматься об установлении стабильности. Исключения из этого общего расположения еврейского народа чрезвычайно редки. Возможно, потребуются столетия, прежде чем они смогут открыто решиться посмотреть на себя как на реальную часть большой семьи». Однако Ломон оставался оптимистом: «... можно не сомневаться, что с течением времени их убогие предрассудки сойдут на нет; когда же они будут меньше страдать от общественного презрения, они смогут сильнее привязаться к земле, которая их кормит—но пока они еще очень далеки от этого счастливого обращения». Нельзя не заметить, что этот замечательный республиканский администратор вместо обычно употреблявшегося термина «возрождение» (regeneration) пользовался гораздо более выразительным термином «обращение» (conversion).

В германских странах общая картина также имеет большие различия, часто даже противоречия. В рейнских областях, где эмансипация была введена непосредственно французами, лишь

часть евреев проголосовала за присоединение к Франции; тем не менее процент франкофилов среди евреев был выше, чем среди христиан. Партия сторонников эмансипации, или, что практически то же самое, франкофильская партия собрала большинство голосов во Франкфурте и Гамбурге, в чем нет ничего удивительного, поскольку здесь речь идет о двух богатейших еврейских общинах, сформировавшихся в городах, управляемых христианской буржуазией. В Пруссии «просвещенные» евреи также занимали преобладающее положение со времени Мозеса Мендельсона. Но их противники не испытывали недостатка в аргументах, как можно судить по сочинениям того времени. Так, раввин-реформатор Саул Левин в своей книге «Ктав Йошер» вывел на сцену ортодоксального мудреца, врага всего нового, поскольку это могло лишить его заработка. Поэтому он надеется на усиление преследований евреев и возлагает свои надежды на ненависть других народов, потому что только эта ненависть сможет способствовать росту достоинств и святости избранного народа. . .

Что касается австрийской империи, то мы располагаем целым рядом правительственных докладов, в которых звучат те же ноты, что и у префекта Ломона. При объявлении о созыве Великого Синедриона беспокойство овладело венским кабинетом министров, и было разослано указание губернаторам провести расследование настроения евреев. В целом результаты расследования оказались удовлетворительными, и император Франц смог прийти к заключению, что «не следовало ничего опасаться со стороны ревностных талмудистов и что Парижский конгресс (sic) не сможет оказать влияния на тех, кто принадлежит к привилегированным классам или тех, кто хочет производить впечатление просвещенных. Евреи Богемии, Моравии и Венгрии полностью удовлетворили власти. Евреи Галиции производили впечатление еще более преданных: по словам местного губернатора, «абсолютно все они были глупцами, преданными Торе и Талмуду», и видели в Синедрионе «могилу иудаизма».

Точно таким же было отношение евреев Польши и России, хотя в этом случае нужно сделать

некоторые уточнения: в самом деле, многие польские талмудисты, безгранично преданные своей стране, возлагали надежду на ее окончательное возрождение, а значит, и на победу Наполеона. Среди различных факторов, определявших политический выбор евреев, привязанность к стране, где они пустили корни, безусловно играла свою роль.

Теперь важно рассмотреть, что в реальности означала эмансипация для еврейских масс. Лучше всего осветить эту проблему можно путем анализа перемен в их политико-юридическом положении.

С этой точки зрения антиеврейские пропагандисты и поборники эмансипации были правы, утверждая, что еврейские общины составляли государство в государстве. В рамках гетто евреи в течение всей своей жизни имели дело с еврейскими властями, которые воплощали для них власть государства, одновременно принуждающую и защищающую. Отделенные от христианских властей щитом общинной олигархии (эти олигархии были обычно первыми сторонниками

эмансипации), они естественно относились к христианским властям как к чуждым и враждебным. По этой причине основная масса сыновей Израиля на самом деле составляла особый своеобразный народ, единый и самоопределяющийся в этом качестве по отношению к другим народам земли. Униженные и преследуемые, евреи гетто прекрасно понимали, кем они являлись.

Отмена общинной автономии, являвшаяся краеугольным камнем проекта эмансипации, приводила в этом плане к радикальным изменениям. В детстве еврей должен был посещать общественную школу; в юности он должен был пройти службу в армии; в зрелом возрасте он больше не подлежал раввинистическому суду и мог больше не бояться угроз отлучения и т. д. С одной стороны, он действительно становился «эмансипированным», поскольку больше не подлежал патерналистской власти раввинов и плутократов, а также был избавлен от ее бессилия. Но с другой стороны, отныне он должен был на всем протяжении своей жизни вступать в непосредственный контакт с христианскими властями.

ми, т. е. властями, которые рассматриваются как враждебные. Легко поверить, что прежде всего новый порядок вещей возбуждал страх и враждебность к эмансипации.

Естественно, что преимущества эмансипации, особенно в области повседневной борьбы за существование, те разнообразные возможности для обогащения или для успешной карьеры, которые она несла с собой, достаточно быстро привели к перевороту. Там, где отцы сохраняли враждебность или скептицизм, сыновья становились сторонниками эмансипации. Бунт против авторитета отцов ускорял восстание против власти раввинов. На протяжении жизни одного или двух поколений почти все евреи по обоим берегам Рейна восприняли новые идеи; в дальнейшем процесс повторится на востоке Европы. Но при этом система ценностей западного общества выносила еврейскому духовному наследию беспощадный приговор. Недавнего сына гетто заверяют, что отныне он такой же гражданин как все остальные, человек «иудейского исповедания», а не еврей, но он чувствует, что все не так просто,

что невозможно перестать быть евреем и одновременно оставаться им, и среди всевозможных впечатлений и переживаний, которые лишь усиливают это чувство, преобладающую роль играет подъем антисемитизма, о чем мы поговорим в дальнейшем.

Отсюда проистекает трагедия эмансипированного еврея, который отныне стремится оценивать себя самого по меркам преобладающего христианского общества, смотреть на себя чужими глазами. Иногда он себя переоценивает, но чаще осуждает, и эти два подхода легко уживаются друг с другом. Еврейский философ Теодор Лессинг констатировал: «Еврейский патриотизм—это ненависть к самому себе». Эта формула дополняет мысль антисемитского философа Шопенгауэра, не противореча ей: «... родина еврея—это другие евреи». Бесплезно добавлять, что любое обобщение чрезмерно, что эти страдания уже существовали внутри гетто, и, напротив, их избежали бесчисленные евреи нового времени, оставшиеся безвестными, чьи простые и цельные жизни не оставили докумен-

тальных следов. Если быть совершенно откровенным, то наши методы анализа недостаточны для изучения крайне сложных психоисторических процессов с их постоянным взаимодействием глубинной индивидуальной психологии с феноменами психологии коллективной или социальной. Отметим также, что основные фигуры еврейского авангарда первых поколений периода постэмансипации очень часто находили особое удовольствие в преувеличенном антисемитизме независимо от того, объявляли ли они себя христианами (как Фридрих Шталь) или безбожниками (как Карл Маркс). Чувствительность некоторых поэтов помогла найти менее стандартные ответы на эту ситуацию и сохранить для потомков некоторые ее характеристики.

В эпоху, которой мы сейчас занимаемся, никто не сумел сделать это лучше, чем Генрих Гейне. Его ирония не щадила ни иудаизм, «это несчастье, эту наследственную болезнь немецких евреев», ни его неверных слуг, таких как маркиз Гумпелино, «дезертир из гвардии Йеговы», и его слуга Гиацинт. Перед смертью он сменил тон:

«Я понимаю теперь, что греки были лишь прекрасными юношами, напротив, евреи всегда были мужами сильными и непреклонными, не только тогда, но и вплоть до наших дней, несмотря на восемнадцать веков преследований и нищеты. . . мученики, давшие миру Бога и мораль, которые сражались и страдали во всех битвах разума». Его соперник Людвиг Берне в более грубой форме поражал Талмуд традиционными стрелами, но одновременно воспевал его последователей, как настоящих, так и бывших: «Немцы, вас тридцать миллионов, а толку от вас меньше, чем от тридцати человек. Если бы было тридцать миллионов евреев, то мир бы принадлежал им!» Непоследовательность, заключающаяся в принижении иудаизма при одновременном воспевании евреев, иными словами, осуждение культуры и восхваление ее плодов, была доведена до предела другим литератором—выходцем из франкфуртского гетто эльзасцем Александром Вейлем. Его бешеная ненависть к Талмуду и власти раввинов не мешала ему заявлять, что «за один день на еврейской улице Франкфурта ему приходилось ис-

пользовать больше хитроумия и интеллекта, чем за целый год в остальной Германии. . . В течение столетий среди моря варварства эта улица представляла цивилизованную жизнь, где в угнетенном обществе царила вера, благотворительность и справедливость. . . ».

В XX веке другие еврейские общины, вступившие на путь преобразований, породили мемуаристов, которые отразили этот конфликт в еще более яркой манере. Для средиземноморского еврея Альбера Коэна иудаизм представляется в образе «каменного мешка», таинственной подземной тюрьмы, которую с тайной любовью посещает его герой «Солал». У русского еврея Осипа Мандельштама сохраняется тот же образ, хотя система ценностей меняется на противоположную:

«Весь стройный мираж Санкт-Петербурга был только сон, блистательный покров, накинутый над бездной, а кругом простирался хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вы-

шел, которого я боялся, о котором смутно догадывался и бежал, всегда бежал. . . ». Разворачивая цепь воспоминаний детства. Мандельштам пишет о своем еврейском наставнике: «Одно в этом учителе было поразительно, хотя и звучало неестественно—чувство еврейской народной гордости. Он говорил о евреях, как француженка о Гюго и Наполеоне. Но я знал, что он прячет свою гордость, когда выходит на улицу, и поэтому ему не верил». (О. Э. Мандельштам, «Египетская марка». (Прим. ред.))

Другой образ, принадлежащий перу писателя Давида Шейнерта, представляет «маленького еврейского арендатора», снимающего жилье у евреев, полностью оторванных от традиций своих предков и от жизни общины. Однако имя великого Кафки напоминает нам, что конфликты такого рода приобрели в наши дни универсальный характер. Иными словами, отчуждение евреев представляло собой лишь крайний случай противоречий, порожденных технологической цивилизацией, поскольку аналогичные явления мож-

но было обнаружить и среди других групп людей.

Подобная ситуация усиливает стремление к престижу, желание быть принятым, т. е. уважаемым и любимым в новом обществе. Эта цель может быть достигнута различными способами в зависимости от темперамента, социального положения и личных обстоятельств конкретных лиц, но каковы бы ни были избранные способы, деньги открывают если не все сердца, то все двери. Деньги «годятся для всего» (как это уже заметил Екклесиаст) и служат общим знаменателем; в лоне буржуазного общества это прежде всего универсальный символ успеха. Поскольку во все времена евреи преуспевали в погоне за богатством, эмансипированные евреи занялись этим с удвоенной энергией, а политические и экономические потрясения эпохи облегчили головокружительный успех многих из них. Однако с точки зрения христиан, даже добившись богатства, они продолжали вести себя как евреи. Для того чтобы добиться благосклонного отношения им, похоже, было необходимо содрать с себя прежнюю кожу и утвердиться иными спосо-

бами. Поскольку сложились традиции рассматривать общечеловеческие и национальные качества как естественные и прирожденные у христиан (добрый француз, добрый немец и т. д.), то евреи также должны были демонстрировать эти качества, причем лучше и в большем объеме, чем все остальные. Нужно было, чтобы они смогли оправдаться от обвинений в противном: необходимость такого доказательства или таких оправданий отныне будет воодушевлять самых талантливых из них на замечательные достижения. А они, в свою очередь, вызовут новый хор упреков, ибо писатели и балерины станут возбуждать антисемитские настроения так же сильно, как ростовщики и старьевщики. Но первое поколение эмансипированных евреев даже не подозревало об этом порочном круге.

Чтобы вступить в общество, им было необходимо сначала пройти через общественные школы. Это становилось настоящей крестной мукой для многих еврейских детей, оставлявшей свой отпечаток на всю оставшуюся жизнь. Находясь на вершине славы, Адольф Кремье (Исаак

Адольф Кремье (1796-1880)—знаменитый французский адвокат и политический деятель. (Прим. ред.)) так вспоминал свое прошлое; «... я не мог ходить по улицам своего родного города, не подвергаясь оскорблениям. Как часто мне приходилось пускаться в ход кулаки!» (Чтобы сгладить эффект такого признания, этот государственный деятель немедленно присовокуплял: «Да, но затем я в течение нескольких лет учился в Париже, а когда вернулся в Ним в 1817 году и занял свое место в зале суда, я уже ни для кого не был евреем!» Итак, нимское общество проявляло достаточно такта, чтобы не видеть в Кремье еврея. Возможно, в этом и заключается секрет французской терпимости...)

Можно предполагать, что Фредерик Мистраль (Фредерик Мистраль (1830—1914)—провансальский поэт, лауреат Нобелевской премии. (Прим. ред.)) основывался на собственных детских воспоминаниях, когда описывал в «Нерто» детские драки одного против пятидесяти: «Оборванец! Желтая шапка! Убирайся к своим евреям! Прочь отсюда! Пятьдесят

детей против одного... » («Lou pecihoun! Lou capeu jatme! A la jutarie! Quc s'encaune! Cinquanto enfant ic darrie... »)

Все говорит о том, что на востоке Франции подобные притеснения и издевательства также были широко распространены. Раввин Меца Ж. Б. Драха описал детские годы своего брата «... которого травили его одноклассники, они караулили его у самых дверей класса, осыпали ругательствами, бросали в него камни, и, что было хуже всего, мазали ему губы свиным салом. Вопреки попыткам школьной администрации положить этому конец преследования продолжались, а мой брат добился больших успехов в учебе и в конце каждого года получал награды; сейчас он один из лучших миниатюристов провинции». Что же касается самого раввина Драха, то уже в зрелом возрасте он попытался завершить свое возрождение путем обращения в католицизм. Но, как правило, подобные обращения происходили во Франции сравнительно редко (статистические данные по этому поводу отсутствуют); во всяком случае, они никогда не имели массового характе-

ра, так что скорее всего, по-видимому, индивидуальные отречения, накапливавшиеся на протяжении жизни многих поколений, явились причиной того, что потомство исконных авиньонских евреев, насчитывавшее около трех тысяч человек во время их эмансипации, в наши дни составляет не более одной тысячи.

Можно утверждать, что сменявшие друг друга правительства Франции, а также французское общество в целом оказались единственными в Европе, кто совершенно всерьез воспринял проблему эмансипации. Начиная с эпохи Реставрации все законы, обеспечивавшие дискриминацию евреев, полностью утратили свою силу.

Напротив, в Германии наиболее престижные и значимые социальные функции были наименее доступны евреям и, являясь предметом страстных домогательств многих сыновей Израиля, неизменно оставались закрытыми для «граждан, исповедующих закон Моисея». Это послужило причиной настоящей эпидемии обращений в христианство в начале XIX века, непосредственными причинами которой могло быть же-

ление поступить на государственную службу или стремление заниматься свободными профессиями, однако само ее название—Gefallsucht (желание нравиться) заставляет предположить, что общей глубинной причиной этих обращений было стремление к христианской любви и уважению.

На самом деле, причины подобных обращений могли быть весьма различными. Давид Мендель, внучатый племянник Моисея Мендельсона, ставший под именем Августа Неандера главой протестантских церковных историков, в возрасте семнадцати лет обратился в христианство. Похоже, что искренние убеждения привели к крещению Юлиуса Йолсона, гораздо более известного как Фридрих Юлиус Шталь. Под этим именем он стал великим властителем дум прусского консерватизма. Мы уже говорили о том, что, крестив своих детей, отец Феликса Мендельсона-Бартольди стремился воздать должное христианской цивилизации, что уже означало гораздо менее серьезное отношение к религии.

Хорошо известна и история Генриха Гейне. Один из его друзей, Эдуард Ганс, который вме-

сте с ним принимал активное участие в деятельности кружка по обновлению еврейской культуры, внезапно обратился в христианство и получил кафедру философии в Берлинском университете (друг Гегеля, Ганс стал учителем Карла Маркса, который по желанию своего отца был крещен в возрасте шести лет). Гейне обратился к Гансу с гневным двусмыслением:

«Ты стал пресмыкаться перед распятием, Распятием, которое ты презирал...» («Und du bist zum Kreuz gekrochen, Zu dem Kreuz, dass du vcrachtest»)

Но вскоре он сам последовал примеру Ганса для того, чтобы вступить в коллегия адвокатов Гамбурга, где он так никогда и не приступил к адвокатской практике. Гейне иронизировал: «пропуск в европейскую культуру», а также добавлял: «... если бы законы разрешали кражу серебряных ложек, то я бы не стал креститься!» Его соперник Людвиг Берне, принявший христианство, чтобы иметь возможность возглавить журнал, высказался по поводу таинства крещения не

менее бесцеремонно: «Выданные мне три капли воды не стоят даже той малости, которую я за них заплатил».

Рахель Фарнаген-Левин уверяла, что к 1823 году добрая половина еврейской общины Берлина приняла христианство. Тем не менее немецкая история, в которой упомянутые нами имена оставили глубокий след, считает их евреями. Среди знаменитостей этого поколения лишь один Джакомо Мейербер не перешел в христианство, возможно, из чувства привязанности к своей старой матери, но, вероятно, также и потому, что «наряду со счастьем быть талантливым он обладал также талантом быть счастливым»,—как говорил об этом богаче Берлиоз.

Большинство немецких евреев, не отправившихся к купели для крещения, не могли остаться равнодушными к обращению в христианство такого количества блестящих и богатых деятелей, часть которых увенчала свой отказ от иудаизма переменой своих имен, как мы это уже отмечали выше. Подобные примеры лишь усиливали воздействие отмены власти раввинов, так

что немецкий иудаизм быстро рассыпался на обратившихся в христианство различных направлений, индифферентных, полностью отказавшихся от соблюдения традиций своих предков, сторонников реформированного иудаизма и, наконец, сплоченной группы сохранивших преданность Талмуду. Уже в то время большинство стремилось быть прежде всего немцами. В 1844 году Александр Вейль замечал: «Вообще говоря, то, чего так упорно добиваются прусские евреи, это возможности быть пруссаками, и ничего больше». Даже те из них, кто особенно гордился своей верностью еврейским традициям, стремились к более полной германизации. Характерно, что основатель «научного иудаизма» Леопольд Цунц начал проявлять интерес к историческим исследованиям благодаря своему желанию доказать, что в средние века евреи часто носили христианские имена и пользовались местными наречиями при отправлении религиозных обрядов.

В 1857 году знаменитый католический богослов Игнац Дёллингер отмечал: «Немецкие

евреи обыкновенно думают как немцы; а поскольку наша культура и наша цивилизация вышли из христианства и сформированы христианством, то вопреки их сдержанному отношению к христианству сознательно или бессознательно они ко многим вещам относятся по-христиански и поступают соответствующим образом».

По сути дела, речь шла о новом поколении марранов, а отличие от жертв инквизиции заключалась, в основном, в границе, отделяющей стыд и жажду любви от страха. Подобно «новым христианам» Иберийского полуострова эти евреи, даже если они принимали христианство, как социальная группа в глазах христиан оставались евреями, причем евреями, которые, как мы это увидим, возбуждали более сильные антиеврейские чувства, чем традиционные обитатели гетто. В начале XX века великий экономист Зомбарт, основываясь на своих статистических данных, выражал сожаление по поводу «обстоятельств, в которых люди, являющиеся евреями, должны выступать в роли христиан только потому, что их предки или они сами однажды бы-

ли крещены». Он также говорил об «огромном несчастье, состоявшем в том, чтобы не признаваться самим себе в подлинном статусе людей, сменивших религиозные одежды».

Но в 1832 году иудейский активист Габриэль Риссер смотрел гораздо дальше; он заверял неомарранов: «... поверьте мне, что ненависть найдет свою жертву также легко, как и ангел смерти. Ненависть узнает свою жертву, под каким бы именем она не скрывалась...» Тем не менее даже этот верующий иудей признавался в том, что делит свою любовь между Богом Израиля и новой иностранной богиней. Недаром у него был такой девиз: «У нас есть Отец на небесах, но у нас есть также и мать: Бог, отец всего сущего, и Германия, наша мать здесь, на земле».

Таким образом, страдания Рахели Левин становились участью все возрастающего числа евреев. По правде говоря, не ясно, какой термин следует употреблять для обозначения общности людей, чьи лидеры отреклись от веры Моисея. Мы уже знаем, что для Гейне немецкий иудаизм стал семейным несчастьем и даже болез-

ню. Александр Вейль считал, что в Германии иудаизм постепенно превращается в «христианскую секту». Трудности семантических определений отражают смятение, охватившее бывших обитателей гетто, которые и сами уже не понимали по-настоящему, кто они. Можно сказать, большинство определяло себя с помощью отрицаний: «... мы те, кто не относится к потомственным немецким христианам». Они сознательно копировали немецкие манеры и высказывали чрезмерный патриотизм даже во время церемоний в синагогах. Но ответом Германии, казалось, были слова: «Вы то, чем вы не являетесь».

Итак, одним из результатов эмансипации «германских мавров» стал новый раунд в тысячелетней иудео-христианской полемике: отныне лишь подражая христианину иудей может ему противостоять. Иронический гений Гейне продиктовал ему завершающие слова:

«Уже более тысячи лет
Мы по-братски терпим друг друга.
Ты терпишь, что я дышу,
А я терплю твою ярость.

Иногда, в смутные времена
Тебя охватывали странные настрое-
ния:

Набожный и полный любви,
Ты омывал моей кровью свои руки.
Теперь наша любовь растет,
Она укрепляется с каждым днем,
Потому что меня также охватывает
ярость,
И я становлюсь почти таким, как
ты!»

Но уже один из пионеров немецкого социализма Мозес Гесс, проложивший дорогу Марксу и Энгельсу, вместо того, чтобы принять христианство, стал на путь политического сионизма, этого лучшего средства от душевных мук неомарранов.

Проблема неевреев

Накануне и во время наполеоновских войн многие умы искали простого и понятного объяснения тем апокалипсическим событиям, которые происходили в Европе с 1789 года. Поскольку еврейский народ был одновременно автором, хранителем и главным действующим лицом Священного Писания, его освобождение не могло не найти своего отражения в различных предлагавшихся попытках объяснения происходящего. Содержание этих эсхатологических построений может обеспечить нас первой путеводной нитью для изучения отношения христиан к эмансипации евреев.

Необходимо отметить, что основные теории этого типа возникли задолго до тех событий, которые они призваны были объяснять. Век неверия, т. е. век Просвещения, был также, как это хорошо известно, временем исключительного легковерия: когда было свергнуто иго церкви и ослабла теологическая дисциплина, новые откровения стали оспаривать истину у иудеохристианского откровения. Во все времена не было недостатка в пророках, но отныне они мог-

ли свободно вербовать себе сторонников, основывать секты, ордена, религии (с этой точки зрения культ богини Разума можно рассматривать лишь как триумф наиболее радикальной ереси среди тех, которыми изобиловала эта эпоха). На более низкой ступени чистого шарлатанства деятели типа Калиостро или Сен-Жермена легко добивались успеха, занимаясь магией. На высшем уровне мистического хилиазма Сведенборг и Сен-Мартен, следуя по стопам Якоба Беме (1 Якоб Беме (1575-1624)—знаменитый немецкий мистик, автор книги «Аврора, или Утренняя заря в восхождении». (Прим. ред.)), занимались более серьезной деятельностью. И если Калиостро и Сен-Жермен, как люди практического действия, сумели вскружить головы своих современников, то мистики Сведенборг и Сен-Мартен, занимаясь медитацией, смогли благодаря романтизму и философии оказать глубокое влияние на чувства последующих поколений.

Сведенборг, так же как и когда-то Беме, обильно цитировал Библию, что означает, что у них обоих имеются многочисленные упоминания

евреев. Следует отметить, что Якоб Беме отличался исключительно благожелательным отношением к сыновьям Израиля, что было характерно во все времена (но особенно в наши дни) для христиан, глубоко обдумывавших «Послание к Римлянам»; он провозглашал грядущее «принятие» Избранного народа (см. «Послание к Римлянам», 11, 15.—Прим. ред.). Позиция Сведенборга была совершенно иной. Эммануил Сведенборг прославился в Стокгольме и Лондоне как ученый, прежде чем он приобрел еще большую славу как пророк, активно общающийся с духами. Он не только решительно отвергал возможность подобного «принятия», но на основании своих ученых занятий и своих мистических видений он пришел к выводу, что во все времена евреи были отверженным народом, привязанным к материальным благам, склонным к идолопоклонству, по своей природе неспособным понять божественное послание (здесь можно увидеть одно из главных положений деизма).

Духи сообщили Сведенборгу, что до него плохо понимали Писание, ибо под «принятием Изра-

иля» следует понимать принятие истинных христиан. По сути дела это принятие уже произошло, поскольку Страшный суд состоялся в 1757 году (В своем комментарии к 18-й главе Апокалипсиса (см. «De ultimo judicio et de Babylon destructa», London, 1758) Сведенборг утверждает, что он был допущен Богом как свидетель на Страшный суд, который совершился в духовном мире в 1757 году. (Прим, ред)). На самого Сведенборга была возложена миссия возвысить новый Иерусалим, а те, кто примет его слова, образуют избранный круг.

Что же касается Иерусалима евреев, то это «город, в который они стекаются толпами; это отвратительный и смрадный город, поэтому его называют оскверненным Иерусалимом. Там евреи ходят, утопая в грязи, жалуясь и плача». У них нет другой пищи кроме грязи, или еще хуже «трупов, гнили, экскрементов». Однако другие евреи влачат свои дни за пределами оскверненного Иерусалима: «... эти евреи угрожают убить, уничтожить, сжечь, сварить всех тех, кого они встречают на своем пути, даже если это тоже

евреи или их друзья. Таким образом, я смог понять, какова их природа, поскольку в земном мире они не осмеливаются показывать свою истинную сущность». Без сомнения Сведенборг был первым среди современных авторов, кто заговорил о «подлинной сущности» евреев; если он и был сумасшедшим, то его безумие нашло множество поклонников, а мы уже неоднократно говорили, что подобное ожесточение против Избранного народа часто встречается среди тех неевреев, которые уверены, что на них возложена миссия разрушить вызывающую монополию этого народа и водрузить на это место свое собственное откровение. В этом смысле особенно показательной является враждебность Сведенборга к апостолу Павлу: во время своих путешествий в потусторонний мир отважный прорицатель узнает даже, что другие апостолы также предпочитают держаться подальше от этого еврея.

Сходные взгляды присущи и без сомнения наиболее влиятельному оккультисту следующего поколения Клоду де Сен-Мартену, «неизвестному философу» (Знаменитый французский ми-

стик маркиз Луи Клод де Сен-Мартен (1743-1803) был прозван «неизвестным философом», поскольку он сам себя так называл в некоторых своих сочинениях (Прим. Ред.). Он также изучал проблему «принятия евреев» и на основании анализа их книг пришел к выводу, что подобное событие, роковое для неверных (неевреев), вступило бы в безусловное противоречие с волей Провидения. «Если евреи будут возвращены в семью народов в этом мире, никто больше не сможет надеяться на вечное спасение, потому что с этого момента навсегда окажется исполненным и завершенным Божественный круг высших деяний». Следует подчеркнуть, что данное рассуждение, видимо, относится ко времени, когда Бонапарт в ходе своей египетской кампании обратился к евреям с «сионистской» прокламацией, выступив, таким образом, в роли их мессии. Добавим к этому, что в отличие от Сведенборга Сен-Мартен воздавал должное евреям, поскольку их преступление оказалось для неевреев «неоценимо полезным. . . кровь, которую они отвергли от себя, была духом и жизнью». Он также предлагал им уте-

шение крещения. В этом сказалось влияние католического универсализма. «Неизвестный философ» также проводил параллель между французами и евреями, которая проливает свет на некоторые ожидания той эпохи:

«... французов можно рассматривать как народ нового закона, подобно тому, как евреи являются народом старого закона. Не следует удивляться подобному призыванию, несмотря на все наши преступления и бесчестные поступки. Евреи, оказавшиеся избранным народом в свое время, были ничуть не лучше французов...»

Революционные победы, за которыми последовали победы Наполеона, дали мощный импульс эсхатологическим построениям, что вполне понятно. К теме вечных тайн бытия добавилась и проблема триумфа антирелигии. Беспокойные недоумения той эпохи были сформулированы Жозефом де Местром, основным автором «провиденциальной теории» Революции (1796):

«Я в этом ничего не понимаю,—таков основной лозунг наших дней... Отовсюду слышны возгласы: каким образом самые виновные в мире

люди торжествуют в этом мире! Ужасное царевубийство приносит полный успех тем, кто его совершил! Властители оцепенели во всей Европе! Враги монархии находят себе союзников даже на тронах! Злодеи добиваются успеха во всех своих замыслах. . . Во французской революции есть сатанинские черты, отличающие ее от всего, что было, и от всего, что еще будет. . . »

Первый ответ на эти вопросы состоял в том, чтобы возложить вину на протестантов (направляемых сатаной или действующих самостоятельно и несущих всю полноту ответственности). Теория «протестантского заговора» могла опираться на прореволюционные симпатии большинства сторонников Реформации, которые играли роль постоянных козлов отпущения для христианнейших королей. Кроме того ведущие банкиры монархии, а также министр Некер были выходцами из среды протестантов. Но ссылки на «капитал» или «капитализм» еще не утвердились в умах в качестве основного способа объяснения проблем, поэтому тезис о протестантском заговоре быстро уступил место другому, менее убедитель-

ному с нашей, постмарксистской, точки зрения, а именно—представлениям о подрывной деятельности антихристианских сект, образовавших тайные общества.

Сейчас мы попросим читателя уделить этой теме немного внимания. Разумеется, вопрос о «тайных обществах», выдвинутых в связи с событиями 1789 года на роль ведущего исторического фактора, не заслуживает подобной чести (к тому же само изучение этого вопроса по определению не может быть осуществлено в должной мере). Напротив, вера во всемогущество этих обществ оказала неизмеримое влияние на историческое развитие Запада, особенно в первой половине XX века. К тому же случилось так, что эта вера могла кристаллизироваться вокруг некоего предлога или происшествия, обязанного деятельности группки фанатиков и мистификаторов, игравших в тайное общество: возможно, подобное совпадение является необходимым условием для возникновения великих мифов такого рода, так что в каком-то смысле не бывает дыма без огня. Именно таким образом основные участни-

ки этой истории (французы Огюстен Баррюэль и Жозеф де Местр, англичанин Робайзон и немец Гехаузен) смогли приписать апокалипсис революции воздействию триады «иллюминатство—франкмасонство—философия», причем особый акцент ставился на первом ее члене.

Дело баварской секты иллюминатов странным образом напоминает о происшествии, которое Достоевский использовал для сюжета своего романа «Бесы». Расстриженный иезуит Адам Вейсгаупт утверждал, что возглавляет общеевропейский заговор, направленный на уничтожение всех европейских государств в целях создания всеобщей республики. Ему поверили и бросили его в тюрьму. Следует подчеркнуть, что это произошло за несколько лет до революции 1789 года, так что воображение, или искусство, опередили реальные события. Франкмасонство связывалось нашими мыслителями с иллюминатами; что же касается «философии», то по мнению ведущего авторитета в этой области аббата Баррюэля был составлен заговор во главе с Вольтером, Д'Аламбером и прусским королем Фридрихом II,

которые разработали подробный план действий. К тому же было совершенно ясно, что даже при отсутствии такого плана деятельность «философов» была не менее опасной, чем членов двух других оккультных сект.

Можно добавить к этому, что некоторые малоизвестные и забытые авторы заходили в своих поисках причин еще дальше. В 1794 году некий священник, которому папа Пий VI поручил написать историю «французских преследований», среди прочих подрывных факторов упоминал и «хитроумные изобретения», такие как воздушные шары и монгольфьеры.

Евреи тоже не были забыты во всех этих разысканиях. Однако можно констатировать, что в течение первого периода, продолжавшегося до 1806 года, антиреволюционные полемисты отводили им лишь эпизодическую и пассивную роль: они являются прислужниками, которых главные заговорщики используют для своих махинаций, или фоном, на котором яснее видны их злодейские замыслы. Так, немец Гехаузен, один из первых обличителей иллюминатов, уже в 1786 году

привлек внимание к связям между иудаизмом и масонством:

«Никакая иная секта не использует знаки или родимые пятна—позвольте мне использовать это слово, чрезвычайно здесь уместное,—более откровенные, чем масонские символы, ориентированные на самые настоящие иудейские иероглифы. Весь масонский инвентарь, ковры, ритуалы, заповеди, а также их история—а она опубликована—по сути есть лишь собрание иудейских картинок. Еврейский Соломон является одним из их верховных владык, а его храм—их главная аллегория».

Аббат Баррюэль также приписывал масонству иудейское происхождение. Но больше всего его возмущало намерение философских заговорщиков освободить евреев, «чтобы оторвать, наконец, людей от их религии», обеспечив «опровержение христианского Бога и Его пророков». В доказательство этого утверждения он цитировал переписку Вольтера с Фридрихом II. Но в этом первоначальном варианте сыновья Израиля остались за пределами самого заговора, так что

не предполагалось, что они сами предпринимали усилия для собственного возрождения и для развала церкви.

Для полноты картины следует сказать, что до того, как Наполеон созвал Великий Синод, современники не проявляли особого стремления к тому, чтобы включать евреев в число дьявольских сил, стремящихся причинить вред христианству. Если в другие времена народ-богоубийца обвиняли в стремлении погубить христианство с помощью магических средств и всевозможного колдовства, то эти легенды утратили всякое правдоподобие в новое время, когда даже сатане приходилось считаться с законами природы и с помощью своих агентов использовать стратегию, определяемую политическими реалиями.

Инициатива «врага Европы», который уже был возведен в ранг чудовища («L'ogre de Corse» («корсиканское чудовище»))—прозвище, данное роялистами Наполеону. (Прим ред.)) или Антихриста в лагере его хулителей, обеспечила новую пищу для размышлений и оживила старые страхи. Воображение воспалилось, и эту лихорадку

использовали государственные учреждения. Одна парижская газета писала в 1806 году: «Никогда еще столько не говорили о евреях, как в настоящее время. Вся Европа пребывала в неизвестности по поводу истинной причины созыва [Великого Синедриона], а также возможных результатов этой ассамблеи...» Но эта неопределенность отнюдь не ограничивалась Европой. В далеких Соединенных Штатах Америки зрители на расстоянии наблюдали за европейскими распрями. В 1806-1807 году общественное мнение разделилось: был ли Наполеон всеобщим благодетелем, «спасителем евреев, умиротворителем Европы и благодетелем рода человеческого», или его купили за еврейские деньги? Не был ли случайно и он сам евреем, как утверждают некоторые?

Этот последний аргумент, выдвигавшийся по другую сторону Атлантики в игривом тоне, в Европе обсуждался с большим пылом. Мы уже отмечали, с каким беспокойством встретило австрийское правительство известие о созыве Великого Синедриона, так что эта новость не была

использована для целей политической пропаганды только из-за опасений испортить отношения с Наполеоном. Подобные соображения не имели значения для России, находившейся в открытом конфликте с Францией. В начале 1807 года Священный Синод постановил читать во всех русских церквах обращение, обвиняющее Наполеона в заключении кощунственного союза с евреями:

«... чтобы завершить порабощение Церкви, он собрал во Франции еврейские синагоги, воздал почести раввинам и основал новый еврейский Великий Синедрион, тот же гнусный суд, который когда-то осмелился приговорить к распятию Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. А теперь он осмеливается собрать всех евреев, которых гнев Господа рассеял по лику земли, и бросить их всех на разрушение Церкви Христовой, чтобы, о несказанная наглость, превосходящая все злодеяния, чтобы они провозгласили Мессию в лице Наполеона».

Глава римской католической церкви также опубликовал пасторское послание с обвинениями Императора французов в богохульстве. Та-

ким образом, политическая пропаганда пыталась заставить звучать национальные мистические струны. Результат был достигнут, если судить по тому, какое место отводила русская пресса того времени теме Наполеона-Антихриста или Наполеона—Мессии евреев, а мистическое франкофильство русского общества все возрастало вплоть до Отечественной войны 1812 года. Каббалистические подсчеты, которыми занимается в «Войне и мире» Толстого Пьер Безухов, обдумывающий план убийства Наполеона, являются отражением этого состояния умов в русской классической литературе.

Самыми влиятельными вдохновителями этих хилиастических домыслов были немецкие теософы, последователи Сведенборга и «неизвестного философа». Разве эпопея Наполеона могла быть чем-либо иным, как не окончательной битвой Добра и Зла, эпохой великих испытаний, когда должно наступить царство Зверя? А корсиканский узурпатор разве не был самым Антихристом, или по крайней мере черным ангелом бездны Аполлионом, предсказанным Апока-

липсисом (Откровение Иоанна, 9, 11). Тем самым его противник Александр не мог быть не кем иным, как белым ангелом или ангелом Церкви. Именно на это намекал самый влиятельный среди придворных мистиков царя Иоганн Генрих Юнг-Штиллинг. Автор его биографии профессор Макс Гейгер уверяет, что «он оказывал прямое и решающее воздействие на ход исторических событий». Эсхатология Юнг-Штиллинга была благоприятной для евреев, несмотря на то, что в его глазах они были «абсолютно аморальными и порочными»; в противоположность Сведенборгу и Сен-Мартену он полагал, что именно Израиль во плоти должен собраться в Земле обетованной и восстановить Храм накануне второго пришествия Христа. «Представьте себе Палестину, расположенную между Азией, Африкой и Европой, на востоке Средиземноморья, связанную наземными и морскими путями со всеми странами мира, а также представьте самый трудолюбивый и энергичный народ на земле, т. е. еврейский народ, преисполненный жгучей любовью к Богу и Христу и стремящийся привести к Христу все че-

ловечество. . . »

Но при этом было необходимо, чтобы сначала отверженный народ крестился; по этому поводу наш теософ проявлял непоколебимый оптимизм. По его собственному утверждению он получал сведения от тайных информаторов, чьи откровения он записывал в своем дневнике секретным письмом. Так, после созыва Великого Синедриона к нему с визитом прибыл «некий важный человек, чьим отцом был сирийский эмир».

«Он сказал мне, что его отец принадлежал к обществу, которое устраивало свои заседания в Иерусалиме на Храмовой горе. Это общество было не чем иным, как древним Синедрионом, который сохранился до сих пор. Он состоит из людей, внешне соблюдающих иудаизм, но которые на самом деле являются тайными христианами и лишь ждут сигнала своего Магистра, чтобы собрать народ Израиля по всем частям света и привести его к Христу и на родину».

Посланник, о котором Юнг-Штиллинг не сообщает других подробностей, должен был быть или обращенным в христианство, или шарлата-

ном, а возможно, и тем. и другим одновременно. Все это заставляет задуматься о некоторых тайных источниках теософского вдохновения; не скрывается ли за всеми этими мистическими проявлениями, где-то в тени, еврейский мистификатор? В любом случае очевидно, что по причине неясности целей пророческая страсть может привести как к любви, так и к ненависти, как к «филосемитизму», так и к «антисемитизму» — основным здесь является неустанный интерес к судьбе библейского народа.

Не задерживаясь на многочисленных немецких соперниках Юнг-Штиллинга, среди которых самым крупным и самым известным был католический философ Франц фон Баадер, отправимся теперь в Великобританию, являющуюся традиционным очагом апокалипсической экзегезы и заклятым врагом корсиканского чудовища. В силу этого совпадения английские хилиасты, разумеется, клеймили позором Наполеона Бонапарта, что же касается евреев, то здесь их взгляды сильно различались в зависимости от индивидуальностей и темперамента. Но можно так-

же утверждать, что для пророчеств такого рода совершенно не требуется каких-то особых политических условий, поскольку оказалось, что через пятьдесят лет более пятидесяти английских и американских авторов занялись этим независимо друг от друга и пришли к выводу, что Антихрист уже пришел в образе Наполеона III и что он уже заключил союз с евреями! (См. M. Baxter, *Louis-Napoleon the destined monarch of the world and personal Antichrist, foreshown in Prophecy to confirm a seven-years Covenant with the Jews...* (Philadelphia, 1863), где автор излагает свои собственные идеи, а затем перечисляет труды пятидесяти семи авторов, которые пришли к таким же выводам, что и он сам.)

Англия была также основным центром пропаганды французских эмигрантов, решительно настроенных, как и все эмигранты, выступать в роли политических подстрекателей. Главный печатный орган эмиграции «Л'Амбигю» в 1806-1807 годах посвятил целую дюжину статей Великому Синедриону, в которых Наполеон подвергался всевозможным нападкам и критике: «...

имеет ли он намерение заставить евреев признать его Мессией, которого они так долго ждали? Время нам это покажет. Нам остается только смотреть, как этот Антихрист сражается против вечных Божественных установлений: это должно стать последним актом его дьявольского существования». Другой полемист писал в более солидных тонах, упоминая об энтузиазме, с которым евреи отнеслись к Саббатаю Цви, цитируя Боссюэ и предостерегая всю Европу: «... автор стремился выполнить свой долг перед христианскими народами и правительствами; если проявят беспечность и не примут срочных и эффективных мер, то они слишком поздно поймут все последствия». Некий корреспондент из Вены называл евреев «чумой, которая разъедает внутренности австрийской монархии». Пророчество Нострадамуса также пошло в дело, и через месяц «Л'Амбигю» открыл своим читателям главную тайну: узурпатор сам был евреем или потому, что его семья «была еврейского происхождения», или потому что «его легкомысленная мать Летиция Феш (Мать Наполеона Мария-Летиция

принадлежала к старинному итальянскому роду Рамолино. (Прим. Ред.)) родила его после того, как в Аяччо проявила к кому-то из потомков Израиля такое же гостеприимство, как Раав в Иерихоне по отношению к соглядатаям Иисуса Навина» (Иерихонская блудница Раав (или Рахав) скрыла в своем доме двух соглядатаев, посланных Иисусом Навином За это ее дом и все находящиеся в нем были пощажены при взятии города, а Раав стала женой Салмона и вошла в родословную царя Давида и Иисуса Христа (Книга Иисуса Навина 2, 1-3, 6, 16, Евангелие от Матфея 1, 5). (Прим. ред.).). Эта последняя версия, видимо, распространялась во время Египетской кампании, поскольку в мае 1799 года один знакомый писал всегда хорошо информированному Юнг-Штиллингу, что «человек греха» был рожден от незаконной связи восточной принцессы с неким «видным иудеем».

Самым оригинальным способом тема Великого Синедриона разрабатывалась в самой Франции. Пока Бональд (Виконт Луи-Габриэль де Бональд (1753-1840), известный французский пи-

сатель, философ и политический деятель, был одним из лидеров наиболее реакционного крыла французской элиты (Прим. ред.)) и другие католические публицисты разворачивали кампанию против эмансипации евреев, аббат Баррюэль, успевший за это время примириться с императорским режимом и ставший каноником собора Нотр-Дам, действовал в правительственных сферах. Подобно Юнг-Штиллингу он располагал тайными информаторами, один из которых, «итальянский военный служащий» по имени Симонини предоставил в его распоряжение планы мирового еврейства. Прежде чем предпринимать конкретные действия, Баррюэль предусмотрительно обратился к папе Пию VII с вопросом, насколько можно было доверять этим сведениям. Папа якобы передал ему, что все свидетельствовало в пользу правдивости информации Симонини. Дело было весьма важным. Сумев войти в доверие к крупным еврейским семьям Тосканы, Симонини разузнал, что тысячелетняя мечта Израиля была близка к осуществлению. Таким образом получали окончательное объяснения все

беды и несчастья, от которых страдал христианский мир. Это евреи основали секту франкмасонов, а также иллюминатов. Именно евреи обнаруживались за всеми антихристианскими сектами. Другие евреи выдавали себя за христиан, чтобы «успешнее их обманывать». Особенно они старались разложить католическую церковь, так что только в одной Италии более восьмисот священников, в том числе несколько епископов и кардиналов на самом деле работали на них. Что же касается окончательной цели заговорщиков, то они стремились «достичь мирового господства, запретить все религии, чтобы их вера стала господствующей, превратить христианские церкви в синагоги, а оставшихся христиан обратить в рабство».

Несмотря на всю серьезность этой информации, аббат Баррюэль воздержался от ее публичного распространения, как он говорил, из опасений вызвать массовое убийство евреев. Чтобы «воспрепятствовать Синедриону добиться своих целей», он посчитал более рациональным тайно предупредить полицию и церковь в лице Жозефа

Фуше и кардинала Феша. В результате он приписывал себе заслугу «внезапного закрытия Великого Синедриона, распущенного императором без каких-либо положительных результатов».

Итак, еврейство оказалось связанным с масонами, иллюминатами, «философизмом» как главный виновник войн и революций, и внезапно евреям стали приписывать ведущую роль в этом гигантском заговоре. Вероятно, именно здесь находится первоначальный источник «Протоколов сионских мудрецов». И хотя Баррюэль, чьи сочинения были переведены на все основные европейские языки, воздерживался от публикации при жизни своего главного откровения, другие сделали это вместо него. Возможно, именно это использовал Жозеф де Местр, когда обращался с предупреждением к царю в 1810 году:

«Евреи. . . заслуживают особого внимания со стороны всех правительств, но особенно русского правительства, под управлением которого находится большое их число: не следует удивляться тому, что главный враг Европы откровенно поощряет их. Они уже владеют огромными бо-

гатствами в Тоскане и Эльзасе; они уже имеют свои штаб-квартиры в Париже и Риме, откуда изгнан глава церкви. Все заставляет думать, что их деньги, ненависть и таланты используются главными заговорщиками. Самый главный и самый зловещий талант этой проклятой секты, которая не брезгует ничем для достижения своих целей со времени своего появления, состоит в том, чтобы использовать государей для их же гибели. Те, кто читал книги, относящиеся к этому вопросу, знают, с каким искусством они умеют делать людей, разделяющих их взгляды, приближенными государей».

Во второй половине XIX века антисемитские агитаторы пользовались всеми этими источниками. Однако характерно, что евреи, утратившие связь с Наполеоном, стали самостоятельно добиваться мирового господства. «*Habent sua fata fabulae*» («Вымыслы имеют свою судьбу» — парафраза знаменитого изречения римского грамматика Теренция Мавра «*Habent sua fata libelli*» — «Книги имеют свою судьбу». — Прим. ред.), Наполеон как мессия евреев был мифом,

который умер также быстро как и родился, так что мы смогли восстановить его, лишь обратившись к первоисточникам, Для последующих поколений европейцев великий полководец представлял в образе блестящего арийского героя (к тому же нацисты попытались присвоить его после необходимой «германизации»), так что он плохо подходил для роли дирижера тайного заговора. Что же касается его семитских истоков, то по тем же причинам они могли льстить лишь еврейским чувствам в особых ситуациях, например, в случае Дизраэли, главного еврейского гаранта расовой интерпретации истории, как мы это увидим ниже. К тому же к востоку от Вислы евреи станут культивировать воспоминания об «освободителе Израиля», портрет которого украшал многочисленные еврейские дома в XIX веке.

* * * *

Причина того, что мы, вероятно, слишком много внимания уделили оккультистам и мистикам на грани шарлатанства, состоит в нашей вере в то, что у этих одержимых, может быть, благодаря их интуиции или внутренней убежденности, была чрезвычайная чувствительность, позволявшая им улавливать как страхи, так и надежды масс верующих. Многие другие современники с более устойчивой психикой, знаменитые и безвестные, также были потрясены зрелищем еврейской эмансипации и, не провозглашая идею заговора, представляли различные оттенки мнений о еврейском господстве. Так Бональд, цитируя И. Г. Гердера, предсказывал в 1806 году «... что сыновья Израиля, повсюду составляющие государство в государстве, благодаря своей настойчивости и рассудительности добьются того, чтобы поработить всех христиан». Шатобриан полагал, что Синедрион «последовательно и постепенно добился того, чтобы поставить мировые финансы под еврейский контроль, и тем самым завершил губительную подрывную деятельность». В 1808 году супрефект департамента Гар так ре-

зюмировал эту проблему: «Лучше изгнать евреев из Европы, чем они сделают это с нами!» Во времена Бальзака другие свидетели, которым мы дадим слово ниже, считали, что евреи уже добились победы. Поэтому необходимо попытаться пролить какой-то свет на глубинные причины подобных опасений.

Следует прежде всего обратиться к социально-экономическим потрясениям этой эпохи и новой роли денег. Гердер, чьи высказывания в искаженном виде приводил Бональд, критиковал в этой связи беззаботность христиан:

«Там, где обнаруживаются евреи, исправление положения должно начинаться с испорченных христиан. Министерство, в котором еврей решает все дела, особняк, где ключ от гардероба и кассы находится в руках у еврея, администрация или община, делами которой заправляют евреи, университет, в котором евреи в качестве финансовых попечителей и посредников могут контролировать студентов,—все это бездонные болота, которые невозможно осушить; однако попытки

исправить политическую ситуацию делаются не там, где следует: они направлены на евреев, а не на христиан. . . »

Что касается Бональда, то он обвинял евреев, «распространивших в Европе тот дух корыстолюбия, который столь широко охватил христиан». Так появились «евреи и поставщики» маршала Гнейзенау, «призванные стать пэрами нашего королевства»; так европейская элита, напуганная исчезновением прежнего иерархического порядка, элита, которая в прошлом была лучшей защитницей евреев, стала примыкать к новому антисемитскому лагерю. Бональд восклицал: «Евреи могут обманывать христиан, но они не должны править ими. Подобная зависимость оскорбляет их достоинство в большей мере, чем еврейская алчность ущемляет их интересы». Таким образом, речь здесь идет отнюдь не об «экономическом антисемитизме», а совсем о других вещах. Во все времена подобные взгляды выражали лишь поверхностный взгляд на вещи, даже в случаях, когда речь идет об ожесточенной конкуренции. В своем апологетическом эссе о Дрю-

моне Жорж Бернанос скажет по этому поводу «о предлоге, придуманном для умиротворения этого прекрасного мира, истосковавшегося по логике», В той же книге он выскажет сожаление по поводу «ужасного единообразия нравов» в эпоху, «когда казалось, что все катится по наклонной плоскости с возрастающей каждый день скоростью». Некоторые замечания Гете могут нам помочь лучше понять, что здесь имеется в виду.

Набрасывая в конце своих дней идиллическую картину нравов прошлого, Гете особо подчеркивал преимущества «дифференцированной субординации, которая скорее объединяла, чем разъединяла всех от малых до великих, от императора до еврея, и способствовала всеобщему благоденствию». Итак, по мнению поэта, постоянное место, по традиции отведенное каждому, на какой бы ступени социальной лестницы он ни находился, скрепляло общество и обеспечивало всеобщее благополучие. Не идет ли в данном случае речь о проблеме личной идентификации на фоне начинающегося обезличивания? В обществе, вставшем на путь демократизации, в кото-

ром Император лишен былого величия, а еврей не прикован ко дну своей пропасти, традиционная система отсчета оказалась нарушенной; разумеется, именно об этом идет речь в формуле «беспорядок хуже несправедливости». Известия о любых изменениях в статусе евреев приводили Гете в бешенство; подозревая интриги «всемогущего Ротшильда», он восклицал, что «последствия этого будут самыми серьезными и самыми разрушительными... все моральные семейные чувства, которые опираются исключительно на религиозные принципы, окажутся подорванными этими скандальными законами».

Возможно, вся западная христианская традиция говорит здесь с нами устами Гете. Какова же была психологическая реальность тысячелетнего представления о «народе-свидетеле», народе, в связи с которым все церковные мыслители согласно проповедовали идею «испытательной ценности» для истинности христианства? В чем состояла психорелигиозная функция этих неверных, называемых богоубийцами, само существование которых считалось преступлением, но ко-

которые тем не менее находились под защитой канонического иммунитета и, по словам апостола, приносили спасение? В ходе первых кампаний по эмансипации один римский апологет утверждал: «Еврейское гетто—это лучшее доказательство истинности религии Иисуса Христа, чем целая богословская школа». Почему? Не является ли причиной то, что евреи стали необходимым ориентиром, позволяющим христианам осознавать себя христианами и воплощать добро путем противопоставления злу, аналогично тому как, по мнению многих теологов, само существование зла объясняется его ролью для проявления добра?

Помимо этой тысячелетней роли другие механизмы, без сомнения, действовали в противоположном направлении, в соответствии с намерениями идеологов эмансипации. Когда рухнули стены гетто, молодые евреи в школах или в армии в глазах своих товарищей лишились по крайней мере части мистических атрибутов и опасных характеристик, которые в любом обществе обычно приписывают тем, кого не знают и кто придер-

живается иных традиций. Отрывок из «Утраченных иллюзий» Бальзака прекрасно показывает это разумное отношение, по здравом размышлении состоящее в том, чтобы принимать еврея таким, каким он стал отныне, и отбросить прежние предрассудки:

«... Люсьен задавал себе вопрос, каковы были мотивы этого вдохновителя королевских интриг. Вначале он позволил себе принять тривиальный довод: испанцы благородны! Испанец благороден подобно тому, как итальянец — ревнивец и отравитель, француз легкомыслен, немец честен, еврей низок, англичанин благороден. Переверните эти утверждения! Вы получите истину, Евреи накопили много золота, они написали «Робера дьявола», играют «Федру», поют «Вильгельма Телля», заказывают картины, строят дворцы, пишут путевые очерки и замечательные стихи, они могущественны как никогда, их религия разрешена, наконец, они кредитуют папу... »

Либеральные публицисты этой эпохи, в част-

ности Бенжамен Констан, выражали сходные идеи, и, разумеется, возможно привести примеры подобного разумного подхода и для других стран. Но разнообразные документы, изучаемые с целью выяснения проблемы эмоционального отношения христиан к эмансипации евреев, по всей видимости, отражают совсем иную тональность, особенно в Германии. Описывая всплеск ненависти в 1819 году, Людвиг Берне говорил о «необъяснимом ужасе», внушаемом иудаизмом, который «как привидение, как призрак зарезанной матери, с насмешкой сопровождает христианство с колыбели». Но постоянные жертвы и одновременно богоубийцы, т. е. мистические убийцы и детоубийцы, становились, подобно призракам-мстителям, бесконечно более опасными для христианского воображения, когда освобождались от своих цепей. Без сомнения эти новые страхи выражал Бональд в своей большой статье «О евреях»: «Пусть никто не заблуждается по этому поводу, господство евреев будет жестоким, как и в случае других поработанных в течение долгого времени народов, которые оказались на рав-

ных со своими прежними хозяевами. Евреи, все идеи которых извращены, которые нас презирают и ненавидят, найдут в своей Истории ужасные примеры. . . »

Можно заметить разницу между антисемитизмом и средневековой иудеофобией, из которой он вышел, поскольку эта последняя осуществляла глобальное противопоставление еврейства христианству. В процессе этого столкновения, или многовековой «холодной войны» с ее экономической подоплекой, происходил также конфликт интересов между двумя общественно-религиозными группами, причем каждая из них в рамках собственных традиций и образа жизни получала свою долю, а также психологическое удовлетворение. Однако в связи с большими преобразованиями в новом мире правила игры оказались нарушенными. Евреи, лишенные против своего желания привычной роли, в большинстве покорились, стали «ассимилироваться» с христианами, видеть в них своих братьев и пытались, к ужасу большинства этих последних, стереть границу, которая их разделяла. Однако

другие христиане, например Бальзак, не видели никакого зла в том, чтобы допустить бывших детей гетто в свое общество. Разница в позициях определялась прежде всего эмоциональной предрасположенностью, индивидуальной уравновешенностью, «личностной структурой» каждого, в результате начинает вырисовываться профиль антисемита. С другой стороны, эпоха способствовала росту ненависти и предрассудков, называемых «расовыми» или «этническими»; казалось, были налицо все социальные факторы, т. е. отсутствие норм и законов, в чем социологи усматривают необходимые, а иногда и достаточные условия для возникновения подобных проблем: стандартизация нравов происходит одновременно с возрастанием «вертикальной мобильности» и ускорением урбанизации. Но по мере того, как эта враждебность направляется исключительно на евреев, в игру непременно вступают древние религиозные мифы.

В Германии революция нравов получила отражение даже в некоторых языковых выражениях, которые выступают в роли сигнала тревоги

для сторонников старого порядка вещей. Иногда они получают возможность выразить свое беспокойство в официальных документах. Так, при обсуждении проекта реформ Гарденберга (Князь Карл-Август Гарденберг (1750-1822) с 1810 юля был прусским канцлером, много сделавшим для реформирования и возрождения Пруссии. (Прим. ред.)) прусская знать протестовала против отмены ее привилегий в следующих выражениях:

«... уже ни нам, ни нашим владениям не дают достойных имен, поскольку считают, что это слишком хорошо для нас. В проекте указа говорится о «крупных поместьях, называемых поместьями знати». Напротив, можно привести в качестве примера евреев, которых также не называют их именем, но по противоположной причине, а именно, потому что считают его слишком позорным для них. В указе, разрешающим евреям покупать землю, они называются «исповедающими религию Моисея». Эти евреи, если только они на самом деле сохраняют верность своей религии, неизбежно являются врагами любого существую-

щего государства (если же они не верны своей вере, то являются лицемерами). Они располагают огромными суммами наличных денег; как только земельные владения достаточно упадут в цене, чтобы им стало выгодным их приобретение, они тотчас же перейдут в их руки; в качестве землевладельцев евреи станут основными представителями государства, а наша старинная и почтенная бранденбургская Пруссия превратится таким образом в новомодное еврейское государство (em neumodischer Judenstaat)».

В первоначальном проекте протеста говорилось о «новом Иерусалиме». Тема иудаизации христианских земель разрабатывалась многими писателями-романтиками и превратилась в Германии в литературный штамп, поскольку собственность на родную землю—это могучий символ. Ахим фон Арним посвятил этой теме роман «Старшие в роде» («Die Majoratsherren», 1820). В этом романе упадок благородной семьи древнего происхождения объясняется еврейской алчностью. Призрак порабощения христиан описывается там следующим образом; «... затем го-

род попал под господство чужестранцев, наследственные поместья были запрещены, и евреи покинули свои узкие улицы, в то время как весь континент попал в оковы подобно преступнику, схваченному на месте преступления... ».

У фон Арнима навязчивая идея по поводу евреев проявлялась как в творчестве, так и в повседневной жизни. В 1809 году он основал в Берлине патриотическое общество «Deutsch-christliche Tischgesellschaft» («Немецкое христианское общество за обеденным столом»), в которое не допускались «филистеры и евреи»: «... ни евреи, ни обращенные евреи, ни потомки евреев».

Шурин фон Арнима Клеменс фон Brentano, особенно прославившийся благодаря своим сказкам про зловредных евреев, говорил членам «общества за обеденным столом» о еврейской сущности: «Это то, от чего любой еврей хотел бы избавиться ценой всего, что есть в этом мире, кроме денег». В отличие от евреев, филистеры считались неспособными понимать, кто они, а определение, которое давал ї Brentano,

было довольно смутным. Это напоминает «евреев и поставщиков» маршала Гнейзенау: какие бы выражения ни использовались, это всегда «евреи и компания», светящаяся голова и хвост с неопределенными очертаниями кометы, приносящей несчастье. Напротив, Беттина фон Арним, свояченица Клеменса, талантливая писательница и выдающийся человек (она была маленькой Беттиной Гете), принадлежала к числу того непокорного меньшинства, которое существует везде и всегда и борется против сплоченного большинства, защищая дело евреев. Однажды, когда ей было двадцать лет, ее случайно увидели на берлинской улице с метлой в руке, когда она подметала лачугу какого-то бедного и больного еврея. . . В своих романах и полувывмышленных диалогах она выступала за эмансипацию евреев. Можно лишь пожалеть, что не сохранилось следов дискуссий по этому животрепещущему вопросу, где сестра должна была выступать против брата и жена против мужа.

Подобные сочинения, примеры которых легко умножить, а также такие источники, как пись-

ма и личные дневники, позволяют сделать вывод о существовании определенного расположения к тем евреям, которые предпочитали соблюдать старинные правила игры и сохраняли свое традиционное положение.

Именно такова была позиция молодого Бисмарка, повторившего в 1847 году на Франкфуртском сейме догматические аргументы Бональда, но с характерными для того времени ораторскими оговорками: «... я признаю, что в этом отношении я полон предрассудков; я впитал их с молоком матери, и никакая, даже самая тонкая система доказательств не поможет мне от них избавиться. Я признаю, что одна только мысль о том, что еврей может выступать в роли представителя августейшего королевского величества, которому я должен буду выказывать повиновение, да, я признаю, что одна эта мысль внушает мне чувство глубокого смущения и унижения; она вполне может лишить меня той радости, того чувства чести и честности, с которыми я в настоящее время стараюсь выполнять свой долг перед государством. К тому же я раз-

деляю эти ощущения с массами людей из народа, и я не краснею оттого, что оказался в их обществе... » Некоторое время спустя в письме к жене Бисмарк с похвалой отзывался о старом Ротшильде из Франкфурта: «... он нравится мне именно потому, что он не мелкий еврейский торгаш («Schacherjude»), и кроме того он строго придерживается ортодоксального иудаизма, не дотрагивается ни до чего, когда угощает обедом, и ест только кошерное». Таким образом, симпатия основывается здесь на двойной возможности дистанцироваться от евреев. Однако этот великий практик советовал случить «еврейских кобыл» с «христианскими жеребцами» и гарантировал хорошие результаты от этого скрещивания (хотя он воздерживался от того, чтобы рекомендовать это собственным сыновьям). «Не бывает плохих рас»,—говорил он, постулируя радикальные различия между ними и полагаясь на свое тонкое чутье, чтобы издали определять, кто еврей.

Наряду с Бисмарком следует упомянуть первого короля, которому он служил, Фридриха

Вильгельма IV, который в 1842 году, в начале своего правления решил наградить вечный народ исключительной милостью, восстановив в Пруссии еврейские гетто. Этот загадочный государь говорил об эмансипации евреев с тем же отвращением, что и Гете. Он писал одному из приближенных; «Отвратительная еврейская шайка каждый день своими словами и писаниями подрубает корни немецкого бытия: они не хотят, в отличие от меня, возвышения и свободного сравнения всех государств, которые составляют немецкий народ, они хотят смешать в одну массу все государства».

Со временем благодаря успехам ассимиляции тема особой вредности невидимых евреев стала любимым аргументом воинствующих антисемитов. Так, Дрюмон писал:

«... всякий видимый еврей, всякий известный еврей не представляет особенно большой опасности, иногда он даже заслуживает уважения; он поклоняется Богу Авраама, и это право никто не стремится у него оспаривать, а поскольку известно, чего можно от него ожидать, лег-

ко за ним присматривать. Опасность представляет неопределенный еврей... Это по самой своей сути вредное и одновременно неуловимое существо... Это самый сильный источник беспорядков, какого когда-либо рождала земля, и он идет по жизни с радостью, которую всегда дает евреям сознание того, что разными способами они постоянно причиняют зло христианам».

В антисемитской полемике Германии начала XX века термин «цивилизованный еврей» («Zivilisationsjude») приобрел оскорбительное значение «фермента разложения». Окончательная формулировка принадлежит Гитлеру: «Еврей всегда скрывается внутри нас, но проще поразить его во плоти, чем в качестве невидимого демона».

Народные массы, чьи идеи, по его собственным словам, разделял Бисмарк, очень редко выражали их членораздельным образом. Но в 1819 году в Германии, а также в некоторых соседних странах произошли народные волнения, которые можно рассматривать как выражение чувств и

отношении этих народных масс к евреям.

Чтобы нарушить существующий порядок, народ обычно нуждается в подстрекательстве со стороны влиятельных или образованных людей. В Германии у истоков погромов 1819 года обнаруживается националистическая экзальтация «освободительных войн», культивировавшаяся прежде всего профессорами и студентами. Помимо философа Фихте следует упомянуть таких пропагандистов, как Эрнст Мориц Арндт и Фридрих Ян. Первый из них, ярый галлофоб, выступал за систему непроницаемых границ между народами Европы, которую даже расистские теоретики Третьего рейха считали слишком жесткими; второй, знаменитый «отец гимнастики» (Turnvater John), уверял, что смешанные народы, подобно животным-гибридам, утрачивают свою «силу национального воспроизводства». Он также провозгласил, что поляки, французы, приходские священники, юнкеры (мелкие прусские помещики) и евреи были несчастьем для Германии, что составляло слишком много несчастий для одной страны.

Если Арндт и Ян нападали на евреев лишь при удобном случае, другие агитаторы специализировались в этой области, особенно начиная с 1814 года, когда идеологи освобождения и ветераны прошлых войн оказались лицом к лицу с реакционной действительностью Священного союза вместо того, чтобы наблюдать цветение германской свободы, за которую они сражались. Среди этих свобод важное место принадлежало свободе отправить евреев обратно в гетто и полностью уничтожить завоевания эмансипации.

С 1814 года стали появляться десятки подстрекательских листков, авторами которых были как газетные писаки низшего пошиба, так и известные ученые. Не останавливаясь на первых, скажем несколько слов о вторых. Самым знаменитым среди них был кантианец Якоб Фриз (1773-1843), ученик Фихте и глава философской школы, которая стремилась свести физиологию к механике. В своем памфлете о «еврейской опасности» он требовал «полного уничтожения касты евреев» (позднее он оправдывался, уверяя, что имел в виду не евреев, а иудаизм). Фриз

был также единственным профессором, почтившим своим присутствием знаменитый праздник в Бартбурге в 1817 году, когда распоясавшиеся студенты среди прочих изданий, которые они сочли реакционными, бросали в огонь книги, в которых содержались выступления в защиту евреев.

Среди соперников Фриза можно отметить берлинского профессора Рюэса, ученика изобретательного Мейнерса (См. выше с. 49-50), а также доктора Кёппе, который в своей брошюре предложил следующую краткую формулу: «Образованные евреи представляют собой космополитический сброд, который необходимо преследовать и изгонять отовсюду».

Постепенно эта пропаганда стала оказывать свое воздействие на массы, которые летом 1819 года перешли к действиям.

Мы говорили об идеях, проповедуемых подстрекателями, но мы ничего еще не сказали о тех интересах, которые стояли за ними. Германия находилась в тисках экономического кризиса. Прекращение континентальной блокады позволило

осуществлять импорт английских товаров, что разорило многих предпринимателей. Множество крестьян также оказались в долгах. Кредитор-еврей еще был привычной фигурой как в городах, так и в деревнях. Как обычно, корпорации стремились вытеснить еврейских ремесленников. С другой стороны, нельзя было исключать возможность правительственных и полицейских провокаций, направленных на то, чтобы отвлечь народ от освободительных чаяний. Таково было мнение одного французского наблюдателя и такова была классическая стратегия погромов. Полицейские донесения, напротив, обвиняли анархистов-германофилов, которые хотели бросить евреев «как мяч в руки народа, чтобы посмотреть, как далеко можно завести возбужденную чернь ввиду будущих волнений». Отсюда видно, что выдвигаются многочисленные, иногда взаимоисключающие объяснения. Возможно, более убедительной является точка зрения прусского историка фон Трейчке, который в связи с антиеврейскими волнениями говорил о «чрезвычайных чувствах, вызванных освободительными

войнами, которые открыли все тайны немецкой души».

Каким бы ни был генезис этих событий, волнения начались в Вартбурге в начале августа 1819 года и стремительно распространились по немецким городам и деревням за исключением прусского королевства, в котором сохранялся порядок, вошедший в поговорку, так что евреи отделались там лишь несколькими тумачами. В других регионах беспорядки были более серьезными, но чаще всего ограничивались грабежами и разрушением синагог: крови пролито было немного. Тем не менее жертвы были болезненно поражены тем, что добрые соседи или вчерашние клиенты набросились на их магазины и жилища с топорами и ломом в руках; здесь заключается тайна погромов, когда вчерашние друзья «начинают плясать совершенно иначе». За этим последовала волна эмиграции в направлении Соединенных Штатов, а также Франции, которая приняла беженцев с распростертыми объятиями. Могущественный Ротшильд во Франкфурте, чей банк едва не был разграблен, также задумался о

том, чтобы покинуть Германию. Министры Священного союза забеспокоились, и в связи с бездействием многочисленных муниципальных органов Меттерних приказал австрийским властям вмешиваться в случае необходимости. В то же время он издал указ о суровых мерах по отношению к студенческим корпорациям и революционным агитаторам.

В письме к своему брату Рахель Фарнхаген-Левин в связи с этими событиями обвиняла «Фриза, фон Арнима, фон Brentано и им подобных». Далее она писала: «Я испытываю бесконечную печаль из-за евреев. Когда за них заступаются, они этим дорожат; но мучить их, презирать, относиться к ним как грязным евреям, давать им пинков в зад и спускать с лестницы. . . Они возбуждают народ именно на те беспорядки, на которые его еще можно вызвать сегодня». Ее психологический анализ отличается достаточной тонкостью: в простых выражениях Рахель разъясняет «функциональное значение» евреев, козлов отпущения для христианства. Ее муж рассматривал эту проблему в политическом аспек-

те и упрекал сыновей Израиля в тесной связи с сильными мира сего:

«Преследование евреев в наших городах—это ужасное явление. Власти не везде вмешиваются с такой же энергией как в Гамбурге; в Гейдельберге серьезные обвинения предъявлены директору Пфистеру; в Карлсруэ почтенные горожане подхватили клич «Хеп! Хеп!» Сходство этих антиеврейских проявлений доказывает, что ошибаются те, кто видит в нашей раздробленности препятствие для всеобщего народного движения. Следует признать единство немцев в проявляемом ими чувстве. Однако эта антиеврейская буря могла бы предшествовать событиям, которые бы обеспечили им полное равенство в правах благодаря народному [подъему]. Следует посоветовать евреям активно вступить в либеральный лагерь; до настоящего времени их скорее рассматривали как сторонников тех, кто обладает властью... »

И опять некоторые просвещенные евреи пытаются исправлять и образовывать своих братьев: беспорядки 1819 года побудили Ганса и его друзей основать «Общество за культуру и науку

евреев». Но напрасно они во все возрастающем количестве вели активную борьбу в рядах либерального или прогрессистского лагеря, новые антиеврейские волнения произошли в Германии в 1830, 1834, 1844 и 1848 годах.

Третья часть

РАСИСТСКАЯ РЕАКЦИЯ

I. РАСИСТСКАЯ
РЕАКЦИЯ

Пока евреи жили в рамках режима исключений, то по всем законам теологии их рассматривали как полноправных представителей человеческой природы; проклятие, тяготевшее над ними, с точки зрения христианской антропологии было лишь искуплением. Но когда они достигли эмансипации и смогли свободно влиться в большое буржуазное общество, то в терминах новой так называемой научной антропологии это проклятие стало трактоваться как биологическое отличие или биологическая неполноценность, а презираемая каста превратилась в неполноценную расу, как если бы круглый знак или коническая шляпа прошлого отныне были впечатаны, «интериоризированы» в их плоть, как если бы чувствительность Запада не могла обойтись без уверенности в отличиях, которые, после того как видимые знаки, идентифицирующие евреев, исчезли, превратились в невидимую сущность.

Итак, необходимо рассмотреть теоретические основы современного антисемитизма—страсти, которая пренебрегает теологией и ищет свое оправдание в науке. В этой связи прежде всего

необходимо бросить взгляд на основные источники «арийского мифа», который в прошлом был предметом обучения в школах и составлял часть интеллектуального багажа образованных людей XIX века.

В каких условиях Европа Эрнеста Ренана и Рихарда Вагнера сделала фантастический выбор в пользу индийской генеалогии? До наступления эпохи научного знания традиции европейских народов соответствовали учению церкви, которая несмотря на некоторую неопределенность в этом вопросе тем не менее приписывала европейцам не вполне четкое «еврейское» происхождение в том смысле, что следовало возводить род человеческий к первоначальной паре—Адаму и Еве, а также отводила ивриту роль всеобщего первоначального языка. Колыбель человеческого рода неизменно помещалась на древнем Востоке, поблизости от Иудеи, там, где когда-то находился райский сад, а также где Ной и три его сына смогли ступить на землю после потопа, т. е. к югу от Кавказа. Обычно считалось, что европейцы произошли от Иафета: так, через образ всеобщего

прародителя Адама или Сима, старшего из сыновей Ноя, «еврей» также получал свою древнюю онтогенетическую роль «отца»,

Новый миф об ариях предполагал, и на это следует обратить особое внимание, утрату этого качества, и в этом отношении он также фиксирует или символизирует свержение церковного ига, конец «эпохи веры». Как заметил один современник, «можно сказать, что иудаизм потерял в почитании то, что евреи выиграли в политической свободе» (M. Cœpefigue, *Histoire philosophique des Juifs*, Paris, 1833, p. 13.). Более того, новая эра, эпоха знания, вначале прошла через этап деизма; характерно, что идея Индии как колыбели «естественной религии», иначе говоря, рода человеческого, распространилась во второй половине XVIII века даже до открытия родства между европейскими языками и санскритом. К тому же этот факт уже неоднократно отмечался в прошлом, но время еще не пришло, и это открытие вновь погружалось в забвение. Совсем иначе случилось, когда англичанин Уильям Джонс написал в своих «Азиатских исследованиях» о

структурном сходстве, которое имелось между санскритом, греческим, латинским, «готским» и «кельтским»; при этом он полагал, что индийскому языку следует приписать примат превосходства, поскольку он обладает «удивительной структурой, более совершенной, чем греческий язык, более богатой, чем латинский, и более изысканной, чем каждый из них». Философия того времени положительно отнеслась к этому рассуждению, которое было развито основателями немецкой индологии братьями Шлегелями. В 1805 году Фридрих Шлегель писал, что индийский язык «более древний, чем греческий и латинский языки, не говоря о немецком и персидском...». Он добавлял: «Индийский язык отличается глубиной, ясностью, спокойствием и философским направлением». Шлегель также предполагал, что индийский язык был «самым древним из развитых языков», а следовательно, самым близким «к первоначальному языку, из которого произошли все остальные». В том же труде («Исследование по языку и философии индийцев») он предложил термин «арии»

для обозначения непобедимых завоевателей, спустившихся с Гималаев, чтобы колонизовать и цивилизовать Европу. Август Вильгельм Шлегель, опираясь на идеи Лейбница о пользе филологии для изучения происхождения народов, также занимался вопросом «о происхождении индусов» и провозгласил превосходство их языка над семитскими языками. В ту же эпоху философ Шеллинг подверг критике недостатки Священного писания, которое, по его мнению, не выдерживало сравнения «в собственно религиозном отношении» со священными книгами индийцев. Столетие спустя исследователь теории Гобино писал: «то было своего рода опьянением, современная цивилизация поверила, что она нашла фамильные ценные бумаги, утраченные много столетий назад, и таким образом родилась арийская теория. . . » (Ernest Seilliere, *Le compte de Gobineau et l'aryanisme historique*, Paris, 1903.).

Братья Шлегели и Шеллинг в основном ограничивались еще рамками филологии и философии, и Фридрих Шлегель, так же как до него Гердер, отказывался распространять понятие «ра-

сы» на человеческий род, тогда как Шеллинг предлагал использовать его для «деградировавших» неевропейских рас. Но в течение той же первой декады XIX века другой немецкий филолог, Й. Хр. Аделунг, опираясь на таких географов, как Паллас, Паув и Циммерман, открыто включил антропологию в свою научную дисциплину, и его комментарии позволяют особенно четко проследить, каким образом на начальном этапе «арийский миф» складывался по образцу «библейского мифа», одновременно стремясь дистанцироваться от него.

В предисловии к своему очерку сравнительной грамматики, знаменитому «Митридату», Аделунг констатирует, что во все времена Азия считалась колыбелью рода человеческого. Но о какой части Азии идет речь? Следует принять во внимание общее мнение ученых, согласно которому «первоначальный народ» мог сложиться только на вершинах гор, откуда воды потопа отступили в первую очередь. Основываясь на этом, Аделунг определяет точное место: речь может идти только о Кашмире, о котором известно,

что в нем имеется все великолепие райского сада, как оно описано Моисеем, «все, что только может представить самое развитое воображение как идеал для блаженства всех чувств». Итак, наш автор делает пространное сравнение между райским садом и Кашмиром, к чему он добавляет следующее доказательство: «Даже люди там более совершенны, чем во всех остальных частях Азии; у них полностью отсутствуют монгольские и татарские черты, свойственные тибетцам и китайцам, они обладают самыми прекрасными европейскими формами, а также превосходят всех азиатов интеллектом и духовными качествами». Затем он переходит к истории первой человеческой пары и ее потомства, как он это себе представляет. Из сказанного выше ясно, что Аделунг остается верным христианской антропологии, с которой он расходится только в одном важном пункте: «первоначальная пара»—это больше не библейская пара Адама и Евы, их место жительства было перенесено с Ближнего Востока в Индию, они говорят на арийском языке (само это понятие тогда еще отсутствовало) и «имеют ев-

ропейские формы».

После Аделунга нам следует уделить немного внимания давно забытому автору, немцу Иоганну-Готтфриду Роде, который также не соглашался с общим мнением, согласно которому колыбель человечества находилась в Месопотамии или на Кавказе. Разрабатывая эту тему, в 1820 году он обратился к Авесте, иначе говоря, к откровению Заратустры. Основываясь на описании рая, которое Ормузд дал своему народу (этот рай он ставил на место библейского), он полагал, что обнаружил там географические сведения, позволяющие реконструировать «последовательный путь арийского завоевания». Согласно Роде эта эпопея началась на Памире, а не в Гималаях или Кашмире.

В любом случае все происходит, как если бы Европа, оставаясь пленницей некоторых традиционных представлений, занялась поиском новых предков. Можно заметить сходство этих поисков с действительной полемикой против библейского Иеговы, причем для них было характерно различие, проведенное Роде, между религией Мои-

сея, основывающейся на чудесах, и зороастризмом, который опирается лишь на «внутреннюю силу истины». Однако на всем протяжении первой половины XIX века ученые продолжали измерять историю библейскими мерами. Если не все из них следовали за средневековой хронологией, которая датировала рождение Иисуса 4004 годом от сотворения мира, то все были убеждены, что род человеческий существует лишь несколько тысячелетий. Подобное убеждение, безусловно, задержало рождение археологии (достаточно вспомнить о проблемах Лайеля или Буше де Перта), отсюда же черпали дополнительные аргументы в пользу помещения в Азию колыбели человечества, которое лишь на позднейшем этапе колонизовало Европу.

Для другого пионера индологии ФА Потта было очевидно, что человечество на заре своей истории следовало за солнцем: *ex oriente lux* («С Востока свет» — парафраза евангельского рассказа о рождении Иисуса.—Прим. ред.), так что Азия была для него площадкой для игр и гимназией для первых физических и духовных упраж-

нений человечества. Но в чем состоит причина миграции в северные страны? Якоб Гримм в своей знаменитой «Истории немецкого языка» говорит, что массы людей пришли в движение «под воздействием непреодолимого инстинкта, причина которого нам неизвестна». Нерешительность ученого мира признать, что родиной европейца могла просто быть Европа, враждебность, с которой встречались все гипотезы такого рода, могут служить еще одним свидетельством парализующего влияния общепринятых идей, даже когда они явно противоречили библейской космогонии.

Более радикальной формой разрыва с библейскими представлениями стали гипотезы полигенеза, вошедшие в моду в эпоху Просвещения. Вслед за Вольтером к ним присоединился Гете, и аргументы, выдвигавшиеся им в защиту этих идей, необычайно четко высвечивают их скрытую «антииудаистскую» мотивацию. В самом деле, Гете обосновывал свои взгляды прежде всего предпочтением, одушевляя природу, считать, что по духу она скорее расточительна,

чем экономна:

«Полагают, что природа является исключительно экономной в своих творениях. Я чувствую себя обязанным выступить против этого утверждения. Я заявляю, что, напротив, природа всегда проявляет свою щедрость и даже расточительность. Ее духу будет больше соответствовать допущение, что она одновременно произвела дюжины или даже сотни людей, чем теория, что она скупо породила их от однойединственной пары. Когда сошли воды и высохшая земля покрылась достаточным количеством зелени, наступила эпоха становления человека, и люди появились благодаря всемогуществу Бога повсюду, где позволяли условия местности, сначала, вероятно, в горах. . . »

Затем Гете выдвинул и другой аргумент, который, несмотря на внешне шутливую форму, открывает нам глубинные мотивы выбора, перед которым в середине XIX века оказалось большинство европейских ученых:

«Верно, что в Священном писании говорится лишь об одной человеческой паре, созданной Гос-

подом в шестой день. Но люди, получившие весть и записавшие слова Бога, переданные в Библии, сначала имели дело лишь со своим избранным народом, у которого мы ни в малейшей степени не хотим оспаривать честь происхождения от Адама. Но мы все, а также негры и лапландцы, разумеется, имели других предков: безусловно следует согласиться с тем, что мы во многом отличаемся от настоящих потомков Адама, и они превосходят нас, в частности, в том, что касается денежных вопросов. . . »

Итак, для Гете было существенным «во многом отличаться от истинных потомков Адама»; эту проблему на самые разные лады трактовали многие авторы, прежде всего немецкие, при обсуждении вопроса о происхождении рода человеческого. Так, весьма разносторонний писатель Клемм, автор «Всеобщей истории культуры», уже в 1843 году проводил различие между активной (мужественной) расой и пассивной (женственной), более примитивной: «Между тем созрела и другая раса на высоких плато вблизи Гималаев. . . Подобно тому как застывшая зем-

ная кора сотрясается и разрывается вулканическими силами, так и мирное первобытное население, распространившееся по земле, было застигнуто в своих спокойных снах героями активной расы, обрушившимися на них... «Здесь уже звучат весьма воинственные ноты, те же самые, что с этого времени будут возникать под пером Вагнера, и которые он разовьет в своей музыке. Но смутное отождествление «молодости» или «агрессивности» с «совершенством» или «ценностью» будет проявляться и у более серьезных ученых. Так, для великого индолога Лассена «арии образуют наиболее организованный, наиболее предприимчивый и наиболее творческий народ; поэтому он более молодой, ибо природа лишь на поздней стадии стала порождать более совершенные виды растений и животных...» Уже в 1845 году Лассен стал противопоставлять в этом смысле ариев семитам:

«Среда кавказских народов мы, разумеется, должны отдать пальму первенства индогерманцам. Мы не думаем, что здесь дело случая, мы полагаем, что это должно вытекать из их превос-

ходящих и более разнообразных талантов. История учит нас, что у семитов отсутствует гармоническое равновесие всех сил души, которое характерно для индогерманцев. . . »

Основные недостатки семитов заключаются в их полной философской посредственности и их религиозном эгоизме. Таким образом, в 1845 году был заложен последний краеугольный камень мифа, право авторства на который немного позже будет энергично оспаривать у Лассена молодой Ренан, говоря об «ужасающей простоте семитского духа», о «более низком строении человеческой природы» и т. д. (См. *Histoire gйnйrale et systime comparй des langues sйmitiques* (1855). Livre I, chap, 1.)

Но были также и черные, т. е. «хамиты». Новая научная антропология оставалась в зависимости от прежней и в одном дополнительном пункте, а именно в той мере, в какой она утверждала деление человеческого рода на три большие расы как отражение мифа о трех сыновьях Ноя. Это наблюдение имеет отношение к работам Кювье; в этой связи интересно отметить, что

обычно используемая терминология также остается библейской, поскольку негры и евреи, т. е. низкие расы, характеризуются как «хамиты» и «семиты», что же касается самих европейцев, которые претендуют на благородное происхождение, то в этих работах отвергается вполне логичное наименование «яфетидов» с его библейским духом; они хотят называть себя ариями, без сомнения, потому что предполагается, что этот термин происходит от того же корня, что и слово «честь» (Ehre). Подобные теории распространяются с потрясающей скоростью и немедленно используются в самых разнообразных областях, включая и динамичную сферу религии. В 1853 году Вагнер, этот медиум XIX века, писал, что «первоначальное христианство» было искажено из-за своего смешивания с догмами иудаизма и что «это христианство было лишь ответвлением благородного буддизма».

Можно еще один раз задать себе вопрос, в какой мере, учитывая уровень научных знаний того времени, можно говорить о существовании позитивных данных, подтверждающих великую

«арийскую гипотезу». Но мы напрасно станем искать эти данные, поскольку не найдем ничего, кроме открытая семьи индоевропейских языков, «этого открытия нового мира» (Гегель). Даже Кювье проводит разделение на основные расы «по аналогии с языками». Крайне редкими были голоса, возражавшие против этого смешения; напротив, оно лишь усиливается после наполеоновской бури, и вопрос о европейских истоках стал до прихода Дарвина заповедником для филологов, находящихся под «гнетом санскритологии». К тому же самый знаменитый из них оксфордский англогерманец Макс Мюллер сделал употребление термина «арийский» преобладающим в республике ученых. В своих знаменитых лекциях, прочитанных в Королевском институте Лондона в 1859-1861 годах, он описывал триумфальное продвижение ариев к мысу Нордкап и Геркулесовым столпам. Его отступления и предостережения, которые он высказывал с 1872 года, имели гораздо меньший резонанс, и напрасно в конце жизни он заявлял, что в термине «арийская раса» имеется так же мало научного содер-

жания, как и в термине «долихоцефальная грамматика».

Европейский этноцентризм, который начиная с эпохи Просвещения искажал зарождающуюся антропологию, получает мощное развитие в эру романтизма и национализма: он направляет умы ученых и определяет их теории и классификации. Именно в этой обстановке разрабатывается мистическая трихотомия—арий, или настоящий человек, определяется как по отношению к его брату Симу, еврейскому получеловеку-полудемону, так и по отношению к его брату Хаму, черному получеловеку-полужверю. Философы в свою очередь умножают подобные иерархии: даже Гегель, несмотря на весь свой «спиритуализм», отдал этому дань, описывая характер негров. Он утверждал, что «в его характере невозможно найти ничего, что напоминало бы человека»:

«...негр представляет природного человека во всей его дикости и бойкости: чтобы его понять необходимо абстрагироваться от всякого уважения и морали; в его характере невозможно найти ничего, что напоминало бы человека (...)

Итак, нефы обладают совершенным презрением к человеку, что составляет их главную сущность в том, что касается права и морали. Бессмертие души также игнорируется... широко распространено и допустимо поедание человеческой плоти».

Профессиональных ученых не беспокоило бессмертие души, но их суждения о расе Хама были еще более жесткими, если это вообще возможно. Согласно краткому описанию Кювье «негритянская раса находится к югу от Атласа; у нее черный цвет кожи, курчавые волосы, сдавленный череп и приплюснутый нос; скуластая физиономия и толстые губы явно сближают ее с обезьянами; племена, составляющие эту расу, остаются варварами». Великий предшественник теории трансформизма англичанин Лоуренс более подробно останавливался на моральном и интеллектуальном слабоумии негров:

«Они почти повсеместно предаются разврату и отвратительной чувственности, они проявляют грубый эгоизм, безразличие к боли и радости окружающих, нечувствительность к красоте

форм порядка и гармонии, почти полное отсутствие того, что мы имеем в виду, когда говорим о возвышенных чувствах, мужественных добродетелях и морали».

Следует ли удивляться, что вскоре понятие «раса» оказалось возведенным в ранг великого двигателя будущего человечества, заменив собой Провидение? Современные историки (особенно занимающиеся историей антропологии), которые попытались найти причины катастрофического смешения рас и языков, истории и антропологии и особенно философии, отягощенной пережитками богословия, и науки, часто ссылаются на программное письмо, адресованное в 1829 году Уильямом Эдвардсом Амедею Тьерри, в котором предлагалось определить, «до какой степени различия между народами, устанавливаемые историком, могут совпадать с теми, что определяет сама природа», а также совместно рассмотреть соответствия между «исторически сложившимися расами и теми, которые признают естественные науки». В это время подобные идеи носились в воздухе, и задолго до историка Тьерри

и естествоиспытателя Эдвардса романист Вальтер Скотт давал «расовую» интерпретацию английской истории в свете борьбы между саксами и нормандцами. Таким образом, наука о расах черпала вдохновение в романтических мечтах, и «после битв под Лейпцигом и на Ватерлоо европейская почва породила все новые расы». Это было самозарождение, причем как можно судить по именам и текстам, которые мы приводили выше, главным местом действия была Германия. Остается добавить, что этот международный научный хор хотя и был подавляющим, но в нем никогда не было единогласия: в качестве диссонирующих голосов можно упомянуть Александра фон Гумбольдта, который, выражая благодарность Гобино за присылку его книги «Исследование о неравенстве человеческих рас», писал ему, что эта книга «даже своим заглавием противоречит моим многолетним убеждениям относительно прискорбного деления на высшие и низшие расы».

II. АНГЛИЯ

Евреи Вальтера Скотта и
евреи Дизраэли

Говоря об эмансипации, мы не затронули ситуацию в Англии. В самом деле, с XVIII века евреи находились там в положении, похожем на положение католиков и других нонконформистов, так что ограничения в правах распространялись там лишь на политические и представительские функции. К тому же речь там шла преимущественно о португальских евреях, которые, как мы это видели, уже находились под сильным влиянием западной цивилизации. Основным спорным пунктом была возможность избираться в Палату общин, которую католики получили в 1829 году. Освобождение «папистов» предвещало то же самое и для последователей Моисея, однако в этом случае возникли новые сильные препятствия, так что политическая борьба по этому поводу продолжалась около четверти века.

Можно провести аналогию с Францией, где евреи добились эмансипации по следам протестантов, и эта аналогия прослеживается во множестве деталей: подобно молодому Учредительному собранию 1790 года почтенная Палата общин превратилась в 1854-м в связи с обсуждени-

ем еврейского вопроса в арену неслыханных бурь, которые одна английская газета не упустила случая сравнить с «поведением верующих в синагоге, а все знают, что это означает».

При этом, когда в один прекрасный день политические права были евреям предоставлены, они никогда больше в Великобритании не оспаривались; кроме того там не было ничего подобного антисемитским вспышкам и кампаниям, которые бушевали почти везде на европейском континенте во второй половине XIX века. Для Гладстона агитация против евреев на его родине была так же неправдоподобна, как агитация против земного притяжения. Это не означает, что всеобщие предрассудки там испарились: избранный народ возбуждал там такие же беспокойные чувства как и раньше, и соответствующие темы разрабатывались многочисленными публицистами из поколения в поколение, но их сочинения не могли породить политического движения, союзов защиты или боевых ассоциаций, т. е. никакой коллективной и организованной паники. В связи с этой пассивностью английского антисемитиз-

ма говорили о религиозной близости («два народа, воспитанных на Ветхом Завете»), о близости исторической («культ традиции предков»), о сходстве экономической этики («два народа коммерсантов, у которых торговля в почете») и даже об английской идиосинкразии («гордыня» и «заносчивость» Альбиона). В связи с этим последним пунктом можно заметить, что в самом деле навязчивый страх «еврейского завоевания» был несовместим с блистательной уверенностью подданных королевы Виктории, хозяев морей и мировой торговли.

Каково бы ни было значение всех этих факторов, английская оригинальность, часто трактуемая как «филосемитская», проявлялась весьма различными способами. Прежде всего ее необходимо связать с уважением к традиционным иерархиям в стране, население которой никогда не попадало под влияние революционных мифов. В результате британские евреи никогда не проявляли со своей стороны никаких поползновений связать свои политические интересы с «левыми» или с «трудящимися классами». Дизраэли был

не единственным еврейским консервативным лидером: в 1868 году из восьми депутатов-евреев, выбранных в Палату общин, трое принадлежали к династии Ротшильдов.

На протяжении XIX века Великобритания многократно брала на себя роль державы, защищающей интересы рассеянного народа. С этой точки зрения следует запомнить 1840 год, поскольку «дамасское дело» (о котором речь пойдет ниже) одновременно возбудило новый рост сознательности среди эмансипированных евреев Европы и символизировало начало отношения покровительства, которое также опиралось на политические расчеты в рамках «восточной политики». Можно сделать аналогичное замечание по поводу различных проектов восстановления еврейского государства, которые обсуждались со времени Кромвеля в полуполитическом, полуэсхатологическом аспектах британскими литераторами, духовенством и даже государственными деятелями. И в каком еще христианском государстве политический деятель мог провозглашать с парламентской трибуны, что евреи—

это высшая раса, «природные аристократы», и при этом подобные достаточно провокационные заявления не помешали ему стать премьерминистром и основателем Британской империи? Благодаря Дизраэли, этой неординарной личности, можно, как нам кажется, лучше понять все своеобразие отношений между Англией и евреями.

Мы уже говорили, что по другую сторону Ла-Манша евреи возбуждали те же чувствительные струны, что и в других странах. Для враждебности, презрения и других чувств этого рода, если они не находят внешнего выхода, нет лучшей разрядки, чем художественное творчество: так, несмотря на развитие выразительных средств и литературных стилей, на родине Шекспира образ еврея мало изменился и остается под влиянием грандиозной фигуры Шейлока. Конечно, как и в остальной Европе в конце XVIII века на театральных сценах стал процветать условный образ «хорошего еврея», но этот искусственный дидактический прием использовался лишь второстепенными авторами, забытыми в наши дни.

Великие художники оставались под впечат-

лением фигуры сурового Венецианского купца, воздействие которой можно видеть у Диккенса в беспричинной зловредности мучителя детей Фейджина; более тонким и замечательным образом трактует еврейскую тему Вальтер Скотт. В его самом популярном романе «Айвенго» евреев представляют Айзек и его дочь Ребекка. Сначала они противостоят различным христианским родам, которые сами вовлечены в светский конфликт, в ходе которого медленно выковывается будущее Англии, поскольку «четырёх поколений оказалось недостаточно, чтобы смешать враждебную кровь нормандцев и англосаксов». Враждебную до такой степени, что у конфликтующих родов нет ничего общего, кроме их ненависти к сыновьям Израиля. Но Айзек и Ребекка также совершенно непохожи друг на друга. Не такой мстительный как Шейлок, отец всего лишь презренный трус, тогда как дочь сочетает сияющую красоту с самыми возвышенными добродетелями, а ее совершенство еще сильнее подчеркивается испытаниями и несчастьями, на которые ее обрекает Вальтер Скотт.

Подобное распределение, лишь усиливающее свет и тени средневекового образа еврея, как нельзя лучше подходит для романтического воображения и почти немедленно стало литературным штампом: только в течение 1820 года не меньше четырех английских драматургов вывели на сцену героев Айвенго, тогда как во Франции Шатобриан в своем эссе «Вальтер Скотт и евреи» стремится выяснить, «почему у евреев женщины более красивы, чем мужчины». Он находит интересное объяснение этому феномену: Сына Божьего отвергли, пытали и распяли только мужчины, тогда как «женщины Иудеи поверили в Спасителя, полюбили его, последовали за ним, облегчали его страдания».

Подобный взгляд, который находит в евангельском повествовании лишь весьма неудовлетворительное подтверждение, позволяет нам прикоснуться к психологической «эдиповой» сути антисемитизма, для которого только еврей-мужчины опасны и отвратительны. Деспотичский отец может быть только мужественным; не имеющая пениса еврейская женщина не несет на

себе «расового проклятия», а ее невинность даже делает ее особенно желанной. В этом смысле Шатобриан выступил в роли интерпретатора христианской традиции, говоря о женщине из Вифании, доброй самарянке, восхитительной Магдалине, благодаря которым «отражение прекрасного луча останется на лице еврейских женщин». Помимо этого красота еврейских женщин, часто называемая божественной, была общепринятой идеей в романтическую эпоху («небесная красота» и «жемчужина Востока», — напишет совершенно серьезно Мишле), тогда как несчастья позволяют еще лучше подчеркнуть ее прелесть оскверненной богини или «сексуального символа». Поверьте нам, что очень редко гремучая смесь религии, эротизма и древнего страха, на которой держится антисемитизм, бывает столь ясно выражена, как это сделано в забытом комментарии автора «Гения христианства».

Чувствительность, которую проявляет Вальтер Скотт к образам такого рода, обнаруживается также в романе «Дочь хирурга». На этот раз действие происходит в современности. Но-

вейшая копия Ребекки, прекрасная и несчастная Цилия Монсада оказывается соблазненной знатным христианином, и ее любовь разрушается фанатичным и жестоким отцом. Она рождает незаконного сына (Ричарда Миддлемаса), который становится повесой, авантюристом и ловеласом. В свою очередь он соблазняет невинную христианку (как если бы он должен был отомстить за поруганную добродетель своей матери), а его порочность еще больше выделяется на фоне добродетели его друга «Адама Харли... который обладает открытостью англичанина древнего англосаксонского происхождения». После того как он причиняет тысячи мучений своим родителям и трогательной Мени Грей, наш мрачный герой оказывается раздавленным слоном, «который сразу кладет конец его жизни и его преступлениям». Выйдя за рамки старого сюжета о преступных и невинных евреях, это повествование оказывается первым в истории уроком о вреде «смешения крови».

С эмансипацией евреев и их доступом в общество еврейская женщина становится своеобраз-

разным и в каком-то смысле самостоятельным феноменом европейской культурной жизни. Ее странное очарование проявляется самыми различными способами: в реальной жизни, в Германии или Австрии, она выполняет функцию «акушерки духа», это судьба еврейских дам высшего круга в Берлине и Вене; в промежуточной сфере между реальностью и воображением она блистает на драматической сцене, как божественные Рашель и Сара Бернар во Франции. Наконец, в Англии от Джессики до Ребекки она принимает форму соблазнительного фантома; похоже, что эта градация выстраивается в зависимости от интенсивности реакций, которые возбуждает ее партнер-мужчина и которые варьируются от открытого до латентного антисемитизма.

В 1750 году еврейский коммерсант из Феррары по имени Бенджамин Дизраэли переехал в Лондон, чтобы начать там торговлю кораллами. Его сын Исаак занялся литературой и добился известности благодаря своим эссе и новеллам, некоторые из которых даже были переведены на французский язык. Проявляя все качества образ-

цового джентльмена, Исаак посещал в Лондоне и Париже великих людей своего времени: лорд Байрон и братья Тьерри были в числе его со-трапезников. В Англии крещение не было необ-ходимым «пропуском в европейскую культуру», и когда Исаак Дизраэли порвал с синагогой и в 1817 году крестил своих детей, это произошло из-за разногласий с единоверцами. Это отречение не помешало ему анонимно опубликовать в 1833 году книгу «Гений иудаизма», представлявшую собой защиту и прославление иудаизма, прежде всего испанского; в книге уже заметно влияние новых идей относительно особых «гениев» на-родов и рас. Этот труд свидетельствовал о глу-боком знании еврейской культуры и был немед-ленно переведен на немецкий язык.

Его сын Бенджамин, родившийся в 1804 году, сначала обучался в английском пансионате, и по-хоже, что он испытал немало унижений со сторо-ны своих христианских однокашников, тем более что по субботам приходил раввин обучать его за-кону Моисея. Но вместо того, чтобы завершиться торжественной церемонией «Бар-Мицва», когда

ему исполнилось тринадцать лет, его религиозное образование закончилось в 1817 году крещением в англиканскую веру. Можно думать, что едва ли это обстоятельство увеличило его уважение к существующим религиям.

Умный и честолюбивый, он задумал, наподобие еврейского Жюльена Сореля, покорить враждебный мир. Можно представить себе юношу с черными кудрями, очарованного былым величием Израиля и засыпающего вопросами своего отца. По отцовскому примеру он сначала попробовал свои силы в литературе; написанный в 1833 году после путешествия на Восток «Алрой» выражал, как он сам записал в своем дневнике, его «высшую мечту», эту вековую мечту марранов, а именно—восстановление еврейского государства. Но «действительные и реальные» цели этого еврея, обращенного в англиканство, были политическими и светскими. В течение нескольких лет он следовал образу жизни денди по примеру знаменитого Бруммея и блистал в салонах. Затем он добился избрания в Палату общин. Однако там он сразу же натолкнулся на недо-

верие и препятствия, неизбежные для человека низкого происхождения, к тому же еврея по рождению; это последнее обстоятельство еще больше усугублялось его фамилией, звучавшей как вызов, и восточной внешностью, не менее странной для старой Англии.

Как правило, специфика происхождения толкала молодых честолюбивых евреев этой эпохи к отрицанию своей «несхожести», которую они стремились свести просто к разнице вероисповедания. Именно поэтому еврейские последователи Сен-Симона во Франции и еврейские активисты «Молодой Германии» стали предшественниками «антирасистов», боровшихся в различных лагерях либеральной ориентации. В Англии либеральный историк Маколей развивал в 1831 году подобные взгляды, выступая за права евреев. Он сравнивал «еврейство» с «рыжими волосами», т. е. с незначительной случайностью при рождении. Неслыханная оригинальность Дизраэли проявилась в том, что он стал играть в противоположную игру, которую можно было затеять лишь в эксцентрической старой Англии: несмот-

ря на обращение в христианство он заявлял о своей принадлежности к избранному народу и на этом основании требовал благоприятного к себе отношения и повышения политической роли своих соплеменников.

После того как он занялся политической деятельностью, Дизраэли изложил свое видение мира, а также свою программу действий в «политической трилогии» (романы: «Конингсби», 1844; «Сибилла», 1845; «Танкред», 1847). Особое положение евреев не имело ничего общего с проблемами английских рабочих или обязанностями церкви, но эти проблемы интересовали его меньше всего. Предварительно он серьезно изучил антропологические теории своего времени, что позволило ему отнести «семитов», т. е. евреев и арабов, к «кавказской расе». Лейт-мотивом его трилогии было; «All is race: there is no other truth» («Раса—это все: другой истины не существует»). Как мы уже видели, подобные идеи уже носились в воздухе, но он стал первым англичанином, сделавшим этот подход не только теоретической концепцией, но и крае-

угольным камнем политической платформы. Вопреки господствующим теориям о германском превосходстве, распространившимся по ту сторону Ла-Манша Карлейлем и Томасом Арнольдом, согласно Дизраэли именно «семиты» были достойны звания «аристократов от природы». Чтобы увеличить дерзость своих рассуждений, он сделал носителем своих идей «Сидонию» — еврея, чье богатство могло сравниться только с его умом (критики называли его «Дизротшильдом», т. е. Дизраэли-отцом, богатым как Ротшильд). Сидония выступает в роли наставника Конингсби и Танкреда, он открывает этим молодым английским аристократам тайны семитского превосходства, основанного на культе расовой чистоты. Он объясняет это лорду Конингсби следующим образом:

«... дело состоит в том, что невозможно испортить чистую кавказскую расу. Это физиологический факт... В настоящее время, несмотря на века и тысячелетия упадка, еврейский дух оказывает большое влияние на европейские дела. Я не говорю об их законах, которым вы подчиня-

етесь до сих пор, ни об их литературе, которой пропитаны ваши умы, но о живом иудейском интеллекте, В Европе нет заметного интеллектуального движения, в котором евреи не принимали бы активного участия. Первые иезуиты были евреями; секретная русская дипломатия, вызывающая такое беспокойство в западной Европе, в основном осуществляется евреями; мощная революция, подготавливаемая в настоящее время в Германии, о которой почти ничего не знают в Англии, но которая станет второй и более глубокой Реформой (здесь имеется в виду реформа Лютера.—Прим, ред.), развивается в целом под эгидой евреев, которые монополизировали почти все профессорские кафедры Германии. . . »

Но Дизраэли не удовлетворялся тем, что заполнял испанские монастыри и немецкие университеты замаскированными евреями, т. е. марранами; он причислял к евреям самых великих исторических деятелей—Канта, Моцарта, даже Наполеона, не говоря о героях второго ранга, таких как Массена или Сульт. Разумеется, подобная мистификация была обоюдоострым оружием, кото-

рое могло быть использовано в той же мере и для доказательства возможностей еврейской коррупции: в дальнейшем подобные аргументы будут использоваться антисемитами во всех странах хорошо известным способом, что продолжается и в наши дни—под сурдинку на Западе и с большим шумом в других странах («Пикассо—еврей! Как, вы этого не знаете? Сезанн также был евреем. И Кандинский. Не говоря уже о Шагале, разумеется. Когда Шагал был народным комиссаром в Витебске, он все делал, чтобы помешать обновлению русской живописи, которое началось в XIX веке, он стоял во главе большого заговора!» Эти слова принадлежат представителю «сталинистской оппозиции». (Jean Neuve celle, «Moscou 66»; «France-Sou», 10. 08. 1966.)). С другой стороны, процедура неправомерной натурализации в гораздо более широких масштабах использовалась подголосками пангерманизма, которые присвоили весь пантеон великих от Джотто до Пастера. По всем этим пунктам Дизраэли был первооткрывателем и, возможно, властителем дум.

В «Танкреде», своем лучшем произведении,

он заходил еще дальше в провокационных утверждениях, даже не утруждая себя тем, чтобы скрыться за подставным лицом; в этом романе автор от собственного имени прославляет «семитский дух» и насмехается над «цивилизацией франков»:

«... некоторые франки с плоскими носами, напыщенные бурдюки, раздувшиеся от претензий, народ [la race], повидимому, возникший в болотах где-то на севере, среди недавно раскорчеванных лесов, осмеливается говорить о прогрессе!.. Европейцы говорят о прогрессе, потому что благодаря умелому использованию некоторых научных достижений они создали общество, в котором комфорт занял место цивилизации!»

Затем сам Танкред в свою очередь скромно подтверждает, что он происходит «от орды балтийских пиратов», народа [la race], который бы, без сомнения, погиб в междоусобицах, если бы его не просветила «семитская духовность».

Дизраэли проповедовал этот чрезмерный расизм на протяжении всей своей жизни не толь-

ко в ставших популярными романах, но также и в чисто политической исповеди—«Лорде Джордже Бентинке» (1851); четырнадцатая глава этой книги посвящена апологии евреев. Накануне революции 1848 года будущий лорд Биконсфилд (Дизраэли получил титул графа Биконсфилда в 1876 году. (Прим ред.)) видит в Израиле скрытую эффективную причину подрывных действий в Европе, так что глупые христианские угнетатели должны были винить самих себя в своем непонимании того, что не следовало доводить до отчаяния избранный народ. В самом деле; «Разрушение семитского принципа, искоренение еврейской религии, будь то в форме религии Моисея или христианства, естественное равенство людей и отмена права собственности провозглашаются тайными обществами, образующими временные правительства, причем во главе каждого из них можно найти людей еврейского происхождения. Народ Господа сотрудничает с атеистами; удачливые богачи объединяются с коммунистами; особый, избранный народ протягивает руку отбросам и самым низшим слоям европейского

общества! Все это происходит потому, что они хотят разрушить неблагодарное христианство, которое обязано им всем вплоть до собственного названия, и чью тиранию они не могут больше терпеть.

Когда в феврале 1848 года тайные общества застали Европу врасплох, они сами были поражены своим неожиданным успехом. Они не смогли бы воспользоваться этим успехом, если бы у них не было евреев, которые к несчастью на протяжении многих лет были связаны с этими зловредными организациями. Какова бы ни была глупость правительств, политические потрясения не опустошили Европу. Однако энергия и бесконечные ресурсы сыновей Израиля намного затянули эту бесполезную борьбу. . . » «Тайные общества» и «семитская раса»—эти идеи, высоко ценимые в XIX веке, оказались в результате поддержанными эпигоном марранской иронии. И хотя трудно допустить, что Дизраэли верил во все то, что он писал, тем не менее его апологетика свидетельствует об исключительно сильных страстях, особенно когда в «Танкреде» он бичует слабых и

позорных евреев, которые отрекаются от своего происхождения или скрывают его. Искренность Дизраэли еще более очевидна в поразительной речи, в которой он, рискуя своей политической карьерой, потребовал в 1847 году допуска евреев в Палату общин не во имя каких-либо абстрактных принципов терпимости или равенства, а как привилегии, полагающейся народу Господа:

«Каждый божий день вы публично прославляете подвиги еврейских героев, доказательства еврейского усердия, блестящие свидетельства бывшего еврейского величия. Церковь построила во всех странах здания, посвященные культу, и на каждом алтаре мы найдем таблицы с еврейским законом. По воскресеньям, когда вы славите Господа или когда вы хотите найти утешение в горе, и в том. и в другом случае вы находите то, что вам нужно в стихах еврейских поэтов. . . Все первые христиане были евреями. Христианская религия вначале исповедовалась людьми, которые до своего обращения были евреями; на первом этапе христианской церкви каждый из тех, чье

рвление, энергия или гений способствовали распространению христианской веры, был евреем. . .
»

Когда эти слова вызвали движение возмущения в зале заседаний, Дизраэли пошел еще дальше:

«Именно в соответствии с пылкостью вашей веры вы должны стремиться совершить этот акт справедливости. Если вы не забыли, чем вы обязаны этому народу, если вы признательны ему за его писания, которые на протяжении столетий принесли столько утешения и столько знаний людям, вы получите большое удовлетворение от того, что вы сразу же смогли удовлетворить просьбы тех, кто исповедует эту веру. Но вы остаетесь под влиянием мрачных суеверий, восходящих к самым темным векам истории этой страны. Эта истина не стала очевидной в ходе настоящих дебатов, и несмотря на всю вашу образованность, она не стала ясной и для вас самих. Эти предубеждения продолжают оказывать на вас влияние, чего вы сами не сознаете, подобно тому, как они влияют на других людей в других странах. . . »

Очевидно, что за некоторыми исключениями английское общественное мнение не принимало иудеоманию Дизраэли. Карлейль возмущался его «еврейской болтовней» и задавал вопрос «как долго Джон Буль будет еще позволять этой бессмысленной обезьяне плясать у себя на животе?» Он также называл его «проклятым старым евреем, который не стоит своего веса в свинном сале». Некий Кристофер Норт в ответ на «Конингсби» в 1844 году опубликовал «Анти-Конингсби». В «Панче» Теккерей пародировал его в небольшом шедевре британского юмора под названием «Кодлингсби» (Игра слов, английское слово «codling» имеет значения—«мелкая треска» и «дикое кислое яблоко» (Прим. ред.)).

Функции посвящения, которые у Дизраэли исполняет Сидония, здесь принадлежат Мендозе, потомку Ребекки, которая вступила в мезальянс с сэром Уилфридом Айвенго (это единственное «темное пятно на ее гербе»). Мендоза открывает Джоффри де Бульону, маркизу Кодлингсби тайны семитской крови. Все в этом мире вплоть до папы римского являются тайными евреями:

«Давайте говорить тише, сказал Мендоза, провожая его к выходу. До свидания, дорогой Кодлингсби. Его Величество из наших, шепнул он возле двери, как и римский папа. . . Продолжение его слов перешло в неразборчивый шепот».

В научном мире профессор Роберт Нокс в «Исследовании о влиянии расы на судьбу народов» подверг Дизраэли суровой критике, но при этом дословно пересказывал его учение:

«Раса (т. е. "род, племя, порода"—см. прим. на с. 44) определяет все в делах людских. Это самый замечательный и самый важный по своим последствиям факт, который когда-либо сообщала философия. Раса—это все: литература, наука, искусство, одним словом, цивилизация определяется ею. Однако любовь к истине запрещает мне опровергать романы Дизраэли. Достаточно просто заметить, что в длинном списке знаменитых персонажей, чье еврейское происхождение утверждает г-ном Дизраэли, я не обнаружил ни одной еврейской черты или манеры; следовательно, они не являются евреями и не имеют еврейского происхождения. . . »

Антитезис стоит самого тезиса, а акценты совершенно те же, что и у современного антисемитизма. В самом деле, в другом месте евреи и автор «Конингсби» вместе подвергаются нападению:

«Но где евреи-крестьяне и евреи-рабочие? Разве они не могут обрабатывать землю? Почему они не любят работать руками? У настоящих евреев нет ни музыкального слуха, ни любви к науке или литературе; они ничего не изобретают; они не занимаются никакими исследованиями; теория «Конингсби» в приложении к подлинным, настоящим евреям не только является вымыслом, она полностью опровергается всей историей».

Однако высшая слава лорда Биконсфидда заставила быстро забыть в Англии полемику по поводу Дизраэли. Его биографы и подпевалы если и не обходят молчанием его расовые теории, то трактуют их как мистификацию или прихоть. Г-н Раймон Метр писал: «Интересно, что большинство критиков подвергают сомнению серьезность и искренность Дизраэли в этом вопросе. Они ви-

дят в этом или непоследовательность, или признак умственного расстройтва, или чаще всего мистификацию—«самую необычную шутку, которую Дизраэли когда-либо себе позволял»,

На континенте плохо понимали этот вид юмора. Показательно, что Дизраэли, будучи одним из наиболее ценимых писателей своего времени среди англосаксонских читателей, и которого продолжают читать и поныне, очень мало переводился в Европе, что не мешало тому, что его расовые теории принимались там всерьез в гораздо большей степени, чем в его собственной стране. Пытались даже доказать, что граф де Гобино заимствовал у него основные положения своей политической философии. В самом деле, возможно, что эти два блестящих оратора встречались в Париже в 1841 году, когда Дизраэли посещал братьев Тьерри и Токвиля. «Очерк о неравенстве человеческих рас» был задуман после этого времени, а некоторые описания «рас», содержащиеся там, в том числе «английской» и «еврейской», обладают сильным сходством с соответствующими пассажами политической три-

логии Дизраэли.

Однако подобные вопросы о приоритетах и взаимном влиянии очень трудно поддаются решению, особенно когда «идеи, носящиеся в воздухе», возбуждают умы так, как это происходило с идеей политико-расового детерминизма во второй четверти XIX века. Гораздо легче привести примеры того, как в дальнейшем антисемитская и расистская пропаганда использовала идеи, брошенные знаменитым евреем. Во Франции Гужно де Муссо и Эдуард Дрюмон стали его наивными последователями: в книге «Еврей, иудаизм и иудаизация христианских народов» приводятся в переводе многие страницы, принадлежащие Дизраэли, с одобрительными комментариями; в «Еврейской Франции» цитаты из Дизраэли можно обнаружить в тринадцати различных местах, а его положения обсуждаются в связи с проблемой «семитской принадлежности» различных исторических персонажей. Что же касается Наполеона, то Жюль Мишле с одобрением принимал взгляды «остроумного англичанина г-на Дизраэли», которые он подтверждал следу-

ющим рассуждением: «Любовь собирать сокровища, многие миллионы, спрятанные в подвалах дворца Тюильри, во всем этом чувствуется марран».

Различные аргументы такого рода повторялись большинством антисемитских французских авторов до 1914 года, особенно если они были англофобами, что чаще всего и имело место. В Германии Людвиг Шеманн (апостол теории Гобино) и Хьюстон Стюарт Чемберлен выступали против великого еврея, который первым объявил жалкой группе «антирасистских» евреев о важности понятия "раса" ; само собой разумеется, что на противоположной стороне гитлеровская пропаганда сделала из него символ еврейского господства в Англии.

Итак, это звучное имя использовалось в самых разных целях, и, разумеется, оно бесчисленными способами возбуждало антисемитские струны за столетие между 1845 и 1945 годами. Подобное действие очень трудно точно измерить, поскольку мы имеем дело с так называемыми невидимыми силами и оккультными вли-

яниями, которые посвященные окружают тайной, но можно думать, что автор «Конингсби» и «Танкреда» послужил скандальным вдохновителем для целых поколений антисемитских мистификаторов, фальсификаторов и фантазеров и что ему так охотно верили и подражали, если не копировали, потому что его впечатляющая карьера, казалось, подтверждала истинность его теорий. Что же касается самих этих теорий, то они, в свою очередь, опираются на его знакомство с традицией марранов, которая в его лице, столь загадочном по распространенному мнению, вспыхнула в последний раз: разве в свое время герцог Наксосский не был для Османской империи тем, кем лорд Биконсфилд стал для Британской империи?

Ш. ФРАНЦИЯ

В 1816 году некий современник праздновал наступление новой эры: «Мы видим израильтян рядом с нами; мы с ними разговариваем, они разделяют наши трудности, наши жертвы, наши радости, наши бессонные ночи, наши страхи, наши надежды; почему? Потому что они пользуются теми же правами. . . » В самом деле, ничто, кроме обветшавших предрассудков, казалось, больше не должно было отделять евреев от христиан. Отныне любые карьеры были для них открыты, и, как отмечал в 1818 году Бенжамен Констан, их уже видели «достойными членами администраций, они больше не избегали военной карьеры, занимались науками и их преподаванием. . . » В противоположность тому, что происходило на другом берегу Рейна, это первое поколение не выдвинуло (возможно, за исключением Рашель) ни одного по-настоящему первостепенного персонажа, но в роли вторых скрипок сыновья Израиля сделали себе имена, как, например, братья Галеви, Леон Гозлан, Александр Вейль; они были в театрах и редакциях, составляли значительную часть движения последователей Сен-Симона, а

также в характерной для французского еврейства манере посвящали себя военному делу.

Что же касается второго поколения, то, по мнению Альфреда де Виньи, оно было готово достичь «самых высоких вершин в делах, литературе и особенно в искусствах и музыке». Иными словами, речь идет не только о Ротшильдах и банках. И вот уже поставленная эмансипацией проблема неопределенности определения «израильтян» получила отражение в литературе. В 1840 году некий анонимный автор выражал свои муки, облачив их в форму романтического средневекового нравоучения по моде того времени:

И если, чтобы избежать проклятой
участи,

Я отказался от своего изгнанного на-
рода,

То, указывая на меня пальцем, изум-
ленный христианин

Воскликнет про меня: вот обращен-
ный!

(...) И вас удивляет моя чрезмерная
печаль?

Евреи, христиане, я вас ненавижу!

Проклятье всем вам!

Однако при Реставрации общественное мнение буржуазных и интеллектуальных кругов по поводу евреев, по всей видимости, было благосклонным. Страна, которая стремилась к порядку и законности, опасалась поводов для раздора. Любая несправедливость или дискриминация немедленно наталкивались на бдительных критиков, особенно среди протестантов, богатых, активных и также подвергнувшихся коллективной травме. В связи с обманным крещением некоего еврея проснулся призрак драгонады (Гонения на гугенотов при Людовике XIV (Прим. ред.)); «Разве Нантский эдикт отменен во второй раз, и нам опять суждено увидеть возвращение времени, когда обращаемые. . . похищали детей протестантов и евреев и отдавали их на воспитание в монастыри?»

Обличая притеснения протестантов в Севеннах, Бенжамен Констан брал под свою защиту и «другую религию, которая подвергается гораздо более жестоким преследованиям уже две тыся-

чи лет и вследствие этого несправедливого проклятия неизбежно впитала ненависть и враждебность к социальному порядку, при котором ее преследовали».

Но отныне у евреев появились свои собственные адвокаты. В своих защитительных речах Адольф Кремье заявлял, что прошло время для прежней ненависти. «Вы уже стали другими, они стали другими, их изменения велики, ваши ничуть не меньше. . . »

«Посмотрите на эту Францию, родину всех благородных чувств; посмотрите на израильтян, вступивших на самые достойные жизненные пути и для которых характерны все добродетели, которые необходимы добрым гражданам. . . Пусть же перестанут в этой стране говорить о еврейском народе, если вообще можно рассматривать евреев как отдельный народ, с тех пор как им посчастливилось смешаться с великой семьей французского народа».

Имя Адольфа Кремье символизировало успех эмансипации во Франции. В 1830 году Ганс (берлинский учитель Карла Маркса) заметил не без

зависти, что Кремье «блистал благодаря репутации своих знакомых, благодаря своей ловкости и благодаря третьему пункту, который здесь делает ему честь, а именно благодаря тому, что он еврей». «Здесь» означало салон маркиза де Лафайетта, в котором собиралось высшее парижское и международное общество.

Еще более показательным для процесса исчезновения антиеврейских предрассудков среди просвещенных и имущих классов того времени является аргумент, к которому прибегал Виктор Шельшер, чтобы доказать бессмысленность антинегритянских предрассудков: «У европейцев имеется нечто подобное тому, что существует между нами и нашими наемными слугами, как когда-то между католиками и евреями, как еще и в наши дни между русскими и польскими вельможами и их крепостными».

Справедливо, что новый «пункт чести» в действительности был привилегией сверхбогатых евреев. При этом самые бедные и несчастные из них остаются камнем преткновения при общем входе в общество и народ. Чтобы превратить их в

так называемых полезных граждан, в «израиль-тян», четко организованные при Наполеоне консистории не жалели сил для увеличения числа школ, стипендий и центров обучения. Если сохранялся какой-то аспект, где общины оставались верными обычаям предков, то это была их плутократическая структура: «вольный стрелок» и математик Олри Теркем в 1836 году характеризовал французский иудаизм как «широкую коммерческую конфедерацию по религиозному поводу»:

«Имейте деньги и вы станете нотаблем; золото—вы член совета раввинов; бриллианты—вы в центральном совете. . . »

Таким образом, высшее руководство французского иудаизма естественно оказалось в руках самого богатого еврея, консула Австрии (он так никогда не натурализовался во Франции) Джеймса де Ротшильда, первого среди равных из пяти знаменитых братьев, «великого раввина правого берега» по Генриху Гейне (Здесь имеется к виду правый берег Сены, т. с. наиболее богатые и аристократические кварталы Парижа

(Прим.ред.)) или «последнего первосвященника иудаизма» по выражению другого enfant terrible Александра Вейля.

«Короли евреев и евреи королев» — Ротшильды вначале были придворными евреями Священного союза монархов. Но феномен Ротшильдов — это нечто совсем иное. В эпоху, когда банки, используя общественный кредит, «встали во главе государств» (Стендаль), банк выходцев из гетто Франкфурта во многих случаях оказывался хозяином положения в политической ситуации одновременно с финансовой ситуацией. В Париже дом Ротшильдов «играет гораздо более значительную роль, чем правительства, за исключением английского кабинета» (канцлер Меттерних). «Вице-король и даже король Франции!» — воскликнула жена русского канцлера Нессельроде после обеда у Джеймса де Ротшильда. Со своей стороны финансисты считали, что в Европе крупная операция не имела шансов на успех без поддержки Ротшильдов. Их власть в глазах современников стала «чем-то вроде рока, которого очень трудно избежать».

Противники установленного порядка могли ответить душой. Берне стал первым, кто в своих «Письмах из Парижа» иронизировал по поводу этого «еврейского господства»:

«Ротшильд поцеловал руку папе. . . Наконец, установлен порядок, который был предусмотрен Господом при сотворении мира. Бедный христианин целует папе ноги, а богатый еврей целует ему руку. Если бы Ротшильд добился римского займа под шестьдесят процентов вместо шестидесяти пяти, если бы он смог послать кардиналу, управляющему делами курии, больше, чем десять тысяч дукатов, ему бы позволили обнять папу. Разве не стал бы весь мир счастливей, если бы все короли были низложены, а семья Ротшильдов посажена на трон?»

Эта шутка, удачная или нет, имела право на существование, поскольку Ротшильды прилагали все усилия, чтобы предотвращать бессмысленные бои. Мир был главным девизом банка: мир, который банку удалось сохранять вплоть до середины столетия благодаря весу всего своего золота и усилиям по «обузданию Европы, что-

бы ничто не могло прийти в движение». И если в Европе перестала течь кровь, то оккультная власть этого банка чего-то стоила. Но необходимо признать, что современники не соглашались платить за мир такую цену. В 1842 году Мишле писал: «Таинственный посредник между народами, который говорит на языке, понятном всем, на языке золота, и тем самым заставляет их договориться между собой. . . Они не догадываются, что, например, в Париже есть десять тысяч человек, готовых умереть за идею. . . »

Эта знаменитая семья, в одиночестве олицетворявшая пугало, которым раньше размахивали семьи Местров и Арнимов, оправдывала самые мрачные предсказания Баррюэля или мегаломанию Дизраэли. Последователь Фурье Туссенель протестовал: «Не будем благодарить еврея за мир, который он нам дает, если бы он был заинтересован в войне, то началась бы война». Однако если Ротшильды стремились к миру ради успешного ведения своих дел, это стремление соответствовало мирным космополитическим традициям гетто. «Зачем ссориться? Россия дале-

ко...»—наставительно писал в 1829 году Натан из Лондона Соломону в Вену; а Джеймс писал из Парижа в 1830 году: «Мы сделаем невозможное, чтобы сохранить мир...» Мы еще увидим в дальнейшем, каким образом он способствовал сохранению мира в 1840 году во время крупного кризиса на Востоке, и как международному конфликту предшествовала дискуссия о ритуальных преступлениях евреев.

Если тема Ротшильдов вдохновляла целые поколения антисемитских пропагандистов, то крайне интересно, что она оказалась частично или полностью отграниченной от еврейской темы у великих свидетелей этой эпохи. Для Бальзака «хищник» Нусинген, т. е. барон Джеймс прежде всего эльзасец, а его вошедший в поговорку акцент—это немецкий акцент. Гейне не без доли иронии помешал Ротшильдов среди знаменитостей Германии; Стендаль, изображающий барона в образе Левена-отца, полностью лишает его еврейства и приписывает ему наполовину голландское происхождение. В целом Ротшильды казались своим современникам более чужи-

ми, чем евреи; можно также утверждать, что они по-своему осуществили желание сторонников эмансипация, видя скорее чужака в еврее, чем еврея в чужаке. Но даже публицисты, выступавшие против Ротшильдов, по-своему отделяли банкиров от сыновей Израиля: памфлетист Матье-Дернвалль писал в своем сочинении «Ротшильд, его слуги и его народ»; «Я ничего не имею против евреев, которых я считаю своими братьями. . . Я против тех, кого я называю евреями. . . »

Получается, что под этими покровами древние предрассудки сохранили всю свою энергию, как это доказывают некоторые заметные дела. Если еврей оказывался в центре скандала, этот скандал немедленно становился еврейским, и осуждали всех сыновей Израиля. Именно это произошло в 1832 году, когда арестовали герцогиню де Берри, выданную правительству Луи-Филиппа обращенным евреем Симоном Дейцем. Этого авантюриста рекомендовал герцогине папа, но упреки оказались адресованными синагоге, причем активную роль здесь сыграли Шатобри-

ан и Виктор Гюго. Шатобриан даже обратился к тени Иуды Искарота:

«Пусть потомок такого великого предателя как Искарот, в которого вселился сатана, скажет, сколько сребреников он получил за эту сделку. . . »

Виктор Гюго использовал более современный образ Вечного жида, так что когда Дейц совершил вероотступничество, то это потому, что он хуже еврея:

«Это даже не еврей! Это грязный язычник, Отступник, выродок и позор мира. Мерзкий изменник, лживый чужеземец (. . .) Уходи, еще один Вечный жид. . . »

Со своей стороны Берне отразил эту тему с весьма характерным черным юмором; «Непонятно, почему этот еврей стал католиком, он вполне мог бы стать прохвостом, оставаясь иудеем». Только Александр Дюма отнесся к Дейцу достаточно беспристрастно.

Если происшествие с Дейцем было скорее симптоматичным, то «дамасское дело» 1840 года имело глубокие международные последствия.

По историческому стечению обстоятельств сообщество ведущих держав, включая Россию Николая I, взяло тогда под свою защиту евреев, преследуемых агентами французского правительства. Однако отнюдь не было случайным, что это совпадение породило в эпоху всплеска националистических настроений временную несовместимость между евреями и французами.

В 1840 году обострился кризис на Востоке, в ходе которого Франция, покровительствовавшая вице-королю Египта Мехмету Али, вступила в конфликт с остальной Европой, поддерживавшей султана. На фоне крупных событий произошло одно незначительное: в Дамаске, где жило много христиан, в феврале 1840 года таинственно исчез монах-капуцин отец Томас. Французские консулы Ратти-Ментон и Кошле обвинили в этом исчезновении еврейскую общину и организовали преследование старейшин этой общины, обвиненных в ритуальном убийстве. После долгих пыток некоторые умерли, другие отреклись, а третьи дали ложные показания. Оказалось, что двое из этих старейшин были ав-

стрийскими подданными. Консулы Австрии Мерлатто и Лаурин попытались вызволить своих соотечественников из беды. С обеих сторон правительства Меттерниха и Тьера встали на сторону собственных представителей, и конфликт превратился в эпизод силового противостояния, в котором против Франции выступили остальные державы. Этот эпизод даже стал своеобразным прологом конфликта. Итак, Европа сосредоточила внимание на событиях в Дамаске: в Сирии представители Англии, Пруссии и России выступили на стороне своих австрийских коллег; в соответствующих столицах начал широко обсуждаться вопрос о человеческих жертвоприношениях, которые якобы предписываются Талмудом.

В Париже Совет министров проявил некоторый интерес к вопросу, входит ли христианская кровь в число ингредиентов для приготовления мацы. Но Тьеру было важно не показывать, что он блефовал, заявляя о своем намерении до конца защищать Мехмета Али, поэтому он поддержал своих консулов. Его главные противники Кремье, Фульд и Ротшильд были заинтересо-

ваны совершенно в ином. Документы свидетельствуют о том, что барон Джеймс и его братья испытывали искреннее глубокое беспокойство о судьбе своих сирийских единоверцев. (Эта черта германских «хищников» совершенно ускользнула из поля зрения Бальзака.) В ходе беседы с Джеймсом Тьер отказался идти на уступки. Тогда тот, как он писал своему брату Соломону, решил прибегнуть к «самому мощному здесь средству, а именно к поддержке прессы», но в этот раз попытка не удалась, тем более что в Париже вспыхнула патриотическая лихорадка. Правительственному органу («Le Messenger») было поручено опубликовать информацию, что суеверия восточных евреев предписывают совершение ритуальных убийств и что их соплеменникам лучше помолчать. Возможно, сам Тьер верил в это—что он мог знать об иудаизме? В любом случае, он заходил все дальше.

В связи с кризисом на Востоке в целом он писал Гизо: «Нас девять, вы десятый, король одиннадцатый. Нас всех будет достаточно. Не будем бояться и пойдем вместе. Во Франции необык-

новенное воодушевление». Что же касается ритуальных убийств, то с высоты парламентской трибуны он бросился в контратаку:

«Вы выступаете от имени евреев, а я говорю от имени одного француза. К тому же, позвольте мне заявить: происходят чрезвычайно почетные для израильтян события. Когда стали известны факты, волнение охватило их всех в Европе, они отнеслись к этому делу очень горячо, со смелостью, которая делает им большую честь в моих глазах. И пусть они мне позволят это сказать, они имеют в этом мире гораздо больше власти, чем сами это признают, в настоящее время они выступают с требованиями, обращенными ко всем иностранным правительствам. Они вкладывают в это дело необыкновенный пыл, страсть, которую невозможно было предполагать. Требуется большая смелость, чтобы министр защищал своего сотрудника, который подвергается таким атакам. Я надеюсь, что мне удалось проявить некоторую твердость в этом деле, и я должен был так поступить».

Некоторое время спустя в Палате пэров Тьер

говорил еще более вероломным языком: «Разве я не должен в большей степени доверять слову господина Кошле, чем секте, которую я уважаю за ее энергичные попытки оправдаться, но которая, в конце концов, сама замешана в этом деле?» Поддерживаемая председателем Совета министров и обсуждаемая им на ежедневных пресс-конференциях, эта кровавая басня распространялась во всех газетах на фоне воинственного настроения французов, включая, как сокрушались «Израильские архивы» («Les Archives Israélites»), «даже самых преданных идеям прогресса и либерализма». Что же касается тех, «чьи политические и религиозные взгляды отражали вчерашний день», то они нагнетали обстановку, выдвигая на первый план интересы государства и церкви. «La Gazette de France» писала: «Если хотят, чтобы евреи оказались невиновными, то придется обвинять мусульман и христиан; это печальная альтернатива»; согласно «La Quotidienne» — «их невиновность даже создаст более серьезную проблему; легко обвинять в глупости весь род человеческий, чтобы объяс-

нять его наследственную враждебность против народа торгашей». Так что имелось достаточно причин для обвинения евреев; в Париже было лишь две газеты, выступивших в их защиту— принадлежащий Ротшильдам «Le Journal des abats» и проявившая протестантскую солидарность «L'Espérance».

Напротив, во всех остальных западных странах, в том числе и в Великобритании, что достаточно необычно, общественное мнение, враждебное по отношению к Франции, по одной этой причине выступило на стороне евреев. Они же, стремясь очиститься от грязного подозрения, рассматривали эту проблему только в ее еврейском аспекте, поэтому только они интересовались лишь ее сутью, а не последствиями и политическими эффектами. Это положение вещей показывает, как в борьбе за собственную безопасность и честь они смогли служить делу правды, чему история в Дамаске послужила первым значительным примером,

Впервые объединившись после эмансипации на международном уровне, видные еврейские де-

ятели собрались в Лондоне. Представлявший Францию Кремье воскликнул: «Франция против нас!» Итак, в этих обстоятельствах он чувствовал себя скорее евреем, чем французом, и по крайней мере в этом смысле нападки Тьера попали в цель. Один из видных английских представителей, Бернард ван Овен, предложил, чтобы все раввины Европы принесли торжественную клятву, что еврейская религия не предписывает совершать человеческие жертвоприношения. В конце концов было решено послать к султану и Мехмету Али делегацию в составе Кремье, Моисея Монтефьоре и востоковеда Мунка. Делегация отправилась в путь на борту фрегата, предоставленного в ее распоряжение британским правительством. Но судьба евреев Дамаска оставалась в зависимости от исхода международного кризиса.

Развязка наступила с отставкой Тьера, к которой, по-видимому, имело отношение обращение Джеймса Ротшильда к Луи-Филиппу; рента понизилась, и мир был спасен. Настояли ли Ротшильды на отставке Тьера, облегчив таким обра-

зом мирное разрешение конфликта? Содействовали ли они в дальнейшем созыву международной конференции, чтобы перевязать раны, нанесенные французскому самолюбию? Все это область большой истории, которую историки объясняют каждый по-своему, в зависимости от своих концепций и имеющихся в их распоряжении документов. Что же касается еврейской истории, то она зафиксировала, что евреи были реабилитированы после капитуляции Мехмета Али и что в Париже больше не возникал вопрос о «кровавых обрядах Талмуда»; но ситуация была весьма опасной, и интрига, сплетенная безвестным графом де Ратти-Ментоном, послужила отправной точкой для создания международных организаций защиты евреев, начиная с Всеобщего израильского альянса.

Фантомы прошлого: вечные жиды

В 1842 году трое евреев—Кремье, Серфберр и Фульд были избраны в Палату депутатов французскими избирателями. Газета «Израильские архивы» торжествовала: «Кто говорит о распрях? После подобного результата они во Франции больше невозможны, у нас больше нет религиозных различий, наследственной ненависти, верований, которые убивают! Фанатизм лежит в развалинах, преследования умерли, предрассудки лежат без сознания!» В другой статье газета призывала «литературных маршалов, командующих великой армией прессы», навсегда отказаться от прилагательного «еврейский»:

«Не потому, что мы стыдимся нашей веры. . . —не дай Бог!—но потому, что во Франции в 1842 году эпитет еврей лишено смысла; потому что, как отмечает словарь Академии, слово «еврей» становится все более редким с каждым днем; потому что евреев, чья душа находится в Иерусалиме, а тело во Франции, в наши дни более не существует; потому что на французской земле больше нет еврейского народа. . . »

«Израильские архивы» обвиняли в сохране-

нии «слова, являющегося постоянным оружием, направленным против нас», романтическое движение и его популярных писателей:

«Каждый из них хотя бы раз в своей жизни стремился сшить себе камзол по средневековой моде, а когда их воображение иссякает, то они на скорую руку сочиняют историю про евреев. Нет ни одного романиста, ни одного начинающего новеллиста, ни одного самого ничтожного фельетониста, у которого в портфеле не было бы фантастической истории о евреях прошлого, рассказа о наших прошлых несчастьях, картины наших наивных преданий. Можно сказать, что со времени нашей великой исторической катастрофы самый ничтожный мазила имеет право на наши руины. Любите ли вы евреев?—этот вопрос можно услышать повсюду. В театре—от Шекспира до Скриба; в романах—от Айвенго до Поль де Кока; в газетах, с тех пор как появились писатели, сочиняющие фельетоны, и публика, готовая проглатывать каждый день по кусочку; наконец, повсюду в этом мире печатных изданий (. . .) крак! и вам сочиняют образ еврея, как жарят яичницу на

сковородке. . . Да сохранит вас небо от местных разновидностей этих господ!»

Это ценное свидетельство. Но напрасно «Израильские архивы» прилагали все возможные усилия, чтобы «сказать этим писателям, сочиняющим на нас карикатуры, что они искажают наш образ и что они несправедливо наряжают нас в устаревшие лохмотья». По мнению газеты самое худшее еще было впереди, потому что в 1844 году «Le Constitutionnel» начал печатать знаменитого «Вечного жида» Эжена Сю.

Напомним, что сам этот сюжет восходит к средним векам, но народная легенда о вечном жиде получила распространение в Европе в XVI веке, а в начале XIX века она стала общеизвестной и вошла в большую литературу. Гете, Шубарт, А. В. Шлегель, Brentano, Шамиссо, Гуцков в Германии, Байрон, Шелли и Вордсворт в Англии использовали этот сюжет. Во Франции народная версия в форме плача восходит примерно к 1800 году. В 1833 году Эдгар Кине сделал Агасфера символом, прометеевым или фаустовским, что не вполне ясно, трудящегося и стра-

дающего человечества. Сю придал своему персонажу то же значение. «Израильские архивы» могли бы возмутиться, что это означает слишком много чести для их единоверцев; без сомнения, это также было нарушением народного замысла обозначить с помощью мифа «образ еврейского народа, изгнанного от родных очагов за непризнание Христа и с тех пор скитающегося по миру и всегда хранящего, несмотря на преследования, достаточно туго набитый кошелек». Более того, эта легенда соответствует учению церкви в его основных пунктах: понятие вечного свидетельства, которое несет народ-свидетель, а также падение старшего брата, поскольку, скитаясь подобно Каину, вечный жид, как и он, отмечен знаком на лбу.

Оригинальность вечного жиды в его литературном варианте состоит в его прогрессистском и революционном аспекте в условиях Июльской монархии. Благородный и универсальный образ Кине вдохновил в конце 1834 года издание газеты того же направления—«Вечный жид, газета», ежемесячное обозрение прогресса. Редакция так

объясняла свою позицию в первом номере;

«Вечный жид! Услышав это имя, каждый останавливается и в ужасе склоняется перед величием Господа—ребенок, крестьянин, знатная дама. . .

Вечный жид, согласно священникам, это еврейский народ, вечно рассеянный среди других народов, но не смешивающийся с ними, не становящийся их братом, одинокий среди народов земли, исполняющий таким образом божественные пророчества и проклятия. . . По нашему мнению, это путешествующее человечество, это прогресс на марше, вот почему в качестве нашего объединяющего знамени мы выбрали это заглавие, одновременно популярное и символизирующее будущее. . . »

Таким был вечный жид и согласно Эжену Сю. Этот скромный ремесленник, который обрек всех ремесленников—своих потомков, всех проклятых земли на «вечные муки», был также, как известно, орудием на службе антииезуитской военной машины. По своему успеху этот роман не уступал «Парижским тайнам», что вызвало много-

численные подражания. Прежде всего, это была опубликованная в следующем году «Вечная жи́довка» Леона Леспеса, девушка-вамп, у которой при ближайшем рассмотрении не было ничего еврейского, кроме названия. В качестве своего ответа в 1847 году Коллен дю Планси опубликовал «Вечного жи́да», получившего одобрение архиепископа и отличавшегося яростной несправедливостью, перерезавшего горло христианским детям и разбивавшего черепа первым встречным. В 1848 году появился новый «Вечный жи́д», периодическое революционное издание, оказавшееся таким же эфемерным, как и его предшественник 1833 года. В том же году вечный жи́д появился и в театре; это был спектакль по роману Эжена Сю в театре «l'Ambigu-Comique»; опера получила своего вечного жи́да в 1851 году—музыка Галеви, слова Скриба и Сен-Жоржа. Это был злодей, чей внешний вид приводил в «ледяной ужас» его собственного сына:

Агасфер (обращается к своим детям) -

Не бойтесь ничего! Кровь, которую
хотят пролить, дети мои, это

моя кровь!

Л е о н—Нет, нет! Я не хочу твоей
ужасной помощи!

Это ты навлекаешь несчастья на на-
ши головы! Уходи!

Теодора (обращается к Леону) —

Не будь бесчувственным к его страда-
нию!

Агасфер (с отчаянием)—О, неумоли-
мый рок!

Л е о н—Твое имя, твое проклятое
имя приводит меня в ледяной
ужас!

Этот еврей мог жить на оперной сцене до
дня Страшного суда. В том же году находивший-
ся в брюссельской ссылке Александр Дюма при-
нялся за еще более необычайного вечного жи-
да: это был еврей—«христианин и евангелист. . .
конечно, что-то от Байрона, постоянное успокое-
ние. . . будущее, мир, каким он станет через тыся-
чу лет—Силоо, второй сын Бога—последний день
Земли—первый день планеты, которая придет ей

на смену». В общем, галактический вечный жид, но появилось всего два тома вместо предусмотренных двадцати или двадцати пяти, поскольку императорская цензура запретила это издание, которое по замыслу автора должно было стать одновременно всеобщей и сверхъестественной историей человечества.

Эта романтическая напыщенность оставалась тем не менее весьма поверхностной в том смысле, что у великих творцов той эпохи образ еврея в целом был не менее разнообразным или не менее произвольным, чем у ведущих писателей эпохи Просвещения. Так, Виктор Гюго чисто романтического периода проявил себя достаточно жестоким. В одном фрагменте, относящемся к его ранней молодости (1819 г.), ясно ощутимо влияние Вольтера или деистов: массовые убийства, совершаемые крестоносцами, оправдываются не богоубийством, а как «кровавая месть за библейские побоища, совершенные евреями». Однако в заключение молодой Гюго осуждает религиозную вялость своих современников: «Сегодня очень мало евреев, остающихся евреями, очень

мало христиан, остающихся христианами. Больше нет презрения, больше нет ненависти, потому что больше нет веры. Огромное несчастье!»

Не следует ли видеть за этим пафосом смутное беспокойство, порожденное в самых разных сферах общества эмансипацией евреев? В дальнейшем Гюго поместит в «Кромвеле» и «Марии Тюдор» евреев, вызывающих достаточно сильное беспокойство. Раввин Манассия бен Исраэль, который договорился о возвращении евреев в Англию, демонстрирует жажду христианской крови: «Какая разница, которая из двух соперничающих сторон потерпит поражение? В любом случае христианская кровь потечет ручьями. По крайней мере я на это надеюсь! В этом вся прелесть заговоров».

Не случайно Кромвель бросает этому раввину в лицо, что он заслуживает обращения «мерзкий еврей и богоубийца». Столь же оправданными представляются зрителю фразы «еврей, который говорит, это уста, которые лгут» и «ложь и воровство—в этом весь еврей!», адресуемые Фабиани еврею Жильберту в «Марии Тюдор».

Но все это были лишь драматические и коммерческие приемы молодых романтиков, и поэт, который, по уверению Дрюмона, «скончался, окруженный евреями», успел в «Торквемаде» (1882 г.) принести публичное покаяние Израилю.

На первый взгляд кажется, что Ламартин противостоял молодому Гюго почти как Руссо противостоял Вольтеру. В своем «Путешествии на Восток» он заявляет о своей любви к евреям, одному из этих «народов духа... которые идеализировали политику и сделали преобладающим в жизни народов божественный принцип», Подобно Руссо, он говорит о своей провиденциальной сионистской надежде:

«Такая страна, вновь заселенная молодым еврейским народом, который будет ее возделывать и орошать своими умелыми руками, страна, оплодотворяемая тропическим солнцем... — такая страна,—говорю я,— уже сегодня станет страной для отдыха, если Судьба вернет ей народ и политику спокойствия и свободы».

Здесь слышны ноты «Савоярского викария», а немного позже Ламартин добавляет к «Жосе-

лину» эпизод с еврейским разносчиком:

«Бедный разносчик умер прошлой
ночью. Никто не хотел дать
досок на его гроб;

Кузнец отказался дать гвозди:

«Это еврей, сказал он, пришедший
неизвестно откуда,

Враг Господа, которого почитают в
нашей стране

И которого он бы снова оскорбил, ес-
ли бы тот вернулся...»

Жена еврея и его маленькие дети

Напрасно взывали к жалости прохо-
жих».

Священник Жоселин наставляет свою паст-
ву: «Я внушил христианам стыд за жестокость
их душ». Притча, которую он им рассказывает,
возвращает им добрые чувства: «Мораль этой
драмы перевернула им душу, и они поторопились
на помощь женщине и детям».

Другие авторы не высказывались на тему бу-
дущего Израиля, и евреи лишь эпизодически по-

являлись в их произведениях, что не дает возможности судить об их личных чувствах; возможно, они не имели никаких особых чувств по этому поводу. Так, Альфред де Мюссе представляет в «Зеленом сюртуке» еврейского старьевщика Мюниуса; но этот старый мошенник в свою очередь оказывается обманутым гризеткой Маргаритой и ее друзьями. Аналогичная ситуация и со Стендалем, у которого еврей (Филиппо Эбрео) вначале появляется как человек, рассказывающий автору о своей авантюрной жизни. В этом рассказе обращает на себя внимание замечательное резюме Стендаля:

«Такова жизнь, которую я вел с 1800 по 1814 год. Казалось, на мне было благословение Божие.

И еврей обнажил голову с трогательным почетом».

У Жорж Санд можно обнаружить биржевого игрока эпохи Лоу (Лоу (1671-1729)— шотландский финансист, основавший в Париже банк, ставший Королевским банком, а также торговые компании, а затем обанкротивший-

ся. (Прим. ред.)) по имени Самуэль Бурсе, вымышленного племянника знаменитого финансиста Самуэля Бернарда, которого романистка, как и многие поколения историков, ошибочно считала евреем.

В мире Бальзака евреи представлены в изобилии, срисованные с природы и часто узнаваемые (Нусинген = Ротшильд, Натан = Гозлан, доктор Хальперсон = доктор Корэфф или доктор Кноте). Всего их можно насчитать около тридцати. Среди них можно встретить куртизанку «несравненной» красоты, Магуса—ростовщика, торгующего картинами, и Гобсека—просто ростовщика. Но писатель не проявляет против них никакого предубеждения. Иначе обстоит дело с некоторыми другими его персонажами. Леди Дадли, принимая писателя Натана, говорит своей подруге; «Имеются удовольствия, мой ангел, которые стоят нам очень дорого» («Лилия в долине»). Студент Жюст «сказал в 1831 году, что должно случиться, и это действительно случилось: убийства, заговоры, господство евреев» («З. Маркас»). Сам Бальзак отмечал жесткость провин-

циального остракизма: «Происхождение мадемуазель де Вильнуа и предрассудки, сохраняющиеся в провинции против евреев, не позволяли ей, несмотря на ее состояние и состояние ее опекуна, быть принятой в том эксклюзивном обществе, которое по праву или нет называло себя знатью» («Луи Ламбер»). Высшее парижское общество, как мы уже видели, умело быть не столь приверженным традициям.

У нас был уже повод дважды процитировать Шатобриана. Этот бретонский дворянин питал к евреям стойкую ненависть, иногда радуясь упадку губителей Христа («род человеческий поместил еврейский народ в лазарет, и его карантин, провозглашенный с Голгофы, закончится лишь с концом света»), иногда ревнуя к их процветанию («Счастливые евреи, торговцы распятием, которые сейчас правят христианством... Ах! если бы вы захотели поменяться со мной кожей, если бы я хотя бы мог проникнуть в ваши сейфы и украсть у вас то, что вы награбили у детей, я стал бы самым счастливым из людей»). Противоречие между этими двумя отрывками из

«Мемуаров с того света» не могло быть снято иначе, чем путем наделения евреев сверхъестественными способностями. Похоже, что Шатобриан приписывал влиянию Ротшильда крах своей политической карьеры.

Как мы уже говорили, подобные чувства характерны для знати, которая не хотела смириться с новым социальным порядком. У Альфреда де Виньи можно видеть эту кастовую злобу, отягощенную странностями и недостатками его характера и принявшую у этого желчного мыслителя почти навязчивую форму. Если в драматургии его еврей (Самуэль Монтальто из «Маршала д'Анкара», «богатый и скупой, смиренный и неискренний») всего лишь аналог Манассии бен Израэля Гюго и его бесчисленных конкурентов, то его «Дневник поэта» содержит целый ряд высказываний, свидетельствующих об этой навязчивой идее.

В человеке еврейского происхождения, кем бы он ни был, Виньи постоянно видит сначала еврея и только потом человека. «Гейне—еврей...», затем следует описание этого пер-

сонажа, «холодного и злого», который не нравился Виньи (1832). «Спиноза—еврей. . . », затем следует краткий очерк «системы» его «Этики» (1833). В 1847 году Виньи отмечает «замечательный факт: г-н Хальфен (еврей) назначен мэром второго округа Парижа». «Дневник поэта» исчерпывающе показывает нам, как Виньи воспринимает мир. Это ужасный мир, в котором все меняется от плохого к худшему: «Париж, печальный хаос, с раннего утра наделяет меня печалью, которую он несет в себе, печалью старого города, головы старого социального туловища». «Буржуазия—хозяйка Франции, она владеет ею в длину, ширину и глубину». «Человек вновь превращается в обезьяну». Подобный мир и был уделом графа де Виньи, которого, по его уверениям, «подавляли с самого детства». Странно? Вот ответ: «В моей жизни были тысячи случаев, когда я видел, что знатные люди во Франции подобно цветным в Америке подвергаются преследованиям до двадцатого поколения».

Кроме того этот мир был совершенно еврейским. Размышления по этому поводу, которые со-

общает нам Виньи, являются или его частными взглядами, или заметками писателя для будущих произведений, но между взглядами человека и их преобразованием под пером художника не всегда можно провести границу. К тому же здесь имеется достаточно противоречий, если только речь не идет о постепенной эволюции в течение многих лет. В апреле 1837 года еврей был зачинщиком и главным триумфатором Июльской революции:

«Евреи оплатили Июльскую революцию, потому что им легче манипулировать буржуазией, чем дворянством.—Еврей платит Просперо. . . Этот еврей красивый, толстый, бледный, счастливый и торжествующий над христианами, которые во всех странах обожают золотого тельца.—В последней главе он рассказывает, что турецкий султан и папа принимают его одинаково хорошо, и что он купил один крест для императора, а другой для короля.—Мир лежит у его ног.—Герцогини оказывают ему почести в своих салонах, когда ему угодно, а христианские бароны смиренно служат ему. . . »

Двадцать лет спустя, в марте 1856 года этот

еврейский триумф описывается в совершенно других тонах:

«Заметка о евреях.—Это восточное и пламенное племя (la race), прямые потомки патриархов, преисполненные всеми древними знаниями и гармонией, обладают высшими способностями, которые ведут их на вершину успеха в делах, литературе и особенно в искусствах и музыке, в большей степени, чем в остальных изящных искусствах. Всего лишь сто тысяч израильтян обособились среди тридцати шести миллионов французов, но они без конца получают первые призы в лицах. Четырнадцать из них завоевали первые места в Нормальной школе (Высшая нормальная школа в Париже—одно из самых престижных учебных заведений Франции. (Прим. ред.)). Пришлось сократить число тех, кому разрешается участвовать в конкурсе на публичных экзаменах».

Что касается Виньи как писателя, то в «Дафне», неоконченном произведении, которое, судя по всему, является своеобразным автопортретом, он полностью открывает свои чувства

по поводу интересующего нас предмета. Иудео-христианская противоположность обозначается там следующим образом: с одной стороны, другие, неверные, Юлиан Отступник и его языческие или христианские друзья, философ Ливаний (Наставник Иоанна Златоуста в ораторском искусстве. (Прим. ред.)) или Иоанн Златоуст, которые спорят, борются, страдают; с другой стороны, молодой торговец-еврей Иосиф Йехайя, бесстрастный зритель этих диспутов, борьбы и страданий, образ автора или по крайней мере его совести. Иосиф Йехайя не обычный торговец, он запросто посещает императора и не уступает в культурном отношении ему и его придворным; будучи сам философом, он не может «не восхищаться тем, как все изменения среди идолопоклонников неизбежным образом ведут к возрастанию нашего могущества в мире».

На всем протяжении повествования мы встречаем лишь невыразимые чувства, острое беспокойство августейших протагонистов о будущем человечества—будет ли лучше для человечества обратиться в христианство или остаться

ся языческим?—и кажется, что еврей-философ также разделяет эти чувства и заботы. Но в самом конце, когда «глупые и жестокие» христиане убивают язычников и разрушают их храм, Иосиф Йехайя за бесценок выкупает у них соколовища язычников, после чего сбрасывает маску: «На это можно восстановить большую часть Храма Соломона. Так, благодаря нашей настойчивости, наш священный народ выкапывает под ногами всех других народов шахту, полную золота, в которую они попадут, станут нашими жалкими рабами и признают наше вечное господство. Да возрадуется Бог Израиля!..»

Угрозы будущего: социалистические движения

Если Шатобриан и даже Виньи использовали против евреев старые аргументы из католических арсеналов, то в течение первой половины XIX века церковь воздерживалась от ведения кампании против них. Было ли это следствием еще слишком жгучих воспоминаний о Революции и нападках Вольтера? В любом случае почти невозможно встретить представителей духовенства среди антисемитских полемистов того времени. Единственным заметным исключением был итальянский аббат Кьярини, «профессор восточных древностей» в Варшаве, опубликовавший в 1829 году в Париже на средства императора Николая I свою «Теорию иудаизма применительно к реформе израильтян во всех странах Европы». Этот труд, муссировавший старые басни о ритуальных убийствах и отравлении колодцев, вызвал некоторый шум, а «Израильские архивы» включили его автора в число самых крупных клеветников в области истории иудаизма.

В остальном католические специалисты по борьбе с иудаизмом пополняли свои ряды из числа обращенных в христианство евреев, таких, как

аббат Драх, братья Ратисбонны или Серфберр де Медельсгейм, чей опус «Кто такие французские евреи» (1842 г.) разошелся в количестве двадцати тысяч экземпляров и, по всей видимости, привлек внимание Виньи. Однако он заслуживает того, чтобы его извлекли из забвения по другой причине. В нем имеются черты, которые характеризуют тогдашнее общество: если верить этому сочинению, то при Июльской монархии еврей мог получить доступ к добродетели и религии, только когда ему удавалось сделать себе состояние:

«... хотя немецкий еврей обычно умирает без покаяния, иногда случается, что он исправляется, особенно если он разбогател. Тогда такие евреи становятся по-настоящему добрыми и благородными: они творят добро, не выставляя его напоказ, живут без роскоши и спеси; они дают своим детям солидное либеральное образование; они являются полезными гражданами, и родина может рассчитывать на них в час опасности; они честны и законопослушны, признают заблуждения своего народа, и поскольку никакой интерес не заставляет их скрывать свои чувства, они при-

знают истину и почти все принимают христианство».

Хорошо понятно, что в эту эпоху крупные антиеврейские кампании начинались совсем в других местах. Но любой проект радикальной реорганизации общества наталкивался на всем протяжении западной истории на различные образы евреев, иногда скрытые под мессианизмом Израиля, чаще стремящиеся превратить еврея в антисимвол. Этот феномен с особой ясностью выступает в случае французских социалистических движений.

Прямой наследник Просвещения, Сен-Симон, видимо, не проявлял личного интереса к этой проблеме, по поводу которой его перо оставило лишь несколько невыразительных строк. Но среди его немногочисленных учеников было два молодых еврея, Леон Галеви и Олинд Родриг, а когда после его смерти сенсимонистское движение стало набирать силу, многочисленные сыновья Израиля оказались в числе его активистов или сочувствующих. Учение, которое рассматривало как достойное занятие торговлю и финан-

сы, имело привлекательность для потомственных специалистов в этих областях, утративших корни в результате эмансипации и, без сомнения, ищущих новые способы социальной интеграции. Этот союз между молодыми евреями и сенсимонизмом нашел свое выражение не только в «филосемитизме» последнего, но и в том, что относилось к эсхатологическим претензиям этой группы, в обращении к Востоку, в поисках «Матери», одновременно всеобщей и еврейской. В результате это способствовало отождествлению в глазах общественного мнения сенсимонистов с евреями, которое базировалось на более глубоком основании.

Известно, чем закончилась сенсимонистская эпопея и как братья Перейры, а также братья Талаботы, Мишель Шевалье и сам глава группы Анфантен нашли свое место в банках и административных советах компаний. В финансовом мире тогда получило распространение высказывание, приводимое Таксилем Делором;

«Вы не добьетесь успеха, сказали одному промышленнику, основавшему крупное предпри-

ятие, в вашем административном совете нет евреев. Успокойтесь, ответил тот, у меня есть два сен-симониста».

Другие наблюдатели воспринимали вещи более трагически. Диатриба Капфига в его «Истории крупных финансовых операций» является показательной и по-своему глубокой:

«Зачем это отрицать? Мы живем в сен-симонистском и еврейском обществе. Напрасно пытались избежать этого; все стремится именно туда. Когда магистратура с характерным для нее благородным и святым достоинством приговорила в 1832 году руководителей сен-симонистов (теперь богатых и удостоенных почестей) к исправительной тюрьме, она предупреждала общество о том, что подобные учения делают с миром: семья гибнет, собственность дробится; деревенское население уходит в города, жители мелких городов—в крупные; машины порождают скрытое рабство; железные дороги—монотонное оцепенение, вавилонское существование, где для развлечений есть только наркотический дым нового опиума. . . »

Было очень много таких напутанных современников, которые считали еврейскими все необратимые изменения современного мира, которые были пророчески указаны Сен-Симоном и его последователями. Другие теоретики социализма, враждебно относящиеся к промышленной революции, более точно выражали народный протест, и под влиянием сектантского соперничества они в своем большинстве были более или менее ярко выраженными антисемитами.

Прежде всего упомянем Шарля Фурье. В сочинениях этого бывшего коммивояжера можно найти обвинения, выдвигавшиеся торговцами XVIII века (См. предыдущий том. «История Антисемитизма. Эпоха веры», с. 381-384.). Его устами с нами говорит самый косный мелкобуржуазный дух, когда Фурье выступает как выразитель взглядов ощутивших угрозу конкурентов в своей «апологии еврея Искарриота и шести христиан»:

«Еврей Искарриот прибыл во Францию с капиталом в сто тысяч ливров, которые он заработал благодаря своему первому банкротству. Он обосновался в городе, где у него были сопер-

никами шесть уважаемых и известных торговых домов. Чтобы лишить их популярности, Искарriot начал с того, что продал все свои товары по себестоимости. Это было верное средство привлечь толпу на свою сторону. Вскоре конкуренты Искарриота стали громко возмущаться. Но тот лишь улыбался и продолжал как и раньше продавать товары по себестоимости. Народ был в восторге и кричал: да здравствует конкуренция, да здравствуют евреи, философия и братство. После приезда Искарриота упали цены на все товары. Публика говорила торговцам из соперничающих торговых домов: «Господа, это вы настоящие евреи, которые хотят чрезмерно заработать. Искарriot—честный человек, ему хватает скромных доходов, потому что у него нет такой роскоши как у вас». Напрасно старые коммерсанты доказывали, что Искарriot—это замаскировавшийся мошенник, который рано или поздно организует банкротство, публика обвиняла их в зависти и клевете и все больше и больше вставала на сторону израильтянина. . . »

Мошенническое банкротство не замедлило

произойти, и Искарот скрылся с деньгами в Германии, куда он отправил товары, купленные в кредит. Более того, постепенно он вовлек в свое падение шесть христианских домов, и «таким образом появление одного бродяги или одного еврея оказывается достаточным, чтобы полностью дезорганизовать корпорацию торговцев большого города и принудить честных людей к совершению преступления»,

Следует ли удивляться, что преступника в этой апологии зовут Искариотом? Мы уже говорили, что экономические предубеждения основываются на богословских. Не претендовал ли Фурье (в своем «Ложном предпринимательстве») на то, чтобы стать «выразителем общественных интересов, пришедшим после Иисуса», «пророком, идущим по его следам»?

К тому же этот пророк, находившийся в тесной связи с реальностью, хорошо знал, что во Франции ростовщицеством занимались христиане, «исконные жители страны» по его выражению. Но в его глазах еврейское ростовщицество представляло больше опасности, а еще бо-

лее пагубной была эмансипация евреев: стоит им только распространиться по Франции, писал он в 1808 году, и страна «станет лишь огромной синагогой, потому что если евреи будут владеть лишь четвертой частью собственности, они будут обладать преобладающим влиянием благодаря своему тайному и нерушимому союзу».

Фурье также писал, что если и существуют честные евреи, то это лишь подчеркивает пороки этой секты. Другим доказательством их низости служил отказ делить с христианами хлеб и соль—ничто не могло сильнее шокировать этого любителя вкусно поесть. По этому поводу Фурье приводил следующий анекдот:

«Однажды глава Великого Синедриона был приглашен на обед к великому канцлеру; он ограничился тем, что сидел за столом и пил, но отказался есть какое-либо из блюд, потому что они были приготовлены христианами. От христиан требуется большое терпение, чтобы сносить подобную бесцеремонность, которая символизирует в еврейской религии систему презрения и отвращения к другим сектам. Однако разве та

секта, которая желает сохранять ненависть даже за столом своих покровителей, заслуживает этого покровительства? Этот отказ принимать пищу со стороны главы евреев разве не подтверждает подлинность всех гнусностей, в которых их обвиняют, среди которых имеется и принцип, что красть у христианина это не воровство?»

У Фурье практически нет сочинений, в которых бы отсутствовала своя доля нападок на евреев, за исключением его последнего труда «Ложное предпринимательство». Без сомнения, в конце своей жизни он надеялся заинтересовать Ротшильда своими идеями: в любом случае он сравнивал его с Ездрой и Зоровавелем и даже предлагал ему трон Давида:

«Возрождение евреев стало бы прекрасным венцом деятельности господ Ротшильдов, они могут подобно Ездre и Зоровавелю привести евреев в Иерусалим и восстановить там трон Давида и Соломона, чтобы посадить на нем династию Ротшильдов. Это предсказание кажется мечтой, но его очень легко воплотить в жизнь за шесть месяцев при поддержке всех монархов. . . »

Ученики Фурье не сложили оружия после его смерти. Во время революции 1848 года «La Démocratie pacifique» писала: «Присутствие г-на Кремье в министерстве юстиции представляет серьезную опасность... Израильтяне, являющиеся честными республиканцами, врагами фаворитизма и придворных клик, не обидятся на наши слова: Франция хочет совершить революцию, а не шабаш!» В дальнейшем, во время дела Дрейфуса «La Démocratie pacifique» проявляла яростный антисемитизм. Можно также потревожить тень Достоевского, который после того, как сжег все, чему поклонялся, сохранил от своего фурьеризма лишь юдофобию: в этом отношении пути, ведущие в Дамаск, редко бывают пройдены до конца.

Рассеянные по разным сочинениям у Фурье, антиеврейские нападки были сконцентрированы у его последователя Туссенеля в книге «Евреи, короли эпохи» (1844). Прежде чем его сменила «Еврейская Франция», этот труд был классическим в своем жанре, и Дрюмон мечтал только о том, чтобы достичь его уровня («Памфлет,

философское и социальное эссе, труд поэта и мыслителя, замечательная книга Туссенеля; моя единственная цель после долгих лет литературного труда, в чем я открыто признаюсь, состоит в том, чтобы моя книга могла занять место рядом с ею книгой на полках библиотек тех, кто хотел бы понять причины, толкнувшие нашу страну на разрушение и позор»). Его основной исторический интерес состоял в том, чтобы пролить свет на употребление термина «еврей» в эпоху, когда он начинает восприниматься как воинственный клич. Невозможно превзойти Туссенеля в трактовке этой темы: «Я называю презренным именем еврея любого бродячего торговца, любого паразита, не занимающегося производством, живущего за счет труда других. . . А кто говорит как еврей, говорит как протестант, так что ужасно, что англичане, голландцы, женеvцы, которые учатся понимать волю Божью по той же книге, что и евреи, питают по отношению к законам равенства и правам трудящихся то же презрение, что и евреи».

Далее этот круг расширяется и включает во-

обще всех чужестранцев. Особенно сильно нападая на Англию в связи с торговлей опиумом, Туссенель доходит и до упреков папе, который «хранит молчание. Уже очень давно Бог Евангелия не имеет на земле своего vicария! Vicарий Христа это старик, берущий в долг у евреев. . . ». В книге «Евреи, короли эпохи» в целом имеется много глав, в которых евреи вообще не упоминаются.

Более тонким был христианский социалист Пьер Леру, чей труд, опубликованный в 1846 году, также назывался «Евреи, короли эпохи». Под пером Леру еврей становится амбивалентным символом рода человеческого: «Проникая к самым корням всех зол, терзающих человечество во всех его частях, мы должны сказать, что если зло в своей особой форме проявляется именно у этого народа, это не означает, что по данной причине оно специфически присуще этому народу и поражает только его: в разной степени зло поражает всех людей». Леру говорит об «ужасном предрасположении этого народа», но взамен он предвидит для него самое великое будущее: «. . . мы не всегда будем ви-

деть этот отвратительный образ, который присущ ему сегодня. Он примет более благородный образ, более молодой, улыбающийся; он перестанет походить на еврея Шейлока; и я надеюсь увидеть его возрождение в чертах назарянина, которого иудеи распяли и которого они по-прежнему распинают и сегодня своей биржевой и финансовой активностью». Все эти высказывания, каковы бы ни были цели их авторов, повторяли проповеди народных предсказателей средних веков, нищенствующих монахов или членов еретических братств, которые претендовали на обладание евангельским посланием и подстрекали против ростовщиков-богоубийц христианский народ, жаждавший справедливости. Религиозные основы социалистических движений выступают особенно четко в свете их антиеврейской агитации. Однако времена изменились: антисемитская направленность перестала быть неизбежной; у многих ранних социалистов, таких как Этьенн Кабе, Константен Пекер, Луи Блан и Опост Бланки, она отсутствует. Даже в лоне фурьеристского движения такие активисты, как Виктор Аннекен

и Жан Чински, имели смелость встать на защиту евреев. Можно сказать, что антисемитизм индивидуализируется и даже интериоризируется; подобно религии он становится частным делом. Но это дело часто принимает искаженные пропорции, как, например, у Пьера Прудона.

Для этого видного теоретика французского социализма еврей был дурным принципом, сатаной, Ахриманом, и, возможно, он был первым во Франции, кто видел этот принцип воплощенным в расе, а именно в потомках Сима. Вот как он развивал эту концепцию:

«По своему складу еврей не является производителем нигде—ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности, ни даже по-настоящему в торговле. Это посредник, при этом всегда мошенник и паразит, который действует в делах, как и в философии,

путем фальшивок, подделок, обмана. Он знает только повышение и понижение курса, риски транспортировок, неопределенность в видах на урожай, случайности спроса и предложения. Его экономическая политика всегда негативна;

это дурной принцип, сатана, Ахриман, воплощенные в семитской расе». Если согласно Прудону в современном мире еврей имеет полную свободу, чтобы оказывать свое тлетворное влияние, то это происходит потому, что мир глубоко испорчен. Не случайно этот революционер в своем главном труде («О справедливости...») под заголовком «Декаданс» обвиняет евреев в том, что они «сделали по всей

Европе высшую и низшую буржуазию похожей на себя». Здесь легко узнать аргумент, выдвигавшийся в 1808 году Бональдом, непосредственно у которого, вероятно, Прудон черпал свое вдохновение. В самом деле, в связи с проблемой декаданса он обращался к Наполеону и Шатобриану, «герою и барду»; но напрасно «Наполеон попытался пробудить религиозное чувство с помощью Конкордата... получилось, что он заставил христианскую душу вернуться в тело неверующего». Еще более бесполезными представляются Прудону при современном положении вещей попытки бороться против «властелинов эпохи»; «их высылка сегодня абсолютно

ни к чему не приведет». В своем времени Прудон видит многочисленные признаки упадка, среди которых он пере

числяет уменьшение роста призывников и порчу пород лошадей. Эти пессимистические ноты, эти иллюзии и навязчивые идеи—все это уже современный антисемитизм, и в Германии Вагнер скажет то же самое и многое сверх этого. У Прудона следует особо отметить смешение теологии и расизма. Для него евреи поставили себя «вне рода человеческого», отвергнув Христа. Его теология становится менее банальной, когда он противопоставляет (в книге «О справедливости. . .») еврейский политеизм индогерманскому монотеизму, разве Иегова не называется в Писании «Господом господ» или «Богом воинств»? «Это иерархический политеизм. . . Монотеизм в настолько малой степени является еврейской или семитской идеей, что можно говорить об отвержении им потомков Сима. Именно это выражается в обращении апостолов к евреям, упорствующим в своем партикуляризме: поскольку вы отвергаете слово Господа, всеобщего Бога, мы уxo-

дим к язычникам. Монотеизм является творением индогерманского духа; он мог возникнуть только здесь. . . »

Таким образом, новая расовая антропология, разработанная преимущественно в Германии, оказалась поставленной на службу глобального видения мира. Прудон еще смягчает свои истинные чувства, поскольку те, что он доверяет своим «Дневникам», не очень годятся для публикации: «Евреи—это антисоциальная, упрямая, дьявольская раса. Они были первыми создателями зловерного суеверия, называемого католицизмом, в котором еврейские элементы ярости и нетерпимости всегда преобладали над другими элементами, греческими, латинскими, варварскими и др., и надолго стали проклятием рода человеческого. . . Таким образом влияние еврейских элементов в христианстве объясняется особенностями этого народа—прекрасная тема для исторического исследования». Подобно Вольтеру он забывает свой антиклерикализм, когда сталкивается с евреями: «Когда Кремье говорит с трибуны по какому-то вопросу, к которому

прямое или косвенное отношение имеет христианство, он всегда подчеркивает: ваша вера, которая меня не касается; ваш Бог, ваш Христос, ваше Евангелие, ваши братья в Ливане. Так поступают все евреи; они соглашаются с нами по всем пунктам в той мере, в какой они могут извлечь из этого выгоду; но они всегда озабочены тем, чтобы отойти в сторону—они воздерживаются! Я ненавижу этот народ».

После чего Прудон переходит к проблеме женской заработной платы, причем он считает, что она должна быть ниже, чем у мужчин: «И к тому же хорошо, чтобы женщина чувствовала превосходство мужчины и чтобы любовь соединялась у нее с чувством защищенности и преданности ее слабости и очарованию». Но в евреях для него не было никакого очарования: несколько месяцев спустя он набрасывает программу прогрессивных действий, подобную той, которая будет применяться в Европе во второй четверти XX века: «Евреи. Написать статью против этого народа, отравляющего все, проникающего повсюду, но никогда не смешивающегося ни с одним

народом.—Требуйте их высылки из Франции за исключением тех, кто женат на француженках.— Запретить синагоги, не допускать их ни к одному делу, наконец, стремиться к запрещению этой религии. Христиан« назвали их богоубийцами не без причины. Еврей—враг человеческого рода. Следует выслать этот народ в Азию или уничтожить его».

Эти приступы ярости Прудона невозможно в полной мере объяснить влиянием Фурье или его распрями с Карлом Марксом, которого он называл «солитером социализма», еще меньше его теологическими занятиями или деревенским происхождением. Возможно, все это сыграло свою роль, накладываясь друг на друга, возможно также, что были правы те историки, которые хотели видеть в этом апостоле средних классов предшественника фашистов (мы не станем вступать в эти дискуссии). Чтобы лучше его понять, необходимо сначала познакомиться с другими объектами его ненависти, а также с другими страхами.

Перечисляя в книге «О справедливости...»

признаки упадка во Франции, он включает туда иностранное завоевание: «Пока евреи владевают банками и кредитной системой, господствуют над мануфактурами и с помощью ипотеки контролируют собственность, армии бельгийских, немецких, английских, швейцарских и испанских рабочих вытесняют в промышленности французских рабочих и уже начали наводнять деревни». Прудон также писал Пьеру Леру: «Я хочу вернуть мой народ в первоначальное состояние, освободить его сразу от всех экзотических религий, от всех чужеродных учреждений. Достаточно долго греки, римляне, варвары, евреи, англичане господствовали над нашим народом (la race). . . » Франция французам? Ксенофоб в Прудоне заявляет о себе еще громче в неоконченном произведении «Франция и Рейн», опубликованном посмертно:

«Французская национальность. Захваченная англичанами, немцами, бельгийцами, евреями и т. д. Декларация прав человека, либерализм 1789, 1814, 1830 и 1848 годов оказались выгодными только для иностранцев. Какое дело

иностранцам до правительственного деспотизма? Они не относятся к нашей стране; они приезжают сюда только для того, чтобы ее эксплуатировать; поэтому правительство заинтересовано в том, чтобы покровительствовать иностранцам, которые незаметно вытесняют наш народ».

Далее следует план будущей работы: «Несколько энергичных страниц о евреях.—Масонство в Европе.—Народ, неспособный создать самоуправляемое государство, прекрасно справляется с эксплуатацией других народов. Его аналогии—чешские и польские эмигранты, греки и все, занимающиеся бродяжничеством». Эта работа никогда не была написана: мысль написать книгу о древних и современных евреях преследовала Прудона всю жизнь, и в том, что касается антисемитизма, этот человек, который по многим проблемам умел пересматривать свои суждения, всегда сохранял себе верность. Можно было бы также остановиться на Прудоне как противнике протестантизма, причем он доходил даже до оправдания отмены Нантского эдикта. Но нашего внимания больше заслужи-

вает его антифеминистский фанатизм.

В книге «О справедливости...» Прудон подвергает нападкам сторонников эмансипации, «которые упорно стараются изменить женщину и сделать ее такой, какой мы ее не хотим (...). Мужчина будет господином, а женщина должна подчиняться. *Dura lex sed lex* («Закон суров, но это закон»). «Завершенное человеческое существо, соответствующее своему предназначению, это мужчина, который благодаря своей мужественности достигает более высокого уровня мускульного и нервного напряжения, обеспечивающего его сущность и цели и, таким образом, максимальную энергию в труде и битве. Женщина— это уменьшенный вариант мужчины, которой не хватает одного органа, чтобы стать полноценным человеком».

Во что же превратится цивилизация, если это существо, лишенное органа, получит все права? Это будет кастрированный мир, мир евнухов:

«Итак, чтобы поставить [женщин] наравне с нами, необходимо сделать нашу силу и ум бесполезными, остановить прогресс науки, промыш-

ленности, труда, помешать человечеству мужественно развивать свое могущество, искалечить его тело и душу, извратить его предназначение, подавить природу, все это для прославления этой маленькой бедной души женщины, которая не способна ни соперничать со своим спутником, ни следовать за ним».

Далее, чтобы защитить мужские привилегии, Прудон обращается к высшим ценностям, какими для него являются справедливость, мужественное достоинство и целомудрие:

«Целомудрие является необходимым следствием справедливости, производным мужественного достоинства, принцип которого, как об этом уже говорилось выше, если и присутствует у женщины, то в гораздо более низкой степени. У животных самка ищет самца и подает ему сигнал; следует признать, что у женщин, таких, какими их создала природа и сформировало общество, дело обстоит точно так же. Вся разница между нею и другими самками состоит в том, что у нее течка происходит постоянно, иногда на протяжении всей жизни. Она кокетка, разве

этим не все сказано? В полях, в городе, везде, где играют вместе маленькие девочки и мальчики, почти всегда похотливость девочек вызывает холодность мальчиков. Кто среди мужчин обладает наибольшей чувственностью? Те, у кого темперамент ближе всего к женскому». Короче говоря, женщина «бесплодна по природе, инертна, лишена умения и рассудка, справедливости и стыда», она даже является «чем-то промежуточным между ним [мужчиной] и остальной частью царства животных».

Навязчивые идеи о женщинах, навязчивые идеи о евреях: все это заставляет думать, что порабощение одной и изгнание другого имели для Прудона сходное значение, так что по здравом размышлении имеется достаточно оснований, чтобы видеть в этом революционере, отставшем от своего времени, в этом буйном человеке, прототип фашиста XX века.

IV. ГЕРМАНИЯ

Арндт, Ян и германоманы

Культ германской расы, возникший в Германии в начале XIX в стал феноменом, не имевшим аналогий в других странах; среди различных вариантов европейского национализма, которые соперничали в области возбуждения массовой экзальтации, ни один не принял подобную животную форму. Между 1790 и 1815 годами происходит стремительный переход от идеи об особой германской миссии к прославлению немецкого языка, а отсюда и к воспеванию германской крови в рамках партикуляристского «контр-мессианизма», формирующегося как реакция на французский мессианистический универсализм. Драма Французской революции стала фундаментальной основой немецкой трагедии XX века, так что в интересующей нас области все или почти было сказано по ту сторону Рейна более чем за сто лет до зарождения гитлеровского движения.

В плане расового антисемитизма навязчивая германская идея чистоты крови ведет к осуждению евреев даже при отсутствии специально против них направленной ненависти. Наряду с интернациональным антисемитизмом, идейное

пространство которого наполнено образами евреев, возникает немецкий тип патриота, субъективно ненастроенного антисемитски, но исповедующего расовый миф и поэтому враждебного по отношению к евреям. Этот второй тип впервые заявляет о своем существовании в сочинениях двух крупнейших апостолов германохристианского расизма Эрнста Морица Арндта и Людвига Фридриха Яна.

Из этой пары Арндт получил более широкую популярность, и именно в нем нацисты видели своего великого идеологического предшественника. В этом они были совершенно правы: при жизни этого человека барон Штейн, чьим секретарем он был, повторял, что «по всей вероятности, Арндт принадлежал к племени краснокожих, поскольку он обладал нюхом охотничьей собаки в том, что касалось чувствительности к различиям по крови». Именно в крови, по мнению Арндта, находились корни превосходства немецкого «светозарного народа» («Lichtvolk»). Для этого набожного лютеранина немецкий народ был единственным обладателем истинной божественной

искры. Поэтому на протяжении всей своей жизни он не переставал призывать к борьбе против смешения кровей, или «вырождения», и требовал воздвигнуть непроницаемые преграды между народами, так что нацистские комментаторы даже имели возможность указывать на гораздо большую жесткость и педантичность его подхода по сравнению с гитлеровской доктриной и законодательством.

Ардт отождествлял человеческие расы с народами, в связи с чем он проводил различие между немецкой, французской, итальянской или русской расами и заявлял, что они воспроизводятся таким же образом как различные породы (races) собак или лошадей. Чтобы продемонстрировать негативное воздействие смешения рас, он ссылаясь на результаты опытов английских скотоводов. По всей видимости, во всем этом можно усматривать некоторые положения антропологии эпохи Просвещения, очень быстро доведенные до крайности в германской атмосфере той эпохи. Однако сам Ардт называл совсем иные источники своей теории. Он говорил, что идея чистоты

крови обнаруживается у древних германских племен, описанных Тацитом, а в качестве протестанта, читавшего Ветхий Завет, он также приводил в поддержку своих взглядов Божественный гнев против того, что «сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены» (см. Бытие, 6, 1-6). Таким образом в его глазах потоп был лишь справедливым возмездием за первое «вырождение».

Еврейская кровь, по мнению Арндта, была не лучше и не хуже любой другой чуждой крови. Когда он горячо выступал против допуска в Германию польских евреев, «этой язвы и чумы христиан», он не слишком далеко отходил от взглядов сторонников эмансипации, выражая надежду, что немецкие евреи быстро растворятся после принятия христианства. Арндт писал: «Опыт показывает, что как только они отказываются от своих странных законов и становятся христианами, особенности еврейского характера и склада быстро стираются, и во втором поколении уже с трудом можно узнать семя Авраама».

Бесчисленные варианты идеи германской из-

бранности находят свое выражение у романтиков. Такие поэты, как Новалис и Гельдерлин, по-своему выражают ее, а имена Адама Мюллера, Герреса и его друга Перта напоминают нам, что профессиональные границы не являлись для нее препятствием. У Фихте эта идея облекается в метафизические одежды, тогда как Фридрих Людвиг Ян придает ей более прямую и грубую форму. Более того, этот проповедник физической культуры смог создать массовое движение и психологические стереотипы, во многих аспектах предвосхищающие нацистские милитаризованные организации.

Подобно

Арндту «отец гимнастики» (Turnvater) Ян не был особенно озабочен проблемой «смешения с евреями» несмотря на то, что он являлся сторонником еще более примитивной расовой философии. Но именно он находится у истоков особой авторитарной структуры молодежных немецких ассоциаций и, прежде всего, студенческих обществ (Burschenschaften). Он оставил стойкие следы в европейской истории в самых разных

областях. Ему принадлежат такие термины, как *Turnep* ("гимнастика") или *Volkstum* ("народничество"), а также сочетание цветов: красный—черный—золотой—национальные цвета, ставшие официальными в обеих Германиях после 1945 года. Разумеется, его патриотическая программа заходила гораздо дальше. Искусства, литература и даже язык должны были подвергнуться чистке; следовало устранить иностранные имена собственные, включая библейские; для всех событий повседневной жизни, имеющих сколько-нибудь торжественный характер, например, посещение церкви, следовало надевать народные одежды (*Volkstracht*) зеленого цвета для маленьких девочек, красного—для девственниц, синего—для замужних женщин, коричневого—для пожилых матрон, оранжевого—для женщин легкого поведения.

В области международной политики его взгляды отличались наивностью: «Существуют границы, или естественные подразделения, которые становятся очевидными при беглом взгляде на географическую карту». Следует упразднить

такие наросты, как Португалия, которая является лишь опухолью на теле Испании. Хотя Ян был не единственным европейцем, превозносившим пользу войн, он находил особо сильные аргументы в поддержку этого подхода: на старости лет в 1848 году он называл своих современников «паразитами, порожденными длительным периодом мира, отродьем полностью прогнившей ситуации». Дополним картину его заботливым отношением к животным, которая была характерна и для многих других знаменитых германоманов. Наш герой требовал принятия полицейских мер защиты даже для майских жуков.

Итак, этот «отец гимнастики» был личностью, внушающей беспокойство; историк Трейчке говорил, что он хотел выдворить французов из Германии с помощью отжиманий от пола. Среди воспитываемых им спортсменов он пользовался особым авторитетом. Сразу после установления мира организованные им спортивные общества насчитывали около шести тысяч членов, большинство из них входили в *Burschenschaften*.

Таким был идол германских гимнастов и сту-

дентов, составлявших самую динамичную часть молодежи, которая после 1815 года мечтала об объединении родины и вдохновлялась магическими словами "свобода" и "революция". В Германии этой эпохи университеты, особенно протестантские, являлись основными очагами политической агитации. Но парадокс состоял в том, что программа этих первых немецких революционеров была весьма реакционной. Они были воинствующими шовинистами. Свое вдохновение они черпали в прошлом, каким оно рисовалось им в их воображении, и именно в этом духе они мечтали обновить университетские нравы.

Ардт и Ян независимо друг от друга разработали программы реорганизации студенческих ассоциаций, которые новые Burschenschaften старались воплотить в жизнь. Программа Ардта была более радикальной и более закрытой, поскольку в ней евреям запрещалось вступать в ассоциации. Этот вопрос вызвал большие дискуссии во многих Burschenschaften. По словам Трейчке, их члены «считали, что они составляют новое христианское рыцарство и проявляли по

отношению к евреям нетерпимость, напоминая об эпохе крестовых походов». В конце концов пришли к соглашению, что каждая ассоциация будет сама решать, какой политики придерживаться. Интересно отметить, что самые динамичные и самые радикальные среди них, как, например, ассоциация университета Гисена, руководителем которой был «немецкий Робеспьер» Карл Фоллен, т. е. те ассоциации, которые мечтали перейти к открытым действиям, настаивали на жизненной важности соблюдения религиозных предписаний и отказывались принимать евреев в свои ряды.

Гораздо легче достигалось единство в области антифранцузских настроений, так что ассоциация Йены, рассматривавшаяся как мать новых корпораций, в своих первых статутах постановила, что эти «вечные враги немецкого народа» никогда не могут быть допущены в ее члены. В этих статутах ничего не говорилось по поводу евреев. Кантианец Й. Фр. Фриз, приглашенный в Йену преподавать философию в 1814 году, имел прочную репутацию ярого противника ев-

реев. Гете писал: «Все евреи дрожат, потому что самый жестокий их враг обосновался в Тюрингии». Фриз добился изменения статуты в желательном смысле.

Ян и Фриз стали главными вдохновителями знаменитого празднества в Вартбурге в октябре 1817 года, в ходе которого одновременно отмечались трехсотлетие реформации и вторая годовщина лейпцигской битвы. По этому случаю в Йену съехались делегации четырнадцати других университетов, в основном протестантских, для учреждения общегерманской ассоциации "Allgemeine deutsche Burschenschaft". После торжественной церемонии, завершившейся богослужением, группа сторонников Яла устроила аутодафе книг и предметов, рассматривавшихся как антинемецкие и реакционные: административные акты соседствовали на этом костре с капральским жезлом, косой парика и «Германоманией», принадлежащей перу некоего Саула Ашера, что не позволяло питать сомнения относительно природы этих первых немецких освободительных чаяний. Ашер писал: «Разумеется,

они сожгли мою «Германоманию», потому что я утверждаю в ней, что все люди сделаны из того же материала, что и немцы, и что христианство не является немецкой религией». Это замечание, принадлежащее, кстати, довольно посредственному автору, свидетельствует о функции разрушителей мифов, которую станут осуществлять многие знаменитые его единоверцы по ту сторону Рейна.

Обходные пути экономического антисемитизма

Мы уже видели, что эмансипация евреев в германских государствах была неполной. В некоторых из них положение евреев почти не изменилось, как, например, в Саксонском королевстве, где их число было слишком незначительным, чтобы правительство позаботилось выработать свою позицию по этому вопросу. В результате вплоть до 1848 года положение евреев определялось там древними законами феодального периода. В других государствах случалось, что под вопрос ставились права, пожалованные евреям в 1800-1815 годах. Наиболее известный случай произошел в Пруссии после восшествия на престол в 1840 году короля Фридриха-Вильгельма IV.

Этот монарх, принимавший в молодости участие в «войне за освобождение», сохранил верность романтическим германо-христианским идеалам своего поколения. Фридрих Карл де Савиньи, знаменитый историк права, на которого была возложена ответственность за политическое образование будущего монарха, мог лишь укрепить его в этих взглядах. Ведь начиная с

1815 года он сравнивал евреев с иностранцами, проживавшими в древнем Риме, и требовал восстановления для них режима исключений. Среди сторонников возвращения к системе гетто значительное место принадлежало мыслителям немецкой исторической школы, к которым Гейне относился с таким же недоверием «как к жандармам и полиции». Вдохновляясь концепциями этого рода, Фридрих-Вильгельм IV среди других мер, которыми было отмечено его восшествие на престол, наградил Яна железным крестом и восстановил старого Арндта на его профессорской кафедре. С другой стороны, он хотел учредить для евреев режим, соответствующий их сверхъестественному предназначению. В результате он решил освободить их от военной службы, окончательно закрыть для них общественные должности и рассматривать их как «изолированный народ», находящийся под особым покровительством. В результате он надеялся «исполнить волю небес и доказать евреям, что на них распространяется его благосклонность». Но еврейские общины упростили короля проявить свою бла-

госклонность иным способом, а их патриотические протесты («Мы перестанем быть настоящими пруссаками, если нас освободят от службы в армии») способствовали тому, что он отказался от своего утопического проекта.

На этом примере хорошо видна шаткость эмансипации евреев в Германии, где всегда сохранялись некоторые антиеврейские ограничения доступа на влиятельные и властные посты. В результате этих ограничений сыновья Израиля оказывались еще более склонными к занятиям, предрасположение к которым определялось их прошлым, чему также способствовали и новые перспективы промышленной революции. Торговля, финансы, свободные профессии стали областями применения их талантов.

В какой мере они способствовали экономическому подъему Германии? Сам факт эмансипации затрудняет ответ на этот вопрос, поскольку для XIX века мы не располагаем административными документами, отражающими деятельность бывшего «еврейского народа». Исчезновение евреев способствовало развитию в Герма-

нии исследований такого рода, так что историки наших дней пытаются осветить этот вопрос, цитируя разрозненные факты и называя имена: так, мы узнаем, что, например, в Берлине из пятидесяти двух банковских домов, существовавших в 1807 году, тридцать принадлежали евреям. Также известно, что возглавляемые вездесущими Ротшильдами еврейские банкиры явились главными создателями системы общественного кредита в эпоху, когда складывалась практика государственных займов, а другие выходцы из гетто стали крупнейшими организаторами в новых сферах деятельности, таких как строительство железных дорог или немецкая текстильная промышленность. Один из них, Либерман, мог с гордостью заявить Фридриху-Вильгельму IV, что он «изгнал англичан с континента». В дальнейшем присущий им дух инициативы сотворит чудеса в торговле цветными металлами, в электрической промышленности и в организации больших универсальных магазинов, которые вплоть до 1933 года останутся в Германии еврейской монополией почти на восемьдесят процентов. Горнодобыва-

ющая промышленность Верхней Силезии также в значительной степени обязана своим процветанием еврейским предпринимателям. Напротив, промышленная империя Рура с ее сателлитами в Сааре была создана исключительно усилиями христианских металлургических королей, похоже также, что христианской была и химическая промышленность, эта типично «новая» отрасль деловой активности.

Легко привести еще множество подобных примеров, но очень трудно предложить сколь-нибудь убедительное объяснение этих фактов, к тому же подобные рассуждения представляют для нашей темы лишь побочный интерес. Более того, факты этого рода напоминают нам, что в условиях либерального капиталистического режима (называемого его главными хулителями той эпохи «еврейским») религиозная принадлежность ведущих деятелей экономики теряет свое значение, и если некоторые древние специализации сохраняются, то новые, по-видимому, возникают чисто случайно. К тому же следует учесть тенденцию концентрации капитала и рас-

цвета анонимных обществ с их переплетением интересов, так что в конечном счете становится невозможным отличать «еврейские предприятия» от «христианских».

Но на заре промышленной революции в Германии, как и в других странах, может быть, даже в большей степени, чем в других странах, внеэкономические факторы способствовали тому, что экономическая роль евреев казалась более важной, чем она была на самом деле, в частности их приток в большие города, а в этих городах концентрация в богатых жилых кварталах, где они проявляли известную склонность выставлять напоказ внешние знаки своего процветания—частные особняки, экипажи. Сохранение традиционных занятий лавочников, торговцев вразнос и ростовщиков, еженедельно взимающих процент, действовало в том же направлении, как и новые профессии адвокатов или нотариусов, врачей или аптекарей, которые также умножали число дорогостоящих услуг, оказываемых евреями христианам. Наконец, в XIX веке евреи еще были достаточно многочислен-

ны в деревнях, особенно в Баварии и Вюртемберге, где они выступали в качестве посредников между деревней и городом, всеохватывающим и таинственным, тем самым персонифицируя его господство.

Все эти факторы усиливали впечатление еврейского захвата и господства. В Германии это впечатление имело не столь хрупкие основания, как в других европейских странах. Для начала XX века имеются некоторые статистические данные по этому вопросу, которые, отражая конец определенной линии развития, позволяют составить некоторое впечатление и о ее начале. Эти данные, собранные Вернером Зомбартом, показывают, что евреи, составлявшие около одного процента немецкого населения, в 1900 году занимали двадцать пять процентов мест членов административных советов и четырнадцать процентов мест директоров промышленных и финансовых предприятий.

Есть основания полагать, что некоторые из этих промышленных магнатов предпочли бы удовлетворять свое честолюбие в Генеральном шта-

бе и дипломатическом корпусе или в высших сферах администрации, куда им дорога была закрыта. Их вынужденный уход в область экономики в свою очередь способствовал усилению впечатления, что они достигли своего положения как «евреи», а не как «директора» или «банкиры». Что же касается евреев в целом, то из таблиц, составленных Зомбартом, следовало, что в среднем они были в шесть или семь раз богаче своих соотечественников, иными словами, в их руках было сосредоточено шесть-семь процентов национального богатства.

Таковы полуреальные, полувоображаемые источники экономического антисемитизма. Если этот феномен вообще достоин своего названия, то в новое время он заслуживает его лишь в той мере, в какой евреи превосходят неевреев в качестве финансистов и предпринимателей или в сфере так называемых свободных профессий. Если рассмотреть последовательно европейские регионы, то подобное превосходство обнаруживается прежде всего в ранний период урбанизации в эпоху «начала капитализма», совпавшего с нача-

лом еврейской эмансипации. Традиционная зависть христианских цеховых организаций совпала тогда с общим смятением, вызванным освобождением обитателей гетто, в результате чего конкуренция с ними стала еще более пугающей.

Нет никаких сомнений, что именно происки этих организаций находятся у истоков многочисленных антисемитских кампаний, что многие памфлеты были сфабрикованы по их заказу. Однако окутанные тайной интриги и провокации такого рода чрезвычайно трудно обнаружить. Тем не менее антиеврейские беспорядки 1819 года, за которыми последовало полицейское расследование, свидетельствуют об агитации предпринимателей на фоне кризиса, поразившего зарождающуюся немецкую промышленность после установления мира. Имеются данные, что хозяева поили рабочих и подмастерьев и подстрекали их против евреев. По некоторым данным трактирщики даже раздавали оружие; в Вюрцбурге, откуда распространились беспорядки, провокации были столь очевидны, что правительство пригрозило распустить цеховые организации.

Аналогичная ситуация возникает в России спустя столетие. Советский государственный деятель М.И. Калинин оставил описание подобных событий:

«Еврейская семья, лишь недавно вышедшая за стены гетто, естественно оказывается более приспособленной к борьбе за жизнь, чем образованные русские семьи, которые получили свои права не в результате долгой борьбы, а по своеобразному праву первородства. То же самое справедливо и для торговцев. Прежде чем выйти на большую дорогу капиталистической эксплуатации, еврей должен был пройти суровую школу борьбы за существование. Вырваться за пределы гетто могли только те евреи из тысяч мелких лавочников и ремесленников, яростно боровшихся друг с другом за свою клиентуру, которые проявили исключительные способности к обогащению благодаря честным или нечестным способам извлекать выгоду из окружающих обстоятельств. Очевидно, что эти евреи на целую голову превосходили русских купцов, которым не пришлось пройти через такую суровую школу. Поэтому в

глазах русского купечества и представителей свободных профессий, в глазах буржуазии в целом, евреи выглядели особенно опасными конкурентами».

Мы уже говорили, что речь здесь идет об общеевропейском феномене, который проявлялся особенно ярко на данной стадии социально-экономического развития. Важно также заметить, что христианские коммерсанты должны были выиграть от исчезновения евреев, тогда как народ от этого только проигрывал. Вспомним, что писал Шарль Фурье:

«Народ был в восторге и кричал: да здравствует конкуренция, да здравствуют евреи, философия и братство. После приезда Искарриота упали цены на все товары. Публика говорила торговцам из соперничающих торговых домов: «Господа, это вы настоящие евреи. . . »

Но этот народ было легко ввести в заблуждение. Поэтому следует внимательней рассмотреть понятие «экономического антисемитизма», этого «социализма для идиотов», как его часто

называли, который в наиболее распространенной форме охватывает вождедения и слепую ярость христианских народов в целом.

Какой бы ни была трактовка экономического антисемитизма, «рациональной» (в случае коммерсантов) или «иррациональной» (у их клиентов), корни его остаются в области теологии и питаются только ею, поскольку при отсутствии теологического фактора состоятельные евреи были бы лишь людьми со средствами подобно всем прочим. Уже Бернард Клервосский заметил; «Там, где нет евреев, христиане оказываются гораздо более худшими евреями...» Эта истина, справедливая для отдаленных событий, воспроизводится на протяжении поколений в виде навязчивых повторений. Исторически богословские характеристики евреев предшествовали их экономической специализации и формировали ее, так что совокупный образ, определяемый обоими этими аспектами, продолжал выделять евреев и в рамках нового буржуазного общества. Для антисемитизма именно первая характеристика является определяющей. При этом

она крайне изменчива; мы уже видели, а также увидим в дальнейшем, как она может драпироваться и маскироваться, как на Западе евреи, несмотря на свою собственную истину, служат для оправдания иных сталкивающихся и противоречащих друг другу истин. Поэтому история антисемитизма—это прежде всего теологическая история, как бы тесно она ни была переплетена с экономической историей.

Приведем один пример: невозможно отделить чувства французов по поводу гегемонии Ротшильдов от волны эмоций, поднявшейся в связи с дамасским делом, так что подобные страсти из поколения в поколение приводят к тому, что в банкирах еврейского происхождения видят евреев, ставших банкирами. Это постоянное взаимодействие, эта древняя генеалогия еще легче прослеживается в новой Германии: в самом деле, продолжая выступать в качестве опасных конкурентов в области предпринимательства в новом буржуазном и шовинистическом мире, одни из них в качестве идеологов, другие, гораздо более многочисленные, просто из-за своего при-

сутствия и не слишком понимая почему, получили еще более определенный образ врага, причем в соответствии с преобладающими в этом мире убеждениями эта истина оказалась возведенной в ранг высших ценностей. Именно в этом последнем качестве она ляжет тяжелым грузом на будущее Германии. Итак, пришло время перейти к сути нашей проблемы.

Берне и Гейне. Молодая
Германия или молодая
Палестина?

Лейб Барух, родившийся в 1785 году во Франкфуртском гетто и ставший знаменитым под именем Людвиг Берне, был сыном уже эмансипированного придворного еврея, который на старости лет «с удовольствием читал сочинения своего сына, однако предпочел бы, чтобы автором этих текстов был не его сын». Он получил философское образование, был завсегдатаем салона Генриетты Герц в Берлине, посещал курсы лекций Шлейермахера и увлекался германофильскими идеями. Однако в эпоху Великого Синедриона его кумиром стал Наполеон, которого он сравнивал с Моисеем и Христом. Но затем наступило разочарование, и он проникся патриотическим пылом «войн за освобождение». Тем не менее он навсегда сохранил в своем сердце любовь сына Израиля к Франции-освободительнице. Он превозносил дух и таланты немецких евреев и радовался тому, как быстро они прониклись западными идеями и модами. Но вера предков была для него лишь «египетской мумией, которая только кажется живой, но чье тело не поддается тлению». Иначе говоря, он ви-

дел будущее для своих собратьев только в лоне возрожденной, свободной и братской Германии. Арндт или Ян также мечтали о возрожденной Германии, но они видели это возрождение совершенно иначе. Такой патриот как Берне мог сражаться лишь в рядах такого лагеря, где не будут подвергать сомнению его достоинства патриота и немца, а за отсутствием такового должен был его основать. Именно таким образом начиная с 1789 года проявлялась специфическая диалектика немецкой истории.

Со своей стороны Берне чистосердечно заявлял о своем убеждении в том, что он был лучшим немецким патриотом, чем другие, именно потому что он родился в гетто. Так, он писал: «Я радуюсь, что я еврей; это делает меня гражданином мира, и мне не надо краснеть, что я немец». Немцам, которых возмущал этот афоризм, он возражал, что они проявляли свою рабскую сущность: «Разве Германия не является европейским гетто? Разве все немцы не носят на шляпах желтые ленты? Вы станете свободными вместе с нами или останетесь в рабстве». Он гордился «боже-

ственной милостью» быть евреем: «... я умею ценить незаслуженное счастье быть одновременно немцем и евреем, иметь возможность разделять добродетели немцев, но не их недостатки. Да, поскольку я родился в рабстве, я ценю свободу больше, чем вы. Да, поскольку я с рождения был лишен родины, я приветствую вашу родину более страстно, чем вы сами».

Итак, этот истинный последователь Просвещения не проводил различия между освобождением немцев и эмансипацией евреев, о которых он говорил по всякому поводу и даже без повода, требуя для них «права на ненависть», обличая роковое совпадение иудеофобии с франкофобией, упрекая немцев «в упованиях, как в опере, на общий хор и унисон; в стремлении к немцам Тацита, вышедшим из лесов, с рыжими волосами и голубыми глазами. Смуглые евреи диссонируют...»

Подобная апологетика не могла не приводить в бешенство ярых германоманов. Само собой разумеется, что первой реакцией противников Берне были нападки на евреев. Сам Берне

констатировал: «Как только мои враги чувствуют свое поражение от Берне, их якорем спасения становится Барух». В результате он приходил к выводу: «Их всех поражает этот магический еврейский круг, никто не может из него выйти». Этот круг преувеличивал значение Баруха-Берне, делал из его имени символ.

Функция символа, или, точнее, антисимвола, еще более очевидна в случае его великого соперника Генриха Гейне. Возможно, не было другого человека, сумевшего с такой точностью описать и оценить тупики и неожиданности эмансипации. Когда Гейне писал, что «уже в колыбели он обнаружил маршрут всей своей жизни», он в блестящей формуле определил те условия, которые привели Берне и его самого к борьбе в общих рядах и к протестам против одних и тех же несправедливостей. В остальном эти два человека были совершенно непохожи друг на друга: страстная уверенность трибуна противостояла демонической иронии и душевной боли поэта. Гейне часто упрекали в том, что он ничто и никогда не принимал всерьез. Но если подойти к этому

более внимательно, то по его личной переписке можно увидеть, что единственное исключение он сделал для патриархальных старомодных евреев. Он упрекал свое поколение в том, что «у них не хватало сил носить бороду, голодать, ненавидеть и переносить ненависть» по примеру своих предков из гетто, как если бы его завораживали грандиозные родительские образы. Частота обращения к этой теме в письмах, как и в творчестве, позволяет предположить, что его совесть мучил «комплекс предательства», особенно после крещения. Но если Гейне не щадил себе подобных, «дезертиров из старой гвардии Иеговы», в том числе и себя самого (на следующий день после обращения в христианство он воскликнул, что отныне к нему будут питать отвращение как евреи, так и христиане), то основным объектом его таланта пророческого сарказма были немцы, родившиеся в христианских семьях.

Как еврей он не мог не питать глубокой ненависти к последователям культа германской расы, но он отличался от Берне или Ашера своей способностью видеть ясно и далеко, он предчувство-

вал трагическое завершение этого культа и с особенной остротой предвидел, каким путем пойдет история в XX веке. Он выразил это в своей поэзии, где сатира часто становится оскорбительной. Так, в конце «Зимней сказки» одна богиня дает ему вдохнуть аромат немецкого будущего, и он падает в обморок в эту клоаку; в его очерках контуры этого будущего обретают четкость:

«Христианство в известной степени смягчило воинственный пыл германцев, но оно не смогло его уничтожить; и когда крест, этот талисман, сдерживающий германскую воинственность, разобьется, то вновь выплеснется жестокость старых воинов, бешеное неистовство насильников, которое поэты Севера воспевают и в наши дни. Тогда, а, увы, этот день придет, старые божества войны восстанут из своих легендарных могил и стряхнут со своих глаз пыль веков. Тор поднимет свой гигантский молот и разрушит соборы... Не смейтесь, слыша эти предупреждения, хотя это говорит мечтатель, призывающий вас остерегаться последователей Канта, Фихте и натурфилософии. Не смейтесь над странным по-

этом, который ожидает, что в мире вещей произойдет та же революция, которая совершилась в мире духа. Мысль предшествует действию подобно молнии, опережающей гром. По правде говоря, в Германии гром также вполне немецкий, он не слишком расторопный, и его раскаты распространяются довольно медленно; но он грянет, и когда вы услышите грохот, подобного которому никогда не раздавалось в мировой истории, знайте, что немецкая молния наконец ударила в цель. От этого грохота орлы будут гибнуть в полете, а львы в пустынях Африки подожмут хвосты и скроются в своих логовах. В Германии развернется драма, по сравнению с которой Французская революция покажется невинной идиллией. Конечно, сегодня все спокойно, а если вы видите тут и там нескольких слишком активно жестикулирующих немцев, не верьте, что это актеры, которым однажды будет поручено дать представление. Это всего лишь шавки, бегающие по пустой арене, лая и иногда кусаясь перед тем, как на нее вступит отряд гладиаторов, которые будут сражаться насмерть».

Гейне желал своим праправнукам родиться на свет с очень толстой кожей.

Гейне и Берне вошли в историю немецкой литературы как два лидера движения «Молодая Германия». Другие члены этой группы—Гудков, Лаубе, Винбарг, Мундт—были писателями, чья критика направлялась против моральных и семейных порядков и чьи произведения воспевали «эмансипацию плоти». Почти все они испытали влияние Рахели Варнхаген-Левин, а Мундт даже называл эту еврейку «матерью молодой Германии». Все эти поборники эмансипации были подвергнуты общему осуждению. Критик-германоман Вольфганг Мендель, написавший донос властям на это движение, называл его «Молодой Палестиной», «еврейской республикой порока новой фирмы Гейне и компания». Цензурный указ, согласно которому в 1835 году были запрещены произведения Гуцкова, Винбарга и Мундта, среди прочего ставил им в вину и предположительно израильскую кровь. Таким образом, можно вновь констатировать, что в ходе этих немецких литературно-политических

битв вновь приобрело значение еврейское происхождение Гейне и Берне.

Карл Гуцков, самый крупный писатель «Молодой Германии», отмечал, что у них был оглушительный успех среди молодых умов, хотя они не старались нравиться, «они давали пищу уму, но не завоевывали сердца, однако понадобились два еврея, чтобы опровергнуть прежнюю идеологию и развеять все иллюзии». Он заметил также, что «отвращение христиан к евреям—это моральная и физическая идиосинкрязия, с которой так же трудно бороться, как с отвращением, которое некоторые люди испытывают к крови или насекомым». Но этот ветеран студенческих корпораций (Burschenschaften) мог бы привести в пример самого себя. Разве он не писал, вступив в конфликт с властями, что «вечный жид» виновен в гораздо худших преступлениях против человечества, чем те, в которых его напрасно обвиняли, а именно—в партикуляристском эгоизме, «нигилистическом материализме» и литературном меркантилизме. Под его пером даже появился термин «ферменты разложения»; этот подбор-

ник эмансипации также упрекал евреев, что они «верят в то, что солнце, луна, звезды, все на свете движется и вращается только для эмансипации; Гете, Шиллер, Гердер, Гегель должны оцениваться только в соответствии с тем, что они думали об эмансипации».

Генрих Лаубе вначале проявлял еще больше доброжелательства. В его главном произведении «Молодая Европа» еврей Жоэль сражается за всеобщую свободу, но обнаруживает, что это ему ничего не дает; хотя он и сумел «преодолеть в себе еврея», христиане продолжали его отвергать; в результате он решает «стать евреем» и даже заняться торговлей вразнос. Но в дальнейшем Лаубе, которого Мейербер обвинил в плагиате, также пришел к заключению, что евреи составляют «восточный, совершенно другой народ», чьи «наиболее глубокие принципы существования отталкивают нас самым кричащим образом». Похоже, что он выражал общее убеждение немецкой литературной республики того времени.

В самом деле, едва ли многочисленные

немецкие евреи судили себя менее строго, а ведущие фигуры проявляли поистине поражающую изменчивость. Хорошим примером может служить социалист Фердинанд Лассаль, родившийся в еще ортодоксальной семье. Подростком во время дамасского дела он мечтал о том, чтобы стать еврейским мессией-мстителем. «Подлый народ, ты заслуживаешь свою судьбу! Червь, попавший под ноги, старается вывернуться, а ты лишь еще больше пресмыкаешься! Ты не умеешь умирать, разрушать, ты не знаешь, что значит справедливая месть, ты не можешь погибнуть вместе с врагом, поразить его, умирая! Ты рожден для рабства!»

Немного позже он выражал надежду увидеть приближение времени мести и заявлял о своей жажде христианской крови. Однако вскоре он изменил свои стремления и взгляды, а когда его бурная жизнь сделала из него мессию немецкого рабочего класса, казалось, что его ярость обратилась исключительно против евреев; «Я совсем не люблю евреев, я их даже презираю». Карл Маркс, который презирал их еще сильнее, тем

не менее называл Лассалья «негритянским евреем», т. е. самым худшим. Такие страсти и такое отступничество, увенчанные подобным успехом, могли лишь еще больше выделять и изолировать евреев в Германии, где еврейская исключительность находила обильную пищу в исключительности германской.

Но маршрут мог быть и совсем другим, ведущим от эмансипаторского универсализма к националистическому партикуляризму. Такова была жизнь Мозеса Гесса, «коммунистического раввина», провозвестника Карла Маркса и первого учителя Фридриха Энгельса. Он также придерживался по отношению к евреям господствующих христианских взглядов, оформленных по гегельянской моде. Он писал, что евреи—это бездушные мумии, фантомы, застрявшие в этом мире, и противопоставлял гуманного Бога христиан националистическому Богу Авраама, Исаака и Иакова.

В дальнейшем, переселившись в Париж, Гесс искал там истину в точных науках того времени, углубился в антропологию и, приняв на вооруже-

ние понятия ариев и семитов, которые он там обнаружил, отныне решил, что он открыл в «расовой борьбе» первоначальную причину классовой борьбы. Таким образом, стимулируемый духом времени и распространенным антисемитизмом, в конце жизни он стал националистом, «еврейским тевтономаном» по его собственному утверждению. По его мнению, как и по мнению его противников, «раса» определяла сущность евреев. В 1862 году предтеча Маркса проявил себя в своей последней книге «Рим и Иерусалим» теоретиком политического сионизма, предшественником Герцля. Так, путь, пройденный этим Иоанном Крестителем, предвосхищает участь, которую история XX века навяжет немецкому иудаизму.

Крестовый поход атеистов

Размышляя в конце жизни о дерзостях германской философии и приводя себя самого в качестве примера, Гейне предостерегал своих друзей Руге и Маркса, а также Даумера, Фейербаха и Бруно Бауэра против «самообожествления атеистов». В 1840-1850 годах немецкие метафизики открыто ставили Бога под сомнение. По этому пункту «Молодые гегельянцы» выступили через три четверти века после французских материалистов эпохи Просвещения.

Старший из этой пятерки и наименее известный в наши дни Георг-Фридрих Даумер отнюдь не является самым неинтересным из них. Сначала он выступил как философ, но поиски и обширный круг чтения увлекли его на заброшенную тропу, проложенную некогда арабскими мыслителями, упрекавшими христиан в «поедании своего Бога». Подвергавшийся яростным нападкам и провокациям во имя господствующей религии, он пришел к тому, что стал видеть в христианстве братство людоедов. Он полагал, что ему удалось захватить самые последние укрепления христианства в своем труде «Тайны христианской ан-

тичности» (1847). Уходя еще дальше в прошлое, он пришел к заключению, что Иегова и Молох первоначально составляли одно целое, а пасха была «торжественным праздником, в ходе которого семиты приносили детей в жертву»; но в самые давние времена иудеи очистили свою религию и установили жертвоприношение животных. Однако среди них сохранилась «секта, которая продолжала практиковать древние канныбальские ужасы». Иисус якобы был вождем этой подпольной секты; он не доверял Иуде, поскольку чувствовал, что тот шпионил за ним. Они столкнулись во время тайной вечери, которую Даумер считал людоедской церемонией: «Иисус заявил, что Иуда представляет опасность, потому что он не принимает никакого участия или лишь частичное участие в этом особом ужине. Чтобы испытать чувства и дух ложного апостола следует заставить его отведать блюда, которого тот не хочет, и проглатывает кусок с ужасом и отвращением. После этой сцены Иуда, глубоко потрясенный и оскорбленный, спешит выдать то, что произошло под покровом тайны». Так был пролит свет

на самые последние тайны христианства.

Однако Даумер считал себя деистом, занятым поисками истинной религии, а отнюдь не атеистом. Если его атеизм эволюционировал в сторону странной агрессивности, то ее острие всегда направлено на господствующую религию и общество. Похоже, что он подвергал критике евреев только в той мере, в какой этого невозможно было избежать в рамках предприятия такого рода: как можно обличать Иисуса или его апостолов, не показывая зловредности как тех евреев, так и их современных собратьев?

Следует отметить, что если Даумер проводил различие между просвещенными евреями, прототипом которых был Иуда, и евреями-каннибалами, прототипом которых был Иисус, то у него нашлись последователи, которые перевернули эти измышления вверх ногами. Во-первых, это был его ученик Фридрих Вильгельм Гиллани, обвинявший во время дамасского дела в каннибализме всех евреев без исключения. По его мнению этот «молохизм» доказывался как ритуальным убийством Иисуса, так и теми убий-

ствами, которые, как он утверждал, и в современную эпоху продолжали совершать евреи Германии, которые ничего не забыли и ничему не научились. Как можно предоставлять политические права «подобным людям, которые упрямо держатся старых бесчеловечных предрассудков и считают нас нечистыми, подобно рабам и собакам. . . »

Оказал ли Даумер также влияние на своего друга Людвига Фейербаха, в чьем труде «Сущность христианства» евреи походя обвиняются в своеобразном гастрономическом влечении к Богу? Отметим, что уже отцы церкви говорили о еврейском обжорстве. Как бы там ни было, приведем два отрывка из знаменитой книги Фейербаха:

«Евреи сохранились до наших дней в неприкосновенности. Их принцип, их Бог есть самый практичный в мире принцип—это эгоизм, а по сути, эгоизм в форме религии. Эгоизм—это Бог, который никогда не дает своим служителям впасть в нужду и позор. Эгоизм по сути монотеистичен,

поскольку для него существует только одна цель: он сам. Эгоизм объединяет и концентрирует силы человека, он дает ему солидный и мощный принцип практической жизни; но он превращает человека в ограниченное существо, безразличное ко всему, что не приносит ему непосредственной пользы. Поэтому наука и искусство могут возникнуть лишь в лоне политеизма, когда чувства открыты для всего без исключения, что есть в мире доброго и прекрасного, для всего мироздания. . . »

«Еда является наиболее помпезным действием, посвящением в иудейскую религию. В акте принятия пищи еврей празднует и возобновляет акт творения. Принимая пищу, человек заявляет, что сама по себе природа является ничем. Когда семьдесят мудрецов поднялись на вершину горы вместе с Моисеем, «они видели Бога, и ели, и пили» (Исход, 24, 11. (Прим. ред.)). Вид Высшего существа, похоже, лишь возбудил их аппетит. . . »

Создается впечатление, что теология основателя атеистического гуманизма опирается в этом аспекте на бессознательную ассоциацию между

современными материалистическими обвинениями (еврей—это ограниченное существо, безразличное ко всему, что не представляет для него непосредственной пользы»; вкус выступает здесь в качестве материального чувства) и древним обвинением в богоубийстве или ритуальном убийстве; «они радовались своему Богу, только когда радовались манне» (= опресноки = христианская кровь). Вероятно, можно отнести к реминисценциям древнего устного творчества знаменитую максиму Фейербаха: «Человек есть то, что он ест» («Der Mensch ist, was er isst»). Мы не будем задерживаться на этих бредовых рассуждениях из-за опасности потерять почву под ногами и оказаться увлеченными в глубоководные места. Однако при надлежащей интерпретации они могут прояснить самые тайные каннибальские проекции антисемитского механизма, ср. народное выражение «bouffer du Juif»—«ненавидеть евреев» (букв. «пожирать евреев».—Прим. ред.). Останемся на твердой почве и перейдем к другим крестоносцам атеизма, о которых говорил Гейне.

Арнольд Руге был германоманом и членом

студенческой корпорации. Он оказался замешанным в заговоре и провел много лет в заключении. После выхода на свободу в 1833 году он стал гегельянцем. При отсутствии философских талантов он имел легкое перо и способности организатора и вдохновителя. В 1838 году он основал журнал «Hallische Jahrbücher», ставший органом «Молодых гегельянцев», т. е. радикального крыла школы, которая по примеру своего учителя ожидала спасения из Пруссии. Руге писал, что Пруссия «столь глубоко укоренилась в германизме, что по одной этой причине она не может сопротивляться установлению либеральных форм государственности... Только путем реализации всех последствий протестантства и конституционализма Пруссия сможет вместе со [всей] Германией выполнить свою высокую миссию и полностью реализовать концепцию абсолютного государства».

Для Руге, как и для других младогегельянцев, подразумевалось, что подобное государство по примеру философии должно быть атеистическим. Но он был не единственным полемистом

такого рода, о которых можно сказать, что они вновь обретали веру, когда речь заходила о евреях, по словам Руге «этих червях в сыре христианства, которые чувствуют себя столь несказанно хорошо в своей шкуре биржевых маклеров, что они ни во что не верят и остаются евреями именно по этой причине». Со своей стороны, Руге верил в философию, которая по его убеждению могла быть только атеистической. Похоже, что он принадлежал к роду атеистов, которые, точно по пословице, «верят в то, что они не верят». С 1850 года он жил в Англии, где продолжал заниматься политической журналистикой; оставив философию, он сделался апологетом объединенной Германии Бисмарка, который назначил ему в 1877 году «почетное содержание» в три тысячи марок в год.

Бруно Бауэр имел философский ум иного калибра. Этот протестантский богослов после долгих размышлений стал гегельянцем и утратил веру. По мнению Альберта Швейцера, предпринятый им критический анализ евангелий остается «самым гениальным и самым полным сводом

всех трудностей и проблем, связанных с жизнью Иисуса», из всех, когда-либо составлявшихся. В Берлине 1836-1840 годов Бауэр был душой того самого Doctorenklub, бесспорный любимчик которого носил имя Карл Маркс. Среди различных планов на будущее, которые они вместе составляли в 1841 году, значится и издание журнала под названием «Архивы атеизма». Их дружба прервалась вскоре после возникновения разногласий, которые Маркс обессмертил в «Святом семействе» и «Немецкой идеологии».

В заключение к «Критике истории в синоптических евангелиях» (1841), своему основному труду по библейской критике, Бауэр вернулся к размышлениям по философии истории:

«Древние религии, которые также являются формами отчуждения Я, имели свою прелесть в национальных, семейных и природных чертах; цепи, которыми они сковывали человека, были украшены цветами. Наступила спиритуалистическая абстракция [т. е. христианство]. Этот вампир выпил у смертных всю кровь их жизни и ума до последней капли, затем ему удалось обеднить

и иссушить все: природу, изящные искусства, семью, национальность, политическое государство. Я без сил к сопротивлению осталось в одиночестве на развалинах своего мира, и ему потребовалось некоторое время, чтобы начать новое созидание. Это Я было теперь всем и в то же время ничем; оно поглотило старый мир, но осталось пустым. Оно оказалось вынужденным в свою очередь броситься в объятия универсальной силы, называемой Мессией, которая, по сути, была лишь тем же Я, на которое Я смотрело в зеркало. Я поглотило мир; Мессия также поглотил тварный мир целиком: природу, семью, национальность, изящные искусства, мораль, все оторвалось от реальности и сконцентрировалось в Мессии. Отправной точкой этой эволюции стал иудаизм, в котором не было ни культа Природы, ни культа Искусства. . . »

Изгнанный после этого со своей кафедры в университете, Бруно Бауэр удвоил свой бойцовский пыл. Его первый удар, «Еврейский вопрос», не был прямым. Возражая против эмансипации евреев, он писал в этом труде, что «его концеп-

ция иудаизма покажется еще более жесткой, чем та, которую привыкли обычно находить вплоть до настоящего времени у противников эмансипации». В самом деле, он упрекал евреев за то, что они «свили себе гнездо в щелях и углублениях буржуазного общества», что они сами были творцами своих несчастий, потому что оставались евреями. Он объяснял «стойкость национального еврейского духа» отсутствием способности к историческому развитию, что соответствует совершенно «внеисторическому» характеру этого народа и вызвано его «восточной сущностью». (Здесь видна мысль Гегеля.) Преступление евреев состояло в «непризнании чисто человеческого развития Истории, развития человеческого сознания». Являясь завершением иудаизма, христианство также подвергается в этой работе критике и переосмыслению в рамках гегельянских категорий:

«Верно, что христианство это завершение иудаизма... Но это завершение, как мы показали выше, в то же время непременно является отрицанием специфически еврейской сущности.

Христианские богословы отрицают это отрицание, полное отрицание сущности Ветхого Завета, поскольку они не хотят признать, что в ходе мировой истории откровение в принципе могло развиваться... В любом случае они приходят к еврейскому христианству...»

В конце жизни Бауэр пережил эволюцию, похожую на ту, что произошла с Рюге: бунтарь, о котором Маркс уже в 1845 году сказал, «что его вера в Иегову превратилась в веру в Прусское государство», стал теоретиком немецкого консерватизма и служил при Бисмарке. Однако в том, что касалось вопросов, связанных с евреями и источниками христианства, его теология не претерпела изменений между 1840 и 1880 годами.

Остается еще Карл Маркс, который быстро превзошел своего старшего коллегу, в свою очередь опубликовав «Еврейский вопрос», где испорченный, но все еще «христианский» мир Бауэра становится «еврейским». В этой работе Маркс уже проводит различие между теорией и практикой, опытом (Praxis): «... на практике спиритуалистический эгоизм христиан непре-

менно переходит в материалистический эгоизм евреев». Эта работа разделялась на две части. В теоретической первой части Маркс полемизировал со своим бывшим другом, доказывая, что напрасно пытаться упразднить религию, пока не будет нанесен удар топором по корням общества и государства. Попутно он заявлял, что политическая эмансипация, которую требовали евреи, не была гуманной эмансипацией, поскольку она не обязательно вела к их деиудаизации. Во второй части Маркс с исключительной яростью обличал общество своего времени, которое он рассматривал как совершенно еврейское, поскольку оно было полностью порабощено деньгами. Это показывает, что он использовал термины в их производном или условном значении, проявляя столь же мало интереса к человеческим реалиям приверженцев Моисея, рассеянных по миру, как Рюге и Бауэр, или как Альфонс Туесенель, чья книга «Евреи, короли эпохи» датируется тем же 1844 годом. Из тумана гегельянской диалектики возникают поразительные фразы:

«Не будем искать тайну евреев в их рели-

гии, напротив, попробуем найти секрет этой религии в реальных евреях. Каков же мирской фон иудаизма? Практические нужды, личная полезность (...). Еврей, ставший частным лицом—членом буржуазного общества, особым образом представляет иудаизм этого общества... Какова была основа еврейской религии? Практические потребности, эгоизм. Еврейский монотеизм на самом деле представляет собой политеизм всевозможных потребностей, политеизм, который даже отхожие места превращает в объект божественного закона... Деньги являются ревнивым богом Израиля, рядом с которым нет места никаким другим богам. Деньги принижают всех богов человека и превращают их в товар... Торговля—вот истинный бог евреев. Их Бог всего лишь смутный символ торговли... За абстрактной формой еврейской религии содержится презрение к теории, к искусству, к истории, к человеку, понимаемому как самоцель, это точка зрения реальной, осознанной жизни, добродетель корыстолюбца. И даже отношения между мужчиной и женщиной становятся объектом

торговли! Женщина превращается в объект спекуляции. Химерическая национальность еврея—это национальность торговца и корыстолюбца. Еврейский закон, лишенный основы и разума, является лишь религиозной карикатурой морали... Еврейское лицемерие, то самое практичное лицемерие, наличие которого в Талмуде доказывал Бауэр, это отношение мира эгоизма к законам, которые правят миром (...). Христианство вышло из иудаизма и кончилось возвращением к иудаизму. Христианин—это, по определению, теоретизирующий еврей; еврей—это, соответственно, практичный христианин, а практичный христианин вновь стал евреем... Только тогда иудаизм смог достичь всеобщего (allgemeine) господства (...). Как только обществу удастся ликвидировать эмпирическую сущность иудаизма, прекратить извлечение выгоды из этого положения, еврей не сможет существовать... Социальная эмансипация евреев—это эмансипация общества от иудаизма».

«Еврейский вопрос» был написан Марксом зимой 1843-1844 годов частично в Крейцнахе, ча-

стично в Париже. Это был решающий год его жизни, год женитьбы, ссылки и обращения в коммунизм. Это сочинение уже предвосхищает «Немецкую идеологию», которую он позднее назовет «экзаменом философской совести». В своем пророческом гневе он бичевал мир своего времени, пользуясь терминологией, созданной этим миром; можно предполагать, что евреи, которых он знал лишь на примере нескольких буржуа, казались ему столь же достойными осуждения, как весь этот мир. Темой этого сочинения, логикой его построения и даже заглавием Маркс был обязан Бауэру, которого он старался превзойти в полемическом запале. Кроме того он с еще большей яростью нападал на буржуазное общество, которое оба они отождествляли с иудаизмом. Но у отпрыска рода раввинов логично предположить и другую даль, отсутствовавшую у бывшего христианского богослова, более глубокое намерение противоположной направленности, вызванное совсем иной страстью; отождествляя иудаизм с обществом и магическим образом превращая всех евреев в людей, умеющих делать деньги, этот

разоренный еврей, обращенный в христианство в возрасте семи лет, мог неосознанно пытаться дистанцироваться от иудаизма, получить сертификат своей непринадлежности к еврейству, предъявить алиби, на которое особенно в ту эпоху тщетно надеялось столько его собратьев.

Как бы ни относиться к этой интерпретации, было бы ошибкой видеть в «Еврейском вопросе» лишь полемический прием по гегельянской моде, т. е. ошибку молодости. В самом деле, достаточно краткого знакомства с перепиской Карла Маркса, чтобы увидеть, что он до конца жизни находил удовольствие в антисемитских остротах. Следует отметить, что он применял термин «еврей» только к другим, никогда к самому себе, что подтверждает нашу интерпретацию:

«Еврей Штейнталь с медовой улыбкой...» (1857); «Автор, эта свинья берлинской журналистики,—еврей по имени Мейер...» (1860); «Ремсгейт полон вшей и евреев» (1879). Своего врача он называл евреем, потому что тот требовал от него платы (1854). Еще хуже, если еврей был банкиром: Бамбергер является чле-

ном «биржевой синагоги Парижа». Фульд—это «биржевой еврей», Оппенгейм - «египетский еврей Зюсс». Что же касается Лассалья, «форма его головы и его волосы доказывают, что он происходит от негров, которые присоединились к шайке Моисея во время исхода из Египта», или же он «самый большой варвар среди всех польских жидов», а также прокаженный Лазарь, который в свою очередь воплощает «первоначальный еврейский тип».

Более того, подобные инвективы можно найти в неподписанных политических статьях, которые в 50-х годах автор «Капитала» публиковал в «New York Daily Tribune», чтобы ежемесячно сводить концы с концами. Достаточно одного примера:

«Прошло 1855 лет после того, как Иисус изгнал менял из храма, и то, что эти торговцы, которые сегодня в основном состоят при тиранах, снова представлены преимущественно евреями, может быть гораздо большим, чем простая историческая случайность. Еврейские менялы лишь в

более крупном масштабе и более гнусным способом делают только то, что многие другие делают в малом, незначительном масштабе. Но поскольку евреи так могущественны, наступило время, когда необходимо выявить и разоблачить их организацию».

Что можно об этом думать? Возможно, следует отнести к Мессии революции то, что мы уже говорили в связи с Вольтером. В самом деле, в алхимии антисемитской страсти воображение (упреки самому себе в поступках, свойственных евреям, продолжающееся соперничество с евреями при отождествлении себя с ними в негативном смысле) и реальность (быть евреем по рождению, но не хотеть оставаться евреем) могут привести к сходным результатам. Но во втором случае результат может оказаться еще более взрывоопасным, поскольку реальность выступает как опора для воображения. Отсюда возникают дополнительные стимулы и напряжения: так, обратившимся в христианство становится еще более важным доказать себе и другим, что они не являются евреями. В нашем случае друзья и после-

дователи Маркса проявляли, каждый по-своему, свое еврейство. Его зять доктор Лафарг даже полагал, что обнаруживал еврейское происхождение в пропорциях своего тела. Но антисемиты, вышедшие из числа потомков Израиля, не имели в своем распоряжении возможности подобно Вольтеру почувствовать себя христианнейшим господином» («gentilhomme très Chretien») при встрече лицом к лицу с евреем. Симуляция оказывается напрасной; удары получает тот, кто их наносит, жертва и палач сосуществуют в одном теле, так что евреям антисемитизм приносит лишь весьма сомнительные удовольствия. Но были и совсем другие образы; оставалась «поставленная с головы на ноги» историософия, которая сохраняла напряженность апокалипсических видений младогегельянцев. Этот революционный и христианский мессианизм, ошибочно трактуемый как «еврейский мессианизм» Карла Маркса (При очень широком подходе любой мессианизм (в том числе, например, мессианизм Просвещения и, в еще большей степени, мессианизм хилиастических движений Реформации) может

квалифицироваться как «еврейский», поскольку при выяснении его истоков неизбежно происходит последовательное приближение к еврейским апокалипсисам и пророческим книгам. Но когда говорят о «еврейском мессианизме» Маркса, то обычно имеют в виду его этнические или культурные корни. В то же время совершенно очевидно, что в детстве его не познакомили ни с малейшими рудиментами еврейской традиции, и он никогда не думал о самосовершенствовании в этом аспекте: все его источники (а он проявлял очень хорошее знание Библии) были, в целом, христианскими. Более того, он мог унаследовать от семенной среды некоторую «веру в прогресс», характерную для эмансипированных евреев.), это ожидание конца света или последней битвы всегда были для него характерны. Именно эта эсхатология находила отклик в научной мысли марксизма. Но здесь было еще и другое: не определялись ли поиски последних тайн бытия стремлением, по образцу схоластических традиций, охватить социальную жизнь во всей ее полноте, определить историческую значимость и вскрыть из-

менчивость и относительность социальных институтов и систем правления?

Так или иначе, надежды и метафизическая интуиция молодого Маркса не переставали воодушевлять его социально-экономическую критику. В частности, в основе его социологии лежала миллениаристская ересь. Неосуществимые мечты двигали вперед науку. Как у Кеплера и Ньютона, метафизические построения ищут опору в строгих доказательствах. Как это часто бывает, поддельное выдается за настоящее, но именно так устроен этот мир.

Поэтому нет ничего удивительного, что оружие, которым Маркс хотел поразить современное общество, вскоре обернулось против него. В «Новой Рейнской газете», которую он возглавлял в конце революционного 1848 года, его любимым корреспондентом был Эдуард Теллеринг, писавший ему из Вены; «То, что вы называете буржуазным, представлено здесь евреями, которые завладели демократическими рычагами управления. Но этот иудаизм в десять раз гнуснее западной буржуазии. . . Если мы победим, то

еврейские низы, чьи подлые махинации полностью дискредитируют демократию в глазах народа, как всегда окажутся в выигрыше и заставят нас ощутить все низости буржуазного режима...» После поражения революции Теллеринг попытался поступить на службу прусского правительства. Ради публичного покаяния в 1850 году он опубликовал антикоммунистическую брошюру, в которой писал: «Будущий немецкий диктатор Маркс является евреем. А нет более безжалостных мстителей, чем евреи. В 1848 году я вынудил его выступить против евреев в его газете. Кусая губы, он сделал это, потому что остальные его сотрудники также выступали против евреев. Теперь его сердце стремится к мести...» Брошюра называлась «Авангард будущей немецкой диктатуры Маркса и Энгельса». Этому примеру последовали другие, число которых постоянно возрастало. Сочинение Теллеринга оказалось лишь первым камнем.

Рихард Вагнер

Многие художники стремились стать пророками, но Вагнер оказался единственным, кого признали в качестве такового в его собственной стране и на всем Западе. Поэтому он нас здесь интересует не как чистый музыкант, а как музыкант, которому удалось внести свой вклад в политическое формирование своей эпохи.

В его случае все было исключительным. Начнем с неразрешимой проблемы его происхождения, поскольку никогда не удастся выяснить, был ли он сыном саксонского чиновника Карла Вагнера или актера Людвига Гейера, чье имя он носил до четырнадцати лет. Еще меньше шансов установить, был ли этот актер евреем, как это часто утверждалось (В 1912 году некий Отто Бурно посвятил тему своей докторской диссертации Людвигу Гейеру. Саксонские приходские архивы позволили ему установить предков Гейера вплоть до его прадеда Беньямина Гейера, который в конце XVIII века был органистом в церкви Эйслебена. Изучение актов о рождении последующих поколений позволили ему установить, что все потомки Людвига Гейера относились к евангелической

церкви, на основании чего он сделал вывод, «что возможность отцовства Гейера не влечет за собой ничего унижительного для оценки творчества Вагнера». (O. Bournot. Ludwig Heinrich Christian Geyer. Leipzig, 1913, p. 13.) Таким образом, поклонники Вагнера могут успокоиться, но существенно, что сам Вагнер не располагал этими сведениями; едва ли он мог помышлять о том, чтобы предпринять расследование происхождения своею отчима.).

Сами по себе подобные вопросы не имеют значения для нашей темы; напротив, чрезвычайно существенным является то, что об этом думают сами действующие лица, что оказывается истиной в их глазах. Известно, что Вагнер склонялся к «гипотезе о Гейере», т. е. считал себя внебрачным ребенком. Думал ли он к тому же, что Гейер (что по-немецки значит «коршун») был евреем? Это также кажется вероятным. Но опять возникает дилемма: просто незаконнорожденный или внебрачный сын еврея—здесь нет существенной разницы, поскольку для неосознанного антисемитизма еврей является незаконнорожденным;

но и обратное может быть справедливым в той мере, в какой преследуемый незаконнорожденный сближается с евреем. И тот, и другой являются темными личностями, «без крова и очага». Мы можем напомнить то, что мы говорили в предыдущей главе: в подобных делах воображение, «психическая реальность» имеют первостепенное значение. В крайнем случае можно задать себе вопрос на этот раз в связи с причудами коллективного воображения: стал бы Вагнер (т. е. «каретник») для Германии тем же самым и под именем коршуна?

В его автобиографии мы читаем, что в детстве Вагнер называл себя этим вдвойне сомнительным именем («Gayer [«коршун»] это уже почти Adler [«орел»]»,—воскликнул Ницше) (Adler является довольно распространенной фамилией среди немецких евреев, также как и другие «птичьи» фамилии—Sperling (воробей), Опт (гусь), Strauss (страус) и, наконец, Vogel (птица). Кроме того, в немецком языке, как и во французском, слово «коршун» имеет переносное значение «хищник, ростовщик», что могло лишь уси-

ливать подозрения относивший происхождения отчима Рихарда Вагнера.). Вагнер пишет, что Людвиг Гейер утешал его мать в связи с изменами ее мужа, и вообще отзывается о нем очень тепло и с любовью, называя его иногда своим отчимом, а иногда отцом, как если бы он сам не был уверен в том, кем он ему приходится в действительности. Эти описки, сделанные человеком, рисующимся для вечности, свидетельствуют о происхождении невроза, который по-своему отмечают почти все биографы Вагнера в зависимости от степени своего благоговения перед священным идолом: непропорциональная, чисто вагнеровская мания жалобщика.

Приведем свидетельство его первого французского апостола Эдуара Шуре:

«... малейшее противоречие вызывало у него неслыханный гнев. Это были прыжки тигра, вой фавна. Он метался по комнате как лев в клетке, его голос становился гортанным, жалящие направо и налево слова, раздавались как рев. В такие минуты он казался необузданной стихией, как вулкан во время извержения. Наряду с этим

ему были присущи приступы пылкой симпатии, трогательные проявления жалости, необыкновенное сочувствие к страдающим людям, к животным и даже растениям. Этот Вспыльчивый человек не мог видеть птицу в клетке; он бледнел при виде срезанного цветка, а когда он замечал на улице больную собаку, то приказывал принести ее к себе в дом. Все в нем было огромным, чрезмерным. . . »

Разве некоторые черты этого портрета, точнее самые первые, не напоминают немецкого идола нашего столетия? Любовь к животным может служить здесь путеводной нитью; перерезание горла курице пробуждало в Вагнере старые наваждения, как он сам писал Матильде Везендонк:

«Страшный крик живого существа, его раздирающие предсмертные жалобы наполняют ужасом мою душу. С тех пор я не могу отделаться от этого впечатления, которое ко мне так часто возвращается. Ужасна эта бесконечная пропасть жестокого страдания, на котором продолжает покоиться наше столь благополучное существова-

ние. . . »

Мания кастрации была у Вагнера тесно связана со страхом смерти, а также с любовным пылом, с его бурными, скандальными связями, с его необузданной страстью к роскоши, которые по-своему описывают все его биографы. Он сам оправдывается за это перед своим другом Листом, ссылаясь на свой гений художника и мага:

«. . . я не могу жить как собака. Я не могу спать на соломенной подстилке и удовлетворяться низкосортными напитками. Моя чувствительность, столь возбудимая, столь хрупкая, исключительно нежная и мягкая, должна быть удовлетворена каким-либо образом, чтобы мой дух мог предаться чудовищно трудной задаче созидания несуществующего мира».

Этот созданный им величественный мир в дальнейшем был населен ариями и семитами,—самозванство вагнеровского масштаба. Все в нем было величественным: пробуждение его антисемитской ярости, занявшей особое место в истории музыки и в истории Германии, заслужива-

ет еще и места в учебниках по психологии. Эта ярость выплеснулась наружу в 1850 году, когда Вагнеру было тридцать семь лет; до того, как он сам об этом пишет, он выступал за полную эмансипацию евреев.

В 1837 году он, никому неизвестный музыкант, завязал отношения с Мейербером, который был на двадцать лет его старше и в ту эпоху был королем европейской оперы. Сначала Мейербер стал для Вагнера богом творчества, немецкого и мирового. В своем первом письме, посланном издали, Вагнер писал:

«... здесь не место умножать неуклюжие хвалы в адрес вашего гения; я ограничусь словами о том, что я вижу, как вы в совершенстве решаете задачу немца, освоившего достоинства итальянской и французской школ, чтобы сделать всеобщим достоянием творения своего собственного гения...»

В одной статье Вагнер сравнивал Мейербера с Глюком, Генделем и Моцартом, его старинными немецкими предшественниками.

Когда в 1839 году Вагнер отправился в Па-

риж в поисках успеха, Мейербер помог ему с истинным великодушием, ввел его в музыкальные круги и одолжил денег. Уверенный в себе молодой музыкант принял это как должное: могли он представить себе лучшего приемного отца, чем богатый и доброжелательный художник-еврей, чье имя к тому же рифмовалось с именем Гейера? Итак, он говорил Мейерберу, что надеялся только на его поддержку; он умолял: «Помогите мне, и Бог мне поможет, с благоговением я вручаю себя вам со всеми моими грехами, несчастьями, слабостями и печалью, я молю Бога и вас избавить меня от всех зол. Не отнимайте у меня вашего расположения, и Бог будет со мной...»

Как бы ни были преувеличены эти излияния, они вполне соответствуют тем чувствам искренней благодарности, которые отразились в его личном дневнике за июнь 1840 года. Но склад характера Вагнера и, возможно, парижские интриги не позволили этой идиллии продолжаться слишком долго. И хотя Мейербер по-прежнему исполнял свою роль надежного покро-

вителя, его протезе вскоре проявил весьма откровенную двуличность. Переписка с Робертом Шуманом проливает свет на эту историю. В конце 1840 года Вагнер еще был сторонником Мейербера: «Не позволяйте ругать Мейербера: я обязан ему всем, и особенно своей очень близкой славой!» Такие обязанности очень скоро оказываются невыносимыми—в начале 1842 года тон становится совершенно иным: «Галеви прямой и честный, он не заведомый коварный лжец как Мейербер. Но не нападайте на него! Он мой покровитель и—кроме шуток—очень приятный человек!»

Итак, Вагнер еще не стал сознательным антисемитом, но он уже настроен против Мейербера и ... он проявляет осторожность. Достаточно того, что Мейербер продолжает оказывать ему поддержку, организуя постановку «Риенци» в Дрездене и «Летучего голландца» в Берлине, чтобы Вагнер публично выразил ему свою благодарность в первом издании своей «Автобиографии» и в письме, датированном февралем 1842 года: «Целую вечность я не смогу говорить вам

ничего другого, кроме благодарности!» Однако в письме Шуману он замечает, что творчество его благодетеля это «источник, даже один запах которого уже издалека внушает мне отвращение, как только я его почувствую». Тем не менее он продолжает обхаживать Мейербера, что позволяет ему еще раз осенью 1848 года получить от него финансовую помощь.

Потерпев неудачу в Париже, с 1842 года Вагнер становится оперным дирижером в Дрездене. Это революционный и младогегельянский период его жизни: он читает Фейербаха, заводит дружбу с Бакуниным, хочет связать будущее своего искусства с политическим будущим Германии и весной 1849 года принимает участие в саксонской революции. Забавный эпизод показывает, что он был осторожным революционером, «знающим, до каких пределов он может доходить»; в критический момент беспорядков этот неудержимый позволил своей жене Минне запереть себя на ключ. Затем он эмигрирует в Швейцарию, где в 1849-1851 годах сочиняет свои основные теоретические трактаты. В этой ссылке

он сосредотачивается на германских и германоманских мифах; отныне, как хорошо известно, он станет перелагать на музыку филологические и метафизические спекуляции и будет иметь сенсационный успех. В 1939 году Жорж Дюмезиль вспоминал: «В 1914- 1918 годах вагнеровские имена, вагнеровская музыка вдохновляли немецких бойцов во время поражений и потерь еще сильнее, чем в часы триумфов. Третьему рейху не пришлось создавать свои основополагающие мифы. . . » Но прежде чем вдохнуть жизнь в эти мечты, Вагнер занялся объяснением своего проекта.

В первом из своих сочинений он провозглашает, что легенда более реальна, чем история, и формулирует так называемую арийскую теорию происхождения человечества: «Именно в этих горах [в Гималаях] мы должны искать первоначальную родину современных народов Азии и всех народов, которые переселились в Европу. Там находится источник всех цивилизаций, всех религий, всех языков. . . » Далее он воскрешает древнего бога Вотана или, скорее, думает, что

нашел в нем Бога христиан, Бога Сына, что стоит отметить, а не Бога Отца:

«Не следует думать, что высший отвлеченный бог германцев Вотан был вынужден уступить свое место Богу христиан; скорее он смог полностью отождествиться с ним; достаточно очистить его от всевозможных атрибутов, которыми наделили его различные народы в зависимости от своего национального характера, страны, климата. . . Этот первобытный бог, единственный, национальный, к которому разные народы возводили свое земное существование, со всей очевидностью был забыт в наименьшей степени: именно в нем обнаруживается ключевая аналогия с Христом, сыном Божьим, поскольку он тоже умер, был оплакан и отмщен подобно тому, как еще сегодня мы мстим евреям за Христа, Вера и привязанность тем легче перешли на Христа, что в нем узнали древнего Бога».

Но Вагнеру также было за что мстить—детство, нищета, неудачи? Или благодеяния, полученные от еврея Мейербера, и своя собственная угодливость? Есть все основания пола-

гать, что эта последняя причина была достаточно весомой, однако Вагнер по-прежнему проявлял осторожность и опубликовал свой трактат «Иудаизм в музыке» под покровом двойной анонимности: он подписал его вымышленным именем и подвергал нападкам не прямо Мейербера, но через посредство Мендельсона-Бартольди и евреев вообще. В июне 1849 года он поделился своими намерениями с Листом:

«Необходимо, чтобы у меня было столько же денег, сколько у Мейербера, даже больше, чем у Мейербера, иначе я становлюсь опасен. Из-за отсутствия денег у меня возникает бешеное желание заняться терроризмом в области искусства. Благослови меня, или, еще лучше, помоги мне. Возглавь эту великую охоту: мы откроем такую стрельбу, что перебьем огромное количество зайцев. . . »

В следующем году он приступил к осуществлению своего проекта. Три темы пересекаются в «Иудаизме в музыке», самом знаменитом и самом влиятельном его трактате. В качестве введения в тему Вагнер совершает публичное пока-

яние бывшего революционера, который отныне намеревается заключить мир с властями и установившимися традициями—это еще одна причина, чтобы сделать из евреев козлов отпущения:

«Даже когда мы боролись за эмансипацию евреев, мы выступали скорее за абстрактный принцип, чем за конкретное дело. Кроме того, весь наш либерализм был лишь игрой немного смущенного ума, когда мы защищали народ, который не знали, и даже избегали малейших контактов с ним. Наши страстные требования равноправия для евреев во многом определялись возбуждением, вызванным общим состоянием умов, а не реальной симпатией...»

Вторая тема этого труда состоит в том, что евреи господствуют над выродившимся обществом и особенно над искусством этого общества: «Нам нет нужды доказывать, что современное искусство иудаизировано; факты бросаются в глаза и совершенно очевидны. Самая неотложная задача состоит в освобождении от еврейского господства...» За этим следуют погребальные образы:

«Только в тот момент, когда становится очевидной внутренняя смерть организма, чуждые элементы оказываются достаточно сильными, чтобы им завладеть, но лишь для того, чтобы обеспечить его разложение. Тогда плоть этого организма может исчезнуть в кишении червей, но какому человеку в здравом уме придет в голову относиться к этому организму как к живому?»

Но если соблазнитель-еврей идет от одной победы к другой, его положение не становится менее трагическим. Вагнер старается описать нам это положение, что является третьей темой «Иудаизма в музыке», в которой желчь не исключает ясности ума: «Образованные евреи приложили все усилия, которые только можно себе вообразить, чтобы освободиться от характерных черт своих вульгарных единоверцев: во многих случаях они даже считали, что достижению их целей может способствовать христианское крещение, которое смывает все следы их происхождения. Но это рвение, которое никогда не приносило всех ожидаемых результатов, приводило лишь к еще более полной изоляции образованных ев-

реев, к тому, что они становились самыми черствыми из людей, в такой степени, что мы теряем наше прежнее сочувствие к трагической судьбе этого народа».

Ничего хорошего не может произойти от таких евреев, вдвойне зловердных и бесплодных в глазах Вагнера, поскольку они «порвали все связи со своим собственным народом». Даже Мендельсон-Бартольди, чей талант в частных беседах он ставил исключительно высоко, никогда не мог «оказать на наше сердце и нашу душу такое всеохватывающее воздействие, которое мы ожидаем от искусства». Но самые ядовитые стрелы оказались пущенными в Мейербера:

«Тому, кто наблюдал дерзкие манеры и безразличие собрания правоверных в синагоге во время божественной службы в музыкальной форме, легко понять, что оперный композитор-еврей не будет задет подобным поведением публики в театре и без отвращения станет работать для театра... Благодаря впечатлению холодности и настоящей неловкости, возникающему у нас, знаменитый композитор открывает нам специфику

иудаизма в музыке. Из внимательного рассмотрения тех фактов, которые мы смогли узнать во время поисков причин нашего необоримого отворачивания к еврейскому духу, вытекают доказательства бесплодности нашей эпохи в области музыкального искусства».

В заключение Вагнер пишет: «Иудаизм—это дурная совесть современной цивилизации». Он напоминает о Вечном жиде, который может надеяться на спасение только в могиле. Посредством угроз он увещевает евреев: «Подумайте, что существует одно-единственное средство снять проклятие, тяготеющее над вами: искупление Агасфера—уничтожение!» Этими строками завершается текст; имя Мейербера ни разу в нем не упомянуто.

В следующем году, в работе «Опера и драма» Вагнер походя подвергает открытой критике Мейербера, называя его по имени и выдвигая новый аргумент: «Будучи евреем, Мейербер оказался лишенным родного языка, неразрывно связанного с самыми глубинными чувствами его существа; он с одинаковым интересом говорит на

каком угодно языке и перекладывает этот язык на музыку таким же образом». В дальнейшем Геббельс повторит эту мысль в более краткой формуле: «Когда еврей говорит по-немецки, он лжет!»

В своей «Автобиографии» Вагнер уверял, что «Иудаизм в музыке» вызвал против него еврейский заговор во главе с Мейербером; он приписывал этому заговору всю критику, все интриги, все удары судьбы, с которыми ему пришлось столкнуться в его бурной жизни после 1851 года:

«Сенсация, вызванная этой публикацией, настоящий ужас, распространяемый ею, невозможно сравнить ни с одним событием такого рода. . . Именно этим объясняется неслыханная враждебность, проявляемая по отношению ко мне со стороны всей европейской прессы. . . Эта ярость выразилась в вероломстве и клевете, ибо вся кампания была организована большим знатоком этого дела г-ном Мейербером, и он управлял ею твердой рукой до конца своих дней. . . »

Мы здесь видим Вагнера во власти мании преследования; первый подходящий случай сде-

лал его законченным антисемитом. В 1853 году Лист описывал княгине Витгенштейн новую манию их общего приятеля: «... он бросился мне на шею, потом он катался по полу, ласкал свою собаку Пегги и говорил ей глупости, время от времени бросая оскорбления в адрес евреев, которые представляются ему общим наименованием с очень широким значением. Одним словом, это грандиозная, величественная фигура, чем-то напоминающая Везувий...» Двадцать лет спустя последователь Гобино Людвиг Шеман дал более подробное описание вагнеровских вспышек гнева:

«Его жалобы на невыразимую нищету, в которую евреи ввергли наш народ, достигли высшего накала в описании положения немецкого крестьянина, у которого вскоре в собственности не останется ни одного арпана (Старинная мера сельскохозяйственных угодий. 3000-5100 кв. м (Прим. ред.)). Я никогда не замечал в нем ничего, что даже отдаленно напоминало бы этот священный гнев; после этих заключительных слов он совершенно вне себя бросился в зимнюю ночь и вер-

нулся только через какое-то время, когда приступ уже прошел, а шалости ньюфаундленда, сопровождавшего его, вернули ему хорошее настроение. . . . »

Отметим, что на заднем плане этих обличительных речей вырисовываются собаки—пудель Пегги или верный ньюфаундленд. Это заслуживает специального рассмотрения. В то же время другие письма и свидетельства говорят о том, что Вагнер, не склонный питать иллюзии на свой счет, полностью сознавал преимущества, которые он мог извлекать из своей мании—субъективные преимущества: «. . . уже в течение долгого времени я сдерживал гнев против евреев, гнев, столь же присущий моей натуре, как желчь крови. . . Их проклятые писульки давали мне повод, и я взрывался. . . » (письмо Листу, 1852 г.). Но были и объективные преимущества, рост известности: «Благодаря глупости Мейербера, нанявшего в Париже толпу писак, я внезапно стал там знаменитым, по крайней мере ко мне проявляют большой интерес. . . Перспектива жестокой, но значительной и многообещающей борьбы

с Мейербером возбуждает мою... скажем: мою злость (письмо племяннице Франциске, датированное тем же годом).

Этот проницательный Вагнер заблуждался только в одном пункте: Мейербер никогда ничего не предпринимал против своего бывшего протеже, он придерживался принципа не отвечать на нападения и смирился с окружающим антисемитизмом. Тем не менее исторически в человеческом плане он оставался проигравшим, «притворщиком». (Как если бы он заранее смирился с этим, в 1840 году Мейербер писал Генриху Гейне, что «девяносто девять процентов читателей антисемиты, поэтому они наслаждаются и всегда будут наслаждаться антисемитизмом, если только его будут преподносить им достаточно умело».)

«Евреи» этой эпохи также никогда ничего не предпринимали ни против композитора, ни против памфлетиста; напротив, он продолжал находить среди них поддержку и самых верных друзей. Под сенью музыкального шатра, под лозунгом искусства для искусства диалектика анти-

семитизма могла свободно развиваться во всей своей чистоте.

* * *

Каковы бы ни были причины, факт состоит в том, что в области изящных искусств эмансипированные евреи прежде всего добились превосходства как музыканты. С самого начала XIX века они были композиторами и исполнителями: в том, что автор «Кольца» и гениальный антрепренер Вагнер прибегал к их талантам, нет ничего удивительного. В данном случае симптоматичной является частота. Предрасположение Вагнера к исполнителям-евреям хорошо известно; «Почему ваш отец и мой не сделали нам в свое время обрезание?» — комично восклицал дирижер оркестра Ганс фон Бюлов, обращаясь к своему собрату.

«Многие из моих лучших друзей евреи»; Вагнер всегда следовал этому золотому правилу антисемитизма прошлого. Но эта преступная склонность или это алиби, имеет и обратную сторону; психологически выгода легко становилась взаимной. В окружении Вагнера самым крайним случаем такого рода была история с виртуозом Иосифом Рубинштейном. Их связь началась с письма, отправленного этим музыкантом со сво-

ей родной Украины автору «Иудаизма в музыке», в котором он писал, что согласен с ним по всем пунктам и что поэтому ему остается выбор между самоубийством или искуплением под сенью Метра. Вагнер согласился оказать ему отеческое покровительство, принял его в 1872 году в число своих домочадцев, и он стал его любимым пианистом; мелодии Зигфрида, Вотана, Валькирий исполнялись для гостей в обработке для клавишных этим евреем. Его преданность Вагнеру не знала границ, а его смерть повергла Рубинштейна в такую растерянность, что он совершил самоубийство на могиле своего метра. В официальной биографии Вагнера написано: «Он не смог вынести того, что вынесли все приверженцы Метра—пережить его».

Другой пианист, ученик Листа Карл Таусиг не упоминается как еврей в этой биографии, составленной под наблюдением Козимы Вагнер: ее авторы ограничились намеком на «его темное происхождение». Дело в том, что Таусиг был также деловым человеком, он был главным творцом байрейтского проекта; безусловно, поклонникам

Вагнера было важно пощадить его посмертно.

Также евреем был тенор Анджело Нойман, любимый Лоэнгрин и Зигфрид Вагнера; став директором театра, он сумел получить от метра обещание мировых прав на «Парсифаля» за пределами Байрейта. После артистов, импресарио, поклонников и меценатов Вагнер особенно ценил музыкального критика Генриха Поргеса, так что он пригласил в Мюнхен и хотел привязать к себе в качестве секретаря этого «старейшину вагнерианцев». Делами Patronalsverein в Байрейте управлял некий банкир Кон, и сам композитор соглашался с тем, что больше всех его операм аплодировали евреи.

Пытались ли они утвердить таким образом свою принадлежность Германии? Притягательность антисемитов для ассимилированных евреев может питаться из разных источников: в их глазах этот враг может казаться наделенным специальными полномочиями для выдачи особого сертификата патриотизма или неиудаизма. Искусение может оказаться довольно изысканным: например, приведем размышления, возникшие

после прочтения «Иудаизма в музыке», которые некий еврей традиционных взглядов, романист Бертольд Ауэрбах, доверял своему родственник):

«Это сочинение является более опасным и ядовитым, чем это может показаться, и нельзя ограничиваться словами: это пройдет, поскольку вскоре станет очевидным, что Вагнером движет лишь хитрость и зависть. Нет, здесь что-то совсем другое, что нужно признать и понять до конца (...) многое из того, что Вагнер говорит о музыке Мендельсона, я и сам чувствовал...»

Ауэрбах добавлял, что этой музыке недоставало естественности и делал исключение лишь для «Вальпургиевой ночи» и «Сна в летнюю ночь». Выступал ли он только в качестве музыканта или стремился одновременно проявить себя в качестве истинного немца?

Посмотрим теперь на вагнеровскую сторону этого дела. Его антисемитизм все более нарастал до последних дней его жизни и приобретал все более агрессивные формы. Прежде чем обратиться к его сочинениям или причудам, отметим

характерную реакцию на следующий день после пожара в венском Ринггеатре, в котором погибло восемьсот человек, христиан и евреев, он воскликнул: «Люди слишком плохие и не заслуживают жалости в случае массовой гибели. Каков толк от этих подонков, собравшихся в таком театре? Вот когда рабочие становятся жертвами катастрофы на шахте, это меня волнует. . . » В том же 1864 году он заявлял: «Если род человеческий погибнет, потеря будет невелика: но если он погибнет из-за евреев, это будет позором». Пусть погибнет мир, но пусть он погибнет благодаря Вагнеру!

Почему антисемиты находят удовольствие в позорном для них обществе евреев? Безусловно, здесь может быть множество мотивов, среди которых отметим и то, что таким способом они могли проявить свое благородство. Но главной целью была возможность выставить напоказ свое арийское превосходство заискивающим евреям, а в конечном итоге и самим себе. Подавлять евреев значит подняться над самыми коварными в мире людьми, превзойти сверхчеловеков, сумев-

ших довести до оупления и сделать бесплодными ариев: «Мы набитые дураки, которые всем обязаны евреям»,—говорил Вагнер незадолго до смерти.

Этот тиран получал удовольствие от игры с «евреем» как кошка с мышкой. На вершине славы он доверял дирижировать «Парсифалем», этим «германо-христианским священным сценическим произведением» (christlich-germanisches Weihefestspiel) руководителю оркестра Герману Леви, которого он называл своим «полномочным представителем» и даже своим alter ego. Он хотел обратить его в протестантство, но также выражал свое удовлетворение тем, что он сохранил свое имя, ничего в нем не меняя. Небольшая размолвка, происшедшая незадолго до первого представления «Парсифаля», хорошо показывает природу их взаимоотношений.

В середине июня 1881 года Вагнер получил из Мюнхена анонимное письмо, в котором его умоляли не позволять дирижировать его произведением еврею, а также намекали на его незаконную связь с Козимой. В тот день супруги Вагнеры

ожидали Леви к завтраку. Муж положил письмо на стол в комнате, отведенной Леви.

Леви опоздал. Вагнер ждал его у входа с часами в руках и сказал ему серьезным тоном: «Вы опоздали на десять минут! Отсутствие пунктуальности идет сразу после неверности!» Затем он добавил: «Теперь пошли завтракать. Нет, сначала прочтите письмо, которое я приготовил для вас».

За столом взволнованный письмом Леви хранил молчание. Вагнер спросил его, почему он столь молчалив. Леви ответил, что он не понимает, почему Вагнер дал ему прочитать письмо вместо того, чтобы немедленно разорвать его. В ответ он услышал: «Я вам скажу. Если бы я никому не показал это письмо, если бы я сразу же разорвал его, возможно, что-то из его содержания осталось бы во мне, а так, могу вас уверить, что у меня не останется от него никаких воспоминаний».

Не прощаясь, Леви вернулся в Бамберг, откуда он настойчиво потребовал от Вагнера освободить его от дирижирования «Парсифалем». Ваг-

нер ответил телеграммой: «Дорогой Друг, я прошу вас со всей серьезностью вернуться как можно быстрее: главное дело должно быть доведено до конца». Леви настаивал на своей отставке и получил после этого письмо, содержащее следующие фразы:

«Дражайший друг! Я выражаю мое глубокое уважение вашим чувствам, однако таким образом вы не сможете облегчить ни ваше, ни мое положение. Причина состоит в том, что вы смотрите на самого себя столь мрачно, что в наших отношениях с вами мы будем охвачены тоской. Мы совершенно согласны в том, чтобы открыть это г. . . всему миру, но для этого требуется, чтобы вы не оставляли нас и отказались от этой бессмыслицы. Во имя любви к Господу немедленно возвращайтесь и постарайтесь лучше нас узнать! Ни в чем не отказывайтесь от вашей веры, но наберитесь мужества для этого!—возможно, в вашей жизни произойдет большой переворот,—в любом случае вы будете дирижером «Парсифаля».

Такова была любимая игра Вагнера: садист-

ское желание унижать; сентиментальный и покладистый нрав; но прежде всего стремление еще теснее привязать к себе свою жертву. Леви согласился с тем, что «Иудаизм в музыке» был продиктован благородным идеализмом; в том же году он писал своему отцу, раввину: «Потомки когда-нибудь признают, что Вагнер был таким же великим человеком, как и музыкантом, что уже хорошо понимают его близкие. Его борьба против того, что он называл «иудаизмом» в музыке и литературе также объясняется самыми благородными мотивами».

После смерти этого верного последователя Вагнера, Х. Ст. Чемберлен посвятил ему хвалебную заметку в "Bayreuther Blatter". Отметив его достоинства еврея, не похожего на других, он приходил к выводу, что его неразрешимая человеческая проблема, т. е. сознание позора его происхождения, делала его особенно подходящим для художественного выражения безнадежных поисков «Парсифаля». Но, как мы увидим ниже, все происходило таким образом, как если бы этот зять Вагнера остановился на середине

пути своих размышлений. Вагнеровская библиография насчитывает более сорока пяти тысяч названий, возможно, уступая в этом отношении только Иисусу Христу и Наполеону. Никакой другой художник так не волновал массы, но никого так не ненавидели, как его.

Он стал главным разочарованием в жизни Ницше, который очень его любил, но затем стал убеждать немцев защищаться от него «как от болезни» («Казус Вагнер»). «Вагнер—это полнота, но это полнота порчи; Вагнер—мужество, воля, убежденность порчи». И Ницше объявил войну «байрейтскому кретинизму и одновременно немецкому вкусу». (Ведь, например, Эдмунд фон Хаген в своих «Афоризмах о Вагнере» называл своего кумира «всемогущим, Софоклом, Платоном, Шекспиром и Бэконом, Шиллером и Кантом, Гете и Шопенгауэром в одном лице, господствующем над миром».)

Но вагнерианство, как и гитлеризм, было общеевропейским феноменом. Во Франции имел место энтузиазм Бодлера, Барреса и Пруста, символистов и «Вагнерианского обзоре-

ния», «служение с самого детства у алтарей бога Рихарда Вагнера», о котором говорит Леви-Строс. Время, а в еще большей степени испытание гитлеризмом постепенно изменили оценки искусства, которое претендовало на то, чтобы быть искусством будущего, но которое подготавливало кровавое прошлое. В конце прошлого века Анри Лихтенберже писал: «Нет сомнений, что этот немец чистого происхождения, этот подлинный немецкий гений именно среди нас нашел свою вторую духовную родину. . . В его лице мы чтим одного из самых благородных героев новой Германии и искусства всех времен».

В наши дни Морис Шнейдер признает величие Вагнера, но отмечает, что это величие из-за своей «сакральности» навлекало на него ненависть и насмешки: «Чувствуется обман, непорядочность, и ничто не отталкивает сильнее, чем ложный пророк, который использует в личных целях рвение своих последователей, чем ничтожный маг, использующий святое в преступных целях. Однако приходится прибегать именно к такому пониманию религиозных тайн, чтобы понять

апофеоз Вагнера, который он познал в конце своей жизни. Иначе это невозможно объяснить. Когда религия утратила свой престиж, люди ждут от художника, что он займет место священника...»

Что касается самой Германии, то в Третьем рейхе Вагнера чтили еще больше, чем во втором, и рассматривали его как предшественника и первооткрывателя. Таков был общий дух, но это было также и частным человеческим феноменом. Друг детства Гитлера уверяет, что он «искал в Вагнере нечто гораздо большее, чем модель или пример. Он буквально присвоил себе личность Вагнера, чтобы сделать из нее неотъемлемую часть собственной индивидуальности». Эта формула не кажется преувеличенной в связи с человеком, который в молодости делил современников на вагнерианцев и тех, «у кого нет имени». В характерном для него стиле Альфред Розенберг говорил примерно то же самое: «Бай-рейт—это воплощение арийской тайны (...). Суть западного искусства открывается в Вагнере, а именно: нордическая душа не является созерцательной,

она не теряется в индивидуальной психологии, она стремится жить по космическим законам духа и создавать их спиритуализм и архитектонику». Но, возможно, у Вагнера не было лучшего толкователя, чем он сам.

На протяжении всей своей жизни он комментировал свое творчество, в котором он стремился сплавить в единое неразрывное целое музыку, направленное действие и идеологию. После цюрихского периода он особенно много писал об искусстве, политике и на другие темы в Байрейте, в конце своей жизни. Его антисемитизм не претерпел никаких изменений, но лишь стал более мрачным: «Я считаю еврейскую расу прирожденным врагом человечества и всего благородного на земле; нет сомнения, что немцы погибнут именно из-за нее, и, может быть, я являюсь последним немцем, сумевшим выступить против иудаизма, который уже все держит под своим контролем», — писал Вагнер в 1881 году королю Баварии Людвигу II. (Это не мешает ему в том же году поддерживать своего импресарио Анджело Ноймана, подвергшегося нападкам в разгар анти-

семитских волнений в Берлине, критиковать по этому случаю антисемитские кампании и говорить об «абсурдных недоразумениях»,—все это тоже Вагнер.) Пессимистические мотивы Шопенгауэра обогащаются теориями Гобино по поводу расовой деградации. «Пластичный демон упадка человечества»,—так характеризует он евреев в одной работе под весьма показательным названием «Познай самого себя» («Erkenne dich selbst»). В ней он приписывает евреям превосходство во зле и удивительные успехи. Он вменяет им в вину изобретение денег и, что еще хуже, бумажных денег, «дьявольского заговора», а в конечном итоге и всей западной цивилизации, которая является «иудейско-варварской смесью», но никак не «христианским творением». Это еврейское могущество кажется ему находящимся у них в крови и таким сильным, что «даже смешение [крови] не может ему повредить: как мужчина, так и женщина, даже если они смешиваются с самыми далекими от них расами, всегда порождают евреев».

Это фундаментальное положение нацизма, из

которого вытекают хорошо известные следствия. У Рихарда Вагнера это пересекается с вегетарианством, сторонником которого был также и Гитлер. Он специально проводит связь между «запрещением употреблять в пищу мясо животных» и «тем фактом, что Бог евреев нашел жирного ягненка, принесенного в жертву Авелем, более вкусным, чем плоды земледелия, пожертвованные Каином». По его мнению употребление в пищу мяса животных является главной причиной упадка человечества.

К концу своей жизни он почувствовал влечение к образу Христа, но скроил себе христианство по собственной мерке. В самом деле, он думал, что тайная вечеря означает возвращение к первоначальной невинности, что она символизирует уважение к живой жизни, т. е. вегетарианство. Именно в этом смысле хлеб и вино заменили собой плоть и кровь; именно так апостолы хотели сохранить память о Спасителе и скрепить Новый Завет. Но Церковь очень быстро пропиталась еврейским духом, и эти символы первоначального христианства оказались полностью стертыми.

Как бы там ни обстояло дело с этими теологическими фантазиями, факт, состоящий в том, что на следующий день после победы в 1871 году Вагнер предлагал разместить в Париже «всемирную скотобойню», говорит сам за себя. Он издевается над французами, этими «семитизированными латинянами», тем не менее они остаются для него «богами и хозяевами мира». Эта двойственность весьма показательна.

Другими «низшими расами»—славянской и негритянской, Вагнер, который не был последовательным доктринером, специально не занимался. Что же касается женщин, которые его любили и так много ему помогали, они символизируют в его творчестве романтическое «вечное женственное» в двух видах: непорочной Богоматери и дающей жизнь Венеры, или иначе «природы» в противопоставлении «духу». То, что он собирался изложить по этому поводу, оказалось прерванным в феврале 1883 года его смертью; но, судя по наброскам к его эссе о «женском элементе в человеческом существе», не похоже, чтобы он собирался проповедовать антифеминизм на-

подобие Прудона.

Манией этого самовлюбленного человека была навязчивая идея осквернения, которая достаточно ясно проявляется в его сочинениях, особенно в том, которое он считал самым важным— «Героизм и христианство». Эта мания выступает в двух формах: запятнанность еврейской кровью и запятнанность плотью животных. Их сочетанию он приписывал упадок Запада. Он не видел иного средства против этого вырождения кроме «божественного очищения» благодаря «принятию крови Христа в том виде, в каком она символически возникает в евхаристии—единственном подлинном таинстве христианской религии. . . Это противоядие должно остановить вырождение рас, вызванное их смешением; и возможно, что вселенная произвела живые существа только для служения этой религии».

Что же это за религия? Какова эта «арийская тата Байрейта», в которой некоторые комментаторы надеялись найти элементы «религии древних ариев»? В другом сочинении Вагнер уверял, что главный грех рода человеческого—это

убийство животных. В его глазах это преступление было тем более ужасным, что он считал, что животные морально превосходят людей, особенно своей «верной преданностью до самой смерти». Он приписывает животным и другие добродетели—честность и наивность, неспособность к обману. Завершается эта работа упоминанием об искупительной смерти Иисуса; но силы зла взяли верх, христианство пропиталось иудаизмом: сегодня «Ветхий Завет» является победителем, а дикое животное [т. е. человек] превратилось в считающего животного. . . »

В письме, адресованном президенту антививисекционной лиги Э. фон Веберу, Вагнер советует ему прибегнуть к решительным действиям и снова возвращается к евреям: «Так, было бы замечательно напугать евреев, которые изо дня в день ведут себя самым наглым образом. Кроме того, необходимо нагнать страху на господ вивисекционистов; нужно сделать так, чтобы они просто боялись за свою жизнь и чтобы им казалось, что против них выступил народ, вооруженный плетьюми и дубинками».

Это еще один случай использования евреев для примера, так что вспоминаются «евреи и поставщики» маршала Гнейзенау и «евреи и филистеры» Клеменса фон Brentано. Другие в это же время говорят о «евреях и франкмасонах». Нам кажется, что мы собрали достаточно фактов, чтобы прийти к заключению в той же манере, которую нам как бы предлагает гениальный художник, полагавший себя «сознающим бессознательное» (*Der Wissende des Unbewussten*),

Вагнеровский невроз—это прежде всего обстановка, одна из форм «зла этого века». Чрезмерное, как и вообще все у Вагнера, это «страдание художника» может быть с пользой развито и выставлено напоказ, подобно тому как его антисемитизм лишь выражает господствующую идеологию эпохи. Он является воплощением зла, оскорблением самолюбия. В данном смысле этот невроз, как и любой другой, воспроизводит во взрослой жизни конфликт раннего детства, осложненный в случае с Вагнером сомнительным двойным отцовством. Конфликт не получил успешного разрешения, образ отца

оказался расколотым на две части: друзья и покровители воплощали образ доброго и любящего отца,—Гейера, к которому он сохранял признательность. Враги и соперники являлись продолжением отца, угрожающего и деспотического,—Гейера в постели его матери, Гейера-самозванца, еврея, которого он ненавидел и старался стереть его память, но с которым он все же продолжал отождествлять себя в глубинах подсознания.

Можно думать, что обращение Вагнера в антисемитизм в какой-то степени наложило бальзам на его язвы. Оно позволило ему по крайней мере частично заплатит по своим старым счетам. Похоже, что отныне он по-своему чувствует себя отцом и вождем, соответствующим образом организуя свою жизнь; он больше не играет в бунтовщика; он приобрел аудиторию, учеников и последователей, в свою очередь он начинает господствовать. Но рана остается, душа по-прежнему унижена, так что если посмотреть поближе, то окажется, что этот мизантроп испытывает истинную симпатию только к тем, кого он полностью держит в своей власти. Именно так в

течение нескольких лет обстояло дело с Ницше. В 1872 году он писал молодому философу, относившемуся к нему с величайшим почтением, что после его жены Козимы он был единственной наградой в его жизни; кроме них у него была только собака Фиди; его дети во плоти, Зигфрид и Ева, не упоминались в этом экзистенциальном итоговом балансе.

Таким образом, собаки и евреи определяли эмоциональную жизнь этого художника; без сомнения, в глубинах своего подсознания он связывал их друг с другом: об этом свидетельствуют две его мании—осквернение плотью (животных) и кровью (евреев). Кроме того, чувство симпатии к животным он распространял и на евреев, поработанных и выхолощенных им как Иосиф Рубинштейн и Герман Леви, эти собаки Вагнера в человеческом облике, одушевленные вещи, полностью подчиненные его контролю; радость реванша, отталкивание, преобразованное в притяжение. Подобные замещения также отмечаются среди нацистских убийц, больших любителей животных, гордящихся своей доброжелательной

симпатией к еврейским рабам, приставленным к ним в качестве личных слуг. Типичные игры антисемитской психологии, которая помимо прочего приписывает объекту своей ненависти с помощью механизма проекции все, что внушает ей страх и что она хочет игнорировать в самой себе: в случае Вагнера пожирающая жадность, жажда денег и жажда крови, обе, рассматриваемые как нечистые и легко объединяемые в одно целое; короче говоря, «еврей» в себе самом. Но этого демона невозможно провести таким образом, особенно у такого пронизательного человека как Вагнер, а эту жажду невозможно утолить. Рана остается неизлечимой, вернувшаяся ненависть сохраняется: отсюда чувства вины, скрытые под видом осквернения, и надежда на искупление кровью Спасителя, что вновь отражает у этого обновителя древних мифов жажду крови, неосознанное стремление к мести.

Вокруг этой драгоценной крови мистически протекает действие «Парсифаля», культового произведения Байрейта, апофеоза, обдумывавшегося на протяжении четверти века. Эта кровь

вылечит рану короля Амфортаса, которого Вагнер наделил всей своей тоской. Известно, что он взял этот сюжет из легенды о Граале, которую изменил в свойственной для себя манере, уверяя, что средневековый автор плохо ее понял. Некоторые из этих изменений позволяют нам в свете его отношений с Германом Леви добавить два или три окончательных мазка к его портрету.

Среди тех вольностей, которые он позволил себе в разработке темы Грааля, есть такие, что поразили или шокировали многочисленных критиков. Король Амфортас, «фигура огромного трагического значения», как он писал в 1859 году, стал центральным персонажем действия. Тайная вечеря превратилась во что-то вроде вегетарианского пира, за что его осуждали католики; и особенно Великая пятница, которая стала полной противоположностью траурной символики этого дня. «Счастливо каждое создание, все, что возникает и вскоре умирает, ибо природа, получившая искупление, украшается непорочностью в такой день!» Это знаменитая «Хвала Святой пятнице», партитуру которой в феврале 1879 года

он послал Герману Леви. Вместе с партитурой было отправлено письмо, полное загадочных намеков, которое Х. Ст. Чемберлен опубликовал в 1901 году в «Bayreuther Blätter» вместе с тридцатью другими письмами Вагнера к Леви. Однако первая фраза этого письма заменена точками:

«Дорогой друг!

[Моя жена не перестает говорить мне о ваших любезностях в ее адрес, и я хочу отблагодарить вас автографом, который вы сможете скопировать для своей коллекции.] То, что я собираюсь вам сообщить, не имеет большого значения, если только выражение моей радости не представляется важным. Говоря таким образом о своей «радости», я не хотел бы выглядеть претенциозным, как если бы эта радость действительно имела большое значение. Но здесь имеются серьезные и глубокие тайны, и тот, кто сумеет полностью осветить их сиянием разума, возможно, решит, что «моя радость по вашему адресу» является счастливым предзнаменованием для будущего построения человеческих положений. Для нас обоих должно служить утеше-

нием, что мы окажемся очищенными в гармонии этого построения.—Социальная метафизика! Благодарности и сердечные приветствия от весьма преданного вам

Рихарда Вагнера, Байреит, 27 февраля 1879».

Можно думать, что исключение первой фразы было сделано из-за Козимы Вагнер или даже по ее просьбе: ей было важно соблюдать дистанцию по отношению к предупредительному еврею-руководителю оркестра. Но остается продолжение, которое отнюдь не казалось опасным вагнерианцам, и именно оно представляет для нас интерес. Что это за серьезные и глубокие тайны, о которых шутливо говорил Вагнер, посылая Леви «Хвалу Святой пятнице»? Что это за общее «очищение», которое он предвидел? Что это за «социальная метафизика»? Более того, почему он так стремился убеждать Леви и общаться с ним? Почему он называл Леви своим alter ego и придавал такое большое значение тому, чтобы «Парсифалем» дирижировал этот сын раввина? Истинная природа взаимоотношений Вагнер-Козима-Леви заслуживает более при-

стального изучения: две части письма—изъятая фраза и остальной текст—могут оказаться связанными самими различными способами. . .

Здесь мы возвращаемся к «проблеме Гейера». Если антисемит Вагнер тайно считал себя евреем, он бы не мог выражаться иным способом, и его «язва Амфортаса», эта таинственная болезнь, эти мучения, которые он описывал королю Баварии, могли означать именно это. Но помимо этого можно предложить набросок еще одной гипотезы относительно некоего источника вагнеровского мифа о Парсифале, который должен был оставаться неясным самому художнику.

Иронизируя по поводу сентиментальных восторгов Мейербера, Вагнер однажды назвал его «современным искупителем, агнцем Божьим, искупающим грехи мира». Возмущенный католический критик отец Т. Шмид задавал вопрос в этой связи, не является ли Парсифаль, где большое внимание уделяется Искупителю и Искуплению, богохульным фарсом, пародией на Страсти Господни. Он перечислял ереси Вагнера и задавал себе вопрос, не значит ли на его произведени-

ях шиболет:

«Mysterium, Babylona magna, mater fornicationum et abominationum terrae». («Мистерия, великий Вавилон, мать блудодеяний и мерзости земной».)

Вероятно, нет необходимости заглядывать так высоко. Можно допустить, что антисемитские тексты были лучшим источником вдохновения для Вагнера, о котором его поклонники говорили, что по вдохновению Духа Святого он смог постичь истинный смысл Тайной вечери. Он был усердным читателем этих сочинении, в чем нет ничего удивительного, и иногда критиковал их: так, он упрекал Вильгельма Марра в поверхностности, а Е.Дюринга в вульгарности стиля. Но «Еврей Талмуда» отца А. Ролинга, профессора богословия Пражского университета, получил его полное одобрение. В этом трактате много говорится о ритуальном убийстве, способном помогать при экземе, от которой он страдал в 1880 году, и его изумляли «странные обычаи евреев». Можно допустить, что в свое время он прочитал «Тайны христианской древности» Даумера;

следует также принять во внимание его смятение во время перерезания горла курице—в психологии это называется «реактивным типом». Обвинял ли он евреев в каннибализме или надеялся на спасение через кровь Спасителя, всегда обнаруживается это возбуждение, вызываемое невинной кровью. Но для какой пели может использоваться евреями христианская кровь в соответствии с антисемитской традицией? Варианты достаточно разнообразны: выразить ненависть к страстям Иисуса; освящать мацу; пользоваться рану после обрезания; устранять еврейское зловоние; останавливать у мужчин менструальную кровь или лечить другие позорные болезни. В любом случае эту кровь предпочтительнее добывать в Святую пятницу. Евреев обвиняют, что они радуются в этот день; у этой выдумки была тяжелая жизнь, как это показывает размышление, вкладываемое Прустом в уста барона Шарлюсу. Был ли творческий гений Вагнера отравлен этими темами? Шла ли речь для него о скрытом уничтожении клейма Гейера, изгнании этого старого призрака? Был ли этот «еврей» в нем, та-

кой, каким он его видел в себе, тем, кто надеялся на это искупительное выздоровление с помощью христианской крови и радовался в Святую пятницу? Последний смысл «Парсифаля», непонятный самому Вагнеру, окажется следующим: ритуальное убийство, этот колоссальный бредовый фарс, организованный, направляемый его «другим я», сыном раввина Германом Леви?

"Европа на пути к самоубийству"

Первая часть

«Бель-эпок». 1870-1914

I. ГЕРМАНСКИЕ СТРАНЫ

Я никогда не встречал ни одного немца, который бы любил евреев»,—заметил в конце XIX века Ницше, который со своей стороны составлял блестящее исключение из этого правила. Что касается причин такого положения вещей, то здесь же он предпринял первую попытку ответа на этот вопрос, ссылаясь на политическую и культурную незрелость и неустойчивость немцев своего времени. «Они из позавчерашнего или послезавтрашнего дня—У них еще нет сегодняшнего дня (. . .) Немец не существует, он развивается, он «эволюционирует» (. . .) Он плохо усваивает то, что пережил, и никогда не доходит до конца. Немецкая глубина чаще всего является лишь замедленным и мучительным усвоением».

Без сомнения к этому можно было бы добавить, что усвоение оказалось замедленным еще и потому, что в Германии евреи были более многочисленными, чем в Италии или во Франции. Тем не менее в ходе процесса ассимиляции статистические данные играют лишь второстепенную роль, поскольку во всех случаях речь может идти лишь о самом незначительном меньшинстве. Ре-

шающее значение принадлежит комплексам преследования и компенсаторной мегаломании, которые вызываются незрелостью или неустойчивостью. Я уже писал о мистике-политической рационализации этих комплексов; как правило, в литературном и философском планах они находили свое выражение в страхе и ненависти к евреям.

Возьмем для примера самого популярного писателя имперской Германии Густава Фрейтага, чье основное произведение, роман «Приход и расход» («Soll und Haben». 1855), выдержало пятьсот последовательных изданий и имелось в каждой семейной библиотеке. Главные действующие лица романа немец Антон Вольфарт (Wohlfart—по-немецки означает «блага, полнейшее, общественное вспомоществование». (При.м. ред.)) и еврей Фейтель Итциг воплощают соответственно добродетель и порок. Чтобы как можно сильнее подчеркнуть свои намерения. Фрейтаг окружает Итцига еще полудюжиной евреев, которые за одним исключением почти столь же отвратительны, как и сам Итциг, в

то время как среди множества немцев, действующих в романе, есть лишь один-единственный персонаж такого рода.

Аналогичная примитивная наставительность характерна и для бестселлера номер два немецкой буржуазной романистики «Голодный пастор» Вильгельма Раабе («Hungerpastor», 1864). Здесь Фейтеля Итцига зовут Мозесом Фрейденштейном; честолюбивый и алчный подобно своему предшественнику, он обращается в христианство, меняет имя и подтрунивает над своим другом детства добрым пастором Гансом Унвирцем: «Я имею право быть немцем, когда мне это нравится, и право отказываться от этой чести, когда мне это необходимо... С тех пор как нас больше не приговаривают к смерти как отравителей колодцев и убийц христианских детей, наше положение гораздо лучше вашего, так называемые арии!» Но можно все же отметить, что другие персонажи романа не представлены в столь жестких черно-белых тонах как у Фрейтага.

После писателей, заполнивших свои произведения евреями, обратимся к тем, кто не про-

являл к ним интереса по крайней мере в своем творчестве. У тонкого рассказчика Теодора Фонтане эпизодически встречается профессор рисования еврейского происхождения, описанный с большой симпатией. А в одной из поэм он с дружелюбной благосклонностью говорит об Аврааме, Исааке и других патриархах Израиля, «цвете доисторической знати», пришедших приветствовать его по случаю семидесятипятшгетнего юбилея: «Все они читали меня. Все они знают меня уже очень давно, и это главное». Но в то же время он писал своей жене: «Чем старше я становлюсь, тем более я превращаюсь в сторонника строгого разделения . . . евреи сами по себе, христиане сами по себе. . . Лессинг причинил огромный вред своей историей о трех кольцах» (Здесь имеется в виду драматическая поэма Г. Э. Лессинга «Натан мудрый» и высказанные в ней идеи релипюлюй терпимости и необходимости объединения иудаизма, христианства и ислама, поскольку ни одна из этих).

В «нордических» новеллах его современника Шторма нет ни одного персонажа-еврея; но в

переписке с его швейцарским другом Готфридом Келлером имеется характерный пассаж: Шторм выступил резко против «бессовестного еврея» Эберса, который характеризовал новеллу как второстепенный литературный жанр, а гражданин свободной Гельветии его урезонивал: «Еврейство Эберса, о котором мне не было раньше известно, не имеет никакого отношения к этому делу. Фон Готгшалл, чистокровный немец и христианин, также не устает повторять, что новелла и роман относятся к низшим жанрам. . . Мой опыт говорит о том, что на каждого плохо воспитанного и бранящегося еврея приходится двое христиан, отличающихся теми же качествами, причем они могут быть французами или немцами, швейцарцы также не составляют исключения».

В области философии мнения разделились еще более резко, если это вообще возможно. Мы уже видели, как Кант, Фихте или Гегель критиковали евреев и иудаизм в рамках метафизических систем, которые все еще сохраняли свою лютеранскую основу, хотя и постепенно от нее отходили. Посмотрим теперь, как к этому вопросу

подходил Шопенгауэр, который порвал последние связующие нити и объединял евангельское послание с буддизмом, при этом Моисей рассматривался лишь как чуждый, варварский законодатель или «наставник»:

«Подобно плющу, который в поисках поддержки обвивается вокруг грубо вырубленной подпорки, приспособляется к ее искривлениям и точно их воспроизводит, но сохраняет свою собственную жизнь и красоту, радуя нас самым замечательным образом, так и христианское учение, рожденное индийской мудростью, покрыло собой древний, совершенно чуждый ему ствол грубого иудаизма; то, что оказалось необходимым сохранить от первоначального облика иудаизма, это совершенно иное, живое и настоящее, преобразованное христианством. . . »

Продолжение этого отрывка наводит на мысль, что желчный характер Шопенгауэра не мог смириться с идеей Творца, который доволен своим Творением:

«[В христианстве] Создатель находится вне мира, созданный им из ничего и отождествля-

емый со Спасителем, а через него с человечеством; он является представителем человечества, которое он искупил, ведь оно пало вместе с Адамом и с тех пор пребывало в мире греха, разврата, страдания и смерти, Именно в этом заключается подход христианства, так же как и буддизма: мир нельзя больше рассматривать в свете иудейского оптимизма, полагавшего, что «все хорошо»; нет, теперь скорее дьявол может называть себя «князем этого мира»...»

Ярость, с которой Шопенгауэр обрушился на вездусущее «еврейское зловоние» (*foetorjudaicus*), под которым он подразумевал веру в доброту Создателя и в свободу воли, предполагает, что для этого хулителя классической философии речь шла не об отвлеченных идеях, но о том, что у него, подобно средневековым богословам, «евреи» обозначали всех, кто был с ним не согласен. Он также всеми силами стремился углубить ров, разделяющий поборников Ветхого и Нового Завета: «Евреи—это народ, избранный их Богом, который является Богом, избранным своим народом, и это не касается

никого кроме них и его». Еще короче: «Родина еврея—это другие евреи».

При этом Шопенгауэр осуждал евреев, находясь на позициях метафизики и спиритуализма. Но что можно сказать о его «неовита-листском» последователе Эдуарде фон Гартмане, этом философе бессознательного, которого часто цитируют как предшественника Фрейда? После того как в 1875-1880 годах он разработал программу научной религии будущего, Гартман имел смелость предать гласности свое философское отношение к антисемитским кампаниям, бушевавшим в это время в Германии. Он начал с замечания, что эти кампании совершенно неуместным образом препятствуют полной ассимиляции, иначе говоря, исчезновению евреев, а сделанное им в дальнейшем описание народной ненависти к «паразитическому отродью» (Schmarotzerbrut) не лишено интереса. Разумеется., он не был неправ, когда восклицал, что, по всей видимости, было невозможно заставить сыновей Израиля понять непрочность их положения в германских странах. К тому же он подробно развивал

распространенные банальности об их «негативизме», отсутствии у них творческого духа и их скрытом развращающем влиянии.

Еще больший интерес представляет глава, которую он посвятил «расе». В этой главе он поднял вопрос о том, стоят ли евреи выше или ниже немцев в расовом отношении. Он писал, что ответ зависел от сексуального поведения женщин (поскольку мужчины «от природы полигамны»): если еврейки почувствуют притяжение германской мужественности, это будет указанием на неполноценность их расы,—и наоборот. Но он не позволил себе сделать какие-либо выводы, разумеется, из-за отсутствия необходимой информации по этому вопросу. Но даже если еврейские девушки увлекались немцами, заключал Гартман, «из этого следует только то, что современный вариант иудаизма отмечен неполноценностью сексуального инстинкта. Однако невозможно сомневаться, что этот вариант пришел в упадок и деградировал вследствие исторических обстоятельств...»

Возможно, именно в связи с этими поло-

жениями Гартмана Ницше воскликнул: «Какое облегчение—встретить еврея среди немцев! Какое оупение, какие белобрысые волосы, какие голубые глаза; какое отсутствие духа. . . » Возникает соблазн перефразировать это замечание: какое облегчение встретить Нищие среди немецких философов! Конечно, он также отдал дань научным бредням своего времени в связи с теориями о «семитской расе». Но отсюда он немедленно делал выводы, которые можно называть парадоксальными только потому, что они противоречили общераспространенным взглядам: некоторые его замечания через сто лет выглядят почти пророческими:

«Чем обязана Европа евреям?—Многим, хорошим и дурным, и прежде всего тем, что является вместе и очень хорошим, и очень дурным: высоким стилем в морали, грозностью и величием бесконечных требований, бесконечных наставлений, всей романтикой и возвышенностью моральных вопросов,—а следовательно, всем, что есть самого привлекательного, самого обманчивого, самого отборного в этом переливе цветов,

в этих приманках жизни, отблеском которых горит нынче небо нашей европейской культуры, ее вечернее небо,—и, быть может, угасает. Мы, артисты среди зрителей и философов, благодарны за это евреям* («По ту сторону добра и зла», §250, пер. с нем. Н. Полилова).

В «Утренней заре» Ницше даже пришел к тому, что в результате необыкновенного развития, в процессе которого речь шла как о добродетелях евреев, «превосходящих добродетели всех святых», так и об их дурных манерах и неуголимой злопамятности восставших рабов, он возложил на них все надежды на возрождение рода человеческого. Таким образом, он неожиданно протянул руку католическим визионерам своего времени—Гужно де Муссо и Леону Блуа;

«Итак, когда евреи смогут показать в качестве собственных произведений геммы и золотые вазы, такие, что европейские народы с их более коротким и менее глубоким опытом никогда не могли и не могут создать, когда Израиль преобразует свою вечную месть в вечное благослове-

ние Европы—тогда вернется седьмой день, когда древний бог евреев сможет радоваться самому себе, своему творению и избранному народу—а все мы, мы хотим радоваться вместе с ним!» («Утренняя заря», § 205, «О народе Израиля»),

Обращаясь таким образом к древнему Иегове, а не к Христу, Ницше воздерживался от того, чтобы сделать последний шаг, т. е. вновь стать христианином перед лицом евреев по образцу Вольтера и стольких других великих мыслителей, которые приберегли для себя эту возможность падения. Но он не был бы Ницше, если бы и в этом вопросе не поменял знаки.

В «Человеческом, слишком человеческом» Ницше обосновывал признательность, с которой Европа должна относиться к евреям, более точно и продуманно:

«... именно иудейские вольнодумцы, ученые и врачи удержали знамя просвещения и духовной независимости под жесточайшим личным гнетом и защитили Европу против Азии; их усилиям мы по меньшей мере обязаны тем, что смогло снова восторжествовать более естественное, разум-

ное и во всяком случае немифическое объяснение мира и что культурная цепь, которая соединяет нас теперь с просвещением греко-римской древности, осталась неповрежденной. Если христианство сделаю все, чтобы овосточить Запад, то иудейство существенно помогало возвратной победе западного начала; а это в известном смысле равносильно тому, чтобы сделать задачу и историю Европы продолжением греческой задачи и истории» («Человеческое, слишком человеческое», §475, пер. с нем. С, Л. Франка).

В том, что касалось настоящего, Ницше позволял себе «веселые отклонения» по поводу скрещиваний между прусскими офицерами и дочерьми Израиля, которые одарят Бранденбург «той мерой интеллектуальности, которой так сильно недостает этой провинции». Он с поразительной точностью видел, что в своем большинстве немецкие евреи стремились к слиянию с христианским населением: конечно, он переоценивал их возможности и особенно их внутреннюю сплоченность:

«Очевидно, что если бы они этого хотели или если бы их к этому принуждали, как это, похоже, хотят сделать антисемиты, евреи уже теперь смогли бы добиться преобладания и буквально-го господства во всей Европе; очевидно также, что они к этому не стремятся и не строят планов такого рода».

Возможно, не существовало человеческого типа, который бы Ницше презирал и ненавидел сильнее, чем «антисемитские крикуны» (видное место среди которых занимал муж его сестры Бернгард Фёрстер). Однако следует отметить, что он попадал в двойную ловушку, поскольку и он также приписывал евреям почти сверхчеловеческие возможности и связывал эти возможности с их наследственными особенностями, с их «кровью». В этом отношении он оставался сыном своей эпохи, а также своей страны. Среди его современников было множество тех, кто разделял эти взгляды независимо от происхождения и склонностей.

В 1911 году экономист Вернер Зомбарт опубликовал свой знаменитый трактат «Евреи и эко-

номическая жизнь». Он взялся разрабатывать тему, в которой теоретически игра воображения должна хоть как-то сдерживаться цифрами, Но на самом деле он лишь подхватил вымышленное положение, восходящее к молодым гегельянцам Бруно Бауэру и Карлу Марксу, об идентичности «капитализма» и «иудаизма». Краткий поэтический порыв Зомбарта резюмирует квинтэссенцию его труда: «Подобно солнцу Израиль встает над Европой: повсюду, где он появляется, возникает новая жизнь, тогда как в местах, которые он покидает, все, что процветало до этого момента, начинает гибнуть и чахнуть». Немедленно появились многочисленные опровержения, однако они не помешали признанию этого труда. В следующем году Зомбарт дополнил свое сочинение брошюрой о «Будущем евреев», в которой проблемы капиталистической экономики уступили место вопросам немецкой культуры. Он утверждал там, что евреи держали в своих руках или по крайней мере оказывали решающее влияние на всю национальную культурную жизнь: искусство, литературу, музыку, театр и особенно боль-

шую прессу. По его мнению это могло иметь место благодаря тому факту, что в среднем они были гораздо более умными и предприимчивыми, чем немцы. Превосходство, истоки которого Зомбарт также видел в еврейской «крови», порождало проблему, умалчивать о которой было бы обманом, поскольку речь здесь шла о «самой серьезной проблеме рода человеческого». Но он предполагал решать ее отнюдь не с помощью ассимиляции или [межрасового] скрещивания; каждая группа должна сохранять свою оригинальность и чистоту: «Мы против наполовину черной, наполовину белой смеси». Таким образом, Зомбарт выступал за политику апартеида до того, как появился сам этот термин, политику, навязываемую «низшим» большинством «высшему» еврейскому меньшинству.

Возможно, читателю последней четверти двадцатого века будет нелегко понять, как блестящий эрудит Вернер Зомбарт, который был одним из основателей экономической истории, мог смотреть на себе подобных взглядом зоотехника. Но именно это наглядно показывает, до ка-

кой степени «ветеринарная философия» Третьего рейха успела «получить права гражданства среди элиты Германии Вильгельма. Большинство авторов допускали а fortiori психофизиологическую дифференциацию между «семитами» и «арийцами», так что предметом дискуссий оказывались преимущественно соответствующие расовые характеристики, а среди немецких евреев очень многие сами относили себя к категории низшей расы. Часто речь шла о трагически раздвоенном патриотизме, который в эту эпоху определялся формулой: «Патриотизм евреев заключается в ненависти к самим себе»; эта формула дополняла цитированную выше формулу Шопенгауэра, но не противоречила ей. Мы уже приводили в других местах многие примеры такого рода; сейчас ограничимся наиболее захватывающим из них.

Для нашей темы существенно, что Отто Вейнингер появился на свет в Вене, самом горячем германском очаге антисемитской активности и единственном европейском городе, в котором всеобщие выборы привели к власти в 1897 го-

ду антисемитский муниципальный список. В это время Вейнингеру было семнадцать лет; вскоре после этого он приступил к работе над психофилософским трактатом, который принесет ему известность, но не счастье. После тщетных поисков утешения в крещении он покончит с собой в возрасте двадцати четырех лет. Его труд называется «Пол и характер» (Современное русское издание: Москва, «Терра», 1992. (Прим, ред.)). В нем на протяжении пятисот страниц анализируется моральная и интеллектуальная неполноценность женщин: в завершение он выносил еще более суровый приговор евреям с той только разницей, что женщина по крайней мере верила во что-то, а именно в мужчину, тогда как еврей был полностью лишен веры. Если Вейнингер специально уточнял, что иудаизм был в его глазах «лишь направлением ума, психической структурой, которая могла быть присущей любому человеку, но нашла в историческом иудаизме свое самое грандиозное воплощение», это отнюдь не подрывало сформулированный им принцип контраста между бесконечностью германцев и пустотой Израиля.

Его книга завершалась апокалипсическим призывом;

«Род человеческий ждет нового основателя религии, и борьба приближается к решающей стадии, как и в первом году нашей эры. Человечество снова стоит перед выбором между иудаизмом и христианством, коммерцией и культурой, женщиной и мужчиной, родом и личностью, ничтожеством и ценностью, небытием и божеством. Это два противоположных царства, третьего царства не существует. . . »

Мессия, приход которого он возвещал, засвидетельствовал ему свою признательность. «Он был единственным евреем, достойным жизни», — сказал о нем Гитлер в период претворения в жизнь «окончательного решения».

Можно также процитировать молодого германиста Морица Гольдштейна, который также принимал на свой счет распространенные концепции германо-иудейского конфликта, но иначе на них реагировал, хотя и едва ли в менее саморазрушительной манере.

«Становится все более и более очевидным,— писал он в 1912 году в нашумевшей статье,—что немецкая культурная жизнь постепенно переходит в еврейские руки. Это совсем не то, чего ждали и к чему стремились христиане, когда они открыли доступ к культуре париям, жившим среди них. . . В результате мы столкнулись с проблемой: мы, евреи, оказались в роли распорядителей духовных благ народа, который отказывает нам в правах и способностях, необходимых для осуществления этой задачи».

За этим следовало описание того, как одна сфера за другой или одна муза за другой попадали под это господство,—описание, сходное с тем, которое делали Зомбарт, Гартман и многие другие, т. е. преувеличенное в таких масштабах, которые невозможно оценить, и к тому же в области, где господствует субъективизм, обостряемый до предела игрой противоречивых страстей, той самой Hassliebe («ненавистью-любовью»), самым показательным примером которой остаются отношения между Рихардом Вагнером и его еврейскими исполнителями и поклонниками. Со

своей стороны Мориц Гольдштейн также поддался вагнерианским миазмам, что особенно заметно в заключении, где он обострял весьма животрепещущую проблему, бросая вызов всем подряд, как немцам, независимо от того, были ли они за или против евреев, так и ассимилированным евреям, которые «затыкали себе уши»:

«Мы сражаемся на два фронта. Наши врага—это. с одной стороны, германо-христианские завистники и глупцы, превратившие слово «еврей» в оскорбление, чтобы квалифицировать как «еврейское» все то, что связано с евреями, и таким образом марать и дискредитировать их. Мы не можем недооценивать этих лидеров и их последователей; они более многочисленны, чем сами это думают, и каждый немец, не желающий иметь с ними ничего общего, должен очень внимательно посмотреть, не имеет ли он это общее вопреки собственному желанию. С другой стороны находятся наши худшие враги—евреи, которые ничего не желают видеть. . . Это их следует оттеснить со слишком заметных позиций, где они создают ложный образ евреев, это их следует заставить

замолчать и постепенно свести их на нет, чтобы все мы, обычные евреи, могли радоваться жизни единственным способом, благодаря которому человек может чувствовать себя гордым и свободным: открыто давать отпор равному противнику».

По духу этой статьи очевидно, что речь идет о воображаемой дуэли, т. е. о самоубийстве. Гольдштейн писал, что вскоре после публикации этой статьи, вызвавшей бурные разнообразные реакции, он попытался обратиться к сионизму, но не смог решиться пойти до конца и испытать связанные с этим тяготы. Тогда он ограничился тем, что в качестве видного германиста, каковым он являлся, стал руководить изданием в Берлине собрания классических авторов до тех пор, пока история не распорядилась по-другому. Вскоре после своей отставки он пережил ужасный сюрприз, когда увидел, что его эссе 1912 года было полностью опубликовано в одном из первых официальных антисемитских изданий Третьего рейха «Евреи в Германии» (1935) под заголов-

ком «Евреи как распорядители немецкой культуры. . . »

Антисемитские и неоязыческие кампании

Два сочинения, опубликованные соответственно в 1871 и 1873 годах предшествовали развязыванию антисемитской пропаганды в Германии и Австрии. В обоих сочинениях использовались уже хорошо известные аргументы, но повторяемые в прессе и обсуждаемые на публичных собраниях эти аргументы могли на этот раз получить гораздо более обширную аудиторию, чем любые публикации до XX века.

«Еврей Талмуда» (« Talmudjude») каноника Августа Ролинга посвящен теме ритуального убийства и представляет собой лишь повторение классического опуса Эйзенменгера «Разоблаченный иудаизм» (1700). Но тот факт, что Ролинг был профессором Пражского императорского университета, придавал его сочинению солидность и авторитетность. Даже его незнание Талмуда пошло ему на пользу, поскольку его грубые ошибки и фальшивки, разоблачаемые более серьезными богословами, способствовали росту полемики и обеспечили большую популярность его книги. В 1885 году он проиграл судебный процесс по обвинению в диффамации, причем раз-

разившийся в этой связи скандал вынудил его оставить университетскую кафедру. Это не помешало ему сохранить своих последователей по всей католической Европе, так, во Франции в 1889 году были опубликованы сразу три перевода «Еврея Талмуда», сделанных тремя разными переводчиками. Двенадцать профессоров о ритуальных убийствах, возбужденных против евреев между 1867 и 1914 годами в германском ареале (закончившиеся оправданием обвиняемых за одним исключением), в значительной степени объясняются его агитацией, поддержанной римским официозом «*Ciillta Cattolica*»,

Если католик Ролинг, эпигон христианского антииудаизма в его самой кровавой форме, представляет прошлое, то экс-социалист Вильгельм Марр, перенесший эту проблему на расовую почву, предвещает будущее. Ему приписывается изобретение термина «антисемитизм», который в течение нескольких лет получил международное признание. Он также умел заставить звучать апокалипсическую ноту, которую уже можно заметить у Гобино или Вагнера; но его

собственное сочинение появилось в более благоприятный момент.

Его небольшая книга под названием «Победа иудаизма над германизмом» вышла в очень подходящее время, поскольку за спекулятивным бумом, вызванным объединением Германии, в 1873 году последовал финансовый кризис, разоривший множество мелких спекулянтов. Итак, новые финансовые нравы были безусловно еврейскими нравами; как объяснял Марр, евреи выиграли партию благодаря своим «расовым качествам», которые позволили им противостоять всем преследованиям. «Они не заслуживают никаких упреков. На протяжении восемнадцати веков подряд они воевали с западным миром. Они победили этот мир, они его поработили. Мы проиграли, и нормально, что победитель провозглашает *Vae victis* (Горе побежденным)... Мы настолько прониклись еврейством, что уже ничто не может нас спасти, и жестокий антиеврейский взрыв может лишь задержать крушение общества, пропитанного еврейским духом, но не помещает ему», (Ни один антисемит никогда не поза-

ботился о том, чтобы объяснить, почему арийцы так легко поддаются еврейскому влиянию, в то время как евреи были крайне далеки от того, чтобы проникнуться арийским духом.) «Вы больше не сможете остановить великую еврейскую миссию. Я повторяю с самым искренним убеждением, что диктатура евреев—это лишь вопрос времени, и только после того, как эта диктатура достигнет своей высшей точки, «неизвестный бог», возможно, придет нам на помощь...»

Подобный подход напоминает одновременно Гобино и Маркса (отметим, что Маркс также заявил в 1844 году, что иудаизм, который он отождествлял с буржуазией, достиг «мирового господства»). В заключение Марр нарочито обращался к евреям: «Мое перо выражает горечь угнетенного народа, страдающего сегодня под вашим гнетом подобно тому, как вы страдали под нашим гнетом, который вы смогли сбросить с течением времени. Для нас наступили сумерки богов. Вы стали нашими хозяевами, а мы превратились в рабов... *Finis Germaniae*». В течение нескольких лет это мрачное сочинение вы-

держало дюжину изданий. В дальнейшем автор проявил некоторый оптимизм, поскольку в 1879 году он основал «Антисемитскую лигу».

В 1875 году подобные сочинения стали публиковаться на страницах двух больших влиятельных журналов, которые вели борьбу против внутренней политики Бисмарка— протестантского «Kreuzzeitung» и католического «Gemanía». Оба журнала использовали расистские теории, не видя в них ничего предосудительного. Так, в журнале «Gemaní» утверждалось, что преследования евреев никогда не имели религиозных мотивов, но представляли собой выступление германской расы против вторжения чуждого племени. Вскоре, однако, католический журнал стал более умеренным и в конце концов вообще перестал вести антисемитскую агитацию, тогда как протестантская пресса в основном сохраняла враждебный тон вплоть до установления Третьего рейха, К тому же именно сотрудник журнала «Kreuzzeitung» Германн Гедше, т. е. «сэр Джон Ретклифф» был автором фантастического романа «Биарриц», ставшего первым

шагом к «Протоколам сионских мудрецов». В Германии антисемитизм был делом прежде всего лютеран, тогда как в Австрии и Франции это было делом католиков. Таким образом, в эпоху всеобщего избирательного права антисемитизм оказывался делом «референтной группы» большинства, т. е. в известной степени анонимной, которая определяет и классифицирует остальных и рассматривает свое ведущее положение как само собой разумеющееся (Ср. Colette Guillauman. "L'eideologie rasite, genese et langage actuel", Paris, 1972, XIV, pp. 213-221, "Le categorisant").

Не случайно в Германии возмущение на страницах прессы приводило к уличным возмущениям именно под сенью Лютера. Пастор Адольф Штекер, капеллан императорского двора, бывший сам выходцем из рабочей среды, стремился противодействовать влиянию атеистической социал-демократии на рабочие массы или, по его собственному выражению, «разрушить Интернационал ненависти с помощью Интернационала любви». Для этого он основал в 1878 году в Берлине свою христианско-социалистическую партию

трудящихся». На диспуте по случаю учреждения партии присутствовало значительное количество рабочих, однако наибольшую поддержку получил социал-демократический оратор; принятая резолюция констатировала, что христианство проявило себя неспособным избавить человечество от несчастий и что основные надежды следует возлагать на социализм. Тем не менее Штекер продолжал свою пропаганду, не имевшую особого успеха до тех пор, пока ему не пришло в голову выдвинуть на первый план тему: «Требования, которые мы предъявляем еврейству». Он понял, что на этот раз ему удалось попасть в цель и у него появилась прекрасная платформа для привлечения сторонников. Тогда он стал во все больших масштабах концентрировать свою пропаганду на антисемитских темах, хотя она привлекала в его партию гораздо больше ремесленников, мелких торговцев и чиновников, чем собственно рабочих.

В результате в 1880-1881 годах Берлин превратился в театр насилия, тем более что активный вклад в эту деятельность вносили и совер-

шенно далекие от христианства подстрекатели, в том числе Бернгард Фёрстер, зять Ницше, или молодой учитель Эрнст Энрици. Организованные банды нападали на евреев на улицах, выгоняли их из кафе, били стекла в принадлежащих евреям магазинах. В провинции начались поджоги синагог. Этот антисемитизм, который можно назвать абсолютным или расовым антисемитизмом, в Германии попал в особо благоприятные для себя условия, поскольку, как мы уже видели, расовый подход к истории укоренился здесь гораздо глубже, чем в других местах. Он был настолько распространен, что даже защитники евреев видели в этом конфликте столкновение «семитской крови» с «чуждой кровью» и в качестве панацеи предлагали смешанные браки, что должно было обеспечить слияние этих «кровей». По этой же причине сионистское движение, оставившее французских евреев равнодушными (за некоторыми исключениями) и даже наводившее на них ужас, получило широкую поддержку в Австрии, где оно родилось, и в Германии,

В 1880 году Бернгард Ферстер, вдохновен-

ный пребыванием в вагнеровском Байрейте, выступил с идеей антисемитского ходатайства, в котором высказывалось требование специальной переписи всех евреев Германии и их полного изгнания с общественных должностей и из сферы образования. За несколько недель было собрано двести двадцать пять тысяч подписей; и если к петиции присоединилось значительное количество студентов, то лишь один университетский профессор, а именно астроном Иоганн Цёлльнер, рискнул поставить под ней свою подпись. Однако высокомерные немецкие профессора, которые хотели остаться над схваткой, также вскоре оказались замешанными в нее. Первоначальный толчок быя дан властителем умов националистической немецкой молодежи историком Генрихом Трейчке.

Трейчке сочетал живую лютеранскую веру с культом очищающей и радостной войны, что отнюдь не было чем-то исключительным для Германии этого периода. Успехи евреев вызывали у него беспокойство по крайней мере с 1871 года, когда он написал своей жене: «Повсюду растет

гнев против огромной мощи евреев, и я начинаю опасаться ответной реакции антиеврейского движения черни», В более позднем письме он воспевал красоту германской нации в следующих выражениях: «Главные отличия заключены в глазах и бедрах: в них состоит преимущество германских народов; славяне и латиняне лишены этого». Когда антисемитская активность выплеснулась на улицы, вызывая все более многочисленные инциденты и скандалы, он решил высказать свое мнение по этому поводу.

В ноябре 1879 года Трейчке опубликовал небольшой очерк о иудео-христианских отношениях, который он озаглавил «Наши перспективы». Эти перспективы отнюдь не казались ему блестящими. Он также рассуждал о призраке еврейского господства и бичевал сарказмами «толпу молодых выходцев из Польши, торгующих панталонами, чьи дети непременно станут в Германии властителями биржи и прессы. Однако, согласно Трейчке, непреодолимая пропасть разделяет «германское существо» от «восточного существа». Он восклицал: «Еврей—это наше

несчастье!», уверяя, что немцы, являющиеся самыми лучшими, «самыми образованными, самыми терпимыми», в глубине своих сердец разделяют это убеждение. Нет ничего удивительного, что антисемитская деятельность была в его глазах лишь «естественным, хотя грубым и постыдным, проявлением народного германского чувства к чужеродным элементам».

Сочинение Трейчке вызвало бурную полемику в университетской среде. Как констатировал его главный противник великий латинист Теодор Моммзен, очерк Трейчке сделал антисемитизм «респектабельным» (anstdndig), сняв с него «сдерживающие путы стыдливости». Как предупреждал Моммзен, возрастающая напряженность угрожала перерасти в «войну всех против всех», и он называл антисемитские кампании «выкидышем национального чувства». Вплоть до конца своих дней Моммзен прилагал все усилия для борьбы с шовинизмом и германским расизмом, с «национальными глупцами, которые хотят заменить всеобщего Адама германским Адамом, в котором были бы сосредоточены

все достижения человеческого духа». Но в своих возражениях Трейчке он также говорил о «неравенстве, существующем между германским Западом и семитской кровью»; он также настойчиво советовал евреям принять христианство, чтобы полностью освободиться от платы за «вхождение в великую нацию».

Когда антисемитизм столь глубоко пропитал собой буржуазные нравы, стали множиться антисемитские движения и партии; стали созываться международные конгрессы (Дрезден, 1882; Хемниц, 1883); многочисленные студенческие корпорации принимали решения об исключении евреев из своих рядов; более того, обычай, который можно квалифицировать как специфически германский (поскольку он существовал лишь в Австрии и Германии), запрещал студентам драться на дуэли с евреями. Один обозреватель писал в 1896 году, что для германца дуэль представляет собой моральный поступок, а для еврея лишь общепринятую ложь, поэтому не следовало верить даже тем евреям, которые проявляли готовность пожертвовать своей жизнью.

Университетский преподаватель Евгений Дюринг, получивший известность благодаря своим трудам по философии и критике религии, с 1880 года начал публиковать многочисленные антисемитские трактаты с длинными и претенциозными названиями («Die Judenfrage als Rassen-, Sitten- und Kultrurfrage» (1881); «Der Ersatz der Religion durch Volkomnieneres und die Ausscheidung des JudenUmis durch den modenien Volkergeist» (1885) и т. п.).

Этот беглый социал-демократ уверял, что евреи могут быть поставлены в необходимые рамки только при социалистическом режиме. Его влияние на массы побудило Энгельса специально посвятить ему объемный труд, содержащий защиту и толкование диалектического материализма («Анти-Дюринг», 1878). Можно также упомянуть востоковеда Адольфа Вармунда, предостерегавшего немцев от «свойственного кочевникам стремления к господству» и «расовой зрелости» евреев. Но все псевдонаучные сочинения такого рода затмила в 1900 году книга «Бытие XIX века», написанная англонемецким вагнерианием

Хьюстоном Стюартом Чемберленом. Эта расистская библия высшего разряда, в которой целая глава, насчитывающая более ста страниц, была посвящена доказательству арийской принадлежности Иисуса, имела весьма различных почитателей, что также является характерным признаком того времени. Среди этих почитателей были такие люди, как президент Теодор Рузвельт, Лев Толстой и Бернард Шоу, не говоря уже об энтузиазме императора Вильгельма II, который приветствовал Чемберлена как «освободителя»: «Вы показали путь к спасению немцам, а также остальному человечеству».

При этом каждый теоретик и каждый агитатор имел свою собственную программу, и не было возможностей дожидаться единства действий. Всевозможные лиги и ассоциации упорно соперничали между собой, и ни одна не могла добиться превосходства. Лишь в 1887 году воинствующий антисемит молодой фольклорист Бёкель был избран в Рейхстаг. На выборах 1890 года его партия «Antisemitische Volkspartei» (Антисемитская народная партия) получила четыре

места благодаря сорока восемью тысячам голосов (при общем количестве избирателей в семь миллионов человек). Но в 1893 году партия собрала уже двести шестьдесят тысяч голосов и получила шестнадцать мест. На этой стадии «чистые» антисемиты начали вызывать беспокойство масштабами своей лжи (хотя мы еще увидим ниже, что их вымыслы уступали тому, что публиковали некоторые французские авторы) и еще больше своим презрением к законности. В качестве примера приведем школьного учителя Германа Альвардта, осужденного за расхищение фондов и другие нарушения уголовного права, в результате чего лишившегося своего мандата. Стараясь превзойти Вильгельма Марра, он назвал свое самое известное сочинение следующим образом—«Отчаянная битва арийских народов с еврейством». Некоторые из его обвинения отличались большой точностью и конкретностью. Так, он обвинил фабриканта оружия Лёве в том, что по приказу Всемирного еврейского союза он поставил немецкой армии 425 000 бракованных, ружей, «менее опасных для про-

тивника, чем для наших солдат». Ему поверили, по меньшей мере те, кто отдал ему свои голоса. Один из современников констатировал: «Чем более чудовищными являются обвинения Альвардта, тем больше его успех». В результате, созданная в 1891 году при участии таких видных деятелей, как мэр Берлина Функ фон Дессау, Теодор Моммзен, биолог Рудольф Вирхов и даже Густав Фрейтаг (автор подстрекательской книги «Приход и расход» } «Ассоциация защиты от антисемитизма» заявила, что ее основной задачей является не защита евреев, а оздоровление национальных политических нравов.

Успех на выборах 1893 года обозначил зенит антисемитской активности в Германии (возможно, и во всей западной Европе). Затем она пошла на спад, а антисемитская группа в Рейхстаге стала постепенно таять (шесть мест в 1907 году, три места в 1912 году). Можно предположить, что определенную роль здесь сыграла деятельность «Ассоциации защиты», но основные причины этого упадка следует искать в другом. На самом деле, с этого времени наблюдается двой-

ственная эволюция: ослабление антисемитизма, пропитывавшего значительную часть немецкого общества, с одной стороны, квазиэзотерическая концентрация антисемитских теорий, с другой.

Причина ослабления очевидна. В последнее десятилетие XIX века Европа вступила в эпоху великого империалистического соперничества, так что архаичные страхи и предубеждения, на которых держится антисемитизм, нашли для себя, по крайней мере частично, новые объекты.

Это не означает, что колониальные притязания или экономический империализм исключали антисемитизм. На самом деле националистические круги, т. е. подавляющая часть буржуазии и аристократии, как правило, проявляли более или менее открытую враждебность по отношению к евреям, хотя она и имела лишь второстепенное значение. Полемические выступления даже затронули одновременно очень древний и весьма современный аспект, а именно Библию,

Если с XVIII века отдельные теологи подвергали критике этику Ветхого Завета, которую они ставили гораздо ниже этических принципов Но-

вого Завета, то археология и смежные дисциплины позволяли отныне предпринять наступление по гораздо более широкому фронту. Это наступление направлялось ассириологом Фридрихом Деличем, который в 1902 году под заголовком «Вавилон или Библия?» предпринял попытку доказать, что великие традиции Моисея были заимствованы у месопотамской культуры, которая к тому же в этическом отношении стояла выше еврейской культуры (разумеется, в качестве эталона рассматривалась этика «Бель-эпок»), Император Вильгельм II почтил своим присутствием лекции Делича, ставшие сенсационными. Ортодоксальные богословы заявили протест, раввины, со своей стороны, заговорили о «высоком антисемитизме» высокой библейской критики. Разумеется, они были правы: не только ведущие лютеранские эрудиты, такие как Вельгаузен, Гарнак или Шурер систематически принижали иудаизм эпохи изгнания, но они при случае отмечали в библиографиях труды своих иудейских коллег специальным знаком, который раввин Феликс Перль с горечью уподоблял желтому

знаку на одежде.

В общем плане накануне первой мировой войны все националистические или консервативные партии и движения были пропитаны антисемитизмом в той или иной степени, так что лишь две крупные политические силы, социал-демократия и католический «Zentrum», не проявляли враждебности по отношению к евреям. Неписанные законы закрывали для них возможность военной или административной карьеры, и мы располагаем множеством свидетельств, что социальная изоляция евреев постоянно увеличивалась. Даже война 1914-1918 гг. и священный союз не могли этому помешать. Тем не менее евреи проявили столь же большой патриотический пыл, что и их соотечественники, и их деятельность была даже более плодотворной: в то время, как Вальтер Ратенау налаживал немецкую военную промышленность, поэт Эрнст Лиссауэр сочинял ставшую весьма популярной «Песнь ненависти к Англии» («Hassgesang gegen England»), а Герман Коген старался доказать, что моральный долг евреев во всех странах мира состоит в том, чтобы встать на

сторону Германии. Даже австро-германские сионистские лидеры заявляли, что Германия сражается за правду, справедливость, свободу и мировую цивилизацию. Само собой разумеется, что мобилизованные на военную службу евреи сражались и умирали точно так же, как другие солдаты, но в некоторых военных и гражданских кругах распространилось подозрение, что они делали это в недостаточном размере. Это подозрение стало причиной того, что генеральный штаб предписал в октябре 1916 года провести систематическую перепись евреев, находящихся на военной службе, о чем мы подробнее поговорим ниже; в результате оказалось воплощенным в жизнь первое желание активистов конца XIX века.

Мощный очаг антисемитизма сформировался с первых лет XX века в правительственных сферах, о чем свидетельствуют реакции на революционные возмущения, которые начали вспыхивать в России и которые обычно приписывались подрывной деятельности евреев. Лично Вильгельм II заметил на полях консульского отчета о демонстрациях в Риге в январе 1905 го-

да; «Опять евреи!» и «Нас это также коснется»; но вместо того, чтобы проявить заботу о будущем, он пытался ловить рыбу в мутной воде и усугублять трудности своего имперского кузена, царя Всея Руси. Так, узнав на следующий день после кишиневского погрома, что русское правительство ввело новые антиеврейские ограничения, он приказал «официально известить об этом Ротшильдов и им подобных, чтобы прекратить поставки [русскому правительству]»; при этом остается неизвестным, что доставляло ему больше радости—ослабление царского режима или бедствия евреев. В связи с нежеланием русских войск открывать огонь по христианским погромщикам он заметил: «Все немецкие мужчины и особенно все немецкие женщины думают точно так же; узнав, что русские евреи укрываются в Германии, он бросил: «Убирайтесь, свиньи!»

Тем не менее похоже, что в эту эпоху собственно антисемитские организации переживали упадок. Они распались на множество мелких группировок и сект с эзотерическими и неоязыческими названиями—Hammerbund, ведо-

мый «гроссмейстером» (A1-tmeister) Теодором Фришем, Urdabund, Walsungenorden, Artamanen, Ostara и многие другие. Поскольку существовало убеждение, что евреи могут манипулировать ариями благодаря своему умению пользоваться тайными методами, сторонники Фриша стремились достичь того же, кроме того уже утвердившаяся к тому времени европейская традиция различными способами толкала их в ту же сторону (мы вернемся к этой теме в следующих главах). В 1912 году они основали тайную антисемитскую ложу Gennanenorden, которая в свою очередь породила «общество Туле», причастное к подпольной деятельности, связанной с зарождением нацистской партии. Но начиная с 1905 года австрийский журнал «Ostara» открыто призывал арийцев к уничтожению семитских недочеловеков с помощью «телесного» электрического излучения или каким-либо иным способом. Впоследствии выяснилось, что некоторые подростки, которые, став взрослыми, использовали для этих целей более практичные способы, в частности Адольф Гитлер и Генрих Гимм-

лер, внимательно прислушивались к этим призывам. (Орден и журнал «Остара» (названные именем германской богини весны) были основаны австрийским авантюристом неизвестного происхождения, называвшим себя Йорг Лани фон Либенфсльс. Заглавие его основного произведения достаточно ясно указывает на чаяния его последователей и цели тех, кто его финансировал— «Theozoologie oder die Kunde von den Sodom-Afflingen und dem Gotter-Elektron, Eine Einfuhring in die alteste und neiieste Weltanschauung und emc Rechtfertigimng des FiirstenUmis und des Adds». Это название можно перевести следующим образом: «Тсоэзоология или наука семитов Содома и электрона богов. Введение в наиболее древнюю и самую новую картину мира и оправдание государей и знати» (с. 31-33, 465).)

Само собой разумеется, что подобные сочинения и призывы не позволяли узнать ничего нового о евреях, но очень много об авторах и организаторах этого толка, тем более что их подход отражал их собственные мечты, комплексы и амбициозные фан-тазмы. Со своей стороны ан-

тисемиты, не входившие ни в какие организации, публиковали тысячи брошюр и книг, заглавия и темы которых были ничуть не менее бредовыми. В этой связи заслуживают упоминания два имени. Хьюстон Стюарт Чемберлен, зять Рихарда Вагнера и властитель дум Вильгельма II, автор «Бытия XIX века» уже встречался на наших страницах ранее. Второй—некий Артур Динтер, не забирался столь высоко, поэтому его расистский роман «Грех против крови» не привлек внимания элиты. Напротив, успех у массового читателя был таков, что между 1911 и 1931 годами было продано около шестисот тысяч экземпляров. «Бытие» и «Грех» имели между собой то общее, что в обеих книгах содержались претензии на научность, обращение к неумолимым законам природы, определяющим вечную битву евреев с ариями.

В самом деле, нет никаких сомнений, что именно в этом заключался общий знаменатель всех форм и вариантов расистской и антисемитской идеологии, которая при внимательном рассмотрении является прежде всего «антинаукой»,

имитирующей приемы настоящей науки и апеллирующей к ее непоколебимому авторитету, «с потрясающей эклектичностью смешивающей биологию с богословием и психологией, чтобы построить расовую теорию». Поэтому не следует удивляться тому, что в эпоху «Kulturpessimismus» рядом с высшими немецкими научными достижениями возникла эта злобная подделка.

Разочарование в научной и промышленной цивилизации привело к возникновению после 1900 года в Германии и Австрии первых настоящих «антиобществ» в виде организованных молодежных движений «Wandervogel» («Перелетные птицы») и «Freideutsche Jugend» («Свободная немецкая молодежь») или более традиционных ассоциаций гимнастов, альпинистов и велосипедистов. Эти молодые юноши и девушки стремились к совместной «естественной» жизни вдали от городов и искусственных порядков общества взрослых людей. Они также хотели, по крайней мере вначале, отгородиться от их глупых политических склок и комбинаций. Но в интеллек-

туальном климате той эпохи их жажда чистоты не могла не сделать их уязвимыми для расистской заразы, а их поиски в конечном счете стали выражаться прилагательным «judenrein» («очищенный от евреев»),

В Австрии «Wandervogel», самое влиятельное движение, объявило себя очищенным от евреев с момента своего основания в 1901 году. Накануне первой мировой войны этот принцип был распространен на славян и «латинян». В Германии этот вопрос породил длительные дискуссии; в конце концов было решено, что каждое отделение может решать этот вопрос по-своему (подобно тому как это имело место в случае студенческих корпораций в начале XIX века). Общество «Freideutsche Jugend» допускало евреев в свои ряды, но там имелась тенденция объединять их в особые секции или группы. Исключение евреев из гимнастических и спортивных обществ также стало происходить с начала XX века, причем и здесь инициатива исходила из Австрии; к тому же в провинции часто некого было исключать, но похоже, что в этих случаях принцип чистоты

провозглашался с еще большей энергией.

Сталкиваясь с подобным остракизмом, значительная часть еврейской молодежи стала организовывать еврейские общества по образцу немецких. Эти общества стали питомниками будущих сионистских кадров. Заразительность этого примера была столь велика, что даже знаменитый религиозный мыслитель Мартин Бубер пришел к выводу о том, что «общность крови» является необходимой основой «духовного единства». Следует ли удивляться тому, что со своей стороны немецкие молодежные движения стали теплицами для выращивания активистов национал-социализма?

II. ФРАНЦИЯ

Перед делом Дрейфуса

Если измерять силу антисемитизма в какой-либо стране по количеству чернил, истраченных на еврейские темы, то без сомнения в конце XIX века пальму первенства следует отдать Франции. Безусловно, дело Дрейфуса остается самым громким процессом всех времен; помимо прочих последствий оно придало французскому антисемитизму резонанс, который можно считать искусственным. Можно рассматривать это дело как национальный позор или как предмет национальной гордости—без сомнений, оно было и тем, и другим одновременно—с 1894 года оно оживило и удесятирило активность, которая как и в германских странах пошла на спад, так что на несколько лет Франция стала подлинной второй родиной для всех тех, кто так или иначе чувствовал себя вовлеченным в международные дебаты по еврейскому вопросу. Исторические перспективы оказались искаженными так сильно, что некоторые философы увидели в деле Дрейфуса генеральную репетицию нацизма (к счастью, неудавшуюся). Тем не менее даже до того как произошел этот взрыв, Франция была в запад-

ном мире вторым по значению очагом антисемитских кампаний современного типа при отсутствии третьего—иными словами, в этой области происходил своеобразный франко-немецкий диалог, так что хочется задать себе вопрос, не являлось ли это свидетельством некоторой близости, восходящей, быть может, к очень древним временам, когда потомки Карла Великого правили по обоим берегам Рейна, а будущая Германия называлась «Восточной Франконией»...

В любом случае, даже если в одной своей части французский антисемитизм был копией германского антисемитизма, другая его часть соответствовала иной традиции и восходила к местным источникам.

Так или иначе, во Франции речь шла о различных следствиях революции—прежде всего о ее непосредственных идеологических воздействиях: мы уже видели, до какой степени социалистические движения, были ли они «утопическими» или «научными», имели антисемитскую окраску. Единственное исключение составлял сенсимонизм. Но в течение восьмидесятых

годов XIX века эстафету приняли активисты из противоположного лагеря, прежде всего католического. Для католиков революция была воплощением Зла, которое приписывалось заговору, задуманному антихристианскими и антифранцузскими оккультными силами.

Именно во Франции после драмы революции сформировалась школа мыслителей, для которой заговоры, организуемые врагами рода человеческого, составляли основной ключ к пониманию мировой истории. Эта школа, главными, но не единственными последователями которой в XX веке были нацисты, отличалась весьма своеобразной тенденцией, согласно которой самые неопровержимые доказательства заключались в полном отсутствии каких-либо доказательств, поскольку, по определению, успех тайного общества прежде всего и состоит в той тайне, которой окутана вся его деятельность. Разве самая большая хитрость дьявола не заключается в том, чтобы внушить всем, что его не существует? Убеждения такого рода позволяют авторам разоблачения выигрывать во всех случаях. Во

время Революции 1789 года в роли невидимого врага сначала выступали протестанты, но после 1807 года речь зашла о еврейском заговоре; в результате протестанты отступили на задний план, а авансцену по очереди или одновременно занимали евреи и франкмасоны. К тому же чаще всего считалось, что заговорщики действуют по наущению дьявола или Антихриста, получая необходимые инструкции по телеграфу или телефону, согласно разоблачениям Лео Так-сила, получившим единодушное горячее одобрение всего французского епископата. При знакомстве с этой бурной деятельностью «дьявольских франкмасонов» невольно возникает мысль о том, что именно во Франции Луи Пастера и Эрнеста Ренана были поставлены абсолютные рекорды человеческого легковерия, по крайней мере для XIX века.

Что касается темы «еврейского заговора» в ее модернизированном варианте, в котором дьявол отступает на задний план, то она начинает развиваться во Франции в эпоху Второй империи в связи с последним и самым громким де-

лом о похищении папскими агентами крещенного в тайне от родителей еврейского ребенка (дело Мортара, 1858 г.). Наполеон III, готовившийся к освобождению Италии, направил протест папе Пию IX, но не добился никаких результатов. Тем не менее этот конфликт еще больше обострил «римский вопрос» и различными способами ускорил процесс ликвидации папского государства. Со своей стороны группа французских евреев приняла решение о создании международного органа для защиты прав своих единоверцев, а именно «Всемирного еврейского союза». Само собой разумеется, что руководители этой организации также были сторонниками отмен светской власти церкви и «будущей отмены папства». Против них выступил глава французских католиков Луи Вейо, тогда как менее известные деятели стали возлагать на них вину за все беды папского государства и даже вообще всего католического мира. Вскоре для антисемитов всех стран «альянс» стал обосновавшимся в Париже высшим органом всемирного еврейского заговора. Лишь после первой мировой войны эту

версию окончательно сменила теория «Сионских мудрецов», также разработанная в Париже, как мы это еще увидим.

Необходимо отметить, что во время длительного правления папы Пия IX (1846-1878) католики Франции и других стран еще не начали полномасштабную войну против евреев. Возможно, эта умеренность была связана с вошедшим в поговорку консерватизмом, присущим папе, поскольку проявление определенной заботы о «народо-свидетеле» относилось к числу наиболее почтенных градаций Ватикана. В Италии официозная «Civiltà Cattolica» выступает с обвинениями против евреев только от имени Христа. Во Франции крупный специалист по «теории заговора» иезуит Никола Дешан воздерживается от упоминания евреев в своей книге о «тайных обществах». Ситуация изменится при правлении папы Льва XIII, что, разумеется, не было случайным совпадением. Однако совершенно очевидно, что потребовались более глубокие перемены, чем простая смена папы, для того чтобы воинствующие христиане начали утолять свой пыл в антисемитских

кампаниях.

Итак, при III Республике антиеврейская деятельность сначала остается, как и раньше, уделом антиклерикальных «левых» сил, но эта деятельность не заходит слишком далеко, тем более что после Парижской коммуны основные лидеры социалистов находятся или в эмиграции, или в тюрьме. Эта деятельность имеет как антшсапиталистическое, так и расовое, или расистское, содержание. В последнем случае основным авторитетом выступает Эрнест Ренан, хотя нет недостатка и в ссылках на Вольтера или Жюлья Мишле. Здесь можно упомянуть Гюстава Тридона, написавшего в тюрьме книгу «О еврейском моллохизме», Огюста Ширака, имевшего достаточно оснований написать в 1887 году Дрю-мону; «Я открыл все двери, в которые вы ломались», и бланкиста Эжена Жейон-Данглара, автора вышедшей в 1868 году книги «Семиты и семитизм».

Что касается католического лагеря, то до восьмидесятых годов XIX века он опубликовал лишь один антиеврейский труд, да и тот мог вы-

звать удивление читателей, поскольку в нем пылкая любовь открыто соперничала с ненавистью. Речь идет об опубликованной в 1869 году книге «Еврей, иудаизм и иудаизация христианских народов», автор которой шевалье Гужно де Муссо получил за нее благословение папы Пия IX. По сути этот труд представляет собой свалку всех древних и современных антиеврейских обвинений; в нем подробно обсуждается зло, содержащееся в Талмуде и Каббале, а также злодеяния Всемирного еврейского союза и ритуальные преступления. Выражая свое сожаление в связи с заблуждениями и преступлениями евреев, Гужно не скрывает своего к ним бесконечного уважения и восхищения, так, он описывает своих эмансипированных современников в следующих выражениях:

«Еврей—это благородный человек, изнуренный и униженный нищетой, вынужденный тысячи раз нарушать свои принципы, сделавший себе маску из этой мерзости, но чувствующий ценность своей крови, проявляющейся при малейшем поводе. Тогда вы видите, как он вступает в

исконные права своего благородного происхождения с такой же непринужденностью и небрежностью, как человек, вынужденный в морозную ночь накрыться отвратительным одеялом в приюте, а наутро смывающий с себя эту грязь и вновь надевающий прежние одежды».

Тем не менее евреи (в этой книге) продолжают замышлять антихристианские заговоры и разжигать революции в полном соответствии с учением Талмуда, «этого жестокого кодекса, в котором предписания ненависти и вымогательства перемешаны с доктринами каббалистической магии и который пользуется высшим авторитетом». «По этой причине евреи останутся вне общества до тех пор, пока Талмуд не будет уничтожен». Этот день уже недалек, но ему будут предшествовать самые жестокие испытания, ибо еврей—это «персонаж, во всеуслышание предсказанный церковью, ужасный и мрачный»; но этот день непременно наступит, и тогда он вернется в «отцовский дом». Тогда он, наконец, исполнит свою подлинную миссию «во спасение и изумление мира, этот народ, избранный навеки,

самый гагородный и самый величественный среди народов, народ, вышедший из крови Авраама, который дал нам непорочную мать и Спасителя, Сына Бога в образе человека, а также всю коллегия апостолов, народ, на которого в изобилии прольются благословения Небес, смешанные с людскими возгласами благодарности и благословения».

Итак, главный интерес для нас Гужно де Муссо, чья книга осталась незамеченной современниками, состоит в том, что он проявляет противоречия и двойственность «христианского антисемитизма», доходящего почти до грани ереси. Во-вторых, он представляет интерес как предшественник Леона Блуа, католического мыслителя, сумевшего выразить эти противоречия со страстью и цинизмом, по нашему мнению не имеющими себе равных в христианской истории. Вероятно, приводимые ниже цитаты покажутся читателю достаточно убедительными:

«История евреев преграждает движение истории человечества подобно дамбе, перегоражи-

вающей реку, чтобы поднять в ней уровень воды. Но как высоко следует поднять уровень истории? По всей видимости, чтобы приблизить ее к Абсолюту благодаря мистическому согласию между полнейшей низостью и божественным величием. Евреи представляют собой «комоч чудесной грязи» . . . »

Как писал Жак Пети, подобная точка зрения является дерзновенно Божественной, до которой никогда не сможет подняться человеческий разум. Однако г-н Блуа пытается сделать это с помощью головокружительных подмен.

Кто же такие евреи? Как и у Гужно де Муссо, это:

« . . . народ, из которого вышли патриархи, пророки, евангелисты, апостолы, верные последователи и первые мученики, не отваживаясь говорить о непорочной матери и о самом Нашем Спасителе, который был львом из колена Иуды, несказанном еврее, который, без сомнения, всю предшествующую вечность стремился к этому происхождению ».

Но они также являются народом, который

«в средние века был благоразумно заперт в специальные загоны и должен был носить особые одежды, чтобы все могли избегать их. Когда необходимость вынуждала иметь дело с этими вонючками, от них закрывались как от заразы, а затем всеми возможными способами стремились очиститься. Постыдность и опасность контактов с ними служили христианским противоядием от их заразности, ибо Господь желал сохранения навеки подобной нечисти».

Теперь нам надлежит вернуться к чистым антисемитам, в каком-то смысле бывшим позитивистами в эту ужасно наивную эпоху,

После Гужно и за исключением хилиастических пророчеств некоего аббата Шаботи следует дожидаться наступления 1880- 1881 годов, чтобы присутствовать при возрождении темы еврейского заговора. В это время, через десять лет после полного разгрома 1871 года французские католики начали подводить итог своим отдельным поражениям (отделение церкви от государства, законы о школьном образовании, закон о разводе,

который, кстати, был внесен евреем Альфредом Наке), каковые настраивали их на то, чтобы обвинить во всем традиционного козла отпущения. Тем не менее нельзя говорить о том, что антисемитизм во Франции был целиком местным явлением, поскольку первые раскаты этого рода были связаны с кампаниями, разворачивающимися за рубежом.

Так, в июле 1881 года католический журнал «Le Contetmporain» в смятении задался следующим вопросом по поводу погромов в России:

«Преследования евреев в России и самые ужасающие сцены убийств и грабежей, жертвами которых недавно стали еврейские семьи в этой стране, заставляют задать себе вопрос, по какой причине этот народ является объектом столь яростной ненависти. . . »

Антиеврейские кампании, продолжает журнал, свирепствуют также в Германии и Румынии. Со своей стороны журнал констатирует, что причины всех этих событий остаются неясными; тем не менее он цитирует агента русского правительства Каликста Вольского, который считает, что

евреи должны обвинять в своих несчастьях самих себя, поскольку они «с незапамятных времен и всеми средствами стараются осуществить идею своего господства на земле»,

Напротив, исторический журнал «Revue des questions historiques» пользовался римским источником, когда в апреле 1882 года заявил следующее: «Иудаизм правит миром, и нельзя не прийти к выводу, что или масонство стало еврейским, или иудаизм сделался франкмасонским». Этим источником был выходящий шесть раз в год иезуитский журнал «Civiltà Caffolica», который в 1880 году начал яростные нападки на евреев в своей рубрике «Современная хроника». Эта кампания продолжалась практически без перерывов вплоть до последних лет XIX века, а затем спорадически и до середины XX, используя все средства, финансовые скандалы, дело Дрейфуса или даже первый сионистский конгресс в Базеле, но при этом особое внимание уделяя старинным обвинениям в ритуальных убийствах, о бессодержательности которых заявляли многие суверенные понтифики прошлого. Поскольку со

времени своего основания в 1850 году журнал «Civiltà Cattolica» был папским официозом, можно допустить связь между восшествием на престол папы-реформатора Льва XIII и новым курсом журнала.

Следует также упомянуть о банкротстве в 1882 году Эжена Бонту, основателя банка Генерального союза, который аккумулировал капиталы католической буржуазии и должен был служить интересам легитимистов и церкви. Бонту не замедлил возложить на происки Ротшильдов вину за свой крах, который разорил большое количество мелких вкладчиков. Ему охотно поверили, а огромное впечатление, произведенное этим скандалом, нашло свое отражение в романах, написанных тремя ведущими писателями эпохи, вдохновленными этой историей— «Монт-Ориоль» Мопассана (1887), «Деньги» Золя (1891), «Космополис» Поля Бурже (1893), а также в трех десятках менее значительных произведений. В целом, возрастает количество антисемитских произведений и начинают выходить специализированные периодические изда-

ния: «Антиеврей» в Париже в 1881 году, «Антисемит» в Мондидье в 1883 году.

Несмотря на это, глядя из Парижа, демагогический и яростный уличный антисемитизм все еще остается приводящей к недоумению чуждой манией. В конце 1882 года газета «Figaro» пишет: «Антисемитское движение в том виде, как оно разворачивается в нескольких точках земного шара, рухнет во Франции под градом всеобщих насмешек». Более точные данные содержатся в скрупулезном исследовании историка Пьера Сорлена деятельности ежедневной газеты «La Croix» («Крест») и других изданий, публикуемых «La Bonne Presse». Сорлен приходит к выводу, что «вплоть до лета 1886 года «La Bonne Presse», видимо, была чужда антисемитизма». Принимая во внимание все эти факторы, можно заключить, что французскому обществу в целом, включая его католический сектор, потребовался какой-то период, чтобы перевести стрелки часов на другое время, будь то берлинское, Санкт-Петербургское или римское.

Лишь весной 1886 года ошеломляющий успех

«Еврейской Франции» Эдуара Дрюмона создал новый климат и проложил дорогу широкомасштабным антисемитским акциям. Наряду с «Жизнью Иисуса» Эрнеста Ренана «Еврейская Франция» стала главным французским бестселлером второй половины XIX века—сто четырнадцать изданий за один год, всего двести изданий, не считая сокращенного популярного издания и многочисленных «продолжений»: «Еврейская Франция перед судом общественности», «Конец света», «Последняя битва», «Завет антисемита» (нельзя не обратить внимания на безнадежный тон всех этих заголовков).

Какова же причина этого внезапного успеха? Дрюмон был настоящим журналистом, и его огромный том, в индексе которого содержалось более трех тысяч имен, представлял собой скандальную хронику, в которой разоблачались не только непеременимые Ротшильды и другие «потомки Авраама», но также все, у кого во Франции было имя, если только носители этого имени поддерживали отношения с евреями. Конечно, здесь было чем привлечь внимание к книге,

но ничего, что бы могло оправдать возникший вокруг Дрюмона ореол пророка, «глашатая расы» (Альфонс Доде), «самого великого историка XIX века» (Жюль Леметр), «проникновенного наблюдателя» (Жорж Бернанос).

Возможно, Бернанос дает нам первый ключ к пониманию успеха «Еврейской Франции», когда он сам описывает эту эпоху как «время, когда казалось, что все скользит по наклонной плоскости с возрастающей каждый день скоростью», и добавляет, что «творчество Дрюмона излучает своеобразный физический, плотский ужас». Независимо от темы этот глубокий внутренний пессимизм легко возбуждал отклик в лагере противников революции и гражданского общества, сохранявших ностальгию по старым добрым временам, которые для этого лагеря совпадали с королевским строем.

Более того, у него был свой стиль в подходе к этой теме. С первой же страницы Дрюмон нападал на два ненавистных понятия: «Единственные, кто выиграл в результате Революции, это евреи. Все происходит от евреев, все возвраща-

ется к евреям». В результате он одним ударом поражал сразу две цели. Далее славная Франция прошлого, «Франция крестовых походов, Бувина, Мариньяна, Фонтенуа (Бунин, Мариньян, Фонтекуа—названия мест, где происходили наиболее знаменитые битвы французской истории. (Прим, ред.)), Людовика Святого, Генриха IV и Людовика XIV» выступала свидетелем против евреев, поскольку она наглухо закрыла для них свои двери и сделала из их имени самое грубое оскорбление». Итак, «еврейская» Франция Дрюмона была просто новой Францией, республиканской и светской, и только в конце своего произведения, где на протяжении более тысячи страниц описывалось еврейское влияние во Франции, ставшее результатом освобождения евреев, Дрюмон признавал неприязнительность своего замысла:

«Что же вы видите в конце этой книги по истории? Я вижу только одну фигуру, и именно эту фигуру я и хотел показать вам: это фигура Христа, оскорбляемого, покрытого позором, раздираемого шипами, распятого. Ничего не изме-

нилось за восемнадцать столетий. . . »

Следует ли удивляться, что «Еврейская Франция» нашла самых восторженных читателей, среди тех «добрых священников», которых Дрюмон призывал «объяснять, что преследование религии является лишь началом заговора, организованного для уничтожения Франции»? Однако нет сомнений в том, что самая большая его хитрость состояла в «омоложении формулы» (Баррес) с помощью подкрепления части своей аргументации авторитетом науки. Первая часть его труда, опиравшаяся на мнения таких далеких от клерикализма знаменитостей, как Литтре и Ренан, была посвящена контрасту между «меркантильным, алчным, коварным, изощренным, хитрым семитом» и «воодушевленным, героическим, рыцарским, бескорыстным, честным, доверчивым до наивности арием. Семит—это земной человек. . . Арий—сын неба (. . .) [Семит] продает бинокли или изготавливает стекла для очков подобно Спинозе, но он не открывает звезды в огромности небес подобно Лавверье», и т. п. Выразив таким способом свою солидар-

ность с наукой своего века, через сто страниц Дрюмон начинает переписывать по-своему историю Франции, вызывая образы евреев в словах и деяниях Людовика Святого и Боссюэ.

В конце концов именно этому богословско-расистскому синкретизму можно приписать успех Дрюмона. Продолжая эту тему, газета «La Croix», ставшая открыто антисемитской, противопоставляла «еврейской расе» не христианскую расу, а «франкскую расу», в другом номере она писала, что «независимо ни от каких религиозных идей» нелепо думать, что еврей может стать французом. Параллельно этому крещеный еврей аббат Леманн с более чем христианским смирением выражал готовность нести свою долю еврейской ответственности за преступление распятия: «Да, палач должен получить прощение раньше нас, ибо палач убивает лишь людей, виновных, а мы погубили Сына Бога, невинного!»

Само собой разумеется, что с 1886 года еврейская тема стала модной, превратилась в настоящую золотую жилу для журналистов и пи-

сателей. В целом антисемитские публикации во Франции «белъ-эпок» насчитывают сотни, даже тысячи названий. Имеются основания полагать, что к 1890 году антисемитизм во Франции становился католической монополией. В сентябре 1890 года «La Croix» гордо назвала себя «самой антиеврейской газетой Франции»; в марте 1891 года в своем первом номере эфемерная газета под названием «Anti-Youtre» («Антижид») жаловалась, что «до настоящего времени лишь клерикалы ведут борьбу с еврейством», а в самый разгар дела Дрейфуса Жорж Клемансо говорил то же самое, констатируя, что «антисемитизм—это лишь новый клерикализм, стремящийся взять реванш». Примерно в то же время редактор «La Croix» писал своему директору П. Винсенту де Байи: «Еврейская проблема вновь волнует всех христиан. . . Большое число наполовину утративших веру начинает понимать, что во Франции настоящими французами являются только католики», определяя тем самым антисемитизм как эксклюзивный атрибут католичества. Но так думали отнюдь не все католики, к тому же свет-

ский, научнообразный чисто расовый антисемитизм отнюдь не испытывал недостатка в сторонниках.

Неистребимое вольтерьянское вдохновение обнаруживается, например, в весьма популярных сочинениях эссеиста и психолога Густава Лебона, столь ценимых З. Фрейдом: «У евреев не было ни искусств, ни наук, ни промышленности, ничего, что образует цивилизацию... К тому же ни один народ не оставил книги, которая содержала бы столь непристойные рассказы, как те, что на каждом шагу встречаются в Библии». Со своей стороны философ-материалист Жюль Сури, друг и научный поручитель Мориса Барреса, использовал более материалистическую терминологию: «Попробуйте воспитать еврея в арийской семье с самого рождения (...) ни национальность, ни язык не изменят ни одного атома в зародышевых клетках этого еврея, следовательно, и в структуре и наследственном строении его тканей и органов».

У Сури были достаточные причины полагать, что он открыл «мозговой субстрат мыслительно-

го процесса». Можно также процитировать просвещенного антрополога Жоржа Ваше де Лапу-жа, опасавшегося вымирания ариев, который записал в 1887 году это поистине пророческое предвидение; «Я убежден, что в следующем столетии будут убивать тысячами за превышение или недостаток в один или два градуса в черепном коэффициенте. . . Последние сентиментальные люди смогут присутствовать при массовых уничтожениях народов».

В политической жизни социалисты, которые в конце концов начали дистанцироваться от идеологии, постепенно превращавшейся в специфическое достояние католической буржуазии, в 1900 году, т. е. после дела Дрейфуса, еще насчитывали в своих рядах таких убежденных антисемитов, как врач Альбер Реньяр или знаменитый бельгийский адвокат Эдмон Пикар, тогда как, например, Рене Вквиани или Александр Мильеран занимали двойственную позицию. Однако, по всей видимости, двойственность—или то, что мы склонны ретроспективно квалифицировать как двойственность, царил на всех уров-

нях: в 1892 году даже Гед и Лафарг не пренебрегли тем, чтобы вступить в полемику с соратниками Дрюмона на публичном диспуте, а еще в 1898 году социалистическая партия по решению Жореса, Самба и Геда не поддержала ни сторонников, ни противников Дрейфуса соответственно как оппортунистов и клерикалов: «Пролетарии, не вступайте ни в один из кланов в этой гражданской войне буржуазии!»

Другие идеологи стремились сочетать социализм и антисемитизм подобно тощ, как это происходило в Германии. В начале 1890 года в Париже под руководством Дрюмона была организована «Антисемитская национальная лига Франции», ее вице-президент Жак де Бьез называл себя «национал-социалистом». Это движение вышло на улицы и стремилось распространять свое влияние среди пролетариев. Вдохновителем был авантюрист маркиз де Морес. глава банды «силачей Аля» и мясников Ла Вийетт (Аль (les Halles) бывший знаменитый рынок в центре Парижа (г н. «чрево Парижа»), ссичпс «форум»—подземный общественный комплекс,

Ла Винеп—бывший район скотобоен на северо-востоке Парижа, сейчас жилищный и промышленный квартал (фр. *quartier*, ред.). Как и в Германии, в Палате депутатов образовалась антисемитская группа; в ноябре 1891 года проект закона о всеобщем изгнании евреев из Франции собрал тридцать два голоса. Как и в Германии, нашлись желающие доказать арийское происхождение Иисуса, которого Жак де Бьез патриотически причислял к кельтской расе (Предки французов относятся к группе кельтских племен. (Прим, ред)). Тем не менее французский антисемитизм не выдерживает никакого сравнения с германским антисемитизмом.

В этой связи необходимо вернуться к тому, о чем мы уже говорили, к отсутствию твердых принципов, что, конечно, было связано со склонностью к фарсу, т. е. к искусству мистификации. Различие соответствующих подходов проявляется, например, в обстоятельствах, при которых в апреле 1892 года была основана знаменитая ежедневная газета Дрюмона «La Libre Parole» («Свободное слово»). Финансировал это

предприятие некий Герен, аферист, который двумя годами ранее обратился к евреям с призывом вносить средства на борьбу с антисемитизмом. В качестве управляющего делами выступал крещеный еврей Гастон Кремье, известный под псевдонимом Виаллар. Эту природную терпимость можно было наблюдать не только в области финансов, но и в вопросах чести: французские антисемиты не отказывали евреям во встрече с ними на дуэли подобно своим немецким собратям. После знаменитой дуэли Дрюмона с Артуром Мей-ером, несмотря на ее скандальный характер, было много других, в частности, дуэль между Моресом и Артуром Мейером, имевшая трагический конец. На следующий день после смерти офицера-еврея Дрюмон выражал сожаление в своей газете «La Libre Parole», что столь ценная кровь не была пролита за отечество на поле битвы, и подобные чувства разделялись повсюду во Франции; одна провинциальная газета, отнюдь не дружественная к евреям, дала следующий комментарий: «Любой, кто носит шпагу, не имеет душу еврея». При таком подходе «креще-

ние кровью» посмертно очищало евреев от их пороков, а мертвый еврей становился хорошим евреем. (Как мы еще увидим, первая мировая война умножит подобные примеры.) Здесь же можно отметить, что великие певцы антисемизма легко брали деньги в долг у евреев; так, маркиз де Морес брал в долг у авантюриста Корнелиуса Герца при посредничестве Дрюмона, а изменник Фердинанд Эстергази, охотно выступавший в качестве секунданта еврейских офицеров, у барона Эдмона де Ротшильда; разумеется, в подобных случаях каждая сторона считала себя более тонким игроком, чем партнер, но игры такого рода обычно не свидетельствуют о наличии глубоких убеждений.

Из экономической истории нам известно, что начиная с 1882 года Франция переживала период затянувшегося спада в экономике, продолжавшегося примерно до 1890 года. Эти крайние даты обозначены соответственно крахом «Генерального союза» и трудностями «Вексельного банка». В этом последнем случае виновными считали евреев и особенно Ротшильдов, так же как, впро-

чем, и в первом случае. Но банкротство, имевшее исключительный скандальный характер, гораздо сильнее запечатлевается в коллективной памяти: это происходит на международном уровне, так что даже в наши дни, в Москве или в Ленинграде, словом «панолш» называют мошенничество особо большого размаха, подобно тому, как это делали во Франции «бель-эпок». В центре скандала находился упрямый старик, страдающий манией величия, «герой Суэца» Фердинан де Лессепс, которому помогал его сын. Затем концентрическими кругами располагались горстка коррупционеров, десятки парламентариев и сотни продажных журналистов, а далее десятки тысяч, если не больше, разорившихся мелких вкладчиков. Главные коррупционеры были евреями— Леви-Крестье, Жак де Рейнак, Корнелиус Герц, Аргон. Есть соблазн утверждать, что впервые антисемитская пропаганда не была бесплатной. Достаточно изучить документы той эпохи, чтобы прийти к выводу, что в любом случае евреи должны были оказаться виноватыми.

В самом деле, еще до того, как имена круп-

ных искусителей Корнелиуса Герца и барона де Рейнака стали упоминаться публично, газета «La Croix», выступившая в защиту Лессепса, выдвигала обвинения против воображаемых евреев: «Панама» должна погибнуть, потому что это общество хотело действовать, не подчиняясь еврейским финансистам». Еще более показательным, что по политическим причинам, хорошо сформулированным Пьером Сорленом, эта газета воздерживалась от критики Герца и Рейнака, даже когда их имена были у всех на устах.

После этого следует ли добавлять, что роль искусителя, столь хорошо вписывающаяся в тысячелетнюю христианскую демонологию, которую играли при Лессепсе еврейские посредники, способствовала расширению масштабов скандала. Возможно, сейчас самый подходящий момент описать в нескольких словах, что в действительности представляли собой евреи во Франции в конце XIX века. Их общая численность не превышала восьмидесяти тысяч, т. е. двух сотых долей процента населения Франции, половина из которых проживала в Париже. Очень редко

случалось, может быть, вообще никогда, чтобы столь незначительная часть населения заставляла так много говорить о себе. Возможно, причиной было то, что в соответствии с предсказанием Альфреда де Виньи они «достигли вершин всего в делах, в литературе и особенно в искусствах и музыке. . . » В этой связи можно отметить, что по общему правилу самых впечатляющих успехов добиваются внуки гетто, аккумулирующие все достижения в «третьем поколении». Так, финансистам можно противопоставить ученых, авантюристам патриотов Франции (причем одно не обязательно исключает другое, как показывает пример Корнелиуса Герца и семьи Рейнак).

С расстояния в сто лет они кажутся нам излишне патетичными, все эти идеологи ассимиляции, эти казенные историки, для которых «эпоха Мессии наступила с Великой французской революцией», эти раввины, которые считали своим долгом восхвалять царя-юдофоба Александра III, наконец, эти ученые, которые, подобно филологу Дармстетеру, надеялись, что столица Франции

станет «моральной столицей мира и светочем сердец... святым городом». Преобладающей тенденцией безусловно была полная ассимиляция с французами, слияние, казавшееся неизбежным— и желательным как свободным «проеврейским» мыслителям, Золя и Ренану, так и таким деятелям, как Альфред Наке или братья Рейнаки (младший из них—Теодор, автор «Истории израильтян», полагал, что иудаизм «мог считать свою «миссию» выполненной и умереть без сожалений, погребенный под своим триумфом»).

Более того, поступки начали все больше соответствовать словам, настолько, что из воспоминаний Андре Моруа, Жозефа Кесселя, Эммануэля Берля и многих других мы узнаем, что их родители не сообщали им об их еврейском происхождении, о чем они узнавали лишь в школе при более или менее травмирующих обстоятельствах. Упомянем в этой связи рассуждение Теодора Гершш (1898 год): «Нельзя создать никакой партии из французских евреев. По правде, они более не являются евреями». И этот пророк сионизма добавил: «Конечно, они также не явля-

ются и французами». Но все эти мужчины и женщины верили именно в это, и стремились стать ими еще в большей степгни.

Противоречия такого рода чреваты страданиями и конфликтами, которые были замечательно и безупречно точно описаны гением Марселя Пруста—до сих пор не уделялось достаточного внимания тому, что одной из основных тем творчества Пруста было многолетнее шассе-круазе между аристократом Сваном, который, «достигнув возраста пророков», солидаризируется с евреями, и выскочкой Блоком, который стал Жаком дю Розье и отказался от иудаизма. Вот причина, по которой Блок мечтал превратиться в Розье:

«Блок был дурно воспитан, невропат и сноб; родившись в мачоуважае-мой семье, он, как на дне моря, испытывал давление сверху не только со стороны христиан, находившихся на поверхности, но и от размещавшихся над ним еврейских каст, которые занимали более высокое положение, чем его собственная, и каждая из которых давила своим презрением тех, кто стоял на сту-

пеньку ниже. На то, чтобы пробиться к свежему воздуху, поднимаясь от одной еврейской семьи к другой, Блоку потребовалось бы много тысяч лет. Гораздо лучше было бы попытаться пробить себе дорогу с другой стороны».

Блоку удается сделать это двадцать лет спустя, изменив имя и лицо; «Английский шик полностью изменил его внешность, было исправлено все, что поддавалось переделке (...) этот еврейский нос исчез, подобно тому, как кажется почти прямой хорошо одетая горбунья...» Несколько дальше в «Обретенном времени» можно прочесть следующий пассаж: «Блок вошел, подпрыгивая как гиена».

Если Пруст так жестоко обнажил психологию некоторых «израильтян», то Морис Баррес, почти столь же великий художник и первый властитель дум генерала де Голля и многих других знаменитых французов, является лучшим свидетелем антисемитского восприятия евреев в эпоху панамской аферы.

При чтении Барреса обнаруживается двойственность французских антисемитов, у которых

за ненавистью совершенно отчетливо видны симпатия и даже восхищение. С 1890 года он задавал себе вопрос об «общих чертах еврейской интеллектуальности»: «Еврей является непревзойденным логиком. Его рассуждения отличаются четкостью и безличностью, подобно банковскому счету (...) Поэтому они не поддаются воздействию большинства причин, вызывающих наши ошибки. Отсюда их замечательное умение организовать свою жизнь...» В том же контексте Баррес не скрывает своего восхищения Дизраэли. Леон Блюм, который был знаком с Барресом в то время, вспоминал в 1935 году «гордую и очаровательную грацию его манер, то естественное благородство, которое позволяло ему общаться на равных с застенчивым новичком, переступившим его порог. Я убежден, что он относился ко мне с истинной дружбой...» Лишь во время дела Дрейфуса Баррес оказался во власти мании антисемитских преследований, которая наложила свой отпечаток на его великий «Роман национальной энергии» (1897-1902): собравшиеся в салоне барона де Рейнака еврейские финан-

систы «составляют правительство нашей страны, которое наши министры просят тайно и без какой-либо ответственности управлять государственными финансами»; от этого они не перестают быть «немецкими лакеями», но эти лакеи «занимались тем, что торговали самой Францией».

Следует напомнить, что все эти крайности относятся ко времени дела Дрейфуса. Что касается панамского скандала, хотя он и оказался невероятно раздутым, то другие политические сенсации, от покушения Вайана до покушения Казерио, кровавый ужас, который сеяли анархисты, стерли его с первых страниц газет в течение 1893 года. В целом, похоже, что в международном масштабе антисемитизм пошел на спад; что касается Франции, то он начал ослабевать прямо на глазах с осени 1893 года, так что Дрюмон сначала оказался вынужден уменьшить объем «La Libre Parole», а летом 1894 года начал переговоры о ее продаже.

Дело Дрейфуса

Очень быстро многочисленные отпрыски еврейских фамилий бросились на штурм военной карьеры, возможность которой во Франции была для них открыта. После 1880 года «в пропорциональном отношении» среди студентов Политехнической школы их было в десять раз больше, чем христиан. Что касается офицерского корпуса, то в 1894 году в нем насчитывалось около одного процента евреев (более 300 на 40 000), и Дрюмон выражал свое возмущение тем, что Леви были там более многочисленными, чем Мартены. Именно поэтому целью первой атаки «La Libre Parole» в мае 1892 года были эти потенциальные предатели, поскольку офицер-еврей по определению был «офицером, без зазрения совести торгующим секретами национальной обороны» (именно здесь заключалась причина серии дуэлей, о которых мы уже говорили). Безусловно, значительное количество офицеров-католиков разделяли это убеждение, кроме того нет сомнений, что Дрюмон не был совершенно неправ, когда утверждал, что «у огромного большинства военных существовало

чувство инстинктивного отвращения к сыновьям Израиля», Некоторая, часто упоминаемая симпатия, которую внушал капитан Альфред Дрейфус своим собратьям по оружию, должна оцениваться именно в этом свете, а его привычка говорить о своем «эльзасском сердце» (никогда о своем «еврейском сердце») ничего не могла в этом изменить.

В том, что касается полицейских истоков этой драмы, то справедливо, что, не делая рискованных предположений, «невозможно установить точно, в какой мере тот факт, что Дрейфус был евреем, заставило чашу весов склониться против него». Но об этом можно судить начиная с того момента, когда в ноябре 1894 года эта история выплеснулась на страницы газет, и вплоть до самого ее конца. Самое главное уже было сказано в двух словах Теодором Герцлем, который будучи журналистом присутствовал на процессе и на церемонии разжалования: «Они не кричали «Долой Дрейфуса!», но «Долой евреев!»

Но если эти они, т. е. французы, в этот единственный раз проявившие почти полное едино-

душие, кричали подобным образом, то причиной этого было патриотическое возбуждение, вызванное прессой, настроенной генеральным штабом и к тому же вынужденной загладить то, что ранее ее субсидировали еврейские соблазнитель Рей-нак, Корнелиус Герц и Аргон. Только таким образом можно объяснить тот «необычайный страстный интерес», который, по словам Герцля, вызвал этот процесс. Весьма невелико было число тех современников, кто не впал в антисемитское исступление этих недель. Среди них был военный хроникер газеты «Figaro» Сен-Жене, писавший:

«Итак, прежде чем его предадут суду, я еще раз заявляю, что все это безумие. Дрейфус ничего не значит, этот процесс ничего не значит. Серьезным является тот спектакль, который мы устроили для всей Европы. . . »

Будущий маршал Лиотэ, который также говорил о «позоре, выставленном напоказ перед границей», выразился еще более жестко: «Как нам кажется, здесь можно заметить давление так называемого общественного мнения, или, скорее,

мнения улицы, черни, которую часто подстрекают со стороны. Эта толпа кричит «смерть ему», ничего не имея против этого еврея, только потому что он еврей, а сегодня антисемитизм занятиет ведущие позиции; точно так же сто лет назад они кричали: «Аристократов на фонарь».

Впоследствии из этих криков Эмиль Дюркгейм извлек старую и горькую мораль: «Часто самые отверженные играют роль искупительных жертв. В этом понимании меня убеждает и то, каким образом в 1894 году было воспринято решение на процессе по делу Дрейфуса- Это был взрыв ликования на бульварах. Как большой успех отпраздновали то, что должно было стать общественным трауром. . . »

Таковы были страсти, связанные с делом Дрейфуса. Его перевод сначала в военную каторжную тюрьму на острове Ре, а затем на каторгу на острове Дьявола возбудили еще некоторые волнения и взрывы радости, но с лета 1895 года его имя стало погружаться в забвение так быстро, что его брат Матье, никогда не терявший надежды, распространил осенью 1896 года

ложную новость о его побеге для того, чтобы преодолеть всеобщее безразличие. Что же касается собственно дела Дрейфуса, то оно началось лишь через три года после суда, в ноябре 1897 года. Именно тогда Франция дала всему миру зрелище холодной гражданской войны в связи с участием одного еврея. Ранее суд, который оставил французских евреев пассивными, но потрясенными, и побудил к активным действиям евреев других стран, а также подтолкнул Герцля к написанию «Еврейского государства» и созыву первого сионистского конгресса. Этот конгресс собрался в Базеле летом 1897 года и в свою очередь способствовал рождению ужасного мифа о «Сионских мудрецах», также созданного в Париже, этой гигантской лаборатории всевозможных мод и идей.

Итак, начало Дела относится к ноябрю 1897 года, а завязкой послужило установление настоящего предателя, а именно майора Эстергази. Две недели спустя «Figaro» опубликовала знаменитые письма, в которых этот офицер демонстрировал свою патологическую ненависть к Франции. Поскольку Эстергази не был евреем, лишь

группа «интеллектуалов» поверила в его виновность. Политические круги, для которых предательство Дрейфуса стало догмой, продолжали обвинять евреев, эту «таинственную оккультную силу, достаточно могущественную для того, чтобы навлечь подозрения на тех, кто будет руководить армией в день, когда ей придется выполнять свой великий долг» (парламентский запрос Альбера де Мена); несколькими несогласным или потрясенным депутатам министр юстиции Жорж Лебре позднее посоветовал «заглянуть в их избирательные округа». Басня о «еврейском синдикате», владеющем всем золотом мира, уже прочно укоренилась в общем гвенном сознании.

Следующей кульминацией стало выступление Золя («Я обвиняю») и его осуждение судом присяжных, оправдание Эстергази и арест его обвинителя полковника Пикара. Ничто не могло опровергнуть веру в виновность Дрейфуса большинства французов. С января 1898 года они проявляли эту веру с помощью антиеврейских демонстраций и беспорядков, в то время как благонамеренное общество требовало от газеты

«Figaro» увольнения ее директора дрейфусара (сторонника Дрейфуса) Фернана де Роде. Приведем также эмоциональный комментарий Дрюмона: «Почему снобы, немцы, англичане, итальянцы, иностранцы, метисы за Дрейфуса? Почему все те, кто против Франции, или имеющие какие-то пятна, язвы, умственные аномалии, моральные уродства, почему все они за Дрейфуса?»

Противоположная позиция международного общественного мнения в значительной степени определялась влиянием двух международных сил, изначально выступавших на стороне Дрейфуса с одинаковым убеждением, если не с одинаковой страстью: одну из них составляли монархи, прекрасно осведомленные о невинности Дрейфуса берлинским и римским дворами, вторую — евреи, занимавшие эту позицию по более эмоциональным причинам. Трудно дать адекватное описание силы чувств, вызванных этим делом, в международном масштабе. Непосредственный свидетель Леон Блюм сравнивал дело Дрейфуса с Великой французской революцией или с войной 1914-1918 годов.

Основная кульминация и великий поворотный пункт в деле Дрейфуса датируются летом 1898 года, когда были обнаружены фальшивки, сфабрикованные для подкрепления обвинения: главный фальсификатор полковник Анри во всем признался и подтвердил свое признание самоубийством. Тридцать пять лет спустя Леон Блюм писал: «Я не думаю, что за всю свою жизнь мне удалось испытать более сильное потрясение». Преобладающая часть французской элиты, писатели, профессора университетов извлекли должные выводы и присоединились к славным борцам первого призыва, среди которых наиболее известны Шерер-Кес-тнер, Бернар Лазар, Люсьен Герр. В политических кругах многие депутаты также «изменились по малодушию», как иронически писал Анатоль Франс. (Между прочим, дрейфусаров также преследовала мысль о вековом заговоре, а именно о заговоре иезуитов.) Пересмотр дела Дрейфуса стал неизбежным. Но антидрей-фусарский лагерь не считал себя побежденным: если и имели место фальсификации, то это были патриотические фальсификации, а

Анри—это мученик, заявили Моррас и Дрюмон. В подписной кампании по сбору средств на памятник Анри приняли участие пятнадцать тысяч человек. Среди подписчиков были шестьдесят девять депутатов и четыре сенатора, а также Морис Баррес и Жан Лоррен, Жил и Пьер Луис, Франсуа Коппе и Поль Валери (3 франка, «не без раздумий»),

Страсти накалялись, множились случаи насилия, и чем более неизбежным казался триумф дрейфусаров, тем более отчетливо вырисовывалась угроза государственного переворота или открытой гражданской войны. В конце концов лишь благодаря уникальному в этом роде компромиссу Франция обрела спокойствие, по крайней мере внешнее: невинный офицер был осужден вторично с тем, чтобы после этого быть помилованным.

В учебниках по истории можно найти сведения о последовательном развитии событий в связи с делом Дрейфуса, об основании «L'Action frangaise» («L'Action fran[^]ane» («Французское действие»))—монархическая националистическая

политическая организация, в середине XX века занявшая профашистские позиции. (Прим. ред.)) и об отделении церкви от государства: в результате известный вековой раскол Франции лишь усугубился и продолжился вплоть до наших дней. До сих пор не уделялось достаточного внимания его штисемитским последствиям в международном аспекте.

Зарубежные протесты быстро угасли, а план бойкота Всемирной выставки 1900 года полностью провалился. Но именно в лихорадочной обстановке 1897-1899 годов в Париже были подготовлены те самые «Протоколы сионских мудрецов», которые имеют успех каждый раз, когда где-то в мире начинаются беспорядки и волнения, например, в Европе 1918-1921 годов перед лицом коммунистической опасности или на беспокойном Ближнем Востоке на фоне израильско-арабских войн. Этот текст был заказан высокопоставленным полицейским царской России генералом Рач-ковскиМ) стремившимся угодить Николаю II, гениальному фальсификатору, чье имя остается неизвестным. Без сомнения, заглавие

было заимствовано у первого сионистского конгресса. Но речь идет не только о заглавии. Прежде всего необходимо иметь в виду, что инициатива Теодора Герцля стала своеобразной сенсацией той эпохи в европейском масштабе: корреспондент «Journal de Paris» взял у него интервью, а Дрюмон посвятил ему хвалебную статью. Напротив, некоторые круги, близкие к римскому папе, сочли все подозрения обоснованными, и 8 февраля 1898 года официозная «Civiltà Cattolica» писала:

«... осуждение Дрейфуса стшю для Израиля ужасным ударом; оно заклеямило всех космополитических евреев по всему миру, но особенно в той из их колоний, которая управляет Францией. Они поклялись стереть это клеймо. Но каким образом? С их обычным хитроумием они решили ссылаться на судебную ошибку. Заговор был составлен в Базеле на сионистском конгрессе, который формально собрался для обсуждения вопроса об освобождении Иерусалима. Протестанты объединились с евреями для образования синдиката. Деньги поступают преимущественно из

Германии... »

Вспомним, что собственно дело Дрейфуса началось в ноябре 1897 года; видно, как совпадают эти даты. Во Франции аналогичное объяснение было предложено Жозефом Гумбером, директором «La France chretienne». В России первый издатель «Протоколов» в 1903 году делал упор на опасности сионизма, «который имеет задачу объединить евреев всего мира в единую организацию, более замкнутую и более опасную, чем иезуиты».

Тысячелетние страхи, которые использовал неизвестный фальсификатор, воскресли при известиях о международном конгрессе евреев. Если уже более полувека патологические и кровопролитные формы антисемитизма ссылались в поисках подтверждений на это, на первый взгляд противоречивое, сочинение, предпочитая его любым другим, то причина заключается в том, что его содержание особенно удачно отвечает совершенно различным чаяниям. Анализ этого специфического сходства содержится в полном четырехтомном издании настоящего труда

(Leon Poliakov. «L'Europe suicidaire», Calmann-Levy, 1977, pp. 75-78.); возможно, короче всего это объясняется как еще один вариант «Credo quia absurdum» («Верю, потому что нелепо»).

Антисемитская деятельность во Франции отнюдь не прекратилась летом 1898 года одновременно с возбуждением по поводу дела Дрейфуса, как это часто думают. В этом плане 1898 год можно даже рассматривать не только как пункт прибытия, но и как пункт отправления. Разумеется, дело Дрейфуса привело к появлению нового поколения христианских свидетелей, писателей и мыслителей, чье творчество отныне определялось актом справедливости по отношению к евреям; прежде всего следует упомянуть Шарля Пегги, пророка, первым в Европе защищавшего, часто вопреки самим французским евреям, «право Израиля на отличие» (как это сформулировали бы в наши дни).

Но в том же самом 1898 году возникли многочисленные новые антисемитские организации, такие как «Лига французской родины», во главе с поэтом Франсуа Коппе, «Национальная и

антисемитская молодежь» во главе с Дрюмоном и особенно «Французское действие» {«VAction française»} Шарля Морраса и Леона Доде. Если первый из них стал наиболее влиятельным теоретиком «интегрального» национализма, для которого антисемитизм служил пробным камнем вплоть до нацистского вторжения, то второй был популярным полемистом «чувственного, обонятельного» стиля, не щадившим ни своего друга Марсея Швоба с «его чрезмерным этническим безобразием, одутловатого, с толстыми губами, похожими на ветчину», ни евреев, обвиненных в России в ритуальном убийстве, «животных с человеческим лицом, постоянно колеблющихся между золотом и отбросами»; он видел руку Израиля даже в стихийных бедствиях, например, в парижском наводнении 1910 года. В этом последнем случае его аргументация ясно показывает, чем современный антисемитизм отличался от антисемитизма средневекового. Для фанатика эпохи средних веков было совершенно очевидно, что, например, евреи распространяли чуму; для его современного аналога еврейская лесоторгов-

ля вела к исчезновению лесов, что вызывало наводнения: таким образом, в первом случае еврей был вредоносным сознательно, из-за своих убеждений, во втором—он мог быть им безотчетно, по своей природе, что не было особенным прогрессом с рационалистической точки зрения.

При этом средневековые предрассудки также продолжали существовать, и само собой разумеется, что Леон Доде отнюдь не был единственным во Франции рупором царской администрации: в 1913-1914 годах, после дела Бейлиса, о котором речь пойдет ниже, появилось много новых книг, посвященных кровавым еврейским преступлениям, а «La Ctvix» высмеивала католических богословов, имевших смелость разоблачать эту абсурдную выдумку. Основанный в 1912 году Эрнестом Жуэном «Международный журнал тайных обществ», перед тем как сосредоточиться на «Протоколах» публиковал переводы русских экспертов по ритуальным убийствам. Но прежде чем вернуться к профессиональным или полупрофессиональным специалистам по антисемитизму, мы упомянем некоторых авторов на-

чала нашего столетия, у которых антисемитские взгляды могут показаться неожиданными.

Во-первых, это будет публицист Гюстав Тери, известный прежде всего благодаря своей газете «L'Oeuvre», респектабельному левому изданию периода между двумя войнами, чьим девизом было «Дураки не читают «L'Oeuvre». Однако это был модифицированный вариант—оригинал, относящийся к 1911 году, гласил «Ни один еврей не подписался на «L'Oeuvre». Блестящий студент педагогического института Тери отличался таким образом на протяжении всей своей жизни: до 1914-1918 годов открыто, позже, как мы это увидим, тайно. Его талант лучше всего проявлялся в области девизов и заглавии, некоторые из которых получили достаточную известность: «Еврей—это враг», «Еврейская опасность», «Еврейское вторжение, организованное властями государства», а также «Еврей повсюду»—заголовок, который мог послужить мод елью для антисемитского еженедельника 1934-1944 годов «Я повсюду».

Еще более заслуживающим внимания явля-

ется пример Жоржа Клемансо. Со времени дела Дрейфуса, когда он опубликовал «обвиняю» Золя и был одним из главных стратегов лагеря дрейфусаров и вплоть до его последних славных дней, когда его правой рукой был Жорж Мандель, а доверенным лицом Жорж Вормсер, немногие знаменитые французы казались столь хорошо расположенными к Израилю. Но именно поэтому личные взгляды и чувства этого республиканца без страха и упрека, этого убежденного антиклерикала могут многое прояснить нам в климате той эпохи.

Клемансо по-разному проявлял себя в этом плане. Первый раз это произошло в 1898 году, когда он выступил в качестве эссеиста и опубликовал книгу «У подножия Синая», сборник новелл о галицийских евреях, с которыми он имел возможность общаться во время своих поездок на лечение в Карлсбад. Разумеется, там не обошлось без штампов: «После гусей и уток здесь преобладают грязные евреи (. . .) с крючковатыми носами, когтистыми лапами, вцепляющимися в странные вещи и выпускающими их толь-

ко за звонкую монету». Но затем его достаточно сильно захватывает восхищение «этим энергичным народом, распространившимся по всей земле, всегда сражающимся, всегда живым, (...) обладающим самым драгоценным сокровищем, даром хотеть и добиваться». Но как евреи использовали этот капитал? По мнению Клемансо, с его помощью они хотели стать владыками мира: «Презируемые, ненавидимые, преследуемые за то, что навязали нам богов своей крови, [семиты] захотели снова овладеть собой и полностью реализовать себя через господство над миром».

В данном случае семит является синонимом еврея. К тому же семитизм или иудаизм означают у Клемансо, как и у Карла Маркса и многих других, вообще власть денег: «Семитизм, многочисленные примеры которого мы видим сейчас у потомков Сима и Яфета...» В другом месте он ссылается на свой «арийский идеализм» и сокрушается по поводу расцвета «терпеливой расы». Но в свойственной ему манере он заключает свое рассуждение словами надежды: «Достаточно исправить христиан, еще являющихся

хозяевами мира, и тогда не будет необходимости уничтожить евреев, чтобы отобрать у них трон богатства, к которому со страстью стремились люди всех времен и всех стран». На этой умиротворяющей ноте заканчивается книга «Уподножия Синая».

Итак, подобно Вагнеру и Достоевскому, но совсем в ином плане Клемансо допускал близость «еврейского господства»! Двадцать лет спустя, осенью 1917 года он совсем иначе говорил о могуществе, приписываемом им сыновьям Израиля, поскольку он обвинял немецких евреев, что они одни были зачинщиками русской революции и поражения России. Без сомнения, здесь имела место дезинформация Второго бюро или другого подобного ведомства, о чем речь еще пойдет ниже.

Какие же выводы можно извлечь из всего этого? Один из них весьма банален, а именно, когда великий человек разрабатывает великую тему (Клемансо также говорил о «великой трагической расе»), ему свойственно впадать в противоречия более, чем кому-либо другому. Дру-

гой вывод состоит в том, что в прошлом антисемитизм и сионизм отнюдь не были несовместимыми: о чем свидетельствуют также высказывания и сочинения Мартина Лютера, Фихте, Стюарта Чемберлена или Дрюмона, если ограничиться именами некоторых наиболее влиятельных антисемитов. По некотором размышлении это положение можно распространить и на Клемансо, который не дал своему сборнику новелл название «У подножия Карпат», как следовало бы из географических соображений. Итак, в глазах европейцев прошлого, и, что удивительно, в глазах антисемитов Палестина была естественной страной евреев. Это сближение не оспаривалось отдельными противниками евреев с хорошо всем известным пылом до тех пор, пока они туда не вернулись. Верно, что, с точки зрения европейцев XIX века, Палестина была лишь бесплодным клочком турецкой империи. Но мы не станем распространяться на эту тему дальше.

20 марта 1911 года обескровленный труп тринадцатилетнего мальчика Андрея Юшинского

был обнаружен в киевском предместье. Немедленно антисемитская пресса подняла шум о ритуальном убийстве, и одновременно в Петербурге и Киеве Союз русского народа стал прилагать усилия для направления расследования именно в эту сторону, тогда как в Думе его представитель Замысловский 18 августа направил запрос правительству по поводу длительности этого расследования. В течение первых недель не удавалось найти виновного еврея по причине профессиональной добросовестности судебного ведомства и криминальной полиции Киева. Потребовалось отстранить или заменить следователя и двух или трех полицейских, на что министр юстиции Щегловитов охотно согласился. После этого удалось представить еврея-убийцу в лице Менделя Бейлиса, мастера кирпичной фабрики, вблизи которой был обнаружен труп. Можно сравнить этого статиста с Дрейфусом в том смысле, что он столь же плохо понимал ставки в этой игре, как и знаменитый капитан, к тому же этот мнимый жрец, совершивший жертвоприношение, даже не был иудеем, соблюдающим обряды. Но постепен-

но дело оборачивалось все хуже.

Либеральная пресса перестала проявлять равнодушие к этому вопросу. Редактор газеты "Киевская мысль" предпринял самостоятельное расследование за свой собственный счет и вышел на след настоящих убийц—банды воров, которые зарезали ребенка, потому что боялись свидетеля, и специально осуществили его таким способом, чтобы вину можно было свалить на евреев.

Совершенно другая проблема возникла в плане международных отношений. Директор департамента полиции Белецкий жаловался, что "иностранная пресса травит русское правительство совершенно неслыханным, диким образом". В декабре 1911 года Соединенные Штаты расторгли российско-американское торговое соглашение.

Стараясь понравиться своему правительству, русский посол комментировал это следующим образом: "Этот инцидент доказывает прежде всего, что американцы еще находятся на весьма примитивной стадии социального развития!" (Аналогичным образом нацистский посол в Со-

фии тридцать лет спустя станет обвинять болгар, вставших на защиту евреев, "в том, что им совершенно недоступна немецкая идеология".)

Но в России ситуация также не оправдывала надежд, даже в монархическом лагере. В самом деле, влиятельный монархический идеолог Шульгин разоблачал в своей газете сфальсифицированный процесс, критиковал правительство и заявлял если не о невиновности евреев вообще, то по крайней мере о невиновности Бейлиса:

"Нельзя не испытывать чувства стыда за прокурора Киева и за все русское правосудие, которое рискнуло предстать перед всем миром со стать ничтожными доказательствами. (...) Мы не устанем повторять, что это незаконие не принесет желаемых результатов. (...) Рассуждая так, как это делаете вы, не перестающие изобличать ритуальные убийства, вы тем самым готовитесь совершить человеческое жертвоприношение"*.

Еще более серьезное значение, чем эта впечатляющая критика, имела позиция, заня-

тая православной церковью, которая (без сомнения, по распоряжению князя Оболенского, обер-прокурора Священного Синода) отказалась участвовать в этом юридическом фарсе. Ни один русский священник и ни один квалифицированный богослов не согласились выступить в качестве свидетелей обвинения, тогда как два крупных богослова, профессора Коковцев и Троицкий разрешили защите использовать их высказывания. "Знамя" бушевало: "Почему молчит наше духовенство? Почему оно не реагирует на зверское убийство жидами маленького Андрея? Как оно может обойти это молчанием? Но оно молчит. Вот как сильно господство жидов над прессой. . . "

В подобной ситуации весной 1912 года постановщиков этого дела охватила паника, и министр внутренних дел Макаров предложил отказаться от обвинения. Щегловитов предпочел выгадать время и приказал подготовить новый обвинительный акт. В том, что касалось богословской экспертизы, пришлось прибегнуть к католи-

ческому священнику, автору брошюры о ритуальных убийствах, которого Белецкий, не поскупившись на расходы, доставил из Средней Азии, из его прихода в Ташкенте. Кроме того двадцать три агента были направлены на предварительное изучение состава присяжных; все представители интеллигенции были тщательно отсеяны, а окончательный состав жюри присяжных включал лишь крестьян и мелких служащих с самой благонамеренной репутацией.

Судебный процесс открылся 25 сентября 1913 года. Два секретных агента, переодетые в жандармов, были поставлены Белецким для несения охраны в зале, предназначенном для присяжных, чтобы информировать власти об их позициях и соответственным образом направлять обвинение. Один из этих агентов, молодой юрист Любимов, вначале был настроен весьма пессимистически:

"... речь не идет о суде над неким безвестным евреем, но о генеральном сражении между мировым еврейством и русским правительством. Теперь стало очевидно, как это всемогущее еврейство умеет организовать свои силы, и до какой

степени русские власти плохо подготовлены для борьбы с евреями. Весь свет права, литературы, медицины, науки находится на стороне евреев"*.

Однако обвинение располагало иными светилами. Католический эксперт ксендз Пранайтис, фантастический персонаж, которого Щегловитов раскопал в Средней Азии, оказался на высоте поставленной перед ним задачи. Любимов дал ему следующую характеристику:

"Литовец по происхождению и поляк по воспитанию, выросший в черте оседлости и знающий евреев, в том, что касается своей души и ума, он является более русским, чем Красовский, профессора Павлов и Бехтерев [основные свидетели защиты] и все остальные русские прислужники евреев. . . "*.

Поистине, для последних слуг режима антисемитизм становился основным признаком настоящего русского!

Ксендз Пранайтис начал свое выступление с того, что представил собственный вариант средневековых легенд о наказании евреев:

"Еврейский народ был проклят Моисеем, сказавшим: Господь поразит вас всеми язвами египетскими. Очевидно, что это проклятие исполнилось, поскольку у всех европейских евреев экзема на ягодицах, у всех азиатских евреев лишай на голове, у всех африканских евреев фурункулы на ногах, а американские евреи страдают заболеванием глаз, которое превращает их в идиотов. Извращенные раввины нашли средство от этих болезней: они мажут больные места христианской кровью. Когда евреи убивают христианина, они преследуют тройную цель. Во-первых, они удовлетворяют свою ненависть к христианам и думают, что их преступление—это жертва, угодная Богу. Во-вторых, это позволяет им заняться магией. В-третьих, поскольку раввины отнюдь не уверены в том, что сын Марии не является Мессией, они думают, что, окропляя себя христианской кровью, они смогут спастись... "*

Ксендз Пранайтис рассуждал таким образом одиннадцать часов подряд и дошел до утверждения, что Библия предписывала евреям приносить в жертву Иегове необрезанных, а значит, и хри-

стиан: "Еврейское учение сближает понятия козла отпущения и христианского народа, который должен быть принесен в жертву". Ватикан не выразил ему порицания (русский посол в Риме отличился тем, что саботировал посылку точных копий тех булл, в которых римские папы в прошлом осуждали легенду о ритуальном убийстве). По словам корреспондента "The Times", Пранайтис был "одним из самых колоритных персонажей на процессе—тощий священник с огромными бровями", Любимов был удовлетворен: "Этот священник умеет говорить и знает, как убеждать крестьян". Специально прибывший из Петербурга заместитель прокурора Виппер был не столь доволен: "Он говорит слишком быстро и не очень ясно". Постулаты современного антисемитизма, которые излагал сам Виппер по поводу евреев, были слишком сложны для понимания простых людей:

"Положение евреев в России является тяжелым, никто не будет это отрицать, однако я скажу открыто, даже если меня осудят—конечно, не на этом суде, но в нашем обществе,—что я чувствую

себя в зависимости от власти евреев, власти еврейской мысли, власти еврейской прессы. Ведь русская пресса является русской лишь по форме: в действительности почти все наши издания находятся в руках евреев, (. . .) Юридически евреи живут при чрезвычайных законах, но на самом деле они хозяева в нашем мире, и в этом смысле библейские обещания выполняются на наших глазах; их положение тяжело, но в то же время мы находимся под их игом. . . "

Итак, все, кто с нами не согласен, находится под еврейским влиянием.

Секретный агент Любимов утверждал, что худшим для евреев исходом было бы признание ритуального характера убийства и оправдание Бейлиса, поскольку, с одной стороны, в этом случае дело не может быть подано на апелляцию, а с другой—кровавая легенда получит некоторое юридическое, а в каком-то смысле и официальное подтверждение. Идея была поддержана, и председательствующий на суде Болдырев постарался загладить слабости обвинения с помощью изобретательной формулы, которая поз-

воляла победить по всем статьям.

Итак, он задал присяжным два вопроса: был ли маленький Андрей убит на кирпичной фабрике, принадлежащей евреям, "таким способом, который вызвал ужасные страдания и привел к полному истечению крови, ставшему причиной смерти"; виновен ли Бейлис в том, что в сговоре с неизвестными лицами и "по мотивам религиозного фанатизма" он совершил это убийство? Вопросы были сформулированы таким образом, что присяжные, ответившие отрицательно на второй вопрос, в своей простоте могли ответить только утвердительно на первый вопрос, в котором отсутствовали прямые ссылки на ритуальный характер убийства. Но как и следовало ожидать, телеграфные агентства и часть прессы не стали проявлять излишнего внимания к этому. "Да" присяжных и упоминание о еврейской фабрике могло пониматься как поддержка присяжными антисемитской позиции.

В результате оба лагеря праздновали победу. На первый взгляд казалось, что обвинение восторжествовало, как уверяли "La Croix" в Париже

и "Reichspost" в Вене; более тонкий подход проявил редактор лондонской "Daily News" в своем ироническом комментарии:

"Киевский процесс подрывает тот интерес, который я испытывал к космополитическому, финансовому и политическому могуществу евреев. Чего смогла добиться эта международная сила? Приговора, подтверждающего старую легенду о кровавых жертвоприношениях".

В России царь, подаривший судье Болдыреву золотые часы, заявил о своем удовлетворении во всех смыслах: "Очевидно, что произошло ритуальное убийство, но я счастлив, что Бейлис оправдан, потому что он невиновен". Щегловитов и другие деятели поздравили по телеграфу "героев киевского процесса" как "независимых и неподкупных русских людей". Популярный мистический писатель Василий Розанов вскоре после суда опубликовал брошюру со странным названием "Обонятельная и осязательная связь евреев с кровью". В ней он обращал внимание на библейский стих, на который не обращали внимания его предшественники и который в его интер-

претации предписывал евреям ритуальные убийства, а именно строки из книги "Левит" о козле отпущения (10, 16-18): "Разве не удивительно, что никто не упоминает об этом месте. . . Все ясно, слишком ясно. Неужели все так слепы, что не видят этого? Для меня малыш Андрей—это христианский мученик. Пусть наши дети молятся за него как за замученного праведника. . ." В самом деле, было предложено воздвигнуть часовню неподалеку от знаменитой кирпичной фабрики; похоже, что проект был отклонен благодаря ходатайству Распутина перед царем.

Но в целом оправдание Бейлиса имело гораздо большее значение, чем кажущееся осуждение евреев. Совершенно очевидно, что суд воплощается в человеке, чья судьба становится его символом. Именно таким образом в целом воспринимался в России результат суда; на улицах были демонстрации радости; таким же образом восприняли приговор в литературе и прессе большинство авторов. Фактом является и то, что за исключением двух невразумительных нацистских попыток дела о ритуальных убийствах после 1913

года больше не входят в арсенал западного анти-семитизма.

Вторая часть

ВЗРЫВ. 1914-1933

I. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ
ВОЙНА

Германские страны

В августе Европа вступила на путь скольжения по наклонной плоскости в обстановке воинственного энтузиазма, свободными от которого смогли остаться лишь немногие современники. Об этом свидетельствует обширная литература—от Пеги до Солженицына или от Мартена дю Гара до Киплинга. Для немцев речь шла о борьбе «за право господства и за участие в управлении планетой», как об этом писал в ту эпоху Томас Манн. Еврей Якоб Вассерманн проявлял больше сдержанности, отмечая в своем дневнике; «Я предвижу большую победу Германии и германизма; Германия становится мировой державой, да хранит нас Бог от чрезмерной гордости!» А несколько позже он записал: «Нет сомнений, что высший дух реет над Германией». В Вене Роберт Музиль восклицал: «Как прекрасна и благородна война!» И даже сам отец психоанализа позволил увлечь себя этим потоком этнических страстей, заявив о своем стремлении «отдать все свое либидо Австро-Венгрии»; к этому он добавил, что всем сердцем будет с Германией при условии, что Англия присоединится к противной стороне.

В среднем восторги евреев в германских странах оказались более сдержанными, чем у остальных их соплеменников, но они проявлялись в международном масштабе, поскольку как в Соединенных Штатах, так и в царской империи значительная часть, вероятно, большинство их единоверцев занимали в то время прогерманские позиции. Философ Герман Коген вообще просто включал евреев в германский мир на основании присущей им германофонии, «поскольку все основные потенции ума и мышления формируются языком, несмотря на любые его искажения»; этим определялся общий долг всех евреев «с благоговейным почтением относиться к Германии как к своей духовной родине». Другой автор. Карл Гилмар-Берлин, заверял, что Германия располагает дополнительным корпусом сторонников, насчитывающим десять миллионов человек, и описывал, как психолог-еврей Гуго Мюнстерберг, ставший в Соединенных Штатах из любви к своей бывшей родине «вождем немцев», героически посвятил себя выполнению этого долга. Не приходится сомневаться, что ненависть к

царскому режиму была гораздо более сильным стимулятором: так, кумир еврейских масс Нью-Йорка еврейский поэт Морис Розенфельд сочинил антирусский гимн, заканчивающийся возгласами: «Ура Германии! Да здравствует кайзер!»

Еще лучше выступил в этом жанре в самой Германии еврейский поэт Эрнст Лиссауэр, сочинивший вечером 4 августа, когда английское правительство объявило об отказе от своего нейтралитета, знаменитую «Песнь ненависти к Англии», которая немедленно оказалась у всех на устах:

«... Наступит день, когда мы заклю-
чим мир,

Но тебя мы будем ненавидеть посто-
янной ненавистью.

Наша ненависть никогда нас не оста-
вит,

Ненависть на море, ненависть на су-
ше,

Ненависть в головах, ненависть в ру-
ках,

Ненависть кузнеца, ненависть прин-

ца,
Яростная ненависть семидесяти мил-
лионов,
Объединившихся во имя любви, объ-
единившихся во имя ненави-
сти,
У всех у них есть лишь один враг –
Англия»

Лютеранский органист из Хемница положил эту «Песнь» на музыку, Вильгельм II лично наградил автора, а источники его поэтического вдохновения стали объектом весьма интересных дискуссий. Немецкие евреи выражали общую радость в связи с тем, что одному из них воздавались почести как глашатаю праведного немецкого гнева и выразителю немецкой души. В самом деле, как писал один националистически настроенный обозреватель, это произведение отражало «самые глубинные чувства немецкого народа», а другой подчеркивал, что «Песнь ненависти» прекрасно отражает состояние нашего духа, выражая народные глубины. При этом ни тот, ни другой не знали, что Лиссауэр был евреем. Луч-

ше осведомленный Хьюстон Стюарт Чемберлен признавал достоинства песни, но ставил автору в вину его принадлежность к народу, «который, в противоположность немецкому народу, во все времена культивировал ненависть как одно из самых необходимых чувств». В еврейской прессе исключение составлял сионистский орган «Der Jude», критиковавший злобную ненависть этого произведения, причину которой он, без сомнения, относил на счет издержек ассимиляции.

При более глубоком анализе становится очевидным, что речь здесь может идти лишь о частном случае гораздо более общего смешения понятий, восходящего к гипотетическому родству между «немецким духом» и «еврейским духом». Даже основатель неокантианской философской школы Герман Коген писал по этому поводу трогательные глупости, доходя до рассуждений о «глубинном братстве между иудаизмом и германизмом», причем это братство должно было стать «фундаментальной чертой германского духа». В экзальтированной атмосфере того времени подобные рассуждения представляли собой

лишь крайнее проявление весьма широко распространенных взглядов, и самые убежденные противники евреев протягивали руку самым ортодоксальным иудеям в знак согласия с тем, что в их положении существуют знаменательные аналогии: разве немцы не навлекали на себя всеобщую ненависть подобно евреям, разве и по их поводу не высказывались несправедливые обвинения в стремлении добиться мирового господства?

В этом вопросе сионист Арнольд Цвейг занимал особую позицию, выступая от имени «лишенных любви» против любых «более или менее серьезных попыток утверждения метафизической или психологической общности между тысячелетним иудаизмом и юным германизмом». Однако другой видный сионист Наум Голдман подтверждал наличие «фундаментального сходства» между ними в способе «воспринимать жизнь как призвание и долг». Более того, Голдман без колебаний назвал свой труд «Дух милитаризма»; пятьдесят лет спустя под другим заглавием и в других выражениях он продолжал

говорить о том, что «существует определенная общность между еврейским и немецким духом»,

Я не стану пытаться доказывать противоположную точку зрения, которая окажется столь же произвольной, поскольку аргументы «за» и «против» являются в этом случае одинаково недоказуемыми. Отметим также, что, не углубляясь в метафизические спекуляции, можно с уверенностью сближать немцев и евреев в том, что касается интеллектуальной энергии и деловой эффективности; более того, можно утверждать, что в новое время «еврейский вклад в культуру» был прежде всего вкладом австрийско-немецких евреев, хотя они и составляли не более одной десятой части общей численности евреев в мире. К триоце Маркс-Фрейд-Эйнштейн, продолжающей и сейчас определять современную культуру, читатель легко может добавить другие имена по собственному выбору, и можно предполагать, что на самом деле некоторые специфические связи или притяжения, природа которых остается неясной, сыграли определенную роль в этом расцвете гениальности.

Что касается Германской империи в период 1914-1918 годов, которую ошибочные расчеты национальных героев Людендорфа и Тирпица привели к гибели, то она могла существовать в эти годы исключительно благодаря переводу экономики на военные рельсы, осуществленному в 1914 году Ратенау и Баллином, которые до последнего вздоха были преданы своей родине. Но большинство их соотечественников не проявило к ним никакой признательности; более того, вопреки распространенному мнению подъем антисемитизма в Германии предшествовав поражению и всевозможным беспорядкам, вину за которые, как известно, возлагали на евреев. Сейчас мы подробно рассмотрим эту историю, полную трагической иронии.

В Германии «священный союз» носил средневековое название «Божий мир» (Burgfriede—Божий мир—гражданское перемирие, объявлявшееся на время религиозных праздников. (Прим. ред.)): после начала военных действий Вильгельм II объявил, что для него больше не существует политических разногласий, отныне все

только немцы. Евреи отнеслись к этому с ликованием и верой в то, что, наконец, они смогут «погрузиться в широкий поток национальной судьбы» (Эрнст Симон, будущий старейшина израильских философов). Еще энергичней выразился австриец Роберт Музиль: «Захватывающее чувство причастности заставляло трепетать наши сердца». Но перемирие оказалось недолгим. С первых же недель «Hammerbund» Теодора Фриша занялся проблемой преимуществ, которые евреи непременно станут извлекать из этой ситуации, особенно в том, что касается производства в офицерский чин; Фриш обещал самым тщательным образом изучать поведение евреев на фронте.

Более респектабельные антисемиты, например, принадлежащие к обществу Генриха Гласса «Alldeutscher Verband», дольше сохраняли молчание. Есть основание предполагать, что надежды, возлагавшиеся германской дипломатией на международную еврейскую поддержку, сыграли определенную роль в этой сдержанности. По утверждениям дипломата Притвица имелись

планы саботажа поставок для русской армии с помощью еврейских поставщиков и посредников; аналогичные цели преследовал знаменитый призыв Людендорфа, опубликованный на языке идиш, адресованный «дорогим польским евреям». Так или иначе, но политическая программа, разработанная в декабре 1914 года Глассом от имени «Alldeutscher Verband», более не требовала отстранения евреев от общественной жизни Германии, а Чемберлен даже писал осенью 1914 года, что евреи стали неузнаваемыми, «выполняя свой гражданский долг немцев как на передовой, так и в тылу». Но тот же самый Чемберлен писал одному из своих друзей в марте 1915 года, что новое положение вещей—«преимущество быть евреем» стало «опасным симптомом». С осени 1915 года беспокойство по этому поводу стало совершенно беспричинным.

В данной связи следует прежде всего отметить, что если все воюющие страны быстро утратили мечты о легкой и радостной войне и переживали жестокие реалии и страдания окопной войны, то именно в Германии народные массы

первыми испытали на себе всевозможные ограничения, заменители и суррогаты разных видов, карточную систему и недоедание. Создается впечатление, что с зимы 1915-1916 годов гражданское население стало искать выход из этих трудностей традиционным классическим способом. Так, на уровне осмысления происходящего, т.е. в идеологии, где определялись объекты для всеобщей ненависти, можно заметить особую ситуацию, при которой более определенно, чем раньше, поиски козлов отпущения стали направляться в сторону евреев.

В самом деле, поскольку в условиях всеобщей катастрофы поиски виновных оказывались неизбежными, то для французов эту роль играли боши, для британцев гунны, а русские массы начали сводить старые счеты с немцами. В случае Германии ситуация была далеко не столь определенной. После того как прошла вспышка антианглийской ярости, возникла проблема, где искать врага, если не обвинять всех врагов Германии, т.е. большинство так называемых цивилизованных наций. Один из выходов заключался

в том, чтобы допустить существование «наднационального» врага, тем более что материализация духа этого врага облегчалась тем, что в каком-то смысле сама Германия имела некоторую склонность рассматривать себя в качестве «наднациональной» общности. Европейская традиция, восходящая по крайней мере к эпохе Возрождения, приписывала Германии почти панъевропейский национальный статус. (Перевоплощения этой идеи я подробно рассматриваю в моей книге «Арийский миф".) Даже такой утонченный писатель, как Томас Манн, характеризовал в 1916 году немецкий народ как наднациональный (*Internationales Volk*), на котором также лежит «наднациональная» ответственность и который воплощает европейское сознание в своем противостоянии целому миру врагов. С помощью весьма убедительных аргументов он стремился доказать, что злобные крайности французской пропаганды, уничижительно описывающие бошей как «недочеловеков», не имеют параллелей в Германии.

Понятно, что в этих условиях врага немцев

также следовало представлять одновременно как внутреннего и как «наднационального», обладающего невидимой тайной мощью. Еврейский социолог Франц Оппенгеймер отдавал себе отчет в этой ситуации, когда еще до 1914 года писал, что «антисемитизм представляет собой повернутое внутрь лицо шовинистического и агрессивного национализма». По многим причинам, часть из которых восходит к средним векам, германский шовинизм даже во время войны продолжал направлять свой взгляд в эту сторону.

Необходимо отметить, что во время войны германские философы и другие интеллектуалы занимали самые разные позиции по отношению к евреям. Отнюдь не самой банальной была позиция Освальда Шпенглера, который в эти годы работал над своим знаменитым трудом «Закат Европы» («Der Untergang des Abendlandes»). Во многом вдохновляясь «Основаниями XIX столетия» Чемберлена, но при этом явно стремясь замаскировать этот источник вдохновения, он отверг «нелепые клише семита и ария». Вместо этого Шпенглер обосновал деление народов на

«фаустовские» — разумеется, в первую очередь к ним были отнесены германцы, — и «магические», к которым относились евреи, оказавшиеся в одном ряду с арабами, «народом феллахов». Согласно Шпенглеру, между фаустовскими и магическими людьми существует тотальное непонимание:

«Даже когда [еврей] считает себя частью народа той страны, где он живет, и разделяет его судьбу, как это происходило в 1914 году в большинстве стран, на самом деле он не переживает это событие как свою собственную судьбу, но он вступает в борьбу за него, рассматривает его как заинтересованный наблюдатель, и по этой самой причине глубинное значение того, за что ведется сражение, остается для него недоступным. (...) Чувство неизбежности этого взаимного непонимания приводит к ужасной ненависти, концентрирующейся глубоко в крови и опирающейся на такие символические признаки, как раса, образ жизни, профессия, язык, и ... приводящей обе стороны даже к кровавым взрывам».

Для ненависти, понимаемой таким образом,

евреи, по крайней мере в Германии, служили для Шпенглера эталоном, поскольку «расовая ненависть между французами и немцами не слабее, чем между немцами и евреями». Шпенглер продолжал: «Из того же самого импульса рождается, с другой стороны, истинная любовь между мужчиной и женщиной, которая сродни ненависти. Лишенный расы не знает этой опасной любви».

До сих пор мы имели дело только с еще одной биометафизической системой; они постоянно сменяли друг друга со времени Шеллинга и Гегеля—«мимолетные облака, затемняющие дух и сознание немцев» (Ницше), и почти неизбежно включающие в себя более или менее антисемитские отступления. Оригинальность Шпенглера проявляется в пятой, последней главе его труда, озаглавленной «Формальный мир экономической жизни». Здесь среди прочего можно найти опережающие свое время нацистские формулы о «расовой традиции, укоренившейся в почве и ведущей отчаянную борьбу с духом денег», или о преодолении и социализма, и капитализма.

Еще более впечатляющим кажется отсутствие в этой главе какого-либо упоминания евреев; в ней нет никаких обсуждений проблемы «еврейского капитала», как это было характерно для работ в этой области, особенно в то время. Есть лишь одно объяснение подобной странности: Шпенглер не хотел лить воду на мельницу «вульгарного антисемитизма», как если бы он стремился дистанцироваться от демагогии и уличных беспорядков, смутно предчувствуя их последствия.

Что касается главных действующих лиц будущих антисемитских выступлений, то письмо одного солдата, воевавшего против англичан во Фландрии, может дать некоторое представление об их настроениях: «У каждого из нас есть лишь одно желание—как можно быстрее окончательно свести счеты с бандой». С какой бандой?—С бандой «чужестранцев» в целом:

«[Мы надеемся], что те из нас, кому выпадет счастье вновь увидеть родину-мать, найдут ее очищенной от чужаков (Fremdlnnderei), и что благодаря нашим жертвам и страданиям, благодаря проливаемым нами ежедневно рекам крови

во время борьбы с международным враждебным миром не только внешние враги Германии будут разорваны в клочья, но и наш внутренний интернационализм также будет раздавлен. Это будет важней, чем любые аннексии»,

Датированное пятым февраля 1915 года, это письмо было подписано: Адольф Гитлер.

Со своей стороны профессионалы организованного антисемитизма не сидели без дела. В конце 1915 года состоялась закрытая конференция ведущих агитаторов, некоторые из которых, как например, граф Ревентлов или критик Адольф Бартельс, проявили себя в дальнейшем в рядах нацистского движения. Было решено собрать материалы для труда под названием «Евреи в армии», который будет бесплатно распространяться среди офицеров и студентов; при этом подразумевалось, что публикация этой книги станет возможной лишь в результате отмены цензуры после войны. В то же время профессор Ганс фон Либих распространял меморандум, в котором подвергалась критике политика Бетман-Гольвега, которого он первым на-

звал «канцлером немецких евреев», сторонником «гнилого мира компромиссов». (Этот приоритет не спас его от увольнения в 1919 году обществом «Alldeutscher Verband» как «неарийца».) Немного времени спустя в марте 1916 года Теодор Фриш и его доверенное лицо Альфред Рот направили Вильгельму II и ведущим политическим деятелям доклад, в котором содержалось красочное описание распутной жизни тех, кто наживается на войне, черном рынке и других скандалах и несправедливостях: «Космополитическая плутократия, интересующаяся лишь собственной выгодой, в случае необходимости антинациональная, стремится лишь служить интересам международных финансистов; именно таким образом как пауки они плетут паутину, которой опутывают государей, страны и народы». В Германии экономическое положение Баллина, Ратенау и Других евреев позволило им «учредить систему бесчисленных взаимопересекающихся обществ, руководимых еврейским духом».

Имеются все основания полагать, что доклады и послания такого рода, сочинявшиеся под ру-

ководством лидеров других полупод-польных организаций, в больших количествах поступали как к этим, так и к иным адресатам в тылу и на фронте, Летом 1916 года военного министра буквально затопили разоблачения евреев, укрывающихся от отправки на фронт. Вальтер Ратенау, которого сперва ненавидели как еврея-пораженца, прежде чем стали ненавидеть как «сионского мудреца» за то, что он с самого начала ясно понимал основные проблемы, в августе 1916 года свидетельствовал с откровенным отчаянием в письме к своему другу Вильгельму Шванеру, стоявшему на националистических позициях:

«Не пытайся переубедить людей: их вера в коррупцию чужестранцев помогает им жить... Отняв у них эту веру, ты лишаешь их чего-то незаменимого; пусть это ненависть, но она согревает почти так же сильно, как любовь. Чем больше будет число евреев, убитых на фронте, тем яростнее их враги будут доказывать, что все они укрываются в тылу и наживаются на ростовщичестве. Ненависть еще удвоится и утроится...»

Пессимизм Ратенау немедленно подтвердил-

ся. Шванер показал письмо Ратенау офицеру-антисемиту лейтенанту Графу, на что тот заметил: «Даже если бы Ратенау был нашим спасителем, для немецкого народа было бы позором оказаться спасенным семитом. Я верю в то, что сказал Фридрих Людвиг Ян: «Только немцы спасут немцев, чужеземные спасители могут лишь привести их к гибели».

Но худшее было еще впереди.

Август 1916 года можно рассматривать как решающий поворотный момент первой мировой войны; высшее военное командование перешло тогда от генерала Фалькенхайна к дуумвирату Гинденбург-Людендорф; первый из них своим авторитетом национального героя Танненберга освящал решения второго, блестящего стратега и организатора, «главного авторитета в генеральских кругах». Сразу же германская военная политика приняла новое направление, гораздо более жесткое, во многом предвосхищающее некоторые нацистские меры. В октябре ставка главнокомандующего утвердила предложенный Тирпицем проект беспощадной подводной войны, а

также приказала провести депортацию четырехсот тысяч бельгийских рабочих из числа гражданского населения. Третья мера, одобренная военным министерством 11 октября, предписывала провести перепись евреев, как мобилизованных на фронт, так и в тылу. Похоже, что инициатором этой «еврейской статистики» был подполковник Макс Бауэр, офицер генерального штаба и опытный политический интриган, сыгравший важную роль при назначении Людендорфа и являвшийся доверенным лицом «Alldeutscher Verband» Класса в ставке главнокомандующего.

В дальнейшем Людендорф уверял, что лишь во время войны он познакомился с «еврейским вопросом», главным образом, благодаря немецкому издателю «Протоколов сионских мудрецов» Мюллеру фон Хаузену, которого ему представил Бауэр. Факт состоит в том, что по мере того, как мировой конфликт близился к своему завершению, все возрастающее число германских лидеров подпадало под влияние навязчивой идеи о Еврейском интернационале, управляющем ходом истории.

При этом следует заметить (и мы к этому еще вернемся), что в этом своем мифологическом качестве международное еврейство стремилось погубить родину одновременно во всех воюющих странах; оно не могло выступать в качестве союзника ни одного христианского народа!

В свете сказанного выше само собой разумеется, что каков бы ни был патриотизм немецких евреев, эта перепись не могла вызвать рост их симпатий к германским военным лидерам. Конечно, военное министерство оправдывало необходимость этой переписи стремлением статистическими данными опровергнуть слухи о том, что военнослужащие-евреи обычно устраивались в штабах или в тылу. Но несмотря на возможное значение результатов этой переписи, они никогда не были преданы гласности, а в некоторых призывных округах все евреи, освобожденные от воинской повинности, должны были предстать перед контрольными советами, кроме того стали отзывать с занимаемых ими постов еврейских военнослужащих, прикомандированных к тыловым структурам, так что военное ведомство было вы-

нуждено уточнить, что речь отнюдь не шла об «отстранении евреев от их должностей», но исключительно об их переписи,

В результате традиционный ров между «армией» и «евреями» моментально превратился в пропасть. Более того, идея военных послужила образцом для подражания. 19 октября лидер католического «Центра» Эрцбергер потребовал в Рейхстаге провести расследование касательно евреев, занятых в канцеляриях и ведомствах военной промышленности. В развернувшихся за этим дебатах он следующим образом обосновывал свое предложение: «Поскольку утверждалось, что евреи и социал-демократы господствуют в германской империи, то следует поставить вопрос о конфессиях». При этом один католический депутат с иронией заметил, что он должен заявлять о своей религиозной принадлежности, даже останавливаясь в отеле.

В тылу патетический старец Герман Коген говорил об «ударе ножом в сердце...» и даже о том, что «можно прийти к ужасному подозрению о попытке поколебать еврейский пат-

риотизм, чтобы избежать компрометации немецких представлений о евреях и причинах ненависти к ним». На фронте депутат Хаас, произведенный в лейтенанты в 1914 году, следующим образом резюмировал общее отношение к происходящему своих единоверцев: «Мы получили особую метку и стали солдатами второго сорта», а еврейские унтер-офицеры удивлялись, что рядовые продолжали им подчиняться. Молодой доброволец Эрнст Симон, в 1914 году радовавшийся возможности «влиться в единый поток национальной судьбы», констатировал в 1916 году, что перепись «была крайне популярной и выражала подлинные чувства» — что привело его в ряды сионистского движения. Но Ратенау удалось гораздо лучше выразить позицию большинства, когда он воскликнул: «Пусть другие отправляются основывать государство в Азии, ничто не влечет нас в Палестину».

Историк В. Йохман заметил: «Большинство евреев решили бороться за лучший и более справедливый порядок, а при нынешнем положении вещей это могла быть только парламентская де-

мократия». Резкое падение их жертвований на военные цели достаточно красноречиво говорит об их чувствах.

Революция 1917 года в России создала новую и еще более взрывоопасную ситуацию, которую легче правильно понять, если вспомнить, что еще революция 1905 года рассматривалась окружением императора как «еврейская».

С самого начала военных действий правительство Вильгельма II пыталось парализовать или ослабить Россию путем активизации революционных и национальных движений. Его основными агентами были Александр Гельфанд-Парвус и эстонец Кескула: первый, сам бывший меньшевик, предлагал действовать через меньшевиков, тогда как второй, более дальновидный, ставил на Ленина, с которым с сентября 1915 года он разрабатывал в Швейцарии проект сепаратного мира, однако именно имя первого из них сохранилось во всемирной истории благодаря антисемитским страстям. Февральская «буржуазная» революция 1917 года сделала эти планы вполне реальными. Проект Кескулы 1915 года

стало возможным претворять в жизнь, «экстерриториальный» поезд был предоставлен в распоряжение Ленина и его друзей; однако, с другой стороны, европейские отклики на призыв Петроградского совета «за мир без аннексий и контрибуций» (27 марта) вызвали явное беспокойство у немецких властей. В самом деле, 6 августа социал-демократическая партия, отмежевавшись от своего «левого крыла» (куда входили Роза Люксембург и Карл Либкнехт), выступила за мир без аннексий. За этим последовали забастовки и даже первый мятеж матросов в Киле «по русскому образцу» (июнь-июль 1917 года). Большинство депутатов Рейхстага все более прониклось духом протеста и 19 июля проголосовало за знаменитую «мирную резолюцию» без аннексий.

На это незамедлительно последовала бешеная реакция милитаристского лагеря, группировавшегося вокруг верховного командования, крупных промышленников, пангерманистов Класса и других бесчисленных патриотических и «народных» объединений. Люден-дорф прика-

зал раздавать во всех воинских частях брошюру «Будущее Германии после хорошего или плохого мира», в которой доказывалось, что в случае плохого мира, достигнутого в результате компромисса, Германия, придавленная тяжестью долга в сто семьдесят миллиардов, попадет в экономическое рабство, тогда как в противоположном случае «за все заплатит враг». Подобные сочинения издавались в огромном количестве, при этом был неизбежен антисемитский уклон, который одна еврейская газета описывала следующим образом:

«Рейхстаг голосует за резолюцию о мире, не устраивающую пангерманистов,—это еврейская резолюция; Рейхстаг в целом не имеет чести нравиться антисемитам,—это еврейский рейхстаг; мир компромиссов им противен,—это еврейский мир. . . »

Угрожая отставкой, Людендорф и Гинденбург добились отстранения «еврейского канцлера» Бетман-Гольвега. В течение лета 1917 года «евреи, окопавшиеся в тылу», стали «революционными евреями», и здесь уже их личная пози-

ция не имела особого значения: жертвами нападок без разбора оказывались как противник аннексий Теодор Вольф из «Berliner Tageblatt», так и воинствующий Георг Бернгард из «Vossische Zeitung». Разумеется, некоторые немецкие евреи были революционерами, но поскольку всех революционеров подозревали в том, что они евреи, то другие также становились революционерами во все возрастающем количестве в соответствии с неумолимыми законами диалектики, которые до этого проявились в царской России и которые после 1967-1968 года сделали «сионистами» столько евреев, особенно во Франции.

Сразу после Октябрьской революции высказывания некоторых вершителей судеб немецкого народа стали граничить с бредом. Причем этот бред за несколько недель распространился в общеевропейском масштабе: принимая специфические формы в разных странах, он во всех случаях отражал отказ признать, что столь всеохватывающее и скандальное нарушение установленных порядков могло произойти без вмешательства оккультных сил, которые могли быть только

еврейскими силами, поскольку среди большевиков было некоторое количество евреев. В этой связи следует процитировать меморандум, составленный весной 1918 года полковником Бауэром, который в это время был представителем Людендорфа в Берлине: «Переговоры с евреями в Брест-Литовске имели большую ценность, поскольку на них хвастливый еврей Троцкий открыл нам цели международных тайных обществ. . . [Эти общества] присвоили себе право вмешиваться в судьбы народов, подстрекая к политическим переворотам. Это означает, что священный долг монархических государств состоит в том, чтобы сражаться за монархические принципы даже за пределами собственных границ». Итак, основная идея осталась той же, что и у русского министра Ламсдорфа в 1906 году: монархи всех стран, соединяйтесь!

Бредовые тенденции еще больше усилились, когда стало очевидным, что Германия проиграла войну. Одни, в том числе Класс и его пангерманисты, стали думать о том, чтобы заняться систематической подготовкой будущего. 15 сентяб-

ря 1918 года под руководством генерала фон Гибзаттеля был создан «еврейский комитет», главной задачей которого было возглавить поход против иудаизма и использовать евреев как громометод при любых бедствиях». Класс добавлял: «Я готов использовать любые средства и буду придерживаться лозунга Генриха фон Клейста, который нападал на французов [в 1813 году] со следующим призывом: «Убивайте их, всемирный суд не спросит вас о ваших мотивах!». Некоторые члены «Gemanenorden», объединившиеся в августе 1918 года в Мюнхене под именем «Thulegesellschaft», также стали готовиться к антисемитской кампании.

Для других, а именно для высших военных и гражданских руководителей, после того, как в сентябре Людендорф потребовал немедленного заключения перемирия, встал вопрос о переговорах с союзниками. Для достижения этой цели принцу Макс Баденскому поручили сформировать демократическое правительство с участием социал-демократов в соответствии с требованиями президента Вильсона. Согласно полковнику

Бауэру это правительство «находилось в полном подчинении у еврейских лидеров, действовавших за кулисами», а солдатские советы, создававшиеся в то время в немецкой армии, также состояли из «окопавшихся в тылу евреев».

В действительности именно еврею Альберту Баллину, выдвинутому на первый план Бауэром, Людендорфом и крупным промышленником Гуго Штиннесом, было поручено открыть глаза императору на подлинную ситуацию в Германии. Штиннес также побуждал его от имени католического «Центра» и социал-демократии обратиться к союзникам с предложением о немецкой капитуляции. Баллин предпочел покончить жизнь самоубийством.

Образцовое безумство Эриха Людендорфа

В завершение этой главы мы подробно рассмотрим случай генерала Людендорфа. Его политическая жизнь делилась на два основных этапа, причем нас здесь интересует второй этап, который обычно обходят молчанием. В самом деле, после того как в 1916-1918 годах генерал Людендорф выступал в роли стратега, руководившего лагерем центральных держав, его охватил антиеврейский психоз в такой сильной форме, какой, по всей видимости, не страдал ни один человек в XX веке. Не по этой ли причине имя сего гроссмейстера войны по-прежнему знакомо человеку с улицы, но часто оказывается вычеркнутым из коллективной памяти, воплощенной в наши дни в энциклопедиях и биографиях? В этом случае историки лишь следуют примеру мемуаристов, которые еще при жизни Людендорфа отвернулись от него. После войны он стал компрометировать вплоть до скандалов сначала людей своего круга, затем нацистов; однако тем или иным образом как те, так и другие разделяли безумные взгляды на мир, которые он развивал с абсолютной логикой.

Эрих Людендорф родился в 1865 году в Познани; его отец был кавалерийским офицером; семья строго придерживалась лютеранских традиций, а сам он должен был испытать влияние Моравских

братьев, поскольку накануне принятия важного решения он сверялся с их календарем, чтобы узнать благоприятным или неудачным является этот день. Избрав военную карьеру, он добился внимания своих начальников благодаря силе своего характера и упорству в работе, был произведен в офицеры генерального штаба и участвовал в работе над «планом Шлиффена». Летом 1914 года он организовал взятие Льежа на западе и победу под Танненбергом на востоке. В 1916 году он стал самым могущественным человеком Германии, «диктатором, который об этом не подозревал», как ему говорил Ратенау, признававший его гений; другой крупный деятель Веймарской республики Густав Штреземан в ту эпоху видел в нем «немецкого Кромвеля». Среди политических решений, выпавших на его долю, была отправка Ленина в Россию 4 апреля 1917 года

(неизвестно, сверялся ли он по этому поводу с календарем Моравских братьев).

В том, что касается военных операций, инициатива ускользнула от него между пятнадцатым («неблагоприятный» день) и восемнадцатым июля 1918 года, когда за провалившимся немецким наступлением последовало французское контр наступление при Виллере-Котре. У Людендорфа наступил период психологического кризиса: периоды депрессии чередовались с приступами бешенства, его речи иногда становились бессвязными, а некоторые свидетели даже говорят о приступе истерического паралича. Военный врач, лечивший его на протяжении этих недель, удивлялся бедности эмоциональной жизни этого интеллектуального титана. Иногда надежда вновь охватывала его, как, например, 14 августа на военной конференции в Спа в присутствии императора: после длинной тирады против ослабления дисциплины в тылу и о срочной необходимости послать на фронт молодых еврейских бездельников он приободрился и собственной рукой исправил в протоколе конференции слова «Лю-

дендорф надеется навязать нашу волю противнику» на «Людендорф сможет навязать...»

На следующий день после перемирия он бежал под чужим именем в Швецию, откуда посылал своей жене письма, в которых жаловался на нервы, но при этом проявлял заботу о своей посмертной славе: «...не забудь сказать всем, до какой степени моя судьба похожа на судьбу Ганнибала. Это поможет им понять. Дорогая, храни мои письма...» В то же время он писал свои «Воспоминания о войне», в которых еще не было речи о еврейском заговоре; напротив, у него находятся для них хвалебные слова, например, о «сильном чувстве солидарности, присущем этому народу».

Вернувшись весной 1919 года в Германию, Людендорф обосновался в Мюнхене, где только что пала эфемерная «Баварская революционная республика» и город немедленно стал главным немецким центром реакционных и антисемитских происков. Похоже, что именно тогда его озарило, и по примеру стольких своих братьев по оружию и бывших подчиненных он стал разобла-

чать великое предательство евреев. В то же время он активно участвовал в деятельности «народных» движений и в конце концов примкнул к нацистской партии. Согласно биографу Гитлера Фесту, тот вначале ограничивался ролью провозвестника Людендорфа.

Итак, Людендорф принял участие в путче 9 ноября 1923 года и попал под суд вместе с Гитлером и его сподвижниками. Его оправдали, поскольку суд решил, что вследствие умственного переутомления он не был полностью вменяемым. Это не помешало ему стать депутатом Рейхстага от нацистской партии в 1924-1928 годах, а также выставить свою кандидатуру на пост президента Веймарской республики в 1925 году. Но все больше и больше, особенно после того как он женился вторым браком на мистической германоманке Матильде Кемниц, он погружался в изучение философии истории, и его паранойя приобрела характер анимистического или магического детерминизма. В 1933 году он писал:

«Ключ к мировой истории находится в угодном Господу людском несовершенстве и в незна-

нии законов человеческой и народной души... Мы открыли этот ключ, изучая деятельность тайных наднациональных сил: это евреи с их гибельными учениями, от христианства до коммунизма и большевизма, и Рим с его ошибочной доктриной, коренящейся, как и у евреев, в Библии и оккультизме».

Под «оккультизмом» Людендорф подразумевал в первую очередь франкмасонство, обряды которого представляли собой «символическое обрезание» и превращали христиан в «искусственных евреев» (Ktinstliche Juden), отныне обязанных действовать во имя всемирного господства Иуды с десятикратной энергией. Это не мешало ему признавать разницу интересов и даже соперничество между Иудой и Римом: например, убийство Вальтера Ратенау он рассматривал как поражение евреев, поскольку «гибель Ратенау была гибелью надежды Иуды и опасного противника претензии папы римского на мировое господство». Можно сказать, что расизм играл лишь второстепенную роль в общей концепции Людендорфа: развивая под влиянием сво-

ей жены идею расовой германской субстанции или души, он упрекал Теодора Фриша и его сторонников в непризнании глубинно религиозного характера тысячелетней борьбы, составляющей суть мировой истории. Итак, злобедность евреев определялась не их природой, а тем, что они поддались пагубному суеверию Иеговы. В этом отношении механизм его бреда проявился с крайней простотой. Он писал: «Суеверны не я или моя жена, суеверны поклоняющиеся Иегове, которым иногда случается даже в их глупом суеверии (bloder Aberglaube) открывать украдкой некоторые истины, как если бы они хотели убедиться в том, что гон достаточно глупы для того, чтобы не суметь понять, что именно им было открыто. Разоблачая еврейские суеверия, мы подставляем себя для упреков в своем собственном суеверии. Продолжается битва, в которую необходимо вовлечь всех немцев, чтобы привести их к той истине, о которой они мечтают».

В другой раз он публично призывал своих слушателей прочитать у Генриха Гейне «четкие и, вероятно, неосторожные откровения посвя-

ценного». Он даже прочитал им следующий запоминающийся пассаж:

«Генрих Гейне писал:

"Христианство в известной мере смягчило воинственный пыл германцев, но оно не смогло его уничтожить, что же касается креста, то этот талисман, сковывающий германский дух, будет сломан, и тогда вновь выплеснется ярость древних бойцов, исступленная необузданность берсеркеров (Воины-язычники в древней Скандинавии; в переносном значении—люди, отличающиеся особой жестокостью и яростью. (Прим, ред.)) , которых поэты Севера воспевают еще и в наши дни. И наступит, наконец, тот день, когда восстанут древние божества войны из своих легендарных могил, сотрут с глаз вековую пыль, Тор поднимет свой гигантский молот и разрушит соборы. . . "

«Господа, немец никогда не станет разрушать произведения искусства!»—воскликнул в этом месте Людендорф. На том же собрании он говорил о дохристианской истории германцев: якобы недавние раскопки могли обнаружить свидетель-

ства их высокой культуры, но Кард Великий по наущению церкви приложил всевозможные усилия, чтобы стереть все следы этого славного прошлого, и т. п.

Тот же простой прием— «Это не я, это они»— определял и его заявления на суде над Гитлером весной 1924 года: «Это не я напал на Рим и евреев, а они тысячу с лишним лет тому назад начали наступление на немецкий народ; мы, немцы, лишь вынуждены защищаться...» Это рассуждение напоминает те речи, с которыми обращались к своим народам немецкие и иные правители в 1914-1918 годах. Что касается Людендорфа, то он уже больше не имел возможности посылать вперед дивизии и командовать армиями; и пусть этот бывший толкователь моравского календаря продолжал придавать значение датам и годам, уже не он, а евреи могли отныне определять даты своих решений соответствующим образом, из суеверия или чтобы высмеять немцев. Так, поскольку по его подсчетам 1923 год был благоприятным для Иеговы, еврей Гельфанд-Парвус объявил о стабилизации марки

9 ноября 1923 года (в день годовщины бегства императора в Голландию); та же каббалистическая «гематрия» (Гематрия—один из приемов герменевтики, состоящий в толковании смысла слов по числовому значению составляющих их букв или в замене исходных букв другими, имеющими такое же числовое значение. (Прим. ред.)) якобы определила и день подписания Версальского договора—28 июня 1919 года (день годовщины убийства в Сараеве); день 11 августа 1919 года, когда была провозглашена Веймарская конституция, также воплощал «число Иеговы» (а именно—«тридцать», как это показывает последовательное сложение цифр).

С течением лет эти бредовые измышления побуждали Людендорфа к активным действиям; чтобы успешнее бороться против наднациональных сил, он создал в 1926 году «Tannenbergbund». В следующем году он вызвал нашумевший скандал, выступив против Гинденбурга во время открытия памятника Танненбергской битве в Восточной Пруссии. Дело заключалось в том, что на самом деле это здание, покрытое

каббалистическими эмблемами, которые он сумел расшифровать, являлось памятником Иегове, «предназначенным оскорбить немецкое мужество и немецкую волю к жизни». Более того, Гинденбург призвал к объединению, «иными словами, к подчинению той общности, к которой стремятся Иуда и Рим». После этого заявления Людендорфу не осталось ничего другого, как разоблачить еще одного предателя немецкого народа, даже более опасного, поскольку у него были серьезные перспективы: в 1931 году он опубликовал брошюру, озаглавленную «Гитлер предал немцев в пользу римского папы» («Hitlers Verrat der Deutschen an den romischen Papst»).

Синдром мании преследования «мирового революционера», каковым Людендорф отныне собирался быть, не мог проявиться яснее. Но как известно, этот психоз остается ограниченным определенными рамками, он не препятствует сохранению ясности мышления в других областях. Невероятная работоспособность Людендорфа позволяла ему публиковать одну за другой книги о евреях и о Римской церкви, возглавлять

совместно со своей женой еженедельное обозрение «Ludendorffs Volkswarte», писать книги о тотальной войне, в которых он применял теории Клаузевица к жестоким реалиям XX века (политика рассматривалась как продолжение войны, только другими средствами); эти книги и в наши дни вызывают восхищение некоторых специалистов,

Основанное им издательство достигло такого процветания, что даже пережило вторую мировую войну. Тираж брошюры, которую он опубликовал в 1932 году, достиг восьмисот тысяч экземпляров; в каком-то смысле это процветание было международным—в 1927 году издательский концерн Херста заказал ему серию статей. Разумеется, он последовательно порвал со всеми своими бывшими товарищами по оружию и был исключен из всех ассоциаций офицеров и ветеранов. Само собой разумеется также, что после прихода к власти Гитлер распустил его «*Tappenbergbund*»—Людендорф жаловался, что «после взятия власти наша борьба и наша жизнь крайне усложнились». Однако он продолжал борьбу до

самой смерти в декабре 1937 года, при необходимости обманывая цензуру Третьего рейха, которая в этом случае была весьма либеральной. Его последнее сочинение, озаглавленное «Великий ужас—Библия не является словом Божиим», завершалось протестом против той поддержки, которую нацистское законодательство оказывало «пропаганде учений евреев, Рима и теократии, оскорбляющих моральное чувство нашей нордической расы».

Насколько оригинальны были ключи к мировой истории, открытые супругами Людендорф? Разве не провозгласил однажды еще более знаменитый человек, чем «мировой революционер», обращаясь к самому уважаемому и самому консервативному ареопагу, который только можно себе представить:

«Все первые христиане были евреями. Вначале христианскую религию исповедовали люди, которые до своего обращения были иудеями. На первом этапе существования [христианской] церкви каждый из тех, кто своим рвением, усилиями и талантами распространял христианскую

веру, был евреем. . . Но вы остаетесь под влиянием темных суеверий. . . »

Так говорил Бенджамин Дизраэли в Палате общин, когда в 1847 году произносил там свою первую речь. Незадолго до этого он заставил «Сидонию», романтического выразителя своих взглядов, сказать гораздо больше:

«В настоящий момент, несмотря на многие столетия преследований, еврейский дух оказывает большое влияние на европейские дела. Я не говорю об их законах, которым вы все еще подчиняетесь, ни об их литературе, которой вы пропитаны, я имею в виду живой иудейский интеллект. В Европе невозможно найти интеллектуального движения, в котором евреи не принимали бы участия. Первые иезуиты были евреями. Таинственная русская дипломатия, вызывающая столь серьезные потрясения в Европе, в основном осуществляется евреями. Мощная революция, зреющая в Германии, которая столь плохо известна в Англии, но которой суждено стать новой и более глубокой Реформацией, в целом развивается под эгидой евреев, которые практически мо-

нополизировали профессорские кафедры в Германии...»

Если ни один автор еврейского происхождения не распространял столь далеко претензии такого рода, как это делал будущий лорд Биконсфилд, то во все времена не было недостатка в стремящихся подобно ему к славе, опирающейся на «еврейсю-тй вклад в цивилизацию». Некоторые немецкие евреи, испытывающие стеснение из-за своего происхождения, бывшего в их глазах лишь досадной случайностью рождения, успокаивали себя перечислением знаменитых имен, служившим им высшим утешением. Ограничимся в этой связи тем, что в последний раз процитируем Вальтера Ратенау, иногда углублявшегося в мистическую философию:

«К гениям, сыгравшим решающую историческую роль, я не причисляю известное количество наиболее знаменитых деятелей, но лишь тех представителей рода человеческого, которые повлияли на ход истории на протяжении столетий и тысячелетий. Можно назвать около дюжины подобных имен, лишь часть которых составля-

ют наиболее великие деятели, но среди которых следует упомянуть и других, кого европейское сознание далеко не всегда имеет в виду, например, Конфуция, Лаоцзы, Му-хаммада. В этот короткий список иудаизм внес свой вклад прежде всего в лице безусловно исторической личности Моисея, а затем Иисуса, Павла, Спинозы и, со значительным отступлением, Маркса. Ни один другой народ не может предложить подобного перечня. . . »

Если гипотетически предположить, что влияние, оказанное Моисеем или Карлом Марксом (или Иисусом, или Эйнштейном), было зловредным, то навязчивая идея Людендорфа. в конце концов «справедливо заметившего», что Библия, написанная евреями и для евреев, остается ключевой книгой европейской истории, а масонство стремится духовно восстановить храм Соломона, приобретает познавательную ценность? В самом деле *coincidentia oppositorum* {совпадение противоположностей) доказывает нам, что при определении отношения к евреям первичным является восприятие идеи о невидимом могуще-

стве и бессмертии, приписываемым еврейскому народу, в то время как ценностная интерпретация этой идеи оказывается вторичной; к этому можно добавить, что если евреи, подобно любой другой группе людей, склонны к положительной самооценке (позитивная идентификация), то за пределами их группы идентификация легко становится отрицательной, а оттенки и их всевозможные сочетания оказываются весьма сложными и разнообразными. Когда речь идет о ведущих фигурах Запада, исключения практически не уступают правилу в количественном отношении. Упомянем хулителей иудаизма Маркса или Спинозу и его поклонников Руссо или Ницше. Другие примеры можно найти в предыдущих главах нашего труда.

II. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Странный взрыв радости, сопровождавший начало военных действий летом 1914 года, не обошел и Россию. По крайней мере часть евреев, а именно русифицированные и ассимилированные евреи, разделяли преобладающие настроения. Их пресса на все лады выражала патриотические чувства. Так, выходивший в Вильне. «литовском Иерусалиме», «Новый восход» писал:

«Наша любимая страна, великая Россия, была втянута в ужасную и кровавую бойню. Это беспощадная борьба за целостность и величие России. Все верные сыны России поднялись как один человек, чтобы грудью заслонить родину от вражеской атаки. По всей Российской империи евреи, наши братья по религии, полны решимости исполнить свой долг; многие даже пошли в добровольцы. . . »*

В Думе начал формироваться «священный союз», объединяющий все течения за исключением экстремистов с обоих флангов, черносотенцев и большевиков. Позже умеренный антисемит Шульгин объяснял эту ситуацию следующим образом:

«Иудаизм сделал первый шаг «в долг», не ставя условий и поддержав (в начале войны) русское правительство {...}. Русские евреи, которые по сути дела контролировали русскую прессу, заняли патриотическую позицию и выдвинули лозунг: «Воевать до полной победы». Делая это, они отвергали революцию. И я стал «филосемитом». Я был готов идти по этому пути до конца, чтобы облегчить таким образом ужасное давление, оказываемое войной на государство российское»*.

Но другие антисемиты рассуждали иначе, и ни на один день черносотенная пресса, финансируемая Николаем II и свободно распространяемая в войсках, не прекращала антисемитскую агитацию. Чтобы правильно понимать течение событий, нужно учитывать волну шпиономании, которая предшествовала всеобщему разложению и обрушилась на Россию с первыми военными неудачами, за чем в конечном итоге последовал крах царизма.

Кто же предавал Россию? Имелись две основные версии. Наибольшее распространение полу-

чила версия, без учета которой невозможно понять мирную «буржуазную» революцию февраля 1917 года, согласно которой вина лежала на императрице Александре, ее кумире Распутине и министрах, назначенных этой трагической парой, особенно на Борисе Штюрмере. В кругах интеллигенции и высшего общества ужасное подозрение сначала передавалось из уст в уста, постепенно перерастая в уверенность и распространяя отчаяние и цинизм, так что представитель партии кадетов Милюков заявило ней осенью 1916 годасвысокой трибуны Думы. Нов 1916 году народным массам также хорошо было известно о странных способах управления Россией, а солдаты в своем большинстве были убеждены, что «старец» был любовником «немецкой царицы».

Согласно другой версии, выдвигавшейся черносотенцами и разделявшейся определенной частью военных кадров, вину возлагали на еврейский шпионаж, а также на их общее сознательное стремление воспользоваться стечением обстоятельств, чтобы всеми возможными способами отомстить христианам. Так, однажды была

распространена информация, предостерегавшая солдат от употребления в пищу сладостей, которыми торгуют евреи, потому что они «опасны для здоровья»; статья в газете описывала «со ссылкой на официальные источники» мучения, которые причиняли военнопленные евреи своим христианским собратям по несчастью в немецких лагерях. «Пришив к рукавам галуны унтер-офицеров, они распределяют между собой дубинки, которыми избивают наших пленных. Пленные евреи свободно разгуливают по городу...» Попутно можно отметить противопоставление между «пленными евреями» и «нашими пленными», будь то православные, католики или мусульмане.

Тогда же было положено начало практике, подхваченной позднее Сталиным, согласно которой цензура запрещала предавать гласности подвиги, совершаемые фронтовиками-евреями, а из списков солдат, получивших награды, вычеркивали типично еврейские имена и фамилии. Однако и в этом плане парадокс 1914-1918 годов будет воспроизведен в 1935-1945 годах, евреи,

носившие военную форму в наименьшей степени тяготились своим положением. В самом деле, начиная со времени военных поражений осени 1914 года гражданские евреи, жившие за линией фронта, который при отступлении уничтожил основную часть «черты оседлости», стали подвергаться систематической эвакуации, или, точнее говоря, депортации.

Во время первого года войны верховным главнокомандующим был великий князь Николай Николаевич, которому помогал генерал Янушкевич (он занимал пост начальника штаба верховного главнокомандующего.—Прим. ред.). В их штабе было множество экстремистов, проявивших себя еще в 1905-1906 годах. Когда началось отступление русской армии, проявилась тенденция к использованию опыта войны 1812 года, т. е. стратегии выжженной земли, что означало эвакуацию местного населения. Но очень быстро выяснилось, что это причиняло русским больше проблем, чем немцам. Тогда было принято решение распространять эвакуацию лишь на «евреев и иньгх лиц, подозреваемых в шпионаже», как

было сказано в циркуляре от 16 января 1915 года. Во время первого года войны более полумиллиона евреев было депортировано во внутренние области России. Более простое решение, принятое командованием восемнадцатого армейского корпуса, состояло в «изгнании евреев в сторону военных позиций противника, чтобы ни один из них не остался в зоне расположения своих войск». Именно при подобных драматических обстоятельствах еврейские массы смогли наконец ступить на исконную русскую землю, они были голодными, лишенными всего своего имущества, и составляли превосходный источник для пополнения рядов революционеров.

Осенью 1915 года Николай II решил принять на себя верховное главнокомандование и назначил генерала Алексеева начальником своего штаба. Депортации сменила практика взятия заложников, возрастало количество арестов и судебных приговоров. В отдельных случаях речь шла о сверхупрощенной судебной процедуре, заканчивающейся виселицей. Когда же дела рассматривались в регулярных военных трибуналах армей-

ских корпусов, судебные разбирательства чаще всего завершались помилованием., что подтверждало, что евреев сознательно выбрали на роль козлов отпущения. Распространялись слухи, что они прятали аппараты беспроводного телеграфа в своих традиционных длинных бородах. Другой обычай, вызывавший подозрения, состоял в том, что в синагогах хранили веревку или проволоку, достаточно длинную для того, чтобы окружить ею «город», т. е. периметр, который не полагалось переступать по субботам. В приговорах, вынесенных некоторыми военными трибуналами, говорилось о телеграфных или телефонных проводах, позволявших связываться с неприятелем.

Итак, если не вся армия целиком, то по крайней мере часть офицерского корпуса пребывала в убеждении, что евреи были шпионами почти по определению; причем можно вспомнить, что до того, как эта вера стала использоваться для анти-семитских провокаций, ее разделяли некоторые самые знаменитые русские писатели. Можно также задать себе вопрос, а как обстояли дела в действительности: не могли ли знание немецкого,

интеллектуальная гибкость или просто ожесточение во многих случаях побудить евреев помогать противнику? Подобные соображения невозможно полностью исключить, однако следует заметить по этому поводу, что, как правило, шпионы работают на того, кто больше платит; русские деньги пахнут не сильнее, чем немецкие, поэтому следует остерегаться, приписывая предателям-евреям слишком большую дозу идеализма.

Можно также добавить, что если императрицу и Распутина несправедливо подозревали в сотрудничестве с немцами, то этого отнюдь нельзя утверждать обо всем их окружении, а из лагеря черносотенцев раздавались весьма откровенные призывы в пользу пересмотра союзнических обязательств. Издаваемый любимым советником Николая II князем Мещерским «Гражданин» в 1916 году спокойно обвинял кузена русского царя английского короля Георга V в том, что он является франкмасоном и революционером. «Земщина» писала в 1915 году, что «это не Германия объявила войну, а евреи, которые избрали Германию в качестве орудия исполнения своих планов;

они хотели натравить друг на друга две державы, где монархический принцип был наиболее силен, чтобы ослабить обеих».

Некоторые русские офицеры проявляли особые способности в деле распространения ненависти между евреями и солдатами других национальностей, которые в целом рассматривались как «русские солдаты». Можно себе представить, какое впечатление на тех и на других могло произвести чтение следующей инструкции, инициатором которой был генерал Жданович, командующий первой пехотной бригадой:

«Во время нынешней отечественной войны все многочисленные национальности, населяющие Россию, за единственным исключением жидов столь сильно сблизилась в ходе общей борьбы, что национальные разногласия оказались полностью забытыми. Жиды могли бы воспользоваться этим исключительным историческим моментом, (чтобы восстановить репутацию своего народа, доказать свое человеческое благородство и добиться равенства в правах, раз они всегда указывают на несправедливое к ним от-

ношение. Итак, пусть они воспользуются этой возможностью проявить свою привязанность и любовь к родине; они увидят, что такое поведение не останется незамеченным. Пусть они не с помощью хитрости, а благодаря примерным поступкам приобретут право сказать: «Мы проливаем свою кровь за родину», и родина их не забудет. Офицеры должны настойчиво внушать солдатам-евреям, что наступит день, когда война кончится, и что русские солдаты, вернувшись к родным очагам, непременно расскажут, как русские жида изобретали всевозможные уловки, чтобы уклониться от необходимости защищать свою родину. Гнев и ненависть найдут тогда дая себя выход, и это станет гораздо опасней для них, чем риск, которому они подвергаются, уклоняясь от своих военных обязанностей, потому что народное мщение обернется не только против тех, кто своей преступной деятельностью помогал неприятелю, но и против их родителей и невинных детей»*. (8июля 1915г.)

Разумеется, нельзя утверждать, что это гнусное послание являлось отражением состояния

умов русского офицерства (хотя в дальнейшем, во время гражданской войны так и произойдет); еще меньше провокации черносотенной прессы отражали общественное мнение в целом, которое становилось все более враждебным к императорской чете и их окружению и тем охотнее выступало в поддержку евреев, Большинство наиболее известных русских писателей того времени— Горький и Короленко, Мережковский и Леонид Андреев—выступали с протестами, подписывали манифесты в пользу евреев, разоблачали в своих статьях несправедливые обвинения и приговоры. Так Максим Горький писал:

«Наш народ, раздраженный поражениями и часто вводимый в заблуждение, хочет знать, на ком лежит ответственность за наши военные неудачи. Ему указывают на евреев и говорят: вся виновный! Уже давно ему повторяют, что евреи— это плохой народ, распявший Христа. Но ему забывают напомнить, что Христос сам был евреем, что все пророки были евреями, так же как и апостолы, эти бедные еврейские рыбаки, создавшие Евангелие. Христос был предан смерти, потому

что он был дорог сердцам бедняков (...). Ожесточение, вызванное войной, нуждалось в жертве, и хитрецы, стремившиеся свалить свою вину на Других, указали на евреев как виновников всех наших бедствий»*.

Интересно отметить ту настойчивость, с которой Максим Горький стремился в этом эссе, безусловно адресованном самому широкому читателю (и конфискованном цензурой), опровергнуть древнее обвинение в богоубийстве.

Правительство и государственные органы по-прежнему сохраняли навязчивые идеи о призраках международного еврейства, особенно революционного. Интересно познакомиться со взглядами действующих министров летом 1915 года накануне решения Николая II отправиться в ставку верховного главнокомандования, чтобы взять на себя личную ответственность за проведение военных операций и оставить Россию в женских руках. Речь здесь идет о старых слугах короны, а не о протеже императрицы и Распутина.

Итак, мы в августе 1915 года, когда после завоевания всей русской Польши немцы направ-

вились к Риге, а охваченный паникой генеральный штаб уже приступил к рассмотрению вопроса об эвакуации Петрограда. Слово берет министр внутренних дел князь Щербатов:

«Напрасно мы стараемся переубедить высшее военное командование. Мы все уже пытались вмешаться коллективно или индивидуально. Но всемогущий Янушкевич совершенно не принимает во внимание интересы государства. Все, что он хочет, это воспользоваться предрассудками против евреев, чтобы возложить на них вину за все наши поражения. Эта политика принесла свои плоды, и в армии усилились погромные тенденции. Мне неловко об этом говорить, но мы здесь находимся среди своих,—я подозреваю, что Янушкевич хочет использовать евреев в качестве алиби. К тому же даже если верховное командование отдаст приказ положить конец антиеврейским эксцессам, зло уже произошло. Сейчас сотни тысяч евреев независимо от возраста, пола и положения идут на восток. Местные штабы сообщают, что они не в состоянии обеспечить безопасность депортируемых, принимая во внима-

ние возбуждение умов и агитацию за погромы, чем занимаются возвращающиеся с фронта солдаты. Итак, мы вынуждены разрешить поселение евреев за пределами черты оседлости. Действующие законы исходили из нормальных условий; но сейчас мы переживаем катастрофу и должны отдавать себе в этом отчет.

Руководители русского еврейства настаивают на принятии общих мер для облегчения положения своих соотечественников. В пылу разговора мне откровенно сообщали о подъеме революционных настроений в еврейских массах, о планах активной самообороны, об угрозах масштабных беспорядков и так далее. Мне сказали, что за границей также начинают терять терпение, и Россия рискует столкнуться с сокращением кредитов. Иначе говоря, просьбы превратились в ультиматум: если вы хотите получить деньги для ведения войны, то,.. Эти просьбы и жалобы означают необходимость принятия закона, который, облегчает положение беженцев и одновременно означает реабилитацию еврейских масс, осуждаемых из-за слухов об их предательстве»*.

Большинство присутствовавших министров согласились с предложением князя Щербатова и рассмотрели проект «контрультиматума», который министр сельского хозяйства Кривошей сформулировал следующим образом; «Мы изменим законы, со своей стороны вы должны облегчить наши займы на русском и иностранном рынках и прекратить революционную агитацию в прессе». Кроме того, Совет министров признал, что земли казаков на юго-востоке должны оставаться закрытыми для евреев, поскольку, как заявил военный министр Поливанов, «исторически казаки и евреи никогда не могли прийти к согласию, а их встречи всегда плохо кончались». Отметим также несогласие министра связи Рухлова: «Мы говорили об экономических, политических и военных соображениях в пользу проеврейского жеста. Но никто еще не говорил об опасности расселения евреев по всей России с точки зрения распространения революционной заразы, Достаточно вспомнить о той роли, которую сыграла эта раса в событиях 1905 года; что касается современного положения, то я думаю, что мини-

стру внутренних дел известно, какова доля евреев среди лиц, занимающихся революционной пропагандой и участвующих в подпольных организациях». На это Кривошей возразил, что невозможно «одновременно воевать против немцев и евреев; даже такая могущественная страна как Россия не в состоянии позволить себе это».

Но в очередной раз предлагаемые уступки натолкнулись на вето Николая П, как это объявил две недели спустя председатель Совета министров Горемыгин: «Господа, я должен сообщить вам, что император заявил мне, что ни с чем не может согласиться в еврейском вопросе. Остается единственный выход—действовать через Думу. Если она на это способна, пусть займется вопросом равенства прав. В этом вопросе она не пойдет достаточно далеко».

В конце концов черта оседлости была административно отменена без труб и барабанов простым декретом министра, которые министр внутренних дел имел право принимать в «исключительных обстоятельствах» в соответствии со статьей 158 Свода законов.

Вскоре разразилась Февральская революция 1917 года; это была совершенно спонтанная народная русская революция, в ходе которой евреи не особенно отличились как профессиональные революционеры. Тем не менее и те, и другие были первыми, кто выиграл от происходивших событий, поскольку антиеврейские законы были отменены, и одновременно политические заключенные стали возвращаться с каторги и из ссылки. В течение нескольких недель больших надежд, которые за этим последовали, многочисленные евреи проявили стремление к полной русификации: их специфические требования отныне утратили смысл, и они стремились к «слиянию с массой новых граждан» (Марк Ферро). Это недавнее высказывание французского историка очень близко к яростному заявлению одного из активных деятелей той эпохи Семена Диманштейна, возглавлявшего «еврейскую секцию» сталинского Комиссариата национальностей:

«Для мелкобуржуазных еврейских партий первое место занимали решение национально-

го вопроса и борьба против революции и против большевизма. Еврейская буржуазия всех мастей немедленно объединилась вокруг Временного правительства и прониклась глубоким патриотизмом, выступая за войну до полной победы, за наступление на всех фронтах, а новоиспеченные лейтенанты-евреи, сыновья буржуазных родителей, проявили себя истинными шовинистами, и отправлялись на линию фронта, чтобы воодушевлять солдат на бой».

Лдманштейн делал исключение лишь для еврейского промышленного пролетариата (которого не было в Петрограде, где разворачивались основные события, а также в целом на собственно русских землях). Его ретроспективная ярость объясняется очевидной враждебностью подавляющего большинства русских евреев к государственному перевороту Ленина: если на протяжении двух поколений все они почти как один человек выступали против правительства, за изменение режима и энергично боролись во имя этой цели, то это безусловно не было ради большевистского режима. Тем не менее некоторые из

них играли в нем первостепенную роль или с самого первого часа, или присоединившись к нему в дальнейшем. Этой роли с избытком хватило, чтобы подтвердить в глазах основной массы противников большевизма всех оттенков и любого происхождения, и прежде всего в глазах офицерского корпуса, старинный миф о «еврейской революции». Итак, в конце концов оказалось, что черносотенцы и другие провозвестники опасности, Победоносцевы и Розановы были правы. . . . Прежде чем мы рассмотрим, как эта интерпретация всемирной истории распространялась между 1917 и 1921 годами сначала в масштабе России, а затем и всего мира, так что привлекла внимание Генри Форда в Соединенных Штатах, Уинстона Черчилля в Великобритании или Жоржа Клемансо во Франции, мы попытаемся, насколько это возможно, установить реальные факты, которые задним числом окружили этот миф пророческой аурой.

Парадокс этой истории состоит в том, что еврейские революционеры, которые в конце XIX века выступили в роли акушеров для русской

социал-демократической партии, в своем большинстве после знаменитого раскола 1903 года вошли в меньшевистскую фракцию: их настроенность к централизаторским, т. е. диктаторским тенденциям Ленина были хорошо известны, и в 1907 году не кто иной, как Иосиф Сталин позволял себе двусмысленные шуточки на тему «небольшого погрома» в лоне российской социал-демократии (В одном из выступлений Сталина на V съезде Российской социал-демократической партии имелся следующий пассаж: «Один большевик (по-моему, товарищ Алексинский) туга сказал, что меньшевики составляют еврейскую фракцию, тогда как большевики—это настоящие русские, и что нам, большевикам, было бы неплохо устроить небольшой погром в нашей парши»*). Среди «старых большевиков», т. е. тех, кто присоединился к Ленину до 1917 года, доля евреев, по-видимому, не превышала десяти процентов, но за 1917-1918 годы это число превысило шестнадцать процентов, что достаточно много, если учитывать их долю в общей численности населения, но что отнюдь не

выглядит диспропорцией, если исходить из численности городского населения (аналогичной является и проблема революционных питомников, в роли которых выступали гимназии и университеты). К тому же, по общему правилу, различные общины этнических инородцев, испытывавшие большой или меньший гнет, давали более высокий процент «антиправительственных элементов», чем русские; за первенствовавшими в этом отношении евреями следовали немцы, армяне и грузины. В плане статистики в настоящее время мы располагаем достаточно серьезными и точными данными. Так, американский историк У. Моссе, изучавший этническое и социальное происхождение 264 активистов, чьи имена упоминались в энциклопедическом словаре, опубликованном в СССР до больших чисток, пришел к следующим выводам, которые были им представлены в докладе на конгрессе по истории, состоявшемся в Москве в 1968 году:

«Русские, составлявшие более шестидесяти пяти процентов общей численности населения, дали лишь пятьдесят пять процентов (127 чело-

век из 246) революционеров, перечисленных словарем «Гранат». Соответственно нерусские составляли среди них сорок пять процентов (119 из 246), в то время как их доля в общей численности населения не достигала тридцати пяти процентов. Отдельные цифры для украинцев еще больше усилили бы эту диспропорцию. Наиболее значительную группу меньшинства составляли революционеры еврейского происхождения. Их доля в общем населении была менее четырех процентов, тогда как их доля среди революционеров равнялась 16,6 процента (41 человек). За ними шли революционеры немецкого происхождения (15 человек)—немногим более шести процентов по отношению к 1,6 процента немцев от общей численности населения, Только эти две этнические группы—евреи и немцы, в сумме составлявшие лишь 5,5 процента населения, дали более одной пятой среди революционеров. . . Доля армян и грузин также была непропорционально велика, но в меньшей степени (. . .)».

Количественный анализ был весьма тщательным, но при этом практически совершенно не

принимался во внимание качественный фактор, на котором сосредоточился другой американский советолог Леонард Шапиро, а именно захватывающая власть имен или псевдонимов, сеявших ужас: «[На следующий день после Октябрьской революции] тысячи евреев примкнули к большевикам, в которых они видели самых решительных деятелей революции и лучших интернационалистов. В сам момент взятия власти еврейское участие в высших эшелонах партии было достаточно значительным. Пять из двадцати одного полных членов Центрального комитета были евреями, среди них Троцкий, а также Свердлов, истинный хозяин аппарата секретариата (...).

Многие враги большевизма, старавшиеся объединить антисемитизм с антибольшевизмом, полагали, что большевизм являлся движением, чуждым сердцам истинных русских, что он был прежде всего еврейским движением. Подобное отношение было распространено среди русских, относящихся к среднему классу, особенно в первые послереволюционные годы. Ведь после Ленина самым видным и самым впечатляющим де-

ятелем был Троцкий; в Петрограде занимал наиболее видный пост и вызывал наибольшую ненависть Зиновьев; а у того, кто имел несчастье попасть в руки ЧК, было достаточно много шансов попасть на допрос и, возможно, расстрел к следователю-еврею».

Можно также вспомнить о классификации, предложенной накануне Октябрьского переворота 1917 года Анатолием Луначарским, будущим комиссаром народного образования:

1. Ленин,
2. Троцкий,
3. Свердлов,
4. Сталин,
5. Дзержинский,
6. Зиновьев,
7. Каменев,

т. е. четыре еврея (а также один грузин и один поляк).

Историк, изучавший погромы, совершенные белой армией, ограничил свои исследования «чрезвычайно опасным катализатором», которым в этом плане являлся Троцкий,—на самом

деле также примкнувший к большевикам!—но в ту эпоху «воплощавший в одном себе советскую власть», бывший лучшим персонажем в духе Мефистофеля для антибольшевистских плакатов, которого только можно было пожелать, а также героем одного из самых популярных на юге России куплетов в 1918-1920 годах:

Сахар Бродского, Чай Высоцкого, Россия
Троцкого.

Никогда не приходило в голову ни подвергнуть сомнению коммерческую монополию, приписываемую фирмам Бродского и Высоцкого, ни возмутиться насилием над Россией, совершенным Владимиром Лениным.

Вернемся теперь в 1917 год.

С осени 1916 года агенты охраны сообщали о неизбежности массовых беспорядков в Петрограде, которые, как они думали, могли привести к еврейскому или немецкому погрому. Но никто не сомневался, что гарнизон столицы объединится с голодающими рабочими, и царский режим будет сметен в три дня, тем более ре-

волюционные или активно оппозиционные круги. Свершившийся факт был встречен с удовлетворением большинством населения. Вначале кровопролитие ограничилось несколькими десятками агентов полиции, и офицерский корпус прикнуд к новому режиму, как это было предписано Николаем II в его акте об отречении, чего бы это ни стоило некоторым генералам. Временное правительство не замедлило провозгласить равенство всех граждан перед законом к ликованиям евреев, его наиболее стойких сторонников, тем более что с первых недель революции слухи, распространявшиеся черносотенцами и бывшими агентами охраны, как обычно обвиняли их во всех бедах, как старых, так и новых: вздорожание жизни или дезорганизация органов государственного управления, продолжение войны и начинающийся распад армии. С марта и апреля погромы начали происходить в некоторых провинциальных городах; по всей видимости, дезертиры, десятками тысяч устремлявшиеся в тыл, были основными организаторами этих погромов. Произошли и другие эксцессы; «в Москве одна

военная часть отказалась признавать офицеров-евреев и не позволила говорить ораторам, посланным Советом, потому что он находился в руках евреев. В Екатеринодаре ученики школ организовали «славянскую группу», которая должна была вести антисемитскую пропаганду в деревнях. Как обычно, всевозможные антисемитские проявления достигли наибольшего размаха на Украине, на этот раз все происходило в рамках нового националистического движения, направленного против всех «исторических эксплуататоров». Но северная Россия также не избежала этого, так что в июне 1917 года генеральный прокурор Петрограда потребовал введения специального закона против погромов, необходимость которого он обосновывал следующим образом:

«По имеющимся у меня сведениям агитация за погромы все более широко ведется на рынках и в других местах скопления публики. Призывы к антиеврейскому погрому особенно громко звучат в Витебске и Петрограде. Погромщики утвер-

ждают, что евреи захватили милицию, советы и губернские думы, и угрожают убийством некоторых политических деятелей. . . »*

«Параллельная власть» Советов со своей стороны приняла резолюцию, в которой обвиняла контрреволюционеров в использовании «обскурантистских предрассудков» населения для отвлечения внимания в условиях общего кризиса, переживаемого страной, «Эта антиеврейская агитация, часто с использованием радикальных лозунгов, представляет огромную опасность как для еврейского народа, так и для всего революционного движения, поскольку она угрожает утолить в братской крови дело освобождения народа и покрыть революционное движение несмываемым позором. . . »*

Разумеется, антисемитская пропаганда была прежде всего делом рук реакционных и промонархических элементов, но часто на фоне общего хаоса происходили поразительные перемены во взглядах и отступничества- Адвокат Хрусталева-Носарь, один из революционных лидеров 1905 года, попытался провозгласить в своем родном

украинском городе «антисемитскую республику». Черносотенная газета «Гроза» начала вести кампанию за немедленный мир, обвиняя евреев в следующих выражениях:

«Трудящиеся и солдаты столицы провели смотр своих сил во время [большевистской] антикапиталистической демонстрации 18 июня с намерением положить конец войне и заменить министров буржуазного и купеческого происхождения министрами, вышедшими из их собственной среды. Евреи попытшсь воспротивиться этому, поддерживая капиталистов и требуя продолжения войны. Рабочие и солдаты набросились на евреев, побили их и порвата их флаги»*.

Осторожное «Новое время» совершенно иначе описывало эту же демонстрацию 18 июня, в ходе которой проявилась массовая поддержка программы большевиков: в этом варианте демонстранты унижали русских офицеров, которых газета защищала с большим пафосом, а их преследователями оказались евреи, подвергнутые осуждению в достаточно сдержанной, но многообещающей манере. Так какова же была позиция

черной сотни? Месяц спустя в коммюнике правительства Керенского объявлялось, что в ходе обыска в главном штабе большевиков (особняке Кшесинской) среди прочих компрометирующих документов был обнаружен запас антисемитской литературы и почтовые открытки с изображением ритуальных убийств. Аналогичные материалы были найдены на «даче Дурново», где обосновались анархисты. Информация такого рода потоком шла из провинции—приводимое ниже письмо, датированное апрелем, как нельзя лучше отражает смутную обстановку того времени, царившую в деревнях вечной Руси:

«В деревне Дубово тираспольской губернии толпа солдатских жен во-рвась к местному торговцу и начата громить его лавку, требуя раздать товары. При этом они говорили, что «хорошо осведомленные лица» объяснили им, что свобода была дарована, чтобы все разделить поровну и отнять у богачей их добро. В самом Тирасполе комиссар полиции Сергеев, много говоривший о своей преданности новой власти, был выбран начальником милиции. На вопрос, есть ли у него

оружие, он дал честное слово, что у него ничего нет. Однако у него нашли восемьдесят винтовок и пятьдесят револьверов; боеприпасы он спрятал в коробке с надписью «макароны». Полицейский агент, уволенный со службы, дважды пытался симулировать ритуальные убийства»*.

В июле «Новое время» под заголовком «Злодеяния большевиков» описывало действия банды погромщиков, организованной в Москве бывшими агентами полиции. В этих обстоятельствах можно лучше понять, почему Ленин объявил беспощадную борьбу антисемитизму. Провокациями занимались повсюду, и именно, пытаясь дискредитировать партию большевиков, правительство Керенского оказалось у истоков самой распространенной международной версии о еврейском или еврейско-германском заговоре.

Однако, когда в апреле 1917 года Ленин прибыл в Петроград через Германию и навязал своей партии программу установления немедленного мира, Временное правительство, поддержанное западными союзниками, сначала попыталось делать хорошую мину при плохой игре, (В Пари-

же Жорж Клемансо назвал большевиков «бессознательными защитниками германского милитаризма».) Лишь после неудачной попытки государственного переворота в июле правительство Керенского обвинило Ленина и группу большевистских лидеров и активистов в сотрудничестве с противником на основании данных фальшивых документов, переданных и, возможно, сфабрикованных агентами французской контрразведки. В то же время оно развернуло в прессе кампанию по дискредитации большевиков как немецких агентов. Яростные протесты большевиков доказывают, что удар попал в цель. Немного позже (22 июля) правительство решило, что наступил момент для того, чтобы открыть детали и, особенно, имена: в сотрудничестве с противником и подрывной деятельности в армии обвинялись граждане Ульянов, Апфельбаум, Гельфанд, Фюрстенберг и Козловский, дамы Коллонтай и Суренсон и четверо военных с нейтральными именами. Можно задать себе вопрос о критериях, которые определили выбор имен, отданных на съедение русскому общественному мнению.

Более того, некоторые пропагандисты пытались еще больше усилить напряжение с помощью утверждения, что настоящая фамилия Ленина Цедербаум или Цедельбаум, рассчитывая на путаницу между лидерами большевиков и меньшевиков (Цедербаумом-Мартовым). Но эта попытка не получила поддержки, что, разумеется, было совершенно оправданным. В конце концов, русский в окружении десятка евреев, т. е. исключение, подтверждающее общее правило, делало версию о еврейском заговоре еще более убедительной. Добавим, что как только обвинения и преследования стали открытыми, Петроградский совет, большинство в котором в то время принадлежало меньшевикам, постановил образовать комиссию для реабилитации Ленина, но по иронии судьбы «комиссия пяти», избранная для этой цели, оказалась состоящей из пяти евреев, так что решили, что было бы разумней назначить другую комиссию. . . Видимо, по той же логике в первом правительстве, сформированном большевиками в ноябре 1917 года, из пятнадцати человек был только один еврей—Троцкий. Но в тогдашней си-

туации подобная предосторожность едва ли могла принести пользу: разве последние буржуазные газеты не утверждали, что настоящее имя военного комиссара Николая Крыленко—Абрам? (Однако нет дыма без огня; на каком-то этапе его подпольной жизни у Крыленко был такой псевдоним.) Итак, ставки были сделаны; то, что в глазах значительной, хотя и точно не определенной части русского общественного мнения речь шла о «еврейской революции», доказывают последние крики ужаса меньшевистской прессы всех направлений, которая еще могла выходить в течение нескольких недель, меняя типографии и даже названия, так что «Маленькая газета» открыто призывала к общему погрому большевиков и евреев. Мы увидим, как эту тему подхватили в лагере союзников по обе стороны Атлантики: лондонская «The Times» резюмировала эту идею в нескольких словах 23 ноября 1917 года, написав, что «Ленин и многие его соратники являются

авантюристами немецко-еврейской крови на службе у немцев».

Но в головоломке отсутствовала еще одна деталь. Еврейская или еврейско-немецкая революция—хорошо, но какую роль играют во всем этом международные еврейские капиталисты? Другая серия фальшивок, проданная в трагическом Петрограде зимы 1917-1918 года журналистом Евгением Семеновым американскому дип

ломату Эдгару Сиссону, смогла дать ответ на этот вопрос: больше вики, т. е. в первую очередь Троцкий, финансировались и направлялись «рейнско-вестфальским синдикатом» при посредничестве банкира-еврея Макса Варбурга и большевика-еврея Фюрстенберга. Общность взглядов евреев-революционеров и евреев-финансистов не

могла не быть столь тесной, поскольку все они были немцами. Американское правительство после консультаций двух специалистов-историков решило взять ответственность за эту информацию на себя, опубликовав эти документы в сентябре 1918 года под заглавием «Немецко-большевистский заговор». Это собы-

тие следует запомнить, потому что впервые официальная публикация антисемитской фальшивки была осуществлена правительством государства, не являвшегося ни царским, ни нацистским, но правительством Соединенных Штатов Америки. Таким образом, прием сработал, и западные демократии, как мы увидим, попадут под власть навязчивой идеи иудео-германо-большевизма, которую диктаторские режимы смогут легко эксплуатировать, убрав средний термин.

Если большевикам удалось практически без сопротивления овладеть обеими столицами и европейской частью собственно России, то окраинные районы, в первую очередь юг Украины и обширные сибирские территории, постепенно выходили из-под их власти. Самые решительные их противники—десятки тысяч офицеров,—устремилась в эти «белые» районы: последовательность событий заставляет предположить наличие взаимозависимости между их боевым духом и юдофобией. Эта взаимозависимость существенно возросла, когда стало известно, что последний царь и его семья были убиты в Екате-

ринбурге (Свердловске) по приказу, как говорили, еврея Якова Свердлова и под непосредственным руководством евреев Юровского и Голошекина. Драма немедленно была украшена деталями, столь же впечатляющими, сколь и фантастическими. Цитируем версию английского военного атташе генерала Альфреда Нокса, который телеграфировал английскому правительству в феврале 1919 года:

«В местном совете было два лагеря: один хотел спасти царскую семью, а второй возглавляли пять евреев, двое из которых были яростными сторонниками убийства. Эти два еврея, Вайнен и Сафаров, сопровождали Ленина в его путешествии через Германию».

Но эта казнь, которая еще и сегодня волнует многие сердца, сопровождалась другими провиденциально антисемитскими знаками. Разве свастика не была личной эмблемой императрицы Александры? И разве не обнаружили среди книг, которые она читала в заключении, «Протоколы сионских мудрецов»? По крайней мере именно эти сведения сообщили следователи сибирской

белой армии Колчака, «верховного правителя» антибольшевистских сил, и можно думать, что те, кто ранее подозревал «немку», отныне горели желанием отомстить за мученицу. В этих условиях пропаганда белых армий пришла к тому, что сделала призывы к избиению евреев одной из главных своих тем. Эта тенденция получила особенное развитие на юге России среди войск генерала Деникина, которые, как известно, в начале осени 1919 года продвинулись вплоть до Тулы, в двухстах километрах от Москвы, пройдя тем самым через часть губерний, входивших в еврейскую «черту оседлости».

В результате белые добровольцы смогли досыта утолить свою жажду мести, постоянную неутолимую жажду—убийства, насилия, грабежи лишь усиливали антиеврейскую ярость благодаря фатальному сплаву угрызений совести и преступлений. К тому же погромы были лишь одним из проявлений общей деградации этих «добровольцев», о которой столь часто свидетельствуют воспоминания и хроники их генералов,

«У нас зверские нравы; наши сердца пре-

исполнены мщением и смертельной ненавистью; наше правосудие также жестоко, как и оргия убийств, которой предались многие наши добровольцы». «Армия, привыкшая к произволу, грабежам и пьянству, возглавляемая командирами, которые сами подают подобные примеры,—такая армия не может спасти Россию» (генерал Врангель). Еще более потрясает осуждение собственной армии, прозвучавшее из уст самого генерала Деникина: «Народ встречал их с радостью и коленопреклонением, а провожал проклятьями». Из всего этого можно сделать вывод, какие испытания выпали на долю евреев; уцелевшим, а это в основном были жители больших городов, тоже пришлось вынести немало при появлении белых, прежде всего муки «пытки страхом», как это выразительно сформулировал Шульгин.

Совсем как во времена царя-батюшки погромы часто продолжались три дня подряд, в это время военные законы де-факто переставали действовать, и, что совершенно очевидно, крови проливалось намного больше. Добавим, что «зеленые» и другие украинские банды соперничали

в жестокости с так называемой регулярной армией. В коллективной прокламации основных главарей банд («атаманов») упоминались даже великие национальные святые, и от их имени христиан призывали покончить раз и навсегда с дьявольским еврейским отродьем. Общее число евреев, убитых на Украине в 1918-1920 годах, оценивается в цифру, превышающую шестьдесят тысяч человек. Что касается белой армии, то генерал Деникин осуждал погромы и другие эксцессы, но был бессилен их остановить. К тому же его постоянно обвиняли в том, что он «продался евреям». Эти обвинения делали его еще менее способным прекратить антисемитскую пропаганду или предотвратить публикацию фальшивок, некоторые из которых обойдут весь мир в беспокойные первые послевоенные годы.

Такова была история с так называемым секретным докладом французского правительства, сфабрикованным в Нью-Йорке русским эмигрантом. В этом документе содержался список главных коммунистических лидеров, среди которых все были евреями за исключением Ленина, а так-

же описывались их планы установления всемирного сионистского господства; «Евреи уже добились формального признания еврейского государства в Палестине; им также удалось образовать еврейские республики в Германии и Австро-Венгрии; это первые шаги к мировому еврейскому господству, но это не последнее их действие».

Этот документ был опубликован 23 сентября 1919 года в Ростове, перепечатан в 1920 году газетами «La vieille France» в Париже и «The Morning Post» в Лондоне. Рядом с ним можно поставить «Доклад товарища Рапопорта», перепечатанный в мае 1920 года в газете «L'Intransigeant», а эта перепечатка в дальнейшем послужила основой для американской компиляции. Каким бы сионистом ни был товарищ Рапопорт, он остановил свой выбор на Украине, а не на Палестине:

«(...) после краха национального сотрудничества украинский национализм утратил свою экономическую базу. Основную роль здесь сыграли вексельные банки, возглавляемые нашими товарищами Нацер-том, Глоссом, Фишером,

Краусом и Шпиндлером. Класс русских собственников, легкомысленных и глупых, пойдет за нами, как бараны, которых ведут на бойню. Как представитель «Поатей-Цион» я должен выразить свое глубокое удовлетворение тем, что наша партия и партия Бунд стали действенными центрами, управляющими огромным стадом русских баранов».

Показательно, что генерал Деникин, которому было известно, что речь здесь шла о фальшивке, характеризовал этот документ как мистификацию, которая весьма похожа на истину и вылила из-под руки мастера. Итак, этот честный солдат, решительный противник погромов, считал правдоподобным документ, написанный неестественно выпрненным языком, что является своеобразным свидетельством тех химер, которые продолжали господствовать над христианским воображением, возможно хроническим образом; разве в наши дни советская пресса не приписывала «сионистам» аналогичные замыслы? Деникин также обвинял еврейских активистов в преследовании русской церкви, как если бы эти

«некрещенные большевики» занимались антирелигиозной пропагандой в качестве евреев, а не большевиков. (Эту точку зрения поддержит Солженицын в «Круге первом».)

Третьей фальшивкой был «документ Цундера», в 1922 году удостоившийся чести быть полностью прочитанным с трибуны молодого чехословацкого парламента. Согласно четвертой фальшивке, распространенной в США в 1922 году автомобильным королем Генри Фордом, евреи района Ист-Сайд в Нью-Йорке уже выбрали наследника последнего русского царя. Все эти басни, сочиненные в задних комнатах Ростова или Киева, будоражили все или почти все народы земли угрозой всемирного еврейского заговора. Не следует забывать и об исторически наиболее действенном мифе «Протоколов сионских мудрецов», которые печатались тиражами в сотни тысяч экземпляров на территориях, контролируемых белыми. В 1924 году генерал Нечволодов так вспоминал об ужасе, который внушал этот миф: «Автор настоящих строк видел в 1919 году в Екатеринодаре трех русских из простона-

родья, которые пришли из Киева, в то время находившегося под властью красных, для чего им пришлось

преодолеть заслоны Красной армии. Они принесли с собой экземпляр «Протоколов», изданных в 1917 году. Он был разделен на три части и зашит в одежду. Они сказали, что если бы большевики узнали об этом, то их бы немедленно расстреляли».

В своих воспоминаниях, опубликованных в 1926 году, Деникин с ужасом говорил о погромах и убийствах евреев, утверждая даже, что это стало одной из причин падения дисциплины и деморализации его войск, приведших к стремительному краху зимой 1919- 1920 года. В то же время он уверял, что добрая воля самых преданных генералов была неспособна остановить эти бесчинства: «Антиеврейское озлобление превратилось в войсках в бешеную ярость, с которой ничего нельзя было поделать». Одна упоминаемая им деталь говорит о степени этой спонтанной ненависти, возможно, не имеющей себе равных в долгой истории антисемитизма, больше, чем любые

эпитеты. Деникин сообщает, что он был вынужден принять решение о формировании особых, «изолированных» частей из солдат-евреев, чтобы избавить их от притеснений и насилия со стороны солдат-христиан, а также о том, как десятки офицеров еврейского происхождения, которые приняли участие в белом движении с самого его начала, в дальнейшем были в буквальном смысле слова изгнаны из армии своими собратьями по оружию.

III. АНГЛОСАКСОНСКИЙ МИР

Великобритания

В эпоху, когда на континенте начали развязывать первые антисемитские камлания, Уильям Гладстон объявил, что в Великобритании агитация против евреев так же невозможна, как и агитация против земного притяжения. Это не означало, что еврейские подданные королевы Виктории были точно такими же подданными как и все остальные, или что еврейские дети такие же дети как другие. Так, когда Льюис Кэрролл решил подарить свою «Алису» детским больницам, некий чиновник спросил у него, следовало ли включить в список еврейскую больницу, поскольку, как с легким оттенком возмущенной иронии рассказывал Кэрролл, «он опасался, что у меня могло не быть желания подарить им книги. . . »

Это была чисто английская предупредительность. Можно добавить, что уже в первые годы двадцатого столетия у Уильяма Гладстона могли появиться достаточно веские причины, чтобы пересмотреть свою оценку.

Вначале было дело Дрейфуса, имевшее самые разные аспекты, в частности, в нем проявилось светское различие между католиками и про-

тестантами. В то время как в целом британская пресса метала грома и молнии против несправедного французского правосудия, католическое меньшинство выражало симпатии к своим единоверцам по другую сторону Ла-Манша, и несколько антиеврейских статей, обязанных своим происхождением английским иезуитам, были опубликованы в 1898- и 1900 годах. Но лишь после восшествия на престол Эдуарда VII в 1901 году климат начал серьезно ухудшаться.

Как известно, беззаботный сын королевы Виктории предпочитал общество актрис и евреев общению с аристократами и прелатами. Его банкир, немецкий еврей Эрнст Кассель был одновременно одним из его ближайших друзей, которого он осыпал почестями и титулами. В 1907 году сэр Эрнст Кассель вступил в контакт с Альбертом Баллином, придворным Вильгельма II, и таким образом было похоже, что между двумя монархами, между Лондоном и Берлином могла установиться своеобразная линия срочной связи в лице этих двух евреев, что могло облегчить взаимопонимание сторон.

Легко понять, какую ярость это вызвало у части высшего общества и дипломатического корпуса. Некоторые британские агенты и видные чиновники стали прилагать усилия для противодействия финансовым проектам Касселя, особенно после младотурецкой революции, когда он был приглашен в Константинополь для реорганизации османской финансовой системы. В конце концов эти интриги привели к возбуждению в 1911-1912 годах кампании в прессе, которая приписывала турецкую революцию иудеосионистскому заговору, по мнению «The Times», или иудео-масонскому заговору, согласно «The Morning Post». Похоже, что английские ястребы посещали школу русских черносотенцев. В 1918 году британский посол в Вашингтоне сэр Сесил Спринг-Раис распространял эту информацию как совершенно достоверную и сравнивал в этом отношении Октябрьскую революцию с младотурецкой.

Но возвышение политических деятелей еврейского происхождения раздражало многих еще больше, чем успехи еврейских финансистов. В

1909 году Руфус Айзеке, будущий лорд Ридинг, был назначен генеральным прокурором Соединенного королевства; в 1910 году Герберт Сэмюэль стал первым членом британского кабинета, который не был христианином (это был либеральный кабинет Асквита). Финансовый скандал, разразившийся в 1912 году, т. н. «дело Маркони», в котором оказались замешаны Ллойд Джордж и другие либералы, получил следующую характеристику на страницах недавно появившегося журнала «The Eye-Witness»:

«Брат Айзекса является президентом общества Маркони, Айзеке и Сэмюэль вступили в секретный сговор, чтобы британский народ вложил в общество Маркони очень большую сумму денег через посредничество вышеупомянутого Сэмюэля и к выгоде вышеупомянутого Айзекса. . . »

Парламентская комиссия по расследованию сняла с обоих евреев все подозрения, но скандал не был забыт. Редьярд Киплинг посвятил ему в 1913 году стихотворение «Джехази» («Судья в Израиле, прокаженный, белый как снег»), которое остается истинным шедевром ненависти. И

даже в 1936 году католический писатель Г. К. Честертон уверял, что дело Маркони является водоразделом в английской истории, который можно сравнить лишь с первой мировой войной.

Этому нарастанию страстей способствовал еще один фактор совершенно иного порядка. В это время колония, насчитывающая более ста тысяч евреев родом из Восточной Европы, сформировалась в Лондоне в районах Уайтчэпел и Степни, и местные жители весьма неодобрительно взирали на эту бесправную и нещадно эксплуатируемую рабочую силу. В 1902 году епископ Сгепни сравнил этих несчастных с захватнической армией, «которая ест хлеб христиан и изгоняет их от родных очагов». В некоторых объявлениях о найме указывалось, что на работу принимают только коренных англичан, а накануне войны «The Times» под заголовком «Лондонские гетто» опубликовала статью, в которой иностранные евреи упрекались в создании государства в государстве. Конечно, британская пресса и политические деятели в целом, следуя традиции употреблять смягченные обтекаемые выра-

жения, говорили не о «еврейском вопросе», но о «проблеме иностранцев», как справедливо и то, что в Лондоне нашли убежище и другие иностранные рабочие, в частности немцы; но народные массы не утруждали себя тем, чтобы различать эти две группы говорящих по-немецки. Тот факт, что основатель евгеники Фрэнсис Гальтон считал необходимым опубликовать в 1910 году апологию «еврейской расы», заставляет предположить, что именно сыновья Израиля оказывались в данном случае первыми объектами нападок; германская раса не нуждалась в заступничестве такого рода.

Начало военных действий резко обострило все эти вопросы. Само собой разумеется, что английские евреи поспешили заявить о своем патриотизме с тем же пылом, что и их собратья в других странах. Совершенно естественно также, что первыми жертвами подозрений стали еврей—выходцы из германских стран. Особую роль сыграл Сесил Спринт-Раис, который не переставал предупреждать из Вашингтона британское правительство и своих высокопоставленных друзей

по поводу «влияния немцев и особенно немецких евреев, которое здесь очень велико, а в некоторых случаях имеет решающее значение». Мы уже достаточно говорили о пронемецких (или антицаристских) чувствах американских евреев, чтобы читатель мог оценить, какие реалии стояли за докладами Спринт-Раиса; что касается фантастической части, то достаточно указать, что он объединял с евреями иезуитов, уверяя, что в целом католики встали на сторону союза [Центральных держав]. Из его докладов также следовало, что американская банковская система подразделялась на «христианские банки», поддерживающие республиканскую партию, и «иудео-немецкие банки», связанные с демократической администрацией президента Вильсона. Даже в январе 1917 года, накануне вступления Соединенных Штатов в войну, Спринт-Раис сообщал о «тайных контактах между Белым домом, Германией и некоторыми иудео-немецкими финансистами». В конце 1918 года во время беседы с судьей Брандесом, безусловным сторонником Германии и ее союзников, он упрекал его в рево-

люционных происках международного иудаизма. Вскоре он был отозван со своего поста и умирал от горя, находясь во власти своих навязчивых идей.

В мае 1915 года торпедирование «Лузитании» стало событием, которое взволновало английские сердца намного сильнее, чем все остальные, и привело к слиянию массовой ксенофобии с изысканным антисемитизмом элиты. Консервативные журналы обвиняли в этом военном преступлении лично Альберта Баллина, и началась кампания за лишение сэра Эрнста Касселя его титулов и даже британского подданства. Разве не были эти двое немецких евреев дважды виновны в том, что вмешались в дела христиан, пытаясь предотвратить войну, но не сумев этого добиться? Статья в «The Times» уверяла, что еврейские круги Гамбурга испытывали особенную радость в связи с гибелью пакетбота. Еврейские газеты Лондона с горечью упрекали «The Times» в том, что «все евреи считались немецкими», а также в том, «что каждый день народ побуждали к отождествлению евреев с немцами». Кто бы

ни был в том виноват, но именно таково было поведение толпы во всех больших английских городах, где громили и грабили торговые заведения, принадлежащие иностранцам, не разбираясь в их происхождении.

Различные еженедельные журналы заходили еще дальше. Б «The New Witness» Г. К. Честертон вновь развивал тему ритуальных убийств, совершаемых евреями; в «The Clarion» некий г-н Томпсон просвещал своих читателей об источниках вдохновения прусского милитаризма; «Пруссаки, подобно евреям, происходят из скудной, скалистой и бесплодной страны, поэтому они также захватили свое место под солнцем с помощью грабежей. У пруссаков, как и у евреев, есть собственный племенной бог, чьи военные принцшы основываются на внушаемом им ужасе», и т. п. Член парламента Лео Макс, который в 1912 году выступал на страницах «The National Review» одним из основных обвинителей Руфуса Айзекса и Герберта Сэмуэля, в марте 1917 года выдвинул гораздо более серьезное, хотя и анонимное обвинение: некий «международный еврей», узнав об

отплытии лорда Китченера в Россию, сообщил об этом немецкому верховному командованию, чтобы организовали торпедирование корабля, на котором плыл национальный герой. Этот «еврей» часто подвергался подобным обвинениям, обычно в единственном, а не во множественном числе, как «ничтожное расчетливое существо без государя и родины», так что хорошо видно, как в Великобритании война способствовала росту антисемитизма различными способами, пока Октябрьская революция не дала ему в руки самое эффективное оружие.

Прежде чем перейти к этой теме, отметим некоторые факты, иллюстрирующие сохранение в 1914-1918 годах противоположной традиции, согласно которой, как писал в книге, озаглавленной «Евреи», католический памфлетист французского происхождения Илер Беллок, евреи рассматривались как «эпические герои, жертвенники религии»; к этому Беллок добавлял, что подобное отношение особенно распространено среди некоторых провинциальных британцев, воспитанных на Ветхом Завете.

История декларации Бальфура проливает свет на некоторые интересные аспекты этого подхода. «Валлийский колдун» Дэвид Ллойд Джордж, бывший в то время премьер-министром, несмотря на весь свой политический цинизм уверял, что завоевание Палестины англичанами было для него «единственной по-настоящему волнующей вещью в этой войне». Он объяснял, что здесь речь шла о местах и названиях, которые были ему знакомы гораздо лучше, чем в случае западного фронта или даже его собственной страны: «В детстве меня гораздо лучше учили истории евреев, чем моего собственного народа». В самом деле Ллойд Джорджа воспитывал дядя, баптистский проповедник; красочные библейские образы целыми каскадами возникали под его пером, когда в 1938 году, объясняя свои действия в прошлом, он описывал завоевание «страны Ханаан», которая должна была стать «очагом и убежищем для преследуемых сыновей Израиля на земле, которую величие их национального гения прославило на все времена».

То, что у Ллойд Джорджа, вероятно, было лишь риторической экзальтацией, являлось предметом глубокой убежденности для шотландского аристократа Артура Джеймса Бальфура. По свидетельству его племянницы, ставшей его первым биографом, «на протяжении всей своей жизни он не переставал интересоваться евреями и их историей; источником этого интереса служило знание Ветхого Завета, с которым его познакомила мать, и шотландское образование (. . .)»

«Проблема евреев в современном мире казалась ему имеющей огромное значение. Он любил обсуждать ее, и с моих детских лет он внушил мне идею, что христианская религия и цивилизация находятся в огромном, единственном в своем роде долгу перед иудаизмом, который был постыдно плохо оплачен. В 1902 году его интерес вызвал отказ евреев-сионистов принять земли в Восточной Африке, которые предложили им их лидеры при посредничестве г-на Чемберлена, государственного секретаря по делам колоний».

Более поздний биограф сформулировал это следующим образом: «Для Бальфура еврейский

вопрос не был одной из политических проблем среди прочих, ни даже особо важной проблемой, это было чертой его характера».

Но другие знаменитые англичане звонили в ту эпоху в совсем иные колокола. Так, премьер-министр Герберт Асквит относился в то время к сионистам как к «расистам» и иронизировал по поводу «привлекательности общины», которую евреи собирались создать в Палестине. Лорд Роберт Сесил, которого Хаим Вейцман обратил в сионизм, писал, что энтузиазм этого еврея «заставлял забывать о его отталкивающей и даже мерзкой внешности». Можно также упомянуть о почти исторической оплошности, совершенной Джозефом Чемберленом, заявившем итальянскому еврею Сиднею Соннино, занимавшему пост министра иностранных дел, что он презирал только один народ, а именно евреев: «они все по природе трусы».

Ключевая фигура британской политики на Ближнем Востоке сэр Марк Сайке думал и говорил на эту тему еще хуже, ему нравились классические карикатуры, но все это до тех пор пока

он не начал метать громы и молнии в защиту сионистского проекта. Отныне его ненависть сконцентрировалась на «семитских антисионистах», которых он подозревал в единодушном сотрудничестве с Германией. Если, как это иногда случается, его первоначальный антисемитизм и стал одной из движущих сил его сионистского энтузиазма, все же то место, которое он отныне отводил евреям, было исключительным, особенно для католика, каковым он являлся. Он зашел так далеко, что написал Вейцману; «Ваше дело имеет непреходящий характер, бросающий вызов нашему времени. Когда все преходящие вопросы, занимающие наш мир, окажутся такими же мертвыми и забытыми, как надушенные и завитые цари Вавилона, которые увели в плен ваших предков, евреи по-прежнему останутся, а раз будут евреи, то сионизм должен существовать».

Нельзя не заметить, как стрелы, выпущенные Илером Белло-ком в своих соотечественников, иногда попадали в цель.

Само собой разумеется, что декларация Бальфура, каков бы ни был ее сентименталь-

ный фон, прежде всего была продиктована национальными интересами, в частности, надеждой привлечь на сторону союзников американских и русских евреев, История не оправдала этот расчет по той простой причине, что в день ее опубликования, 9 ноября 1917 года Соединенные Штаты уже вступили в войну, тогда как в Петрограде ленинский государственный переворот означал выход из войны России. (Задержка на несколько недель с обнародованием декларации Бальфура была вызвана яростным сопротивлением Эдвина Монтегю, единственного еврея в кабинете Ллойд Джорджа.) Тем не менее Ллойд Джордж уверял, что отныне евреи стали саботировать поставки украинского зерна в Германию. Интересно также привести высказывание высокопоставленного британского чиновника: «Какая жалость, что наша Декларация не была обнародована четырьмя месяцами раньше. В России все бы пошло по другому пути». Другой эксперт утверждал, что «если бы Декларация была опубликована раньше, это повлияло бы на ход революции в России».

Как бы ни относиться к подобным замечаниям, они весьма красноречиво говорят о том, какое могущество приписывалось в ту эпоху евреям; если верить тому, что утверждал русский корреспондент «The Times» Роберт Вилътон, то с самого первого дня это было злобное могущество. На следующий день после отречения Николая II этот журналист описывал настроения в войсках так, как если бы ему диктовали русские генералы-антисемиты. В самом деле моральный дух в войсках якобы был выше всяческих похвал, а один латышский батальон в Риге даже поклялся до смерти хранить верность русскому флагу; единственным черным пятном в этой картине было поведение евреев:

«...новости из Юрьева (Тарту) менее удовлетворительны. Студенты-евреи организовали в университете собственную милицию и не признают авторитет местной милиции и Временного правительства. В результате возникшей по этой причине анархии произошло разрушение собственности и пролилась кровь. Я думаю, что необходимо сделать заявление о неправильном

поведении евреев. Они стали свободными гражданами России, но они не проявляют чувства ответственности, соответствующего их новому положению».

Итак, с весны 1917 года газета «The Times» стала выступать в качестве посредника между черносотенцами и британской элитой. Два года спустя Роберт Вильтон превзошел самого себя, сообщив, что большевики установили в Москве памятник Иуде Искарриоту. Газета «The Morning Post», старейшина британской прессы, специализировалась со своей стороны на агитации против министров и высших чиновников еврейского происхождения в самой Великобритании, в то время как ее русский корреспондент Виктор Марсден выступал в духе Роберта Вильтона и даже превзошел его, описав, как он сам пострадал от еврейских агитаторов.

Разумеется, эти два почтенных консервативных органа были не единственными в Великобритании, кто придерживался подобных взглядов. Вспомним, что «смутный» 1917 год был также годом зондажа и косвенных переговоров

между воюющими сторонами, равно как и агитации за мир «без аннексий и контрибуций» или «без победителей и побежденных», причем эта агитация далеко не ограничивалась только Россией. Похоже, что в этой области еврейские капиталисты разделяли с еврейскими социалистами некоторые антивоенные принципы, даже если у них были и более прозаические мотивы. (Верные старинной семейной традиции Ротшильды также тщетно пытались спасти мир в самый последний момент, в конце июля 1914 года.) В этих условиях вполне понятно, почему кампании сторонников войны до победного конца во многих случаях имели антисемитский характер, и газета «The Evening Standard» оправдывала свое право предавать позору еврея Льва Бронштейна (Троцкого), в то же время избавляя от этого эпитета австралийского генерала Джона Монаша или американского профсоюзного деятеля Сэмуэля Гомперса по причине их заслуг.

Гораздо более коварными были советы, которые щедро раздавал своим соотечественникам-евреям Г. К. Честертон:

«Я хотел бы добавить одно слово специально для евреев... Если они будут продолжать распространять свои глупые пацифистские предложения, возбуждая общественное мнение против солдат, их жен и вдов, они в первый раз узнают, что означает слово антисемитизм. Короче говоря, мы согласны терпеть их ошибки, но мы, разумеется, не потерпим, чтобы возобладала их точка зрения. Если они попытаются перевоспитывать Лондон, как они это уже сделали с Петроградом, то они вызовут такое, что приведет их в замешательство и запугает гораздо сильнее, чем обычная война».

В качестве заключения знаменитый эссеист рекомендовал евреям не вмешиваться больше в христианские дела:

«Пусть они говорят, "что они хотят сказать, от имени Израиля, и мы можем обратить внимание на то, что есть трагического или даже привлекательного в их исключительной ситуации. Но если они осмелятся сказать хоть одно слово от имени человечества, они потеряют своего

последнего друга».

Согласно Илеру Баллоку, чьи взгляды часто заслуживают внимания, открытый и прямой антисемитизм появился в Великобритании как следствие русской революции. Он писал в 1922 году: «Большевизм поставил еврейский вопрос с такой остротой и такой настойчивостью, что его больше не могли отрицать ни самые слепые фанатики, ни самые бесстыдные лгуны. (...) Ведь большевистское движение, или, скорее, большевистский взрыв, были еврейскими, (...) Возникла непосредственная угроза для национальных традиций и для христианской этики в вопросах о собственности». Далее Бел-лок пишет, что до 1917 года деловые круги видели в евреях лишь финансистов и что антисемитизм казался им опасным для установленного порядка, но что на следующий день после «большевистского взрыва» эти круги, как и общественное мнение в целом, были напуганы евреями-революционерами. «Правящие меньшинства западного капитализма, которые до этого момента хранили молчание в связи с еврейским вопросом по причинам, ко-

которые я только что изложил, вновь обрели дар речи. Они смогли свободно высказать все, что у них было на сердце, и они начали говорить, называя вещи своими именами». Затем Беллок высказал предсказание о риске того, что «антисемитский вопрос» вызовет более острые проблемы, чем «еврейский вопрос».

Эта оценка была верной, но неполной. Дело в том, что на этом этапе организация антисемитской деятельности, выпавшая из рук как финансистов, так и журналистов, попала в руки служб разведки и психологической войны и таким образом стала государственным

делом.

В самом деле успех коммунистической революции создал ситуацию, чреватую угрозами. По всей очевидности, должно было произойти неизбежное усиление немецких войск на западе и следовало ожидать сокрушительных ударов Людендорфа. Но с точки зрения руководителей Британской империи еще более серьезная угроза нависла над ее мировыми владениями, в первую очередь над Индией. 3 декабря 1917 го-

да Ленин и Сталин обратились со своим призывом к народам Востока, и особо—к народам Индии, призывая их подняться против европейских «бандитов и поработителей». Британские власти прибегли ко всем возможным средствам, чтобы помешать распространению этого взрывоопасного текста. Никто другой как Уинстон Черчилль допустил в этой связи возможность заключения компромиссного мира с Германией и Турцией. Летом 1918 года в имперском генеральном штабе всерьез думали, что со временем главная часть Азии может стать немецкой колонией, если только не произойдет восстановления независимой «демократической России». Наконец, и это главное,—существовала «угроза для национальных традиций и для христианской этики в вопросах о собственности», как это сформулировал Беллок, угроза, которую военный атташе в России генерал Нокс описывал более просто в следующих выражениях: «Если раздать сегодня земли в России, то через два года нам придется раздавать их в Англии».

Отныне свержение диктатуры пролетариата в

Москве становится столь же неотложной задачей, как поражение Центральных государств, и неотрывной от этой последней. Лондон возглавил антибольшевистский крестовый поход. Естественно, британские военные и агенты пытались найти поддержку у своих прежних русских братьев по оружию и мобилизовать их на службу ради общей цели; понятно, что британцы при этом прониклись их взглядами и методами. Летом 1918 года британские войска, высадившиеся на севере России, разбрасывали с самолета для местного населения антисемитские листовки; в дальнейшем эта практика была запрещена. Но взгляд на коммунистический режим преподобного Б. С. Ломбарда, капеллана британского флота в России, был включен в официальный доклад, немедленно опубликованный по обе стороны Атлантики; в этом свидетельстве священника, бывшего непосредственным наблюдателем событий, говорилось как о «национализации женщин», провозглашенной новым режимом, так и о его иудео-германской сути:

«[Большевизм]—это продукт немецкой про-

паганды, и он направляется международным еврейством. Немцы спровоцировали беспорядки, чтобы в России воцарился хаос (...) Торговля была парализована, магазины закрыты, евреи стали хозяевами большинства предприятий, ужасные сцены голода стали повседневными (...) Когда я уезжал в октябре [1918 года], национализация женщин рассматривалась как свершившийся факт».

Согласно сенсационной статье, опубликованной в «Chicago Tribune» 19 июня 1920 года, к которой мы еще вернемся, секретные службы Антанты слета 1918 года предупреждали свои правительства о революционном движении, которое «не было большевистским», но которое держало в руках все нити, чтобы обеспечить «расовое господство» евреев над миром: Троцкий якобы был главным вождем этого заговора. Согласно распространенным слухам, «Протоколы сионских мудрецов» якобы были переведены и опубликованы в Великобритании в начале 1920 года благодаря заботам «разведывательного управления» военного министерства. Фактом являет-

ся то, что они имели честь быть опубликованными «официальными типографами Его Величества» ~ - издательством «Eyre Spottiswoode». Вспомним, что этот текст был состряпан на кухне русской политической полиции, а его первое издание вышло в обложке императорской гвардии. Intelligence Service таким образом сменила царскую охранку, видимо, также воспользовавшись августейшим поручительством. Без сомнения, мы никогда не узнаем полной правды обо всех этих действиях по дезинформации общественного мнения: ее авторы хорошо умели прятать свои секреты.

Капитуляция Германии вначале не вызвала больших изменений в ситуации, но даже сделала еще более актуальной угрозу свержения установленного порядка во всей Европе, поскольку революционные демонстрации и бунты вскоре начали происходить не только у побежденных, но и в Швейцарии, во Франции и даже в Великобритании, особенно в Белфасте и Глазго, в то время как в Кале произошло до сих пор неслыханное событие—мятеж английских солдат.

В этих условиях столкнулись две политические линии: «жесткая линия», представленная военным министром Уинстоном Черчиллем и владельцем «The Daily Mail» и «The Times» лордом Нор-тклиффом и поддерживаемая Францией, столкнулась с примирительными тенденциями президента Вильсона и Ллойд Джорджа. В начале 1919 года на Парижской конференции оба государственных деятеля рассматривали вопрос о признании большевистского режима после предварительной конференции, на которую следовало пригласить как белых, так и красных. «The Times» выражала свое возмущение, утверждая, что эта идея принадлежит «крупным еврейским финансистам Нью-Йорка, которые уже давно проявляли интерес к Троцкому», и что она сделает «слово Британия зловонным для носов всех русских патриотов». Генерал Нокс из Сибири телеграфом выразил весь свой ужас при мысли о «запачканных кровью и возглавляемых евреями большевиках (blood-stained, Jew-led Bolsheviks) на равных с мужественными людьми, которые здесь защищают цивилизацию». Главный редак-

тор «The Times» Викхэм Сид в своих мемуарах приписывает себе честь срыва этого еврейского проекта. Можно добавить, что у Викхэма Стида и лорда Нортклиффа были различные причины не допускать признания большевиков: похоже, что Сид действительно верил в то, что он писал и говорил о связях между коммунизмом, иудаизмом и германизмом, в то время как «Наполеон Флиг-стрит» преследовал Ллойд Джорджа с ненавистью маньяка. Другие противники Ллойд Джорджа той эпохи упрекали «валлийского колдуна» в том, что он связался с евреями, что он принимал президента Мильерана в летней резиденции Сэссунув, что он прислушивался к советам Альфреда Монда (будущего лорда Мелчетта).

В целом, эти противоречия соответствовали на английской внутренней сцене разделению на «правых» и «левых», и еврейская пресса и общественное мнение естественно склонялись ко второму лагерю. Между прочим, последовавшая полемика показывает, что английские антисемиты продолжали соблюдать некоторые границы, Вы-

ступая против «The Jewish world» за ее снисходительное отношение к коммунизму, «The Morning Post» требовала от британских евреев, чтобы они публично отреклись от него, и многие известные деятели, в частности генерал Монаш и Лайонел де Ротшильд так и сделали, безоговорочно осудив как коммунизм, так и сионизм. Настоящая борьба развернулась в конце 1919 года. В Палате общин военный министр Уинстон Черчилль со всем своим обычным красноречием стал доказывать необходимость антибольшевистского крестового похода:

«Ленин был направлен в Россию немцами таким же образом, каким вы можете бросить флакон, содержащий возбудителей тифа или холеры в резервуары с водой в большом городе, и эффект оказался потрясающе точным. Сразу по прибытии Ленин начал указывать пальцем туда и сюда мрачным личностям, скрывающимся в Нью-Йорке, Глазго, Берне и других местах, и собрат руководящие умы потрясающей секты, самой потрясающей секты в мире, главным жрецом и вождем которой он был. Окруженный этими

умами, он стач с дьявольской ловкостью разбивать на куски все учреждения, на которых держалось русское государство и русская нация. Россия рухнула в пыль. . . »

Но что же это была за секта, и кто были эти умы? Два месяца спустя Черчилль решил уточнить это во время своего выступления, коша он обрушился на английских пораженцев, пацифистов и социалистов: «. . . Они хотят уничтожить все религиозные верования, которые утешают и вдохновляют души людей. Они верят в международный совет русских и польских евреев. Мы продолжаем верить в Британскую империю. . . » Можно допустить, что его друзья-евреи или иудео-аристократы настаивали на том, чтобы он прояснил свою мысль; во всяком случае 8 февраля 1920 года он опубликовал большую статью, в которой разделил евреев на три категории: тех, кто ведут себя как лояльные граждане своих стран и тех, кто хочет восстановить свою собственную родину, «храм еврейской славы», с одной стороны; международные евреи, или «еврей-террористы», с другой.

То, как Черчилль описывал эту третью категорию, граничило с бредом, и самые исступленные антисемиты могли здесь что-то для себя почерпнуть. Так, евреи, относящиеся по Черчиллю к третьей категории, обвинялись в том, что начиная с XVIII века готовили всемирный заговор. В поддержку этого обвинения он цитировал сочинение некоей Несты Вебстер об оккультных источниках Французской революции. Он уверял также, что в России «еврейские интересы и центры иудаизма оказались вне границ универсальной враждебности большевиков». Оставив в стороне бесцветных ассимилированных и лояльных евреев, которые могли, по его мнению, оказать большевикам лишь «сопротивление отрицания», в заключение он противопоставил доктора Вейимана и его сторонников Льву Троцкому, «чьи проекты коммунистического государства под еврейским господством были скомпрометированы и поставлены под угрозу новым [сионистским] идеалом». Таким образом, проекты Троцкого рассматривались как чисто еврейские; очевидно, что военный министр использо-

вал трактовку, разработка и пропаганда которой приписывалась его собственным службам.

Статья была озаглавлена «Сионизм против большевизма, борьба за душу еврейского народа». Во вступлении Черчилль говорит об этом народе с благоговением, почти в духе Дизраэли:

«Одни любят евреев, другие их не любят, но ни один человек, нацеленный способностью мыслить, не может отрицать, что они без всяких оговорок представляют собой самый замечательный народ из всех, известных до нашего времени (. . .) Нигде больше двойственность человеческой природы не проявляется с большей силой и более ужасным образом. Мы обязаны евреям христианским откровением и системой морали, которая, даже будучи полностью отделенной от чуда, остается самым драгоценным сокровищем человечества, которое само по себе стоит дороже, чем все знания и все учения. И вот в наши дни этот удивительный народ создал иную систему морали и философии, которая настолько же глубоко пропитана ненавистью, насколько христианство—любовью».

Только люди, на несколько голов превосходящие обычных смертных, могут позволить себе говорить таким образом об «избранном народе, господствующем и уверенном в себе» (интересно представить в этой связи обмен мнениями на эту тему между Черчиллем и де Голлем в 1940-1945 годах).

«The Times» не утруждала себя соблюдением приличий в обсуждении «еврейского вопроса», и когда Ллойд Джордж объявил о своем решении вступить в переговоры с большевиками, в ответ была развернута полномасштабная кампания. Для начала под заголовком «Ужасы большевизма» было опубликовано письмо офицера, состоящего при штабе Деникина, адресованное его жене. Офицер, подписавшийся «Икс», долго рассуждал о руководящей роли еврейских комиссаров. Читатели-евреи выступили с критикой заявлений «Икс'а», а их в свою очередь стали критиковать читатели-христиане. В дальнейшем газета смогла открыть на странице писем читателей ежедневную рубрику «Евреи и большевизм», а затем использовать ее для выражения соб-

ственного мнения самым резким образом. 27 ноября газета опубликовала крупным шрифтом на почетной странице, предназначенной для передовых, свой символ веры, подписанный «Verax» и гласивший следующее:

«...в первую очередь евреи это особый народ, чья религия приспособлена к их расовому темпераменту. Темперамент и религия действовали и взаимодействовали на протяжении тысяч лет, до тех пор пока они не породили такой тип, который с первого взгляда можно отличить от любых других расовых типов.

Наиболее характерной чертой еврейского духа является его неспособность к прощению, или, иными словами, его верность закону Моисея в той части, где он отличается от закона Христа. По правде говоря, стремление отомстить России должно было особенно привлекать евреев, и они должны были чувствовать, что никакая цена не была слишком высокой, чтобы получить это удовлетворение...»

Таким образом, «The Times» проявляла самый злобный и откровенный расизм, чтобы дис-

кредитировать Ллойд Джорджа и запугать его еврейских друзей. Верховный раввин доктор Герц пытался протестовать и защитить древний Закон от клеветы; «Нападки «Верак-са» отличаются такой же нетерпимостью, как и все те, о которых я читал в континентальной прессе. Если бы я попытался объяснить «Вераксу», как от начала до конца еврейское учение провозглашает уважение и доброжелательность по отношению ко всем, даже к нашим врагам (...) какой был бы в этом толк? В лучшем случае «Ве-ракс» нашел бы другие предлоги в поддержку собственных предрассудков. Итак, я вынужден обратиться к вам, как к главному редактору самой влиятельной газеты мира...» (29 февраля 1920 года). Как и следовало ожидать, это письмо не было удостоено публикации на странице для передовиц, а вместе с ним было опубликовано еще одно, подписанное «про-Деникин», в котором снова пережевывались основные аргументы «Веракса». Через день «The Jewish World» комментировал: «Письмо «Веракса» отмечает начало новой нехорошей эры... Больше нельзя будет говорить, что анти-

семитизм отсутствует в этой стране, любившей свою Библию больше всего. . . »

8 мая «The Times» предприняла заключительный маневр, предположив в статье под заголовком «Еврейская опасность», что британский премьер-министр начал переговоры с группой заговорщиков, которые стремятся создать всемирную империю Давида. В качестве доказательства использовались «Протоколы сионских мудрецов», которые были опубликованы несколько месяцев тому назад, не произведя до этого момента особого впечатления на мировое общественное мнение. Таким образом, на долю этого эталона мировой прессы выпала задача обеспечить этому тексту мировое признание. Вот как «The Times» взялась за это дело:

«. . . очевидно, что книга была опубликована в 1905 году. Некоторые пассажи выглядят как пророчества, которые полностью оправдались, если только не приписывать предвидение «сионских мудрецов» тому факту, что они и были тайными организаторами этих событий. Когда читаешь, что «для наших планов необходимо, что-

бы войны не повлекли за собой территориальных изменений», как не вспомнить о лозунге «мира без аннексий», выдвинутом всеми радикальными партиями в мире, а особенно в России. В то же время: «мы спровоцируем всемирный экономический кризис всеми возможными средствами, с помощью золота, которое целиком находится в наших руках» (..-)

Невозможно также не узнать Советскую Россию в том, что за этим следует:

«В управлении миром лучшие результаты достигаются жестокостью и запугиванием», «В политике мы должны идти на конфискацию имущества без малейших колебаний» (...) Что же означают эти «Протоколы»? Подлинны ли они? Действительно ли банда преступников разрабатывала подобные планы, и радуются ли они в настоящее время тому, что эти планы выполнены? Идет ли речь о фальшивке? Но как тогда объяснить ужасный пророческий дар, предсказавший все это? Не боролись ли мы все прошедшие годы против мирового господства Германии, что-

бы теперь столкнуться с гораздо более опасным противником? Не избежали ли мы иеной огромных усилий «Рах Germanica», чтобы подчиниться «Рах Judaica»? (...) При каких обстоятельствах возникли «Протоколы» и какие неотложные внутриеврейские нужды они должны были удовлетворить? Должны ли мы закрыть это дело без расследования?»

Антисемитские агитаторы догитлеровской эпохи, для которых эта статья обозначила начало первого года их летосчисления, оказались правы—Урбен Готье писал в «La vieille France»: «Когда в 1920 году «The Times» осуществила губликацию «Протоколов» в мировом масштабе и осудила их...» В этом плане кампания, немедленно развязанная в Соединенных Штатах автомобильным королем Генри Фордом, соответствовала триумфальному успеху немецкого издания «Протоколов», вначале оставшегося незамеченным. Но в том, что касается Ллойд Джорджа, главный маневр «The Times», за которой последовал залп передовых статей, направленных персонально против него, имели успеха не боль-

ше, чем предыдущие: 31 мая Красин был принят британским премьером Ллойд Джорджем. («Г-н Ллойд Джордж встретился с ним и остался жив»,—иронизировала на следующий день «The Manchester Guardian»). На этом, как если бы у нее кончились боеприпасы, «The Times» прекратила разговоры о еврейском заговоре. На смену немедленно пришла газета «The Morning Post», редакторы которой извлекли из запасов белой армии другие документы об антихристианском заговоре («Цундер», «Раппопорт» и т. д.). В результате летом 1920 года были опубликованы восемнадцать статей, которые затем были переизданы в виде книги под заглавием «Причины мировых беспорядков». В ту эпоху, видимо, было достаточно почтенных англичан, которые подобно джентльмену, давшему в Париже интервью редактору «L'Oeuvre», приписывали все несчастья, и особенно увеличение налога на недвижимость, «сионским мудрецам».

Чтобы лучше оценить непосредственные результаты публикации в «The Times», обратим внимание на весьма серьезный еженедельник

«The Spectator». Этот орган посвятил «Протоколам» значительную часть своего номера от 15 мая и пришел к следующим выводам:

Во-первых, автором текста без сомнения должен был быть еврей, но речь здесь идет лишь о «мечтах безумного заговорщика, который разработал план кампании по уничтожению христианства (...) То, что такие планы могли тайно вынашиваться другими полусумасшедшими еврейскими мудрецами, отнюдь не является невозможным». Безудержные политические спекуляции были среди них самой обычной вещью: «В этом у евреев проявляются их восточные черты». Но само безумие проекта неизвестного еврея могло привести к его осуществлению; поэтому его британские единоверцы в целях умиротворения ситуации были приглашены участвовать в расследовании, которого требовала «The Times», и даже сами настаивали на нем, «чтобы показать, что они не собирались подавлять христианство и устанавливать мировое еврейское господство».

Таким образом, бомба «The Times» дала воз-

возможность своим коллегам выразить до сих пор скрываемые чувства, или, говоря словами Беллока, «высказать то, что есть на сердце». В заключение оповещалось о существовании другой еврейской опасности, на этот раз как нельзя более реальной и конкретной, к которой еще обещали вернуться. Так началась кампания, которая в отличие от предыдущих была направлена преимущественно против британских евреев, тем не менее не щадя и всех остальных. Вот несколько примеров: «Вопрос о том, существуют ли на континенте или даже здесь тайные ультрареволюционные общества, организованные и контролируемые евреями, продолжает возбуждать большой интерес, или, скорее, беспокойство» (5 июня). «Мы убеждены, что в современных обстоятельствах присутствие обычного, нормального еврея в кабинете министров противоречит принципам правильного правления... У нас их гораздо больше, чем мы заслуживаем, и все они худшего типа» (17 июля). «Мы должны публично разоблачить этих заговорщиков, сорвать с них их отвратительные маски и показать миру, до какой

степени эта чума общества вызывает смех, оставаясь в то же время вредной и опасной» (16 октября).

В эти месяцы антисемитизм поистине стал в Англии, по крайней мере в ее высших классах, своего рода политической и интеллектуальной модой, без сомнения обеспечивающей многим своим сторонникам приятные ощущения. Существует замечательное литературное свидетельство об этой моде: в начале 1922 года Джон Гол-суорси выпустил пьесу «Родственные связи» («Loyalties»), посвященную борьбе и разочарованиям богатого и гордого еврея, бойкотируемого высшим обществом. Именно в этой атмосфере Илер Беллок, работая над своей книгой о евреях, мог предсказать неизбежную катастрофу, кровавые преследования, если только в качестве предупредительной меры евреи не согласятся добровольно или принудительно со своей сегрегацией, с возвращением в гетто,—только в этом случае «мир воцарится над Израилем».

Все происходило таким образом, как если бы газете «The Times» удалось в Англии добиться

того, что удалось Трейчке в Германии в 1880-х годах: а именно, сделать антисемитизм respectable. Резонанс этой полемики был столь велик, что за границей кое-кто уже считал, что Альбион должен погибнуть или потому, что он необратимо пропитался еврейским духом (как уверяли «Le Matin» и многие другие французские газеты), или потому что он стал жертвой антисемитских демонов (как считал американский журналист Джон Спар-го). Кто же мог ожидать, что именно гремящая «The Times» даст обратный ход? Однако произошло именно это, когда корреспондент этой газеты в Константинополе Филип Грейвз доказал в августе 1921 года, что «Протоколы» были всего лишь грубым плагиатом.

Грейвз посвятил этому доказательству три большие статьи, сопровождаемые передовой статьей, которая придала всей истории еще больше резонанса. В заключение он обвинял «Протоколы» в том, что они «убедили самых разных людей, чаще всего состоятельных, что любое проявление недовольства со стороны бедняков бы-

ло искусственным феноменом, неестественным возмущением, спровоцированным тайным еврейским обществом». Можно думать, что эта резкая перемена взглядов «The Times» произошла вовремя и что публика, принимавшая теорию заговора, стала сокращаться по мере того, как она привыкала к послевоенному миру, к сокращению привилегий, к забастовкам и угрозе национализации, а также к трещинам, которые со всех сторон разрушали Британскую империю. При этом с каждым годом угроза мировой революции отступала все дальше, что было еще важнее.

В любом случае, когда весной 1922 года Беллок опубликовал свой труд, то хотя он и произвел сенсацию, но был встречен весьма сдержанно даже теми печатными органами, которые мы только что цитировали. Особенно существенно, что эта книга вызвала гнев англиканской церкви, которая сочла необходимым вмешаться по этому случаю в лице своего самого известного теолога декана Ральфа Уильяма Инге. О чем же писал этот римский католик, этот француз Беллок, чья книга вызвала столько дискуссий? «У нас здесь

в Англии не существует еврейской проблемы. Мы полагаем, что каждая страна имеет таких евреев, каких она заслуживает, и что поскольку мы достойно обращаемся с нашими еврейскими согражданами, то мы заслужили и получили самых лучших евреев». И прелат своеобразно толковал право британцев на оригинальность:

«Мы, англичане, принимаем человека так, как он того заслуживает, и мы не притесняем его только за то, что он иммигрант. В качестве заключения отметим: без сомнения мы являемся единственным по-настоящему угнетенным народом Европы; у нас премьер-министр—валлиец, два архиепископа—шотландцы, а также огромное количество евреев, шотландцев и ирландцев, занимающих самые высокие посты. Таким образом, нас обслуживают лучше всех. . . »

Старая Англия не знала глупых континентальных страхов. Расовая гордость? «Я сильно сомневаюсь, что когда англичанин встречается в обществе еврея, то он хотя бы во сне может задать самому себе вопрос, принадлежит ли его сосед к высшей или низшей расе. Большинству из нас

этот вопрос покажется абсурдным». Разумеется, необходимо отдавать себе отчет в действительном положении вещей и признать, что на континенте золото немецких евреев вызвало русскую революцию. Но декан Инге поспешил перейти к более серьезным вопросам;

«Безусловно, мы должны были бы стыдиться антиеврейских предрассудков. Мы не поддерживаем теорию Хьюстона Чемберлена, согласно которой Иисус Христос, а также Агамемнон, Данте, Шекспир и другие великие люди были немцами. Нас учили верить, что Он был евреем. В любом случае будет непоследовательным, после того как мы взяли священные книги у евреев, чтобы пользоваться ими каждый день при богослужениях, иметь предрассудки против народа, который их создал».

Расовое сознание—это, скорее всего, довольно глупая вещь. Разумный человек принимает своих соседей такими, какие они есть, и не слишком торопится поверить в темные заговоры». («The Evening Standart», 27 апреля 1922 года.)

Остается отметить, что в весьма характерной

манере декан Инге придерживался дихотомии между «мы» (англичане) и «они» (евреи, которые при случае объединяются со всеми другими «неангличанами»). Следует также правильно оценивать все последствия этого отстранения. В эту эпоху фельетонист «The Times», прибегнувший к традиционному сравнению евреев и шотландцев в области финансов, сообщал как о «любопытном различии» о таком факте: первые любой ценой стремились быть англичанами, а вторые—шотландцами.

В 1922 году великому страху британской олигархии пришел конец, тем более что в конце года Ллойд Джордж ушел в отставку и его сменил крайне традиционалистский кабинет Стенли Болдуина. Сыновья Израиля обрели мир, который, конечно, нарушался извне Гитлером с 1933 года, а его английским конкурентом Мосли изнутри. Но несмотря на все эти перипетии, включавшие две войны, кажется, что в Англии наших дней ничего не изменилось в том, что касается евреев: в принципе «принимаемые так, как они того стоят» (Инге), они незаметно, но твердо рас-

сма­три­ва­ют­ся как от­лич­ные от ан­гли­чан, а сле­до­ва­тель­но, к ним от­но­сят­ся с мень­ши­ми увер­тка­ми, их ок­ру­жа­ют мень­шим ко­ли­че­ством та­бу, чем в дру­гих стра­нах, при­чем это от­но­сит­ся да­же к тем, кто про­дол­жа­ет ощу­щать по­след­ствия ан­ти­се­мит­ских стра­стей про­шло­го, В це­лом, как и мно­гие дру­гие ан­глий­ские творения, мо­да 1917-1922 го­да на те­му ев­рей­ско­го за­говора оставила сле­ды пре­жде все­го за се­мью мо­ря­ми, а так­же за­ряды тоталитаризма как то­вар на эк­спорт!

Соединенные Штаты

Мы посвятили несколько страниц в конце нашей книги «История антисемитизма. Эпоха веры» исключительно благоприятной для евреев ситуации в США, Это положение сохранялось и в дальнейшем. В свободной демократии, к тому же испытавшей сильное влияние пуританской традиции, сыновьям Израиля особенно нечего было бояться, тем более что им предшествовали другие иммигранты, не говоря уже о черных рабах, которые воплощали в глазах белых англосаксов «иную сущность» и при необходимости играли роль постоянных козлов отпущения, особенно если они исповедовали римско-католическую религию. Более того, у евреев были все качества, необходимые для полной «американизации», т. е. для того, чтобы пройти процесс аккультурации, аналогичный тому, что прошли в Европе эмансипированные евреи: но то, что в Старом Свете являлось исключением, стало правилом в Новом Свете. Разница была исключительно велика, тем более что американизация представляла собой цель, к которой почти все иммигранты стремились заранее, в противоположность свире-

пой «русификации», предпринятой Николаем I, или даже «возрождением», проповедовавшимся аббатом Грегуаром и Наполеоном. Дело в том, что американизация не предполагала никакого отступничества или отречения в какой-то иной форме: свобода совести была краеугольным камнем американской идеологии, зафиксированной в Конституции.

Однако во второй половине XIX века стали проявляться неприятные симптомы, когда возросло количество богатых евреев, особенно нуворишей, в основном немецкого происхождения. Протестантские плутократы стали стараться отмежеваться от них. Дискриминация вначале стала проявляться в местах, где развлекаются и тратят деньги. В 1876 году один отель в Джерси объявил, что евреи в него не допускаются. На следующий год в курортном городе Саратоге владелец гостиницы, чьему имени было суждено стать знаменитым,—Джон Хилтон запретил вход в свое заведение мультимиллионеру Джозефу Зелигману. Инцидент произвел сенсацию. Реакцией еврейских миллионеров Нью-Йорка стала покупка

многих отелей Саратоги, проявившееся таким образом светское соперничество привело к разделению курортных зон Восточного побережья на «христианские» и «еврейские». В конце века эта дискриминация охватила модные клубы, высшие ступени в масонских ложах и, что было гораздо серьезней, некоторые учебные заведения, которые ввели квоты для еврейских учеников и студентов. Конечно, ситуация осложнилась вследствие притока буквально миллионов евреев, относившихся к совсем иной категории, несчастных эмигрантов из Восточной Европы, которых не волновала проблема доступа на модные курорты или в масонские ложи, но чьи нелепые одежды и экзотические манеры, казалось, подтверждали и увековечивали представления о неизменном «еврейском типе», с которым немецкие евреи, эмигранты во втором или третьем поколении, не имели почти ничего общего. В Нью-Йорке, ставшем в конце XIX века самым большим еврейским городом мира, эта часть населения особенно бросалась в глаза, казалась вездесущей,—до такой степени, что когда Марк Твен прочитал в «Бри-

танской Энциклопедии», что их число составляло 250 000 человек, он заявил тем, кто захочет его выслушать, что лично он был знаком с большим их количеством. Более солидные писатели, как, например, Генри Джеймс, отворачивались от этих несчастных многочисленных евреев с некоторым раздражением.

Роль снобизма в этих вопросах с наибольшей ясностью проявилась в случае одной школы с очень хорошей репутацией, директор которой из принципа отказался ввести квоту для евреев. В этих условиях возрастание их числа побудило родителей учеников-христиан забирать своих детей из этой школы; но по мере того, как школа таким образом становилась все более «еврейской», родители учеников-евреев в свою очередь стаяли забирать оттуда своих детей, так что в конце концов школа вынуждена была закрыться.

В целом в этом плане происходило то, что заставляет вспоминать светские трагикомедии, столь хорошо описанные Марселем Прустом, и ущерб понесли прежде всего евреи, стыдящиеся своего происхождения, т. е. евреи-антисемиты.

Но американские нравы и условия жизни представляли сыновьям Израиля такие возможности для борьбы, которых не существовало в старой Европе и на которые им по сути дела указали ирландцы. Объединившись скорее в этническое, чем религиозное меньшинство, они встали на борьбу с зарождающейся сегрегацией во имя конституционных принципов. Для целей этой борьбы были созданы две организации: в 1906 году—«Американский еврейский комитет» под руководством банкира Джекоба Шиффа и адвоката Луиса Маршалла, а в 1912 году—«Анти-диффамашюнная лига». Обстановка для них была благоприятной, поскольку в Соединенных Штатах любая дискриминация по отношению к какой-либо этнической группе угрожала созданием прецедента по отношению к другим группам; в этой связи католики, испытывавшие те же проблемы меньшинства, что и евреи, проявляли широту подхода, разительно отличавшуюся от застарелых привычек, еще сохранявшихся в эту эпоху в Европе, особенно в Риме. Взаимная терпимость под общим знаком американизма от-

четливо проявлялась в фактах.

Вот как Г. К. Честертон описывал эту атмосферу, которую со своей стороны он безусловно не одобрял, после визита к Генри Форду, попытавшемуся развязать антиеврейскую кампанию:

«[Американцы] привыкли к космополитическому гражданству, в котором перемешаны люди всех кровей, а люди всех вероисповеданий рассматриваются как равные. Самую большую моральную гордость для них составляет гуманизм, а их главная интеллектуальная ценность— Просвещение, Одним словом, это последние люди на земле, способные удовлетворять свое тщеславие посредством антиеврейских предрассудков. У них нет особой религии за исключением искреннего чувства, которое они сами характеризуют как «истинное христианство», оно особо запрещает любые выпады против евреев. Их патриотизм состоит в том, чтобы гордиться ассимиляцией всех человеческих типов, включая евреев».

Америка, вступившая в войну весной 1917 года, была уже Америкой Эдисона и Форда, са-

мой многонаселенной и самой могучей страной Запада. Хотя речь отнюдь не шла о ее целостности, поскольку вражеское вторжение исключалось, она продемонстрировала патриотический пыл, ни в чем не уступавший европейскому, и подчинилась самоцензуре, которая была гораздо скрупулезней, чем у англичан или даже немцев, так что ее можно было сравнить лишь с цензурой французского «священного союза». Американское решение совпало с падением царского режима, и уже ничто не мешало евреям присоединиться к общему энтузиазму. Одна газета в Айове так формулировала три долга доброго американца во время войны: «Вступить в патриотическое общество; выступать за невозможность обсуждения условий заключения мира; выяснять, как настроены соседи». Немедленно поднялись волны ненависти против немцев, интенсивность «промывания мозгов» и грандиозность вымыслов можно также сравнить лишь с французскими достижениями в этой области. Согласно некоторым слухам немецкие агенты прилагали всевозможные усилия, чтобы создать в Соединен-

ных Штатах нехватку соли, спичек и синьки; по другим слухам эти агенты якобы распространяли возбудителей «испанки» или с помощью подводных лодок завозили в страну для шпионских целей особую немецкую породу почтовых голубей. Во многих штатах было запрещено преподавание немецкого языка. Немецкая кислая капуста (Sauerkraut) была переименована в «капусту свободы» («liberty cabbage»); подозреваемых в немецком происхождении толпа заставляла целовать американский флаг, в противном случае их мазали дегтем и валяли в перьях в духе ку-клукс-клана или просто линчевали.

Не должен вызывать удивления тот факт, что на следующий день после перемирия это патриотическое неистовство отнюдь не улеглось в сверхоснащенной для войны Америке, а обратилось против новой жертвы—большевиков. В результате, сенатская комиссия по расследованию деятельности пивоваров и винокуров, подозреваемых в агентурной работе в пользу имперской Германии, занялась изучением коммунистической опасности. В этой связи следует при-

нять во внимание определенную наивность американских политических деятелей, а также удивительный дилетантизм, царивший в разведывательных службах, становившихся легкой добычей для опытной Intelligence Service—и для покойной охранки.

В феврале 1918 года Эдгар Сиссон, представлявший в Петрограде «Комитет по общественной информации», сумел приобрести подборку документов, сфабрикованных для доказательства того, что большевики беспрекословно подчинялись высшему германскому командованию. Как же было не связать с подобным международным заговором евреев, даже живущих в Соединенных Штатах? В сентябре 1918 года в Нью-Йорке начало выходить издание под названием «The Anti-Bolshevist», где уже ставшая классической тема иудео-германского заговора сочеталась с новой темой: это евреи втянули Соединенные Штаты в войну, это они всячески изощрялись для того, чтобы продлить ее. Можно добавить, что с 19 августа 1918 года Маршалл стал обращать внимание Джекоба Шиффа на слухи, которые

приписывали Октябрьскую революцию евреям, а Шифф направил в Государственный департамент письмо, в котором стремился отмежеваться от «красных». Однако все более тревожная информация стекалась в этот департамент. Особое значение имел доклад, озаглавленный «Большевизм и иудаизм», датированный 30 ноября 1918 года, поскольку ему было суждено получить международную известность, уступающую лишь славе «Протоколов сионских мудрецов».

Архивы Государственного департамента хранят имя автора этого доклада, русского эмигранта Бориса Бразоля, бывшего служащего министерства юстиции, принимавшего участие в подготовке дела Бейлиса. В этих архивах можно обнаружить всевозможные сфабрикованные неизвестно кем документы, цель которых состояла в придании достоверности этому докладу—в одном из них уверялось, что Intelligence Service сумела перехватить ряд посланий, которыми обменивались заговорщики.

Что касается самого доклада, то здесь заслуживают внимания три пункта:

Сначала в нем точно указывалось, когда, как и где было принято решение свергнуть царское правительство: а именно 14 февраля 1916 года в еврейском квартале Нью-Йорка группой революционеров во главе с Джекобом Шиффом,

В заключительной части доклада цитировался отрывок «Протоколов», причем любопытно, что это была фальшивка второй степени, поскольку ее специально составили применительно к этой конкретной ситуации—еврейские «мудрецы» заверяли здесь, что они в состоянии остановить любое восстание гоев «с помощью американских, китайских и японских пушек».

Наконец, в докладе приводился список, содержащий тридцать одно имя руководителей России, где все кроме Ленина были евреями. Этот список был предан гласности в феврале 1919 года на заседании сенатской комиссии, известной как «комиссия пивоваров и винокуров», в тот момент, когда великий послевоенный «Красный страх» («Big Red Scare») начал свирепствовать в Соединенных Штатах.

В самом деле, в начале 1919 года в Амери-

ке не было спокойствия. Как и в Европе волна забастовок последовала за прекращением военных действий; одной из наиболее впечатляющих и хронологически первой была забастовка рабочих швейной промышленности, значительную часть которых составляли евреи. Другие трудящиеся требовали национализации железных дорог и угольных шахт. В марте в сенсационном заявлении, опубликованном в «The New York Times», говорилось, что «красные» рассчитывают захватить власть в ближайшем будущем. Серия покушений с помощью взрывов и писем-ловушек способствовала еще большему нагнетанию обстановки. Смутные страхи сжимали сердца миллионов американцев в 1919- 1920 годах. Возникали сотни гражданских комитетов и патриотических ассоциаций, а ку-клукс-клан восстал из пепла. Предлогом для охоты на ведьм могли также послужить разнообразные и весьма активные проявления симпатии со стороны многочисленных либералов и радикалов по отношению к грандиозному социальному эксперименту, предпринятому в России, особенно на его началь-

ном этапе. Отягчающим обстоятельством служило то, что большинство первых прокотгунистических активистов были из числа эмигрантов из России, евреев и неевреев. Но было также некоторое количество банкиров и предпринимателей чисто англосаксонского происхождения, которые также полагали, что надо дать «Советам» попытать счастья, т. е. помочь им сохранить власть, чтобы вести с ними выгодную торговлю.

Таков был фон, на котором давали показания перед сенатской комиссией три десятка свидетелей, некоторые из них восхваляли квазиевангельские добродетели новой русской системы, «более гуманной, чем когда-либо было христианство», — как уверял шотландский квакер Фрэнк Кедди.

« Я думаю,—продолжал он,—что благодаря успеху учения Толстого в России значительная часть людей этой страны в вопросах войны и мира являются лучшими пацифистами и лучшими христианами, чем во всех остальных странах мира».

Журналист Альберт Рис Вильяме говорил о большой надежде:

«Вот что там случилось: великий народ, насчитывающий сто пятьдесят миллионов человек, разбил свои оковы и увидел свет. Этот свет сначала ослепил их, но затем они принялись за работу по переделыванию человеческой жизни на основе справедливости, и их идеалом стало новое братство людей».

Эти защитники настоящей русской революции даже не упоминали евреев, но другие, те кто относился к ней с ужасом и отвращением, много говорили о них и даже отмечали их долю среди новых хозяев России—две трети по мнению первого свидетеля, консула Уильяма Хантингтона; три четверти согласно Уильяму У. Уэлшу, бывшему директору русского отделения «National City Bank»; девятнадцать двадцатых по заявлению пастора Джорджа А Сименса, уполномоченного методистской церкви в России. Но откуда этот пастор взял свои цифры? Во время своего выступления он сообщил, что накануне д-р Хэррис А Хьютон, директор службы военной разведки штата Нью-Йорк, посетил его и показал ему экземпляр «Протоколов», а также

знаменитый список еврейских руководителей. Он огласил этот список на заседании комиссии, и на следующий день он был опубликован всеми крупнейшими газетами Америки. Пастор Симоне сделал еще более сенсационное признание: организаторы революции были не просто какими-то евреями, почти все они были американскими евреями, происходящими из района Ист-Сайд в Нью-Йорке! В заключение он попросил, чтобы его намерения не были поняты ложным образом: «Некоторые из моих лучших друзей являются евреями».

На следующий день американская пресса уделила большое внимание доктору Симонсу. «The New York Times» напечатала крупным шрифтом на первой странице: «Красные агитаторы из нашего города пришли к власти в России; бывшие жители Ист-Сайда несут огромную ответственность за большевизм, говорит доктор Симоне». В «The New York Tribune» заголовок был еще более провокационным: «Квартал Ист-Сайд в Нью-Йорке был колыбелью большевизма. Русский терроризм направляется из Америки, за-

явил в Сенате доктор Симоне». Подобные заголовки не могли не оставить следов: этот миф был передан потомкам английским философом Бертраном Расселом, который по возвращении из поездки в Советский Союз, где ему не понравилось, написал, что заносчивая большевистская аристократия «состоит из американизированных евреев».

Что касается доктора Хьютона, который был информатором пастора, то известно, что он распространял «Протоколы» в министерских канцеляриях, а также выступал на эту волнующую тему в светских салонах. Известно также, что он не был единственным провокатором или «обманутым обманщиком» такого рода. Наряду с ним можно упомянуть офицера разведки Джона Б. Тревора, по профессии адвоката, который после войны занялся изучением «радикальных» еврейских кругов Нью-Йорка и убеждал политических деятелей занять враждебную позицию по отношению к иммиграции. В дальнейшем он стал президентом «Коалиции американских патриотических обществ», т. е. организаций, которые с

1933 года выступали в Америке на стороне Гитлера. За спинами этих деятелей можно разглядеть их информаторов, в основном русских беженцев (Наталия де Богори, генерал Череп-Спиридович, пэаф Сосновский и особенно Борис Бразодъ, который хвастался тем, что написал «две книги, которые принесут евреям больше ала, чем десяток погромов»), а также профессионалов из британской Intelligence Service. Мы уже видели, что как для тех, так и для других, какие бы цели они ни преследовали, речь шла о свержении советского режима.

Разоблачения пастора Симонса и консула Денниса были немедленно опровергнуты рдаогами высокопоставленными американскими деятелями, а также некоторыми свидетелями, так что в конечном итоге сенатская комиссия не обратила на эти разоблачения особого внимания. Иначе отнеслись к этому руководители и активисты ведущих «патриотических ассоциаций», а также многие другие американцы, начиная с Генри Форда I, который вскоре стал главным вдохновителем антисемитизма в Соединенных Штатах.

Проблема ограничения иммиграции, уже давно стоявшая в повестке дня, получила благодаря этому новый импульс. Кампании, преследовавшие эту цель начиная с 1890-х годов и направленные против иммигрантов иного происхождения, чем англосаксонское или немецкое, завершились принятием в мае 1921 года закона, установившего ежегодную квоту в три процента для каждой национальности (Эта квота была определена на основании численности иммигрантов каждой национальности, как она была указана в их паспортах при прибытии на американскую землю в 1910 году. В 1924 году на смену этому закону пришел «Акт Джонсона», по которому вместо 1910 года за основу были взяты данные 1890 года, что сводило практически к нулю шансы выходцев из Восточной и Южной Европы, тем более что квота была сокращена с трех до двух процентов.); по многим свидетельствам главной целью этого закона было создание барьера против еврейских иммигрантов, к чему стремился старый патриций Генри Кэбот Лодж, лидер республиканцев в Сенате. В любом случае, в том что касается внут-

риамериканских проблем, только против евреев были направлены объявления о найме на работу, в которых все чаще указывалось на необходимость для кандидатов сообщать свою религиозную принадлежность, а иногда и прямо заявлялось: «Только для христиан».

Ограничения этого рода достигли тогда своего пика (некоторые из них сохранилось вплоть до наших дней). В 1922 году после своего возвращения из путешествия по Соединенным Штатам наш старый знакомый Илер Беллок хвалил американцев за их умение организовать свою самозащиту:

«... даже в Нью-Йорке оборонительная деятельность только началась... [В Великобритании] некоторая часть евреев стала необходимой для английского правящего класса в целом (...). В США нет ничего подобного. Евреи там лишь с большим трудом могут вступать в солидные клубы, а чаще всего это оказывается для них невозможным; их способности редко находят себе применение в главных армейских штабах; у них практически нет сколько-нибудь заметного

общественного положения (...) Очень многие отели не допускают евреев в качестве постояльцев, Как я уже говорил, ведущие клубы не принимают евреев в свои члены; университеты, в частности Гарвард, открыто приняли меры против засилья новых студентов-евреев. . . »

Удовлетворение Беллока легко объяснимо; в июне 1922 года президент Гарвардского университета Джеймс Рассел Лоуэлл объявил о проекте введения официальной количественной квоты в десять процентов для студентов-евреев. То, что авторство подобной меры принадлежало самому старому и самому престижному американскому университету, могло создать крайне опасный прецедент, и Луис Маршалл рассматривал это дело как более серьезное, чем провокации русских монархистов или пропаганда Генри Форда. В конце концов проект был отвергнут, и Гарвард вернулся к тайным, косвенным способам противодействия, какие использовались в ту эпоху ботшшинством университетов восточного побережья. Так или иначе, самые разные причины, в том числе слишком «быстрый успех» [евреев] для одних, угро-

за установленным порядком для других,—и мы получаем классический хрисгианско-буржуазный антисемитизм: в начале 1920-х годов казалось, что евреи Соединенных Штатов также были обречены на то, чтобы вызывать ненависть, как и в Европе.

Соответствующая литература стала выглядеть респектабельной. Два крупнейших нью-йоркских издателя Патнэм и Даблдей стали публиковать или планировать публикации антисемитских изданий, а неофициально майор Патнэм распространялся об ужасах сионизма и большевизма. В 1920 году блестящий литературный критик-антиконформист Генри Менкен писал: «Обвинения евреев имеют длинную историю, а их дела отвратительны: они оправдывают в десять тысяч раз больше погромов, чем реально происходит во всем мире». Он переделал на английский лад старый немецкий аргумент: «Они думают на идиш, а пишут по-английски».

Необходимо уточнить, что в целом в Соединенных Штатах прошли те времена, когда американцы купались в сознании величия белого че-

ловека, и только негры выступали в роли антигероев. Священная привилегия белой кожи отныне была поколеблена появлением «ненордической» иммиграции, которая считалась второсортной. Эта тема обсуждалась самыми популярными изданиями, в которых оскорбления типа «бош», «итальяшка» или «жид» были закамouflированы с помощью терминов «альпийская», «средиземноморская», «древнееврейская» или «восточная» раса; неопределенность продолжала царить в том, что касалось проблемы классификации евреев. Нельзя сомневаться в том, что «Большой красный страх» поддерживал и углублял эту типично расистскую угрозу. Опубликованная в 1915 году книга Медисона Гранта «Конец великой расы» имела лишь формальный успех; в 1920 году сочинение его ученика Лотропа Стоддарда «Прилив цветных народов» стало бестселлером и получило высокую оценку со стороны президента Хардинга, этого воплощения посредственности: «Каждый, кто даст себе труд внимательно прочитать книгу господина Стоддарда (. . .) поймет, что расовая проблема в Со-

единенных Штатах составляет лишь один из аспектов расового конфликта, от которого страдает все человечество. У Стоддарта можно найти высказывания, заставляющие вспомнить о Гобино, например; «Миллион лет эволюция человека не могла достичь цели, и человек, высший продукт жизни на земле, мог так никогда и не исполнить обещанную ему судьбу». Как и Гобино, он не нападал на евреев, которых не относил к цветным народам, даже когда он ополчался прощв «Ленина, окруженного своими китайскими палачами»:

«Кардинальные черты большевизма. . . воистину отвратительны. Можно представить, какие последствия могут иметь подобные идеи, если им удастся возобладать не только для нашей цивилизации, но и для расовых основ. Гибель или деградация почти всех, обладающих творческими способностями, тирания невежественных антиобщественных элементов—таков будет самый большой в истории триумф генетической неполноценности. Рядом с этим бедствия, порождаемые войной, покажутся совершенно незначительными. . . »

К тому же «расовые основы» американцев, по мнению Стоддарда, уже были серьезно затронуты притоком «совершенно чуждых орд из Восточной и Южной Европы», под кем, видимо, следовало понимать евреев, а также славян и латинян. «Все наше равновесие, достигнутое с таким трудом, физическое, интеллектуальное и духовное, было нарушено, и теперь мы барахтаемся в настоящей трясине. . . »

Если Стоддард и был самым знаменитым апостолом нордической расы, он был далеко не единственным, и другие заходили гораздо дальше. Достаточно двух маленьких примеров. Для Клинтона С. Бэр-ра «американизм являлся радикальным воплощением нордической расы, возникшим после тысячелетних попыток», тогда как другие европейские расы были «пропитаны радикализмом, большевизмом и анархией»; это особенно справедливо для славянской расы с ее частично азиатским происхождением. Иным был подход Альфреда Уиг-гама, который говорил о возникшей религии в следующих терминах:

«Если бы Иисус был среди нас, он бы пред-

седательствовач на Первом конгрессе по евгенике. Он бы был первым, кто понял великое идеальное и духовное значение обобщений Дарвина, микроскопа Вейсмана, горошка Менделя (...)

Первое предупреждение, которое биология сделала политике, состоит в том, что передовые человеческие расы деградируют, что в биологическом смысле цивилизованные расы погружаются в пропасть...»

У американской публики Уигтам пользовался гораздо большим успехом, чем Бэrr. В этом заключалось основное отличие от немецкого расизма того времени, поскольку ничто не было так далеко от психологии нацизма, как ссылки на Иисуса для поддержки своей биополитической программы.

Новое состояние умов получило самое полное отражение на страницах «The Saturday Evening Post», популярного американского еженедельника, поручившего своему сотруднику Кеннету Робертсу провести в послевоенной Европе изучение перспективы возобновления эмиграции в Соединенные Штаты. В 1922 году Роберте опубликов-

вал свои репортажи в виде отдельной книги под заглавием «Почему Европа покидает свой дом». Он отнюдь не делал никакой тайны из своих симпатий и антипатий: 120 преимущественно антиеврейских страниц, за которыми следовали 100 доброжелательных страниц о русских беженцах; затем 40 антигреческих страниц, которые предшествовали сотне самых трогательных страниц об англичанах и шотландцах. Книга была иллюстрирована, подбор документов открывал один из источников вдохновения Робертса, поскольку отвратительные лица евреев были обращены к очаровательным «девушкам, принадлежащим к старинной русской аристократии» в «классе шитья для молодых русских девушек». Текст соответствовал иллюстрациям; «Волнение охватывает вас при мысли о княжне, служащей в ресторане». И далее:

«Если бы я был должен выбрать пятьсот русских, чтобы поручить им какую-нибудь работу—автомобильные гонки или земляные работы, сельское хозяйство или счетоводство, в любом случае я выбирал бы их среди аристократов. Для

этого есть веская причина: русская аристократия преимущественно относится к нордической расе—люди высокого роста, блондины, с удлинненными черепами, тогда как основное население относится к альпийской расе (. . .) У них глупый и тупой славянский темперамент, отягощенный столетиями рабского труда на строгих господ, которые думали за них».

Тем не менее Роберте, видимо, хорошо относился ко всем русским беженцам независимо от их происхождения, и он не скрывал своего возмущения: «Человеческое отребье высаживается в Америку с каждым пароходом без особых проблем, тогда как русские, прежде чем получить право отправиться в путь, должны потрясти небо, землю и Государственный департамент»,

«Человеческим отребьем» в первую очередь были евреи, неспособные даже к физическому труду, который могли выполнять итальянцы, поляки и словаки при условии должного контроля и такого расселения, которое бы позволило избежать переполнения больших городов.

Итак, Роберте выступал за замену дей-

ствовавшего критерия национальности расовым критерием, чтобы остановить приток евреев, «неспособных к ассимиляции и производству, социально и экономически нежелательных», под видом польских и румынских беженцев. Вдобавок разве они не были азиатами? В поддержку своих взглядов он ссылался на «Еврейскую энциклопедию», трактуя ее следующим образом:

«Более того, не следует забывать, что евреи из России, Польши и почти всей Юго-Восточной Европы не являются европейцами: они азиаты, и по крайней мере частично—монголоиды (...). Этот факт подтверждается статьей в «Еврейской энциклопедии», посвященной хазарам. Там говорится, что хазары были «народом тюркского происхождения, чья история с самого начала тесно связана с историей евреев России».

Отсюда видно, что Артур Кестлер ничего не выдумал, говоря о «хазарском происхождении» евреев.

Наиболее полное изложение своей антропологической теории Роберте дал в разделе о Греции:

«Любое скрещивание корней неизбежно ве-

дет к появлению гибридов независимо от того, идет ли речь о собаках или о людях, и где это происходит—в долине Нила, на равнине Аттики, в тени семи римских холмов или на скалистых берегах Новой Англии (...). Страницы истории изобилуют примерами великих цивилизаций, погибших из-за неконтролируемой иммиграции и вызванной этим гибридизации. По причине неконтролируемой иммиграции ничего не осталось от греческой расы, греческого гения и греческого народа. За последние две тысячи лет Греция ничего не создала ни в литературе, ни в архитектуре, ни в философии, ни в искусствах, ни в науках. Современные греки происходят от азиатских и африканских рабов, итальянцев, древних болгар, славян, гуннов, аварцев, египтян, евреев...»

Очевидно, что диатрибы, печатавшиеся в 1920-1921 годах на страницах «The Saturday Evening Post», были не менее злобными, чем у немецких расистов. И это отнюдь не было чем-то исключительным: популярный общеобразовательный журнал по домоводству «Good House-

Keeping» в феврале 1921 года выступил в том же духе, опубликовав статью вице-президента Калвина Кулиджа, озаглавленную «Кому принадлежит наша страна?» По мнению этого видного деятеля она принадлежала американцам нордического происхождения, так что выводы были совершенно очевидными; чтобы сохранить страну, они должны серьезно относиться к законам биологии и, используя ставшее весьма распространенным выражение, избегать любого «генетического смешения».

Остается добавить, что ни Кулидж, ни Роберте не занимались специально темой «еврейских большевиков». Даже говоря о «банде самых отвратительных негодяев, когда-либо уничтожавших целую нацию», Роберте не ставил вопрос об их происхождении. В другом месте он с некоторой гордостью заявлял, что никогда не верил в миф о «сионистском движении, стремящемся к контролю и господству над миром». Специально изучив этот вопрос, он пришел к заключению, что речь здесь может идти лишь о «дурно пахнущей болтовне». Другие исследователи при-

ходили к прямо противоположным выводам. 19 июня 1920 года, через шесть недель после появления в «The Times» провокационной статьи «The Chicago Tribune» опубликовала еще более сенсационную информацию. Статья, присланная из Парижа европейским корреспондентом газеты Джоном Клейтоном, была озаглавлена «Троцкий ведет еврейских радикалов к мировому господству; большевизм является лишь орудием для осуществления его планов». В статье говорилось:

«На протяжении двух лет офицеры разведки различных секретных служб стран Антанты собирали данные о всемирном революционном движении, не являющемся большевистским. Вначале в докладах смешивались зги два движения, но в последнее время общие черты стали все более проясняться (...). Главный центр, который направляет руководителей низшего уровня и финансирует подготовку восстания, находится в столице Германии, Ведущим лидером является не кто иной, как Троцкий (...). В планах радикальной еврейской партии отсутствуют черты альтруизма за исключением задачи освобождения их

собственного народа. Все остальные цели помимо этой являются чисто коммерческими, они хотят получить контроль над главными торговыми путями и промышленными центрами на Востоке, т. е. над основами британской империи... Они думают, что Европа слишком устала, а Англия чересчур слаба, чтобы подавить организованное восстание в ее восточных владениях...»

В данном случае сознательная дезинформация со стороны британского источника не вызывает сомнений.

Наконец, нельзя забывать и о самом популярном и влиятельном американце первой четверти двадцатого века—Генри Форде.

Современники сравнивали Форда с Авраамом Линкольном, Карлом Марксом и даже с Иисусом Христом. Ему не хватило лишь немного голосов, чтобы быть избранным президентом Соединенных Штатов вместо Кулиджа. Подобная популярность, имевшая международный характер, объяснялась двумя его фундаментальными и взаимосвязанными изобретениями: демократизацией автомобиля и политикой высокой заработной

платы. Но выступив в роли благодетеля и героя нового времени, Форд, родившийся на ферме в Мичигане, полностью сохранил ностальгию по простой сельской жизни, разрушению или переоценке которой он способствовал больше, чем кто-либо другой в этом мире. Именно в этом парадоксе искали причину юдофобии этого автомобильного короля, обращенного в прошлое. Тем не менее имеются и другие особенности, прежде всего вегетарианство и другие абстиненции и фобии (отказ от употребления крепких напитков, чая, кофе и табака), сближающие его с Рихардом Вагнером, Хьюстоном Чемберленом и Гитлером. Разумеется, подобные сравнения не следует абсолютизировать, поэтому перейдем к более конкретным деталям. Что касается этого героя нового времени, то следует отметить ту роль, которую довелось сыграть в истории главного провала его жизни пацифистке Розике Швиммер. Эта венгерская еврейка была основной движущей силой «круиза мира», организованного Фордом в конце 1915 года, чтобы убедить европейцев остановить их кровавую бойню. Публицист Герман

Бернштейн также принимал участие в этом предпрятии, превратившемся в посмешище. Шесть лет спустя в одном интервью Форд проявил свою злопамятность, вспоминая об этом в следующих выражениях:

«На корабле было двое выдающихся евреев. Мы не прошли и двухсот миль, когда эти евреи стали говорить мне о власти, находящейся в руках еврейской расы, и о том, каким образом они правят миром благодаря своему контролю над финансами; только евреи могли остановить войну. Я отказался поверить им и сказал об этом. Тогда они стали во всех подробностях описывать мне, как евреи контролируют прессу и откуда у них деньги. В конце концов им удалось меня убедить. У меня это вызвало такое отвращение, что я даже хотел повернуть корабль обратно...»

Далее Форд объяснял, что поняв таким образом причину войн и революций, он решил довести ее до сведения своих сограждан. Совершенно естественно, что в обстановке, воцарившейся в США в 1920 году, и под непосредственным влиянием провокационной статьи в «The Times»

он начал в мае того же года свой антисемитский крестовый поход. Следует добавить, что главным выразителем своих идей он избрал канадского журналиста Уильяма Камерона, принадлежащего к странной христианской секте «британских израильтян», крайне отрицательно относившейся к сыновьям Израиля. (Впоследствии Камерон стал президентом пронацистской «Англосаксонской федерации Америки».)

22 мая 1920 года еженедельник «The Dearborn Independent», купленный Фордом в ноябре 1918 года, опубликовал первую статью, разоблачающую экономическое господство евреев. Следующая статья разоблачала политическое могущество, находящееся в руках группировки со странным названием «All-Judaan» («Всеиудейское [общество]»). Нарисованная в статье картина завершалась на очень мрачной ноте:

«All-Judaan» имеет свои вице-губернаторства в Лондоне и Нью-Йорке. Отомстив Германии, это общество готово к завоеванию других стран, Оно уже контролирует Великобританию, Россия еще сопротивляется, но ее шансы крайне малы. Со-

единенные Штаты с их общеизвестной терпимостью представляются многообещающей целью. Театр военных действий меняется, но евреи остаются прежними во все времена».

Луис Маршалл послал гневную телеграмму протеста, в ответ на которую Форд выразил сомнения о состоянии его рассудка. Впервые евреи отступились; в конце июня Джекоб Шифф писал: «Если мы вступим в противоборство, мы разожжем пожар, и никто не сможет предсказать, каким образом его удастся потушить». В тот же день газета «The Dearborn Independent» начала цитировать «Протоколы», которые отныне стали ее главным аргументом. В то же время фонд Форда договорился с частным сыскным агентством и организовал разведывательную сеть, в которую под кодовыми именами вошли доктор Хьютон, Наталия де Богори и многие другие русские эмигранты; один из них, Сергей Родионов, отправился в путешествие в Монголию, чтобы найти там еврейский оригинал «Протоколов». Другие детективы принялись за поиски секретной линии связи, по которой Луис Брандес пе-

редавал свои распоряжения в Белый дом. Воображаемые ужасы пастора Сименса остались далеко позади. Более того, новые версии поддерживались тем, не имеющим себе равных, доверием, которым было окружено имя Форда. Американское издание «Протоколов» было опубликовано в августе 1921 года. Луис Маршалл писал по этому поводу: «[Это издание] содержит вторую часть, которая должна доказать осуществление заговора, якобы обнаруженного в «Протоколах»... Это опасней, чем динамит» (10 сентября 1921 года).

Через десять дней он продолжил:

«События показали, что политика умолчания была ошибочной. Не только каждую неделю продолжается публикация столь же яростных статей Форда, но что еще хуже, «Протоколы» распространяются в каждом клубе, в каждой газете, их получили все члены Конгресса, они находятся в руках тысяч людей. Их обсуждают во всех сачонах и во всех социальных кругах...»

Если верить нью-йоркскому журналу «Америка», эти дискуссии происходили также публич-

но, но описание, принадлежащее этому католическому органу, заставляет предположить, что в своей собственной вотчине евреи быстро взяли верх: «... не прошло и трех недель, как на всех бродвейских перекрестках зазвучали пронзительные голоса продавцов газет. «Читайте всю правду о предателе Генри Форде! Читайте всю правду об обманщике Генри Форде!» Очень быстро стало ясно, что по крайней мере в Нью-Йорке (господин)' Форду не удастся добиться монополии на внимание публики». Журнал «Америка» ставил своим читателям в пример боевой дух евреев: «Их способы действовать не всегда заслуживают подражания, но быстрота и эффективность их реакции на любое оскорбление в адрес их религии заслуживают восхищения».

Однако другие фальшивки, уже чисто американского происхождения, продолжали выходить в свет: Джордж Вашингтон якобы писал, что евреи были более опасными противниками, чем английская армия; Бенджамин Франклин якобы зашел еще дальше, предсказав, что вторая половина двадцатого века станет эрой мирового гос-

подства этих вампиров. Но как и в старой Европе самый короткий путь к американским сердцам нашел антибонапартистский пасквиль жалкого адвоката Мориса Жоли, закамуфлированный под еврейские «Протоколы» и прокомментированный «израильтянином» Уильямом Камероном.

Форд, продававший больше автомобилей, чем все его конкуренты, вместе взятые, и продавший в 1919 году более миллиона автомобилей, находился тогда в зените популярности и власти. Его посредники и агенты должны были искать подписчиков для «The Dearborn Independent» (в одном конкретном случае их было 288 человек). Антиеврейские статьи также продавались в виде брошюр как в Соединенных Штатах, так и за границей. Ведущие «патриотические общества» Нью-Йорка пошли по следам Форда; в случае «Nations Civic Federation» евреям удалось добиться запрета антисемитской пропаганды, но «American Defense Society» продолжало рекомендовать по всей Америке чтение «Протоколов» независимо от того, «подлинны они или

фальшивы».

Осенью 1920 года размах антисемитской кампании впервые побудил крупные еврейские организации, светские и религиозные, нейтральные и сионистские, объединиться, чтобы успешнее справляться с «самой серьезной проблемой, когда-либо возникавшей перед американским еврейством». Первого декабря они опубликовали «Призыв к согражданам», озаглавленный «Протоколы», большевизм и евреи». Ещё один раз за долгую историю рассеяния евреи прилагали все силы для того, чтобы объяснить, что выдвигаемые против них обвинения ложны и бессмысленны. Но в Соединенных Штатах они смогли использовать новый аргумент:

«Если отвлечься от их истории, характеризующейся крайним неправдоподобием, то анализ [текста] «Протоколов» показывает (. . .) что они должны принадлежать перу самых отъявленных врагов демократии. Они изобилуют циничными отзывами о Французской революции и понятиях свободы, равенства и братства. Они восхваляют привилегии и самовластие. Они издеваются

над образованием. Они осуждают свободу совести. Они утверждают, что политические свободы являются только идеей, а не реальностью, и что доктрина, согласно которой правительство должно служить народу, это лишь пустая фраза».

Опубликованное некоторое время спустя {16 января 1921 года) заявление подписали почти все видные американские общественные деятели. Три президента (Тафт, Вильсон, Хардинг), девять государственных секретарей, один кардинал и много других видных священнослужителей, президенты университетов, деловые люди и писатели—всего более ста подписей—выражали свой протест в следующих выражениях:

«Нижеподписавшиеся граждане нееврейского происхождения (той) и христианского вероисповедания осуждают и глубоко сожалеют по поводу возникновения в нашей стране организованной антисемитской кампании, ведущейся согласованно и в унисон с аналогичными кампаниями в Европе... Американское гражданство и американская демократия стали объектом вызова и угро-

зы. Мы протестуем против згой организованной кампании предрассудков и ненависти не только потому, что она является безусловно несправедливой по отношению к тем, против кого она направлена, но в первую очередь потому, что мы убеждены в ее абсолютной несовместимости с американским гражданством, лояльным и интеллигентным. . . »

В заключительной части этого манифеста содержался призыв к тем, кто «формирует общественное мнение», всеми силами бороться против «этой антиалгериканской и антихристианской агитации». Но самые влиятельные и самые известные американские имена уже значились под этим текстом: знаменитый адвокат и воинствующий атеист Кларенс Дэрроу соседствовал там с Евангелиной Бут, майором Армии Спасения, Дэвид Джорджам, а также президент Стэнфордско-го университета, который раньше разоблачал финансовую гегемонию евреев, и У. Р. П. Фауне, президент Браунского университета, не допуская дискриминации по отношению к евреям. Некоторые из подписавших посла-

ли отдельные письма, чтобы особо подчеркнуть свою солидарность; так, бывший государственный секретарь Роберт Лансинг сообщил, что в прошлом году «Протоколы» распространялись в его канцеляриях, пока не попали на его стол, и лишь тогда их распространение было остановлено. Можно также процитировать письмо кардинала (УКоннела, заявлявшего, что любая религиозная или расовая дискриминация является антиамериканской (похоже, что этот прелат совершенно упустил из вида, что в Соединенных Штатах также жили десять миллионов черных граждан...)).

Как бы там ни было, этот великий христианский манифест получил в прессе и общественном мнении столь единодушное одобрение, что через несколько недель стало казаться, что Генри Форд остался в Соединенных Штатах в полном одиночестве. Луис Маршалл писал тогда, что антисемитская пропаганда в Америке «практически истощилась», а «движение Форда умирало медленной смертью». Однако автомобильный король отнюдь не собирался капитулировать

и заявил журналистам в конце 1921 года, что скоро он предложит своим соотечественникам «новый курс истории» в его собственном изложении: там будет показано, что в Соединенных Штатах евреи спровоцировали войну Севера и Юга, организовали убийство президента Линкольна, «а также много других вещей, немного американской истории, которую не учат в школе».

Он выполнил это обещание лишь в малой степени, поскольку в 1922 году публикация антиеврейских статей в «The Dearborn Independent» постепенно прекратилась, уже никогда не возникал вопрос о войне Севера и Юга или о Линкольне. Антиеврейский пыл Форда угасал на глазах, хотя и медленно: лишь в 1927 году он помирился с евреями (в этом году «Дженерал Моторс» вытеснила его с первого места в автомобильной промышленности). Он даже обратился к Луису Маршаллу с просьбой подготовить текст его отказа от ранее сказанного, в котором в качестве оправдания делалась ссылка на незнание, но само отступление было в высшей степени полным и смиренным:

«... я заверяю, что был крайне шокирован, когда недавно познакомился с подборкой «The Dearborn Independent» и «The International Jew». Я полагаю своим долгом честного человека принести повинную за несправедливости по отношению к евреям, моим согражданам и братьям, попросив у них прощения за то зло, которое я им причинил; в пределах своих возможностей я отзываю те обвинения, которые выдвигались в этих публикациях, и заверяю их, что отныне они могут рассчитывать на мою дружбу и добрую волю. Излишне говорить, что сочинения, распространяемые в нашей стране и за рубежом, будут изъяты из обращения».

Однако эти заявления, встреченные евреями с энтузиазмом, оставили равнодушной американское общественное мнение в целом. Без сомнения новость была слишком банальной, в ней отсутствовала выразительность: для широкой публики гораздо более интересными были сообщения о том, что евреи—это чуждые существа, не подвластные общим правилам и занимающиеся международными заговорами. Еще раз подтвер-

дился старый закон в области информации: «Когда собака кусает человека—это не новость, новость, когда человек кусает собаку».

В любом случае в Соединенных Штатах, где Форд в самом деле сжег подборки своей газеты и запасы «The International Jew», все дело было быстро забыто. Иначе развивались события в Германии, где «The International Jew» распространялся Теодором Фричем, «гроссмейстером немецкого антисемитизма». Когда Форд потребовал изъять перевод из распространения, Фрич потребовал возмещения убытков; по совету Маршалла, опасавшегося других попыток шантажа, Форд не стал настаивать.

Этот немецкий перевод заслуживает нашего внимания по разным поводам. Первое, что бросается в глаза, когда перелистываешь этот текст, это обилие сносок в конце страниц, в которых переводчик выражает свое несогласие с автором. Иногда немецкий антисемит буквально впадает в ярость, особенно когда его американский единоведец проявляет свою привязанность к Ветхому Завету, а еще больше, когда он выражает на-

дежду, что однажды евреи прозреют и обратятся [в христианство]. По этому поводу Теодор Фрич критикует Генри Форда в выражениях, напоминающих Вольтера: «почти каждая страница Ветхого Завета аморальна». Другая опасная слабость автомобильного короля заключалась в его стремлении проводить различия между «плохими» и «хорошими» евреями: нет, восклицает переводчик, это страшное заблуждение, все евреи как один человек презирают род человеческий. Далее, когда автор, цитируя книгу Зомбарта «Евреи и экономическая жизнь», писал, что рассеянный по миру народ, каковы бы ни были его недостатки, способствует процветанию коммерции, переводчик и по этому поводу выражал свое несогласие, утверждая, что от евреев нельзя ждать ничего хорошего. И так далее. Решительно, американцы, ослепленные своим гуманизмом, или по какой-то иной причине, были не способны правильно оценить еврейскую проблему; эта мысль повторяется в примечаниях много раз.

Однако через несколько лет Соединенные Штаты пережили еще несколько лет другой

вспышки антисемитизма, возникшей под совместным воздействием великой экономической депрессии и пропаганды Третьего рейха. Наряду с национальным героем Чарльзом Линдбергом, католический священник Чарльз Кофьяин, чьи проповеди транслировались по радио во всей стране, как ни парадоксально, стал по другую сторону Атлантики главным апостолом юдофобии. Новые обвинения в милитаризме вытеснили прежние идеи о заговоре. Излишне говорить, что в конце 1941 года нападение на Пёрл-Харбор немедленно прекратило эту новую агитацию вместе с пропагандой изолиционизма.

* * *

Итак, в англосаксонском мире, каковы бы ни были внутренние подходы и чувства, открытые и прямые антисемитские кампании оказались возможными лишь в связи с самым жестоким общемировым потрясением за всю историю человечества. В другой своей книге, которую я назвал «Дьявольская зависимость» («La Causalitft diabolique»), я попытался исследовать связь между этим относительным иммунитетом и английскими революциями XVII века, которые, с одной стороны, больше затронули римскую церковь, чем евреев, главных исполнителей роли врага рода человеческого, а с другой—породили образ мысли и политическое устройство, которые лучше, чем все остальные, могли принимать всерьез принципы демократии.

IV. ФРАНЦИЯ

Грудно сказать, французские или немецкие евреи зашли дальше в А. патриотической экзальтации в 1871—1914 годах. Мы уже несколько раз говорили об энтузиазме германомании, охватившей немецких евреев, кульминацией которой стал культ Рихарда Вагнера. Во Франции «израильтяне» дошли в своем патриотизме до прославления Александра III, царя погромов. Что надо было делать, чтобы с достоинством сочетать французский патриотизм, в тех формах, которые он принял в эту эпоху, и еврейский дух? В начале войны поэт Андре Спир, один из немногих французских сионистов, видел выход только в сверхчеловеческом героизме;

«В Болгарии пять тысяч солдат-евреев, в Австрии сто семьдесят тысяч, в Германии более шестидесяти тысяч одинаково проявляли дух самопожертвования (. . .) Но почему столь многие из них вкладывали в битву такой странный пыл, такое бравирование смертью? Дело в том, что каждому еврею надо защищать две чести: сначала честь своей родины, а затем другую, ту, в отсутствии которой его так часто и с такой

несправедливостью обвиняли. Таким образом, в момент, когда всемирный иудаизм оказался расколотым подобно католической церкви, универсальному протестантству и рабочему интернационалу, он существует еще среди этих евреев, убивающих друг друга, в виде своеобразной высшей связи; как сказал один еврейский журналист: «Все они хотят умереть за честь еврейского имени».

Таким образом, вновь проявляется хорошо известный принцип, по которому только мертвые евреи становятся безупречными евреями. К тому же некоторые признавались в этом самим себе. Так, сержант Пьер Давид писал Шарлю Морасу: «В тот час, когда вы прочтете эти строки, которые попадут к вам только в случае моей смерти, я окончательно обрету национальность, к которой стремлюсь, смешав свою кровь с кровью самых древних фамилий Франции. Благодаря вам я мог бы понять необходимость и красоту крещения»- После войны некоторые молодые евреи часто ссылались на «этого еврейского героя из «L'Action française»

Раввины консистории иначе проявляли свои чувства. То, как они благословляли французское оружие, впоследствии могло быть описано с вымученным юмором в следующих словах:

«Тора происходит с Синая.- Но уже давно раввины сделали се француженкой и превратили в доблестную жительницу Лотарингии, сестру милосердия этой набожной провинции набожных кавалеров. Иными словами, Тора запрещала людям убивать, она предостерегала их от вожделения и сластолюбия. Теперь ее древние буквы повторяли «Марсельезу» и «Вы не получите Эльзас и Лотарингию», а также с пietetом твердили слово Камбронна (Камбронн (1770—1842)—французский генерал, прославившийся в битве при Ватерлоо. Слово Камбронна— «merde» («дерьмо»)—знаменитый ответ генерала на предложение капитулировать. (Прим, ред.)), обращаясь к немцам» (Арнольд Мандель).

Глумление? Насмешка? Достаточно вспомнить некоторые оригинальные тексты той эпохи: «Евреи или христиане, боши нам одинаково от-

вратительны» («Израильские архивы», 10 июня 1915 года), или еще решительнее: «Бог французов, не имеющий ничего общего с Богом бошей. . . » (там же, 19 августа 1915 года). Можно ли представить себе ересь такого масштаба в католическом органе?

Совсем по другому поводу Томас Манн сделал бессмертными как образец чисто французской глупости 1914 года, «помимо всего прочего подписанной именем Леви», следующие слова генерала от инфантерии Камиля Леви: «Если бы мне к несчастью пришлось коснуться руки боша, я бы немедленно окунул ее в горшок с дерьмом, чтобы очиститься».

Не доходя до того, чтобы упоминать об этом воине, «Израильский мир» утверждал, что евреям свойственна «высшая степень любви к родине» (6 июля 1917 года). Нужно ли говорить, что в противоположном лагере происходило примерно то же самое, и к Торе там обращались во имя доброго немецкого права и, разумеется, чтобы благословить битву с тиранией царизма. Напротив, во Франции благонамеренные евреи счи-

тали неуместным обсуждать жестокое обращение с евреями за линией русского фронта. Французские социалисты делали это вместо них. И Жорж Пиок упрекал еврейских парвеню типа братьев Рейнак, которые «в ответ на просьбу о помощи со стороны несчастных русских или польских евреев торжественно отвечают: «Вы, русские или польские евреи, причиняете нам много неприятностей. . . » Или иначе: «Я не еврей, я француз».

Итак, французская «левая» при случае напоминала евреям об их не слишком комфортабельной позиции, особенно когда они не находили ничего лучшего, чем порвать свои последние связи с законом Моисея, т. е. с еврейской солидарностью, как в случае братьев Рейнак. Разве не написал Теодор Рейнак в своей привлечшей внимание статье в «Большой энциклопедии», что, осуществив до конца свою миссию и распространив свое откровение, иудаизм «может без сожаления умереть, будучи погребенным под своим триумфом»? Без сомнения в начале XX века большинство французских евреев разделяли этот подход, или эту надежду, что объяснялось преж-

де всего существованием при Третьей республике могущественного и вполне официального лагеря воинствующего антиклерикализма, который казался им самым подходящим местом. В этом случае речь шла о чисто французском сочетании, которое в культурном плане было наиболее олагофмятнъш для полной интеграции, а психологически изобиловало двусмысленностями. В этой связи можно вспомнить о сартровском типе «ненастоящего еврея» (Бирнешатце), этом ветеране амурных сражений, который заявлял, что «евреи не существуют»—но как уже ранее заметил Теодор Герцль, французские израильтяне не являются ни евреями, ни французами.

Тем не менее даже сама двусмысленность положения французских евреев вела к тому, что их гиперпатриотизм приносил достаточно утешений и психологического удовлетворения, поскольку некоторые из их самых влиятельных хулителей, таких как Морис Баррес и даже Шарль Моррас, вручали отныне еврейским бойцам свидетельства хорошего поведения. Так, в той самой Франции, которая до начала военных дей-

ствий находилась в состоянии глубокого раскола, и где еще совсем свежие воспоминания о деле Дрейфуса и о законе об отделении церкви от государства, казалось, окончательно загнали армию и церковь в лагерь антисемитской реакции, в этой Франции священный союз, провозглашенный в августе 1914 года, соблюдался лучше, чем в какой-либо другой воюющей стране. Мы видели, как в России, Германии и даже в Великобритании напряженность и страдания, порожденные войной, раньше или позже приводили к выдвижению обвинений против постоянного козла отпущения для христиан. Напротив, во Франции большинство обвинителей хранили молчание.

Однако правые властители умов лишь «отложили» свой антисемитизм на время военных действий, заняв позицию, которая при ближайшем рассмотрении оказывается хорошо известной: «Я не антисемит, но...» Ктому же следует ли проводить различие между позицией, провозглашаемой от имени национального единства, и убеждениями, скрывааемыми между губами и сердцем этих правых». Позже Анри де Монтер-

лан жестко заметил: «В наших кругах считалось, что евреи шли на смерть только в статьях Барреса. . . »

Во время войны эльзасское, т. е. «германское», происхождение большинства французских евреев было особенно тяжелым крестом. Смешение понятий заходило далеко: разве «еврейский» квартал Обервилье, где обосновались после 1871 года многочисленные жители Эльзаса и Лотарингии, выбравшие Францию, не называли «маленькой Пруссией»? Как обычно, некоторые евреи не упустили случая узнать себя в том портрете, который им показывали, и разделили это недоверие. Так, выпускник Нормальной школы младший лейтенант Робер Гертц писал в 1915 году своей жене: «В положении евреев, особенно недавних эмигрантов из Германии, есть что-то двусмысленное и неловкое, незаконное и половинчатое. Я считаю, что эта война стала удачной возможностью «исправить положение» для нас и наших детей».

Если со времени средних веков евреи везде символизировали «Другого», «Чужого», то в

рамках странного франко-немецкого диалога их характерной ролью была роль «пруссиков» или «немцев» по одну сторону Рейна, но «иностранцев» или «французов» по другую его сторону. Так что их патриотическое принятие Францией в 1914- 1918 году не может не поражать. К тому же ономастика еще больше могла усложнить ситуацию: как не вздрогнуть в этой Франции при встрече с молодым чиновником министерства торгового флота, имевшим несчастье носить фамилию Гркжебаум-Бй/1/шн? Детская логика извлекала из этих совпадений обобщающие выводы, как об этом свидетельствует юный американец Жюльен Грин, ученик лицея Жансон в Сайи: « Я понял, что следовало ненавидеть евреев так же, как немцев, иначе ты не станешь французом, а я хотел им стать».

Более того, чтобы оценить, каким образом священный союз соблюдался в случае евреев, следует иметь в виду, что военная цензура, несмотря на всю свою безжалостность той эпохи, не проявляла ни малейшей склонности сдерживать антисемитские кампании. (Как не сообщить

в этой связи, что бюро военной цензуры последовательно возглавлялось капитаном Жозефом Рейнаком и майором Люсьеном Клотцем и что там были заняты многие другие офицеры-евреи: случайность или макиавеллизм высшего командования, но совершенно очевидно, что нельзя было вообразить более снисходительных цензоров в области проблем антисемитизма.) Таким образом, сдержанность, отныне проявляемая националистической и католической прессой, вызывалась исключительно добровольной самоцензурой, соблюдаемой самыми различными способами.

Что касается «Аксьон Франсез», то 2 августа 1914 года Шарль Моррас провозгласил от ее имени: «Сегодня враг находится там; мы должны думать лишь о победе над ним. . . Важнее всего гражданский союз». Леон Доде заявил со своей стороны в июне 1915 года: «Я буду уважать священный союз». В этом плане большой интерес представляет позиция, которую занял Моррас 26 декабря 1915 года, когда он опубликовал длинный и страстный некролог, посвященный фи-

дологу Мишелю Бреалю—дрейфусару Мишелю Бреалю!

«... Бреаль хотя и родился евреем, всецело принадлежал Франции своими главными идеями, вкусом, аналитической ясностью стиля и языка. Частично получивший образование в немецкой школе, он, возможно, действуя от противного, открыл в нашей родине ее самые сокровенные тайны: ее гений, традицию, человечность...»

Далее Моррас задавал себе вопрос: «не были Бреаль слишком большим французом для своего мира», Вот что он имел в виду:

«..известно, что израильяне испытывают вполне оправданное отвращение к провинциальному возрождению и к провансальскому языку. Г-н Мишель Бреаль с симпатией и восхищением относился не только к языку и шедеврам Мистрала, но и к сохранению диалектов Прованса с помощью системы школьного образования. Я не знаю ни одного другого еврея, который упустил бы возможность показать себя сторонником централизации до мозга костей».

Вскоре Моррас получил письмо удивленного читателя, которое вдохновило его на изложение своей позиции: «Наш антисемитизм состоит в том, чтобы не допустить к власти во Франции евреев. Эта твердая воля может сочетаться с уважением к достоинствам, которые могут проявляться где угодно»,

Говоря о священном союзе, Моррас сформулировал свои принципы следующим образом: «Аксьон Франсез» уважает героев-евреев. . . Наш антисемитизм сформулировал свои принципы до этой войны; он смешивался с нашим национализмом, который сохранялся в неизменности. Нам не нравилось видеть, что евреи правят Францией. Но мы никогда не возражали против того, что ей служат другие евреи. Мы не ждали смерти Анри Казвида, чтобы сказать это. . . »

При внимательном рассмотрении ясно, что «Аксьон Франсез» удовлетворится старым добрым правилом: мертвый еврей может стать хорошим евреем. Чтобы развеять все сомнения, ближайший помощник Морраса Леон Доде переиздал в 1915 году под заголовком «Накануне

войны» его труд 1912 года «Еврейско-немецкий шпионаж во Франции». Содержание книги в полной мере оправдывает ее заголовок;

«Мы намереваемся показать, каким образом под прикрытием республиканского режима немцы под руководством своих «фуражиров», носивших имена Вейля, Дрейфуса, Ульмо или Жака Грэмбака, смогли найти во Франции все необходимое, любую помощь и даже предательство (. . .) Читатель сможет убедиться в том, что предательство Альфреда Дрейфуса, осуществленное под руководством Жака Рейнака, зашло гораздо дальше, чем это обычно себе представляют, что оно было сигналом для выдачи нашей страны Германии восточной ордой. . . »

Сам Доде сформулировал свою главную мысль следующим образом: «Эта книга. . . по своему продолжает «Еврейскую Францию» великого Дрюмона». Становится ясно, что раввин Морис Либер не ошибался, утверждая, что вопреки протестам Шарля Морраса «Аксьон Франсез» в действительности ни на йоту не отступила от своей антиеврейской линии.

Совсем иначе обстояло дело с Морисом Барресом, бывшим ранее воинствующим антисемитом, и его пример в большей степени характеризует поведение лагеря националистов и противников Дрейфуса в целом. За единственным исключением, которое относится как раз к ноябрю 1917 года и к которому мы еще вернемся, Баррес строго соблюдал «священный союз» и даже занялся пересмотром своей политической антропологии, очистив ее от биологического фатализма. Он разработал концепцию «духовных семейств Франции», которые проявляли одинаковую, не подлежащую определению мистическую любовь к матери-родине независимо от того, были ли они социалистами или роялистами, религиозными или светскими.

В своих статьях в «L'Echo de Paris», опубликованных в конце 1916 года, Баррес остановился на «израильской духовной семье», сделал обзор славных боевых подвигов еврейских воинов, были ли они верующими или атеистами, французами или иностранцами. Вероятно, следует особо отметить, что этот перечень героических дея-

ний открывается самопожертвованием такого исключительного деятеля, каким был русский сионист Амедей Ротштейн, погибший «на службе тем, кого он любил больше всего, но с кем старался не смешиваться.—Это одно из бесчисленных испыгганий Вечного жида». Но этот случай, несмотря на всю его проникновенность, оставался исключением—общее правило Баррес отныне формулировал следующим образом:

«Всем нам в своей деревне, в своем маленьком мирке следует перестать делить друг друга на католиков и протестантов, социалистов и евреев, Внезапно обнаружилось нечто очень важное, что объединяет всех нас. Мы французы! Мы представляем собой поток Франции, который готов прорваться в длинный туннель, наполненный усилиями и страданиями(. . .) Национальная честь восстановлена, То, что произошло, не могло не произойти».

«Всегда раввин будет готов принести распятие, а поможет ему в этом аббат»,—продолжал этот апостол французского национализма. В данном случае он имел в виду эпизод, произошед-

ший в августе 1914 года и ставший главным символом священного союза: войсковой раввин Абраам Блок, пытаясь облегчить агонию солдата-католика, принес ему распятие и сам был смертельно ранен в тот же момент. Теперь невозможно представить весь размах откликов на этот поступок как во французской прессе, так и в газетах Швейцарии, Канады и Мексики. Некоторое время спустя бомбардировка Реймского собора дала возможность синагоге закрепить патриотический пакт с католической церковью, и обмен письмами между великим раввином Франции и архиепископом Реймса был встречен почти так же горячо, как и самопожертвование раввина Блока. Было множество других разнообразных свидетельств межконфессионального союза—от модных проповедников до скромных деревенских кюре и полковых священников, так что за некоторыми исключениями с этих пор французское духовенство проявляло все больше симпатий к Израилю. Через двадцать лет после сражений в связи с делом Дрейфуса Франция, над которой, как казалось, навис постоянный риск рецидива,

стала единственной из великих воюющих держав, в которой, по крайней мере на уровне общественной жизни, священный союз соблюдался почти в полном объеме.

Посмотрим теперь, как это перемирие соблюдалось самими военными служащими, т. к. известно, какая пропасть отделяла их от остального народа—действовало ли в этой сфере «окопное братство» на все сто процентов? В этой связи следует вернуться к классическому делению евреев на «местных» и иностранных, поскольку во Франции это деление всегда особенно ярко проявлялось. Во время войны оно еще более усилилось по объективным причинам: французские евреи призывались на фронт обычным способом, иностранные евреи в своем большинстве записывались добровольцами—но меньшая их часть (менее тридцати процентов), не явившаяся на призывные пункты, стала воплощать «евреев» как таковых, особенно в глазах населения столицы. Не без некоторой семантической изысканности депутат от Парижа Жозеф Дене так описывал этот «космополитический сброд»:

«Есть тысячи здоровенных парней, псевдорусских, псевдогреков, псевдорумын, псевдополяков, псевдоитальянцев, а также испанцев, армян и т. д., которые прежде всего стремятся избежать военной службы. Эти люди заполнили наши жилища, не платят за проживание, получают пособия по безработице, питаются в общественных столовых и оскорбляют женщин, чьи мужья и сыновья сражаются на фронтах. Долго ли будет продолжаться это безобразие?»

В результате подобных разоблачений наиболее многочисленная категория этих «псевдо», а именно русского происхождения, которым из-за «иудейского вероисповедания» был закрыт нормальный доступ в русское посольство, были в июле 1915 года препровождены в полицейские комиссариаты для выяснения их статуса. Этот контроль (причем следует напомнить, что в Германии «перепись евреев» 1916 года распространялась абсолютно на всех евреев) вызвал панику среди иностранных евреев и побудил многих из них покинуть Францию, Что касается добровольцев, то сначала их направляли в Иностранный ле-

гион, где их участь не была особенно завидной, в конце концов они добились права служить в регулярной армии и поспешили воспользоваться этим правом.

С другой стороны, создается впечатление, что антисемитизм в том виде, как он проявлялся во французской армии в 1914-1918 годах, относился в гораздо большей степени к унтер-офицерам, чем к рядовым. По этому поводу мы располагаем двумя замечательными свидетельствами, принадлежащими Анри де Монтерлану и Пьеру Дрие Ла Рошелю, которые благодаря контрасту между собой как нельзя лучше взаимно дополняют друг друга со всех точек зрения.

В 1927 году Монтерлан, решивший зафиксировать на бумаге свои воспоминания об одном странном случае, написал очерк «Маленький еврей на войне». В нем он рассказал о добровольце 1918 года по имени Морис Лейпцигер (чьё настоящее имя было Морис Даниигер), который был на два года моложе его и однажды спас его из затруднительного положения во время бомбежки. В дальнейшем «Лейпцигер» стал его нераз-

лучным другом; если следовать описаниям автора очерка, то этот смелый, образованный и готовый прийти на помощь еврей обладал всеми достоинствами за исключением хороших манер. Оба его старших брата были убиты на фронте, и его самого ждала та же судьба. Тем не менее он оставался «Лей-гшигером, жителем Лейпцига, т. е. немецким евреем». И несмотря на всю близость их отношений Монтерлан со всей очевидностью не мог избавиться от подозрений по поводу его соплеменников:

«В «наших кругах» верили, что евреи идут на смерть лишь в статьях Барреса, которого даже упрекали за то, что он посвятил очерк сражающимся евреям: это отношение должно было подвергнуться испытаниям (...) в 1918 году. Я придерживался общепринятых идей и скорее считал, что смелость не относилась к числу еврейских добродетелей».

Офицеры разделяли эти подозрения.

Что же касается отношения простых солдат, то вот что об этом пишет Монтерлан:

«В тот вечер я спрашивал товарищей Лейп-

цигера о его поведении в бою. Они ответили мне, что он только недавно попал в часть и еще не участвовал в деле, но если судить по его поведению, то он был «как все остальные». (...) Но они смущенно отмечали, что было непривычно видеть еврея в окопах рядом с собой. Как он себя вел там? Однажды произошло недоразумение, когда он не явился в назначенное место. Их это не удивило, потому что они никогда не относились к нему как к своему. Лейпцигер, оказавшийся в тылу или между фронтом и тылом, это было также естественно, как утка, летящая к озеру, или птица, устремляющаяся в небо.

Немного позже Лейпцигер встретил меня с приветливой улыбкой на лице, с которой он обращался ко всем, и по поводу которой мне иногда казалось, что это была профессиональная улыбка продавца в магазине: "Чего изволите, мадам? ... "»

Таковы были взгляды Монтерлана в 1918 году. Но в 1927 году, после того как он мог «говорить о Лейпцигере с еврейскими друзьями, задавать им вопросы об Израиле, показывать по мере

надобности написанные страницы», его отношение к нему не стало более благожелательным:

«Я думаю, что все то, что я даже не затрагивал в своих разговорах с Лейпцигером, сегодня я бы обязательно обсудил с ним напрямую. Я бы сказа! ему: «Я знаю, за что я воюю—за то, чтобы иметь лучшую жизнь. Но ты, как ты можешь сражаться за чужой тебе народ, за чужую страну? Какие чувства к немцам испытываешь ты, уроженец Лейпцига? Наконец, к чему ты стремишься?»

«Маленький еврей на войне* был опубликован в 1932 году. В «Комедии Шарлеруа», вышедшей в 1934 году и явившейся ироническим подражанием этому очерку, Дрие Ла Рошель предлагает противоположный подход; чтобы доказать, что он настоящий француз, Клод Праген, чья мать «приняла католичество и представляла себе, что их семья живет во Франции уже пятнадцать столетий», сражается и погибает:

«Кстати, почему погиб Клод? Откуда мне знать? За Францию. Возможно, он сражался за Францию, потому что был евреем. А я? (. . .) Мне

потребовалось много лет, чтобы понять это. . . »

Физически Клод Праген был никуда не годным солдатом:

«За несколько дней до битвы я видел его, совсем маленького, бледного несмотря на загар, с болтающимся биноклем, напряженного и сутулого, с рукой на поясе брюк; он упрашивал полковника не отправлять его в тыл».

Напротив, алжирский еврей Эли Бенсимон, который вытащил раненого Дрие с поля боя, это прирожденный солдат, который в нужный момент черпает необходимые решения в «своей старой привычке к несчастьям»:

«Он смотрел, как я теребил свою кровавую маску комедианта, рыдая без слез; он считал, что мне здорово досталось (. . .) Внезапно меня охватил приступ яростной ненависти к Франции и французам. Я хотел отделиться от них. Я питал к ним неприязнь. Замолчи, сказал мне Бенсимон, ты сошел с ума. Ты получил удар по голове. У тебя идет кровь, ты слишком много говоришь. . . »

Третий солдат-еврей, Жозеф Жакоб, также проявляет героизм. Именно с ним связаны самые

удачные моменты «Комедии Шарлеруа»:

«Вокруг нас свистели пули. Напряжение стало невыносимым. В нашем окопе не было ни раненых, ни убитых, потому что никто не высывался. Но Жакоб высунулся.

Жозеф Жакоб. Он был еврей. Кто такой еврей? Никто не знает, Наконец, об этом заговорили. Сам Жакоб был миролюбивым, не склонным к ссорам, довольно красивым юношей, достаточно вульгарным, грубоватым, совершенно лишенным интеллектуальности, Мелкий биржевой игрок. У него был красивый тонкий нос с красными пятнами. Пуля попала ему в живот. Он скатился с бруствера. Капитан Этьен подполз к нему, как если бы бруствер был недостаточно высоким. Капитан десятой роты по имени Этьен был христианином. Кто такой христианин? Человек, который верит в евреев. Был Бог, которого он считал евреем, и поэтому он относился к евреям с восхищением и ненавистью. Целый год в казармах Пепиньера он третировал нашего товарища; он не хотел, чтобы тот стал капитаном запаса. Несколько мгновений капитан Этьен смотрел

на Жакоба. Ужасно, что Жакоб был французом, что хотел погибнуть за Францию. Эти евреи были готовы на все за свои родины в этой войне. . . »

Следует напомнить, что в дальнейшем Дриер Ла Рошель рисовал совсем иные образы евреев. . .

Как известно, февральская революция 1917 года стала полной неожиданностью для всех наблюдателей. В первые дни она была встречена одобрительными комментариями даже со стороны «Аксъ-он франсез» и «La Libre Parole». Можно даже говорить о всеобщем энтузиазме; так, Клемансо заявил: «Потрясающее единство всего народа—буржуазии, рабочих, мужиков—вплоть до аристократии и даже членов самой императорской фамилии, отказавшейся от всех иных соображений, кроме интересов великой русской родины». Исключение составил его бывший соратник и яростный антисемит Урбен Гойе, который оказался своеобразным пророком, предложив в начале апреля 1917 года свою трактовку революции, которую «The Times» в 1920 году распространит по всему миру. Гойе восклицал: «Ко-

му русская революция отдала Россию? Русскому народу? Шести миллионам евреев? Не получилось ли так, что между Францией, поработанной иудеями, и Россией, где иудеи находятся у власти, Европа избежала немецкого ига лишь для того, чтобы попасть в еще более унижительное рабство?»

В свою очередь «The Times» также будет сравнивать «*рах гертманика*» и «*рах юдаика*».

Необходимо отметить, что в тот момент никто не принял Гойе всерьез. Но уже в конце марта газеты, разумеется, прежде всего правой ориентации, начали задаваться вопросом о политических и особенно военных последствиях падения царизма, хотя евреев в этом не обвиняли. В апреле беспокойство стало нарастать, тем более что призывы Ленина к немедленному миру совпали с волной мятежей во французской армии. В июле, когда в первый раз большевики попытались взять власть, начали говорить о роли евреев в российских беспорядках. Немедленно на страницах «La Libre Parole» были воскрешены древние фантазмы: «Невозможно ничего понять в

великих потрясениях, обрушивающихся на народы . . . если пренебречь еврейским фактором. . . » За этим следует перечень из восьми «подлинных имен главных смутьянов». Но евреи также упоминались, хотя и косвенно, академической газетой «Le Journal des debats», которая разоблачала «группы сомнительных личностей, чьи дела и даже подлинные имена не являются русскими»; больше всего поражает то, что за три дня до публикации в «La Libre Parole» Жорж Клемансо напечатал в своей газете «L'homme enchainé» тот же список из восьми имен, ссылаясь на «Новое время» от 3 (16) июля; однако этот официальный царский орган не мог содержать ничего подобного по той простой причине, что в тот день он не выходил.

Можно думать, что Клемансо., как: председатель сенатской комиссии по военным вопросам, был дезинформирован или одурачен агентами французской контрразведки. Тем не менее его инициатива поражает еще сильнее, потому что в июле ни «L'Action française», ни «La Croix» не публиковали сведений такого рода, не говоря уже

о крупных газетах.

Очевидно, что важность этой проблемы нельзя недооценивать. «События в России производят тем более серьезное впечатление, что до этого времени к ней испытывали безграничное доверие. . . Многие испытывают навязчивые страхи в связи с возможностью выхода России из войны, что приведет к притоку немцев на западный фронт». К этим патриотическим заботам провинции в Париже добавлялись и более прозаические мотивы: «держатели русских ценных бумаг очень обеспокоены будущей судьбой их вложений». Понятно, какова была сила эмоций, возникающих по этому поводу и легко направляемых против евреев.

Неудача большевистского путча в июле позволила как патриотам, так и рантье обрести надежду. Тем не менее за месяц до удавшейся революции нападки на евреев появились в газете «УНе-иге» социалиста Марселя Самба, который отправился на поиски информации в архиконсервативную «Trie Morning Post»—антисемитизм не знает границ. Только заголовок «Они заходят

слишком далеко», а также начало и конец статьи были сделаны во Франции:

«Не обязательно быть антисемитом, чтобы обратить внимание на состав Петроградского совета и на происхождение тех, кто в него входит. Настоящая фамилия Чернова, бывшего министра сельского хозяйства, который в настоящее время является упорным противником Керенского,—Фельдман. Подлинная фамилия Стеклова, широко известного автора «Приказа номер один по русской армии» (согласно которому отменялась субординация),—Нахткес, это немецкий еврей. . . » Далее следует обычная мешанина из подлинных и вымышленных имен, всего около двух десятков, увенчанная следующим заключением: «Что касается Ленина, всем известно, что его подлинная фамилия Цедер-блум. Позвольте им только поставить к вам в дом одну ногу—вскоре они захватят все. . . »

В следующем месяце взятие власти большевиками подталкивает добрую треть французской прессы к обвинению евреев. Это событие произвело шок в общественном мнении, о котором

в «Дневниках» Барреса имеется замечательное свидетельство. Баррес, тщательно воздерживавшийся от любых антисемитских размышлений с самого начала военных действий, записывает в не предназначенных для печати «Дневниках» без каких-либо комментариев: «Россия исчезает, поскольку она заражена евреями, Румыния погибает по той же причине, Израиль в Иерусалиме, евреи хозяйничают в Соединенных Штатах и Англии». Упоминание «Израиля в Иерусалиме» напоминает нам, что декларация Бальфура совпала с разницей всего в несколько дней с Октябрьской революцией; во Франции о ней почти ничего не говорилось в прессе.

Немедленная реакция Клемансо—это еще один симптом, реакция, которая распространилась и на «Le Petit Journal». Эта газета, возглавляемая его верным учеником Стефеном Пишоном, была единственной из четырех «больших» ежедневных изданий, опубликовавшей «подлинные имена максималистов». Сам Клемансо в тот же день (10 ноября) под заголовком «Услуга за услугу» писал о русской трагедии и разоблачал

ее авторов в «L'Homme enchainé»:

«...какая может быть родина без патриотизма? Что такое народ, у которого нет больше родины?»

Увы! Мы можем видеть это на примере толпы немецких евреев, которые не смогли сохранить землю великих предков и появляются под фальшивыми русскими именами по наущению их собратьев из Германии, чтобы дерусифицировать Россию, где первой реакцией были кровавые погромы—первая острая реакция во всех варварских странах. Не следует убивать, потому что убийство—это не ответ. Среди других, до и после него, Назарянин доказал это, Достаточно не позволять увлекать себя, т. е. сбивать с толку, предаожениями народа, пережившего периоды величия, но оказавшегося неспособным самому создать ту родину, которая в соответствии с его атавистическими взглядами имела для него второстепенное значение, подобно лисице из басни, лишившейся хвоста и презирующей тех, у кого он есть...»

Что касается Клемансо, то нельзя не вспом-

нить, что всего лишь через несколько дней после этого выступления ему было поручено возглавить его знаменитый кабинет министров победы, в котором он окружил себя Жоржем Манделем, Жоржем Вормсе-ром, Игнасом, Абрами и Люсьеном Клотцем.

Не следует думать, что Жозеф Кайо, его главная жертва в тот момент, думал иначе, чем он. В своих мемуарах он в двух тщательно сбалансированных предложениях сказал об этом даже больше;

«Трудно оспорить, что основными деятелями переворота в России были евреи, которые после того, как они обеспечили себе господство над таким же восточным народом как и они сами, над скифами с косыми глазами, настроили их против Запада, против законов, управляющих нашей цивилизацией, попытались разрушить европейскую крепость с помощью нападения изнутри силами других израильтян, также воодушевляемых тысячелетними мечтами, завещанными им древней Азией. Если говорить в общем, евреи, где бы они ни работали, несут в себе дух разрушения, жажду

власти, стремление к ясному или смутному идеалу, нужно очень мало видеть, чтобы не отдавать себе в этом отчета. . . »

Газеты «Le Journal des Debats» и «Le Temps» еще раз выступили с противоположных позиций. На почти ежедневную клевету газеты «Le Journal des Debats», которая обвиняла не только «космополитических крикунов и предателей, захвативших власть», но также и «La Gazette de Francfort», этот иудео-либеральный орган, надеющийся на реставрацию царизма», газета Адриена Эбрара отвечала анализом, истинность которого отнюдь не была опровергнута, напротив, подтверждена всей последующей историей России XX века:

«Похоже, что уже в течение некоторого времени еврей стал для невежественной массы козлом отпущения, главным виновником всех бед, от которых страдает новая Россия, от продолжения войны до наступления голода. Совершенно очевидно, что мы присутствуем при выполнении умело разработанного и хорошо осуществляемого плана действий. Своими результатами и свои-

ми истоками он может оказать существенное влияние на ход событий».

Что касается «L'Action française», то в эти роковые дни слово «еврей» ни одного раза не появилось на ее страницах. Также замечательной была сдержанность газеты «La Croix», ежедневно разоблачавшей Цедерблюмов, Бронштейнов, Розенфельдов, но не выдвигавшей никаких обвинений против евреев или иудаизма: происки, разоблачаемые католическим органом, таким образом оставались чисто немецкими происками.

Добровольно принятая самоцензура, вдохновленная священным союзом, не могла пережить военные действия. С декабря 1918 года возобновились первые антиеврейские выступления, вскоре они усилились из-за прихода коммунистов к власти в Баварии и Венгрии, а также из-за бурных забастовок в самой Франции. Страх социальных потрясений, казавшихся неизбежными в некоторые периоды 1919-1920 годов, был благоприятным для вариаций на темы еврейского большевизма, который национальная традиция позволяла с еще большей легкостью,

чем раньше, трактовать как иудео-германский, или даже как «иудео-германско-вильсоновский» (Шарль Мор-рас). Но во Франции сохранялось сильное правительство Клемансо или Клемансо-Манделя, которое отныне отдавало абсолютный приоритет антибольшевистскому крестовому походу, но очевидно предпочитало не отягощать его антисемитизмом. Что касается «L'Action française» и ведущих католических органов, то хотя они быстро вернулись к своим прежним традициям, но жесткость их позиций первое время далеко уступала довоенному размаху. Так, первого января 1921 года, играя на струнах германофобии, газета писала: «Благодаря кровавому безумству дегенерировавшего императора бошей произошло полное слияние, и ничто не сможет больше отделить израильян от французской родины».

Однако новый еженедельник «La Documentation Catholique», предназначенный для воинственной элиты и публиковавшийся тем же «Издательством хорошей прессы» («Maison de la Bonne Presse»), что и «La Croix»,

в начале 1920 года напечатал отрывок из «Протоколов сионских мудрецов», добавив к этому, что гарантирует «подлинность данного текста».

Еврейская пресса довольно мягко реагировала на эти нападки «La Bonne Presse», которые, видимо, воспринимались как нечто, соответствующее природе вещей. Дело в том, что во Франции той эпохи сыновья Израиля не слишком беспокоились по этому поводу, доверяя «республиканской форме правления»—разве отделение церкви от государства не отбросило окончательно клерикалов во тьму забвения? Мы уже говорили об этой ментальности, вызванной прежде всего погружением евреев в мощные потоки нерелигиозной жизни, причем многие из них хотели затеряться в них навсегда.

Но и в этом контексте вопрос оказался более сложным, поскольку в 1917 году возникла новая линия противостояния, на которой на следующий день после перемирия начались активные антиеврейские действия, при том, что речь не шла о серьезных противоречиях между французскими иудеями и католиками; возник международ-

ный конфликт по поводу британского мандата на Палестину и «Еврейского национального очага». В этом вопросе потенциальным союзником Ватикана была Франция в ее качестве великой победоносной католической державы и традиционной защитницы христиан на Ближнем Востоке. Что касается видных представителей французских евреев, то следует констатировать, что за единственным исключением в лице поэта Андре Спиря они отнеслись к декларации Бальфура сдержанно или даже с очевидной враждебностью. Так, Жозеф Рейнак, бывший одним из главных участников дела Дрейфуса, с момента оккупации Газы англичанами (апрель 1917 года) настаивал на исторических правах Франции, характеризовал сионизм как «археологические мечты» и . . . предлагал установить международный статус Иерусалима.

Президент Всемирного еврейского союза Сильвен Леви, выступая два года спустя на мирной конференции против угроз большевистской анархии на Ближнем Востоке и двойного гражданства евреев в западных странах «по немецко-

му образцу», заявил: «Мои чувства и разум возмущены тем, что едва выйдя из периода ожидания, когда нам будет предоставлено равноправие, мы начинаем требовать для евреев Палестины привилегий и особого положения». Иными словами, мы вновь обнаруживаем сверхлояльность французских евреев, этих «семитских антисионистов» по выражению Марка Сайкса. Совершенно очевидно, что католическая церковь прибегала к совершенно иным аргументам. В то время, когда Сильвен Леви выступал со своим заявлением, папа Бенедикт XV выразил свое возмущение в связи с планом возвращения евреев в места, которые на протяжении столетий «наши предшественники и христиане Запада пытались вырвать из-под гнета неверных ценой хорошо известных упорных и длительных усилий». Что касается современного положения, папа проводил весьма характерное различие между двумя видами неверных, неприемлемых в различной степени: английских протестантов и еврейских сионистов. Эта речь была произнесена на закрытом заседании папской консистории 10 марта 1919 года,

но вскоре она была опубликована в расширенном виде, с добавлением темы народа-богоубийцы, на страницах папского официоза «Civiltà Cattolica»; утверждалось, что Святые Места были под непосредственной угрозой попасть под власть «врагов христианской цивилизации», которые приложат все усилия, чтобы разрушить христианство «даже в его колыбели».

Итак, возвращаясь к положению во Франции, следует подчеркнуть, что для католических специалистов в области антисемитизма сионистская опасность даже отодвинула на второй план угрозы большевизма. Точнее говоря, поскольку сионизм и большевизм были двумя сторонами одного и того же дьявольского плана, именно сионизм выражал его главную суть. Так, для предподобного Жуэна тайной конечной целью еврейского плана был захват Палестины (хотя основной целью его «Международного журнала тайных обществ» было разоблачение заговора сионских мудрецов). Он простодушно писал, что этот план был особенно возмутительным, потому что крестовые походы уже доказали, что «Палести-

на принадлежит французам, и действия Англии в этой области являются вероломными...) По сути дела сионизм более не может быть еврейским, он является католическим».

Его сотрудник Мартиал-Орикост представил сходные выводы, или вымыслы, в своем труде, озаглавленном «Новый год... Иерусалим?» (1922), в котором он утверждал: «В 1903 году еврейские лидеры знали, что произойдет мировая война и всемирная конференция, единственным результатом чего станет еврейское государство в Палестине (...) Иерусалим будет цитаделью и главной действующей силой еврейского завоевания мира».

К тому же кругу идей относится и следующий силлогизм, единственным специалистом по которому был Моррас; в действительности Палестину отдал евреям не Ллойд Джордж, а Аристид Бриан; этот дар вызвал Октябрьскую революцию; итак, Бриан является основным виновником этой революции. «О! Какой великий дипломат господин Бриан!» (январь 1921 года).

Новый орган «La Documentation catholique»

со своей стороны специализировался на антиеврейской агитации, которая носила одновременно антисионистский и антибольшевистский характер. В марте 1919 года специальный выпуск был посвящен теме «Евреи в Европе». Там можно было прочесть следующее: «Претензии на мировое господство не мешают евреям преследовать цель воссоздания собственного отдельного царства». В январе 1920 года было опубликовано новое досье по проблемам сионизма, в котором за подписью «Christianus» перечислялись следующие способы борьбы:

«Необходимо сформировать «общественное мнение» в христианских странах (...) Нужно организовать поддержку глубоко обеспокоенному суверенному понтифику, следует обратиться к христианским народам со словами о христианском идеале, о том, что будет позором, если мы допустим, что колыбель нашей религии попадет под политическое господство иудаизма, замаскированное или открытое...

Второе средство ... состоит в убеждении крестьян не продавать свои земли евреям, дока-

зывать им, что в будущем цена этих земель сильно возрастет, Банк, который стал бы выдавать ипотечный кредит . . . оказал бы в этом очень ценную помощь. Наконец (я должен был бы сказать—прежде всего), спасительной необходимостью является союз между христианами, а также христиан с мусульманами. . . »

Здесь нельзя не узнать основные, даже можно сказать вневременные, ингредиенты антисиионистской идеологии, рождение которой по укоренившемуся заблуждению относят к 1948-1949 годам или, еще чаще, к 1967 году, т. е. к «шестидневной войне». Эта ошибка тем более очевидна, что по этому поводу мнение католической церкви разделяли весьма влиятельные деятели из числа «семитских антисиионистов». Это проявилось в феврале 1920 года, когда вопрос о британском мандате рассматривался на первой лондонской конференции. Тогда представитель Франции Филипп Бертелло, которого особенно ненавидел Моррас, отказался от выступления, заявив, что будучи протестантом он предпочитает дать возможность высказаться по вопросу о

Святых местах своему коллеге Жюлю Камбону. Камбон заявил следующее:

«Святые места находились под властью Франции с XV века, Ватикан всегда признавал этот факт, и все французские правительства, даже те, которые не поддерживали отношений с Римом, признавали эту свою ответственность. Даже во время войны Ватикан признал право Франции на осуществление своего протектората над Святыми местами. Этот вопрос имеет для французских католиков первостепенное значение».

Три дня спустя религиозная принадлежность не помешала Филиппу Камбону вмешаться в дискуссию, чтобы высмеять сионистов, которые вели себя так, как если бы они представляли великую державу. Их претензии казались ему тем более смехотворными, что «было вполне вероятно, что значительное большинство этих еврейских претендентов имело весьма незначительную долю еврейской крови в своих жилах». (Следует обратить внимание на расистский характер этого аргумента.)

Но оставив в стороне все эти исторические

анекдоты, перейдем ко второй фазе антисемитских кампаний во Франции после первой мировой войны. Начало этой фазы четко датируется маем 1920 года, что возвращает нас к теме великого заговора, первоначальный источник которой, по всей видимости, находился в Великобритании. Во Франции в очередной раз древние страсти воскресли в армейских кругах. 15 июля в «Израильских архивах» можно было прочитать, что «известное число высших офицеров еврейского происхождения подали в отставку или потребовали досрочного начисления пенсии» по причине общей атмосферы, господствующей в «наших высших военных сферах». Доклады и письма членов французской военной миссии в Польше, генералов Жозефа Нуланса и Анри Ниссея и капитана Шарля де Голля, свидетельствуют об опасности этого направления мыслей. Вряд ли необходимо добавлять, что в случае последнего имени в данном списке подобная позиция была кратковременной.

Что касается большой прессы, то прежде всего необходимо констатировать, что в мае 1920

года публиковались сенсационные репортажи о Советской России. Я имею в виду «Семнадцать месяцев в большевистской России» Ш. Пети, опубликованные в «Le Petit Parisien». Например, в номере от 20 мая можно было прочитать: «... очень легко представить организацию большого азиатского крестового похода против англичан. Израильтянин Бронштейн, известный как Троцкий, окруженный своей семитской и восточной камарильей, надеется стать Наполеоном Востока. Он возглавляет колоссальное международное тайное общество, которое стремится свергнуть европейскую цивилизацию и мечтает изгнать англичан из их азиатских владений...»

Этот тезис, американский вариант которого мы представили читателю выше («The Chicago Tribune» от 15 июня), по всей вероятности опирается на британский источник, возможно, на Intelligence Service. Но это предположение не годится для публикации в «L'Excelsior», где один из величайших репортеров всех времен Альбер Лондр в номере от 17 мая иронизировал по поводу новых московских хозяев;

«Пролетариев ведут с кольцом, продетом в носу (. . .) Кто правит? Правят активисты социалистических конгрессов. Правят грязные ссыльные, международные библиотечные кроты, которые потратили свою молодость над книгами о пауперизме, чтобы найти себе способ существования. Правят: сибиряк, монгол, армянин, азиат, а в закоулках всех коридоров, во всех комиссариатах, за всеми перегородками, между письменными приборами и корзинками для бумаг— истинный король: еврей. О! Ужасное и прекрасное маленькое побоище, разгорающееся на горизонте. . . »

В этой связи следует упомянуть о распространенной идее того времени, тем более что несколькими днями раньше Альбер Лондр без колебаний иронизировал в совсем иной манере, описывая солдат-спекулянтов в Петрограде: «. . . солдаты толпятся на перекрестках, спекулируют, покупают и перепродают. Троцкий, вспоминая о своем знаменитом соплеменнике, напрасно пытается изгнать торговцев, они рассеиваются только для того, чтобы собраться в других местах» (12

мая).

Что касается антисемитских кампаний, которые в том же мае задумывались именно как таковые и, как можно предполагать, были хорошо организованы, то следует отметить инвективы «La Liberte»: «Израильтяне—это особый народ, ненавидящий тех, среди кого он живет» и т. д. (23 мая); публикацию в «L'Intransi-geant» документа Цундера (27 мая); статью в «Le Correspondant», посвященную «Протоколам сионских мудрецов» (25 мая), причем потребовалось некоторое время, чтобы французы обратили на них внимание. В редакции «L'Action franeaise» не читали «The Times», поэтому впервые «Протоколы» были упомянуты лишь в обзоре прессы от 19 мая со ссылкой на статью в «La Libre Belgique». «Le Correspondant» был не слишком влиятельным католическим органом, Настоящий прорыв произошел благодаря Гюставу Тери, который посвятил этой теме первую страницу номера «L'Oeuvre» от 2 июля под заголовком «Еврейство превыше всего («Jewry liber alles»). Еврейское окружение г-на Ллойд Джорджа». Это побудило «L'Action

francaise» вернуться к данной теме. С этого момента Шарль Моррас уделял ей все больше внимания, посвятив проблеме всемогущества евреев дюжину статей во втором квартале 1920 года.

Так, 27 сентября под заголовком «Еврейский вопрос, суть дела» он постарался доказать, что все важнейшие события последних лет лучше всего объясняются именно таким способом, отметив в заключение: «Разумеется, иные причины также сыграли свою роль во всех этих событиях, но разве этот план не содержит часть истины, подтверждаемой замечательными результатами, неслыханными привилегиями, которых добились евреи?» Далее в той же статье в разделе, озаглавленном «Новинки и голос разума», он цитировал письмо одного корреспондента-еврея, с которым выражал свое согласие. Этот корреспондент предлагал своеобразный план деиудайзации. Но прежде чем перейти к этим «новинкам», которые можно охарактеризовать как третью стадию антисемитских кампаний той эпохи, отметим также вступление в борьбу «La Revue des Deux Mondes», этого бастиона французской

гражданственности. Последний номер этого журнала за 1920 год включал две длинные обвинительные статьи: одна, подписанная Морисом Перно, была направлена против польских евреев, другая, озаглавленная «Когда Израиль правит», авторами которой были братья Таро, обвиняла венгерских евреев.

После первого выступления такого рода в журнале «La Revue des Deux Mondes» появятся и некоторые другие распространенные обвинения; будет поставлен вопрос о еврее Аароне Керенском, об антихристианской ненависти иудеобольшевиков, а братья Таро вплоть до весны 1924 года продолжат описание еврейских жестокостей и безумств под новым заголовком «Новый год в Иерусалиме». Нельзя полностью отказать в справедливости замечания бывшего помощника Дрюмона Жана Дро, написавшего в 1934 году: «Без сомнения, братья Таро послужили связующим звеном между тем, что провозглашал Дрюмон, и тем, что совершил Гитлер».

Третью стадию можно охарактеризовать как сочетание анонсов о неизбежности всемирного

погрома с поддержкой некоторыми израильтянами антисемитской программы. В этом и заключались «новинки», о которых объявил Моррас. Эта стадия естественным образом вытекала из двух предыдущих: евреи были готовы к осуществлению своего великого заговора, как же могли арийские народы не предпринять отчаянные усилия, чтобы спастись от их ига? В этой связи, абстрагировавшись от профессиональных ультраантисемитов, следует прежде всего еще раз процитировать Шарля Морраса, который задолго до того, как он начал угрожать «своим кухонным ножом» Леону Блюму и Абрааму Шрамеку, обратился с «призывом ко всем антиеврейским силам в мире» во имя «всеобщей антиеврейской политики» (12 мая 1921 года). Затем его сторонник и корреспондент еврейского происхождения Рене Гроос поддержал его в своем «Исследовании еврейской проблемы» (1922 г.): «Мы присутствуем одновременно при развитии всеобщего еврейского заговора и возрождении антисемитизма. Возможно, точнее было бы назвать это его продолжением. Раньше антисемитизм прояв-

лялся в виде местных выступлений, непродолжительных, не имевших последствий. Он стал всеобщим, латентным и постоянным». Чтобы избежать худшего, Рене Гроос предлагал ввести специальное законодательство: «Мы должны нести двойные обязанности в этом доме, поскольку мы являемся здесь гостями, мы не участвовали в его строительстве». Поль Леви, будущий издатель еженедельника «Aux scouts», также призывал своих собратьев опередить события, но другим способом: «Французские евреи должны отвергнуть ужасные махинации финансистов из окружения Ллойд Джорджа и Белого дома, которые постоянно организуют ловушки французским государственным деятелям» («Письмо евреям-патриотам», «L'Éclair», 21 мая 1921 г.).

Мы вновь возвращаемся здесь к проблемам большой политики. Предательство Франции ее англосаксонскими союзниками столь же легко объяснялось иудео-германским заговором, как и тема еврейского влияния в Англии, которая восходила к Туссенелю и Дрюмону и получила новый импульс благодаря кампаниям «L'Action

francaise» и «L'Oeuvre». Сторонник Морраса Роже Ламбелен, один из переводчиков «Протоколов» на французский язык, развивал эту идею в 1921 году под заголовком «Правление Израиля в англосаксонском мире». Следует ли удивляться, что крупнейшие газеты, воздерживавшиеся от того, чтобы говорить о еврейском окружении Клемансо хотя бы во имя «священного союза», подхватили теперь тему о «еврейском окружении Ллойд Джорджа». Так, первого мая 1921 года газета «Le Matin» обвиняла некоторых банкиров Сити, чьи связи с немецкими банками хорошо известны. Через день были поставлены все точки над «i»: «Пришло время поставить в известность Ллойд Джорджа, что в лондонском Сити есть банкиры с английской кровью».

Кампанию подхватили менее значительные газеты, которые до этого воздерживались от любой антиеврейской агитации. На следующий год известный публицист Андре Шерадам резюмировал сложившееся положение в словах, с которыми бы согласились Моррас и братья Таро:

«Народы Антанты попали в мощные клещи,

организованные вождями пангерманизма. Эти клещи образуют, с одной стороны, деятельность международного финансового иудео-германского синдиката, воздействующего на так называемые образованные слои стран Антанты, чтобы рекрутировать там сторонников с помощью подкупа; вторая сторона этих клещей представлена действиями большевиков и поддерживающих их социалистов, влияющих на народные массы союзных государств.

Но люди «Аксон Франсез» и другие экстремисты, разумеется, не могли согласиться со следующими выводами Шерадама:

«Многие согласны с тем, что существует заговор всех евреев с целью добиться всеобщего господства. Я хочу очень ясно объяснить, почему я не согласен с подобной точкой зрения (...). В современной ситуации я не верю, что можно утверждать существование всеобщего еврейского заговора, не совершив ошибки и несправедливости».

В заключение Шерадам советовал: «создать группу евреев, противников пангерманизма, ло-

ьяльных подданных стран Антанты (...) Разве не очевидно, что если еврей-противники пангерманизма не проявят себя в ближайшем будущем какой-нибудь энергичной и яркой акцией, то представление о еврейском заговоре, направленном на завоевание всемирного господства, распространится повсюду? Тогда в ближайшие годы возникнет грозное антисемитское движение... »

Ретроспективно это предсказание кажется смехотворным; возможно, оно показалось бы не таким смешным, если бы оно вообще не оправдалось, вместо того, чтобы обернуться своей противоположностью. Нам остается выяснить, почему во Франции не было четвертой фазы, почему, напротив, антисемитизм опустился до самого низкого уровня в 1925-1930 годах, чтобы затем подняться под совокупным воздействием экономического кризиса и влияния с другого берега Рейна.

Необходимо подчеркнуть, что бойня 1914-1918 годов имела во Франции не менее ужасные последствия в самых разных областях, чем в Германии. В частности еще больше пострада-

ли нравы прессы, причем основные коррупционеры отныне были исключительно «правыми»; пресса с большим трудом смогла избавиться от новых способов «промыывания мозгов» и других приемов распространения оглуляющей ненависти, которые получают свое высшее развитие при тоталитарных режимах. Именно при этом стечении обстоятельств антисемитский или расистский уклон приобрел новую окраску—он отвечал неясным ожиданиям общественности, как об этом свидетельствует весь спектр ответов, полученных в 1923 году в ходе опроса общественного мнения в связи с внезапной модой на Гобино и его теорию. В этом плане особо выделяются мрачные пророчества Ваше де Лапужа, предвосхищающие Селина, и еще больше—предвидения Ромена Роллана: «Этот труд подспудно удовлетворяет некоторые современные потребности (...) Сегодняшняя молодежь без труда найдет у Гобино то же открытое презрение к прогрессу, либерализму, «опиуму гуманизма», демократическим идеям—то же высокомерное и трагическое видение расовой войны. . . »

С другой стороны, следует также принимать во внимание еще одно последствие войны, а именно падение политического влияния прессы, презрение к которой со времени панамской аферы постоянно возрастало. В результате появился все увеличивающийся разрыв между истинными взглядами французов и теми выводами, которые можно сделать на основе анализа газетных публикаций. Разве в 1936 году Народный фронт не одержит победу вопреки враждебности почти всех или по меньшей мере подавляющего большинства газет? Мы вынуждены констатировать здесь известную несогласованность, которая, вероятно, проявляется и в свидетельствах некоторых современников тех событий. Кроме того, имеются и другие данные, подтверждающие эти свидетельства—прежде всего отсутствие в двадцатые годы воинствующих антисемитских организаций и «лиг», а также заметных инцидентов и уличных выступлений. В целом, не было ничего подобного тому, что мы описывали в связи с делом Дрейфуса или того, что нам придется описывать при обсуждении ситуации в донапистской

Германии.

Более тонким признаком является изменение позиции иезуитов, сначала едва заметное.

Мы уже видели, что итальянские иезуиты сыграли главную роль в вовлечении католической церкви в чисто антисемитскую пропаганду и что в конце XIX века кампании на страницах «Civiltà Cattolica» вдохновили или даже внушили миф о «мудрецах Сиона». Напротив, французские или франкоговорящие иезуиты, видимо, были первыми, кто осознал уже в 1922 году, что эта мифология не сулит церкви ничего хорошего. Отец Пьер Шарль взял на себя почин, опубликовав в бельгийском журнале «La Terre wallonne» статью вскоре после впечатляющей смены позиции «The Times». В этой статье были даны неопровержимые, построенные с непревзойденной с тех пор тщательностью доказательства того, что «Протоколы» были скопированы с антибонапартистского памфлета Мориса Жоли. Продолжая эту линию, отец дю Пассаж опубликовал в «Les Etudes» пространную статью, сильно уступающую статье отца Шарля, но достаточно

критичную, чтобы вызвать бредовые рассуждения Урбена Гойе о тайном сговоре между иезуитами, евреями и Москвой. В 1927 году французские иезуиты окончательно покинули антисемитский лагерь.

В связи с «Протоколами сионских мудрецов» можно также заметить, что в целом они не получили во Франции столь широкой популярности, как в Германии или англосаксонских странах. Крупнейшие ежедневные газеты полностью их проигнорировали, в чем скорее можно видеть свидетельство осторожности, чем проявление порядочности и благородства. Лишь незначительное количество писателей, по крайней мере среди тех, чьи имена сохранили свое значение вплоть до наших дней, так или иначе вдохновлялись этой темой.

К тощ же это обстоятельство позволяет нам затронуть очень важную тему: именно благодаря французской литературной продукции периода между двумя мировыми войнами мы можем с уверенностью оценить величину расстояния между реальным положением евреев и теми серьез-

ными и многочисленными обвинениями в их адрес, которые высказывались после окончания военных действий.

Разумеется, струя антиеврейских романов не пересохла в это столь урожайное время. Наряду с братьями Таро, которые продолжили свою линию в 1923 году книгой «Бродячая кобыла», можно упомянуть Марселя Жуандо, памфлетиста, автора «Еврейской опасности» (1934), и романиста. В романе «Шаминадур», опубликованном в 1934 году, евреи продают кюре поддельное церковное вино:

«- Кто виноват?

- Евреи, которые мне его продали,—отвечает кюре.

- Кюре, который его у нас купил,—возражают евреи.

Так, все с теми же сообщниками Иуда постоянно спекулирует на крови Христа».

Можно долго говорить о бессмертных тенях, возникающих на страницах многочисленных романов Жоржа Сименона. Но прежде чем продолжать двигаться в этом направлении, следует об-

ратиться к самым великим, а именно к лауреатам Нобелевской премии, которые почти всегда были доброжелательно настроены по отношению к сыновьям Израиля. Начнем с Ромена Роллана.

Он много говорил о евреях, чаще хорошо, чем плохо. Мы ограничимся упоминанием «В доме», где представлен Таде Моок, еврей-самоучка, простой и добрый, но невероятно уродливый—«в большей степени еврей, чем следует»!

Отметим это приравнение иудаизма и безобразия. Но оно не было неизбежным. У Франсуа Мориака еврей из Бордо Жан Азеведо в «Терезе Декеру» (1927) не является ни безобразным, а также ни особенно «хорошим» или «плохим», но он оказывается физически узнаваемым благодаря «бархатистым глазам, свойственным его расе, . . . его горящему взгляду».

Напротив, третий нобелевский лауреат Роже Мартен дю Гар испытывал художественный интерес к уродству евреев в том, что касается физического облика, а также к их высоте в области морали. В его основном произведении «Семья Тибо» (1922-1940) оба героя, Жак и Антуан, став

взрослыми, находят себе еврейского друга или «старшего» товарища, но, может быть, лучше говорить о «двойниках» или о «совести»? Для революционера Жака эту роль исполняет Скада, «задумчивый азиат».

Он проповедовал; «Следует добиваться торжества справедливости (...) Буржуазный мир рухнет сам собой...»

«Скада был израильтянином из Малой Азии, ему было около пятидесяти лет. Он был очень близорук и носил на оливковом носу с горбинкой очки со стеклами, толстыми как линзы телескопа. Он был уродлив: курчавые волосы, короткие и прилипшие к яйцеобразному черепу, огромные уши, но теплый, задумчивый взгляд, свидетельствовавший о неиссякаемой доброте. Он вел аскетический образ жизни».

Доктор Исаак Студлер, французский еврей, который также имеет азиатские корни, о чем свидетельствует его прозвище «Халиф», не был столь уродлив, но биологическая дистанция также четко выражена. Врач Антуан Тибо пользуется его советами, видит его в бреду перед

смертью,—и незаметно эксплуатирует его. Едва ли есть необходимость добавлять, что Студлер отличается такой же нравственной высотой, как и Скада, но в его сердце французский патриотизм борется с еврейским пацифизмом. Что же касается его внешнего облика:

«Студлер . . . выглядел старше Антуана. Имя Исаак хорошо подходило к его профилю, его бороде эмира, его блестящим глазам восточного мага. (. . .) Когда он волновался . . . белки его больших, как у лошади, глаз слегка наливались кровью. . . »

В другом месте говорится о «его больших влажных глазах» или даже о «его взгляде пророка». Колдовские чары, исходившие от такой концентрации экзотики или такого уродства (почти всегда, как и положено, мужского), примеры чего можно легко умножить, причем следует особо упомянуть Пьера Бенуа (Так, этот член Французской академии следующим образом описывал Исаака Кошба, главного героя «Колодца Иакова»: «Лишенный магии своего завораживающего взгляда он был лишь бедным кривоногим уро-

дом, одетым в смешной серый костюм, в котором болтались его тощие ноги, его руки заканчивались костистыми ладонями чахоточного, усыпанными красными пятнами». Что же касается завораживающего взгляда, то немного выше можно прочитать: «Во время разговора он снял очки. Агарь пребывала в оцепенении. Она смотрела в глаза Исаака Кошба. Близорукие глаза, бархатистые и черные, завораживающие своей печалью и глубиной. Они придавали этому некрасивому литгу сияющую силу». (Pierre Benoit, «!_e Puits tie Jacob», Paris, 1925, pp. 59-60. p. 46). Следует прочитать весь этот роман, который можно рассматривать как краткую энциклопедию штампов эпохи после первой мировой войны в том, что касается образов еврейки и еврея.), оказались достаточными, чтобы увлечь Жана-Поля Сартра, который даже в принципиально важном эссе, относящемся ко времени непосредственно после нацистских массовых акций по уничтожению евреев, разоблачал светские мифы (поскольку именно об этом идет речь в «Размышлениях») о «выраженном семитском типе . . . с загнутым носом

... оттопыренными ушами ... толстыми губами», и далее о «типичных чертах французских евреев: изогнутом носе, растопыривании ушей и т. д.» Что касается проблем морали, то приводимый ниже пассаж по-своему отражает дух того времени:

«Евреи являются самыми добрыми среди людей. Они страстные противники насилия. Эта упорная доброта, которую они сохраняют даже среди самых жестоких преследований, это чувство справедливости и разума, которое они противопоставляют враждебному, жестокому и несправедливому обществу как свою единственную защиту, возможно, это лучшее из того, что они дарят нам, а также истинное свидетельство их величия».

Так или иначе, в 1946 году было вдвойне трудно не перегибать палку. Еще дальше, чем Мартен дю Гар, зашел Жорж Дюамель, у которого Лоран Пакье и Жюстен Вейль (по-французски «juste» значит «справедливый») являются Орестом и Пиладом его серии романов «Хроника семьи Пакье». Дело не в том, что Жюстен—это

бесплотный персонаж (или слишком уродливый), наивные капризы этого идеалиста описаны с тем же натурализмом, что и его проблемы как еврея. Тем не менее после 1914 года, когда он ушел добровольцем на фронт, о нем больше речь не идет, только в 1925 году Лоран Пакье пишет сестре: «Подумай, Сесиль, через месяц, 15 июля будет семь лет со дня гибели Жюстена в Шампани во время второй битвы на Марне, когда он отдал свою жизнь за наше общее спасение». Однако накануне своего ухода в добровольцы этот Спаситель «выглядит как старый еврей, подсчитывающий гроши. . . »

Итак, все выглядит таким образом, как если бы столько достоинств, столько совершенства, чтобы не стать невыносимыми, требовали противовеса, который писатели обычно искали в области арийского мифа, так что искусство рисковало стать более реальным, чем действительность. Но даже когда дело обстояло иначе или еврей был лишь эпизодическим персонажем (как у Мориака), его по-прежнему можно узнать по глазам или по взгляду, что являлось постоянным

и безошибочным знаком его отличия от остальных. Можно заметить, что это может служить прекрасной иллюстрацией воздействия «нарциссизма незначительных различий», над чем размышлял Фрейд в последний период своей жизни.

В этой связи можно также процитировать Дрие Ла Рошеля, одного из немногих авторов, кто оставил свидетельство, разумеется, как романист, о самом надежном различительном признаке, , когда он говорит о «детском ужасе христиан по отношению к евреям». Рядом с ним можно поставить Жюль Ромена, чей роман «Люди доброй воли» изобилует образами евреев, вымышленных (Жермена Баадер, Люсьен Вормсер по прозвищу Марей) и реальных (Блюм, Мандель, Жан Зай), намеренно описанных как человеческие существа, похожие на всех остальных. Самое большее, что происходит с Мареем, это его раздумья о своем еврействе. В данном случае если баланс и нарушен, то лишь в противоположную сторону. Следует отметить, что и Дрие, и Жюль Ромен были женаты на еврейках; эта деталь позволяет предположить, что они

проявили себя более трезвыми и пронизательными, потому что благодаря своим семейным связям они черпали вдохновение в том, что наблюдали или видели, а не в том, что они воображали или читали. В третьем хорошо известном случае «смешанного брака» можно допустить, что у Андре Мальро была склонность, доводящая до конца тенденции Жюльена Ромена, поскольку в его произведениях вообще нет евреев, более того, еврейский авантюрист послужил прототипом неподражаемого барона Клаппика, который в его романе «Условия человеческого существования» всегда имеет «замаскированный облик». Каким бы ни был результат литературного преобразования действительности, ничто так не способствует демифологизации, как непосредственное познание, особенно если оно достигается в соответствии с библейским значением этого слова.

Нам остается завершить этот беглый обзор, остановившись на трех великих художниках, которые проявляли злобный, хотя и скрытый антисемитизм. Речь идет о трех представителях мень-

шинств, двух протестантах и одной еврейке, причем все трое были беженцами.

Андре Жид лишь эпизодически изображал евреев; его Дюр-мер в «Фальшивомонетчиках» был столь же неприятным персонажем, как и Левши он в «Подземельях Ватикана». В 1911 году он планировал написать роман, где главным героем должен был стать еврей, «благородный, даже рыцарь, немного склонный к несбыточным мечтам, которые могли бы соперничать с христианскими чувствами», но как и Толстому, это ему не удалось. В обратном направлении, если так можно выразиться, развивались события в случае с доктором Софи Моргенстерн, которая занималась психоанализом в Париже в тридцатые годы и в «Фальшивомонетчиках» превратилась в очаровательную «польскую женщину-врача» по фамилии Софрониска и с вполне католическим именем. К тому же если Жид как романист и рассказчик, по-видимому, был бессильным перед евреями, то как теоретик и публицист он запрещал им играть какую-либо роль во французской литературе. Именно во Франции на-

кануне первой мировой войны он сформулировал тот принцип, который в 1920 году в эллиптической форме повторит «непочтительный» американец Менкен: «Они думают на идише, а пишут по-английски», а окончательную форму ему придал Геббельс: «Когда еврей говорит по-немецки, он лжет!» Андре Жид выражался более изысканно;

«... мне достаточно, что характеристики еврейской расы отличаются от французских; и если эти последние (французы) оказываются менее интеллигентными, менее стойкими, менее мужественными во всех отношениях, чем евреи, все равно то, что они хотят сказать, может быть сказано только ими, и что привнесение еврейских качеств в литературу, где имеет ценность только личное, даст меньше новых элементов, т. е. обогащения, чтобы она [еврейская литература?— Лев Поляков (Синтаксическая ошибка или описка в этом месте текста поражает. Самое близкое существительное женского рода—«литература», так что я посчитал возможным именно так дополнить текст после обсуждения этого вопроса с

моим другом Люсе г Финяс)] не прерывала возможности для медленного самовыражения расы и не допускала при этом серьезной, недопустимой фальсификации ее значения» («Дневник», 24 января 1914 года).

В январе 1948 года после весьма критического прочтения «Размышлений» Сартра Жид заметил в связи с приведенными выше рассуждениями и их контекстом: «Я не могу отказаться от них, поскольку я продолжаю считать их совершенно точными».

Напротив, Жак де Лакретель посвятил положению евреев свой самый знаменитый роман «Зильберман» (1922). В нем нет недостатка в биоэстетических клише, потому что описание непривлекательной внешности и вызывающего беспокойство «немного азиатского лица» его лицейского друга и протезе заканчивается следующей фразой: «Все вместе возбуждало мысль о странной преждевременности его развития: он напоминал мне маленьких вундеркиндов, показывающих фокусы в цирке». С точки зрения морали еврейский ребенок, не будучи особенно сим-

патичным, вызывает нашу жалость и выигрывает, поскольку его нам описывают на фоне жестокости его католических однокашников, а также лицемерия протестантских родителей рассказчика, вспоминающего прошлое.

Но это оказалось слишком для нашего героя, и патриций-гугенот взял в нем верх в романе «Возвращение Зильбермана» (1930), где герой, став взрослым, превратился в дьявольского персонажа или, точнее, одержимого дьяволом. Серьезно больной и впавший в глубокую депрессию, он принимает смерть только после символического извержения той французской культуры, которую он так любил: «Поскольку я считал его очень странным субъектом, я стал думать, что дьяволы, покинувшие мозг Зильбермана в его смертный час, были нашими принцессами из пьес Расина и целой вереницей легендарных героев во французских одеяниях».

Эти принцессы и эти герои были так дороги талантливой Ирен Немировской, родившейся в Киеве, что она приняла христианство в день совершеннолетия. В своем шедевре «Давид Голь-

дер» (1929) она без жалости, но не без большой доли точности рисует портреты иудео-русского финансового хищника и его окружения. В конце романа она дает краткое обобщение в связи с образом друга Гольдера:

«Потом Сойфер должен был умереть в одиночестве, как собака, без друзей, без венка цветов на могиле, похороненный на самом дорогом кладбище Парижа семьей, которая его ненавидела и которую он ненавидел, но которой он тем не менее оставил состояние в тридцать миллионов, доведя тем самым до конца необъяснимую судьбу каждого доброго еврея на этой земле».

Судьбой Ирен Немировской стала смерть в Освенциме в 1942 году.

Итак, на протяжении многих лет, когда евреи без видимых помех играли первостепенную роль во всех областях жизни, когда французское общество того времени обычно предпочитало в соответствии с условностями, восходящими через панамскую аферу и дело Дрейфуса непосредственно к Июльской монархии, не замечать их особенностей, «не видеть в них евреев», неко-

торые газеты и писатели прилагали почти еди-
нодушные усилия самыми различными способа-
ми развивать, преобразовывать и распростра-
нять старые мифы.

В результате образ еврея-большевика, угро-
жающего собственности и установленному по-
рядку, постепенно стирался, особенно после об-
щей нормализации обстановки и возобновления
дипломатических отношений с Москвой; но в
1935-1936 годах появилась гораздо более се-
рьезная угроза в лице экспроприатора Блюма—
Блюм, Блюмель, Мок и им подобные. Ономасти-
ческое разоблачение, это оружие, столь же про-
стое, как и надежное, имело тогда замечатель-
ные перспективы. Были и другие возможности.
«Кто угодно, только не Блюм!—Человек, кото-
рый столь полно представляет народ, пригово-
ренный божественным проклятием к жизни без
родины»,—напоминал в Палате депутатов Ксавье
Балла.

Начиная с 1933 года, призрак преследуемого
мученика с другого берега Рейна присоединился
к призраку московского преследователя-палача,

что открыло еще более ужасные перспективы. «Все что угодно, только не война!» Но разве трудно было предположить, что перед лицом такой угрозы, которую представлял собой Гитлер, международное еврейство не приложит сил, чтобы вызвать всеобщую мобилизацию? А значит, бей евреев! Именно так, наряду с другими вещами можно понять переход общественного мнения к антисемитизму Селина после 1933 года. Разумеется, Селин использовал все возможности, чтобы позорить евреев с помощью как классических аргументов—«как только они убеждаются в том, что они господствуют над вами до последних капель крови, то они превращаются в деспотов, самых худших и высокомерных нахалов, которых когда-либо знала история»,—так и самых современных—«наши жидаы счастливы после того, как Фрейд, их Будда, дал им ключи от души». Но свой самый большой ужас ветеран войны и соперник Ваше де Лапужа выразил следующими словами:

«Теперь, когда мы находимся в крайней расовой, биологической опасности, в полной анар-

хии, в разрастающейся мерзкой раковой опухоли и загнивании, все, что осталось, все, что уцелело от французского населения, должно быть для каждого истинного французского патриота бесконечно драгоценным, неприкосновенным, священным. Только результат имеет значение. К черту все остальное! Государственные интересы! Самые тайные, самые коварные, наименее достойные, наименее лестные, но которые избавят нас от новой войны. Ничто не имеет цены, когда необходимо продолжать жить, продержаться. Избежать войны любой ценой. Война для нас, таких, как мы есть, это конец музыки, это окончательная гильотина в еврейском хранилище для трупов.

Такое же упорство в противостоянии войне, какое используют евреи, чтобы ввергнуть нас туда. Евреи вдохновлены жестоким талмудическим единодушным упорством, дьявольски последовательным духом, а мы противопоставляем им лишь разрозненные вопли. Мы пойдем на еврейскую войну. Мы годимся лишь на то, чтобы умереть... »

Безумный стиль служит здесь выражением страхов, которыми нельзя было пренебрегать, и не нужно было быть антисемитом, чтобы разделять их. Но каково стечение обстоятельств для вербовки кадров! Стечение обстоятельств, при котором «антисемит легко может представлять интересы всего мира». Если я иду воевать с Гитлером, я работаю на евреев; если я договариваюсь с ним, я изменяю их делу; в любом случае я их выделяю:

«Евреи, определяемые таким образом, раньше или позже реагируют как евреи, и возобновляют свои связи, даже если это против их собственной воли (. . .) Подобный альянс, пересекающий все границы, сеет недоверие, которое становится «арийским» в силу контраста, и вновь изолирует евреев; таков гитлеровский порочный круг» (См. L. Poliakov, «De l'Anittisionisme a l'Antisimitisme», Paris, 1969, p. 57.).

За пределами этих психоисторических взаимосвязей у буржуазии, богачей были другие мотивации, другие страхи, о которых мы теперь поговорим. Как писал Франсуа Мориак незадолго

до смерти, «сегодняшнее поколение не сумеет постичь, что воплощали Советская Россия этих лет и мадридский «Народный фронт» для французской буржуазии».

В подобных условиях быстро заполнялся разрыв между воображаемым и реальным. «Разнородность», которую мы обсуждали выше, подошла к концу. Антиеврейская агитация вышла на улицы; антисемитские митинги происходили в ответ на антигитлеровские митинги. Французское общество во второй раз оставило свою сдержанность и, особенно когда начала литься кровь за Пиренеями, забыло все условности, касающиеся евреев.

И тогда «La Croix», которая в 1927 году отреклась от антисемитизма, предложила простую трактовку войны в Испании:

«У испанцев было все необходимое для счастья. Купающиеся в лазури, не имеющие особых проблем, они могли мечтать под солнцем, жить своим трудом, кормиться на своей земле и играть на мандолине. . .

Однажды из Москвы прибыли шестьдесят ев-

реев. Им было поручено доказать этому народу, что он очень несчастен: «Если бы вы знали, насколько у нас лучше». И вот этот народ рыцарей со связанными руками и ногами оказывается в рабстве у далекой России, которая не имеет ничего общего с ним. . . »

И тогда еженедельник «Je suis partout» («Я везде»), который в 1930-1935 годах соблюдал рамки приличия, превращается практически в «Le Juif partout» («Евреи везде»), публикует два специальных номера, посвященных евреям, которые пришлось переиздать, цитирует Селина— «Мы его пересказываем, мы его декламируем, мы сделали из него нашего нового Баруха»; он также назвал Жака Маритена «осквернителем расы» и даже нашел некоторые достоинства у Сталина эпохи больших чисток: «Для этого человека из грубого и примитивного народа родина имеет смысл, которого она никогда не могла бы иметь для людей вроде Троцкого, Радека и Ягоды».

И тогда министр иностранных дел Жорж Бонне предвосхитил расовую дискриминацию,

нанеся оскорбление своим еврейским коллегам Жоржу Манделю и Жану Зэю, чтобы оказать больше почестей Иоахиму фон Риббентропу. Таким образом было обозначено самоубийство Третьей республики; наконец, его коллега, больше известный как один из столпов французской литературы, потребовал учреждения министерства расы. Здесь имеется в виду Жан Жироду, представивший следующие соображения:

«[Иностранные евреи] приносят с собой туда, где они появляются, подпольную деятельность, взяточничество, коррупцию и становятся постоянной угрозой для духа ясности, чистосердечия, совершенства, которые присущи французским ремесленникам. Это орда, стремящаяся к тому, чтобы быть лишеной национальных прав и не считаться ни с какими изгнаниями. Их физическое строение, слабое и ненормальное, приводит их тысячами в больницы, переполненные ими. . . »

Как видите, обязательные биологические аргументы не были забыты.

УСИЛЕНИЕ ОПАСНОСТИ

Советский Союз

Говоря о пропаганде юдофобии в России накануне Октябрьской революции, я отмечал признаки массового присоединения черносотенных антисемитов к большевистскому лагерю. Этот феномен не остался незамеченным некоторыми иностранными обозревателями. Один из них, лейтенант Пьер Паскаль, симпатизировавший революции, записал 26 июля: "Союз ленинистов и "черных банд" укрепляется... Лозунг дня— народ хочет прекратить войну, которая по душе только союзникам и выгодна инородцам, а не русским". Другая запись датирована 3 сентября: "Результаты выборов в местные советы— неожиданный успех большевиков. Явилось ли это следствием влияния "Новой жизни", хорошей и весьма популярной газеты Горького? Или это были маневры правых, политика по принципу: чем хуже, тем лучше (на последних выборах весь Пажеский корпус голосовал за большевиков)?"

Но по мере того, как режим Ленина и Троцкого становился тоталитарным, а антисемитская пропаганда—контрреволюционным преступлением, наши источники информации сокращаются.

Тем не менее их остается достаточно для того, чтобы проследить губительные последствия юдофобии в России, охваченной огнем и залитой кровью.

Так, искусство Исаака Бабеля рисует в "Конармии" безжалостную, слегка прикрытую своеобразным черным юмором панораму чувств народных масс и красноармейцев. Следует отметить, что действие книги разворачивается на Украине и в Польше, но все упоминаемые ниже персонажи русские. Простая женщина, пытающаяся провезти контрабандой соль и задержанная солдатом Балмашевым, упрекает его: "Вы за Расею не думаете, вы жидов спасаете, Ленина и Троцкого" ("Соль"), (Не следует особенно удивляться тому, что в более поздних советских изданиях этого рассказа имена Ленина и Троцкого были изъяты, так что реплика спекулянтки кончается словами "вы жидов спасаете...")

Упомянутый выше солдат Балмашев сообщает военному следователю о предательстве районного начальника Бойдермана и доктора Явейна, "евреев по национальности", виновных в том,

что они приказали забрать оружие у раненых в госпитале местечка Козин ("Измена"). Солдат Курдюков точно также разоблачает евреев Майкопа, которые, ссылаясь на приказ Троцкого, попытались помешать линчеванию на месте "белого" военнопленного: "И что же мы увидели в городе Майкопе? Мы увидели, что тыл никак не сочувствует фронту и в нем повсюду измена и полно жидов, как при старом режиме" ("Письмо").

Но особенно сильное впечатление оставляет апокалипсический мужик с ружьем в "Замостье":

"И в тишине я услышал отдаленное дуновение сгона. Дым потаенного убийства бродил вокруг нас.

— Бьют кого-то,—сказал я.—Кого это бьют?

— Поляк тревожится,—ответил мне мужик,—поляк жидов режет. . .

Мужик переложил ружье из правой руки в левую, Борода его свер-

ну

лась совсем набок, он посмотрел на
меня с любовью и сказал:

— Длинные эти ночи в цепу, конца
этим ночам нет. И вот прихо-
дит

человеку охота поговорить с другим
человеком, а где его возьмешь,
другого человека-то?

Мужик заставил меня прикурить от
его огонька.

— Жид всякому виноват,—сказал он,—
и нашему и вашему. Их после

войны самое малое количество оста-
нется. Сколько в свете жидов
счи

тается?

— Десяток миллионов,—ответил я и
стал взнуздывать коня.

— Их двести тысяч останется,—
вскричал мужик и тронул меня
за

руку, боясь, что я уйду. Но я взобрался на седло и поскакал к тому

месту, где был штаб".

В "Гедали" Бабель даже заставляет этого старого талмудиста присудить ничью при сравнении революции и контрреволюции. Гедали рассуждает следующим образом:

"Революция—это хорошее дело хороших людей. Но хорошие люди не убивают. Значит, революцию делают злые люди. Но поляки тоже злые люди. Кто же скажет Гедати, где революция и где контрреволюция?"

В рассказах Бабеля только евреи—бойцы и командиры—оказываются способными привлечь к себе симпатию русских, как, например, умирающий командир Илья, который хранит в своем сундучке портрет Маймонида рядом с портретом Ленина ("Сын раб-би"), или безымянный щедушный талмудист—"мужицкий атаман, выбранный ими и любимый" ("Афонька Бида").

При обращении к другим источникам можно найти в труде по истории православной церкви,

что на Соборе, состоявшемся в январе 1918 года в Москве, архимандрит Востоков безнаказанно заявил под аплодисменты присутствующих: "Мы свергли царя, чтобы оказаться в рабстве у жидов". В противоположном лагере можно было прочитать в газете, выходившей на языке идиш, как в 1919 году некий ходок сказал М. И. Калинин: "Только когда в рядах большевистской партии не останется жидов, мы все станем сторонниками советской власти". Следует также обратиться к журналу, издававшемуся в Париже евреями, эмигрировавшими из России, чтобы не без некоторого удивления констатировать, что подобные взгляды можно было свободно выражать в Москве 1921-1922 годов. Знаменитая русская марксистка Екатерина Кускова, которая была выслана Лениным из Советской России, обсуждала на страницах этого журнала проблему "новых" антисемитов под заголовком "Кто они и что делать?" Она рассказывала о своих недавних российских впечатлениях:

"... говорит учительница: "Поймите же, дети меня ненавидят, они громко кричат, что я препо-

даю в еврейской школе. Почему еврейской? Потому что запрещено преподавать закон Божий, и из школы изгнали попа. Но разве я в этом виновата? Разве распоряжение приходят не из Комиссариата по образованию?—Там все евреи, и это они вас назначили!" Гимназисты и гимназистки. "Радикального" происхождения. Учебный кружок О чем идет разговор? О еврейском господстве. В общем, молодежь настроена более антисемитски, чем старшее поколение. В школах часто происходят стычки с учениками-евреями. Я уже не говорю о тех взрослых, которые повторяют на каждом шагу: "Хватит! Довольно! Они уже хорошо показали, что из себя представляют, они достаточно нас мучили!"

Далее Кускова цитировала отрывок из циркуляра новых властей, целью которого было объяснение неизбежности большого количества чиновников-евреев по причине колебаний большинства русской интеллигенции: "Если это кому-то не нравится, то следует "излечить" их от этого неудовольствия". В заключение она пишет:

"Итак, на вопрос, кто они, эти антисемиты?—

я отвечаю: "Речь идет о широких слоях населения, включая образованных интеллигентов, в том числе даже и некоторых интеллигентных евреев... Это стало эндемичным злом Советской России..."

Во что превратились и как стали действовать в подобной ситуации черносотенные отряды, которые, как мы видели, весной 1917 года присоединялись к партии большевиков с оружием и всем своим интеллектуальным багажом. И в наши дни они опираются на весьма

разнородные традиции, публикуют полуподпольные самиздатовские журналы и порой провозглашают самый примитивный расизм, доходящий до прославления Гитлера. Но эти "воскрешения", разумеется, не имеют ничего общего с "примкнувшими" в 1917-1920 годах. Я искал следы этих протофашистов, но до сих пор не достиг здесь большого успеха, поскольку источники стали весьма труднодоступными;

я имею в виду сотни книг и брошюр, посвященных в 1918-1931 годах коммунистическим режимом борьбе с антисемитизмом. За обилием

брошюр 1917-1921 годов, содержавших работы и страстные призывы Ленина, последовала, начиная с 1926 года, волна более специализированных изданий, чаще всего адресованных кадровым сотрудникам и "агитаторам", которые должны были просвещать народные массы. В одной из этих книг "Антисемитизм и антисемиты, вопросы и ответы" Г. Ледатта, опубликованной тиражом 50000 экземпляров в 1929 году, уже тогда была заметна сталинская фразеология; различные категории распространителей [антисемитизма] характеризуются в ней следующим образом:

"В настоящее время мы констатируем новую волну антисемитизма в нашей стране. . . Микробы антисемитизма проникли даже в некоторые отсталые или разложившиеся звенья партии и комсомола. . . Рост антисемитизма прямо связан с усилением классовой борьбы в нашей стране. . . Капиталистические элементы теряют свои позиции в экономике одну за другой. Но у них еще осталось много сил и влияния, особенно на промежуточные слои"*.

Далее

Ледатт разоблачал "лишенцев"—советских граждан, лишенных избирательных прав, каковых насчитывалось около трех миллионов. Больше всего он критиковал мелких торговцев, священнослужителей (их было около трехсот пятидесяти тысяч человек) и других "бывших": "На одном заводе в Гомеле на процессе против антисемитов выяснилось, что среди них нашли себе прибежище бывшие агенты полиции и жандармерии и даже монахи. Эти элементы подчинили своему влиянию группу отсталых рабочих. . . " В Ленинграде князья и полковники сумели просочиться не только на заводы, но и в секретариат партии. И так далее. Но самое интересное место этого катехизиса анти-антисемитизма находится в конце книги под заголовком: "Правда ли, что евреи правят Советским Союзом?" Раньше под подобным лозунгом можно было прочесть, что "все коммунисты были евреями". Но когда число членов партии превысило полтора миллионов человек, "ограничиваются утверждением, что их там более половины". Этому Ледатт противопоставлял данные, недавно опубликованные Орджони-

кидзе: 11 евреев из 104 членов Центрального комитета, двенадцать процентов евреев от общего числа чиновников в Москве, девять процентов—в Ленинграде и т. д.

Проблема заключалась в возникновении впечатления, будто этих евреев в каком-то смысле вдвое, втрое или даже больше. Здесь уместно сказать несколько слов, чтобы описать великую метаморфозу русского еврейства. В новой экономической жизни древние профессии торговцев и посредников перестали существовать, так что проблема заработать на жизнь встала самое меньшее перед десятками тысяч отцов семей. Что касается культуры, то деиудаизация ускори-лась до такой степени, что в 1926 году М. И. Калинин призывал евреев "сохранять свою национальность"; на противоположном крыле за возвращение к истокам в двух "древнееврейских" формах—религии или сионизма—велась все более усиливавшаяся борьба, к тому же она разворачивалась на политической сцене. Речь здесь шла не только о продолжении при новом режиме старого внутриеврей-ского конфликта между

"бундизмом" и "сионизмом", но также о страхе, что британский империализм получит дополнительные войска на своем плацдарме в Палестине.

Другой аспект культурно-политической проблемы отражает стремление к справедливости по отношению к "еврейской национальности" в той же мере, как и ко всем остальным—отсюда усилия по развитию языка и литературы идиш, создание еврейских школ и судов, выделение "еврейской территории": сельскохозяйственные колонии в Крыму или автономный район Биробиджана на Дальнем Востоке.

Географическое перемещение, запланированное таким образом, в гораздо более широких масштабах происходило спонтанно: сотни тысяч евреев переезжали в поисках средств существования на собственно русские земли, прежде всего в обе столицы. Так, в 1926 году в Москве насчитывалось более 150 000 евреев, в пять раз больше, чем в большевистской партии по всему СССР! Каким образом они зарабатывали себе на жизнь? Статистические данные свидетельствуют, что около половины глав семей нашли

работу в административ-ных системах советско-го государства (трудно представить, что еще они могли бы делать). Именно они составляли те двенадцать процентов, о которых говорил Орджоникидзе. Когда речь заходит о евреях, то относительное легко становится абсолютным; в подобной ситуации для миллионов русских это становилось очевидным доказательством власти "сионских мудрецов", которая воплощалась, особенно после смерти Ленина, Троцким в Москве и Зиновьевым в Ленинграде. Еврейское царство, предсказанное Достоевским и многими другими, наконец, наступило, именно таким, каким его описывал Шульгин в Париже, а миллионы немцев по-своему пережили его при Веймарской "еврейской республике" ("Judenrepublik"), о чем речь пойдет ниже.

Будет ли большой ошибкой предположение, что при подобных обстоятельствах, в годы усиленной индустриализации и коллективизации, антиеврейские настроения и взгляды должны были казаться новому¹ "homo sovieticus" почти такими же опасными, как и так называемая контр-

революционная деятельность? Западные специалисты указывали на симптомы новой русской юдофобии: оскорбления, притеснения, публичные "показательные" процессы, например, тридцать восемь судебных дел по поводу антисемитизма в Москве в январе-сентябре 1928 года. Можно также отметить скандальные происшествия, описанные Ледаттом и другими советскими авторами, особенно в школах, где еврейских детей мучили и даже распинали, чтобы разыграть драму Голгофы наоборот, Насколько мы ошибемся, если скажем, что речь идет лишь о видимой вершине айсберга, что, напротив, кипение антисемитских страстей еще больше усиливалось, потому что оставалось преимущественно подавляемым и скрытым? Наконец, могло ли быть, что перевернутые наоборот оскорбления и притеснения, скорбь русских школьников, для которых Христос оставался истинным Спасителем, те, о ком думал Солженицын в романе "В круге первом", выражали иную, дополнительную истину? В любом случае, имея в виду новый феномен притока евреев во внутренние регионы Рос-

сии, можно с уверенностью прийти к заключению об углублении взаимного ощущения несхожести, о распространении противопоставления "вы" и "мы" параллельно с процессом деиудайзации и частично вслед за ним, т.е. об этом очевидном парадоксе, многочисленные примеры которого дает история еврейской эмансипации.

Есть ли необходимость добавлять, что мало столь трудных для изучения проблем, как чувства молчаливого большинства, особенно когда оно становится большинством с завязанным ртом? Эволюция отношений среди правящих кругов прослеживается гораздо легче. Резкое и почти полное исчезновение в 1931 году просветительской проеврейской литературы совпало с полным наступлением сталинской эры: в том же году диктатор на десять лет обозначил паузу, провозгласив, что антисемитизм—это пережиток каннибализма. Затем на фоне трагедий и хладнокровных убийств тридцатых годов большие чистки имели свою, не вполне ясную долю антисемитизма, предшествующего расистской паранойе или, по свидетельству его дочери, "ни с чем не

сопоставимому отвращению" стареющего Сталина, в то время как запуганные и порабощенные народные массы молчали как прежде.

Летом 1941 года германское нашествие позволило им, наконец, в полный голос назвать козла отпущения: оставшиеся в живых согласны с тем, что с первыми отступлениями и эвакуациями языки развязались, и антисемитизм начал проявляться откровенно и беспрепятственно. Мы не станем здесь пытаться объяснить скрытые механизмы освобождения или компенсации; выслушаем лучше свидетеля, эмансипированного на сто процентов,—сына полковника Красной Армии:

"Мой отец был направлен в военную академию в Москву. Как раз когда он закончил учебу, началась война, и он уехал на фронт, в то время как наша семья отправилась в эвакуацию. Начался новый этап нашей жизни.

Именно во время войны на Урале я впервые от мальчишек на улице услышал слово "жид". Мои товарищи по играм спросили меня: "Ты жид?" Я сразу же ответил отрицательно, пото-

му что, во-первых, я не знал, что это значило, а во-вторых, сам тон вопроса означал, что речь шла о чем-то плохом. . .

Я вспоминаю, как в Ташкенте, который для антисемитов стал означать место, где "евреи окопались в тылу во время войны", у нас был сосед—офицер НКВД, у которого прятался его брат-дезертир. Боясь выходить на улицу, он проводил время с нами, детьми, рисуя карандашом порнографические картинки и рассказывая неприличные истории. Спокойно, уверенно и с удовольствием он объяснял нам, почему евреи плохие: они ленивые и трусливые, они не хотят ни работать, ни воевать, они устраиваются на выгодные места и воруют все, что можно. Я просто не мог ему сказать, что моя мать работает с утра до вечера, что мой отец на фронте с первого дня войны, и что мы живем в большой нужде, тогда как он бездельничает в глубоком тылу, не испытывая никаких лишений благодаря специальным пайкам НКВД. Но в один прекрасный день его беззаботное существование внезапно изменилось, когда мой отец, раненный на передовой, приехал к

нам, чтобы пройти курс лечения в ташкентском госпитале. Какая метаморфоза!—бедный дезертир не покидал больше своей комнаты, он как мышь проскальзывал в общую туалетную комнату, а когда встречался с нами, то лебезил и пресмыкался. Но потом он сумел отомстить. Когда мой отец вернулся на фронт, он украл американские консервы, которые отец нам оставил, а когда моя бабушка обвинила его в этом, он показал ей топор: "Заткнись, жидовская морда, а то я тебя убью!"

Вот так между этим дезертиром и Сталиным Советский Союз продвигался по пути, ведущему к охоте на еврейских ведьм в рамках мистико-полицейского восприятия мира, возведенного в энную степень.

Германия

Эрих Мария Ремарк, знаменитый автор романа "На Западном фронте без перемен", воплотил свои пацифистские взгляды в сценах конфликта между капитаном Геелем и санитаром Максом Вайлем в "Возвращении". Геель был героическим воином, солдаты любили его; в 1919 году он поступает на службу новой власти, чтобы поддерживать порядок; в конце этой истории во время демонстрации он убивает, по сути дела не желая этого и даже не подозревая об этом, революционера-еврея, которого он всегда презирал. Вначале, когда в ноябре 1918 года немецкая армия встает на путь "возвращения", Геель и Вайль оказываются лицом к лицу:

"Геель обошел наш отряд и пожал руку каждому из нас. Когда он подошел к Вайлю, то сказал ему: "Вот и наступает ваше время, Вайль. . ."

— Оно будет не таким кровавым,—спокойно ответил Макс.

— И не таким героическим,—возразил Геель

— Это совсем не самое высшее, что бывает в жизни,—сказал Вайль.

— Но самое лучшее, что в ней есть,—ответил

Геель.—Или есть что-то
еще?

Вайль помолчал одну минуту. Потом он сказал: "Это дурно звучит сегодня. Господин капитан, есть доброта и любовь. В них тоже есть героизм".

— Нет,—немедленно ответил Геель, как если бы он давно об этом думал.—В этом только мученичество (...)

Он говорил со страстью, как будто хотел убедить самого себя. За несколько дней он стал желчным и постарел на несколько лет. Но и Вайль изменился очень быстро. Он всегда держался в стороне, и никто не знал, что у него на уме. Теперь он внезапно выдвинулся на первый план и стал проявлять все больше решительности. Никто бы не подумал, что он может рассуждать таким образом. Чем больше нервничал Геель, тем спокойней становился Макс, Тихим и строгим голосом он сказал: "Нищета миллионов людей—это слишком высокая плата за героизм немногих".

Разумеется, это—лубочные картинки, но до-

вольно точно отражающие многие аспекты немецких реалий последних недель 1918 года. Прежде всего я имею в виду описания эфемерных солдатских комитетов, естественных мест для людей, подобных Максу Вай-лю, из-за их антимилитаристских убеждений или издевательств таких, как Геель; затем—описание тех кругов, на долю которых выпала ответственность за принятие крупных политических решений после бегства Вильгельма II, когда начались восстания моряков, в армии усиливалось разложение, а бессильные органы государства и верховного командования стремились лишь к передаче власти тем, кто хотел ее, взяв на себя сохранение общественного порядка.

Как удачно сформулировал современный историк Гельмут Гей-бер, "партиям недоставало стремления к власти". Социал-демократия также была пропитана прусской ментальностью верноподданства (*Untertanenmentalitat*). В это время время оппозиционно настроенные евреи, относящиеся к буржуазии, такие как Пауль Кассирер, Гуго Гаазе, Лео Кестенберг, Отто Ландсберг и

многие другие с уже давно забытыми именами, бросились в образовавшийся пролом и выступили в качестве спасителей немецкого имущества, вызывая лютую злобу у господствующих слоев, которые, освободившись от своих страхов, смогли в начале 1919 года вновь взять в свои руки бразды правления в политической и экономической областях, восстановить свои университетские цитадели, объясняя по мере необходимости свое временное исчезновение со сцены тезисом о еврейском заговоре.

В этой связи другой немецкий историк Вернер Киниц убедительно показывает контраст между этими неделями хаоса, когда по его осторожному выражению "число евреев-политиков, появившихся в высших государственных сферах, казалось чрезмерным", и четырнадцатью годами собственно Веймарской республики, когда они почти все исчезли с поверхности, по крайней мере в публичной парламентской и правительственной деятельности. Среди трехсот восьмидесяти семи человек, последовательно занимавших министерские посты в республике, в которой меж-

ду 1919 и 1933 годами сменилось девятнадцать правительств, было за все это время лишь пять министров еврейского происхождения! Атмосфера периода поражения в войне хорошо передана в дневнике графа Гарри Кессле-ра, "красного аристократа", крупного землевладельца, для которого не существовали проблемы расового или классового происхождения. 20 и 21 ноября 1918 года он отмечал:

"Есть ощущение, что дело не в людях, а в системе, не знавшей иных средств, кроме прямого насилия, и рухнувшей в тот момент, когда она лишилась этих средств (. . .) Коротко говоря, война была колоссальной спекуляцией, крах которой повлек все остальное; это самая большая катастрофа всех времен".

Агентами по распродаже имущества, оставшегося в результате крушения империи, стали евреи. Мы уже говорили, что генералы и промышленники хотели, чтобы с предложением о капитуляции выступил Баллин, который предпочел покончить жизнь самоубийством. Как сообщает граф Кесслер, в Берлине в эти смутные дни наде-

ялись, что удастся вновь завязать прежние связи между французскими и немецкими социалистами: сначала думали о кандидатуре Гуго Гаазе, убитого в октябре 1919 года, затем остановились на эльзасце Рене Шикеле и на Пауле Кассирере, которые и отправились в Швейцарию. . . (Как известно, Кассирер совершил самоубийство в 1926 году.)

Не имелось ли здесь в виду, что все евреи "выступают заодно", и не следует ли видеть в этом проявление франко-английского вымысла об иудео-пангерманском реваншистском заговоре? Немецкие евреи различной ориентации действительно имели некоторые претензии, которые хотя и были вполне достойными, тем не менее могли послужить предлогом для подобных обвинений—об этом социалист Эдуард Бернштейн писал в 1914 году, а сионист Наум Гольдман повторил в феврале 1919 года; речь идет о претензиях евреев на роль лучших посредников доброй воли между народами.

Добавим к этому некоторые действия провокационного характера—в жанре художника-

дадаиста Герцфельде, "топтавшего в грязи все, что было дорого немецким сердцам", или памфлетиста Курта Тухольского, бывшего фронтовика, сатира которого была направлена против ветеранов войны, и особенно вторую волну, а именно евреев, возглавивших революцию в Баварии, таких как Аксельрод, Эйсер, Ландауэр, Левине, Мюзам, Толлер. Это были точные копии Макса Вайля; всех их убили как революционеров и оклеветали как евреев. Клевета расплзлась в общеевропейском масштабе; например, вот как описывали ключевую фигуру—мюнхенского фельетониста Курта Эйснера в "Le Temps": "Маленький, хрупкий старик, Шейлок в потертом рединготе... галицийский еврей... с головой, покрытой засаленной ермолкой". Войска Носке и Гренера подавили революцию 1 мая 1919 года, и Мюнхен естественно превратился в столицу реакции, где могли свободно развернуться сначала Людендорф, а затем Гитлер.

Можно также вспомнить об историческом столкновении между депутатом-социалистом Оскаром Коном и маршалом Паулем фон Гинден-

бургом 18 ноября 1919 года, когда маршал буквально извлек на свет легенду об ударе ножом в спину (непобедимой армии) [Dolchstoßlegende]; эту легенду с большим шумом соединили с мифом о "еврейской республике" [Judenrepublik].

Отметим, что в противоположность подпольному советскому антисемитизму, выражавшему глухой протест масс, в Германии он отныне внушался сверху и включался в систему ценностей, гарантами которой выступали армия и университеты. Но в этих условиях картина, изображающая евреев, свергающих монархии, издаваемых над святыней армии, усевшихся в кресло Бисмарка, что было сделано Гуго Гаазе, естественным образом отходит на второй план. Основным оказывается решение пангерманистов и генералов возложить на Израиль ответственность за все беды Германии. Мы видели как эта тенденция созревала и стала воплощаться в жизнь с лета 1918 года. Их методы проведения этих кампаний можно квалифицировать как шедевр немецкой организованности.

Прежде всего беспрецедентным феноменом

в анналах антиеврейской агитации стала патриотическая координация деятельности в этой области всех партии, объединений и группировок. Созванный в феврале 1919 года в Бамберге "Антиреволюционный конвент" завершился основанием "Deutschvolkischer Schutz-und Trutzbund" ("Союз немецкого народа для обороны и наступления". (Прим. ред.)) (как это перевести? ... может быть, просто "Лига") для ведения борьбы на главном фронте. В течение последующих месяцев эта Лига послужила ядром для "Общества союзов расовых немцев" ("Gemeinschaft deutschvolkischer Bunde"), которые отныне стали вести согласованную деятельность, чтобы открыть глаза народным массам. Можно привести некоторые цифры: в 1920 году "Общество" насчитывало около трехсот тысяч активных членов, оно распространило 7,6 миллиона брошюр, 4,7 миллиона проспектов, 7,8 миллиона карикатур и иллюстраций. Благодаря этому обществу, а также независимой спонтанной деятельности энтузиастов огромное количество литературы было посвящено ознакомлению нем-

цев с еврейскими тайнами.

Интересно отметить, что первая публикация, вышедшая в марте 1919 года и рассматриваемая как "программное сочинение"—"Книга долгов Иуды", заставляла звучать садомазохистские струны благодаря описаниям приемов и уловок, с помощью которых евреям удается соблазнить или гипнотизировать арийских женщин. Эта тема "греха перед кровью" была подхвачена и развита в том же году самим патриархом Фричем лично под заголовком "Тайна еврейского успеха". Он подписал свой трактат псевдонимом; приводимая ниже цитата, вероятно, поможет понять причину:

"Молодая девушка из хорошей семьи, едва вышедшая из периода отрочества, выходит на улицу; некий еврей пристально смотрит на нее и что-то шепчет ей на ухо; она останавливается, замирает в нерешительности и не может оторвать свой взгляд от еврея. Немного позже она идет за ним в его лавку... Возникает вопрос: идет ли речь о тайном талмудическом искусстве? (...) Кто может разгадать эту загадку? Заклю-

чается ли она во взгляде (возможно, итальянцы называют это jettatura), или необыкновенный талмудический разум и опыт вызывают тайный отклик, какие-то тайные притягательные силы? Или необходимо учитывать энергию евреев... "

Безусловно, эта пропаганда была очень эффективной. (Добавим, что этот вид психологического насилия для простых людей, который был отрадой Юлиуса Штрейхера и Адольфа Гитлера, нашел своих сторонников и в Советском Союзе под покровительством военных кругов.) (В 1970 году "Воениздат" опубликовал в Москве большой роман Ивана Певцова "Любовь и ненависть", посвященный главным образом описанию приемов, с помощью которых евреи соблазняют русских женщин. В общем контексте советской литературной продукции этот роман следует квалифицировать как в высшей степени порнографический.) В 1919 году в Германии возникает и совершенно иная тема—тема еврейского каннибализма: в "образовательной" брошюре описывались сосиски, изготовленные из детского мяса, при этом ставка делалась на тяжелое поло-

жение народных масс, прежде всего на нехватку продовольствия. В самом деле, в дальнейшем пропаганда Третьего рейха воздерживалась от использования этой темы.

Разруха той эпохи получила также отражение и в пропаганде на высшем уровне, предназначенной для образованных кругов: парижские философы абсурда после второй мировой войны были знакомы с немецкими интеллектуалами "потерянного поколения" периода после первой мировой войны. Обратимся к сочинению Ганса Блюера, властителя умов молодежных движений, написавшего в 1912 году трактат об этих движениях "как об эротическом феномене". В данном случае имеется в виду его книга 1922 года с длинным названием "Secessio judaica. Философские основания исторического положения иудаизма и антисемитского движения", выдержанная в духе ученых университетских традиций. Вот что можно было прочитать в этом сочинении:

"Бесполезно и дальше "опровергать" "выдумку об ударе ножом в спину". Можно все опровергнуть и все оправдать. Но у каждого немца в

крови содержится знание, полученное опытным путем: прусский патриотизм и героизм неразрывно связаны, точно так же, как иудаизм и поражение. Каждый немец знает, что дух, который после нашего поражения заставляет презирать самих себя,—это еврейский дух. . . . Здесь никакие аргументы "за" и "против" ничего не могут изменить, даже если сто тысяч евреев отдали жизнь за родину. Немцы скоро поймут, что еврейский вопрос составляет ядро всех политических проблем. . . . "

Таков ответ на притчу из "Возвращения" Ремарка, Инверсия приобретает особую остроту, когда читаешь у Блюера, что в крайнем случае еврей может стать хорошим немцем, но никогда—просто немцем, и при этом думаешь о широко известной формуле второй мировой войны о том, что "хорошие немцы" бывают только мертвыми. . . . Добавим к этому, что Блюер испытывал большое уважение к сионизму и философам Мартину Буберу и Густаву Лашауэру, и что "Secessio judaica" ("Отделение евреев") в его книге означало уже начавшееся изгнание евре-

ев народами, принявшими их, вопреки той любви, которую они к ним питали. Понятно, что этот идеолог германских фратрий хотел быть справедливым, и его предсказания грешили лишь неполнотой.

Можно гораздо больше сказать о многочисленных лютеранских пасторах, примкнувших к "Schutz-und Trutzbund", продолжавших заниматься германизацией христианства и провозглашавших, что "немецкая душа была изнасилована Ветхим Заветом" (пастор Андерсен из Фленсбурга), что "расистская мысль дает большую надежду" (пастор Йонсен из Берлина), или новая транслитерация слова Христос: вместо "Christ"—"Krist" (анонимная статья в "Der Hammer"). Но в данном случае я не имею возможности должным образом характеризовать этот неогностицизм, прикрываемый патриотизмом, это очень большой вопрос, который, по моему мнению, составляет суть немецкой проблемы первой половины XX века, о чем я уже писал в других своих книгах. Я надеюсь вернуться к этому еще раз.

Все эти германские противоречия догитле-

ровской эпохи я хотел бы проиллюстрировать ссылкой на неразрешимую проблему немецкого терроризма, который (за пятьдесят лет до "банды Баадер"...) мог быть лишь нигилистическим, как это показывают "Отщепенцы" Эрнста фон Заломона; всякий, кто внимательно читал эту знаменитую книгу, должен прийти к выводу, что автор и его товарищи Керн и Тешов убили Ратенау из-за чрезмерного восхищения им, точнее потому, что они стремились предотвратить исцеление Германии семитским врачом... Интеллектуалы говорили все больше вздора. Альберт Эйнштейн с иронией заметил, что "этот класс легче всего подпадает под воздействие роковых массовых внушений из-за того, что он не имеет привычки обращаться непосредственно к жизненному опыту, но быстро поддается полному влиянию печатного слова".

Каковы были результаты всей этой пропаганды? В плане непосредственных политических последствий одним из них было распространение гитлеровского влияния на всю Германию. В самом деле, как пишет Вернер Йохман, "почти

все отделения национал-социалистической партии, образованные за пределами Баварии до путча 1923 года, были основаны членами "Schutz-und Trutzbund".

Это, безусловно, было вполне логично, поскольку Гитлер дебютировал в политике летом 1919 года в качестве информатора майора Майра, офицера, которому было поручено очистить отвоеванную Баварию строго в духе "Schutz-und Trutzbund". Что касается воздействия антисемитской пропаганды на немецкий народ в целом, писатели говорят об этом а posteriori в выражениях столь же импрессионистских, сколь приблизительных. Свидетель Эрнст фон Заломон писал в 1951 году, что "все националистическое движение было антисемитским, хотя и в разной степени"; французский историк Пьер Сорлен говорил [об антисемитизме] "широких слоев населения" (1969); немецкий историк Вернер Йохман—"значительной части населения" (1971); Голо Манн (сын Томаса Манна)—о "многих миллионах" (1962). Однако не следует забывать, что были также и многие миллионы испытывавших от-

вращение к расовым мифам: почти весь рабочий класс, сотни тысяч берлинцев, шедших за гробом Ратенау.

С другой стороны, Голо Манн особо выделял первые годы Веймарской республики:

"Ужасный нравственный упадок и дикость под знаком поражения, всеобщая нищета и социальное деклассирование миллионов людей вследствие инфляции, все эти события, полностью выходявшие за пределы понимания обычного человека, обеспечили первый мощный отклик на призыв: "Евреи—наше несчастье!" "Я бы осмелился утверждать; никогда антисемитские страсти не кипели столь бурно, как в 1919-1923 гг. Они были более неистовыми, чем в 1930-1933 или в 1933-1945 годах".

Прочитируем также в этой связи замечательную диссертацию, защищенную в Париже в 1975 году Габриэль Микальски. В ней содержатся весьма многозначительные социологические данные: в 1922 году в Мюнхене пятьдесят один процент студентов происходил из "среднего пролетаризированного класса", а двадцать пять

процентов были детьми "отставников". Остается двадцать один процент принадлежащих к "верхнему среднему классу" и три процента детей рабочих. Но само собой разумеется, что эти весьма красноречивые цифры имеют лишь весьма отдаленную связь с грандиозным планом, который госпожа Микальски резюмирует следующим образом: "После первой мировой войны можно было наблюдать настоящие оргии антисемитизма, которые охватили также и университеты. Цель: подчинить молодежь политическим директивам правящего класса. Ненависть к евреям стала "долгом совести". Среди выразительных текстов, которые она в большом количестве цитирует в поддержку своей концепции, есть еще более лапидарный, принадлежащий перу профессора философии университета Грейфсвальда: "Антисемитизм составляет часть немецкого сознания".

Таким было за десять лет до Третьего рейха коллективное антисемитское сверхсознание, оставившее далеко позади интриги царской охранки или паранойю немецких милитаристов.

Однако все взаимосвязано: провокационная статья в "The Times" в мае 1920 года, без которой "Протоколы сионских мудрецов" остались бы клочком бумаги как в Германии, так и за ее пределами, политико-полицейское образование Гитлера, дополненное уроками германско-русских "балтов"; наконец, манихейство, или линейная причинная связь, характерная для полицейской концепции мира и мании преследования, которой страдали германоманы.

Если при Веймарской республике евреи в целом имели лишь психологические проблемы, то, как мы видели, они довольно быстро оказались вынужденными покинуть политическую авансцену. Кто же время две старых цитадели—армия и университеты—укрепили свою оборону. Итак, если в 1919 году молодые евреи не надеялись сохранить военную форму, они продолжали осаждать кафедры и другие места в университетах. Как сообщает Макс Вебер, это были безнадежные усилия; сразу после войны он писал о научных амбициях такого рода: "Если речь идет о евреях, то им говорят: "Оставьте всякие надеж-

ды". У этих студентов были и другие причины для отчаяния; процитируем сына Томаса Манна:

"Я обнаружил существование феномена анти-семитизма, когда был еще ребенком, из-за истории со студентом-евреем, после возвращения с войны исключенным из патриотической ассоциации, одним из основателей которой он был, и покончившим жизнь самоубийством в соседней комнате во время мемориального праздника".

Реваншистские страсти немецких студентов получали различное выражение. В Берлине их протесты и угрозы воспрепятствовали университетским властям организовать церемонию памяти Ратенау на следующий день после его убийства. Несколько месяцев спустя большинством в две трети они провозгласили, что немецкий республиканец не может быть лояльным немцем. В университетах Мюнхена (ноябрь 1921 года) и Лейпцига (сентябрь 1922 года) сходные приемы вынудили Альберта Эйнштейна отменить свои лекции о теории относительности. Обращает на себя внимание, как этот гений, свободный человек, как никто другой, в свою очередь поддал-

ся распространенным представлениям; он писал своему другу Макс Бору: "В конце концов, следует понимать антисемитизм как реальную вещь, которая опирается на подлинные наследственные качества, даже если это часто оказывается неприятным для нас, евреев". Он рекомендовал организацию сбора пожертвований, чтобы помочь еврейским ученым продолжать свои исследования вне университетов.

Со своей стороны Макс Борн ему описывал, как директор его института физики отклонил кандидатуру будущего третьего нобелевского лауреата, которого он хотел взять ассистентом: "Я очень ценю Отто Штерна, но его еврейский интеллект столь разрушителен!" Напомним, что в 1919 году "состояние знаний" в биологии не позволяло отбросить "на объективных основаниях" подобные суждения, чтобы научно разоблачить зарождающееся протестирование науки. Но вскоре физика, главная и ведущая наука, смогла представить для дискуссии объективные критерии оценки.

Эта история имеет далеко идущие послед-

ствия: в самом деле, впервые в новейшее время политическая группировка, претендующая на принадлежность к науке, попыталась узаконить свое понимание научной истины, к тому же через пятьдесят лет дискуссия персонифицировалась в двух лидирующих фигурах современной физики—Альберте Эйнштейне и Вернере Гейзенберге. Этот символизм еще больше усиливается тем обстоятельством, что если в моральном и гуманистическом отношении потомки скорее встали на сторону пацифиста и интернационалиста Эйнштейна, то общее мнение ученых склоняется в пользу примиренчества Гейзенберга, автора "принципа неопределенности". Таким образом, мы в последний раз в неожиданном ракурсе и, если можно так выразиться, на последнем рубеже сталкиваемся с теми проблемами причинности, являющимися фундаментальной основой всякого знания, в которых коренится антисемитизм в его неистовых чрезмерных формах; Альберт Эйнштейн смог трактовать эти проблемы с проникновением и точностью, непревзойденными и в наши дни.

По сути дела, в историческом плане речь идет о трехстороннем сражении. Лишь в самом начале, в Берлине 1920 года противостояли только два лагеря: с одной стороны, триумфатор относительности, поддержанный старой гвардией немецких физиков—Планком, фон Лауэ, Зоммерфельдом, с другой—Пауль Вейланд, темный аферист, располагающий значительными средствами, который сумел привлечь других видных ученых, в том числе нобелевских лауреатов Филиппа Ленарда и Йоханнеса Штарка, чтобы опровергнуть теорию относительности как "еврейский обман". Как пишет биограф Эйнштейна Рональд Кларк, "постоянный рост антисемитизма в период между двумя войнами по крайней мере частично был вызван той легкостью, с которой его сторонники могли сосредоточить свои нападки против Эйнштейна и "новой физики". Однако эта ученая полемика не особенно интересовала народные массы, к тому же даже среди старых членов партии, активистов с самого первого часа, лишь около трети были в глубине души антисемитами. Поэтому наступило время

молодых интеллектуалов, отдаленных потомков студентов-германоманов 1815-1848 годов, которые на этом весьма специфическом фронте выступали бойцов, готовых на все. В теоретическом плане кампания против теории относительности опиралась на "тройственную" эпистемологию, основным автором которой был Х. С. Чемберлен:

"Любое человеческое знание опирается на три фундаментальные формы—Время, Пространство, Причинность (...); короче говоря, образующая единство троичность окружает нас со всех сторон, составляет первичный феномен и отражается во всех деталях (...). Тот, кто механически объясняет эмпирическую действительность, воспринимаемую органами чувств, исповедует идеалистическую религию или не исповедует никакой религии... Евреи не создали ни одного вида механизма; от сотворения "из ничего" до мечты о мессианистическом будущем они видели только произвольность, сознательно предаваясь всемогущему абсолюту. Поэтому они никогда не могли ничего открыть".

В результате, с гордостью заключал Чемберлен, "мы приобрели сумму знаний и господство над природой, которых никогда не имела ни одна другая человеческая раса".

В 1933 году с приходом к власти нацистов борьба достигла апогея и стала действительно трехсторонней. Тогда оказалось, что против легких побед Ленарда, Штарка и других поборников "германской физики" выступил новый лагерь, пришедший им на смену, состоящий из молодых немецких физиков как и положено "арийского происхождения", сформировавшихся в смутные годы войны и Веймарской республики, патристически поддерживающих Гитлера, но склонных вести бой во имя более глубоко понимаемых интересов немецкой физики, короче говоря тех, для кого относительность являлась ребенком, которого следовало сохранить, а евреи—водой, которую можно выплеснуть.

Истинный хороший гражданин Третьего рейха Вернер Гейзенберг, ставший их главой, в 1937 году с трудом избежал концентрационного лагеря как "белый еврей". Здесь находится главный

путь к полному пониманию гитлеровского феномена: в государстве, правители которого распространили действие своих расовых законов до звезд, что угодно, вплоть до лагерей массового уничтожения, могло быть оправдано и осуществлено.

II. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Теперь следует говорить на простом и ясном языке. Весной 1933 года правительство Третьего рейха выпустило законы, не допускавшие евреев на общественные должности и в адвокатуру и ввело демагогические показательные меры, такие как день бойкота еврейских коммерсантов и публичные сожжения книг еврейских авторов. Но только летом 1935 года, когда Германия и иностранные государства, если так можно выразиться, привыкли к идее расистской дискриминации в центре Европы, а способность протестовать иссякла, Гитлер издал знаменитые "законы Нюрнберга", устанавливавшие новые расовые барьеры, запрещавшие под угрозой тюремного заключения как браки, так и "внебрачные связи" между евреями и "подданными немецкой крови". Это означало поставить евреев вне закона, придать законную силу сексуальным табу, которые Гитлер охотно затрагивал в своих речах и сочинениях:

"Молодой еврей с черными глазами и лицом, озаренным сатанинской радостью, часами выслеживает молодую девушку, не подозревающую об опасности, чтобы затем осквернить своей кро-

вью. . . " ("Моя борьба")

Однако при отсутствии малейших биологических критериев, позволяющих отличать "еврейскую кровь" от "немецкой крови", законники Третьего рейха были вынуждены исходить из религиозной принадлежности предков; в качестве "неарийцев" ("Nichtarier") рассматривались те, у кого среди бабушек и дедушек было по крайней мере два человека иудейской веры. В дальнейшем, другие законы запретили евреям сидеть на общественных скамейках, еврейским детям посещать общественные школы; были введены специальные удостоверения личности и предусмотрены обязательные имена Израиль для мужчин и Сара для женщин.

До начала военных действий нацистские руководители открыто признавали своей целью стремление очистить Германию от всех евреев, сделать ее "judenrein" ("очищенной от евреев"). В результате поток эмиграции постоянно возрастал, между 1933 и 1939 годами добрая половина из шестисот тысяч немецких евреев смогла обосноваться за границей, хотя так называемые

цивилизированные страны выдавали визы крайне неохотно.

Итак, в эту эпоху корабли стали бороздить моря, не имея возможности высадить на землю свой человеческий груз; стала широко известной одиссея корабля "Сент-Луис", который не смог высадить пассажиров ни на Кубе, ни в Соединенных Штатах.

В ноябре 1938 года власти Третьего рейха организовали знаменитую "хрустальную ночь" ("Хрустальная ночь" получила это название из-за многочисленных осколков, усыпавших улицы после разгрома магазинов. В качестве предлога для "хрустальной ночи" было использовано убийство еврейским подростком Гершелем Гриншпаном сотрудника немецкого посольства в Париже Эрнста фон Рата. В качестве дополнительной репрессивной меры нацистские власти наложили на общину немецких евреев штраф в миллиард марок. Кроме того они конфисковали в пользу германского государства всю сумму денег, выплаченных немецкими и иностранными страховыми компаниями еврейским собствен-

никам недвижимости, помещений и товаров, которые были разрушены и повреждены.)—взрыв контролируемой жестокости, когда разрушили и разграбили сотни магазинов, принадлежащих евреям, а десятки синагог были сожжены. В то же время более двадцати тысяч евреев были арестованы и интернированы в концентрационных лагерях. Так началась эра физического насилия. В гитлеровской перспективе это насилие давало дополнительную возможность приучить активистов и будущих бойцов к беспрекословному повиновению самым садистским и безумным приказам во имя любимого фюрера. К тому же на этом этапе ни немецкое население в целом, ни его крупные организованные части, такие как судейский корпус, армия и церкви не осмелились протестовать против этого развязывания организованной преступной деятельности.

30 января 1939 года, за несколько месяцев до начала военных действий, Гитлер лично объявил всему миру о той участи, которую он отвел всем европейским евреям:

"Сегодня наступил день, который, возможно,

останется в памяти не только немцев, и я хотел бы добавить следующее: в моей жизни, во время моей борьбы за власть я часто оказывался пророком, но меня часто высмеивали, прежде всего еврейский народ. Я думаю, что этот смех немецких евреев теперь застрянет у них в горле. Сегодня я снова буду пророком. Если международное еврейство сумеет в Европе или в других местах свергнуть народы в мировую войну, то ее результатом будет отнюдь не большевизация Европы и победа иудаизма, но уничтожение еврейской расы в Европе".

Семь месяцев спустя, непосредственно в день объявления войны. Гитлер распорядился о начале первого геноцида. Но чрезвычайно характерно, что сначала это делалось во имя улучшения высшей расы. Для Гитлера речь шла о "лишении жизни тех, кто ее недостоин", т.е. неизлечимых слабоумных и сумасшедших немцев. Для этих целей в Германии были организованы шесть так называемых учреждений для эвтаназии, в которые направлялись после общего обследования эти дефективные, которые в то же время были

лишними ртами. После нескольких проб приняли процедуру удушения окисью углерода. С осени 1939 года до августа 1941 года более ста тысяч душевнобольных были отправлены на смерть таким образом, так что они сыграли роль испытательного полигона для евреев, как мы сейчас это увидим.

"Программу эвтаназии" окружили тайной, насколько это было возможно: семьям посылали краткие извещения, в которых сообщалось о сердечных приступах или о каких-то других формах внезапной естественной смерти. Но смерти такого рода в психиатрических лечебницах были слишком частыми, и правда стала известной. Происходили инциденты во время эвакуации больных; стали собираться толпы, и священники не замедлили открыто выступить против подобной практики. Один пастор восклицал в циркулярном письме: "Где граница? Кто нормален, кто асоциален, как определить безнадежные случаи? Какова будет участь солдат, которые рискуют в боях за свою родину заболеть неизлечимыми болезнями? Некоторые из них уже задают себе эти

вопросы. . . "

Воздадим должное мужеству этого пастора, вскоре отправленного в концентрационный лагерь, а также многих других христианских оппонентов. При этом необходимо отметить, что евреи не нашли подобных защитников среди немецкого духовенства. Однако в сложившейся ситуации, учитывая чувства народа, Гитлер решил приостановить "программу эвтаназии" на время войны. Оказавшийся незанятым персонал был тогда направлен в Польшу, чтобы организовать там огромные лагеря смерти, предназначенные для евреев.

Охота на евреев в Польше

Глобальное и плановое уничтожение европейских евреев началось летом 1941 года, сразу после нападения на Россию, и мы увидим, как это происходило. Но до этого польские евреи, которых насчитывалось около трех миллионов, пережили два года мучений.

Сначала были приняты классические, так сказать, патентованные меры. Отрезать евреям бороды было распространенным развлечением. Считалось хорошим тоном после этого заставить жертву возить себя в повозке. Сколько немцев посылали своим родным фотографии, увековечившие эти подвига! Другое модное развлечение состояло в том, чтобы ворваться в еврейскую квартиру или дом и заставить молодых и старых раздеться и танцевать в обнимку голыми под звуки патефона, последующие изнасилования были факультативными по причине серьезного риска — наказания за "преступление против расы". Более уравновешенные умы соединяли полезное с приятным: ловили на улице евреек и заставляли своих жертв мыть места своего расквартирования (полезное) собственным нижним бельем (прият-

ное).

После завоевания и порабощения Польши по отношению к евреям была принята очень простая и радикальная мера в рамках расовой политики Третьего рейха: в городах и местечках все они были сконцентрированы в специальных кварталах или "гетто", иногда окруженных стеной, чтобы полностью изолировать их от местного христианского польского населения, которое также рассматривалось как "низшая раса", поскольку относилось к славянам. Более того, евреи были обязаны носить нарукавную повязку в качестве позорного опознавательного знака. Лишенное всех средств к существованию и обычных занятий население гетто было обречено на крайние муки голода и нищеты и казалось приговоренным к медленной смерти от болезней, вызванных истощением, пока Гитлер не принял решения ускорить этот процесс в лагерях немедленного уничтожения. Между прочим, в гетто было введено некоторое подобие самоуправления, а также система обязательного труда для мужчин в возрасте от шестнадцати до шестидесяти

лет. На практике еврейское население, значительная часть которого специализировалось в области шитья одежды и других видах ремесленной деятельности, использовалось в качестве почти бесплатной рабочей силы, которую по собственному произволу могли эксплуатировать военные поставщики и специалисты по военной экономике, так что даже стали говорить о "совершенно необходимых рабочих". Но когда наступил роковой час, то для специалистов СС по геноциду это не имело никакого значения.

Особое положение во Франции

В побежденных и оккупированных странах Запада события вначале приняли совсем другой оборот. (Я ограничусь здесь рассмотрением ситуации во Франции.) Забота о соблюдении "корректности", характерная для первых месяцев оккупации, препятствовала открытому проявлению жестокости и вообще любому антисемитскому эксгибиционизму. К тому же нацисты надеялись, что в конце концов Франция сама прозреет. В ожидании этого речь шла о том, чтобы "избегать в этой области негативной реакции французов против всего, исходящего из Германии", как писал капитан СС Лишка, направленный в Париж. Итак, было необходимо, чтобы антиеврейские меры выглядели вполне французскими. Это было вполне осуществимо, поскольку среди руководителей "Французского государства" маршала Петена господствовали настроения фашистского толка; значительная часть этих деятелей состояла из наследников или хранителей прошлых страстей противников Дрейфуса. Поэтому они по собственной инициативе приняли первые меры, которые к тому же оказались гораздо более жест-

кими по отношению к иностранным евреям, чем к французским. В этом смысле деятели Виши проявили себя ксенофобами, а не истинными расистами. С лета 1940 года десятки тысяч иностранных евреев были интернированы в лагерях Гур, Ривезальт, Ресебеду и др., где они были привлечены к принудительным работам в "трудовых отрядах", что же касалось французских евреев, то "статус евреев", принятый в октябре 1940 года, ограничивался введением запрета на службу в армии, на занятие выборных и государственных должностей и работу в прессе, причем в некоторых случаях допускались исключения. Эти противоречия в антисемитских проявлениях режима Виши хорошо видны на примере следующей короткой переписки:

"17 января 1941 г. Господин маршал Петен,

Я прочла в местной газете: "В соответствии с законом от 3 декабря 1940 г. г-н Пейрутон уволил (среди прочих) Каэна, начальника канцелярии префектуры Кот-д'Ор".

Прежде чем принимать это решение, г-н Пейрутон должен был бы навести справки; он бы

узнал, что аспирант (воинское звание.—Прим, ред.) Жак Каэн был убит 20 мая и похоронен в Абвиде. Он последовал славным традициям своих кузенов, погасших за Францию в 1914-1918 годах в возрасте 24 и 25 лет: один был альпийским стрелком, другой—офицером 7-го полка инженерных войск. Это наши единственные сыновья, и их останки должны содрогнуться от ужаса перед подобной несправедливостью. Примите и проч."

"Канцелярия маршала Петена Виши, 31 января 1941 г. Мадам,

Маршал прочел письмо, которое вы послали ему по поводу вашего племянника.

Его это тем более взволновало, что один из его сотрудников был вместе с г-ном Ж. Каэном 20 мая 1940 года за несколько часов до его гибели.

Маршал Петен обратится к г-ну Министру внутренних дел с просьбой пересмотреть меры, принятые в отношении вашего племянника. Примите мои самые почтительные уверения".

Из этой переписки ясно видно, что в это вре-

мя французский еврей мог даже стать полноценным французом—при условии, что он был мертв. . .

Первая фаза геноцида: уничтожение под открытым небом.

Как и в случае с душевнобольными, уничтожение евреев, называвшееся также "окончательным решением еврейского вопроса", было окружено тайной, которую организаторы всеми силами старались сделать непроницаемой. Прежде всего они использовали специальную терминологию с более или менее безобидными словами, такими как "окончательное решение" ("Endlösung") или "специальный режим" ("Sonderbehandlung"), еще лучше было использование глаголов, таких как "сделать неопасными", или "избавиться", или "позаботиться". Первый гитлеровский указ по поводу глобального уничтожения получил название "Приказ о комиссарах".

За несколько недель до нападения 21 июня 1941 года шеф СС Гиммлер, получивший необходимые полномочия от Гитлера, известил немецкий генеральный штаб, что война против ком-

мунистической России была войной нового типа, "чисто идеологической" войной, и на части СС была возложена задача по мере продвижения германской армии уничтожать всех политкомиссаров, всех коммунистических чиновников и всех евреев, в том числе и детей, поскольку "в противном случае, когда эти дети, чьи родители были убиты, вырастут, то они станут не менее опасными, чем их родители". Немедленно были сформированы четыре особые части, т.н. "Einsatzgruppen", численностью примерно от пятисот до восьмисот человек, которые прошли срочный курс обучения и идеологической подготовки.

Эти части были введены в действие с самого начала немецкого вторжения и обычно осуществляли следующую программу: в каждом оккупированном населенном пункте или районе проводилась расовая перепись и образовывался "еврейский совет". Через несколько дней или недель евреям сообщалось, что они должны переселиться на свою "автономную территорию", и их направляли, чаще всего пешком, в какой-нибудь ближайший изолированный лес или овраг, где рас-

стреливали на месте. Иногда, особенно на побережье Черного моря, эти "Einsatzgruppen" топили жертв в воде. Мы еще коснемся "передвижных газовых камер", но расстрелы, которым предшествовало раздевание жертв в целях обеспечения сбора одежды, были наиболее распространенным способом уничтожения. Самые массовые из них в местечке Бабий Яр под Киевом получили широкую известность в России. Некоторые сцены ужасающей жестокости были сняты кинолюбителями из числа эсэсовцев и простых солдат и таким образом сохранены для истории.

Потрясающая

характерная деталь этих убийств заключалась в том, что они рассматривались командованием СС как миссия, имеющая разрушительные и опасные последствия для здоровья убийц. В докладе от 31 июля 1941 года после перечисления трудностей первых недель войны—"но наши люди сумели преодолеть все тяжелые физические испытания"—говорилось следующее: "Необходимо особо отметить крайнее физическое напряжение, вызванное большим количеством ликвида-

ции". Применялось правило, по которому полагалось избегать формирования "специальных команд для расстрелов, т.е. не следовало использовать одних и тех же солдат на многих операциях". Чаще всего убийствам предшествовали попойки, и сохранилось следующее замечание непосредственного свидетеля: "Акция в Новогрудке осуществлялась под руководством офицера СС, который из идеалистических соображений проводил уничтожения, не прибегая к алкоголю".

Некоторые военачальники и даже отдельные видные деятели нацистской партии, возмущенные и потрясенные, выражали протест в письменном виде. Так, некий майор Ресслер наивно писал:

"Я не видел ничего подобного ни во время первой мировой войны, ни во время гражданской войны в России; я пережил много отвратительного, когда был в составе нерегулярных войск в 1919 году, но я никогда не видел ничего подобного. Я не могу понять, на основе каких юридических решений проводятся эти казни. Все, что здесь происходит, кажется мне абсолютно несов-

местимым с нашими взглядами на образование и с нашими обычаями; совершенно открыто, как на сцене, одни человеческие существа уничтожают других".

Более дипломатично выражался гаулейтер Лозе, один из старых товарищей Гитлера:

"То, что к евреям следует применять особые меры, не требует комментариев. Но кажется невероятным, чтобы события разворачивались таким образом, как это описывается в прилагаемом докладе. Что такое Катынь по сравнению с этим? ("Катынь": в начале 1941 года Сталин отдал приказ "ликвидировать" несколько тысяч польских офицеров, интернированных в сентябре 1939 года в катынском лагере после ввода советских войск в восточную Польшу. Во время своего наступления летом 1941 года немцы обнаружили захоронения и развернули широкую международную пропагандистскую кампанию о "советских зверствах".) Достаточно представить себе, что эти события станут известны нашим врагам и будут использованы ими соответствующим образом: подобная пропаганда может не иметь эф-

фекта только потому, что читатели и слушатели этому не поверят".

Необходимо уточнить, что протесты такого рода были достаточно редки. "Отводить глаза" тем или иным способом—таково было наиболее распространенное отношение, которое отражало многочисленные директивы и приказы военного командования на всех уровнях. Но очевидно, что открытые расстрелы не могли не получить огласку, прежде всего в самой Германии. "Передвижные газовые камеры", позволявшие более скрыто проводить казни, поскольку удушение жертв происходило внутри кузова грузовика, должным образом закамуфлированного, впервые появились на оккупированных русских землях весной 1942 года, т.е. когда четыре "Einsatzgruppen" уже выполнили основную часть их ужасной миссии. Новая технология использовала опыт, полученный в немецких учреждениях, занимавшихся эвтаназией, так что в качестве смертельного газа использовалась окись углерода, которая поступала в кузов грузовика или в прицепы по шлангу, подсоединенному к выхлопной трубе.

В конце концов эта попытка сохранить тайну не достигла желаемых результатов, как можно узнать из доклада лейтенанта СС Бе-кера, главного механика "передвижных газовых камер". Он жаловался в мае 1942 года по этому поводу:

"Как правило, газ используется неверно. Чтобы покончить с этим как можно быстрее, шофер жмет на акселератор до упора. При подобном подходе смерть людей вызывается удушением, а не постепенным усыплением, как было предусмотрено (. . .) Я приказал замаскировать грузовики группы D типа фургон, разместив с каждой стороны по два откидных щита, какие часто можно видеть на наших деревенских фермах. Эти автомобили стали столь хорошо известны, что не только власти, но и местное население называет их "грузовиками смерти", как только они где-нибудь появляются. По моему мнению, даже с помощью маскировки невозможно больше скрывать назначение этих автомобилей".

В приложении к нашей книге содержатся статистические данные относительно этих беспорядочных массовых казней, которые происходили

только на территории двух стран, России и Югославии, преданных огню и залитых кровью. За их пределами, в других оккупированных странах, как и в самом Третьем рейхе, нацисты взялись за дело иначе.

Механизм депортаций

Само собой разумеется, что с приходом Гитлера к власти в министерстве внутренних дел было образовано бюро по еврейским делам одновременно с печально знаменитым гестапо. В 1935 году полковник СС Адольф Эйхман был назначен руководителем этого бюро, известного как "бюро IV В 4". Со временем его функции расширялись: в 1938 году они распространились на Австрию и Чехословакию; в 1940-1941 годах значительная часть европейского континента превратилась в полигон для акций СС. Как только завершалась военная оккупация какой-либо страны, эмиссары Эйхмана, наделенные обширными полномочиями, организовывали там отделение бюро IV В 4; прежде всего они приступали к проведению переписи евреев с помощью всех немецких местных органов власти. Во многих странах, начиная с самой Германии, это не составляло проблемы, потому что там религиозная принадлежность указывалась в удостоверениях личности или в каких-либо регистрационных книгах, так что "расовая принадлежность", якобы семитская или арийская, в действительности отражала

лишь религиозную принадлежность предков. Но в такой стране как Франция, полностью ставшей при Третьей республике светским государством, это создавало определенные проблемы.

Франция

По сути дела, распоряжения оккупационных властей в зоне оккупации, равно как и законодательные положения в свободной зоне, требовали, чтобы евреи сами заявляли о своем "неарийском" происхождении.

В результате наиболее дальновидные из них, особенно если у них было преимущество в виде нетипичной фамилии, воздерживались от подобных заявлений, что позволяло им избежать особых угроз и опасностей, вызванных фактом рождения в той, а не в иной постели.

Но эта простая предосторожность была принята лишь незначительным меньшинством не только потому, что она была практически невозможна для людей с фамилиями Леви, Каэн и Блок, но главным образом потому, что для здравого смысла простых смертных ужасные последствия переписи были совершенно невообразимыми. Фиаско существ, наделенных разумом, были ли они иудеями или христианами, министрами или консьержами, французами или немцами, когда они столкнулись с безумием фюрера, которому подчиняются как богу, красной нитью прохо-

дит через всю историю геноцида и даже в наши дни оказывается причиной споров и несогласий по этому поводу.

Эта психология получила свое отражение в рассуждении капитана СС Лишки по поводу одного французского еврея, у которого нашлись высокопоставленные заступники:

"Я не могу освободить его, потому что еще один раз французы скажут, что среди немцев нет настоящих антисемитов кроме фюрера".

Вернемся к механизму депортаций. Во Франции положение зарегистрированных евреев постоянно ухудшалось вследствие ряда мер, принимаемых с одной стороны властями Виши, а с другой—людьми Эйхмана. Прежде всего речь идет, особенно во время первого года оккупации, об антисемитской пропаганде, увольнении, отставках и конфискациях, так что возникла, особенно в Париже, особая порода жуликов и мошенников на почве этого неоантисемитизма. В результате в феврале 1941 года непосредственный начальник Лишки полковник СС Кнохен писал:

"Оказалось, что почти невозможно воспитать у французов антиеврейские чувства, которые бы опирались на идеологическую базу, тогда как предоставление экономических преимуществ легко привлекает симпатии к антиеврейской борьбе. Интернирование около ста тысяч иностранных евреев, проживающих в Париже, может дать возможность многим французам подняться из низших слоев в средний класс".

Это интернирование не заставило себя ждать. Под контролем бюро IV В 4 префектура полиции составила подробную картотеку; в мае 1941 года около трех тысяч шестисот бывших польских и чешских евреев были арестованы и отправлены в два лагеря, организованных французской жандармерией в департаменте Луаре. Аналогичная операция была проведена в августе, и с этого времени возникло специфическое напряжение между администрацией Виши, не хотевшей интернировать и выдавать французских евреев, и людьми из IV В 4, в принципе враждебных к подобным нюансам и всегда действовавших в оккупированной зоне по собственному усмотрению. В

результате, в феврале 1943 года полковник Клохен мог гордиться следующим достижением:

"Евреи, имеющие французское гражданство, которых арестовали за то, что они не носили звезду, или по другим причинам, должны быть депортированы. Буске (Г-н Рене Бускс в то время исполнял обязанности государственного секретаря по делам полиции в правительстве Пьера Лаваля.) заявил, что французская полиция не будет выполнять это распоряжение. На наш ответ, что этим займутся немецкие войска, французская полиция прореагировала организацией облавы и арестовав 1300 иностранных евреев. Эти евреи были переданы немецкой полиции с заявлением, что они должны быть депортированы вместо французских евреев. Совершенно очевидно, что в подобных случаях депортации подлежат обе категории евреев".

Характерно, что парижский отдел IV В 4 не поставил в известность Виши, когда в декабре 1941 года была арестована тысяча "видных" французских евреев, которые были отправлены в "лагерь медленной смерти" в Руалье

около Компьеня. В том же месяце евреев, содержащихся в департаменте Луаре, перевели в лагерь Дранси в предместье Парижа. Все тот же декабрь был отмечен введением в действие в Польше вблизи Хелмно первого лагеря смерти. Однако в случае западных стран механизм депортации наталкивался на препятствие в области транспорта, поскольку германский военный кризис, вызванный тяжелыми боями во время зимней кампании под Москвой и в других местах, был прежде всего кризисом снабжения и материально-технического обеспечения. Благодаря этому евреи Франции, а также Бельгии, Нидерландов и самой Германии получили многомесячную отсрочку.

Более того, проблема транспорта стала постоянной, так что часто отдел IV В 4 не мог обеспечить отправку эшелонов согласно плану. Иногда случалось, что эшелоны уходили не полностью загруженными из-за отсутствия жертв. В одном из подобных случаев, когда в эшелоне, сформированном в Бордо, насчитывалось лишь сто восемьдесят евреев, Эйхман впал в ярость и

пригрозил своим подчиненным в Париже "подвергнуть депортации всю Францию". Все это достаточно полно проясняет психологическую основу того ожесточения, с которым его сотрудники выслеживали евреев.

Лишь в июле 1942 года префектуре парижской полиции было поручено организовать массовые облавы для депортации иностранных евреев; однако благодаря предупреждениям некоторых чиновников, сотрудничавших с Сопротивлением или просто гуманно настроенных, добрая половина из намеченных двадцати пяти тысяч жертв смогла ускользнуть.

Остается добавить, что в том же июле власти Виши со своей стороны передали немцам около девяти тысяч иностранных евреев, но в дальнейшем масштабы подобных операций сильно сократились. После протестов французской католической церкви летом

года и тем более после поражения под Сталинградом весной года двойная игра политиков и чиновников на всех уровнях привела к тому, что люди Эйхмана не могли рассчитывать на содей-

ствии администрации и французской полиции, в том числе и в оккупированной зоне (В июле 1943 года эсэсовец Ретке, бывший тогда начальником бюро IV В4 в Париже, сообщил Эйкмаиу, что отныне их деятельность могла эффективно осуществляться во Франции Лишь при поддержке немецких войск.

1942). Именно по этой причине, по крайней мере частично, общее число французских евреев, погибших в газовых камерах, не превышает ста тысяч человек.

Эти трагические события все еще продолжают и через сорок лет оказывать воздействие на французскую политическую жизнь. Незнание породило или усугубило некоторые скандалы. Так, в ходе президентской кампании в апреле-мае 1981 года министр финансов Морис Папон, который при нацистской оккупации исполнял обязанности генерального секретаря префектуры Жиронды, был обвинен в депортации евреев, тогда как другие документы были предъявлены в его защиту—он сумел спасти некоторых из них. Однако в обоих случаях он лишь подчинялся при-

казам правительства Виши относительно различий, которые следовало соблюдать между иностранными и французскими евреями. Если хотели найти для г-на Папона смягчающие обстоятельства, то следует также сослаться на недостаток информации: полная и всеобщая осведомленность относительно участи депортированных евреев возникла лишь после освобождения Франции; до этого информация была довольно противоречивой.

Нидерланды и Бельгия

За исключением некоторых специфических особенностей в системе порабощения Франции охота на людей развернулась в Бельгии и Нидерландах по той же модели. Для нас представляет особый интерес ситуация в Нидерландах, поскольку здесь выступают на первый план неразрешимые вопросы этического порядка, возникающие в связи с преследованием евреев. Голландский народ, имеющий славные традиции борьбы за свободу, видимо, оказал самое сильное сопротивление среди народов Европы; первые облавы привели в феврале 1941 года к возникновению феномена, не имевшего аналогий в странах, оказавшихся под немецким сапогом. Я имею в виду забастовку докеров, а акты мужества при проявлении солидарности с евреями не поддаются счету. Тем не менее было уничтожено более трех четвертей голландских евреев, в то время как во Франции процент потерь составил лишь около тридцати. Прежде всего это объясняется географическим фактором, поскольку маленькие Нидерланды само свое название получили благодаря плоскому низменному рельефу, тогда как

во Франции десятки тысяч евреев смогли найти укрытие в больших горных массивах, благоприятных для партизанского движения. Но следует также отметить, что какова бы ни была моральная оценка французского соглашения 1940-1944 годов, сравнительная автономия, махинации Лавала и всевозможные варианты двойной игры в целом также в значительной степени способствовали выживанию евреев.

Аналогичная ситуация сложилась и в Дании, где не было оказано сопротивления немецким захватчикам, вследствие чего эмиссары Эйхмана не могли действовать там по своему усмотрению, так что более девяноста процентов датских евреев оказались спасены.

Италия

Еще более парадоксальная ситуация сложилась в фашистской Италии. В 1934 и даже в 1936 году Муссолини насмеялся над расизмом Гитлера. После подписания "Стального пакта" в 1938 году он был вынужден идти по следам бывшего австрийского ефрейтора в том числе и в еврейском вопросе и ввел антисемитское законодательство. Однако пока дуче оставался у власти не могло быть и речи о депортациях. Престиж нации или диктатора часто являлся главным фактором спасения евреев. Более того, итальянское военное командование предприняло в 1941-1942 годах на иностранных территориях, оказавшихся под его контролем (южная Греция, Хорватия, юго-восточная Франция) акции по систематическому спасению евреев, не только запретив доступ на эти территории Эйхману и его подручным, но даже доходя до того, чтобы вырывать "неарийцев" из рук французских жандармов и хорватских убийц. Этому парадоксу был положен внезапный конец осенью 1943 года после падения дуче и капитуляции Италии. Наступило время реванша: на территории марионеточной

"Итальянской социальной республики" бюро IV В 4 смогло развернуться по своему усмотрению, вплоть до организации облавы, в ходе которой были арестованы более тысячи римских евреев, так сказать, прямо под окнами папы Пия XII, который, порвав с тысячелетней традицией покровительства "народу-свидетелю", даже в этот трагический день воздержался от публичного протеста. Он никак не объяснил свое молчание, сказав лишь следующее:

"Не забывают, что тысячи католиков служат в немецких армиях: разве я могу обречь их на конфликт со своей совестью?"

Балканский полуостров

На Балканах часть югославских евреев была уничтожена под открытым небом, как мы уже говорили выше. Напротив, Болгария была союзницей Третьего рейха, царь Борис и его правительство ввели антиеврейские законы. Более того, было подписано общее соглашение с представителем бюро IV В 4, по которому для начала надлежало депортировать двадцать тысяч евреев (из общего числа пятьдесят тысяч).

Но этот договор был выполнен лишь частично из-за спонтанных протестов населения, выразителем настроения которого был болгарский правящий класс и особенно духовенство. Мораль, которую извлек из событий посол Третьего рейха в Болгарии, содержится в его докладе в Берлин:

"Болгары не видят в евреях таких пороков, которые бы оправдывали принятие особых мер против них, эти наивные славяне полностью лишены понимания немецкой идеологии".

В Греции, побежденной после героического сопротивления, основная часть ее семидесяти семи тысяч граждан-евреев, почти все из которых были древнего испанского происхождения

(что достаточно характерно для всех балканских стран), жили в Салониках. В условиях военного оккупационного режима механизм депортации мог функционировать в обычном режиме, но в данном конкретном случае были некоторые дополнительные тонкости, заслуживающие особого упоминания. Как и в других местах, евреям сообщалось, что они будут направлены на "автономную территорию", созданную для них в Польше, более того, их заставляли обменивать свои деньги на специальные дорожные чеки, предназначенные для покупки земли (своеобразный черный юмор); короче говоря, удалось нарисовать им такую радужную картину будущей жизни, что некоторые добровольно регистрировались для ближайшего отъезда!

Судьба более семисот тысяч румынских евреев оказалась более милосердной.

Хотя Румыния и была, вероятно, единственной балканской страной, где существовала местная антисемитская традиция, но, возможно, именно в рамках этой традиции румынские руководители сочли делом чести самостоятельно рас-

порядиться судьбой "своих" евреев. В то же время важно проводить различие между тремястами тысячами евреев в аннексированных в 1918 году провинциях Бессарабии и Буковине, перемещенных самими румынами на советские территории, оккупированные их армией ("Транснистрия"), большинство из которых умерло от голода, болезней и солдатских погромов, и евреями "старого королевства", которые вопреки всяческому германскому давлению на "кондуктора" Анто-неску и вмешательству местных сил до последнего дня были избавлены от посягательств бюро IV Б 4.

Венгрия

Весной 1944 года, т.е. в каком-то смысле уже под занавес, Эйхман сумел добиться в Венгрии большого успеха.

Эта страна, которая с 1919 года находилась под властью адмирала Хорти (носившего титул "регента"), также придерживалась определенной антиеврейской политики, а в 1938 году по примеру Германии там были введены более жесткие законы.

Но старый регент также не хотел допускать иностранного вмешательства, так что Эйхман смог приступить к своим операциям в Венгрии лишь с марта 1944 года, когда немецкая армия оккупировала страну, чтобы отстранить Хорти от власти. Эйхман, обычно руководивший деятельностью местных отделов IV В 4 из Берлина, немедленно прибыл в Будапешт, чтобы лично руководить операцией. По словам его адъютанта Вислицени, "единственной целью нового венгерского кабинета министров было решение еврейского вопроса". Исключительные усилия потребовались от министерства транспорта, чтобы отправлять в Освенцим по четыре эшелона в день.

Венгрия была разделена на пять зон: север, восток, юг, запад и Будапешт. Евреи четырех первых зон общей численностью примерно в четырьеста пятьдесят тысяч человек были арестованы в ходе облав в апреле и депортированы за шесть недель, с 15 мая по 30 июня. Евреев столицы, которых насчитывалось более двухсот тысяч человек, должны были депортировать в июле.

Но к этому времени англо-американцы уже твердо закрепились в Нормандии, и даже в высших нацистских сферах стали задавать себе вопросы о будущем. Так, "рейхсфюрер" СС Гиммлер якобы заинтересовался фантастическим проектом, разработанным в Будапеште, об обмене еще уцелевших евреев на американские поставки, грузовики или медикаменты. Этот проект натолкнулся на запрет военных и дипломатических властей союзников, но Гиммлер так им заинтересовался, что без ведома Гитлера он за это время успел отдать приказ о приостановке депортаций. Таким образом, оставленные про запас в качестве разменной монеты, евреи Будапешта смогли избежать шестерен депортации.

Германия

С момента его вступления в должность на Эйхмана была возложена задача "расового очищения" Германии. Как только он получил зеленый свет для организации депортаций, он сосредоточил основное внимание на евреях "великогерманской" территории: в данном случае организация их ареста не представляла никаких трудностей, потому что все эти евреи были уже тщательно зарегистрированы и находились под контролем.

Около семидесяти тысяч из них были "эвакуированы на восток" в октябре и ноябре 1941 года, но затем проблемы с транспортом вызвали задержку в несколько месяцев.

В течение этой осени Эйхману пришлось среди прочего заняться и совсем другой задачей. Поскольку осуществление гитлеровского "окончательного решения" уже началось, следовало в общих чертах ввести в курс дела некоторых министров и высших чиновников. Шеф IV В 4 должен был не только подготовить досье, но и составить краткий текст, с которым руководитель всех полицейских служб Германии Гейдрих наме-

ревался выступить лично перед этим собранием. Сначала заседание было назначено на 9 ноября, но было отложено до 20 января из-за нападения на Перл-Харбор 7 декабря и вступления в войну Соединенных Штатов.

Сначала Гейдрих объявил своим слушателям, что он только что получил все полномочия для "подготовки окончательного решения еврейской проблемы в Европе" и что на него была возложена задача "очистить немецкое жизненное пространство от евреев". Это пространство охватывало всю Европу; число евреев здесь по статистике бюро IV В 4 доходило в целом до одиннадцати миллионов. Что касается уготованной им участи, то характерно, что даже в этой тщательно подобранной аудитории Гейдрих, не скрывавший, что все они до последнего будут уничтожены, предпочитал изъясняться намеками, например:

"В рамках окончательного решения проблемы евреи должны быть отправлены на восток под надежной охраной и там использованы как рабочая сила. Организованные в рабочие колонны, дееспособные евреи, мужчины и женщины по от-

дельности, будут доставлены на эти территории для строительства дорог; само собой разумеется, что значительная их часть погибнет естественным путем из-за физического истощения.

С оставшимися, которые в конце концов выживут и которых следует рассматривать как самую устойчивую часть, поступят соответствующим образом. В самом деле, исторический опыт показывает, что в случае освобождения эта природная элита несет в зародыше элементы нового еврейского возрождения. В целях практического осуществления окончательного решения Европа будет очищена с запада до востока. Трудности с жильем¹ и другие соображения из области социальной политики привели нас к решению начать с территории Рейха, включая протекторат Богемии и Моравии".

Дальнейшая речь Гейдриха, так же как и последовавшая за ней дискуссия были посвящены проблеме "метисов": какой должна быть доля "арийской крови", иначе говоря, число христианских предков, чтобы эти полукровки могли быть оставлены в живых? Как к ним отно-

ситься? Это были трудные вопросы: задолго до того, как Бисмарк рекомендовал случать "еврейских кобыл" с "христианскими жеребцами", обещая хорошие результаты от этого скрещивания, именно прусская знать начала объединяться через брачные связи с богатыми еврейскими семьями, так что известное количество офицеров и лиц первостепенной значимости имели больше, чем одну бабушку или прабабушку сомнительного происхождения. Государственный секретарь Вильгельм Штукарт, представлявший министерство внутренних дел, предложил сохранять жизнь даже метисам, "семитизированным более, чем на пятьдесят процентов", но стерилизовать их. После чего доктор Бюлер, представлявший польское генерал-губернаторство, попросил, чтобы приоритет был предоставлен польской территории по причине количества и плотности населения еврейских гетто, "этих очагов заразы", и отметил, что в данном случае проблема транспортировки не представляет трудностей. Затем был предложен легкий завтрак, и совещание было закрыто.

В действительности вопрос о смешении кровей являлся лишь крайним случаем тех проблем, которые возникли в связи с геноцидом евреев Германии в целом. Многие убежденные нацисты были обеспокоены судьбой своих прежних товарищей по оружию, отличающихся безупречным патриотизмом, преследованиями инвалидов войны и военных сирот "неарийского происхождения". Поэтому тех, кого посчитали достойными, отправили в лагерь Терезиенштадт в Богемии, привилегированное гетто, которое организаторами "окончательного решения" было предназначено для посещения делегатами Международного красного креста и другими нейтральными делегациями, чтобы показать им, что Третий рейх обращается с евреями строго, но гуманно. Часть этих депортированных смогла выжить, тогда как тысячи других в конечном итоге были переведены в Освенцим и там уничтожены. Аналогичным образом, немецкие евреи, депортированные "на восток" осенью 1941 года, не были уничтожены немедленно; сначала они были интернированы в гетто Лодзи, Риги или Минска.

Остается добавить, что эта последняя группа нашла неожиданного защитника в лице Вильгельма Кубе, "генерального комиссара" Белоруссии, нацистского активиста первого призыва.

В декабре 1941 года в конфиденциальном письме своему другу Генриху Лозе, который, как мы видели, критиковал массовые уничтожения, Кубе сообщал ему о своем возмущении:

"Среди этих евреев находятся ветераны войны, награжденные Железным крестом, инвалиды войны, наполовину или даже на три четверти арийцы. У меня достаточно жесткости, и я готов внести своей вклад в решение еврейской проблемы, но люди, которые происходят из тех же кругов, что и мы сами, это все-таки что-то совсем другое по сравнению с автохтонными нечеловеческими ордами".

В глазах агентов Гейдриха и Эйхмапа в Минске Кубе был виновен в весьма серьезных упущениях: разве не заявил он публично, что любит музыку Мендельсона и Оффенбаха, пожал руку еврею, который вывел его автомобиль из охваченного пламенем гаража, пообещал безопасную

жизнь всем своим протеже? 31 июля 1942 года Кубе лаконично сообщал Лозе: "В Минске около десяти тысяч евреев были ликвидированы 28 и 29 июля. Основная их часть была депортирована в Минск в прошлом ноябре по приказу фюрера из Вены, Брно, Бремена и Берлина".

Лагеря смерти в Польше

Как мы уже видели, технология уничтожения групп людей, рассматриваемых как вредные или как недостойные жизни, начала разрабатываться осенью 1939 года. В октябре 1941 года, вскоре после приостановки "программы эвтаназии", были установлены контакты между Эйхманом и доктором Браком, представителем фюрера, в результате которых два основных сотрудника Брака комиссар полиции Вирт и химик Кальмейер были направлены в Польшу, чтобы "помочь в создании Необходимых помещений и газового оборудования".

В декабре первый лагерь смерти в Хелмно вступил в строй. Три других, в Белжеце, Собиборе и Трешлинке, оснащенных все лучше и лучше, были соответственно пушены в дело марте, мае и июле 1942 года. Эти лагеря находились под высшим руководством генерала СС Одило Глобокника, бывшего гаулейтера Вены, таким образом не подпадая под командование Эйхмана. Эти лагеря имели много общего. Собственно уничтожение осуществлялось эсэсовцами Глобокника при поддержке вспомогательной гвардии, в основном со-

стоявшей из украинцев. Команда из нескольких сот евреев занималась вывозом трупов и другими работами. Во время прибытия эшелонов принимались большие предосторожности, чтобы обмануть евреев, насколько это было возможно, и тем самым избежать отчаянных предсмертных выступлений.

Поскольку депортированные якобы направлялись в трудовой лагерь на "автономной еврейской территории", фальшивые надписи были размещены при входе, замаскированном под обычный вокзал, а также на зданиях: "Вход на автономную территорию", "Синагога", "Душевая" и т.п. Дополнительная задача состояла в сборе последних личных вещей, принадлежащих жертвам, прежде всего одежды, предназначенной для неимущих немцев. Получатели не всегда оказывались довольны, что вполне понятно, если принять во внимание обстоятельства, при которых собирали эту одежду. В результате делегат немецкого общества "зимней помощи" направил руководству СС следующий протест:

"Комплекты, отправляемые вами, столь низ-

кого качества, что в большинстве случаев их невозможно распределять среди нуждающихся. Значительная часть одежды очень грязная и испачкана кровью. Воротники большинства пиджаков и курток столь засалены, что требуется дополнительная чистка (...). Лишь с опозданием при вскрытии тюков было обнаружено, что в партии, направленной администрации Познани, на пятидесяти одном пиджаке из двухсот еще были прикреплены желтые звезды!"

Вот описание последних минут эшелона евреев, депортированных в Треблинку, принадлежащее Эли Розенбергу, который входил в "команду по вывозу трупов" этого лагеря и остался в живых:

"Эсэсовцы с собаками, держа в руках плети и штыки, стояли вдоль Hiramelsstrasse ("Himmelsstrasse" ("Небесная улипа")—так в насмешку называли дорогу, которая вела в Треблинке в газовые камеры.). Евреи шли молча. Они не знали, куда их ведут. При входе в газовые камеры стояли два украинца; одного звали Иван, а другого Николай. Они пускали газ. Газ постулат из

двигателя. В него заправляли что-то—нефть или мазут. Последних в очереди подгоняли ударами штыков, потому что первые уже видели, что происходит внутри, и не хотели входить. Четыреста человек могли войти в газовую камеру. Тогда с трудом удавалось закрыть наружную дверь. Когда их там запирали, мы находились с другой стороны. В этот момент мы слышали только крики "Слушай, Израиль", "папа", "мама". Через тридцать пять минут все они были мертвы. Двое немцев находились там и слушали, что происходило внутри. Затем они говорили: "Все тихо. . ."

Ниже приводятся некоторые исторические подробности, а также особенности каждого из этих польских лагерей.

ХЕЛМНО

Этот лагерь располагался в шестидесяти километрах от Лодзи и предназначался для уничтожения евреев из западной части Польши, включенной в "Великую Германию". Этот лагерь действовал с декабря 1941 по лето 1943 года. Его газовая камера была лишь фургоном грузовика смерти, подобного тем, что использовались в России. После каждого газового сеанса, который обеспечивал четыре десятка убитых, грузовик отвозил трупы к длинной траншее или общей яме, выкопанной в соседнем лесу. В среднем каждый день происходила дюжина сеансов. Летом 1944 года лагерь был использован последний раз, чтобы ликвидировать оставшихся в живых обитателей гетто Лодзи, которым до того времени сохраняли жизнь как полезным работникам. Из постоянной еврейской команды выжили лишь два человека. Общее число жертв оценивается Польской комиссией по военным преступлениям в двести пятьдесят тысяч человек, а на судебном процессе в Бонне в 1963 году—в сто пятьдесят тысяч при дюжине эсэсовских палачей.

БЕЛЖЕЦ

Этот лагерь, где были уничтожены более шестисот тысяч евреев из восточной части польского "генерал-губернаторства", а также несколько тысяч чешских и немецких евреев, располагал шестью стационарными газовыми камерами, способными ликвидировать до пяти тысяч человеческих существ в день. Газовые сеансы происходили там вплоть до конца 1942 года; весной 1943 года все установки были разрушены самими немцами.

СОБИБОР

Расположенный поблизости от зоны, аннексированной в 1939 году Советским Союзом, Собибор имел те же общие характеристики, что и Белжец, и был специально предназначен для евреев этой зоны, часть которых не смогла эвакуироваться в июне-июле 1941 года во внутренние районы России. Но между июлем и октябрём 1942 года сюда также были направлены несколько эшелонов из Нидерландов и Бельгии, а также один французский эшелон. Это был квартал самых массовых уничтожений. В дальнейшем эти операции стали более редкими, без сомнения потому, что основная часть работы, особенно в том, что касалось польских евреев, уже была сделана. В Собиборе постоянная еврейская команда, насчитывавшая около трехсот человек, сумела раздобыть какое-то оружие и убить многих охранников.

Эта попытка восстания позволила выжить трем десяткам евреев и вызвала закрытие и ликвидацию этого лагеря в октябре 1943 года. Общее число жертв, включая неопределенное количество русских военнопленных, оценивается в

двести пятьдесят тысяч человек.

ТРЕБЛИНКА

Это самый большой по площади польский лагерь, намного превосходящий все остальные. Он был организован в сотне километров от Варшавы и специально предназначался для быстрого уничтожения примерно четырехсот тысяч евреев из огромного гетто польской столицы. Этот лагерь располагал десятком газовых камер, каждая площадью 50 кв.м. Там было тридцать эсэсовцев и несколько сотен украинцев во вспомогательных частях, а также еврейская команда численностью в тысячу человек, занятых постоянно. В 1943 году после знаменитого восстания последних рабов гетто Варшавы, еврейская команда Трешлинки, вдохновленная этим примером, также решила "умереть стоя". Против всех ожиданий восстание имело успех, поскольку число выживших составило около пятидесяти. Некоторые из них участвовали в основании в 1949 году израильского киббуца "воины гетто" ("Лохамей Гагетатот"). Общее число евреев, уничтоженных в лагере Трешлинка, превышает семьсот тысяч человек.

МАЙДАНЕК

Это был лагерь совсем иного рода. В уменьшенном масштабе его можно сравнивать по принципам организации—сочетанию немедленного уничтожения с медленной смертью от истощения—с огромной фабрикой смерти, в Освенциме. Организованный летом 1941 года, первоначально это был трудовой лагерь, рассчитанный на пятнадцать тысяч заключенных из разных мест. Известно, что осенью 1941 года там от голода и ужасных условий погибли пять тысяч советских военнопленных. Летом 1942 года в лагере были установлены две газовые камеры, предназначенные для евреев; в них использовался "циклон Б", а не окись углерода, что также составляло параллель Освенциму. В случае Майданека общее число погибших евреев, часть которых происходила из Нидерландов и Греции, оценивается в сто двадцать пять тысяч человек.

ОСВЕНЦИМ

Лагерь Освенцим (Аушвиц) был создан летом 1940 года в Силезии, в пограничном районе, который до 1918 года принадлежал Германии. Место имело то преимущество, что оно было сравнительно пустынным, а также находилось рядом с перекрестком железных дорог.

Освенцим сначала функционировал как концентрационный или трудовой лагерь с преимущественно польскими заключенными. Наличие практически бесплатной рабочей силы и географическое положение вскоре вызвали интерес немецких трестов, и "I.G.Farben" построила поблизости новый завод по производству синтетического каучука ("Buna"); группа Круппа и "Hermann-Goering-Werke" сделали то же самое.

С самого начала начальником лагеря был майор Гесс, безупречный ээсовец, хороший администратор и, как выяснилось в дальнейшем на суде, свидетель, не знающий себе равных по точности показаний. В июне 1941 года Гиммлер вызвал Гесса в Берлин, чтобы сообщить ему, что он получил приказ фюрера приступить к "решению еврейского вопроса в Европе". В этой связи

Гиммлер решил, что Освенцим особенно хорошо подходит для данной цели; следовало заняться подготовительными работами. Гессу пришла в голову мысль использовать дезинфицирующий газ, применяемый в армии,—"циклон Б". Первые эксперименты были проведены осенью 1941 года на советских военнопленных. К этому времени Освенцим уже превратился в концентрационную вселенную с сотней тысяч заключенных, охраняемых более чем тремя тысячами эсэсовцев. Эшелоны смерти стали прибывать со всех уголков Европы весной 1942 года: все евреи из Франции (с точностью до одного эшелона), все из Венгрии, часть польских евреев, а также цыгане и многие другие были отравлены газом в Освенциме. Другой идеей Гесса было сжигать тела жертв сразу после удушения и построить для этой цели гигантские крематории. Несмотря на их общую пропускную способность в двенадцать тысяч трупов в день иногда приходилось сжигать излишки под открытым небом.

Однако в Освенциме часть заключенных из еврейских эшелонов—мужчины и женщины, ко-

торых оценивали как пригодных к работе, временно оставляли в живых. "Селекция" происходила сразу после их прибытия в "Освенцим II" (Аушвиц-Биркенау). Вот описание этой процедуры, принадлежащее французскому ученому Роберу Вайтсу:

"Постепенно депортированные продвигались к краю перрона. Два ээсовца стояли посередине, Один из них был военным врачом. Депортированные проходили перед ним. Большим пальцем или тросточкой офицер указывал заключенным направо или налево. Так образовались две колонны, скопившиеся на противоположных краях перрона. Левая колонна состояла из мужчин в возрасте от двадцати до сорока пяти лет, выглядевших достаточно крепкими. Эти возрастные границы были подвижными, иногда они расширялись до пределов от шестнадцати или восемнадцати до пятидесяти лет.

Вид и манера держаться заключенных, хорошо или плохо он был побрит, также влияли на этот выбор. В левой колонне также оказалось несколько молодых женщин. Правая колон-

на состояла из более пожилых мужчин, стариков, большинства женщин, детей и больных. . .

Женщин из левой колонны пешком отправляли в соседний лагерь, мужчин увозили на грузовиках и прицепах, нагроможденными друг на друга. Заключенных из правой колонны увозили на грузовиках.

В моем эшелоне из 1200 депортированных отобрали довольно большую часть мужчин (около трехсот), а также нескольких женщин. Это исключительно большое количество. Очень редко, когда отбирают больше ста пятидесяти или двухсот мужчин на эшелон".

Гесс, располагавший более точными данными, оценивал число евреев, отбираемых для работы, в среднем в двадцать пять процентов.

В Освенциме мистификация во время прибытия новых узников заходила дальше, чем в других лагерях, причем ее легче было осуществлять, когда речь шла о депортированных из других стран кроме Польши. В результате получившие отсрочку от уничтожения из "левой колонны" чаще всего были уверены, что раньше или позже

увидят своих детей и близких. Со своей стороны Гесс настаивал на "прогессе по сравнению с Треблинкой, который заключался в том, что если в Треблинке жертвы почти всегда знают, что они будут уничтожены, то в Освенциме мы шутим с ними, и убеждаем их в том, что они должны пройти обработку для уничтожения вшей".

Для этих целей на стенах вестибюлей при входе в газовые камеры были прикреплены вешалки для одежды с номерами, и эсэсовец или капо (привилегированный заключенный), который направлял группу, рекомендовал хорошо запомнить свой номер; куски мыла из песчаника, раздаваемые заключенным, еще больше усиливали иллюзию. Во время своего процесса Гесс с некоторой гордостью говорил обо всех этих уловках, которые по его мнению были одновременно и эффективными и гуманными. Американский психиатр, освидетельствовавший Гесса во время процесса в Нюрнберге, в своем заключении охарактеризовал его как "умственно нормального, но имеющего признаки шизоидной апатии и бесчувственности, характерных для настоящего психоза".

Сам Гесс объяснял это проще и, конечно, лучше:

"Мысль о неподчинении приказу не могла даже возникнуть, каков бы ни был этот приказ. . . Вы не можете понять наш мир. . . Я обязан был подчиняться, а теперь должен терпеть последствия. . . "

Вот как об этом эсэсовском "нашем мире" говорил сам главный шеф СС Гиммлер в октябре 1943 года перед своими высокопоставленными сотрудниками:

"Я хочу поговорить с вами об эвакуации евреев и уничтожении еврейского народа. Об этом легко говорить. Каждый член партии заявляет: "Еврейский народ будет уничтожен, это ясно, это часть нашей программы: уничтожение евреев—мы сделаем это", а потом они приходят, восемьдесят миллионов добрых немцев, и у каждого есть свой "хороший" еврей. Разумеется, все остальные—это свиньи, но вот этот, это еврей высшего качества. Никто из тех, кто рассуждает таким образом, не видел трупов, ни один не был там. Большинство из вас знают, что озна-

чает видеть груды из ста трупов, или из пятисот, или из тысячи. Пройти через это и тем не менее, с учетом некоторых слабостей человеческой природы, остаться честными людьми, вот что нас закалило, Это славная страница нашей истории, которая не была и никогда не будет написана. . . "

Эти высказывания помогают нам понять, как могло получиться, что немцы в целом лишь очень приблизительно представляли себе участь, на которую были обречены евреи, ничего не зная о том, как они умирали, и не стремясь это узнать.

Однако пора вернуться в Освенцим. Судьба евреев, получивших отсрочку, была разной, потому что мир концентрационного лагеря в целом имел своеобразную иерархическую структуру. Некоторые из заключенных по причине срока давности, происхождения, но прежде всего благодаря собственной ловкости и интуиции ухитрялись подняться на должности, дававшие очень большую власть. Эти капо чаще всего были из старых немецких заключенных, переведенных из лагерей первых лет Третьего рейха. Они становились винтиками эсэсовской машины и вслед-

ствии практически неизбежно проявляющегося с течением времени миметизма обыкновенно приобретали типичные для СС черты; жестокость, лексику, общую манеру поведения и даже стиль одежды, прежде всего сапоги. Напротив, евреи, что едва ли требует специального упоминания, относились к самой низшей категории, хотя некоторые из них, в частности врачи, химики и художники, а также музыканты, которым удавалось понравиться эсэсовцам (в мире Освенцима было несколько оркестров), избегали благодаря своим талантам изнурительных принудительных работ на открытом воздухе. Эти работы в условиях постоянного недоедания доводили срок "надежды на жизнь" рядовых каторжников-евреев максимум до нескольких месяцев.

Для них в бараках устраивали так называемые частичные селекции, которые всегда проводились неожиданно. Один из выживших узников доктор Жорж Веллерс описывает их следующим образом:

"Немцы заставляли маршировать перед собой совершенно голых людей, блок за блоком,

и один взгляд, брошенный на ягодицы, решал их судьбу, поскольку никакая другая часть человеческого тела не выдает столь точно степень худобы. . . Скелеты и полускелеты предпринимали героические усилия, чтобы на одну минуту предстать перед немцами бодрыми, энергичными, выпятив грудную клетку, лишенную плоти, идущими спотыкающимся, но решительным шагом. Но безжалостные ягодицы не допускали никакого притворства!"

Когда благодаря удачному стечению обстоятельств каторжники-евреи такого рода, сумевшие избежать частичной селекции и газовой камеры, раньше или позже превращались в человеческие развалины, которые на жаргоне Освенцима назывались "мусульманами":

"Пока они еще ходили, они двигались как автоматы; остановившись, они были не способны ни на какое другое движение. Они падали на землю в полном изнеможении: им ни до чего не было дела. Их тела загорали при каждом проходе, можно было ходить по ним: никакого протеста, никакого крика боли не срывалось с их приоткрытых ртов. Ка-

по и даже ээсовцы могли их бить, толкать, они не двигались, они были совершенно безучастными ко всему, Это были существа без мысли, без реакции, можно даже сказать без души. . . "

Йозеф Вулф, бывший заключенный-еврей, находившийся в относительно привилегированном положении, рассказывает о разговоре, который у него однажды был с одним немецким собратом по заключению, по поводу Ганди, обратившегося до начала войны с призывом к евреям Германии, рекомендуя им отказ от насилия. Оба собеседника пришли к согласию: в нацистском лагере Ганди оказался бы одним из первых заключенных, которые становятся "мусульманами".

Бесчисленные заключенные, как евреи, так и неевреи, сумели найти в Освенциме адекватный ответ. Большинство их актов сопротивления никогда не станет известным; многие другие вошли в историю лагеря. Самым впечатляющим, как в Треблинке и Собиборе, стало восстание одной из постоянных еврейских команд, обслуживавших печи крематория. Оно стало возможным благо-

даря четырьмя польскими евреями, работавшим на заводе по производству боеприпасов и сумевшим раздобыть небольшое количество динамита, который они приносили каждый день крошечными порциями, 6 октября 1944 года команда взорвала печь третьего крематория. В результате последовавшего столкновения четверо эсэсовцев были убиты и многие ранены. Ни один из членов этой команды не остался в живых. Несколько десятков человек из команды, обслуживавшей второй крематорий, оказались единственными среди заключенных этой категории, которым выпал шанс дожить до освобождения лагеря русской армией.

Десятки тысяч заключенных неевреев различных национальностей также погибли в Освенциме; среди их главных преимуществ было то обстоятельство, что в процессе депортации и последующих испытаний с ними не было их детей, а также возможность, как правило, умирать естественной смертью, если только смерть от недоедания или болезни можно считать таковой.

Совершенно особым было положение цыган, поскольку они представляли для руководителей

Третьего рейха идеологическую дилемму. Дело в том, что с "расовой" точки зрения было неудобно оспаривать их арийское происхождение, тем более что их язык был ближе к индийскому санскриту, чем все европейские языки. Но разве в политическом, или скорее полицейском, плане они не были самым "асоциальным" элементом? Можно думать, что этим противоречием объясняются контрасты их судьбы в 1939-1945 годах. На Востоке, затопленном огнем и кровью, они были ликвидированы специальными отрядами ("Einsatzgruppen") примерно таким же образом, как евреи. В оккупированных странах западной и южной Европы они подверглись тотальной депортации и интернированию в начале войны, в том числе и бывшие члены гитлеровской молодежной организации, а затем в начале 1943 года большинство было переведено в Освенцим.

Гесс, называвший цыган "своими любимцами среди заключенных", уверял, что испытывал к ним большую симпатию и создал для них то, что он называл "семейным лагерем". Он писал: "Сохранив свою детскую сущность, они были непо-

следовательно в своих поступках и охотно играли. Они не принимали всерьез свою работу". Их общее число в Освенциме доходило почти до двадцати тысяч. Летом 1944 года Гиммлер отдал приказ ликвидировать их всех. Они были отравлены газом за несколько дней.

Великие нацистские замыслы

В какой-то мере участь, отведенная руководителями Третьего рейха евреям и цыганам, лишь предвосхищала судьбу, которая была предназначена народам всех стран Европы в случае победы Германии, поскольку страны восточной Европы были обречены на уничтожение, тогда как остальные должны были навсегда превратиться в вассалов Третьего рейха. Можно сказать, что одних ждал биологический геноцид, а других культурный. Речь идет не только об общих соображениях—конкретные проекты были разработаны экспертами при верховном военном командовании, при министерстве оккупированных территорий на Востоке, при управлении по делам расы и колонизации СС. К воплощению в жизнь некоторых из этих проектов успели приступить. Так, весной 1944 года, когда немецкие армии уже были изгнаны за Днепр, верховное командование приказало депортировать в Германию тысячи украинских и белорусских детей; одним ударом оно стремилось достичь сразу несколько целей, а именно:

"1. Группа армий "Центр" имеет намерение

собрать на территориях, находящихся под ее контролем, и направить в Рейх от сорока до пятидесяти тысяч детей в возрасте от 10 до 14 лет. Эта мера принимается по предложению IX армии. Она должна опираться на мощную пропаганду и иметь следующий девиз: меры помощи со стороны Рейха белорусским детям, защита от партизанских банд. В пятикилометровой зоне эта акция уже началась... Эта акция предназначена не только для сдерживания непосредственного роста мощи противника, но и для того, чтобы таким образом подорвать в отдаленном будущем его биологический потенциал. Эту точку зрения разделяют рейхсфюрер СС и фюрер. Соответствующие приказы были даны в южном секторе во время отступления в прошлом году.

2. Аналогичная акция предпринимается в настоящее время в районе, контролируемом группой армий "Северная Украина" (генерал-фельдмаршал Модель); в секторе Галиция, имеющем особые привилегии в политическом плане, были приняты меры, чтобы направить 135 000 человек в трудовые батальоны, тогда как моло-

дежь старше 17 лет будет направлена в дивизии СС, а за не достигших 17 лет возьмут ответственность вспомогательные части СС. Эта акция уже проводится в течение нескольких недель и до сих пор не вызвала никаких беспорядков".

Главный эксперт министерства оккупированных территорий доктор Альфред Ветцель разработал в ноябре 1939 года сразу после завоевания Польши долгосрочную программу:

"В отношении обращения с населением—имеются в виду поляки—следует всегда исходить из принципа, что все административные и законодательные меры имеют целью только германизацию ненемецкого населения всеми способами и как можно скорее. По этой причине в Польше должна быть абсолютно исключена самостоятельная народная культурная жизнь. Польские корпорации, общества и клубы должны быть закрыты. Польские рестораны и кафе, являющиеся центрами национальной польской жизни, должны быть закрыты. Полякам будет разрешено посещать только немецкие театры и кинотеатры; что касается польских театров и кинотеатров, то

они будут закрыты. Не будет никакой польской прессы, не выйдет в свет ни одна польская книга, ни один журнал. По той же причине полякам будет запрещено иметь радио или патефоны".

Что касается населения Советского Союза, то в августе 1942 года доктор Ветцель рекомендовал еще более радикальные меры:

"Делом первостепенной важности является сохранение на русских землях лишь населения, состоящего по большей части из массы, относящейся к примитивному европеоидному типу. Оно не сможет оказать заметного сопротивления немецкому населению. Эта тупая и инертная масса нуждается в энергичном руководстве, как это хорошо видно из многовековой истории этого региона. Если правящим немецким слоям удастся в будущем сохранить необходимую дистанцию по отношению к этому населению, если через посредство незаконных рождений немецкая кровь не проникнет в него, можно будет поддерживать немецкое господство в указанном регионе в течение длительного времени, разумеется, при условии ограничения биологических сил, ко-

которые постоянно ведут к численному росту этой примитивной массы".

Другие эксперты и видные деятели, в частности, министр юстиции Отто Тирак, предусматривали простое и полное уничтожение поляков и русских за исключением людей с "выраженным германским типом". Эта задача, с учетом необходимости предварительных антропологических селекции, должна была стать основной целью "Управления расы и колонизации СС".

Не только одни славяне должны были стать жертвами нацистского геноцида. В случае англичан планы высшего немецкого командования предусматривали депортацию на континент после завоевания британских островов всего мужского населения в возрасте от 17 до 45 лет. Весной 1941 года непримиримое отношение голландского народа вынудило Гитлера рассмотреть вопрос о его эвакуации на восток, и похоже, что лишь возрастающие трудности кампании в России зимой 1941-1942 годов вынудили его отказаться от этого плана. Что касается Франции, авторы нацистских планов предусматривали со-

здание двух "протекторатов"—Бургундии и Бретани, с тем чтобы свести древний "шестиугольник" (L' Hexagon (шестиугольник)— Франция в ее европейских границах. (Прим. ред.)) к "Галлии", широкой полосе, стиснутой со всех сторон; в интимном кругу Гитлер говорил о "границах XV века".

Это означает, что фюрера и его обожателей никогда не оставляла наследственная подозрительность и ненависть к принципам Французской революции 1789 года, даже если по тактическим соображениям или потому что они находились под гипнозом "биологического потенциала" восточных народов, этот вопрос в их глазах не имел первостепенной срочности.

Тщательно разработанные планы со всеми необходимыми статистическими выкладками предусматривали мельчайшие детали: при их чтении воображение поражает даже не столько их масштаб, сколько память о том, что их авторы, и они это доказали, были наделены способностью выполнять свои самые безумные обещания, вдыхать жизнь в свои самые бредовые мечты. . .

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБ ОБЩЕМ ЧИСЛЕ

ЖЕРТВ СРЕДИ ЕВРЕЕВ

В подавляющем большинстве публикаций, посвященных второй мировой войне, когда речь заходит о расовых преследованиях, указывают цифру в шесть миллионов евреев, уничтоженных нацистами. Однако эта общая цифра обычно приводится без доказательств и статистических данных. Каково же ее происхождение, и насколько можно ей верить?

Я не боюсь ошибиться, утверждая, что международный трибунал, судивший главных военных преступников ("Нюрнбергский процесс", 1945-1946), явился источником этой цифры и способствовал ее широкому распространению. В самом деле, на 266 странице приговора ("Procès des grands criminels de guerre" devant le Tribunal militaire international, édition officielle en langue française. t. I, p. 266.) имеется следующая фраза: "Адольф Эйхман, на которого Гитлер возложил программу уничтожения, считает, что эта политика привела к смерти шести миллионов евреев, из которых четыре миллиона погибли в концентрационных лагерях". Обратившись к протоколам судебных заседаний, можно констатиро-

вать, что трибунал основывался на двух свидетельствах, полученных из вторых рук, а именно эсэсовцев Вильгельма Геттля и Дитера Вислицени. Что же касается самого Эйхмана, чьи следы были обнаружены лишь в 1957 году, то во время процесса над ним в Иерусалиме (1960-1961 гг.) он говорил то о пяти, то о шести миллионах.

Хроме того имеется статистическое исследование, проливающее некоторый дополнительный свет на эту проблему. В марте 1943 года Гиммлер обратился к "главе статистической инспекции" Третьего рейха Коргерру и запросил у него доклад об "окончательном решении еврейского вопроса". В характерной манере он приказал ему не говорить о "специальных мерах", но пользоваться термином "эвакуация". В своем докладе, законченном 17 апреля, Коргерр привел данные на 1 января 1943 года.

В заключительной части доклада он подводил итог в следующих выражениях:

"Итоговый отчет о европейском иудаизме,— Сокращение еврейства в Европе уже достигло четырех миллионов голов. Крупные колонии [ев-

реев] не должны больше существовать на континенте (помимо России с примерно четырьмя миллионами евреев), за исключением Венгрии (750 000), Румынии (300 000) и также, возможно, Франции. Если к тому же принять во внимание еврейскую эмиграцию и повышение уровня смертности, а также, с другой стороны, неизбежные ошибки, вызванные перемещением еврейского населения, можно оценить уменьшение еврейского населения в Европе между 1937 и 1943 годами в четыре с половиной миллиона человек. Эта цифра лишь частично включает гибель евреев на оккупированных восточных территориях, в то время как смертность на остальной части России и во фронтовой зоне здесь совершенно не учитывается".

Итак, согласно немецкой статистике того времени "сокращение еврейства в Европе" уже достигло четырех миллионов человек на 1 января 1943 года. При этом во внимание не принимались ни "эмиграция и повышение уровня смертности", ни (что особенно существенно) "смертность в остальной части России и во фронто-

вой зоне". К этому времени венгерские евреи еще не были затронуты, тогда как по официальным немецким документам четыреста тридцать тысяч венгерских евреев были депортированы в Освенцим в апреле-июле 1944 года. Кроме того еще существовали крупные гетто и трудовые лагеря в Польше и балтийских странах—по данным Коргерра число еще живых евреев на территории "польского генерал-губернаторства" оценивалось в двести девяносто семь тысяч человек; и вся западная Европа от Норвегии до Италии также оставалась зоной охоты на евреев вплоть до последних месяцев 1944 года.

На основании данных только одного этого документа можно со значительной долей уверенности утверждать, что число уничтоженных евреев составляло от пяти до семи миллионов. Эта оценка включает только погибших насильственной смертью или от голода и совершенно не учитывает "демографическое сокращение", которое имело место между 1939 и 1945 годами вследствие падения уровня рождаемости вплоть до практически почти полного ее прекращения,

а также тотального уничтожения депортированных детей, поскольку только достаточно взрослые люди имели хоть какие-то шансы на выживание в лагерях смерти.

Поэтому разумным и законным является вывод, что вследствие так называемой расовой политики Третьего рейха "реальные потери" еврейского народа между 1939 и 1945 годами составляют порядка восьми миллионов человек. Мне остается указать еще два источника для оценки, менее надежных, чем предыдущий, но данные которых дают одинаковую цифру в шесть миллионов человек.

Один из этих источников заключается в суммировании данных по лагерям смерти. Что касается польских лагерей, то "Польская комиссия по военным преступлениям", проводившая расследование в 1945-1946 годах и допрашивавшая среди прочих свидетелей железнодорожников с маршрутов, ведущих в лагеря, пришла к следующим цифрам:

Хелмно 250000

Белжед 600000

Собибор 300000

Треблинка 700000

Общее число 1 850 000

Относительно Освенцима Рудольф Гесс в своих показаниях на процессе главных военных преступников сообщил следующие цифры—два с половиной миллиона депортированных, погибших в газовых камерах, и полмиллиона умерших от голода и болезней. Разные авторы критиковали эту оценку; следует учесть, что если не первая, то по крайней мере вторая цифра включала значительную долю неевреев, прежде всего русских и поляков. Поэтому остановимся в том, что касается евреев, на цифре в два миллиона с риском чрезмерной перестраховки.

Что же касается уничтожении "под открытым небом" на советских территориях, то особые части ("Einsatzgruppen"), занимавшиеся уничтожением, посылали в ведомство Гиммлера еженедельные отчеты, содержавшие статистические таблицы. Лишь часть этих отчетов была обна-

ружена. Эта часть позволила американским следователям на Нюрнбергском процессе прийти к заключению, что общее число жертв заведомо превышало один миллион, тогда как Эй-хман говорил своим друзьям из СС о двух миллионах.

В результате получается общее число в пять миллионов триста пятьдесят тысяч без учета гибели от голода и болезней в польских гетто и в трудовых лагерях, разбросанных по всей Европе. В частности, можно отметить, что я не включил в эту статистику лагерь Майданек, который "Польская комиссия по военным преступлениям" не включила в число лагерей смерти в прямом смысле слова. Мы уже говорили, что число погибших в этом лагере евреев оценивается в сто двадцать пять тысяч.

Второй метод, используемый специалистами по еврейской демографии, состоит в сравнении данных о еврейском населении различных европейских стран до и после войны. Именно таким путем в 1949 году "Всемирный еврейский конгресс" пришел к той же цифре в шесть миллионов человек.

Отсюда следует, что при невозможности подвести точные статистические итоги в конце концов нельзя не признать эту цифру как наиболее вероятную, даже если ее составляющие и могут вызывать сомнения.

Важно добавить, что статистика смертей, вызванных большими военными конфликтами, в целом характеризуется некоторыми значительными особенностями. Что касается второй мировой войны и только военных потерь, можно процитировать два примера из недавнего исследования Жан-Клода Шене, которое я получил от Национального института статистических исследований (Я хочу выразить свою особую благодарность руководителю службы информации этого института г-ну Мишелю Леви.). Шене пишет, что оценки потерь Советского Союза "у разных авторов колеблются от семи до одиннадцати миллионов". При этом одни имеют в виду только "убитых в прямом смысле слова", тогда как другие добавляют и "погибших от ран и умерших в плену". Эту последнюю цифру установить столь же трудно, как и "гражданские" еврейские

потери, поскольку отсутствуют точные данные о числе репатриированных советских военнопленных. Что касается Германии, то оценки ее потерь колеблются от трех миллионов восьмисот тысяч до четырех миллионов пятисот тысяч по причине того, что одни авторы включают лишь немецких военнослужащих в точном смысле слова, тогда как другие добавляют и военнослужащих австрийского происхождения.

Факторы такого рода серьезно затрудняют окончательный подсчет еврейских жертв, особенно по отдельным странам. Следует также вспомнить об аннексиях, уступках и возвращении обширных территорий, особенно между Германией, Польшей и Россией, но также Россией, Румынией и Венгрией.

С учетом всех этих изменений границ и других специфических трудностей американский историк Джекоб Робинсон опубликовал в 1970 году следующую таблицу:

Польско-советские территории 4 565 000

Германия 125 000

Австрия 65 000

Чехословакия (в домюнхенских границах) 277
000

Венгрия (включая Трансильванию) 402 000

Франция 83 000

Бельгия 24 000

Люксембург 700

Италия 7 500

Нидерланды 106 000

Норвегия 760

Румыния (кроме Трансильвании, Буковины и
Бессарабии) 40 000

Югославия 60 000

Греция 65 000

Общие потери 5 820 9602

См. "Encyclopaedia Judaica", vol. VIII, статья
"Holocaust", с. 890. Можно отметить отсутствие
в таблице Робинсона Болгарии и Дании. Дело
в том, что были депортированы только грече-
ские евреи, проживавшие на небольшой терри-
тории, находившейся в 1941-1944 годах под вла-
стью Болгарии, в соответствии с упоминав шейся

германо-болгарской договоренностью, о которой речь шла выше. Что касается Дании, то несколько сот евреев, которых удалось схватить службам Эйхмана, были депортированы в привилегированный лагерь Терезиенштадт и избежали газовой камеры.

В восьмидесятих годах во Франции и Германии появились так называемые "ревизионистские" историки, придерживавшиеся различных подходов: французы просто полностью отрицали существование газовых камер, тогда как немцы пытались возложить на Сталина ответственность за нацистские преступления и иногда находили поддержку у французов (Так, профессор Жорж-Франсуа Дрейфус из Страсбургского университета писал в январе 1988 года: "Что касается идеи окончательного решения, то она появилась лишь во второй половине 1941 года, т. е. после того как в руки немцев попал смоленский архив. Они обнаружили, что СССР уничтожал своих врагов сотнями тысяч, при том, что никто в мире ничего не говорил об этом". ("La

Prsse fransaise", 8 января 1988 г., стр. 3).). Для противодействия подобному подходу в декабре 1987 года в Париже был организован коллоквиум на тему "Нацистская политика массового уничтожения" (См. материалы этого коллоквиума—"La Polilique nazie d'extermination", Albin Michel, 1989, стр. 23 и 292.). Организатор коллоквиума профессор Франсуа Бедарида, оценивая общее число жертв, предложил вилку от 4,2 миллиона человек согласно оценке англичанина Г. Рейтлингера (цифра, которую, по мнению Бедарида, "невозможно принять") до 6 миллионов, указанных мною в 1951 году. Другой участник, профессор М. Р. Маррус, предложил вилку от 5 до 6 миллионов. В области статистики следует придерживаться этих данных.

Что касается ответственности Сталина, то следует принимать во внимание, что Гитлер отдал приказ уничтожать евреев (и коммунистов) в марте 1941 г. (См. H.Krausnick, H.-H. Wilhelm, "Die Tnippen des Wellanschaumigkrieges", Stuttgart, 1984, p. 34-138.), т. е. за три месяца до немецкого вторжения

в Советский Союз, так что этот приказ не имел никакой связи с массовыми захоронениями, которые там были обнаружены впоследствии.

В то же время слишком хорошо известно, что всевозможные фальсификаторы продолжают свою пропагандистскую деятельность, и им удается убедить часть молодого поколения. Тем более что как когда-то писал Геббельс, "чтобы лжи поверили, она должна быть очень большой".

ИСТОРИЯ АНТИСЕМИТИЗМА

= Главная = Изранет = ШОА = История = Иерусалаим = Новости = Традиции = Книжная полка = Музей = Антисемитизм = Материалы по ШОА =

ХРОНОЛОГИЯ АНТИСЕМИТИЗМА

Ист.: Лангхаммер И. Что будет с этим миром?

1. Время до Новой Эры

1492 Исход сынов Израилевых из Египта, фараон погибает со своим войском в

Красном море

1452—Во время 450-летнего времени судей Моавитяне, Мидианитяне, Аммонитяне и

Филистимляне хотят уничтожить Израиль

1052—Саул становится царём над Израилем и

правит 40 лет

1012—Давид, как царь, 40 лет правит над

всем Израилем

1004—Царь Давид захватывает Иерусалим

972—Соломон правит 40 лет над Израилем и

строит храм

932—Во времена царей Египтяне, Сирияне,

Аммонитяне, Моавитяне и Ассирийцы

пытаются уничтожить народ Израильский

722—Северное царство Израиль исчезает, 10

северных колен уводятся в плен

606—Первый увод в Вавилонский плен

597—Второй увод в Вавилонский плен

586—Третий увод в Вавилон, царство Иуды

исчезает, Иерусалим и храм разрушены

536—Вавилон исчезает, Мидо-Персия стано-

вится мировой державой и разрешает

сынам Израилевым возвращение в святую

землю

516—Строится и освящается второй храм

445—Неемия вновь возводит стены Иерусали-

ма

333—Греция под руководством А. Македонского становится мировой державой, в 332 году Израиль попадает под греческое господство

312—Израиль попадает под господство правящей в Египте греческой царской династии Птолемеев

198—Израиль порабощается Селевкидами из Сирии

167—Сирийский царь Антиох Епифаний захватывает Иерусалим и воздвигает в храме мерзость запустения

164—Иуда Маккавейский освобождает Иерусалим и храм вновь освящают (праздник обновления—Иоан. 10,22)

142—Цари Маккавейские 100 лет господствуют над Израилем

63—Римский полководец Помпеи захватывает Иерусалим

40—Эдомлянин-араб Ирод становится царём над Израилем

07 (или 06)—В Вифлееме рождается Иисус

Христос

04—Ирод умирает второго апреля в Иерихоне, его сын Архелай становится царём над Израилем (Мтф.2,22)

2. Время Новой Эры

06 Архелай смещается, Иудея становится Римской провинцией

06-66—Римские ставленники (прокураторы) управляют страной

26-36—Правитель Понтий Пилат господствует в Иудее

18-37—Иосиф Каиафа является первосвященником в Иерусалиме

30/33—Распятие и воскресение Иисуса Христа, сошествие Святого Духа и основание Церкви

66-73 -Восстание Иудеев против римлян (Иудейская война); римляне убивают более 1,1 млн. евреев

70—Римляне разрушают Иерусалим, уничтожают храм и убивают 600 000 евреев

73—После трёхлетней осады римляне захватывают крепость Массаду, при этом 960

евреев совершают самоубийство

132—Во время восстания Бар-Кохбы, длящегося три года, римляне убивают более

500 000 евреев

135—Царь Адриан превращает Иерусалим в языческий город и называет его “Аэлия

Капитолина”

135—Римляне господствуют в святой земле до 326 года

326—Под влиянием византийцев Иерусалим становится до 638 года христианским

городом и Израиль—христианской страной

614—Вследствие нашествия персов все церкви и монастыри в святой земле

разрушаются

638—Арабы под руководством Халифа Омара захватывают святую землю

687—За четырёхлетнее время строительства на площади храма появляется мечеть

Омара

711—За четыре года на площади храма в Иерусалиме сооружается мечеть Аль-Акса

750—Мусульманские Аббасиды из Багдада

захватывают Иерусалим и господствуют в
святой земле

996—Фатимиды господствуют до 1071 года
над Иерусалимом

1071 -Сельджуки до 1099 года владычествуют
над святой землёй

3.—Эпоха крестовых походов

1095—Папа Урбан II призывает 27 ноября в
Клермонте, в Южной Франции, к первому
крестовому походу, вследствие чего начинае-
тся преследование евреев,

продолжавшееся столетия

1099—Крестоносцы убивают при наступлении
на Иерусалим более 100 000 евреев и
мусульман. Во время захвата Иерусалима (15
июля) они убивают 65 000 евреев и
мусульман

1099—Готфрид Бульонский становится храни-
телем святой могилы

1100—Крестоносцы жестоко убивают всех ев-
реев в Хайфе

1101—Балдуин I Бульонский становится ца-
рём в Иерусалиме

1118—Балдуин II Лебуржский господствует в Иерусалиме

1131—Фуль Анжуйский начинает господствовать в Иерусалиме

1143—Балдуин III становится царём в Иерусалиме

1147—Начинается второй крестовый поход; убиты многие евреи

1162—Амальрик Лебуржский становится царём в Иерусалиме

1174—Балдуин IV начинает господство в Иерусалиме

1187—Курдский султан Саладин уничтожает войско крестоносцев во время битвы у вулканов Хиттима ("Рога Хиттима") в Галилее

1187—Второго октября Саладин захватывает Иерусалим и на этом заканчивается 88-летнее господство французских крестоносцев

1189—Третьим крестовым походом европейцы под предводительством царя Барбароссы пытаются отвоевать Иерусалим

1202—В четвёртом крестовом походе участву-

ют только дети

1228—Пятый крестовый поход организовывается царём Фридрихом II

1241—Крестоносцы вновь отвоевывают Иерусалим

1244—Мусульмане окончательно захватывают Иерусалим

1248—Шестой крестовый поход возглавляет король Франции Людовик IX

1260—Предводитель мамлюков Бейбарс захватывает святую землю

1291—Мамлюки окончательно изгоняют крестоносцев

1291 -До 1517 года мамлюки господствуют в святой земле

4.—Время средневековья

1400—Монголы под предводительством Тамерлана опустошают святую землю

1517—Турецкий султан Селим I захватывает Иерусалим

1517—Турки господствуют до 1917 года над святой землёй

1537—Турецкий султан Сулейман Великолеп-

ный даёт указ строительства (ещё
сегодня видимой) стены Иерусалима
1799—Наполеон хочет завоевать святую зем-
лю, безрезультатно окружает Акко и
воюет около Мегиддо с турками
1832—Кедифе из Египта покоряет Палестину
1840—Турки зовут на помощь европейские
державы, которые освобождают святую
землю
1846—Мусульмане после 700 лет разрешают
строительство первой церкви—“Церковь
Христа” в Иерусалиме
1860—Сэр Моисей Монтефиори начинает де-
ло еврейского восстановления
1882—Строятся первые еврейские поселения
в Палестине
1894—Процесс Дрейфуса потрясает всех ев-
реев Европы
1894—Теодор Герцль публикует свою книгу
“Государство евреев”
1896—Теодор Герцль созывает I Конгресс си-
онистов в Базеле
1898—Кайзер Вильгельм II посещает святую

землю для освящения немецкой Церкви

Искупителя в Иерусалиме

1917—Второго ноября английское правительство публикует Декларацию

Бальфура, согласно которой вся Палестина заверяется еврейскому народу как родина

1917—Девятого декабря англичане входят в Иерусалим; этим закончилось 400-летнее турецкое господство

1918—Английские войска захватывают всю святую землю

1922—Лига Наций (сегодняшняя ООН) передаёт Англии мандат правления Палестиной, сроки которого заканчиваются 15 мая 1948 года

1947—29 ноября ООН принимает решение о разделе Палестины

1948—14 мая Давид Бен-Гурион в городском музее Тель-Авива провозглашает демократическое государство Израиль

1967—В 6-дневной войне Израильтяне захватывают всю библейскую страну;

Иерусалим становится неделимой столицей

Израиля

5.—Итог ужаса и уничтожения

1017—Папа Бенедикт VIII велит в Риме обезглавить евреев

1020—Папа Бенедикт VIII велит в Риме сжечь евреев

1066—Евреи зверски умерщвляются в Испании

1095—Папа Урбан II призывает 27 ноября в Клермоне (Южная Франция) к первому крестовому походу, в результате чего начинается преследование евреев, продолжавшееся столетия

1096—К началу первого крестового похода под предводительством графа фон

Лейнигена в Вормсе, Гельдерне, Керпене, Везеле, Нойсе, Моэрсе, Гrefенбройхе,

Ксантене, Бонне, Кёльне, Алтенаре, Майнце, Шпайере, Трире и в других рейнских городах убиты более 12 000 евреев

1096—Крестоносцы вырезают всех евреев в Праге

1171—Сжигаются все евреи в Блуа/Франция

- 1179—Папа Иннокентий III добивается на Латеранском консилиуме того, чтобы евреи проживали в собственных кварталах (гетто)
- 1189—К началу третьего крестового похода жестоко умерщвляются евреи во многих городах Англии
- 1194—В Нойсе/Рейнланд уничтожена еврейская семья: мать заживо погребена, дядя — колесован
- 1209—Убиты все евреи в Безье/Франция
- 1215—Папа Иннокентий III добивается на 4-ом Латеранском консилиуме того, чтобы евреи носили единую одежду (еврейская звезда)
- 1221—Уничтожен еврейский квартал в Эрфурте, все евреи убиты
- 1241—Гетто во Франкфурте разграблено, убито 200 евреев
- 1247—Все евреи в Валреа/Франция уничтожены
- 1265—Все евреи в Зинциге на Рейне уничтожены

- 1270—Все евреи в Вайсенбурге/Бавария казнены
- 1278—300 еврейских вождей из всей Англии повешены
- 1283—Резня евреев в Кройцнахе, Майнце и Меллрихштадте
- 1285—Все евреи в Мюнхенской синагоге сжигаются
- 1287—Резня евреев в Везеле, Боппарде, Коберне, Кирне/Рейнланд-Пфальц, Ланштайне, Браубахе/Рейн и Мюнстермайфельде
- 1288—В Бонне убиты 104 еврея
- 1289—13 евреев сожжены в Труа/Франция
- 1290—Изгнание всех евреев из Англии Эдвардом I
- 1298—Вследствие гонения рыцаря Риндфлейша полностью уничтожаются 146 еврейских общин в Южной Германии и Австрии. Убито более 20 000 евреев. Главные места побоищ: Нюрнберг, Бамберг, Рёттинген, Берхинг, Краутхайм, Мосбах, Оксенфурт, Вюрцбург, Виндсхайм, Ротенбург/Таубер,

Нойштадт/Бавария, Таубербишофсхайм,
Хайльбронн, Зиндельфинген и др.

1306—Ссылка всех евреев Франции Филиппом II

1321—5 000 евреев убиты в Южной Франции;
все евреи общины Шинон сожжены

1328—5 000 евреев зарезаны в Наварре/Франция

1332—400 евреев сожжены в Уберлингене/оз.
Боденское

1337—Умерщвление евреев в Деггендорфе/Бавария

1348—Миллион евреев жестоко убиты в Европе (Испания, Франция и т.д.) как

мнимые виновники чумы. Уничтожены еврейские общины в Линдау/оз. Боденское, Хорбе/Неккар,

Эслингене, Ройтлингене, Аугсбурге, Колмаре, Нюрнберге

1349—Преследование евреев из-за чумы переносится в Броцлав, Вецлар, Майнц,

Кёльн, Радольфцелль, Вюрцбург, Фридрихсхафен, Франкфурт-на-Майне, Дрезден,

Фульду, Равенсбург, Констанц, Шпайер, Ульм, Фрайбург, Штрасбург и на швейцарские города: Винтертур, Дисенхофен, Шаффхаузен, Тургау, Цюрих, Баден, Рейнфельден, Санкт-Галлен, Базель и Эмменталь/Берн
1349—2 000 евреев публично сжигаются в Штрасбурге

1355—Папа Бенедикт XII приказывает разрушить Пражскую синагогу

1391—5 000 еврейских семей уничтожены в Севилье/Испания; разрушены 23 синагоги

1391—20 000 евреев сожжены на костре к началу жестоких преследований евреев в Испании

1391—200 евреев сжигаются в Енце/Дунай

1404—Сожжены все евреи в Зальцбурге/Австрия

1421—212 евреев (мужчины и женщины) сожжены в Вене

1478—Официальное начало инквизиции в Испании

1483—30 000 евреев открыто сжигаются католической инквизицией во многих местах

Испании

1492—Фердинанд II Арагонский и Изабелла I

Кастильская изгоняют всех евреев из

Испании

1494—Тысячи и тысячи еврейских женщин

вследствие “ведьмовой буллы” папы

подозреваются ведьмами и во многих местах

Европы жестоко убиваются

1496—По декрету кайзера Максимилиана I из-

гоняются все евреи из Австрии

1497—Изгоняются все евреи из Португалии

1501—Многие евреи сожжены в

Толедо/Испания

1504—В Москве сжигают всех ведущих евреев

1506—2 000 евреев убивают в

Лиссабоне/Португалия

1510—38 евреев подвергают пыткам в Бер-

лине и сжигают

1574—897 евреев открыто сжигают в Мексике

1614—Полностью уничтожается еврейский

квартал во Франкфурте

1648—12 000 евреев убиты казаками Богдана

Хмельницкого в России и на Украине

1648—400 000 евреев в результате ужасной резни уничтожены казаками в Польше

1650—200 000 евреев снова казаками в России вырезаны и искоренены

1670—4 000 евреев изгоняются Леопольдом I из Вены

1670—Все евреи выдворяются из Мена/Франция

1679 -До 1692 года в Пальме на Мальорке через суды, названные "Аутодафе",

сжигаются многие тысячи евреев

1680 86 евреев публично сжигаются на кострах в Мадриде/Испания (Аутодафе)

1704—До 1769 года в Португалии убиты тысячи евреев (Аутодафе)

1728—Выселение евреев из Лемберга (Львова) Галиция

1734—20 000 евреев убиты и зарезаны казацкими гайдамаками в Польше

1818—Убито много евреев в Вюрцбурге, оставшиеся 400 изгнаны. При этом снова

выкрикивалось ужасное:

"Хеп! Хеп!" (Hierosolyma est perdita -Иерусалим

потерян)

1821—В Одессе начинается первый кровавый погром, который переносится на многие другие города России и Украины. При этом до начала Первой мировой войны погибают более 100 000 евреев

1826—Последние казни через инквизицию в Испании

1840—Еврейские предводители ложно обвиняются и подвергаются пытке в Дамаске, вследствие чего некоторые умирают

1858—Тысячи и тысячи евреев вследствие всё повторяющихся погромов убиты в России

1859—До 1871 года повторяются погромы в Одессе

1864—В Марокко свирепствуют жестокие преследования евреев

1867—В Румынии начинаются бурные преследования евреев

1881—В Киеве/Украина убиты 792 еврея

1881—Ужасный погром в Елизаветграде и в 1882 году—в Балте

1883—Ужасный погром в Ростове-на-Дону
(Южная Россия)

1891—Евреев Москвы изгоняют и отправляют
в ссылки

1892—20 евреев убиты в Лодзи/Польша

1903—Ужасный погром в Гомеле и Кишинё-
ве/Молдавия

1905—Ужасные погромы в 700 городах Рос-
сии и Украины через “Чёрную сотню”:

Кривой Рог, Курск, Чернигов, Томск, Сара-
тов, Керчь, Житомир, Брест-Литовск,

Седльце/Польша, Лодзь/Польша, Бело-
сток/Польша, Страшены, Киев, Одесса, Минск,

Семёновка, Байрамка, Репки, Чигирин, Ста-
родуб, Калараш, Речица, Александровск,

Мариуполь, Юзовка, Умань, Богополь, Голта,
Оливиополь, Каменское

1917—До 1921 года убиты более 30 000 еврей-
ских мужчин, женщин и детей

вследствие непрекращающихся погромов в
более 1 200 местах России и Украины

1917—В Калуше/Галиция русские совершают
ужасные злодеяния, насилуют еврейских

и польских женщин и четвертую девушек
1919—1 500 евреев убиты во время погромов
в Проскурове

1919—До 1921 года украинская национальная
армия совершает более 100 погромов,

при которых убиты много тысяч евреев

1922—Немецкий министр иностранных дел
Вальтер Ратенау застрелен националистами
в Берлине, потому что был евреем

1929—Арабами в Хевроне/Палестина все
евреи жестоко убиты или изгнаны

1933—До 1945 года почти во всех европейских
странах уничтожено нацистским

режимом 6,25 млн. евреев, из них 1,5 млн.
детей до 14 лет:

Польша 3 000 000 СССР 1 500 000

Венгрия 400 000 Чехословакия 300 000

Румыния 275 000 Германия 170 000 Литва 135
000

Нидерланды 106 000

Франция 90 000 Латвия 85 000 Австрия 70
000 Греция 65 000

Югославия 60 000 Бельгия 40 000 Италия 15

000 Болгария 7 000

Люксембург 3 000 Эстония 1000 Норвегия 900
Дания 50

1936—До 1939 года почти 500 еврейских мужчин, женщин и детей гибнут в

результате арабских беспорядков в Палестине

1941—Арабский верховный муфтий из Иерусалима, Амин эль-Хуссейни, посещает

Гитлера в Берлине и призывает его к уничтожению еврейского дела восстановления в

Палестине

1945—До 1948 года много погибших в результате арабских нападений и потоплений

негодных к мореплаванию кораблей с еврейскими переселенцами на борту

1945—До 1953 года многих евреев в Чехословакии вместе с побеждёнными немцами

подвергают пыткам в лагерях и убивают, потому что являются немецкоговорящими

1948—Более 6 000 убитых и 9 000 раненых в освободительной войне против пяти

арабских армий

1956—170 убитых и 700 раненых в Суэцкой

войне

1967—800 убитых и 2 600 раненых в Шестидневной войне

1972—11 израильских спортсменов убиты арабскими террористами во время

Олимпийских игр в Мюнхене

1973—2 650 убитых и 7 500 раненых в Йом-Киппуровской войне

1982—574 убитых и 2 780 раненых в Ливанском походе

1986—21 убитый турецкими террористами во время субботнего богослужения в синагоге в Истанбуле (Стамбул)

1991—Двое убитых в результате ракетных нападений и 72 погибших вследствие других военных воздействий во время войны в Персидском заливе

1995—С 1948 года 18 250 мужчин и женщин (солдат) погибло в войнах, о них и о

61 315 инвалидах войны горюют в 24 735 семьях

1995—С 1948 года арабскими террористами Арафата в Израиле убито более 2 185

мужчин, женщин и детей—евреев. В результате террора Арафата во всём мире убито

75 израильских дипломатов. С момента подписания мирного соглашения в Осло 13

сентября 1993 года палестинцы убили более 300 израильских мужчин, женщин и детей.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

10.01.2009

PDF Generation

Generated on *14 января 2009 г.* by **fb2pdf** version
3.14

<http://www.fb2pdf.com/>